3 1761 08114622 7

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/p11russkaiamy35mosk

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

НОЯБРЬ

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ
1914

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Вячеслава Иванова** 1

II. НА ГОРѢ И ПОДЪ ГОРОЙ. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Часть первая. Главы XII—XVIII.—**В. А. Мартовскаго**. *Продолженіе* 3

III. ЖЮЛИ ДЕ ЛЕСПИНАССЪ. **Маркиза де Сегюръ**. (*Marquis de Ségur*. Julie de Lespinasse). Съ французскаго. — Перев. **Л. П. Гончаровой**. *Продолженіе* 33

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ѳедора Сологуба** 68

V. НА БѢЛОЙ ЛОШАДИ. Разсказъ.—**В. В. Брусянина** 69

VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Н. В. Недоброво** 89

VII. АМПРАНЪ. Гурійская легенда.—**В. А. М—вой** 91

VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**В. Малахіевой-Мировичъ** 105

IX. АРЕТЭ. Разсказъ **Макса Гохдорфа**.—Перев. **З. Н. Журавской** 107

X. ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.—**Любови Гуревичъ**. *Окончаніе* 143

XI. АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ. (Къ пятидесятилѣтію смерти). I. Основатель новой критики. **Леонида Гроссмана**.—II. Аполлонъ Григорьевъ и театръ.—**Н. Н. Долгова** 1

XII. ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И НЕЙТРАЛЬНАЯ ШВЕЦІЯ. — **А. Мірского** 31

XIII. ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ. XXIX глава „Мемуаровъ“ (Gedanken und Erinnerungen) князя Бисмарка.—Пер. **Я. М. Букшпана** 37

XIV. ИТАЛІЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.—**В. Н. Рихтера** 59

XV. ДРУЗЬЯ И ГОСТИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ. Шведъ Абраамъ фонъ-Бунде.—**Т. Л. Сухотиной-Толстой** 74

XVI. КЪ ИСТОРІИ РУССКО-ГЕРМАНСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.—**Евг. Тарле** 83

XVII. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. I. Письма Н. Г. Чернышевскаго къ В. М. Лаврову. II. Мысли о войнѣ и смерти сто лѣтъ тому назадъ. 94

XVIII. БАЛКАНСКІЯ НАСТРОЕНІЯ.—**Влад. Викторова-Топорова** 108

XIX. ФИНАНСОВАЯ МОБИЛИЗАЦІЯ.—**Л. Н. Яснопольскаго** 127

XX. РОССІЯ И БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ.—**С. А. Котляревскаго** 153

XXI. СУДЪ ИСТОРІИ.—**Петра Струве**. *Продолженіе* 158

XXII. КНИЖНЫЯ НОВОСТИ 169

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

Открыта подписка на 1915 годъ

и продолжается подписка на 1914 годъ

на ежемѣсячный литературно-политическій журналъ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Редакторъ-издатель **П. Б. Струве.**

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по тому же плану и при участіи тѣхъ же литературныхъ силъ, что и въ предшествующіе годы.

Кромѣ беллетристическихъ произведеній, стихотвореній, литературныхъ, научныхъ и публицистическихъ статей, въ журналѣ постоянно печатаются слѣдующіе отдѣлы:

1. **Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.**
2. **Въ Россіи и за границей.** (Обзоры и замѣтки.) Отдѣлъ этотъ распадается на слѣдующія рубрики:

I. Политика, общественная жизнь и хозяйство. II. Литература и искусство. III. Философское движеніе. IV. Историческая наука. V. Правовѣдѣніе. VI. Религія и церковь. VII. Школа и воспитаніе. VIII. Естествознаніе. IX. Военное и морское дѣло. X. Некрологъ.

3. **Критическое Обозрѣніе** (Библіографическій отдѣлъ). Къ Критическому Обозрѣнію прилагается **расположенный въ систематическомъ порядкѣ списокъ всѣхъ выходящихъ на русскомъ языкѣ книгъ.**

Постоянное участіе въ „Русской Мысли" принимаютъ слѣдующія лица:

В. Я. Брюсовъ, В. И. Вернадскій, В. Ѳ. Гефдингъ, Л. Я. Гуревичъ, А. С. Изгоевъ, А. А. Кизеветтеръ, А. А. Корниловъ, С. А. Котляревскій, В. А. Маклаковъ, П. И. Новгородцевъ, Н. Нордовъ, А. М. Обуховъ, А. М. Рыкачевъ, кн. Евг. Н. Трубецкой, С. Л. Франкъ и В. К. Шмидтъ.

Въ ближайшіе мѣсяцы настоящаго и наступающаго года **„Русская Мысль" удѣлитъ особенное вниманіе вопросамъ, связаннымъ съ войной. Въ рядѣ статей будетъ данъ самый разнообразный матеріалъ для историческаго и политическаго пониманія великихъ событій нашихъ дней.**

Условія подписки:

Съ дост. и перес.	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.
въ Россіи . . .	**15** р.	**11** р. **25** к.	**7** р. **50** к.	**3** р. **75** к.
За границу . . .	**17** „	**12** „ **25** „	**8** „ **50** „	**4** „ **25** „

На одинъ мѣсяцъ для иногородн. внутри Россіи . **1** р. **25** к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ продажѣ **1** р. **50** к.

Принимается подписка и производится розничная продажа №№ журнала въ **Петроградѣ**, въ главной конторѣ журнала: **Нюстадская, д. 6** (близъ Финляндскаго вокзала); въ Москвѣ въ отдѣленіи конторы: Сивцевъ-Вражекъ, д. 20, кв. 3, а также у всѣхъ крупныхъ книгопродавцевъ обѣихъ столицъ (у П. П. Карбасникова, Петроградъ, Гостиный дворъ и Москва, на Моховой) и большихъ провинціальныхъ городовъ.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ".

Петроградъ, Нюстадская, 6.

РЕЛИГІЯ И ФИЛОСОФІЯ.

А. БЕРГСОНЪ. Время и свобода воли. (Essai sur les données immédiates de conscience.) Съ приложеніемъ трактата того же автора **„Введеніе въ метафизику".** Перев. *С. Гессена* и *М. Грюнвальдъ.* Стр. 238. Цѣна **1** р. **50** к.

А. БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Авторизованный переводъ съ французскаго В. Флеровой. Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332. Цѣна **1** р. **75** к.

В. ДЖЕМСЪ. Многообразіе религіознаго опыта. Перев. *В. Г. Малахіевой-Мировичъ* и *М. В. Шикъ.* Подъ ред. *С. В. Лурье.* Стр. 518. Цѣна **2** р. **50** к.

Ф. ШЛЕЙЕРМАХЕРЪ. Рѣчи о религіи. Къ образованнымъ людямъ ее презирающимъ. Монологи. Перев. съ нѣмецк. *С. Л. Франка.* Съ двумя портретами автора и вступительной статьей переводчика. Томъ въ 450 стр. Цѣна **2** р. **50** к.

Эд. ЦЕЛЛЕРЪ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *С. Л. Франка.* Стр. 256. Цѣна **1** р. **80** к.

ИСТОРІЯ И ПОЛИТИКА.

В. Я. БОГУЧАРСКІЙ. Изъ исторіи политической борьбы въ 70—80 гг. XIX в. Партія „Народной Воли", ея происхожденіе, судьбы и гибель. Стр. 472. Цѣна **3** рубля.

А. С. ИЗГОЕВЪ. Русское общество и революція. Стр. 273. Цѣна **1** р.

Сборникъ статей, характеризующихъ политическое положеніе „обновленной" Россіи. Статьи „Замаскированное самоубійство" и „Политическая провокація" посвящены террору и провокаціи.

А. А. КОРНИЛОВЪ. Общественное движеніе при Александрѣ II. 1855—1881 гг. Историческіе очерки. Стр. 260. Цѣна **1** р. **25** к., въ переплетѣ **1** р. **50** к. (Изданіе распродано.)

Д-ръ З. ФРЕНКЕЛЬ. Холера и наши города. Стр. 36. Цѣна **15** к.

Д. Н. ЕГОРОВЪ (редакторъ). **Русская литература** по **ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.** Вып. первый (декабрь 1911 г. — декабрь 1912 г.). **Библіографическій обзоръ.** Стр. 55. Цѣна **60** к. (Изданіе распродано.) Вып. второй (декабрь 1912 г.—декабрь 1913 г.) Стр. 56. Цѣна **60** коп.

ЛИТЕРАТУРА И ЭСТЕТИКА.

ЛЮБОВЬ ГУРЕВИЧЪ. Литература и эстетика. Критическіе опыты и этюды. Пушкинъ и Гоголь, Толстой, Лѣсковъ, Чеховъ, Альбовъ, Л. Андреевъ, Брюсовъ, Бунинъ и другіе современники. Стр. 321. Цѣна **1** р. **75** к.

„Книга эта,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—имѣетъ извѣстную цѣльность: критическіе опыты и этюды... связаны между собой общностью нѣкоторыхъ развиваемыхъ въ нихъ мыслей... Я старалась уяснить себѣ основы эстетики".

КОНСТ. ЭРБЕРГЪ. Цѣль творчества. Опыты по теоріи творчества и эстетикѣ. Содержаніе: **Цѣль творчества.** (Часть I. Человѣкъ-творецъ. Часть II. Творческій процессъ въ наукѣ и искуствѣ. Часть III. Пресуществленіе).—**Красота и свобода.—Цвѣты и кристаллы.—Искусство вожатый.—Тишина.—О воздушныхъ мостахъ критики.—Путь и цѣль въ искусствѣ.—Дитя и геній.** Стр. 253. Цѣна **1** р. **75** к.

М. И. ЛИВЕРОВСКАЯ (перевела) **Объ Окассенѣ и Николетъ.** Старофранцузская сказка-пѣснь. Стр. 38. Цѣна 50 коп.

Печатается:

Г. ГЕРКНЕРЪ. Рабочій вопросъ. Авторизованный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія *В. Ф. Гефдинга.*

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Москва, Пименовская ул., соб. д.

ПОСТАВЩИК ДВОРА
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПАБЕЛЪ БУРЕ
С. ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. 23 | МОСКВА КУЗНЕЦКІЙ М.
СОБСТВЕННАЯ ФАБРИКА...
Иллюстрированный прейсъ-курантъ за № 203 высылается безплатно.
СОБСТВЕННАЯ ...ФАБРИКА

Замѣчательный подарокъ для дѣтей и взрослыхъ
всемірно-извѣстные
Якорные каменно-строительные кубики.

Эта игрушка удобна для родителей, не желающихъ затратить значительныхъ средствъ. Можно сначала, затративъ весьма небольшую сумму, купить небольшой ящикъ и постепенно, докупая затѣмъ дополнительные ящики, незамѣтно для своего бюджета, по мѣрѣ роста ребенка имѣть ящикъ съ все болѣе и болѣе сложными кубиками, дающими возможность ребенку строить все новыя и болѣе сложныя сооруженія, благодаря чему интересъ къ игрушкѣ никогда не падаетъ, и она постоянно остается желанной и любимой.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ К высылаемъ безплатно.

ОТДѢЛЕНІЕ И ФАБРИКА
Ф. Ад. РИХТЕРЪ и К°.
С.-Петербургъ, Николаевская улица, № 14. Телефонъ 430-78.

Минеральная вода БОРЖОМЪ
примѣняется съ большимъ успѣхомъ

при спазмахъ желудка, кислой отрыжкѣ, расширеніи желудка, катаррахъ кишекъ, хроническихъ страданіяхъ почекъ, при мочевомъ пескѣ, геморроѣ, нервной слабости, при подагрѣ, сахарной болѣзни и при друг. разстройствахъ обмѣна веществъ.

Боржомъ продается во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магаз.

Подробныя описанія и способъ употребленія безплатно высылаетъ Торговый Домъ „Б. Шаскольскій", С.-Петербургъ, Невскій пр. № 27.

БОРЖОМЪ

ЕЛКА ПО ПОЧТѢ

Настоящимъ увѣдомляемъ нашихъ покупателей, что по примѣру прошлыхъ лѣтъ мы начали высылку коллекцій украшеній и сюрпризовъ для ёлки.

НАШИ УСЛОВІЯ ИСЛЮЧИТЕЛЬНЫ.

Пересылка въ пред. Европ. Россіи за счетъ фирмы.
Отправка коллекцій наложен. платежомъ безъ задатка.

Коллекція изъ 146 предм. 1 руб. 90 коп.
Коллекція изъ 204 предм. 2 руб. 50 коп.
Коллекція изъ 268 предм. 3 руб.
Коллекція изъ 384 предм. 5 руб.
Кол. изъ 519 пр. 8 р., изъ 612 пр. 10 р., изъ 732 пр. 15 р., изъ 921 пр. 20 р., изъ 1184 пр. 25 р. съ пересылкой.

съ перес.

Въ интересахъ постоянныхъ покупателей въ этомъ году мы удачно измѣнили содержаніе коллекцій и дополн. ихъ интересн. новинками.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ БАЗАРЪ И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Столешниковъ, № 8.

Добросовѣст. и аккуратн. выполн. заказовъ гарантируется.
Описаніе коллекцій и каталогъ подарковъ безплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

ежемѣсячный популярный естественно-историческій съ иллюстраціями въ текстѣ журналъ

Годъ изданія IV. **ПРИРОДА.** Годъ изданія IV.

Подъ редакціей проф. Н. К. Кольцова и проф. Л. А. Тарасевича.

Редакторы отдѣловъ:

проф. К. Д. Покровскій, проф. П. П. Лазаревъ, проф. Н. А. Артемьевъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. П. А. Шиловъ, старш. минерал. академ. наукъ А. Е. Ферсманъ, проф. Н. К. Кольцовъ, прив.-доц. В. Л. Комаровъ, проф. П. М. Кулагинъ, проф. С. И. Метальниковъ, проф. Л. А. Тарасевичъ, маг. геогр. С. Г. Григорьевъ.

Содержаніе:

Философія естествознанія.—Астрономія.—Физика.—Хемія.—Геологія съ палеонтологіей.—Минералогія.—Микробіологія.—Медицина.—Гигіена.—Общая біологія.—Зоологія.—Ботаника.—Антропологія.—Человѣкъ и его мѣсто въ природѣ. Кромѣ оригинальныхъ и переводныхъ статей, въ журналѣ „Природа" отведено значительное мѣсто постояннымъ отдѣламъ: Научныя новости и замѣтки.—Изъ лабораторной практики.—Астрономическія извѣстія.—Географическія извѣстія.—Метеорологическія извѣстія.—Научныя общества.—Библіографія.—Почтовый ящикъ.

Условіе подписки.

Цѣна: на годъ (съ доставкой и пересылкой) 5 р., на девять мѣсяцевъ 3 р. 75 к., на полгода 2 р. 50 к., на три мѣсяца 1 р. 25 к., на одинъ мѣсяцъ 50 к., за границу на годъ 7 р.

Отдѣльная книжка съ пересылкой—60 к., наложеннымъ платежомъ—80 к. Комплекты всѣхъ №№ за 1912, 1913 и 1914 гг. высылаются каждый по полученіи 5 руб., въ роскошномъ переплетѣ—6 р. 50 к.

При внесеніи дополнительно сверхъ годовой подписной платы трехъ рублей, т.-е. за общую плату 8 р., подписчикъ помимо журнала „Природа" получаетъ выпущенныя издательствомъ восемь книгъ серіи „Основныя начала естествознанія" или же восемь книгъ серіи „Ест. историческая библіотека Природа", по своему выбору.

Всякій, кто внесетъ годовую плату за 1915 г., можетъ получить комплектъ номеровъ за каждый изъ прошлыхъ годовъ (1912, 1913) за 3 р. безъ переплета и за 4 р. въ переплетѣ, а комплектъ за 1914 г. соотвѣтственно за 4 и 5 рублей.

Подробный иллюстрированный проспектъ высылается по требованію безплатно.

Адресъ главной конторы и редакціи: Москва, Моховая, № 24, кв. 12. Телеф. 4-10-81.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ПРИ ТИПОГРАФІИ

„Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°".

МОСКВА, Пименовская улица, собственный домъ.

Новости, поступившія на складъ.

Что разсказывали греки и римляне о своихъ богахъ и герояхъ. Н. А. Куна. Часть I. 62 иллюстраціи въ текстѣ и 16 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ. Подъ редакціей Исторической комиссіи при Учебн. отд. о-ва распр. техн. знаній. Цѣна въ коленкор. перепл. 2 р. 25 к.

Сонеты Вильяма Шекспира. Переводъ М. Чайковскаго. Съ двумя параллельными текстами—англійскимъ и русскимъ. Ц. 1 р. 75 к. Выручка отъ продажи жертвуется въ пользу пострадавшихъ бельгійцевъ.

Исторія Галиціи. И. Муринова. Прошлое и настоящее галицкаго княжества. Переводъ съ галицко-русскаго. Ц. 15 к.

Лѣсоводство. М. Турскаго. Съ 195 рис. въ текстѣ и 3 таблицами. Изд. 5-е. Ц. 3 р.

Изданія, состоящія на складѣ Товарищества.

Путеводители-сборники изданія „Образовательныхъ экскурсій". **Парижъ.** 286 стр., съ 49 иллюстр. на мѣлов. бум. **Италія.** 222 стр., съ 51 иллюстр. на мѣлов. бум. **Римъ.** 256 стр., съ 36 иллюстр. на мѣлов. бум. **Швейцарія.** 193 стр., съ 48 иллюстр. на мѣлов. бум. Ц. каждой книги въ полукож. перепл. 1 р. 50 к.

Римъ. Справочникъ-путеводитель. Б. Грифцова. 154 стр. съ планомъ города и музеевъ. Изд. „Образовательныя экскурсіи". Ц. 75 к.

Очерки современной Италіи. М. Осоргина. Ц. 1 р. 50 к.

Вѣчный городъ. (Итоги пережитаго.) П. Д. Боборыкина. Ц. 1 р.

Англія, Уэльсъ и Ирландія. Е. Астори. Изъ личныхъ замѣтокъ и наблюденій. Ц. 60 к.

Руководство прикладной тактики. (Пособіе для офицеровъ.) Состав. ген.-м. А. Безруковъ. Свыше 550 стр. текста и 61 схема. Ц. 3 р. 50 к.

Русская военная сила. А. Н. Петрова. Исторія развитія военнаго дѣла отъ начала Руси до нашего времени, съ рисунками одеждъ и вооруженій, картами, планами сраженій и укрѣпленій. Изд. 2-е. 2 тома. Ц. 5 р.

Четыре войны. П. Алабина. Походн. записки въ 1849, 53, 54—56, 1877—78 годахъ. Ч. I. Венгерская война 1849 г. Ц. 2 руб. Тоже, ч. II. Восточная война 1853—54 гг. Ц. 3 р. Тоже, ч. III. Защита Севастополя 1854—56 гг. Ц. 4 р.

Исполинъ нѣмецкой промышленности (Заводъ Круппа). Съ 4 таблицами рисунковъ и плановъ. Ц. 15 к.

Руководство общей хирургіи. Г. Тильманса, проф. Общая оперативная техника и общая техника повязокъ. Общая патологія и терапія. Съ 784 рисунками въ текстѣ, изъ нихъ нѣкоторыми въ краскахъ. Переводъ съ 10-го изданія проф. А. А. Введенскаго. Ц. 7 р., въ переплетѣ 8 р.

Карманная книга медицинскихъ средствъ и рецептовъ. Д-ра С. Рабова, проф. Лозаннскаго универс. Способы прописыванія лѣкарственныхъ веществъ. Для врачей и студентовъ. Перев. съ 43-го, исправл. и дополн., нѣмецк. изд. подъ ред. д-ра А. С. Аршавскаго. Ц. въ перепл. 1 р. 60 к.

Антисептика и асептика. Н. З. Иванова, д-ра мед. Необходимыя свѣдѣнія для акушерокъ и фельдшерицъ. Съ 23 рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. Ц. 1 р.

По Азіатской и Европейской Турціи. Гроте Гуго. Перев. О. Романовой, подъ редакц. С. Григорьева. Со многими рисунк. и картой. Ц. 1 р.

Пять пьесъ. С. Мамонтова. (Смерть Пушкина.—Въ сельцѣ Отрадномъ.—Цѣною крови.—Охота.) Ц. 1 р.

По бѣлу свѣту. Его же. (Африка.—Война.—Холера.—Турція и др.) Со многими рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Вокругъ Азіи. А. Жирмунскаго. Японія.—Индія.—Бирма.—Египетъ. Путевые очерки, эскизы, замѣтки. Подъ редакц. и съ примѣчаніями проф. Д. Н. Анучина. Съ 70 иллюстраціями. Ц. 80 к.

По Востоку. Б. Корженевскаго. Путевые очерки и картинки. Въ 3-хъ частяхъ, съ 117 иллюстр. Ц. 2 р. 75 к.

Очерки изъ жизни Шамиля. П. Алферьева. Ц. 30 к.

На войнѣ въ Азіи и Европѣ. В. В. Верещагина, художника. Воспоминанія. Изд. 2-е, съ рисунками автора. Ц. 1 р. 50 к.

Наполеонъ I въ Россіи. 1812 г. Его же. Пожаръ Москвы.—Казаки.—Великая армія.—Маршалы.—Наполеонъ. Ц. 1 р. 25 к.

Москва и жизнь въ ней наканунѣ нашествія 1812 г. Н. Матвѣева. Со многими снимками съ рисунковъ эпохи 1812 г. Ц. 1 р. 20 к.

„Одинокій". Король Людвигъ II Баварскій и его замки. С. И Лаврентьевой. Съ рисунками и портретами. Ц. 1 р. 50 к.

Изъ-за короны. Ф. Коппе. Балканская трагедія. Въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Перев. съ франц. В. Дадонова. Изд. А. Вербицкой. Ц. 80 к.

На полѣ славы. (Na polu chwaly). Историческій романъ изъ временъ короля Яна Собѣсскаго. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Солдатъ. В. Гомулицкаго. Разсказъ. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

Избраніе на царство царя Михаила Ѳеодоровича Романова. 1613. Н. Чаева. Сказаніе въ лицахъ. (Разрѣшено цензурою для постановки на сценахъ.) Ц. 75 к.

Стихотворенія. Его же. Ц. 1 р.

Три стихотворенія. Его же. (Думки. Памяти Пушкина. На разсвѣтѣ). Ц. 20 к.

Одно стихотвореніе. Его же. (Полюбила). Ц. 5 к.

Иллюстрированные географическіе сборники А. Крубера, С. Григорьева, А. Баркова и С. Чефранова:

Европа. 4-е, исправл. и дополн. изданіе, 752 стр., 95 иллюстр. Ц. 2 р. 75 к., въ изящн. перепл. 3 р. 35 к.

Европейская Россія. 4-е, исправлен. и дополнен. изданіе. 600 стр., 90 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Азіатская Россія. 3-е, исправлен. и дополнен. изданіе. 584 стр., 100 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Азія. 4-е, исправл. и дополн. изданіе, 548 стр., 86 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Африка. 3-е, испр. и доп. изд., 512 стр., 62 иллюстр. Ц. 2 р., въ изящн. пер. 2 р. 60 к.

Америка. 3-е, исправл. и дополн. изданіе, 640 стр., 72 иллюстр. Ц. 2 р. 25 к., въ изящн. перепл. 2 р. 85 к.

Австралія и полярныя страны. 469 стр., 70 иллюстр. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Ц. 2 р., въ изящн. перепл. 2 р. 60 к.

Европейская Россія. А. Геттнера. Антропогеографическій этюдъ. Съ 21 картой въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. Л. Синицкой. Ц. 1 р.

Европейская Россія. А. Филиппсона. Перев. съ нѣмецк. Подъ ред. А. А. Крубера. Съ 9 картами и 32 иллюстр. въ текстѣ. Ц. 80 к.

Уроки географіи Европы. С. Меча. 8-е изд. Со мног. рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. **Англія.** Его же. Изд. 3-е. Ц. 50 к. **Франція.** Его же. Ц. 40 к. **Бельгія и Голландія.** Его же. Ц. 30 к. **Германія.** Его же. Ц. 40 к. **Балканскій полуостровъ.** Его же. Греція, Критъ, Турція, Черногорія, Сербія, Болгарія и Румынія. Ц. 50 к. **Скандинавія и Данія.** Его же. (Швеція, Норвегія, Данія, острова Фарёръ и Исландія.) Очеркъ. Изд. 2-е. Ц. 40 к. **Швейцарія.** Его же. Изд. 3-е. Ц. 30 к. **Италія.** Его же. Изд. 3-е. Ц. 50 к. **Альпы.** Его же. Изд. 12-е. Ц. 30 к. **Испанія и Португалія.** Его же. Ц. 40 к. **Россія.** Его же. Учебникъ отечеств. географіи. Со мног. рис. Изд. 30-е. Ц. 60 к. **Россія.** Его же. Географ. сборникъ для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изд. 12-е. Ц. 1 р. **Кавказъ.** Его же. Изд. 13-е. Ц. 50 к. **Финляндія.** Его же. Изд. 8-е. Ц. 50 к.

Города. К. Гассерта. Географическій этюдъ. Въ переводѣ и передѣлкѣ съ нѣмецкаго, съ добавлен. Л. Д. Синицкаго. Съ 31 иллюстр. Ц. 75 к.

Японія и японцы. Д. Н. Анучина. Географическій, антропологическій и этнографическій очеркъ. Съ 30 рисунк. и картами. Ц. 50 к.

Японія и японцы. Страна. Бытъ японцевъ, религія и литература. Исторія Японіи, государственное устройство и экономическое положеніе. Съ картой. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Популярная историческая библіотека Исторической комиссіи при Учебномъ отдѣлѣ о-ва распр. техн. знаній:

Вып. I. **Когда и какъ стала Волга русской рѣкой.** М. Черняевой (Козловой). 2-е изд., исправленное и дополненное, съ иллюстраціями. Подъ редакціей К. В. Сивкова. Ц. 50 к. Вып. II. **Рыцарство.** Е. Ефимовой. Изд. 2-е, съ 24 рисунками. Ц. 60 к. Вып. III. **Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи.** Ея же. Изд. 2-е, съ 20 рисунками. Ц. 45 к.

Культура доисторическаго прошлаго. М. Гернеса, проф. Вѣнскаго университ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. В. Н. Дьякова. Ч. I. Каменный вѣкъ. Съ 42 рисунками въ текстѣ. Ц. 70 к. Ч. II. Бронзовый вѣкъ. Съ 57 рис. въ текстѣ и синхронистической таблицею. Ц. 80 к. Ч. III. Желѣзный вѣкъ. Съ 35 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к. Изд. „Фаросъ".

Вавилонская культура въ ея отношеніи къ культурному развитію человѣчества. Г. Винклера, проф. Берлинскаго университета. Перев. съ нѣмецк. А. П. Певзнера, подъ ред. Н. М. Никольскаго. Изд. „Фаросъ". Ц. 80 к.

Греческая скульптура въ ея главныхъ произведеніяхъ. А. Вазера. Авторизирован. перев. М. И. Фабриканта, съ предислов. Б. Р. Виппера. Съ 38 рисунками на мѣлов. бум. Изд. „Фаросъ". Ц. 1 р.

Культура древняго востока въ картинахъ. Г. Гунгера и Г. Ламера. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. М. С. Сергѣева. Изд. „Фаросъ". Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. П. С. Корелина, проф. Вып. I. Египетскіе боги, ихъ храмы, изображенія. Съ 28 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Вып. II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Съ 22 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Вып. III. Финикійскіе мореплаватели и ихъ культура. Съ 28 рис. въ текстѣ. Изд. 3-е. Вып. IV. Ассирійскій народъ и его боги-покровители. Съ 23 рис. въ текстѣ. Изд. 2-е. Вып. V. Кто были наши предки, гдѣ и какъ они жили. Съ 26 рис. въ текстѣ. Цѣна каждаго выпуска 30 к.

Донателло. Н. Горбова. (Очерки изъ исторіи искусства XV в.) Художественное изданіе, со 139 снимками его произведеній на отдѣльныхъ листахъ. Ц. 5 р.

Вѣкъ возрожденія. Историческія сцены графа Гобино. Перев. съ франц. Н. Горбова. Ц. 2 р. 25 к.

Записки по методикѣ исторіи. Д. А. Маркова, преподават. Ѳеодосійск. учител. инстит. Изд. 2-е, исправлен. Ц. 1 р.

Сборникъ вопросовъ и задачъ по всеобщей исторіи. Его же. (Съ приложеніемъ хронологіи.) I. Древняя исторія. Пособіе для учащихъ и учащихся. Ц. 40 к.

Эпилоги византійскихъ драмъ. М. Н. Ремезова. Ц. 50 к.

Іудея и Римъ. Его же. Картинки античнаго міра. Ц. 50 к.

По Шлюмберже. Его же. Картины жизни Византіи въ X вѣкѣ. Ц. 50 к.

Византія и византійцы конца X вѣка. Его же. Ц. 50 к.

Клеопатра. Его же. Картины античной жизни. Ц. 40 к.

Маркъ Аврелій и конецъ античнаго міра. Эрнеста Ренана. Перев. съ франц. Л. Я. Гуревичъ. Ц. 1 р.

Святой Павелъ. Его же. Съ приложеніемъ карты Малой Азіи. Перев. съ франц. З. Н. Журавской. Ц. 80 к.

Русскіе писатели послѣ-гоголевскаго періода въ біографіяхъ, образцахъ и характеристикахъ. А. Н. Сальникова. Съ портретами въ текстѣ и спискомъ темъ для ученическихъ сочиненій и классныхъ бесѣдъ. Курсъ VIII класса гимназій и реальныхъ училищъ. Ц. 2 р. 50 к.

Этюды объ Островскомъ. Н. П. Кашина. (Къ исторіи текста произведеній А. Н. Островскаго.) Томы I и II. Ц. по 2 р.

А. С. Пушкинъ. Біографич. очеркъ А. Венкстерна. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Ж.-Ж. Руссо. Грея Грэхэмъ. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. Съ портретомъ Руссо. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

Общественный договоръ или принципы государственнаго права. Ж.-Ж. Руссо. Полный переводъ съ французскаго С. Нестеровой, подъ ред. и съ предисловіемъ П. Когана. Ц. 40 к.

Планъ государственнаго преобразованія. Графа М. М. Сперанскаго. (Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ 1809 г.) Съ приложеніемъ „записки объ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ учрежденій въ Россіи (1803 г.)", статей „о государственныхъ установленіяхъ", о „крѣпостныхъ людяхъ" и пермскаго письма къ императору Александру. Ц. 1 р.

Русская правда. П. И. Пестеля. Наказъ временному верховному правленію. Ц. 1 р.

Краткій очеркъ современныхъ конституцій. Л. Олстона, проф. исторіи въ Бомбеѣ. Введеніе въ изученіе политической науки. Перев. съ англійск. К. Тимирязева. Изд. 2-е. Ц. 30 к.

Общій очеркъ современныхъ конституцій. Его же. Введеніе въ науку о государствѣ. Перев. съ англійск. подъ ред. Н. Н. Шамонина. Ц. 30 к.

Наука и обязанности гражданина. К. Пирсона. Перев. К. А. Тимирязевъ. Ц. 25 к.

Развитіе англійской конституціи съ древнѣйшихъ временъ. Эд. Фримена. Перев. съ 3-го англ. изд. С. Г. Займовскаго. Ц. 60 к.

Что такое Россія? П. А. Крушевана. Путевыя замѣтки. Изд. 2-е. Содержаніе: По Бѣлоруссіи: Верховья Днѣпра, Могилевъ, Смоленскъ, Москва. По Волгѣ: Нижній, Казань, Самара, Саратовъ, Астрахань. По Каспійскому морю: Кавказъ, Петровскъ, Владикавказъ, Минеральныя Воды, Военно-грузинская дорога, Тифлисъ, Долина Ріона, Батумъ, Побережье Чернаго моря, Крымъ, Керчь, Ялта, Севастополь, Одесса. По Подоліи и Бессарабіи: Каменка-Сороки. По Днѣпру и Сожу. (374 стр. in 8⁰ больш. форм.). Ц. 1 р. 20 к.

Въ дебряхъ Крыма. С. А. Качіони. Повѣсти и разсказы. Содержаніе. Отъ издателя.—Судъ моря.—Куртдедэ.—Паспортъ съ особой примѣтой.—На заоблачныхъ пастбищахъ.—Свадебный подарокъ.—Подруга звѣздъ. Большой изящно изданный томъ въ 609 стр. Ц. 2 р.

Повѣсти и разсказы. Элизы Ожешковой. Пер. В. М. Лаврова. Томъ I. Сѣренькая идиллія. Сильный Самсонъ. Хамъ. Подвижница. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II. Ни клочка. Смерть дома. Съ пожара. Четырнадцатая часть. Юльянка. Моментъ. Ц. 1 р. 50 к.

И пѣсня пусть заплачетъ. Ея же. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Меланхолики. Ея же. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Милордъ. Бабушка. Ея же. Пер. съ польск. В. М. Лаврова. Изд. 2-е. Ц. 50 к.

Надъ Нѣманомъ. Ея же. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Панна Роза. Великій. Среди цвѣтовъ. Ея же. Пер. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Сильвекъ. Ея же. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Изъ воспоминаній циклиста. Б. Пруса. Пер. съ польск. В. М. Лаврова. Ц. 75 к.

Дѣти. Его же. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Возвратная волна. Его же. Повѣсть. Пер. съ польск. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Сиротская доля. Его же. Разсказъ. Ц. 40 к.

Око за око. Вл. Реймонта. Перев. съ польск. В. М. Лаврова. Ц. 25 к.

Повѣсти и разсказы. Генрика Сенкевича. Изд. 3-е, удешевленное. (Та третья. Поѣздка въ Аѳины. Янко-музыкантъ. Старый слуга Ганя. У источника. Идиллія. Фонарщикъ на маякѣ. Бартекъ-побѣдитель. Пойдемъ за нимъ!) Переводъ В. М. Лаврова съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Ц. 1 р.

Повѣсти и разсказы. Его же. Томъ II. Переводъ съ предисловіемъ В. М. Лаврова. (Эскизы углемъ. За хлѣбомъ. Изъ дневника познаньскаго учителя. Татарская неволя. Въ Маринозѣ. Селимъ Мирза. Органистъ изъ Поникды. Lux in tenebris lucet. Два луга. На Олимпѣ. Я долженъ отдохнуть. Орсо). Ц. 1 р.

Камо грядеши? (Quo vadis?) Его же. Историческій романъ изъ временъ Нерона. Перев. В. М. Лаврова. Съ примѣч. С. И. Соболевскаго. Удешевл. изд. II. 1 р.

Безъ догмата. Его же. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Изд. 3-е. Ц. 1 р.

Огнемъ и мечомъ. Его же. Историческій романъ. Ц. 1 р. 25 к.

Потопъ. Его же. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. 2 т. Ц. 1 р. 75 к.

Панъ Володіевскій. Его же. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Крестоносцы. Его же. Историч. ром. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

Семья Поланецкихъ. Его же. Романъ. Пер. В. М. Лаврова. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

Путевые очерки. Письма изъ Африки. Письмо изъ Венеціи. Письмо изъ Рима. Нерви. Его же. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р. 50 к.

На ясномъ берегу. Его же. Повѣсть. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 30 к.

Черезъ степи. Его же. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

Два луга. Его же. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 50 к.

Водоворотъ. Его же. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. Ц. 1 р.

Полный каталогъ находящихся на складѣ при типографіи изданій по требованію высылается безплатно.

Книжные магазины пользуются обычною уступкой.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ

КНИГА XI

МОСКВА И ПЕТРОГРАДЪ

1914

1915

НР
50
Ks
3.35
кн. II

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Вячеслава Иванова** 1

II. НА ГОРѢ И ПОДЪ ГОРОЙ. Повѣсть въ двухъ частяхъ. Часть первая. Главы XII—XVIII.—**В. А. Мартовскаго.** *Продолженіе* 3

III. ЖЮЛИ ДЕ ЛЕСПИНАССЪ. **Маркиза де Сегюръ.** (*Marquis de Ségur.* Julie de Lespinasse). Съ французскаго.—Перев. **Л. П. Гончаровой.** *Продолженіе* 33

IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ѳедора Сологуба** 68

V. НА БѢЛОЙ ЛОШАДИ. Разсказъ.—**В. В. Брусянина** . . . 69

VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Н. В. Недоброво** 89

VII. АМИРАНЪ. Гурійская легенда.—**В. А. М—вой** 91

VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.—**В. Малахіевой-Мировичъ** 105

IX. АРЕТЭ. Разсказъ **Макса Гохдорфа.**—Перев. **З. Н. Журавской.** 107

X. ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ.—**Любови Гуревичъ.** *Окончаніе* . 143

XI. АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ. (Къ пятидесятилѣтію смерти.)—I. Основатель новой критики. **Леонида Гроссмана.**—II. Аполлонъ Григорьевъ и театръ.—**Н. Н. Долгова** . . . 1

XII. ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И НЕЙТРАЛЬНАЯ ШВЕЦІЯ.—**А. Мірского** 31

XIII. ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗЪ. XXIX глава „Мемуаровъ“ (Gedanken und Erinnerungen) князя Бисмарка. — Перев. **Я. М. Букшпана** 37

XIV. ИТАЛІЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА.—**В. Н. Рихтера** . . 59

XV. ДРУЗЬЯ И ГОСТИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ. Шведъ Абраамъ фонъ-Бунде.—**Т. Л. Сухотиной-Толстой** 74

XVI. КЪ ИСТОРІИ РУССКО-ГЕРМАНСКИХЪ ОТНОШЕНІЙ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.—**Евг. Тарле** 83

XVII. МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ. I. Письма Н. Г. Чернышевскаго къ В. М. Лаврову. II. Мысли о войнѣ и смерти сто лѣтъ тому назадъ. 94

Стр.

XVIII. БАЛКАНСКІЯ НАСТРОЕНІЯ.—**Влад. Викторова-Топорова** . 108

XIX. ФИНАНСОВАЯ МОБИЛИЗАЦІЯ.—**Л. Н. Яснопольскаго** . . 127

XX. РОССІЯ И БЛИЖНІЙ ВОСТОКЪ.—**С. А. Котляревскаго** . 153

XXI. СУДЪ ИСТОРІИ.—**Петра Струве.** *Продолженіе* 158

XXII. КНИЖНЫЯ НОВОСТИ 169

XXIII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 1

---

1. Редакція принимаетъ только рукописи, переписанныя на машинкѣ или совершенно четко перомъ; рукописи неразборчивыя не читаются.

2. На прочтеніе рукописи полагается срокъ отъ 6 недѣль до 2 мѣсяцевъ.

3. Мелкія рукописи (меньше 1 печатнаго листа) и рукописи стихотвореній не сохраняются, и редакція рекомендуетъ авторамъ такихъ произведеній оставлять у себя ихъ копіи.

4. По поводу мелкихъ рукописей и стихотвореній редакція не вступаетъ съ гг. авторами ни въ переговоры, ни въ переписку, хотя бы на отвѣтъ были приложены марки. Авторы такихъ произведеній, не получившіе отвѣта въ теченіе 2 мѣсяцевъ, могутъ располагать ими по своему усмотрѣнію.

5. Обратная пересылка рукописей по почтѣ производится за счетъ гг. авторовъ и притомъ исключительно *заказной* бандеролью.

Редакторъ принимаетъ по **субботамъ** отъ 2—5 ч.

Секретарь—по **четвергамъ** отъ 3—5 ч., а также въ дни и часы пріемовъ редактора.

Стихотвореніе.

Утреня въ гробу.

Скульптору А. С. Голубкиной.

По за́сѣкѣ ночью, глухою зимой,
Шелъ странникъ убогій, дорогой прямой
Къ заутренѣ въ скитъ поспѣшая.
Крѣпчаетъ морозъ по-надъ дебрью густой;
Подъ инеемъ частый трещитъ сухостой:
А путникъ бредетъ, не плошая.

А на̀ небѣ звѣзды, что въ пчельникѣ рой,
Кишатъ, переливной сверкаютъ игрой;
А холодъ и нѣжитъ, и жалитъ,—
Охватомъ хватаетъ, шатаетъ какъ хмель,
Мутитъ, разымаетъ, въ сугробъ—на постель,
На мягкую—соннаго валитъ...

Очнулся: мельтешитъ пятномъ огонекъ...
И какъ онъ набрелъ—самому невдомекъ—
На свѣтъ, и крылечко находитъ...
Но чудится—въ спину толкаетъ слегка
И за̀ плечи держитъ живая рука,
И въ тѣсную келейку вводитъ.

Въ печуркѣ валежникъ хруститъ подъ золой;
Въ переднемъ углу—образа и налой,
А въ темномъ куту—домовина.
Поклоны кладетъ предъ святынею гость;
За гостемъ, въ куко́лѣ, самъ—кожа да кость,
Подвижникъ великаго чина.

„Похоже, къ заутренѣ въ скитъ поспѣшалъ,
Да малость, поди, невзначай оплошалъ:
А диво-ль по нынѣшнимъ стужамъ?
Понѣжься теплынью часокъ, отдышись!
Спать въ гробѣ обыкъ я,—ты въ гробъ и ложись.
А службу и въ кельѣ отслужимъ“.

Гость въ гробѣ Іисусово Имя твердитъ,
А схимникъ предъ Спасомъ кадиломъ кадитъ
И бдѣніе правитъ ночное.
Дымитъ свѣтозарнѣй лазоревый дымъ:
Небесною кущей, шатромъ голубымъ
Убѣжище зрится земное.

Въ лазоревомъ звѣзды, что въ пчельникѣ рой,
Кишатъ, переливной сверкаютъ игрой,
Мать Свѣтовъ величатъ соборнѣ.
Онъ очи смежаетъ: воззрѣть имъ нельзя...
Подъ нѣжной стопой расцвѣтаетъ стезя,
Подземные шепчутся корни...

Кто за руку взялъ и отъ гроба воздвигъ
Забывшаго землю? Подъ схимою ликъ,
Въ сребрѣ похоронномъ и въ черни...
И странникъ выходитъ на солнечный свѣтъ:
Алѣетъ опушка, алмазится слѣдъ,—
Бьютъ въ колоколъ скитскій къ вечернѣ.

Вячеславъ Ивановъ.

Февраль 1914 г.

НА ГОРѢ И ПОДЪ ГОРОЙ. [1])

Повѣсть въ двухъ частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XII.

Степановъ и Глѣбовъ уѣхали. Стало скучнѣй,—Полубенко былъ человѣкъ молчаливый, рано укладывался спать, а Бѣлокрыловъ и Сорокинъ ничего не читали, ничѣмъ не интересовались.

Скучно стало и потому, что вступала въ свои права осень. Съ каждымъ днемъ рѣдѣла на липахъ листва, все виднѣй становились крыши монастырскихъ зданій; осины и березы стояли уже голыя, только кое-гдѣ на нихъ висѣли еще буро-желтые, сморщенные листочки; сдались даже упорные дубы, и на нихъ листва начала желтѣть и падать. Опавшіе листья мягко шуршали подъ ногами, посвѣжѣвшій воздухъ пріобрѣлъ особую прозрачность. Пролетали на югъ въ недосягаемой вышинѣ треугольники журавлей, „кочерги“ дикихъ гусей. Журавли казались летящими черными крестами. Начали сѣдѣть бѣлки и бѣлѣть зайцы.

Особенно чувствовалась осень въ дождливыя, вѣтреныя ночи, когда лѣсъ гудѣлъ протяжно и печально. Этотъ гулъ и монотонный журчащій шумъ дождя въ крышу навѣвали тоску на Марью Семеновну, и она подолгу лежала безъ сна, всматриваясь широко-открытыми глазами въ непроглядную тьму ночи. А Петръ Ивановичъ спалъ въ дождливыя ночи, подъ гулъ и рокотъ, еще крѣпче. Марья Семеновна удивлялась ему и даже сомнѣвалась въ его искренности, когда онъ увѣрялъ, что любитъ ненастныя осеннія ночи не меньше яркихъ весеннихъ дней. Но Петръ Ивановичъ говорилъ правду,—всѣ проявленія лѣсной жизни нравились ему, во всемъ находилъ онъ своеобразную прелесть.

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1914 г., кн. X.

Погода стояла въ общемъ хорошая, ненастные дни случались рѣдко. Въ такіе дни Марья Семеновна просто мѣста не находила отъ тоски. Смотрѣла на мокрыя крыши монастыря, на порѣдѣвшую листву деревьевъ, на лѣсъ, задернутый струйчатой завѣсой и потому казавшійся далекимъ и сѣрымъ, на мокрыхъ, нахохлившихся галокъ, безцѣльно бродила по пустому дому и ничѣмъ не могла заняться.

Въ ненастье, особенно ночью, казалось, что живутъ на необитаемомъ островѣ. Губернскій городъ съ его театрами, гимназіями, трамваями, со всѣмъ, что составляетъ „культуру", казался далекимъ-далекимъ, словно былъ онъ гдѣ-то на другой планетѣ. Монастырь, дѣйствительно, похожъ былъ на островъ, только шумѣлъ кругомъ вмѣсто моря засыпавшій на зиму лѣсъ.

Единственной связью съ внѣшнимъ міромъ была почта. Приходила она разъ въ недѣлю, по пятницамъ, когда въ Грабовцѣ былъ базаръ. Въ домѣ землемѣровъ ждали почту только Вагины. Петръ Ивановичъ получалъ мѣстную газету, Марья Семеновна—письма отъ подругъ. Изъ остальныхъ землемѣровъ одинъ Шевердыковичъ получалъ много писемъ, да Степановъ и Глѣбовъ выписывали до перваго сентября въ складчину *Русскія Вѣдомости*, остальнымъ только изрѣдка приходили письма, большей частью открытки.

Приносилъ почту и книги изъ грабовецкой земской библіотеки Александръ Ивановичъ и всегда старался передать письма лично Марьѣ Семеновнѣ, причемъ глядѣлъ на нее съ нескрываемымъ властолюбіемъ.

Однако и Бѣлокрыловъ съ Сорокинымъ нетерпѣливо ждали вечера пятницы, когда привозили изъ города провизію, колбасу, сыръ и другія закуски, конфеты, табакъ. Разбираніе покупокъ доставляло всѣмъ нѣкоторое развлеченіе, базарные дни выдѣлялись изъ общей массы сѣрыхъ, утомительно-однообразныхъ дней.

Землемѣры ничего не читали и въ долгіе вечера развлекались шутками, разсказываніемъ анекдотовъ (въ отсутствіи Марьи Семеновны—скоромнаго содержанія) и показываніемъ другъ другу несложныхъ фокусовъ.

Бѣлокрыловъ игралъ на гитарѣ, иногда фальшиво пѣлъ дребезжащимъ, слабымъ теноркомъ. Однажды запѣла „Костеръ" Марья Семеновна. Всѣ пришли въ восторгъ отъ чистоты и звучности ея голоса, особенно бывшій тутъ Иринархъ. Но, несмотря на упрашиванія, Марья Семеновна пѣла рѣдко,—стѣснялась.

Сорокинъ учился играть на гитарѣ, уроки давалъ Бѣлокры-

ловъ. И учитель и ученикъ были почти лишены музыкальнаго слуха, а потому ученье шло чрезвычайно туго.

Приходили поболтать рабочіе изъ партій Сорокина и Бѣлокрылова, жившіе въ пустой оранжереѣ, чаще другихъ—братья Тишины, Дмитрій и Николай.

Дмитрій былъ мужикъ разсудительный, обстоятельный, разсказывалъ о нестроеніяхъ деревенской жизни, громилъ неправду господъ, жаловался на малоземелье, на богатеевъ, выдѣляющихся на хутора, всегда старался что-нибудь выпытать у землемѣровъ относительно возможности перехода помѣщичьей земли къ крестьянамъ, милостиваго манифеста, отобранія земли отъ ушедшихъ изъ общины.

Полной противоположностью брату являлся Николай, старшій изъ братьевъ. Это былъ типичный деревенскій скоморохъ, всегда и надъ всѣмъ шутилъ, говорилъ ломанымъ, „таловымъ“ языкомъ, какимъ говорятъ 5—6-лѣтніе ребята. Онъ разсказывалъ деревенскіе анекдоты о попѣ и баринѣ, которые всегда оставались въ дуракахъ при столкновеніяхъ съ мужикомъ. Мужикъ въ этихъ разсказахъ неизмѣнно рисовался умнымъ и хитрымъ, но притворяющимся дуракомъ передъ бариномъ и попомъ. Николай остерегался при Марьѣ Семеновнѣ нецензурныхъ выраженій, но часто заставлялъ ее краснѣть, называя вещи ихъ собственными именами.

— Сто это ви, васи бляголодія, кайты не игъяете?—спросилъ разъ Николай.—Любезное бы дѣло въ тли листика или въ двадцать одно, и не увидишь какъ влемя-то плойдетъ.

— И то правда, почему бы не сыграть?—спросилъ Сорокинъ.—Скучно вечерами-то.

— Прежде играли,—отозвался Бѣлокрыловъ.—Монахи приходили, Александръ Ивановичъ и Владиміръ Сергѣевичъ. Здорово играли.

— Откуда вы знаете?—недовѣрчиво спросилъ Вагинъ.

— Чистотѣловъ разсказывалъ, да и Владиславъ Сигизмундовичъ говорилъ, онъ тоже раза три игралъ...

— Въ слѣдующую же пятницу куплю карты,—рѣшительно перебилъ Сорокинъ.

— Въ складчину можно купить,—смущенно поглядывая на жену, сказалъ Вагинъ.—Отчего бы, въ самомъ дѣлѣ, и не сыграть намъ? А? Какъ вы думаете, Сергѣй Павловичъ?

— Я не играю,—флегматично отозвался Полубенко и, сладко зѣвнувъ, прибавилъ:—Ужинать пора да и спать.

Ѣда была не послѣднимъ развлеченіемъ въ однообразной

жизни землемѣровъ, особенно ужинъ. Обѣдали порознь, по мѣрѣ возвращенія съ работы, а ужинали всѣ вмѣстѣ. Ѣсть почти не хотѣлось, и ужинъ являлся скорѣе развлеченіемъ, чѣмъ потребностью.

Смѣшила своими разсказами о „буйномъ“ годѣ новая кухарка Ульяна, медлительная, одѣтая во все черное, баба, похожая на монашенку.

Собственно въ томъ, что разсказывала Ульяна, не было ничего смѣшного. Чуть ли не каждый день, всегда по-разному, разсказывала она, какъ случился бунтъ въ ихъ деревнѣ,—мужики распахали помѣщичью землю и стали рубить для своихъ надобностей помѣщичій и монастырскій лѣсъ. Пріѣхали казаки, пороли мужиковъ нагайками и забрали въ тюрьму семерыхъ „зачинщиковъ“, въ числѣ которыхъ попали сынъ и двоюродный братъ Ульяны.

Брата подержали и выпустили, а сынъ „нагрубилъ какому-то начальнику“, и его сослали въ Сибирь на три года. Вернулся онъ оттуда больнымъ, кашлялъ и харкалъ кровью, и вотъ уже второй годъ живетъ „ни въ тѣхъ ни въ сѣхъ“,—не выздоравливаетъ и не помираетъ, а между прочимъ сынъ родился у него, да дочь еще до ссылки была.

Исторія грустная, и, разсказывая ее, Ульяна часто плакала, но такой сумбуръ былъ у нея въ головѣ, такъ она путала событія и коверкала слова, называя забастовку „потасовкой“, соціалъ-демократовъ — „сцывалъ - нимакратами“, митингъ — „титингомъ“, прокламаціи—„кармааціями“ и т. д., что землемѣры не могли удержаться отъ смѣха. Марья Семеновна сердилась на нихъ, стыдила, особенно Бѣлокрылова, который подзадоривалъ Ульяну къ разсказамъ и хохоталъ больше всѣхъ, но и сама часто смѣялась.

Въ пятницу, сейчасъ же послѣ разбора покупокъ, сѣли за карты. Сложили планъ вдвое, очистивъ половину стола. Бѣлокрыловъ положилъ полтинникъ въ банкъ и перетасовалъ карты. Начали играть осторожно, ставили по пятачку и гривеннику, банкъ увеличивался туго, иногда уменьшался до двугривеннаго. Становилось скучно.

Принесшій почту Александръ Ивановичъ сначала только смотрѣлъ, потомъ поставилъ пятачокъ и выигралъ, поставилъ весь гривенникъ и опять выигралъ. Осмѣлившись, Александръ Ивановичъ пошелъ на весь банкъ, въ которомъ было восемьдесять копеекъ, и получилъ два туза. Онъ весь просіялъ, вынулъ

изъ кармана шпильку, закололъ ею свернутые на затылкѣ волосы и сѣлъ метать банкъ.

Когда, въ первомъ часу ночи, сошла внизъ увлекшаяся чтеніемъ писемъ и газетъ Марья Семеновна, игра была въ полномъ разгарѣ. Лица игроковъ поблѣднѣли, глаза горѣли.

— Полтинникъ... По банку... Двадцать одно... Тьфу! перебралъ!—слышались отрывистыя восклицанія. Изъ сосѣдней комнаты доносился переливчатый храпъ Полубенка.

— Ужинать скоро будемъ, господа?—спросила Марья Семеновна.

— Погоди, не хотимъ,—отмахнулся Петръ Ивановичъ, которому сильно везло.

Кончили въ третьемъ часу. Выигралъ Вагинъ и немного Александръ Ивановичъ; около четырехъ рублей проигралъ Сорокинъ и больше пяти—Бѣлокрыловъ.

Въ воскресенье, вмѣстѣ съ Александромъ Ивановичемъ, пришелъ играть и Владиміръ Сергѣевичъ. На этотъ разъ проиграли до свѣту и на работу въ понедѣльникъ вышли въ одиннадцать часовъ.

Играть стали почти каждый день. Отъ скуки садилась за карты и Марья Семеновна. Она не знала правилъ игры, и ей все время приходилось показывать, играла спокойно и всегда счастливо. Больше другихъ волновались Александръ Ивановичъ и Бѣлокрыловъ. Послѣдній, какъ ребенокъ, радовался выигрышу и чуть ли не плакалъ, когда проигрывалъ.

Какъ всегда при однихъ и тѣхъ же игрокахъ, игра являлась толченіемъ воды въ ступѣ,—нынче выигрывалъ одинъ, завтра другой. Постоянные выигрыши Марьи Семеновны едва покрывали проигрыши Петра Ивановича, и только монахи, игравшіе заодно, были неизмѣнно въ небольшомъ, никогда не превышавшемъ рубля, выигрышѣ.

XIII.

Наканунѣ Воздвиженья землемѣры собирались ко всенощной и сказали объ этомъ Иринарху, но вечеромъ Марья Семеновна захворала,—появилась тошнота и головокруженіе. Не пошелъ ко всенощной и Вагинъ. Полубенко завалился спать. Бѣлокрыловъ съ Сорокинымъ подумали,подумали и поѣхали съ острогой.

Съ острогой началъ ѣздить Вагинъ еще въ началѣ сентября. Сопровождалъ его Бѣлокрыловъ. Въ первую ночь нарубили рыбы на хорошую уху, потомъ ночей пять добывали понемножку, а

подъ конецъ и совсѣмъ ничего не попадалось. Вагинъ охотился съ острогой по Керженцу, гдѣ замѣчательно прозрачная вода и много рыбы, а потому ѣздить по малорыбной, мутноводной Бурлинкѣ ему надоѣло. Однако, наканунѣ Воздвиженья онъ собирался ѣхать послѣ всенощной, такъ какъ было новолуніе—самое лучшее время для охоты. Но помѣшала болѣзнь Марьи Семеновны.

Вагинъ съ завистью глядѣлъ съ крыльца вслѣдъ Бѣлокрылову и Сорокину и потомъ, когда скрылись они въ густой тьмѣ осенней ночи, долго стоялъ, ежась отъ холода. Было темно и тихо, ночь обѣщала быть „бархатной", какъ говорилъ старый керженскій рыбакъ Макарычъ, съ которымъ нѣсколько лѣтъ охотился Вагинъ. Было досадно, что приходилось сидѣть дома въ такую ночь.

Марья Семеновна лежала на высоко взбитыхъ подушкахъ; прекрасные сѣрые глаза ея потускнѣли, щеки поблѣднѣли, губы потрескались. Петру Ивановичу стало жалко жену и стыдно за то, что думаетъ онъ только о себѣ, о своихъ удовольствіяхъ.

— Ну, какъ ты чувствуешь себя, Маруся?—нѣжно спросилъ онъ, садясь на край ея постели.

— Да теперь ничего, только слабость и бока болятъ,—улыбнулась Марья Семеновна.

— Отчего бока болятъ?

— Отъ матраца, сѣно свалялось,—словно камни подъ боками-то...

Петру Ивановичу опять стало стыдно за свое невниманіе къ женѣ. Маруся, нѣжная, не привыкшая къ лишеніямъ, принуждена спать на сѣнникѣ, сносномъ только первыя двѣ недѣли, а потомъ превращающемся въ жесткую лепешку. Онъ осторожно перенесъ жену на свою постель, та бранилась въ шутку и радостно смѣялась.

— Уронишь, Петя...

— Да я тебя хоть до своего планшета унесу,—успокоилъ онъ.

Сверху сѣнника Вагинъ постлалъ чапанъ и свое теплое одѣяло. Марья Семеновна запротестовала:

— Не глупи, пожалуйста, Петя,—замерзнешь безъ одѣяла-то...

— А пальто зачѣмъ? Вотъ, теперь получше будетъ, а завтра нужно будетъ набить матрацъ новымъ сѣномъ...

Петръ Пвановичъ скоро и крѣпко заснулъ, а Марья Семеновна лежала и думала о томъ, какъ въ періодъ религіозности, двѣнадцати-четырнадцатилѣтней дѣвочкой, любила она всенощную на Воздвиженье и въ особенности пѣніе „Кресту Твоему".

На монастырской колокольнѣ печально перезванивали колокола. Въ церкви теперь вынесли крестъ въ вѣнкѣ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и торжественно поютъ: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко“...

Слезы подступили къ горлу. Было мучительно жаль невозвратно прошедшаго дѣтства, когда жизнь казалась волшебной, чудной сказкой, когда была только одна забота,—о томъ, чтобы вездѣ поспѣть и всѣмъ насладиться...

Что-то вдругъ шевельнулось подъ сердцемъ и тихо застучало, словно билъ кто-то тонкимъ, мягкимъ молоточкомъ. Марья Семеновна вздрогнула испуганно и радостно, и замерла...

У нея будетъ ребенокъ, она вмѣстѣ съ нимъ переживетъ снова свое дѣтство, невозможное станетъ возможнымъ... До сихъ поръ „это“ казалось лишь несчастьемъ, неизбѣжнымъ зломъ, теперь въ немъ открылся источникъ такой свѣтлой, тихой радости. Еще не знала, въ чемъ она, эта радость, но уже смутно чувствовала ее, предугадывала...

Хотѣла разбудить мужа и сказать ему о своемъ счастьѣ, но раздумала,—этого не выразишь словами,—и лишь осторожно пріодѣла съежившагося Петра Ивановича своей шубой...

Церковь сіяла сотнями огней, сверкало золото иконостаса, ризы иконъ, синеватый кадильный дымъ плавалъ волнистыми облаками. Было много молящихся изъ деревень и Грабовца. Служилъ архимандритъ, два іеромонаха и высокій, широкогрудый іеродіаконъ съ громоподобнымъ, рыкающимъ басомъ. Пѣлъ монастырскій хоръ въ полномъ составѣ.

Служили неторопливо, торжественно и благолѣпно; отъ множества горящихъ свѣчей и дыханья богомольцевъ было невѣроятно душно, входныхъ дверей не затворяли, но свѣжесть осенней ночи чувствовалась только въ притворѣ, тоже полномъ молящихся.

Иринархъ, въ праздничной рясѣ и клобукѣ, съ сверкавшимъ на груди крестомъ, стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, у правой колонны, поддерживавшей церковный куполъ. Онъ былъ совершенно трезвъ и потому печаленъ.

Нервно оправляя широкія рукава, Иринархъ то и дѣло оглядывалъ церковь, ища землемѣршу. Сначала онъ старался дѣлать это незамѣтно, а потомъ пересталъ остерегаться.

Землемѣрши не было. Нѣсколько разъ испуганно замирало сердце монаха при взглядѣ на стройную фигуру пріѣзжей барыш-

ни, нѣсколько разъ ему казалось, что сзади онъ слышитъ шопотъ Марьи Семеновны. Оглядывался,—шептались пріѣзжія...

— Господи, что это со мной?—беззвучно шепталъ Иринархъ.— Наважденіе...

Чѣмъ дальше шла служба, тѣмъ безпокойнѣй становилось на сердцѣ Иринарха. Онъ почти не слышалъ того, что пѣли и читали, вздрагивалъ при каждомъ движеніи въ церкви и уже безъ всякаго стѣсненія озирался по сторонамъ.

Подошелъ Александръ Ивановичъ и многозначительно спросилъ:

— Что съ вами, отецъ Иринархъ? Больны, можетъ быть?

— Нѣтъ. А что?

— Да замѣтно... Богомольцевъ вѣдь постороннихъ много,— еще внушительнѣй прошепталъ Александръ Ивановичъ.

Иринархъ рѣшилъ сдерживаться, но тотчасъ же забылъ и объ Александрѣ Ивановичѣ, и о богомольцахъ, и о томъ, гдѣ онъ стоитъ... Въ синеватыхъ облакахъ кадильнаго дыма плавала головка землемѣрши, мягкимъ свѣтомъ горѣли сѣрые глаза на ореолѣ золотистыхъ волосъ...

— Господи, прости.., Наважденіе, — шепталъ Иринархъ, крестясь и кланяясь совсѣмъ не во́-время...

Поютъ „Хвалите имя Господне“, красиво выдѣляются на фонѣ густыхъ басовъ нѣжные дисканты мальчиковъ; то взмываетъ, захлестываетъ ихъ, то спадаетъ волна полнозвучныхъ альтовъ; гуще облака кадильнаго дыма; кажется, что иконы шевелятся, вотъ-вотъ выплывутъ изъ кіотовъ и поднимутся на синеватыхъ клубахъ къ далекому, чуть видному сквозь дымъ куполу церкви, откуда смотритъ внизъ Всевидящее Око...

„Не придетъ, пожалуй... А можетъ быть, къ выносу придутъ,—невѣрующіе вѣдь они, такъ только, ради любопытства,— думаетъ Иринархъ.—Господи, что со мной? Съ чего это я все о ней думаю?...“

Вспоминается почему-то ясный майскій день. Иринархъ, тогда еще Костя, четырнадцатилѣтній застѣнчивый мальчикъ, въ бѣлой парусиновой курточкѣ, подпоясанной ремнемъ, сидитъ за столикомъ въ городскомъ садикѣ и пытается нарисовать поразившую его своей скромной прелестью березку.

Увлекся, никакъ не удается изобразить красоту бѣлаго, стройнаго ствола, увѣнчаннаго зелеными, нѣжными кудрями. Вдругъ почувствовалъ, что смотритъ кто-то пристально-пристально. Оглянулся. Стоитъ рядомъ дѣвочка лѣтъ десяти въ коротенькомъ бѣломъ платьицѣ, машинально перебираетъ пальчиками волосы въ

перекинутой черезъ плечо косѣ и смотритъ, пристально смотритъ на него сѣрыми большими глазами...

Онъ забылъ, какого цвѣта были у нея глаза и волосы, но теперь кажется, что глаза были сѣрые, а волосы—золотистые, какъ у Марьи Семеновны... Было это въ губернскомъ городѣ, за сотни верстъ отъ того города, въ которомъ родилась Марья Семеновна, но теперь кажется, что была это она...

„Тогда ея и на свѣтѣ-то не было“, — думаетъ Иринархъ, странная мысль о тождествѣ маленькой дѣвочки съ Марьей Семеновной не уходитъ. И странно,—никогда не вспоминалъ о дѣвочкѣ, забылъ ее чуть ли не въ тотъ же чудный майскій день, а вотъ теперь такъ ясно стоитъ она передъ глазами...

Вспомнилась потомъ сожженная въ академіи картина. Какъ будто есть какая-то связь между ней и дѣвочкой... Знакомая мистическая жуть охватила душу, разумъ приближался къ той грани, за которой смутно мелькала картина, символизировавшая для Иринарха тайну жизни...

— Слава Тебѣ Показавшему намъ свѣтъ!—мягкимъ, звучнымъ теноромъ возгласилъ архимандритъ.

— Слава въ вышнихъ Богу!—грянулъ хоръ.

„Сейчасъ выносъ... Нѣтъ, не придетъ“, — думаетъ Иринархъ. Оглянулся на толпу молящихся, потомъ поглядѣлъ на плававшее въ дымныхъ облакахъ Всевидящее Око и грустно поникъ головой. Хотѣлось вернуть только что пережитое настроеніе, но не возвращалось оно,—погасло что-то въ душѣ и не загоралось вновь...

— Кресту Твоему поклоняемся, Владыко... медленно и густо поютъ священнослужители. Словно рожь, колеблемая вѣтромъ, склоняется и распрямляется толпа богомольцевъ. Въ открытую дверь доносится печальный перезвонъ колоколовъ...

— Кресту Твоему...—рвутся къ небу альты и дисканты.—Вла-адыко,—словно изъ-подъ земли гудятъ басы.

„Нѣтъ, не пришла“,—тоскливо думаетъ Иринархъ, склоняясь вмѣстѣ съ другими.

Прямо ото всенощной пошелъ Иринархъ подъ гору. Ворота монастыря сейчасъ же послѣ всенощной запирались, и сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ офиціально прекращалось, но рядомъ съ воротами была маленькая калиточка, въ которую привратникъ Ѳома пропускалъ монаховъ.

Сотни разъ ходилъ черезъ калитку Иринархъ и какъ-то не вдумывался въ смыслъ ея существованія, а теперь вспомнилъ свой первый разговоръ съ Марьей Семеновной и подумалъ:

„Здѣсь тоже надвое, — ворота, запертыя замкомъ, — форма, калитка—суть. Ворота для души, калитка—для тѣла, для грѣшнаго естества...“

Было темно подъ горой, блестѣлъ лишь огонекъ на водокачкѣ, за Святымъ озеромъ. Спали землемѣры. Но Иринархъ всетаки спустился подъ гору и, крадучись, сталъ обходить домъ садовника, заглядывая въ темныя окна и ежась отъ ночной свѣжести, охватывавшей тѣло сквозь тонкую шелковую рясу.

Въ отворенную дверь сѣней шумно выбѣжалъ „Шарикъ“ и злобно залаялъ на прежняго хозяина.

— Ишь песъ, промѣнялъ меня на землемѣршу, — словно на чужого лаетъ,—пробормоталъ Иринархъ.

„Шарикъ“ смолкъ, засопѣлъ, потомъ недоумѣнно взвизгнулъ и подошелъ вплотную къ монаху, шумно втягивая носомъ воздухъ — обнюхивалъ. Иринархъ вздохнулъ и поплелся въ гору. „Шарикъ“, словно рѣшивъ трудный вопросъ объ отношеніи къ Иринарху, опять залился злобнымъ лаемъ.

Нудно и тоскливо было на душѣ Иринарха. Въ кельѣ тоска еще усилилась, звучалъ въ ушахъ голосъ землемѣрши, сверкали сѣрые, лучистые глаза. Иногда выплывала вдругъ вся она, въ скромной черной юбкѣ, въ простенькой синей блузкѣ...

— Неужели я влюбился? Господи! Почто испытуешь раба Твоего?—шепталъ монахъ и метался по слабо освѣщенной огнемъ лампадки кельѣ, ломая блѣдныя, не знавшія физической работы руки. Былъ похожъ онъ на гигантскую черную птицу, невѣдомо откуда залетѣвшую въ маленькую полуосвѣщенную келью...

Сѣлъ на постель, сталъ вспоминать всенощную, блескъ свѣчей, толпу богомольцевъ, Всевидящее Око въ клубахъ кадильнаго дыма... Ослабѣла тоска, мирная грусть овладѣла душой. Иринархъ запѣлъ вполголоса:

— Кресту Твоему поклоняемся, Владыко...

И вдругъ зазвучалъ въ ушахъ голосъ Марьи Семеновны, пѣвшей „Костеръ“:—въ степь далеко, милый мой...

Иринархъ забѣгалъ опять по кельѣ, взглянулъ на скорбное лицо въ терновомъ вѣнцѣ, словно живое въ трепетномъ свѣтѣ лампадки, и, нервно царапая дрожащими руками грудь, пробормоталъ: „Господи, прости раба Твоего“...

Досталъ изъ-подъ кровати бутылку за красной печатью. Синеватая влага тускло поблескивала. Вышибъ привычнымъ ударомъ пробку и жадно сталъ пить прямо изъ горлышка.

По мѣрѣ того какъ пустѣла бутылка, пріятно теплѣло въ жи-

вотѣ, и оттуда теплота расходилась по всему тѣлу, мысли туманились.

Кое-какъ раздѣвшись, Иринархъ уснулъ, но и во снѣ видѣлъ землемѣршу. Шла она по завядшей травѣ вдоль „Поганки", и за ней, тамъ, гдѣ ступали ея ноги, ярко зеленѣла травка и расцвѣтали невиданные прекрасные цвѣты...

XIV.

Сквозь сонъ Петръ Ивановичъ слышалъ какой-то стукъ, и казалось ему, что стучитъ это телѣга. Пріѣхалъ уже Прохоръ, а Вагину такъ еще хочется спать...

— Петя, Петя, проснись,—кто-то стучитъ,—шопотомъ будила мужа Марья Семеновна.

— А? Что?—сонно пробормоталъ Петръ Ивановичъ.

— Стучитъ кто-то въ дверь...

— Чего же ты не спросишь?—брюзжалъ Вагинъ.—Кто тамъ?

— Это я, Петръ Ивановичъ,—раздался за дверью смущенный голосъ Бѣлокрылова. — Чай пить пора... Щуку мы срубили въ шестнадцать съ половиной фунтовъ...

— Ну!? Сейчасъ иду...

Вагины одѣлись и сошли внизъ. Въ кухнѣ на лавкѣ лежала щука. Поражала не длина ея, а толщина; огромная зубастая пасть рыбы была раскрыта, у самаго основанія головы зіяла страшная рана.

Бѣлокрыловъ, захлебываясь отъ волненія, разсказывалъ, какъ принялъ щуку сначала за бревно, потомъ разсмотрѣлъ плавники и, нацѣлившись, ударилъ изо всей силы острогой.

— ...Чувствую, возится она на острогѣ, шестъ дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ. Я приподнялъ ее и опять ударилъ въ дно, потомъ еще разъ... Перестала она биться, вытащили...

— Подъ утро, что ли?—спросилъ Вагинъ съ плохо скрываемой завистью къ удачѣ товарища.

— Какое подъ утро!—въ двѣнадцать часовъ ужъ дома были...

Пришелъ монастырскій рыбакъ, поглядѣлъ на щуку и похвалилъ ударъ:

— По-рыбацки срублена,—въ самый загривокъ...

То и дѣло приходили монахи. Ахали, изумлялись, мѣрили щуку четвертями, потомъ аршиномъ, заглядывали въ пасть, пробовали пальцами остроту зубовъ... Перебывало почти все населеніе монастыря, приходилъ даже толстый, страдавшій одышкой содержатель постоялаго двора Сидоръ Поликарповичъ.

Послѣ чаю Петръ Ивановичъ пошелъ къ архимандриту за деньгами для субботняго расчета. Землемѣры бывали въ монастырѣ нѣсколько разъ, но исключительно во дворѣ и церкви; первый разъ Вагину пришлось побывать въ кельяхъ.

Желтолицый, испитой монахъ показалъ ему, гдѣ найти Владиміра Сергѣевича, который долженъ былъ доложить архимандриту. Вагинъ вошелъ въ длинный, узкій коридоръ, съ окномъ въ противоположной отъ двери стѣнѣ.

У второй двери налѣво лежалъ, скорчившись, Иринархъ въ рыжемъ затрапезномъ подрясникѣ, въ правой рукѣ монаха былъ судорожно зажатъ ключъ. Петръ Ивановичъ постучалъ въ слѣдующую дверь. Выглянулъ Владиміръ Сергѣевичъ.

— Вы что, къ отцу архимандриту? Сію минуту...

Изъ двери напротивъ вышелъ Александръ Ивановичъ, покраснѣлъ, увидѣвъ Иринарха, и бросился къ нему, на-ходу пожавъ руку Вагина.

— Отецъ Иринархъ... Что это вы... Какъ же можно... Гдѣ ключъ-то...—бормоталъ онъ, поднимая Иринарха; отперъ дверь и ввелъ полубезчувственнаго монаха въ келью.

— Ну, идемте,—сказалъ Владиміръ Сергѣевичъ, приглаживая волосы и надѣвая скуфейку (обычно ходилъ онъ въ шляпѣ).

Въ покояхъ архимандрита пахло деревяннымъ масломъ, ладаномъ и просфорами; являлось впечатлѣніе исключительной сухости и педантичной чистоты; крашеный полъ блестѣлъ, какъ зеркало. Было какъ-то особенно тихо и глухо, сонная муха медленно ползла по стѣнѣ; лѣниво качался, слабо постукивая, маятникъ старинныхъ часовъ съ кукушкой.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались мягкіе шаги и шелестъ шелка, въ залъ къ Вагину выплылъ полный, румяный монахъ, съ небольшой сѣдой бородкой, въ черной рясѣ, изъ-подъ которой мелькалъ бѣлый подрясникъ. Вагинъ заколебался, подходить или не подходить подъ благословеніе, но монахъ предупредилъ его, протянувъ бѣлую, пухлую руку для пожатія.

— Садитесь,—мягкимъ теноромъ произнесъ онъ, ласково посматривая на гостя маленькими карими глазками,—правда, вы щуку въ полпуда срубили?

— Въ шестнадцать съ половиной фунтовъ,—улыбнулся Вагинъ,—и не я, а товарищи...

— Нельзя ли прислать посмотрѣть, — сроду такихъ рыбъ не видывалъ...

— Хорошо, пришлю... Я къ вамъ по дѣлу...

— Знаю, знаю, за деньгами... Вы вмѣсто Христіана Густавовича. Хорошій человѣкъ былъ, даромъ что католикъ...

— Развѣ качества человѣка зависятъ отъ вѣроисповѣданія?— усмѣхнулся Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, я не къ тому, а враждебности у него не было къ православнымъ...

— Да вѣдь онъ столько же католикъ, сколько я православный...

— Да, да, знаю,—заторопился архимандритъ.—Сколько же вамъ нужно-то?

— Двѣсти рублей.

— Хорошо. Сейчасъ. Володя! Принеси-ка, голубчикъ, чернилъ и бумаги...

Владиміръ Сергѣевичъ подалъ серебряный чернильный приборъ и стопку почтовой бумаги.

Вагинъ написалъ расписку. Архимандритъ принесъ пукъ кредитокъ. Петръ Ивановичъ пересчиталъ деньги, спряталъ ихъ и сталъ прощаться.

— Въ другой разъ приходите чайку попить,—любезно говорилъ архимандритъ.—Теперь-то я уѣзжаю... А рыбу пришлите,— любопытно поглядѣть...

За обѣдомъ ѣли уху изъ щуки и жаркое изъ нея же. Рыба оказалась чрезвычайно жирной и приторной, пахло отъ нея тиной, но всѣмъ такъ надоѣло мясо, что ѣли съ большимъ аппетитомъ.

Сейчасъ же послѣ обѣда сѣли за карты. Пришли монахи. На улицѣ то и дѣло взвизгивали гармоники.

— Ишь какъ разгулялись; рады, что архимандритъ уѣхалъ,— замѣтилъ Вагинъ.

— Онъ часто уѣзжаетъ, а разгулялись потому, что праздникъ,— сказалъ Александръ Ивановичъ, тасуя карты.

— Куда уѣзжаетъ?

— Въ Грабовецъ, на подворье...

— Жена у него въ Грабовцѣ-то,—добавилъ возившійся надъ планомъ Полубенко.

— Сплетни, навѣрное,—вспыхнула Марья Семеновна.

— Не сплетни, а правда,—горячо вмѣшался Бѣлокрыловъ.— У нихъ у всѣхъ тутъ...

Монахи смущенно молчали. Александръ Ивановичъ, чтобы замять непріятный разговоръ, спросилъ, гдѣ срубили щуку. Маневръ удался, Бѣлокрыловъ съ увлеченіемъ сталъ разсказывать всѣмъ уже надоѣвшую исторію о поимкѣ щуки.

Игра продолжалась до вечера, чай пили за картами. Вечеромъ пришелъ пьяный Иринархъ. Монахи сдѣлали видъ, что лишь смотрятъ на игру, а сами не играютъ. Марья Семеновна кончила играть еще въ сумерки. Разыграли банкъ и прекратили игру. Бѣлокрыловъ принесъ гитару.

— Повеселѣй что-нибудь, голубчикъ, душа болитъ,—попросилъ Иринархъ.

Бѣлокрыловъ заигралъ сѣни. Иринархъ крѣпился недолго, сталъ притопывать, шевелить плечами и, наконецъ, пустился въ плясъ.

— Отецъ Иринархъ, что вы! Нехорошо!—вскочилъ Александръ Ивановичъ.—Пойдемте, я васъ провожу...

Иринархъ смущенно поглядѣлъ на землемѣровъ, глубоко вздохнулъ и, махнувъ рукой, покорно пошелъ съ Александромъ Ивановичемъ.

Проводивъ Иринарха, Александръ Ивановичъ возвратился въ чертежную и еще съ порога заявилъ, что банкъ метать ему.

Игра пошла съ прежнимъ азартомъ. Нѣсколько разъ входила Марья Семеновна, взглядывала въ блѣдное, взволнованное лицо мужа и опять уходила.

Кончили въ три часа. Результатъ двѣнадцатичасовой игры былъ мизерный, монахи выиграли сорокъ копеекъ. Вагинъ и Бѣлокрыловъ проиграли по двадцати копеекъ, Сорокинъ остался „при своихъ“.

XV.

Приближалась зима, холоднѣй становились ночи, совсѣмъ ужъ бѣлые стали зайцы. Дня черезъ два послѣ Воздвиженья случился первый утренникъ. Бѣлой прозрачной дымкой подернулась желтая, сухая трава, посѣрѣли черныя колеи дороги, еще холодное утреннее солнце зажгло на землѣ милліоны голубыхъ искръ. Сразу порѣдѣла листва на все еще крѣпившихся дубахъ, облетѣли послѣдніе листья съ оголенныхъ липъ. Было какъ-то особенно свѣжо и легко, холодная вода при умываньѣ обжигала лицо.

Днемъ обогрѣло, призрачный бѣлый налетъ поднялся къ блѣдному небу тонкимъ паромъ, но къ вечеру опять похолодѣло, а ночью шелъ дождь со снѣгомъ.

Марья Семеновна не спала всю ночь и дрожала отъ холода, утромъ у нея заболѣли зубы. Петръ Ивановичъ рѣшительно заявилъ, что переселяется въ столовую, такъ какъ дольше жить въ нетопленномъ мезанинѣ нѣтъ никакой возможности.

Рабочіе мигомъ перенесли кровати и чемоданъ, Марья Семеновна стала устраиваться на новосельѣ, а Петръ Ивановичъ поѣхалъ на работу. Вечеромъ онъ не узналъ столовой: у стѣнъ стояли чисто прибранныя постели, на окнахъ висѣли бѣлыя занавѣски, въ простѣнкѣ стоялъ столъ, покрытый вязаной скатертью, на немъ небольшое зеркальце, книги и лампа. Жарко топилась плита, Марья Семеновна ходила по комнатѣ и вполголоса напѣвала, очень довольная новосельемъ.

Иринархъ сталъ пить меньше, до вечера почти ежедневно бывалъ трезвъ, тихъ и печаленъ, одѣвался всегда въ чистый черный подрясникъ. Замѣтно для всѣхъ искалъ онъ общества Марьи Семеновны, что давало неистощимую тему для шутокъ надъ нимъ со стороны землемѣровъ.

Марья Семеновна любила разговаривать съ Иринархомъ; сужденія его часто поражали ее своей оригинальностью и глубиной. Держался монахъ съ ней деликатно и корректно, только тяжелый взглядъ его воспаленныхъ, полубезумныхъ глазъ смущалъ Марью Семеновну и будилъ смутную, жуткую тревогу въ ея душѣ.

Вагинъ далъ женѣ слово не играть въ карты и не игралъ, что совсѣмъ было разстроило игру, но потомъ все пошло попрежнему; разница была только въ томъ, что теперь играли двое на двое, монахи съ одной стороны, Бѣлокрыловъ и Сорокинъ—съ другой. Вскорѣ послѣ Воздвиженья, когда игра еще не совсѣмъ наладилась, уговорили поиграть Полубенка. Тотъ согласился. Просидѣлъ до двѣнадцати часовъ и выигралъ три рубля съ копейками. Какъ ни упрашивали его потомъ, какъ горячо ни доказывали, что „съ выигрышемъ не уходятъ“, Полубенко играть больше не соглашался.

Играла иногда и Марья Семеновна, но Петръ Ивановичъ твердо держался своего слова. По вечерамъ онъ ходилъ караулить къ падали. Пала монастырская лошадь верстахъ въ двухъ отъ монастыря; сняли съ нея шкуру, оттащили ободранную тушу саженъ на двадцать отъ дороги и бросили. По первому снѣгу Вагинъ замѣтилъ, что къ тушѣ ходятъ лисы, и сталъ караулить по ночамъ.

Долго ничего не удавалось убить. Вагинъ уже хотѣлъ бросить свою затѣю, но совершенно неожиданно въ одинъ вечеръ убилъ двухъ хорей, пришедшихъ на падаль. Послѣ этого Петръ Ивановичъ сталъ ходить къ падали каждый вечеръ, если только позволяла погода, чему былъ очень радъ Бѣлокрыловъ, отчаянно ухаживавшій за Марьей Семеновной и не замѣчавшій, что та смѣется надъ нимъ.

Снѣгъ, выпавшій вскорѣ послѣ Воздвиженья, растаялъ, шли дожди, нѣсколько разъ опять выпадалъ снѣгъ, но скоро таялъ. Случались изрѣдка даже теплые, ясные дни, напоминавшіе лѣто. Ночи послѣ такихъ дней казались особенно холодными, а утромъ всегда бывали звонкіе, серебристые морозцы. Въ такія холодныя лунныя ночи особенно любилъ ходить на падаль Петръ Ивановичъ. Марьѣ Семеновнѣ не нравились охотничьи экскурсіи мужа, и она даже уговаривала его лучше поиграть въ карты.

— Да чего ты волнуешься-то, посижу и приду, — говорилъ Петръ Ивановичъ, осматривая на свѣтъ лампы стволъ ружья.

— Я боюсь, что тебя искусаютъ рыси,—виновато улыбнулась Марья Семеновна.

Вагинъ отъ души расхохотался.

— Это съ ружьемъ-то и съ браунингомъ?—сказалъ онъ.— Сколько же для этого рысей-то нужно? Пожалуй, во всемъ монастырскомъ лѣсу столько-то нѣтъ...

— Ну, всетаки,—не сдавалась Марья Семеновна.—Ты бы хоть Шарика съ собой бралъ...

— Онъ только мѣшать будетъ... До свиданія, и не глупи, никто меня не съѣстъ, самъ всѣхъ съѣмъ,—пошутилъ Петръ Ивановичъ, щелкая затворомъ ружья и нахлобучивая шапку.

Проводивъ мужа, Марья Семеновна пошла въ чертежную. Тамъ уже шла игра, сѣла и Марья Семеновна. Монахи выигрывали, Бѣлокрыловъ горячился и проигрывалъ, Сорокинъ недовольно сопѣлъ.

Полтинникъ, поставленный въ банкъ Александромъ Ивановичемъ, быстро утроился. Монахъ поправилъ засученные рукава подрясника и сдалъ карты въ послѣдній разъ.

— По банку, — дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Бѣлокрыловъ. Взялъ онъ карту, потомъ еще одну. Подумалъ и попросилъ еще. Пришла десятка. Бѣлокрыловъ плюнулъ и злобно швырнулъ карты.

— Перебрали?—обрадовался Александръ Ивановичъ.

Бѣлокрыловъ молча поставилъ полтора рубля. Владиміръ Сергѣевичъ пошелъ на гривенникъ и проигралъ.

— Рубль,—заявила Марья Семеновна.

Александръ Ивановичъ далъ карту. Марья Семеновна показала туза и десятку.

— Двадцать одно!

Александръ Ивановичъ недовольно крякнулъ и подвинулъ ей два полтинника. Пошелъ на рубль Сорокинъ и проигралъ. Александръ Ивановичъ бросилъ карты и сгребъ деньги въ карманъ.

— Я поставлю, господа, рубль? — нерѣшительно произнесъ Бѣлокрыловъ, беря карты.

— Сразу отыграться хотите,—усмѣхнулась Марья Семеновна.

— Ничего, ничего, ставьте, — согласился Александръ Ивановичъ.

Игра пошла вяло, монахи ставили по пятачку и гривеннику. Марья Семеновна выигрывала, неизмѣнно проигрывалъ Сорокинъ, что больше всего злило Бѣлокрылова.

Банкъ только однажды достигъ полутора рублей, а потомъ сталъ медленно уменьшаться. Остался, наконецъ, только двугривенный. Александръ Ивановичъ поставилъ пятачокъ и проигралъ, Владиміръ Сергѣевичъ столько же выигралъ. Терпѣніе Бѣлокрылова лопнуло. Онъ швырнулъ карты и сказалъ, едва сдерживая слезы обиды и злобы:

— Сами выигрываютъ рублями, а ставятъ пятаками...

— Каждый воленъ ставить столько, сколько хочетъ, было условіе только, чтобы не меньше пятака,—спокойно возразилъ Александръ Ивановичъ.

— Вы заодно играете... Это нечестно, — пробормоталъ Сорокинъ.

— Вы тоже заодно,—отпарировалъ Александръ Ивановичъ.

— Кто вамъ сказалъ?—вспыхнулъ Бѣлокрыловъ.

— Развѣ не видно. Чай, не маленькіе...

— Будетъ вамъ, господа, ругаться-то,—вмѣшалась Марья Семеновна.—Каждый играетъ для того, чтобы выиграть, а Георгій Тихонычъ хочетъ, чтобы другіе проигрывали...

— Ничего я не хочу, а играть больше не стану.

Бѣлокрыловъ всталъ, принесъ изъ спальни гитару и сталъ нервно перебирать струны. Монахи усѣлись рядышкомъ на лавкѣ. Марья Семеновна встала и пошла къ себѣ. Какъ разъ въ этотъ моментъ пришелъ Иринархъ. Онъ былъ въ тепломъ полукафтаньѣ съ бархатнымъ воротникомъ.

Монахъ проводилъ женщину внимательнымъ взглядомъ и глубоко вздохнулъ. Александръ Ивановичъ лукаво подмигнулъ Бѣлокрылову.

— Напрасно вы въ монастырь-то пошли, отецъ Иринархъ,— усмѣхнулся тотъ.

— А что?

— Да вотъ отбили бы у Вагина жену-то.

Сорокинъ захихикалъ. Иринархъ нахмурился.

— Бабенція законная,—поддержалъ Полубенко.—Глаза—такъ прямо ядъ...

— Перестаньте болтать, голубчики, нехорошо...

— Почему нехорошо, отецъ Иринархъ? А всетаки скажите, зачѣмъ вы въ монастырь-то пошли?

— Не поймете вы, не вашего ума это дѣло,—серьезно сказалъ Иринархъ.—За правдой и красотой пошелъ...

— Ну, какая же красота въ монастырѣ,—ухмыльнулся Бѣлокрыловъ.—Женщины—вотъ это красота.

— Женская красота—временная, преходящая, а я искалъ нетлѣнной красоты...

— Это мощи, что ли?—спросилъ Полубенко.

— Не говори, голубчикъ, не говори...—торопливо перебилъ Иринархъ.

— Почему не говорить?—спросилъ Бѣлокрыловъ.—Вы говорите свое, а мы свое...

— Нельзя такъ смѣяться...

XVI.

Наканунѣ Покрова выпалъ довольно глубокій снѣгъ, дня три поморозило, а потомъ опять потеплѣло. Моросило, снѣгъ таялъ, сѣрый промозглый туманъ висѣлъ надъ землей, съ вѣтвей деревьевъ падали крупныя, холодныя капли. Снѣгъ, однако, совсѣмъ уже не растаялъ, а скоро его еще подсыпало. Зима дѣлала послѣднія усилія, отступала подъ дыханіемъ тепла и снова забирала силу. Къ половинѣ октября снѣгъ легъ окончательно, хотя еще тонкимъ, неровнымъ покровомъ, такъ что ѣздить продолжали на телѣгахъ, но лѣсъ уже принялъ вполнѣ зимній характеръ.

Пріѣзжалъ два раза Конакевичъ, всего на нѣсколько часовъ, такъ что Вагинъ и Полубенко, возвращавшіеся съ работы позднѣе другихъ, не заставали его. Марья Семеновна передавала, что видимо примирившійся съ отложеніемъ нарѣзки лѣсосѣкъ до весны и подсчитавшій свои барыши Конакевичъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Въ первый свой пріѣздъ онъ привезъ Марьѣ Семеновнѣ большую коробку конфетъ, во второй—винограду.

Рабочіе жаловались, что въ зимницѣ становится холодно, и съ нетерпѣніемъ ждали конца работъ въ дальнемъ участкѣ. Бурлинка замерзла, и хотя ледъ былъ еще тонкій и по всѣмъ направленіямъ чернѣли огромныя полыньи, рабочіе устроили переправу по льду, настлавъ на него сучьевъ.

Полубенко, намѣревавшійся кончить свою часть планшета въ

мѣсяцъ, проработалъ почти полтора, но кончилъ всетаки раньше Вагина и уѣхалъ домой вечеромъ, въ день окончанія работъ, несмотря на вьюгу, которая выла и грохотала въ лѣсу всю ночь.

Къ утру стихло, снѣгу выпало на полъ-аршина, установился санный путь. Вагинъ поѣхалъ заканчивать работу на розвальняхъ.

Ослѣпительно блестѣлъ подъ лучами низкаго зимняго солнца снѣгъ, испещренный въ чащахъ слѣдами лѣсныхъ обитателей. Въ березовомъ долу, верстахъ въ трехъ отъ монастыря, спугнули большую стаю тетеревей. Черныя и сѣрыя птицы перелетали съ дерева на дерево, гулко хлопая въ морозномъ воздухѣ сильными крыльями, кружились надъ санями.

— Эхъ, ружья-то нѣтъ,—пожалѣлъ Вагинъ.

— А вы изъ ливольверта ихъ,—посовѣтовалъ Прохоръ.

— Не попадешь... Развѣ попробовать,—нерѣшительно проговорилъ Петръ Ивановичъ, вынимая браунингъ. Прицѣлился въ ближайшаго краснобровaго красавца и выстрѣлилъ.

Лошадь захрапѣла, взлягнула задними ногами и во весь духъ помчалась по дорогѣ. Прохоръ какъ-то ужъ очень легко вылетѣлъ изъ саней и кубаремъ покатился внизъ по бѣлому откосу. Рѣзкій морозный вѣтеръ билъ въ лицо, дыханіе захватывало, мелкій, колючій снѣгъ слѣпилъ глаза; почти сливаясь въ сплошной заборъ, мчались назадъ толстые, прямые стволы сосенъ, сани прыгали и мотались изъ стороны въ сторону, словно утлая лодка въ бурю...

Вагинъ сунулъ въ карманъ браунингъ, легъ въ сани животомъ и кое-какъ досталъ зацѣпившіяся за передокъ саней вожжи. Замотавъ ихъ на руки, Петръ Ивановичъ уперся ногами въ передокъ саней и всѣмъ корпусомъ отвалился назадъ. Лошадь замотала головой, заплясала на мѣстѣ и, нѣсколько разъ взмахнувши задомъ, остановилась.

Вагинъ оглянулся на далеко позади чернѣвшуюся фигуру бѣгущаго Прохора и поѣхалъ къ нему навстрѣчу.

— Не ушибся?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—едва переведя духъ,—проговорилъ Прохоръ.—Ахъ ты еретица! Вотъ тебѣ, вотъ...

Прохоръ началъ хлестать лошадь кнутомъ, та опять понесла.

— Зачѣмъ ты ее бьешь, чортъ тебя возьми!—ругался Вагинъ, помогая удержать лошадь.

— А чего она бѣсится, ровно впервой...

— И правда, странно,—изъ ружья стрѣляли съ нея сколько разъ—не пугалась, а тутъ нà вотъ тебѣ...

Вагинъ разсмѣялся, сообразивъ, почему понесла лошадь.

— Патрономъ въ нее попало,—объяснялъ онъ Прохору.—Вотъ отсюда патронъ вылетаетъ, я держалъ вотъ такъ...

Вагинъ поднялъ револьверъ, лошадь дернула, оба едва усидѣли въ сѣняхъ.

— Нады поглядѣть, крови нѣтъ ли,—сказалъ Прохоръ, останавливая лошадь.

— Нѣтъ, конечно, онъ не шибко ударяетъ, ну а всетаки чувствительно,—успокоилъ Вагинъ.

Прохоръ не повѣрилъ, вылѣзъ изъ саней и внимательно осмотрѣлъ лошадь.

Случай этотъ привелъ Вагина въ хорошее расположеніе духа. Прохоръ былъ въ меланхолическомъ настроеніи и ѣхалъ тихо. Обыкновенно въ такіе дни Вагинъ всю дорогу ругался съ нимъ, а теперь онъ лишь время отъ времени поднималъ руку, и лошадь пускалась вскачь, къ немалому удивленію Прохора.

Снимали болото, лежавшее въ чащѣ молодого сосняка, росшаго по низинѣ, среди полуголыхъ холмовъ. По краю болота росла „чапыга“, до того густая, что срубленные кусты не только не падали, но выдирать ихъ приходилось съ большимъ трудомъ. Вагинъ взялъ было одну визирку самымъ болотомъ, но пришлось отказаться отъ этого, такъ какъ подъ снѣгомъ была вода.

Во время обѣденнаго отдыха Петръ Ивановичъ отошелъ въ сторону, къ небольшой рощицѣ старыхъ, но тонкихъ и низкихъ, затянувшихся на торфяникѣ сосенъ. Кроны этихъ сосенъ были похожи на женскія прически съ валиками, только что начавшія входить тогда въ моду. Бѣгали по стволамъ „поползни“; одинаково хорошо ползали эти сѣрыя птички и внизъ и вверхъ. Большой черный дятелъ съ красной головой старательно долбилъ сухую вершину сосны. Глухо и какъ-то сиротливо было въ лѣсу въ этотъ первый настоящій зимній день. Желтое солнце свѣтило не грѣя, морозъ щипалъ лицо, съ тихимъ шелестомъ падали съ вѣтвей пухлые комья снѣгу.

Послѣ обѣда работать пришлось по ровной, почти безлѣсной луговинѣ, узкой полосой тянувшейся между соснякомъ и болотомъ. Дѣло шло скоро, тѣмъ болѣе, что морозъ вызывалъ потребность движенія.

— Конецъ!—сказалъ Вагинъ, останавливаясь у начальнаго пункта съемки.

— Сматывайте цѣпь.

— Больше ужъ нечего въ этомъ участкѣ дѣлать?—спросилъ Василій.

— Нечего, завтра около монастыря будемъ работать,—Сорокину помогать...

— Ну такъ мы сейчасъ же въ монастырь пойдемъ, а то холодно въ зимницѣ-то...

Рабочіе дорогой весело шутили, кидались комьями снѣга, но Вагину было немного грустно, какъ будто жалѣлъ онъ, что приходится покидать этотъ далекій участокъ лѣса, съ суровой, печальной прелестью котораго сжился за три мѣсяца работы. Такъ было всегда,—работа надоѣдала, торопился кончать, а тотчасъ послѣ окончанія становилось грустно и казалось иногда, что могъ бы прожить годы въ глухомъ лѣсу, въ холодной, дымной зимницѣ.

Это настроеніе проходило такъ же внезапно, какъ и появлялось. Быстро прошло оно и на этотъ разъ. Прохора еще не было у зимницы. Вагина разсердила эта отсрочка, и лѣсъ вдругъ показался ему холоднымъ, враждебнымъ. Потянуло въ большую комнату съ жарко натопленной плитой; горячая, пріятная дрожь пробѣгала по тѣлу при воспоминаніи о стройной, гибкой фигурѣ жены...

Красноватый шаръ солнца, чуть видный сквозь чащу сосенъ, низко висѣлъ надъ землей, съ сѣвера ползли пухлыя синеватыя облака, въ кустахъ, на берегу Бурлинки, заботливо пересвистывались синицы. У входа въ зимницу горѣлъ яркій костеръ. Рабочіе, рѣшившіе ночевать въ послѣдній разъ въ зимницѣ, варили картошку.

— Завтра утромъ встанемъ, изломаемъ зимницу, запоемъ и пойдемъ въ монастырь,—сказалъ Кузьма, подкладывая дровъ.

— Зачѣмъ же ломать-то, дурень,—возразилъ Степанъ.—Зимница прочная, десять лѣтъ простоитъ... Ягодницы да грибницы сколько разъ спасибо скажутъ за нее; самъ, можетъ, не разъ ночуешь...

— Весной пойдемъ на „Хохулинъ бугоръ“ кладъ рыть, здѣсь остановимся,—добавилъ Василій.

Солнце совсѣмъ скрылось, горѣла красно-желтая заря, въ чащахъ сгустилась тьма, морозная, мертвенная тишина разливалась по лѣсу. Рабочіе, громко чавкая, ѣли сварившуюся картошку.

— Придется вамъ, Петръ Иванычъ, пѣшкомъ итти,—Прохора, должно быть, волки съѣли,—пошутилъ Василій.

Вагинъ и въ самомъ дѣлѣ собирался уже итти домой пѣшкомъ, когда чуткое охотничье ухо его уловило въ морозной тишинѣ слабый не лѣсной звукъ.

— Кажется, кричитъ кто-то?—сказалъ онъ.

Рабочіе перестали ѣсть и прислушались. Никто изъ нихъ ничего не разслышалъ, но Вагинъ опять уловилъ слабый звукъ и теперь ужъ не сомнѣвался въ томъ, что это голосъ человѣка. Скоро разслышали крики и рабочіе, потомъ раздался топотъ копытъ и скрипъ снѣга.

Ѣхалъ Прохоръ и пѣлъ какую-то заунывную пѣсню безъ словъ.

— Ты чего воешь-то?—спросилъ Василій.

— А звѣрей отпугивалъ. Добрый вечеръ.

Прохоръ вылѣзъ изъ саней, покачнулся и едва устоялъ на ногахъ.

— Гдѣ это ты назюзюкался, парень, и чего такъ долго?—спросилъ Вагинъ.

— Извините ужъ... Выпилъ на сговорѣ,—заплетающимся языкомъ объяснялъ Прохоръ, поворачивая съ помощью Кузьмы лошадь.—Прачка дочь свою, Дуньку-то, за Валадимъ Сергѣича выдаетъ, такъ вотъ, значитъ, по ефтому случаю...

— Да тебѣ-то что?—спросилъ, усаживаясь въ сани, Вагинъ.

— Какъ что?—изумился Прохоръ,—чай, Дунька-то мнѣ двоюродная сестра. Н-но!!

— Ну, кто-жъ тебя зналъ,—усмѣхнулся Вагинъ.—Владиміру Сергѣевичу-то вѣдь въ солдаты итти, зачѣмъ же онъ женится?

— А свадьбу опосля призыва играть будутъ. Его не возьмутъ въ солдаты-то, потому глаза у его неправскіе, ну вотъ послѣ призыва и обвѣнчаются,—словоохотливо объяснялъ Прохоръ.—Больно Александру Иванычу не по губѣ это...

— Почему?

— Вишь, онъ себѣ Дуньку-то ладилъ. Дѣвка—первый сортъ, бѣлая да румяная, ядреная, что рѣпа, а евонная-то Лизавета ужъ въ годахъ, да и съ другими погуливаетъ...

— Такъ вѣдь ему нельзя жениться-то, монахъ онъ, хотя и рясофорный...

— Вотъ въ этомъ-то и притча... Серафима-то, Дунькина мать, значитъ, говорила ему: выходи, молъ, изъ монастыря и женись, а ему такъ охота, потому въ міру-то работать придется, а онъ больно лѣнивъ, Александръ-то Иванычъ... Ну, и порѣшила Серафима за Владимъ Сергѣича отдать, онъ уѣздное училище кончилъ, поступитъ писаремъ въ казначейство али въ полицію, еще лучше, чѣмъ въ монастырѣ проживетъ...

За три мѣсяца Петръ Ивановичъ насмотрѣлся на монастырскую жизнь, наслушался разсужденій объ этой жизни, сходныхъ

съ разсужденіями Прохора, но до сихъ поръ его изумляло то, что люди простые и вѣрующіе говорятъ о женитьбѣ монаховъ, о выходѣ ихъ изъ монастыря въ силу матеріальныхъ соображеній, о пьянствѣ и скандалахъ съ такимъ философскимъ спокойствіемъ, съ такой невозмутимостью, словно такъ оно и должно быть, словно никакое другое отношеніе монаховъ къ монастырю и немыслимо...

Выѣхали на поляну. Высоко на горѣ темной, смутно-очерченной громадой поднимался монастырь, четко рисовались на звѣздномъ небѣ кресты его церквей; внизу, подъ горой, среди разбросанныхъ тамъ и сямъ группъ деревьевъ мелькали желтые привѣтливые огоньки; каждый изъ нихъ освѣщалъ уголокъ той мірской жизни, отъ соблазновъ которой безуспѣшно пытался оградить себя высокими каменными стѣнами древній монастырь...

XVII.

Стояли ясные, морозные дни, тихія звѣздныя ночи. Гулко лопались деревья отъ мороза. Когда послѣ сравнительно теплаго, солнечнаго дня крѣпчалъ къ ночи морозъ, землемѣры выходили на крыльцо слушать почти несмолкавшую въ такіе вечера, похожую на отдаленную ружейную перестрѣлку трескотню, изрѣдка гулко лопался ледъ на озерахъ, словно стрѣляли изъ пушки.

Еще въ началѣ октября по настоянію Вагина вставили въ домъ садовника зимнія рамы, но на потолкѣ не было земли, сквозь щели виднѣлась крыша, тепло не держалось, зато не жалѣли дровъ. Плиту въ столовой топили утромъ и вечеромъ, такъ сильно топили, что треснула она во всю длину, и трещина эта расширялась съ каждымъ днемъ.

Петръ Ивановичъ работалъ въ планшетѣ Сорокина. Марья Семеновна ходила въ хорошую погоду съ нимъ на работу и рѣдко видѣлась теперь наединѣ съ Иринархомъ.

Иринархъ совсѣмъ бросилъ пить, постепенно съ лица его сходили слѣды пьянства, глаза стали спокойнѣй, осмысленнѣй, но еще глубже залегла въ нихъ неизбывная тоска.

Однажды, въ холодный, вьюжный день, сидѣла Марья Семеновна въ чертежной, слѣдила изъ окна за Бѣлокрыловымъ, снимавшимъ Поганое озеро, и вполголоса напѣвала „Коробушку“.

Тихо скрипнула дверь. Марья Семеновна замолчала и оглянулась. Въ полуотворенную дверь заглянулъ Иринархъ; увидѣвъ Вагину, радостно улыбнулся и вошелъ, потирая бѣлыя озябшія руки.

— Не пошли на работу-то? Холодно?—спросилъ онъ, какъ всегда, осторожно, словно боясь сломать ее, пожимая теплую, узкую руку женщины съ длинными, точно выточенными пальцами.

— Куда же итти, вонъ какъ дуетъ... Я боюсь, что и мужъ-то озябнетъ въ этакій холодъ...

— Ну, они привычные, не замерзнутъ,—успокоилъ Иринархъ, всѣмъ говорившій ты, кромѣ Марьи Семеновны, но почему-то въ разговорѣ съ ней употреблявшій множественное число по отношенію къ Петру Ивановичу.—Вотъ этотъ, маленькій-то, озябнетъ, пожалуй, одежонка плохая... Сорокинъ, что ли, ему фамилія-то?

— Да, Сорокинъ... Я вотъ смотрю на Георгія Тихоныча,—сильно его пробираетъ, все время топчется да за носъ хватается...

— Въ лѣсу-то потеплѣй, здѣсь на полянѣ вѣтеръ сильнѣй... Скоро уѣдете ужъ?

— Да, говорятъ, не больше, какъ дней черезъ пять...

— Рады небось, соскучились?

— Немного соскучилась уже,—улыбнулась Марья Семеновна,—но даже жалко уѣзжать, хорошо здѣсь...

— Весной вотъ, дѣйствительно, хорошо. Вы пріѣдете весной-то?—спросилъ Иринархъ.—Мужъ-то пріѣдутъ вѣдь.

Марья Семеновна покраснѣла, вспомнивъ, что весной будетъ у нея ребенокъ.

— Можетъ быть, пріѣду... Не знаю еще...

— Пріѣзжайте, не покаетесь... Комары вотъ только одолѣваютъ, ну да къ нимъ привыкнуть можно...

Иринархъ походилъ по комнатѣ, поглядѣлъ въ окно на Бѣлокрылова, перешедшаго съ Поганаго озера на Святое, и задумчиво проговорилъ:

— Да, вотъ она жизнь-то, жили, жили, а уѣдете и забудете насъ...

Голосъ монаха дрогнулъ. Марья Семеновна поглядѣла на его длинную сѣдѣющую бороду, и стало ей жалко этого страннаго человѣка, за неряшливой внѣшностью пьяницы таившаго столько тоски и упорныхъ исканій.

— Нѣтъ, что вы, отецъ Иринархъ,—сказала она.—Сто лѣтъ проживу, и то все буду вспоминать и лѣсъ и монастырь...

— А меня будете вспоминать?—тихо спросилъ Иринархъ и, словно испугавшись своей смѣлости, опять отвернулся къ окну и нервно забарабанилъ по стеклу тонкими, сухими пальцами.

Сердце Марьи Семеновны испуганно замерло, въ тонѣ голоса Иринарха уловила она глубокія, задушевныя ноты, говорившія,

что въ простыхъ словахъ его скрывался значительный, жуткій для нея смыслъ. Женщина поняла, что не нужно отвѣчать на этотъ вопросъ, за отвѣтомъ послѣдуютъ новые вопросы въ томъ же родѣ, и потому лучше промолчать.

— Шарика безъ меня кормите... Сиротой онъ останется,—смущенно сказала она, гладя по лохматому затылку сидѣвшую у ея ногъ собаку.

— Какъ же, какъ же,—встрепенулся Иринархъ.—Я и раньше его привѣчалъ, а только что промѣнялъ онъ меня на васъ. Бывало, вездѣ за мной бѣгалъ, а теперь лаетъ, какъ на чужого...

Замолчалъ, задумался о ночи на Воздвиженье, когда темной тѣнью, вздрагивая отъ холода, бродилъ около дома землемѣровъ.

— Да,—встряхивая головою, произнесъ онъ.—Уѣдете, а жизнь пойдетъ своимъ чередомъ, словно и не было васъ... Умру я, а вы и не узнаете...

— Что это вы все умирать собираетесь, отецъ Иринархъ, лѣтъ-то вамъ, навѣрное, не такъ ужъ много?

— Лѣтъ—сорокъ шесть, а только дѣло не въ лѣтахъ... Да, не въ лѣтахъ. Снаружи-то я еще человѣкъ, а внутри ужъ пусто и ничего нѣтъ впереди, только смерть, яма могильная...

— А вы въ загробную жизнь вѣрите?—спросила Марья Семеновна.

Иринархъ пугливо оглянулся, сходилъ даже въ спальню и, вернувшись оттуда, тихо и скорбно произнесъ:

— Сомнѣваюсь...

Нѣсколько минутъ царило тревожное молчаніе. Иринархъ быстро ходилъ по комнатѣ. Шарикъ вертѣлъ мохнатой головой, внимательно слѣдя за монахомъ умными, сердитыми глазами.

— А Толстой вотъ вѣрилъ, хотя и еретикъ онъ съ вашей точки зрѣнія,—сказала Марья Семеновна.

— Да. Удивляюсь я ему, человѣкъ образованный, ученый... Такъ ужъ Богъ его вразумилъ... А я не могу... Простые люди, вотъ тѣ вѣрятъ. Схимникъ у насъ есть, изъ простыхъ онъ, не только писать, а и читать гражданскую печать не можетъ, но въ Писаніи весьма начитанный человѣкъ. Вотъ онъ вѣритъ. Каменной, несокрушимой вѣры человѣкъ. Слышали про него?

— Да, говорятъ, онъ страннику-сектанту въ лицо плюнулъ...

— Дѣйствительно, гнѣвный былъ старикъ, но въ остальномъ какъ ребенокъ, да и гнѣвъ-то его дѣтскій. Подлинно, что только дѣти войдутъ въ царство Божіе, въ рай. Да.

— А въ рай-то вы всетаки вѣрите?

— Да вѣдь схимникъ-то и сейчасъ въ раю: побѣдилъ соблазны

міра сего, невозмутимъ душой, единственная отрада его — молитва, никто и ничто не мѣшаетъ ей, не возмущается душа его горемъ и тоской, и вѣритъ онъ, что впереди жизнь безконечная,— чего же еще нужно? чего недостаетъ ему до райской жизни... Я не могу. Нѣтъ, не могу. Голова у меня такъ устроена, что сомнѣнія приходятъ даже тамъ, гдѣ ихъ не ждешь. Умъ скептическій; помимо воли и даже вопреки ей сказывается онъ... Въ первые годы монашества, послѣ неудачъ съ писаніемъ иконъ, о чемъ я разсказывалъ уже вамъ, вздумалъ я богословскими сочиненіями заняться. Написалъ книжку небольшую, вродѣ диссертаціи—о непорочномъ зачатіи... Всегда я преклонялся передъ этимъ удивительнымъ по красотѣ и глубинѣ смысла догматомъ. Ну, написалъ и послалъ архіерею, а тотъ строжайшую епитемью на меня наложилъ, книгу же предалъ огню,—еретической оказалась... Да! Такъ-то и во всемъ я, къ чему ни подходилъ, все разрушалъ, все отъ моего дыханія тускнѣло... Вонъ Александръ Иванычъ идетъ, должно быть, за мной,—архимандритъ пріѣхалъ. До свиданья пока,—заторопился Иринархъ, не любившій, чтобы монахи заставали его вдвоемъ съ Марьей Семеновной.

Ночью Марья Семеновна разбудила мужа.

— Петя, въ чертежной что-то неладно... Послушай,—шептала она.

Петръ Ивановичъ прислушался. Изъ чертежной неслись дикіе крики, иногда отчетливо долетала нецензурная брань.

— А, чтобъ ихъ чортъ взялъ!—выругался Вагинъ и, торопливо одѣвшись, вышелъ.

Лампа коптила, надъ планомъ кружились, осѣдая на него, черныя пылинки копоти, накурено было до того, что дымъ клубился во всю вышину комнаты, почти до самаго пола. Монахи и землемѣры стояли другъ противъ друга въ воинственныхъ позахъ и отчаянно ругались въ четыре глотки.

— Шулеръ!!—ревѣлъ Бѣлокрыловъ, подступая къ Александру Ивановичу съ высоко поднятой гитарой въ рукахъ.—Башку расшибу, сволочь! Тузъ-то внизу былъ, а очутился у тебя!! Передернулъ, с-нъ с-нъ! Подавай сейчасъ восемь съ полтиной, которые ты съ насъ за все-то время нажулилъ!!

— Смотри, ты, потише!!—оралъ монахъ.—За такія слова по мордѣ бьютъ!!

Вагинъ всталъ между противниками и развелъ ихъ руками.

— Ты что еще лѣзешь?—завопилъ Бѣлокрыловъ.—Въ морду захотѣлъ?!

Петръ Ивановичъ взялъ его за плечи и такъ тряхнулъ, что Бѣлокрыловъ поперхнулся и закашлялся. Монахи, воспользовавшись заминкой, дали тягу.

— Чего лѣзете!?—злобно закричалъ Сорокинъ.—Силой своей хвалитесь! Не ваше дѣло тутъ, а то...

— Молчать!—разсердился Вагинъ.—Спать ложитесь...

Онъ потушилъ лампу и вышелъ изъ чертежной.

На другой день Бѣлокрыловъ и Сорокинъ хохотали до слезъ надъ разсказомъ Вагина о ночномъ скандалѣ и увѣряли, что совершенно не помнятъ конца ссоры съ монахами. Помнятъ, что замѣтили, какъ Александръ Ивановичъ положилъ себѣ на десятку пиковаго туза, который былъ внизу колоды. И раньше были нѣкоторые признаки нечестной игры монаховъ, но на этотъ разъ Александръ Ивановичъ передернулъ ужъ очень неловко. Бѣлокрыловъ взялъ бывшіе въ банкѣ четыре рубля, Сорокинъ—сколько-то изъ денегъ, лежавшихъ около Владиміра Сергѣевича. Началась ссора, а что было дальше, оба не помнили. Заснули тутъ же въ чертежной, Бѣлокрыловъ на лавкѣ, Сорокинъ на полу. Ночью проснулись отъ холода, съ трудомъ сообразили, гдѣ они, и перешли на постели.

Въ сумерки дочь прачки Дуня, румяная, щеголеватая дѣвушка, въ гремящихъ крахмальныхъ юбкахъ, съ туго заплетенной косой, принесла шесть рублей двадцать копеекъ и записку отъ Александра Ивановича, въ которой онъ писалъ, что это весь ихъ выигрышъ, и просилъ расписаться на запискѣ же въ полученіи денегъ.

Землемѣры смутились, но послѣ недолгихъ колебаній взяли деньги и, расписавшись, вернули записку Дунѣ. На этомъ и кончилась карточная игра. Александръ Ивановичъ и Владиміръ Сергѣевичъ до самаго отъѣзда землемѣровъ уже не показывались въ домѣ садовника.

XVIII.

За день до отъѣзда землемѣровъ случилось то, чего такъ боялся Вагинъ въ началѣ работъ,—къ Марьѣ Семеновнѣ присталъ на прогулкѣ пьяный монахъ.

Землемѣры уже распустили рабочихъ и кончали наноску выдѣловъ насажденій на планъ. Марья Семеновна, соблазнившись солнечнымъ, тихимъ днемъ, пошла погулять по дорогѣ къ Бурлинкѣ. На обратномъ пути, уже въ виду дома садовника, къ ней и присталъ монахъ.

Шла Марья Семеновна и вспоминала, какъ гуляли они по этой дорогѣ съ Петромъ Ивановичемъ на другой день послѣ пріѣзда въ монастырь. Тогда поражала пестрота и яркость красокъ, а теперь лѣсъ только двухцвѣтный,—бѣлый съ темнымъ. Хотя темный цвѣтъ разныхъ оттѣнковъ, отъ буро-сѣраго до зеленаго, но оттѣнки эти мало замѣтны, и лѣсъ кажется черно-бѣлымъ.

Впереди захрустѣлъ снѣгъ подъ чьими-то ногами. Марья Семеновна подняла голову. Навстрѣчу шелъ мордастый послушникъ съ оловянными, выпученными глазами, вызывавшими представленіе о баранѣ. Онъ покачивался и что-то бормоталъ себѣ подъ носъ, нелѣпо размахивая руками.

Съ перваго взгляда на монаха непріятное безпокойство овладѣло Марьей Семеновной. Она остановилась на раскатѣ, чтобы пропустить монаха. Онъ поднялъ голову и остановился противъ нея, глупо ухмыляясь.

Марья Семеновна хотѣла обойти его, но монахъ растопырилъ руки и, причмокивая толстыми, слюнявыми губами, пробормоталъ:

— М-мамочка... Не пущу. Дай, поцѣлую... Мордашечка ты эдакая...

Марья Семеновна почувствовала, какъ сердце остановилось въ груди, а руки и ноги похолодѣли и обмякли. Она всегда думала, что въ такомъ положеніи съ ней можно дѣлать что угодно, и задохнулась отъ ужаса.

Сквозь рѣдкія деревья опушки виднѣлся домъ садовника. Тамъ Петя. Такъ близко, а ничего нельзя сдѣлать, нельзя сказать ему... Зачѣмъ она пошла гулять? Безумно жаль, что нельзя вернуть, сдѣлать такъ, чтобы этого не было...

— Пустите,—хотѣла крикнуть Марья Семеновна, но произнесла это слово почти шопотомъ.

— Не пущу... Ш-шалишь, ка-нашка... не пущу,—захихикалъ монахъ.—Дай, поцѣлую...

Марья Семеновна оглянулась кругомъ. Въ лѣсу лежалъ глубокій снѣгъ, бѣжать по которому не было никакой возможности. Она совсѣмъ забыла о лежавшемъ въ карманѣ шубки револьверѣ, на который такъ надѣялся Петръ Ивановичъ.

Перегаромъ водки и табаку обдало Марью Семеновну. Монахъ приближался, все время держа руки растопыренными. Марья Семеновна повернулась, чтобы бѣжать назадъ, къ Бурлинкѣ, и увидѣла идущаго навстрѣчу другого монаха.

„Окружили!“, испуганно подумала женщина и дико вскрикнула, почувствовавъ руки мордастаго на своей спинѣ. Но тутъ

узнала въ шедшемъ отъ Бурлинки монахѣ Иринарха; безумный страхъ смѣнился радостью.

— Ты что это дѣлаешь, Ѳедоръ?!—сурово крикнулъ Иринархъ.

Ѳедоръ опѣшилъ, снялъ мохнатую шапку и, еще больше вытаращивъ бараньи глаза, забормоталъ:

— Я ни-чего, отецъ... Ир-нархъ... п-пошутилъ только...

Нахлобучилъ шапку и пошелъ въ лѣсъ, увязая по колѣни въ снѣгу.

Петръ Ивановичъ съ перваго же взгляда на разстроенное лицо Марьи Семеновны понялъ, что съ ней что-то случилось.

— Что съ тобой, Маруся?—испуганно спросилъ онъ, бросая циркуль.

Марья Семеновна хотѣла успокоить его, но едва раскрыла ротъ, какъ губы у нея задрожали, словно у обиженнаго и долго крѣпившагося ребенка, изъ глазъ градомъ покатились свѣтлыя слезы.

— Маруся, что ты? Что съ тобой?—спрашивалъ Петръ Ивановичъ, усаживая жену на лавку.—Дайте-ка, пожалуйста, воды...

Марья Семеновна кое-какъ разсказала мужу, въ чемъ дѣло.

Сволочи, обнаглѣли,—сквозь стиснутые зубы процѣдилъ Петръ Ивановичъ, и сузившіеся глаза его сверкнули дикой злобой. Онъ надѣлъ шапку и снялъ съ гвоздя мѣховую тужурку.

— На дорогѣ къ Бурлинкѣ, говоришь?—спросилъ онъ, не попадая отъ волненія въ рукава.

— Куда ты, Петя? Что ты?—испугалась Марья Семеновна, сразу переставшая плакать.—Не ходи... Онъ вѣдь совсѣмъ пьяный и ничего мнѣ не сдѣлалъ... Это я такъ... нервы...

— Зачѣмъ пойдешь, голубчикъ,—вмѣшался все время молчавшій Иринархъ.—Пьяный вѣдь Ѳедоръ-то, вродѣ какъ сумасшедшій... А жену твою не дадутъ въ обиду. Теперь вотъ я подошелъ, а не я, кто-нибудь другой, не звѣри вѣдь... Ну, изобьешь ты Ѳедора, искалѣчишь, можетъ быть, а виноватъ онъ только тѣмъ, что пьянъ... Самому же тебѣ стыдно будетъ потомъ и грѣхъ... Не ходи, голубчикъ...

Петръ Ивановичъ злобно взглянулъ на монаха и пошелъ къ двери.

— Петя,—съ особеннымъ выраженіемъ позвала Марья Семеновна.

Петръ Ивановичъ остановился въ нерѣшительности и, нѣсколько секундъ поколебавшись, быстро снялъ тужурку, сердито бросилъ ее на лавку и, нервно потирая руки, пробормоталъ:

— Ну, инъ чортъ съ нимъ...

Уѣхали землемѣры яснымъ, вѣтренымъ утромъ. Курилась острая поземка, голубыми искрами сверкалъ подъ солнцемъ снѣгъ, нетерпѣливо переминались озябшія лошади. Съ горы съ веселымъ визгомъ катались на салазкахъ и ледянкахъ мальчишки, въ монашескихъ полукафтаньяхъ; и дѣвчонки.

Поѣхали не прямо въ гору, а кругомъ монастыря—зимникомъ. Прощаться приходили Иринархъ, Александръ Ивановичъ и Авдотья. У амбаровъ, уже на другой сторонѣ монастыря, стоялъ Владиміръ Сергѣевичъ съ записной книжкой, въ которой отмѣчалъ онъ количество мѣръ овса, ссыпавшагося мужиками съ четырехъ подводъ. Бѣлокрыловъ замахалъ шапкой и весело крикнулъ:

— До весны, Владиміръ Сергѣичъ!

Монахъ смущенно улыбнулся и приподнялъ черную мохнатую папаху.

Выбѣжавъ въ гору, лошади сразу прибавили рыси; мелкая снѣжная пыль полетѣла въ лицо, вразбродъ залопотали бубенчики.

— А знаешь, Петя, мнѣ кажется, что пріѣхали мы сюда давно-давно, много лѣтъ назадъ,—задумчиво проговорила Марья Семеновна.

— Это потому, что ты пережила здѣсь много совершенно новыхъ впечатлѣній. Мнѣ и то эти три мѣсяца кажутся чуть ли не годомъ...

Марья Семеновна оглянулась въ послѣдній разъ на монастырь, но его уже не было видно,—скрылся онъ за темно-зелеными, опушенными снѣгомъ вершинами стройныхъ сосенъ.

В. Мартовскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ЖЮЛИ ДЕ ЛЕСПИНАССЪ. [1])

Маркиза де Сегюръ.

Marquis de Ségur. Julie de Lespinasse. Paris. Calman Lévy.

XI.

Праздникъ въ Moulin-Joli.—Графъ Гиберъ.—Впечатлѣніе, произведенное Гиберомъ на Жюли.—Поѣздка Гибера въ Германію.—Возрастающая страсть г-жи де Леспинассъ.—Жестокая борьба въ сердцѣ Жюли.

Въ 1772 г. однимъ изъ самыхъ модныхъ домовъ среди избраннаго парижскаго общества былъ домъ Вателэ, финансиста, генеральнаго откупщика, писателя и гравера, члена двухъ академій. Этотъ разносторонній человѣкъ, отличавшійся широкой интеллигентностью и тонкимъ вкусомъ, устроилъ себѣ на окраинѣ столицы, около лѣваго берега Сены, нѣчто вродѣ деревенской усадьбы, которая своей новизной вызывала общее любопытство и восхищеніе. Какъ разъ въ эту эпоху у цѣлаго поколѣнія зародилось стремленіе къ „возвращенію къ природѣ". Изъ литературы эта мода распространилась на всѣ роды искусства и особенно на украшеніе садовъ. Старымъ французскимъ паркамъ съ ихъ прямыми аллеями, четырехугольными цвѣтниками и подстриженными деревьями, начали придавать менѣе геометрическіе рисунки и болѣе капризныя формы. Банкиръ Бутенъ подалъ этому примѣръ; онъ даже довелъ это стремленіе до смѣшного, устроивъ въ своемъ имѣніи множество лѣсковъ, лужаекъ, скалъ, каскадовъ, холмовъ съ круглыми вершинами, „похожихъ", по словамъ Вальполя, „на травяные пуддинги", ручейковъ, текущихъ вокругъ сада. „Какъ это мило,—продолжаетъ вѣчный насмѣшникъ,—когда имѣешь возможность пожать другъ другу руку черезъ рѣку или съ вершинъ двухъ горъ. Только такая любезная нація могла изобрѣсти что-нибудь подобное".

---

[1]) *Продолженіе.* См. *Русская Мысль* 1914 г., кн. VII, VIII—IX и X.

Вателэ избѣжалъ этихъ преувеличеній; его владѣніе Мулэнъ-Жоли не имѣло вида „ассортимента образцовъ“. Оно состояло изъ двухъ островковъ, соединенныхъ между собой пловучимъ мостомъ, вдоль котораго стояли кадки съ цвѣтами; все было покрыто плодовыми деревьями, кустарникомъ и деревьями съ высокими стволами, итальянскими тополями, молодыми вязами и плакучими ивами, падающія вѣтви которыхъ образовывали какъ бы естественные своды, „гдѣ можно было чудесно отдыхать и мечтать“. Вперемежку съ рѣдкими растеніями полевые цвѣты и дикія травы разрастались совершенно свободно; широкія аллеи подстриженныхъ деревьевъ открывали въ различныхъ направленіяхъ свѣтлыя просѣки, каждая съ какимъ-нибудь красивымъ видомъ—на замокъ, деревню, церковную колокольню или монастырь.

Д'Аламберъ былъ завсегдатаемъ въ этомъ гостепріимномъ домѣ, такъ какъ его съ молодыхъ лѣтъ связывала дружба съ Вателэ: „Въ теченіе тридцати лѣтъ,—пишетъ Вателэ о. Пачоди,—мы почти каждый день или видѣлись, или давали другъ другу какіе-либо знаки дружбы“. Нечего говорить, что то же относилось и къ г-жѣ де Леспинассъ и что въ Мулэнъ-Жоли не проходило ни одного обѣда, ужина или какого-либо другого пріема, куда бы ее не приглашали въ числѣ первыхъ и особенно чествуемыхъ гостей. Въ одинъ прекрасный лѣтній день 21 іюля 1772 г. она присутствовала въ числѣ прочихъ гостей на утреннемъ праздникѣ. Мора, только что окончательно поправившійся послѣ ужаснаго припадка, былъ наконецъ внѣ опасности, и его подруга, освободившись отъ продолжительныхъ тревогъ, опять возрождалась къ жизни и испытывала потребность на моментъ сбросить съ себя воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ часахъ. Среди многочисленныхъ приглашенныхъ, принявшихъ участіе въ этомъ праздникѣ, былъ человѣкъ, начинавшій въ то время привлекать общественное вниманіе, Жакъ-Антуанъ-Ипполитъ графъ де Гиберъ, полковникъ королевской арміи, авторъ пользовавшейся успѣхомъ книги, о которой я буду говорить ниже. Можетъ быть,—такъ, кажется, можно заключить изъ одной фразы *Похвалы Элизы*—Гиберъ и г-жа де Леспинассъ уже встрѣчались въ нѣкоторыхъ парижскихъ салонахъ; но они не имѣли случая познакомиться близко. Наоборотъ, на этомъ праздникѣ обычная свобода деревенской жизни, возможность уединиться и гулять наединѣ другъ съ другомъ—все располагало къ бесѣдѣ, и они воспользовались этой возможностью.

Въ этой первой встрѣчѣ несомнѣнно не было ничего романи-

ческаго, не было даже, по крайней мѣрѣ со стороны Жюли, ни желанія, ни предчувствія дружескихъ отношеній. „Я была далека отъ потребности завязать новую связь,—воскликнетъ она въ слѣдующемъ году,—моя жизнь и душа были до такой степени наполнены, что я была очень далека отъ поисковъ новаго жизненнаго интереса“. Однако Гиберъ произвелъ на нее очень глубокое впечатлѣніе, и черезъ три дня послѣ праздника въ Муленъ-Жоли она пишетъ Кондорсэ: „Я познакомилась съ г. Гиберомъ; онъ мнѣ очень нравится; во всемъ, что онъ говоритъ, видна душа; въ немъ есть сила и возвышенность чувствъ; онъ не походитъ ни на кого другого“. Она сейчасъ же достаетъ его книгу, еще мало распространившуюся; это чтеніе внушаетъ ей такой восторгъ, что она пишетъ автору, чтобы его поздравить; чтобы поблагодарить ее, онъ дѣлаетъ ей визитъ, и второй разговоръ лишь усиливаетъ впечатлѣніе перваго. „Г. Гиберъ былъ у меня,—пишетъ она,—онъ продолжаетъ мнѣ безконечно нравиться“. Жюли имѣла такимъ образомъ основаніе отнести позднѣе событіе, которое должно было совершенно перевернуть все ея существо и внести „несчастіе въ ея жизнь“, ко дню праздника въ Муленъ-Жоли. Однако она въ правѣ отрицать всякую предумышленность и обвинять одну лишь судьбу: „Развѣ мы свободны? Развѣ все то, что *есть*, могло бы быть иначе?“

Человѣку, вошедшему такимъ образомъ въ жизнь нашей героини, было тогда едва двадцать девять лѣтъ отъ роду [1]), но онъ уже имѣлъ позади себя блестящее прошлое: двѣнадцать лѣтъ военной службы, много громкихъ подвиговъ во время Семилѣтней войны и въ корсиканскомъ походѣ, наконецъ книгу „Опытъ тактики“, произведшую сенсацію во всей Европѣ [2]). Работа, давшая Гиберу такую всеобщую извѣстность, раздѣлялась на двѣ части, изъ коихъ вторая была дидактическимъ трактатомъ о системахъ тактики, принятыхъ въ различныхъ арміяхъ, съ указаніемъ реформъ, желательныхъ въ области тактики и стратегіи. Достаточно сказать, что этотъ чисто техническій трактатъ перевернулъ всѣ прежніе принципы и установилъ взгляды, принятые въ наше время, и что Наполеонъ въ своихъ первыхъ походахъ всегда имѣлъ при себѣ эту книгу, испещренную его собственноручными замѣтками. Но что вызывало еще болѣе общій восторгъ, такъ это „Предварительное разсужденіе“, составлявшее

---

[1]) Графъ Гиберъ родился въ Монтобанѣ 11 ноября 1743 г. Для лучшаго ознакомленія съ этой личностью см. de Ségur, Hommes d'autrefois, стр. 197 сл.

[2]) Отпечатанная тайно въ Нидерландахъ въ 1770 г., она была опубликована во Франціи подъ именемъ автора лишь въ началѣ 1773 г.

первую часть работы; это былъ отрывокъ, полный огненнаго краснорѣчія, гдѣ молодой писатель смѣло говорилъ правду всѣмъ монархіямъ и особенно своей родинѣ, протестовалъ съ бурной горячностью противъ абсолютной власти, опредѣлялъ основанія, на которыхъ, по его мнѣнію, надо пересоздать старое французское королевство, и за двадцать лѣтъ до революціи формулировалъ доктрины, бывшія евангеліемъ реформаторовъ учредительнаго собранія.

Нѣтъ словъ описать впечатлѣніе, произведенное на общественное мнѣніе этимъ еще непривычнымъ языкомъ, этими экзальтированными страницами, гдѣ благородныя мечты соединялись съ правильными мыслями и гдѣ повсюду билось чувство истиннаго патріотизма. Пока книга была запрещена, ее перебивали другъ у друга; когда она вышла открыто, изданія расходились съ поразительной быстротой. Всѣ находили въ ней, что хвалить: военные гордились успѣхомъ человѣка изъ своей среды; энциклопедисты ликовали по поводу блестящаго союзника, и Вольтеръ называлъ „Тактику“ „геніальнымъ трудомъ“; со своей стороны „дворъ и свѣтъ радовались“, какъ говоритъ Лагарпъ, „возможности противопоставить полковника всей литературѣ“. Одинъ изъ остряковъ этого времени возразилъ какому-то неосторожному человѣку, вздумавшему критиковать книгу: „въ поискахъ пятенъ на солнцѣ можно потерять зрѣніе“. Женщины были самыми горячими поклонницами Гибера; можно было найти „Опытъ тактики“ на всѣхъ столикахъ и во всѣхъ будуарахъ; а въ одномъ знаменитомъ салонѣ цѣлый вечеръ спорили о слѣдующемъ интересномъ вопросѣ: „что лучше всего: быть женой, сестрой или любовницей г. Гибера?“ Легко можно себѣ представить, что столь живой восторгъ быстро перешелъ съ творенія на творца. Мы уже видѣли, какъ въ трепещущей, отзывчивой тепличной атмосферѣ парижскаго общества внезапно рождалось много великихъ людей, героевъ на часъ; но слава ни одного изъ нихъ даже издали не приближалась къ удивительной славѣ, окружившей сразу имя Гибера и очень долго ему не измѣнявшей. „По всѣмъ путямъ онъ возносится къ славѣ“, предсказывалъ Фридрихъ Великій; ему вторитъ фернейскій патріархъ: „Я не знаю, будетъ ли онъ Корнелемъ или Тюренномъ, но мнѣ кажется, что онъ созданъ для великаго, въ какой бы области онъ ни работалъ“. Жюли де Леспинассъ лишь присоединяется къ общему мнѣнію, когда говоритъ ему въ началѣ ихъ дружбы: „Бываютъ имена, созданныя для исторіи; ваше будетъ возбуждать восхищеніе“. Никто, говоря о немъ, не рѣшается употреблять другого

эпитета, какъ *геній*; никто не сомнѣвается въ томъ, что въ будущемъ онъ сдѣлается гордостью своей родины, орудіемъ ея подъема. „Онъ стоитъ,—скажетъ Жюли,—какъ бы во главѣ общества умныхъ людей, для которыхъ онъ является какъ бы оракуломъ. Его послѣдователи и друзья такого высокаго мнѣнія объ его достоинствахъ и добродѣтеляхъ, что нѣкоторые изъ нихъ поздравляютъ себя съ тѣмъ, что родились въ одно время съ нимъ, подобно тому, какъ нѣкогда одинъ изъ философовъ поздравлялъ себя съ тѣмъ, что родился во времена Сократа“. Быть можетъ, самъ Бонапартъ, по своемъ возвращеніи изъ Египта, не былъ въ парижскихъ салонахъ предметомъ такихъ надеждъ, какъ графъ Гиберъ въ часъ своего знакомства съ Жюли де Леспинассъ.

Если разсматривать этотъ энтузіазмъ на разстояніи и въ исторической перспективѣ, то онъ покажется намъ непонятнымъ. Это оттого, что его происхожденіе и главная причина заключались во внѣшнихъ качествахъ личности, исчезающихъ вмѣстѣ съ ней. Я не подразумѣваю подъ этимъ физическія достоинства; даже сама Жюли спокойна въ своихъ отзывахъ на этотъ счетъ: „Его лицо,—говоритъ она,—красиво, но не породисто; его черты правильны, но не особенно подвижны; въ его лицѣ есть что-то мягкое и мрачное; его манера держаться небрежна; его смѣхъ очень естественный и очень молодой“. Портреты Гибера, сохранившіеся до нашихъ дней, даютъ впечатлѣніе скорѣе силы и энергіи, чѣмъ мягкости и симпатичности: широкій лобъ, окаймленный густыми и вьющимися волосами, глубоко сидящіе глаза, нѣсколько тяжелая челюсть, широкій ротъ съ толстыми губами; голова, немного откинутая назадъ, поддерживалась могучей шеей. Онъ не былъ высокаго роста, но фигура его была „благородной и легкой“ и имѣла что-то „ловкое и свободное во всѣхъ манерахъ“. Короче сказать, это былъ человѣкъ пріятной наружности и манеры держаться, однако безъ чего-либо поражающаго съ перваго же взгляда, особенно безъ чего-либо, что напоминало бы героя романа.

Но тайна его власти заключалась прежде всего въ дарѣ краснорѣчія, граничившаго почти съ чудомъ. Какъ только онъ открывалъ ротъ, онъ очаровывалъ всѣхъ. Его звучный, мягкій и захватывающій голосъ трогалъ сердца слушателей еще раньше, чѣмъ ихъ душа подвергалась впечатлѣнію отъ его образныхъ словъ, лившихся, какъ звенящій потокъ, обильный новыми наблюденіями, поразительными формулами, поэтическими сравненіями, полный огня и ясной мысли. Казалось, что какой-то таин-

ственный огонь исходилъ изъ глубины его существа и освѣщалъ всѣ изгибы его мысли.

Если присоединить къ этому ораторскому таланту несравненную память, о которой разсказывали невѣроятныя вещи, неутомимую дѣятельность и такую работоспособность, которая позволяла ему отдаваться самымъ суровымъ и разнообразнымъ занятіямъ, не мѣшая ему въ то же время увлекаться свѣтскими удовольствіями, то можно понять тотъ восторженный культъ, которымъ современники окружили Гибера, и особенно впечатлѣніе, какое подобный человѣкъ долженъ былъ производить на женское воображеніе. И въ самомъ дѣлѣ, не будучи донжуаномъ по призванію, онъ внушалъ столько страсти, какъ самые знаменитые соблазнители, и число его побѣдъ равнялось лишь тому пренебреженію, съ какимъ онъ къ нимъ относился. „Небрежность, я могу даже сказать суровость, съ какими онъ обращается съ женщинами,—говоритъ Жюли де Леспинассъ съ упрекомъ,—происходитъ отъ того, что онъ не придаетъ имъ большого значенія. Онъ видитъ въ нихъ лишь кокетокъ, пустыя, слабыя, лживыя и болтливыя существа. Тѣхъ, о которыхъ онъ судитъ болѣе милостиво, онъ считаетъ романтичными; и если ему приходится признать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хорошія качества, онъ считаетъ, что не стоитъ ихъ за это больше уважать, такъ какъ въ этомъ сказывается скорѣе отсутствіе лишнихъ недостатковъ, чѣмъ наличность лишнихъ достоинствъ“. „Онъ беретъ ихъ и покидаетъ ихъ ради развлеченія или разнообразія,—говоритъ она дальше,—и онъ недостаточно уважаетъ ихъ чувства, чтобы считать себя обязаннымъ считаться съ ихъ чувствительностью“. Такая оцѣнка ничуть не преувеличена. Однако, со свойственной женщинамъ нелогичностью, чѣмъ меньше онъ цѣнилъ своихъ поклонницъ, тѣмъ сильнѣй онѣ къ нему привязывались. Онъ принималъ, какъ должную дань, успѣхи, сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ, переходя по капризу отъ одной къ другой и не отдавая своего сердца никому изъ нихъ; честолюбіе и забота о славѣ слишкомъ занимали его въ эту раннюю и блестящую эпоху его жизни, чтобы онъ согласился терять время на сантиментальныя мечтанія; какъ говоритъ, не безъ насмѣшки, г-жа де Стааль, „онъ былъ для этого слишкомъ занятъ своими мыслями, а пожалуй и самимъ собой“. Впрочемъ, эти мимолетные успѣхи и случайныя любовныя интриги не препятствовали серьезной и открытой связи. „Можно сказать,—замѣчаетъ Жюли вскользь въ своей первой характеристикѣ графа Гибера,—что г. де Гиберъ еще менѣе любезенъ, чѣмъ достоинъ любви, по крайней мѣрѣ со стороны дру-

зей и *любовницы*, такъ какъ невозможно думать, чтобъ у него ея не было". Несомнѣнно, что она у него была, и, какъ мы вскорѣ увидимъ, онъ самъ признался Жюли въ этомъ и говорилъ съ ней объ этомъ совсѣмъ открыто; эта цѣпь, хотя и не тяжелая, имѣла силу и крѣпость долгой привычки. Женщина, о которой идетъ рѣчь, Жанна Тиру де Монсожъ, имѣла въ это время тридцать съ лишнимъ лѣтъ; она питала къ Гиберу спокойную, но глубокую и прочную привязанность. Насколько можно о ней судить, это была вдумчивая, разсудительная и разумная женщина, немножко terre à terre, способная на подлинную преданность и, какъ пишетъ Гиберъ, созданная скорѣе для „очень мягкой и милой дружбы", чѣмъ для большихъ чувствъ и бурныхъ порывовъ. Это благоразуміе и умѣренность часто навлекали на нее презрѣніе г-жи де Леспинассъ: „Я думаю, что онъ сдѣлалъ большую ошибку; онъ встрѣтилъ человѣка, который остановилъ всѣ его стремленія. Во всякомъ случаѣ онъ встрѣтилъ не г-жу де ля Мусетьеръ. А онъ былъ бы ея достоинъ". [1]) И по вопіющей несправедливости не разъ г-жа де Монсожъ услышитъ этотъ же упрекъ изъ устъ своего любовника, къ которому она сохраняетъ достаточно сильную привязанность, чтобы выносить безъ жалобъ и видимой ревности его холодность, капризы и измѣны.

Между Жюли де Леспинассъ и графомъ Гиберомъ вскорѣ послѣ отъѣзда Мора установились дружескія отношенія. Ихъ письма знакомятъ насъ съ ихъ душевнымъ настроеніемъ въ то время, когда начиналась ихъ опасная близость. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ связи, которая, можетъ быть, недостаточно льстила его гордости, Гиберъ дошелъ до того состоянія, когда мужчину удерживаетъ лишь привычка и онъ ждетъ втайнѣ случая бѣжать; во всякомъ случаѣ онъ опредѣленно убѣждалъ въ этомъ Жюли. „Такъ значитъ вы забыли,—напишетъ она ему впослѣдствіи,—то, что вы мнѣ двадцать разъ говорили въ прошломъ году? Я видѣла васъ готовымъ принять безповоротное рѣшеніе порвать съ ней и больше ея не видѣть. Я помню, что я боролась противъ такого рѣшенія, и вы очень хорошо знаете, что я не хотѣла тогда быть счастливой черезъ васъ". Въ позднѣйшемъ письмѣ она ему опять повторяетъ: „Вы меня увѣряли, что вы болѣе не влюблены въ эту женщину, что ваша душа настолько же свободна, насколько лишена всякаго чувства къ ней, что вашимъ живѣйшимъ желаніемъ была женитьба". Однако, по присущей нашей душѣ по-

---

[1]) Г-жа де ля Мусетьеръ прославилась въ то время любовной исторіей, окончившейся ея смертью и смертью ея любовника.

требности поднять и облагородить наши самыя вульгарныя переживанія, онъ приписывалъ свою сердечную усталость разочарованію, причиненному бѣдностью натуры этой женщины, которую онъ не могъ, несмотря на всѣ усилія, поднять до своего уровня: „Въ концѣ концовъ,—говорилъ онъ съ грустью,—я не имѣю основанія жаловаться. Это все, что чувствуетъ и можетъ чувствовать ея душа. Могу ли я требовать, чтобы она походила на васъ или на меня?“ Онъ говорилъ на эту тему съ той горячностью выраженій, которая сообщала столько силы всему, что исходило изъ его устъ, и Жюли, убѣжденная имъ, начинала отъ чистаго сердца жалѣть жертву роковой ошибки и оплакивать непонятаго человѣка: „Лишь несчастные достойны имѣть друзей; если бы ваша душа не страдала, никогда бы вы не проникли въ мою“.

Это воображаемое сходство ихъ одинаково больныхъ и скорбныхъ сердецъ, кажется, и было началомъ ихъ близости. Отсутствіе маркиза де Мора и дурныя о немъ вѣсти лишили Жюли на этотъ разъ энергіи и почти всякой надежды. Умственныя развлеченія и свѣтская суматоха не могли уже, какъ нѣкогда, заглушить и успокоить ея тоску.

Она думала найти нѣкоторое утѣшеніе въ своей печали, въ симпатіи сочувствующей души, такой же страстной и такъ же израненной, какъ и ея собственная; среди разговоровъ о Мора она незамѣтно поддалась очарованію утѣшителя. „Быть можетъ, вы одинъ,—пишетъ она,—имѣли силу прекращать на нѣкоторыя мгновенія мою скорбь, и это мгновенное благо привязало меня къ вамъ навсегда... Моя душа,—прибавляетъ она,—не испытывала потребности въ любви. Она была полна нѣжнымъ глубокимъ чувствомъ, на которое мнѣ отвѣчали взаимностью; тѣмъ не менѣе я была проникнута скорбью, и именно это сблизило меня съ вами. Вы должны были мнѣ только поправиться, а вы тронули меня“. И она наивно раскрываетъ всю глубину своего сердца въ слѣдующихъ граціозныхъ словахъ: „Я такъ много страдала! Мое тѣло и душа были измучены продолжительностью горя. Именно тогда я встрѣтила васъ и именно тогда вы вернули къ жизни мою душу; вы дали ей наслажденіе; не знаю, что мнѣ было пріятнѣе: испытывать его или быть имъ обязанной вамъ“.

Въ этотъ первый періодъ никакое предчувствіе не предостерегало ея о близкой опасности; мысль объ отсутствующемъ, ея къ нему нѣжность ручаются ей за ея сердце, мѣшаютъ ей, по собственному выраженію, не довѣрять самой себѣ: „Чего было бояться, какъ можно было предвидѣть будущее, когда чувство,

несчастье и неоцѣненное благо быть любимой совершеннѣйшимъ созданіемъ гарантируютъ отъ опасности? Вотъ что оберегало мою душу, что защищало ее, когда вы внесли въ нее смятеніе отъ угрызеній совѣсти и огонь страсти". Это то, что она повторитъ позже, какъ бы исповѣдуясь передъ самой собой: „Я не могла тогда отдать самой себѣ отчетъ въ томъ, что я думала. Я попеременно переходила отъ смятенія, причиняемаго возникновеніемъ страсти, къ неизбѣжной и сладкой иллюзіи, что встрѣтила въ немъ столько же нѣжности и чувства, сколько онъ самъ сумѣлъ мнѣ внушить". Единственное, что ее тревожитъ, это то, что вновь родившаяся дружба не сможетъ остаться навсегда такой мирной и благодѣтельной, и что та излишняя нервность, которую она за собой знаетъ, сдѣлается позже для нихъ источникомъ смятенія и разногласія: „Я вамъ говорила, мы не создадимъ изъ всего этого дружбы Монтеня и де ла Боети. Эти люди были спокойны; они отдавались лишь своимъ мягкимъ и естественнымъ впечатлѣніямъ; а мы съ вами—два больныхъ человѣка. Насъ отличаетъ другъ отъ друга лишь то, что вы сильны и разумны, что вы ведете такой образъ жизни, который позволяетъ вамъ наслаждаться непрестанно самымъ лучшимъ здоровьемъ, въ то время какъ я охвачена смертельной болѣзнью и всѣ средства облегченія обращаются для меня въ ядъ и сдѣлали мою болѣзнь лишь болѣе острой".

Нельзя не остановиться на послѣднихъ строкахъ; въ нихъ слышна новая, быстро усиливающаяся нота; уже съ этого момента, несмотря на ея увлеченіе Гиберомъ, она по временамъ какъ бы улавливаетъ его настоящую натуру; она какъ бы предвидитъ разочарованія, какія ей причинитъ это „скорѣе горячее, чѣмъ чувствительное сердце", дающее огонь страсти безъ ея тепла, слишкомъ занятое „славой", чтобы всецѣло отдаться любви. Послушаемъ, что она говоритъ ему однажды съ грустной ироніей: „Я не знаю почему, но во мнѣ есть нѣчто, заранѣе меня предупреждающее, что я смогу сказать о нашей дружбѣ то же, что сказалъ графъ д'Аржансонъ, видя въ первый разъ г-жу де Бервилль, свою племянницу: „А! она очень красива; надо полагать, что она намъ доставитъ немало огорченій!" Еще яснѣе она высказывается въ другомъ мѣстѣ: „Или я очень ошибаюсь, или вы созданы для того, чтобы дать счастье пустой душѣ и вселить отчаяніе въ душу чувствительную... Я пожалѣю всякую живо чувствующую женщину, для которой вы станете первымъ лицомъ на свѣтѣ; ея жизнь исполнится страха и огорченія".

Однако это пока только минутныя просвѣтлѣнія. Самое слабое

возраженіе съ его стороны, малѣйшій признакъ вниманія быстро возстанавливаютъ ея довѣріе и возрождаютъ прежнее обаяніе: „Если бы я была молода, красива и мила, я нашла бы ваше обращеніе со мной очень искуснымъ, но такъ какъ я не имѣю ни одного изъ этихъ качествъ, а отличаюсь противоположными, то нахожу въ вашемъ поведеніи доброту и честность, которыя навсегда завоевали вамъ права надъ моей душой. Она прониклась признательностью, уваженіемъ и всѣми чувствами, которыя вносятъ близость и довѣріе въ дружескую связь... Вы хотите, чтобы я мирно наслаждалась той дружбой, какую вы мнѣ предлагаете, и проявленія ея полны нѣжности и очарованія. Да, я ее принимаю, я дѣлаю изъ нея свое благо; она меня утѣшитъ и, если я когда-либо буду наслаждаться вашимъ обществомъ, она будетъ самымъ лучшимъ и желаннымъ моимъ удовольствіемъ“.

Вотъ какъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ Жюли поперемѣнно переходитъ отъ надежды къ сомнѣнію, отъ радости къ печали, постоянно увлекаемая противоположными теченіями, угадывая издали опасность, но не находя въ своемъ сердцѣ силъ, чтобы бѣжать отъ нея. Чтобы разсѣять туманъ, обволакивающій ея волю, понадобилось новое испытаніе, временный перерывъ возникавшей интимности. Въ это время, когда любовь къ дальнимъ путешествіямъ была мало распространена во французскомъ обществѣ, Гиберъ съ самаго ранняго возраста удивлялъ современниковъ своей страстью къ большимъ передвиженіямъ; въ этомъ проявлялась пытливость его души, жадной до новыхъ впечатлѣній, а можетъ быть, какъ упрекала его Жюли, и потребность безпокойной и нетерпѣливой натуры. „Во всѣхъ отношеніяхъ,—говоритъ она ему,—движеніе вамъ нужнѣе самаго дѣйствія; это вамъ покажется игрой словъ, но подумайте объ этомъ, и вы увидите, что это справедливо“. Въ маѣ 1773 г. его вдругъ охватило желаніе посмотрѣть Пруссію, Австрію, берега Рейна, посѣтить поля сраженій Семилѣтней войны, изучить военную организацію Германіи. Жюли еще не имѣла никакого права бороться противъ такой фантазіи; она покорилась, удовлетворившись просьбой о частыхъ письмахъ. Но, получивъ уже обѣщаніе, она опасается, какъ бы въ этомъ не заключалось принужденія: „Смотрите, какъ я великодушна, я возвращаю вамъ ваше слово, если вы усмотрите въ немъ ошибку... Если такъ, признайтесь мнѣ въ этомъ, и я ручаюсь вамъ, что не буду этимъ оскорблена. Повѣрьте, что лишь тщеславіе дѣлаетъ несговорчивымъ, а его у меня нѣтъ; я только доброе созданіе, довольно глупое, довольно наивное, и я люблю больше удовольствіе тѣхъ, кто мнѣ дорогъ, чѣмъ то, что нужно

мнѣ и для меня... Дѣлайте, какъ хотите, и пишите мнѣ *рѣдко, часто или не пишите вовсе*".

Отъѣздъ былъ назначенъ на среду 19 мая. Однако на другой день послѣ этого Жюли случайно узнала, что Гибера видѣли еще въ Парижѣ: „Я собиралась сама узнать, не больны ли вы, и,—это вамъ покажется ужаснымъ,—мнѣ кажется, что я этого хотѣла. Однако, благодаря непослѣдовательности, которой я вамъ не объясню, мнѣ стало легче, когда я узнала, что вы уѣхали" [1]). Это смятеніе, эта неувѣренность, эта смѣна противоположныхъ чувствъ проявляется также въ первыхъ ея письмахъ послѣ разлуки: „Такъ какъ я не знаю, какое впечатлѣніе произведетъ на меня вашъ отъѣздъ,—говорила она до прощанія,—то я не знаю, буду ли я имѣть свободу и желаніе вамъ писать". Это „желаніе", какъ легко было предугадать, появилось еще раньше, чѣмъ Гиберъ переѣхалъ границу; но то длинное письмо, которое онъ получилъ въ Страсбургѣ, могло смутить даже человѣка, столь привыкшаго къ побѣдамъ. Когда читаешь нѣкоторыя страницы, кажется, что она старается взять себя въ руки, что въ одиночествѣ она опять находитъ недостававшее ей въ его присутствіи мужество: „Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу вашей дружбы... Она приводитъ меня въ отчаяніе, а я нуждаюсь въ отдыхѣ, хочу забыть васъ на нѣкоторое время". Правда, черезъ мгновеніе она смягчаетъ суровость своей фразы: „Да, ваше отсутствіе вернуло мнѣ спокойствіе, но я чувствую себя въ то же время болѣе грустной. Я не знаю, сожалѣю ли я о вашемъ отсутствіи, но мнѣ васъ недостаетъ, какъ удовольствія". И ее снѣдаетъ безпокойство, что развлеченія путешествія ослабятъ въ немъ память о ней: „Когда вы прочтете это письмо, Боже мой, какъ далеко вы будете отъ меня! Физически вы будете лишь за триста верстъ отъ меня, но подумайте, какой путь продѣлаетъ ваша мысль! Сколько новыхъ предметовъ! Сколько новыхъ мыслей! Мнѣ кажется, что я говорю лишь съ вашей тѣнью; все, что я знала о васъ, исчезло; съ трудомъ отыщете вы въ вашей памяти слѣды чувствъ, одушевлявшихъ васъ въ послѣдніе дни вашего пребыванія въ Парижѣ". Такая перспектива такъ сильно ее разстраиваетъ, что она взываетъ почти въ умоляющихъ выраженіяхъ къ той самой дружбѣ, которую только что, казалось, отталкивала: „Пусть вы будете моимъ другомъ или лучше бы мнѣ никогда не знать васъ! Вѣрите

---

[1]) Гиберъ покинулъ Парижъ въ четвергъ 20 мая въ пять съ половиной часовъ вечера: „Почему вы не уѣхали въ среду?—спрашиваетъ Жюли съ ревнивымъ безпокойствомъ.—Отсрочили ли вы вашъ отъѣздъ на двадцать четыре часа ради васъ самихъ или ради *кого-нибудь другого?*"

ли вы въ это? Будете ли вы моимъ другомъ? Подумайте объ этомъ лишь одинъ разъ; или это слишкомъ много?“

Только теперь у нея открываются глаза. Это волненіе, тоска, пустота, образовавшаяся вдругъ въ ея жизни, развѣ таковы обычныя проявленія чистой и спокойной привязанности? Развѣ она не испытывала уже разъ въ жизни подобныхъ же симптомовъ? Она долго и добросовѣстно анализируетъ себя и, трепеща отъ своего открытія, она обращается къ отсутствующему, чтобы онъ помогъ ей разгадать ея душу и помогъ ея отчаянію: „Скажите мнѣ, развѣ это тонъ дружбы и довѣрія? Что увлекаетъ меня? Помогите мнѣ узнать самоё себя; помогите мнѣ овладѣть собой. Моя душа вся взбудоражена; или это отъ раскаянія? Да развѣ это моя вина? или ваша? Или, можетъ быть, вашъ отъѣздъ такъ подѣйствовалъ на меня? Что же преслѣдуетъ меня? Я больше не могу! Въ это мгновеніе я вѣрю въ васъ до самозабвенія и, быть можетъ, никогда въ жизни больше не заговорю съ вами объ этомъ“. Нѣсколькими недѣлями позже она пишетъ: „Я не знаю больше, чѣмъ я вамъ обязана; я не знаю, что я вамъ даю. Я знаю, что ваше отсутствіе мнѣ тяжело, но я не поручусь, что ваше присутствіе принесетъ мнѣ благо. Какое ужасное положеніе, когда удовольствіе, утѣшеніе, все, наконецъ, дѣлается отравой. Скажите, что же мнѣ дѣлать? Въ чемъ найти покой? О! Сколько разъ умираешь, раньше чѣмъ умрешь!“

Легко понять причину страданій, такъ краснорѣчиво описанныхъ въ этихъ строкахъ. Она вѣдь не имѣетъ права распоряжаться этимъ трепещущимъ, ускользающимъ изъ-подъ ея власти, сердцемъ, она вѣдь отдала его другому; каждое его біеніе какъ бы измѣна другому. Уже наканунѣ отъѣзда Гибера она почувствовала первый приступъ угрызеній совѣсти, получивъ отъ Мора письмо, полное нѣжности и довѣрія: „Онъ говоритъ обо мнѣ, о моихъ мысляхъ, о моей душѣ съ такимъ пониманіемъ и убѣжденностью, какія имѣешь лишь тогда, когда очень живо и сильно чувствуешь то, о чемъ говоришь“. И вдругъ эти страницы разбудили ея уснувшую совѣсть: „Я хочу быть откровенной съ вами, съ самой собой; въ томъ смятеніи, въ какомъ я нахожусь, я, право, боюсь обмануть себя. Быть можетъ, мои угрызенія совѣсти сильнѣе моей вины; быть можетъ, тревога, которую я чувствую, больше всего оскорбила бы того, кого я люблю...“ Напрасно разсуждаетъ она такъ и старается разувѣрить себя; внутренній голосъ твердитъ ей, что она дѣйствительно виновата: „Какая роковая судьба привела васъ ко мнѣ для того, чтобы развлечь меня? Почему я не умерла тогда, въ сентябрѣ? Я умерла бы тогда

безъ сожалѣнія и безъ самообвиненій. Увы! я и сейчасъ умерла бы за него, я это чувствую; нѣтъ ничего, чѣмъ бы я не пожертвовала ему; но два мѣсяца тому назадъ не было бы и рѣчи о жертвѣ. Я любила не сильнѣе, но любила лучше".

Таково начало борьбы, въ теченіе трехъ лѣтъ раздиравшей ея душу; именно съ этого дня начинается ея долгое мученичество. Въ нашемъ разсказѣ мы прослѣдили его начальные этапы; здѣсь нужно прежде всего разсказать, какъ печальныя вѣсти изъ Испаніи усилили мученія Жюли за время отсутствія Гибера.

Мы разстались съ маркизомъ де Мора въ тотъ день, когда онъ покидалъ Парижъ, чтобы продѣлать курсъ лѣченія въ Баньерѣ. Пребываніе тамъ не было удачнымъ; ужасныя кровохарканія въ соединеніи съ кровопусканіями, предписанными врачами, настолько его ослабили, что сомнѣвались, сможетъ ли онъ доѣхать до Мадрида. „Онъ уѣхалъ изъ Баньера въ такомъ состояніи, что я боюсь за его жизнь,—сообщала Жюли Кондорсэ.—Его сопровождаетъ его докторъ; но если онъ можетъ ему помочь, онъ не можетъ его уберечь отъ новаго приступа, котораго онъ не вынесетъ, благодаря своему истощенію. Ему девять разъ пускали кровь, и онъ былъ такъ разбитъ, что не могъ судить объ опасности, какой онъ подвергался, пускаясь въ дорогу... Вы самый лучшій и чувствительный изъ людей; судите же о моемъ положеніи!" Путь до Байонны прошелъ однако удовлетворительно; тамъ къ нему присоединилась его сестра, герцогиня Вилла-Эрмоза, и они вмѣстѣ возвратились въ испанскую столицу. Отдыхъ, хорошій уходъ, родной воздухъ принесли ему нѣкоторое облегченіе. Но его ожидало суровое испытаніе: будучи еще серьезнѣе больна, чѣмъ сынъ, и быстро угасая, графиня Фуэнтесъ собирала послѣднія силы, чтобы бороться противъ страсти, пожиравшей ея сына. На просьбы Мора дать разрѣшеніе на его бракъ съ Жюли она отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ. Молодая герцогиня Вилла-Эрмоза, благодаря своей набожности, также боялась вліянія на брата „коварной француженки" и поддерживала мать въ ея упрямомъ сопротивленіи. „У меня предчувствіе,—писала Жюли, справедливо обезпокоенная,—что г-жа Вилла-Эрмоза отравитъ мнѣ остатокъ моей жизни. Пусть она, по крайней мѣрѣ, не отравитъ его жизни!" Эти споры и семейныя распри, отсрочивавшіе осуществленіе его проектовъ, повергали Мора въ настоящее отчаяніе, но не могли поколебать вѣрности его сердца: „Я получила десять страницъ, наполнившихъ меня печалью и нѣжностью,—пишетъ Жюли.—Онъ гораздо несчастнѣй меня; онъ умѣетъ лучше любить; у него больше характера. Однимъ словомъ, онъ имѣетъ

все, что надо, чтобы быть самымъ несчастнымъ и самымъ любимымъ изъ всѣхъ людей".

Увлеченныя своимъ усердіемъ, мать и сестра де Мора дошли вскорѣ до жестокихъ средствъ. Онѣ воспользовались слабостью, приковывавшей больного къ его комнатѣ, и перехватывали при случаѣ переписку влюбленныхъ. Отсюда проистекали періоды вынужденнаго молчанія, сопровождавшіеся обвиненіями по адресу почты. „Письма теряются; они постоянно запаздываютъ"; эта жалоба безпрерывно выливается изъ-подъ пера Жюли. Въ концѣ-концовъ въ ней зарождаются нѣкоторыя подозрѣнія; тогда она рѣшила обратиться къ герцогу Вилла-Эрмоза. Преданный д'Аламберъ лишній разъ исполняетъ роль посредника; вотъ происхожденіе переписки, которая сохранилась въ архивѣ дома Вилла-Эрмоза и является теперь для насъ драгоцѣннымъ источникомъ. „Хотя друзья маркиза де Мора и одобряютъ его молчаніе, они очень имъ встревожены,—пишетъ философъ;—они боятся, не происходитъ ли оно скорѣе отъ невозможности его прервать, чѣмъ отъ режима, который предписываетъ его соблюдать. Г. герцога настоятельно просятъ быть добрымъ и сообщить друзьямъ маркиза де Мора, страдаетъ ли его грудь еще отъ жестокаго потрясенія, перенесеннаго имъ въ Баньерѣ, теряетъ ли онъ еще по временамъ сознаніе и чѣмъ онъ питается? Г. герцогъ великодушно извинитъ эти вопросы во имя дружбы, обязывающей ихъ предложить".

Зять де Мора отвѣчаетъ на этотъ запросъ съ полной готовностью и очень подробно: „Вы можете успокоить его друзей; его легкія не пострадали отъ жестокаго припадка въ Баньерѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ оттуда уѣхалъ, съ нимъ ни разу не было ни малѣйшаго обморока. Однако онъ еще слишкомъ слабъ, чтобы питаться только овощами; онъ ѣстъ немного нашего *puchero*, испанскаго супа, цыпленка и телятину. Онъ долженъ обѣдать совсѣмъ одинъ, и лишь вчера онъ оказалъ мнѣ честь обѣдать у меня; въ первый разъ онъ покинулъ комнату въ такой часъ. Онъ выходитъ очень мало и съ соблюденіемъ предосторожностей, какія только можно себѣ представить, противъ холоднаго и пронизывающаго воздуха этой страны. Однимъ словомъ, сударь, я имѣю честь вамъ сказать, что онъ поправляется, хотя и медленно. Онъ просилъ меня увѣрить васъ и всѣхъ своихъ друзей въ своей привязанности и признательности и сказать вамъ, что онъ писалъ на послѣдней недѣлѣ и три почты тому назадъ къ г-жѣ де Леспинассъ" [1]).

---

[1]) „Меня удивляетъ,—отвѣчаетъ д'Аламберъ на это письмо,—что вы мнѣ дѣлаете

Позднѣйшія письма герцога, затѣмъ письма Мора, отправленныя черезъ этого посредника, сначала давали надежду на полное выздоровленіе. Послѣдніе зимніе мѣсяцы и начало весны не принесли серьезнаго рецидива; и Жюли начинала нѣсколько успокаиваться, какъ вдругъ черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Гибера наступилъ новый кризисъ, вызвавшій новыя волненія. „Онъ харкалъ кровью, два раза ему пустили кровь,—сообщаетъ Гиберу г-жа де Леспинассъ;—въ моментъ отбытія курьера ему было лучше, но кровохарканіе можетъ возобновиться; какъ можно быть спокойнымъ при такой перспективѣ!... Страданіе,—прибавляетъ она,—разслабило мою душу, и я ему уступаю. Въ пять часовъ утра я приняла два зерна опіума; они мнѣ дали спокойствіе, болѣе цѣнное, чѣмъ сонъ... Я могу съ вами говорить, могу жаловаться; вчера у меня нехватало словъ, я не смогла бы даже сказать, что я боюсь за жизнь того человѣка, котораго люблю; мнѣ было бы легче умереть, чѣмъ промолвить тѣ слова, отъ которыхъ леденѣло мое сердце. Вы любили; поймите же, что значитъ подобная тревога! И до среды я буду въ неизвѣстности, которая повергаетъ меня въ ужасъ и которая тѣмъ не менѣе заставляетъ меня прожить до этого срока“.

Ее подкашиваетъ безпокойство, которое, по собственному ея выраженію, постоянно бросаетъ ее „изъ конвульсивнаго состоянія въ состояніе подавленности“ и страннымъ образомъ отзывается на ея чувствѣ къ Гиберу. Будучи столь же суевѣрной, сколь и мало вѣрующей, она въ первый моментъ не можетъ удержаться, чтобы не привести испытываемыя ею мученія въ связь съ своей невѣрностью; она въ этомъ видитъ какъ бы наказаніе за свою вину и проклинаетъ судьбу, поставившую на ея пути рокового утѣшителя: „Да, по совѣсти я думаю, что тотъ день, который я провела годъ тому назадъ въ Муленъ-Жоли, былъ несчастьемъ моей жизни. Я ненавижу, я презираю судьбу, толкнувшую меня написать вамъ *первую записку!*“ Ей недостаточно обвинять самоё себя; она хочетъ обвинить Гибера за то чувство, которое онъ ей внушилъ: „О! Что же вы такое, что сумѣли на мгновеніе отдалить меня отъ самаго очаровательнаго и совершеннаго изъ всѣхъ созданій въ мірѣ“. И горечь, переполняющая ее, дѣлаетъ ее строгой, даже несправедливой по отношенію къ тому, кто въ своихъ далекихъ странствіяхъ удивляется и не понимаетъ при-

---

честь сообщить, что маркизъ де Мора писалъ г-жѣ де Леспинассъ нѣсколько писемъ. Она не получила ни одного, и, конечно, дѣло не въ здѣшней почтѣ. Она думаетъ, что ея къ нему письма имѣли ту же судьбу. Въ такомъ случаѣ, г. герцогъ, позвольте мнѣ васъ умолять передать это письмо маркизу де Мора“.

чины измѣнчивости ея настроеній: „Я недовольна вашей дружбой; я нахожу, что есть холодность и легкомысліе въ томъ, что вы мнѣ не сказали, почему вы не написали изъ Дрездена, какъ обѣщали... И затѣмъ,—надо ли это говорить?—я оскорблена тѣмъ, что вы меня *благодарите за интересъ*, который я проявляю въ отношеніи васъ. Или вы думаете, что вы такимъ образомъ отвѣчаете мнѣ тѣмъ же? Вы находите меня несправедливой и сложной; нѣтъ, я вовсе не такова; я очень правдива, больна и несчастна. Если я не буду говорить вамъ того, что чувствую, что думаю, тогда я вамъ ничего не буду говорить". Нѣсколько недѣль спустя она пишетъ: „Вы молоды, вы знали любовь, вы страдали и изъ всего этого вы заключили, что вы человѣкъ чувствительный; а между тѣмъ это неправда!" Жалобы и упреки такого рода уже съ этого момента дѣлаются обычнымъ явленіемъ въ письмахъ Жюли; но это пока только мимолетныя тучи, быстро исчезающія подъ лучами ея зарождающейся нѣжности. Каждый шагъ, сдѣланный назадъ, вызываетъ обратный шагъ, и страхъ оскорбить друга внушаетъ ей выраженія, въ которыхъ прорывается возрастающая страсть. Она постепенно отказывается отъ полусловъ; вскорѣ она признается съ полной откровенностью въ этой страсти, съ которой она уже больше не можетъ бороться, и рѣдко подобное признаніе бываетъ выражено болѣе нѣжно и деликатно: „Я васъ слишкомъ люблю, чтобы быть въ состояніи сдерживать себя; я предпочитаю просить у васъ прощенья, чѣмъ не дѣлать ошибокъ. У меня нѣтъ съ вами самолюбія. Я не знаю больше обязанностей въ отношеніи моего друга; я приближаюсь къ естественному состоянію; дикари не любятъ съ большей чувствительностью и откровенностью. Свѣтъ, несчастье—ничто не могло испортить моего сердца... Не скупитесь, дайте мнѣ многое; вы увидите, что я не обременю васъ. О! Вы увидите, какъ я умѣю любить! Я только и живу любовью, я только и умѣю любить!" Приведемъ еще слѣдующія строки, столь нѣжныя при всей ихъ видимой суровости: „Я не принимаю ни одной вашей похвалы, и я васъ удивлю: онѣ мнѣ нисколько не льстятъ. Не все ли мнѣ равно, что вы считаете меня неглупой? Это странно, но тѣмъ не менѣе это такъ: вы для меня единственный свѣтскій человѣкъ, которому я совсѣмъ не стараюсь *нравиться*". И посмотримъ, какъ она, наконецъ, отказывается отъ всякой гордости и вымаливаетъ взамѣнъ нѣжности немного мягкости и состраданія: „Помните, что вы должны считаться съ моимъ положеніемъ: я больна, я несчастна; неужели это не подѣйствуетъ на вашу добродѣтель? То, что она мнѣ дастъ, будетъ отплачено безконечной призна-

тельностью. Боже мой! Не правда ли, какой это слабый мотивъ и какое жалкое чувство!“

Здѣсь нельзя ошибиться; это языкъ любви, подчасъ еще робкой, но однако полной и уже властной, всецѣло господствующей надъ тѣмъ сердцемъ, въ которомъ она водворилась. Если тотъ, кому предназначались эти строки, еще могъ въ этомъ сомнѣваться, то, чтобы его убѣдить, достаточно будетъ тѣхъ отрывковъ, гдѣ Жюли признается какъ бы помимо воли въ тѣхъ страданіяхъ, какія ей причиняетъ еще не порванная связь Гибера съ г-жей де Монсожъ. Имя этой женщины постоянно повторяется въ ея письмахъ; она спрашиваетъ о ней Гибера съ печальнымъ любопытствомъ: получилъ ли онъ вмѣстѣ съ ея письмами письма отъ своей любовницы? Какія онъ прочелъ сначала? На какія онъ отвѣтилъ раньше? „Установимъ положеніе, опредѣлите мнѣ мое мѣсто; но такъ какъ я не люблю перемѣщаться, то не давайте мнѣ плохого. Я не хочу того, на которомъ вы *терпите* эту несчастную женщину“. Часто также она высказываетъ сожалѣніе о судьбѣ возвышеннаго человѣка, связаннаго съ особой, не могущей его понять: „Почему эта женщина не любитъ васъ до сумасшествія, какъ вы бы этого хотѣли и какъ вы заслуживаете? На что употребляетъ она свою душу и жизнь? О, да! она не имѣетъ ни вкуса, ни чувствительности, я въ этомъ увѣрена. Она должна была бы васъ любить хотя бы только изъ тщеславія. Но во что я вмѣшиваюсь? Вы довольны или, если нѣтъ, вы, по крайней мѣрѣ, любите то зло, какое она вамъ причиняетъ“. Можно прослѣдить, какъ рождается и растетъ въ ней безпокойная ревность, которая скоро сдѣлается однимъ изъ худшихъ страданій ея жизни.

Еще другой страхъ волнуетъ ее и виденъ во многихъ изъ ея писемъ: она боится, какъ бы свѣтъ не заподозрилъ чистоты ея отношеній съ Гиберомъ и какъ бы слухъ объ этомъ не дошелъ до Мадрида и не посѣялъ бы отчаянія въ вѣрномъ и довѣрчивомъ сердцѣ.

Однажды Шастеллю осторожно намекнулъ на новое чувство, наполнявшее ея мысли: „Онъ думаетъ, что я васъ очень люблю. Откуда онъ это знаетъ? Развѣ вы ему писали?“ Другой разъ, во время визита у г-жи де Буффлэ, разговоръ принялъ еще болѣе тревожный характеръ: хозяйка дома, большой другъ Гибера, возвѣстила передъ многочисленнымъ собраніемъ, что онъ больше не любитъ г-жу де Монсожъ, но что онъ „сильнѣйшимъ образомъ увлеченъ“ другой неизвѣстной женщиной, и что онъ путешествуетъ лишь для того, чтобы излѣчить свое сердце: „Наконецъ,

послѣ многихъ предположеній спросили меня, люблю ли я вас и хорошо ли я васъ знаю, такъ какъ я не сказала ни одного слова: *Да, я его очень люблю, и когда его хоть немного узнаешь то можно его любить лишь такимъ образомъ.—Ну хорошо, так вы знаете о его связи? Кто предметъ его страсти?—Нѣтъ, по совѣсти я ничего объ этомъ не знаю*". Догадываются ли онѣ о чем нибудь? Въ ужасѣ отъ подобной мысли, Жюли упрашиваетъ Гибера не говорить ни съ кѣмъ объ ней и тщательно уничтожать ея письма: „Сжигаете ли вы мои письма? Я вижу отсюда, как изъ вашихъ кармановъ падаютъ огромные пакеты. Безпорядок въ вашихъ бумагахъ смущаетъ мое довѣріе".

Безполезно прибавлять, что ея желаніе не было исполнено тѣ выдержки изъ ея писемъ, которыя мы только что читали, доказываютъ намъ это достаточно ясно. Къ сожалѣнію, Жюли была болѣе осторожна и большинство писемъ Гибера этого перваго періода ускользнуло отъ всякихъ поисковъ. Какъ ни мало ихъ удалось найти, но тѣ изъ нихъ, которыя уцѣлѣли, сопоставленныя съ тѣми отрывками писемъ г-жи де Леспинассъ, гдѣ она намекаетъ на содержаніе полученныхъ ею страницъ, позволяютъ намъ судить, въ какой мѣрѣ предметъ такой нѣжной страсти отвѣчаетъ на выраженныя ему чувства. Впрочемъ, сама Жюли въ это время еще колеблется въ этомъ пунктѣ: „Что думаете вы,—спрашиваетъ она его однажды,—о человѣкѣ, который отдается раньше, чѣмъ узнаетъ, примутъ ли его"? Вначалѣ Гиберъ, повидимому, въ самомъ дѣлѣ былъ прежде всего удивленъ, почти обезпокоенъ и чувствовалъ какъ бы смущеніе по поводу этой пламенной страсти, этого типа любви, до того дня для него еще незнакомаго. Легкія свѣтскія ухаживанія, мирная и нетребовательная привязанность г-жи де Монсожъ не приготовили его къ такому пылкому порыву, къ этому потоку лавы. Вотъ почему онъ лавируетъ, пишетъ рѣдко и, когда Жюли жалуется на молчаніе, неловко извиняется: „Я всегда говорилъ себѣ: завтра я напишу; но дни протекали быстро. Я никому не писалъ. Когда я вамъ не пишу, то знайте разъ навсегда, что я умеръ для всей вселенной".

Каждый разъ, когда это возможно, онъ избѣгаетъ личныхъ вопросовъ, уклоняется отъ опасныхъ пунктовъ и наполняетъ свои письма разсказами, описаніями, безъ сомнѣнія интересными, но столь банальными, что г-жа де Леспинассъ могла безъ риска ознакомить съ ними своихъ обычныхъ посѣтителей, Шастеллю, г-жу Жоффренъ, даже самого Мора: „Вы мнѣ такъ мало говорите о себѣ,—грустно упрекаетъ она его,—что ваши письма могли

бы быть адресованы почти ко всѣмъ извѣстнымъ вамъ женщинамъ. Мои не таковы; они могутъ имѣть лишь одинъ адресъ". Понукаемый, онъ дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ и видитъ въ самыхъ прозрачныхъ признаніяхъ лишь дружескія увѣренія: „Я цѣню совѣты, которые вы мнѣ даете. Я съ удовольствіемъ нахожу, что они исходятъ отъ лица, желающаго быть увѣреннымъ въ томъ, что мы снова увидимся. А я вамъ скажу въ свою очередь: берегите себя до моего пріѣзда, постарайтесь успокоить вашу душу... Дружба, какъ я ее чувствую, или скорѣй, какой вы мнѣ ее внушили, имѣетъ на меня такія права, о размѣрахъ которыхъ вы еще не рѣшаетесь думать... Я люблю вашу дружбу такой, какъ она есть; ея живость составляетъ мое счастье, и я надѣюсь, что она не повредитъ вашему". И онъ намѣренно упоминаетъ о д'Аламберѣ, когда говоритъ о своемъ желаніи увидѣть Жюли: „Я очень радъ, что г. д'Аламберъ питаетъ ко мнѣ дружескія чувства. Какъ я буду радъ его увидѣть"!

Въ одномъ пунктѣ однако онъ даетъ Жюли нѣкоторое удовлетвореніе, не щадя ни сердца, ни ума г-жи де Монсожъ: „Что вы скажете о чувствѣ, которое должно бы быть болѣе сильнымъ, чѣмъ ваше, и однако всегда остается позади вашего? Ахъ! не говорите мнѣ о немъ, вы огорчили бы меня, если бы вы разъяснили мнѣ этотъ вопросъ. Или вы думаете, что если бы на то была моя воля, я не промѣнялъ бы ея качествъ на ваши"? Но онъ портитъ сейчасъ же все впечатлѣніе отъ этихъ строкъ, ставя на одну доску пренебрегаемую любовницу и новую подругу: „Какой смѣшной перечень даете вы о всѣхъ тѣхъ, кому вы уступаете мѣсто! Г-жа де Монсожъ и вы,—клянусь, что вы обѣ стоите на первомъ мѣстѣ среди тѣхъ, о комъ я думаю. Я не сумѣю сказать, которой изъ васъ я пишу первой; сегодня, напримѣръ, вамъ!"

Среди этихъ диссонансовъ и недоразумѣній, поѣздка Гибера подходила къ концу. Проѣхавъ по очереди Пруссію, Силезію и Австрію, онъ подумывалъ одну минуту, къ великому огорченію Жюли, о поѣздкѣ въ Петербургъ. Но онъ отказывается отъ этого проекта, также какъ и отъ поѣздки въ Швецію, и г-жа де Леспинассъ, хотя и радуясь этому, не можетъ удержаться отъ безпокойной подозрительности: „Почему вы отказались отъ поѣздки на сѣверъ? Я не могу повѣрить, что это дѣлается лишь для того, чтобы сократить продолжительность вашего путешествія. Кому же вы жертвуете Швеціей? Если у васъ потребовали этой жертвы, вы довольны... Во всякомъ случаѣ, если ваше возвращеніе случится скорѣй, я благодарна тому, кто былъ этому причиной". Въ послѣднихъ числахъ августа онъ извѣщаетъ ее, что ѣдетъ

изъ Вѣны во Францію; послѣ этого проходитъ три недѣли безъ всякихъ извѣстій. Письмо, полученное Жюли послѣ долгаго молчанія, не могло ее успокоить: наканунѣ отъѣзда Гиберъ заболѣлъ; воспаленіе кишекъ и жестокая лихорадка уложили его на нѣсколько дней въ кровать. Болѣзнь Гибера приводитъ ее въ отчаяніе и она боится, что Гиберъ не говоритъ всей правды: „По тону вашего письма я вижу, что вы были очень слабы, блѣдны и изнурены... Во имя дружбы, не совершайте больше безумствъ; спите, отдыхайте и не рискуйте не пріѣхать вовсе, желая пріѣхать скорѣй!“ Онъ болѣе чѣмъ добросовѣстно слушается этихъ добрыхъ совѣтовъ и задерживается настолько, что первая недѣля октября застаетъ его еще въ Вѣнѣ, и онъ не знаетъ, возвращаться ли ему въ Парижъ, или продолжать путешествіе. Онъ отказывается отъ послѣдней мысли лишь по настоянію Жюли: „Возвращайтесь, возвращайтесь; было бы жестоко уѣзжать еще дальше“! Наконецъ, 9 октября его рѣшеніе принято: „На этотъ разъ я уѣзжаю и ручаюсь въ этомъ, такъ какъ вотъ уже четыре дня, какъ у меня нѣтъ лихорадки, моя карета заложена и черезъ двѣ минуты я буду въ ней“... Онъ предполагаетъ передвигаться медленно, но въ концѣ мѣсяца онъ навѣрно уже будетъ въ Парижѣ. Велика радость Жюли при такомъ обѣщаніи; однако ее охватываетъ одно безпокойство: не заѣдетъ ли онъ сначала въ Бретешъ навѣстить г-жу де Монсожъ? „Безъ сомнѣнія, въ тотъ моментъ, когда я васъ увижу, вы будете еще поглощены тѣмъ, что вы пережили, увидѣвъ ту, кого любите. Признайтесь, что въ тотъ день вы будете дальше отъ меня, чѣмъ тогда, когда вы были въ Бреславлѣ. Боже мой! Это справедливо! Однако я буду очень счастлива, лишь бы только вы пришли ко мнѣ, когда будете спокойны“. Гиберъ снисходительно старается устранить эту заботу: „Я увижу васъ раньше, чѣмъ ее. Это несомнѣнно, такъ какъ мнѣ нужно сначала пріѣхать въ Парижъ; но если бы она находилась на дорогѣ въ Парижъ и если бы я зналъ, что ваши страданія, ваше здоровье, ваша душа нуждаются во мнѣ на моментъ раньше, я пріѣхалъ бы прямо къ вамъ“.

Въ такомъ неопредѣленномъ настроеніи, полномъ и любви, и страха, желанія и ревности, ожидаетъ г-жа де Леспинассъ часа встрѣчи; и вотъ какъ она повѣряетъ свое смятеніе человѣку, который отнынѣ держитъ ея жизнь въ своихъ рукахъ: „Я теперь упрекаю себя за тѣ угрызенія совѣсти, какія я питала, отдаваясь своей склонности къ вамъ... Теперь ли или раньше создавала я себѣ иллюзіи? По совѣсти, я не знаю. Но вы, кому несчастье не перевернуло всей души, вы лучше разберетесь во мнѣ, и когда

я васъ увижу, вы мнѣ скажете, должна ли я радоваться или огорчаться изъ-за того чувства, какое вы мнѣ внушаете".

XII.

Возвращеніе Гибера въ Парижъ. — Страсть Жюли разгорается. — Гиберъ порываетъ съ г-жей де Монсожъ.—Вечеръ 10 февраля 1774 г.—Трагическое совпаденіе.—Опьянѣніе первыхъ дней.—Жюли закрываетъ свой салонъ.—Первыя разочарованія.—Тяжелое заболѣваніе маркиза де Мора.—Предсмертная записка къ Жюли.—Смерть маркиза де Мора.—Отчаяніе Жюли.—Она пытается покончить съ собой.—Угрызенія совѣсти.—Ея письма къ покойному.

Гиберу понадобилось лишь одно мгновеніе, чтобъ вывести душу Жюли изъ хаоса противорѣчивыхъ чувствъ и отъ сомнѣнія привести ее къ надеждѣ, а затѣмъ къ восторгу. Какъ только они увидѣлись, Жюли болѣе, чѣмъ когда-либо, подпала подъ его очарованіе. Онъ возвращался изъ своей поѣздки съ удвоеннымъ престижемъ: всюду говорили, что онъ побѣдилъ и даже восхитилъ всѣхъ, даже Фридриха Великаго, который цѣлую недѣлю принималъ его въ самой интимной обстановкѣ; Вольтеръ, которому онъ нанесъ визитъ, окрестилъ его „великимъ человѣкомъ", и все больше утверждалось мнѣніе, что его имя будетъ отмѣчено среди самыхъ блестящихъ историческихъ именъ. Вдобавокъ никто не былъ въ этомъ такъ увѣренъ, какъ онъ самъ; когда писали съ него портретъ, онъ сказалъ отъ чистаго сердца: „Не надо никогда писать портрета съ человѣка, которому потомство не пожелаетъ воздвигнуть статую".

Не блескъ этого „генія" трогалъ однако больше всего Жюли де Леспинассъ. Безпрестанно имъ восхищаясь, она подчасъ тревожилась, что для столь могучаго ума любовь будетъ лишь времяпровожденіемъ, а не жизненной цѣлью: „Я много вижу г. де Гибера",—сообщаетъ она графу де Крилльонъ. „Я нахожу его очень милымъ, но видно, что это онъ себя имѣлъ въ виду, когда говорилъ въ своемъ Коннетаблѣ: „Его таланты не давали ему покоя и лежали тяжестью на его душѣ". Активность его натуры поглощаетъ его и приводитъ къ тому, что онъ слишкомъ скоро исчерпываетъ свой интересъ ко всему, что его послѣдовательно занимаетъ... Онъ скучаетъ тамъ, гдѣ другіе радуются".

Но всѣ сомнѣнія исчезали, какъ только она видѣла передъ собой его сверкающіе глаза, когда его краснорѣчивый голосъ очаровывалъ ея слухъ, а горячія слова заставляли ее трепетать до глубины души. Вѣдь и онъ также, уступивъ наконецъ, очарованію „волшебницы" и зараженный той страстью, которая ее поглощала, впадалъ теперь вмѣстѣ съ ней въ экстазъ,

мечталъ о неизреченныхъ восторгахъ и неизвѣданномъ блаженствѣ. Именно теперь—по крайней мѣрѣ, онъ увѣрялъ въ этомъ Жюли—онъ порвалъ окончательно съ г-жей де Монсожъ; можно себѣ представить, какой благодарностью была оплачена такая жертва. Съ этого мгновенія ничто не останавливаетъ больше того порыва, который влечетъ ее къ этому, теперь освободившемуся сердцу; трепещущая, въ экстазѣ, она живетъ только для него и отдается, съ закрытыми глазами, уносящему ее потоку. Эта любовь не знаетъ, впрочемъ, ни спокойнаго довѣрія, ни сладости самозабвенія. Больная тѣломъ и душой, она находится во власти постоянной лихорадки: „Мое здоровье въ отвратительномъ состояніи,—пишетъ она незадолго до возвращанія Гибера;—я ужасно кашляю и дохожу до кровохарканья; мой голосъ угасъ... Я совсѣмъ или почти совсѣмъ не сплю“. Такое физическое состояніе усиливается еще ея сердечнымъ возбужденіемъ, ея терзаніями по поводу Мора, ея постоянной потребностью видѣть около себя того, кого занятія часто удерживаютъ въ другихъ мѣстахъ. Небольшое количество записокъ, сохранившихся отъ этого времени, содержатъ лишь постоянную мольбу посѣщать ее ежедневно и въ любое время: „Мой другъ, я васъ не увижу и вы мнѣ скажете, что это не по вашей винѣ; но если-бъ у васъ была тысячная доля моего желанія васъ видѣть, вы были бы здѣсь и я была бы счастлива... Когда у меня нѣтъ того, что я люблю, я люблю быть одна... Когда же я васъ увижу, утромъ или вечеромъ? Я предпочла бы утро, потому что оно наступитъ раньше, а вечеръ, потому что онъ продолжительнѣй. Въ концѣ-концовъ я буду рада тому, что вы мнѣ предоставите“.

Чувствительная до крайности, она страдаетъ точно отъ оскорбленія, отъ малѣйшей небрежности и забывчивости; и такъ же точно, малѣйшее вниманіе вызываетъ въ ней усиленіе нѣжности: „Мой другъ, я васъ люблю такъ, какъ надо любить, безгранично, безумно, съ восторгомъ и отчаяніемъ. Всѣ эти дни вы подвергали мою душу пыткѣ; я видѣла васъ это утро, я все забыла и мнѣ казалось, что я недостаточно сдѣлала для васъ, любя васъ всей душой и желая жить и умереть для васъ. Вы стоите большаго, чѣмъ все это“.

Между влюбленными, дошедшими до такого діапазона чувствъ, развязка должна была наступить скоро.

Благодаря многочисленнымъ намекамъ, встрѣчающимся въ ихъ перепискѣ, можно установить день, мѣсто и поводъ, приведшій ее къ паденію.

Въ теченіе зимняго сезона 1774 года Жюли де Леспинассъ

имѣла,—потому ли, что какой-либо любезный другъ сдѣлалъ ей это подношеніе, или потому, что она сама сочла возможнымъ позволить себѣ такую роскошь,—въ оперѣ обширную и удобную ложу, съ прилегающимъ къ ней „салономъ-комнатой“, какъ она выражается въ письмахъ, гдѣ можно было проводить время антрактовъ.

Гиберъ былъ приглашенъ разъ навсегда, и обыкновенно бывалъ съ ней наединѣ. Сидя рядомъ въ самой ложѣ или, чаще, „на хорошемъ диванѣ“ элегантнаго будуара, они больше бесѣдовали, чѣмъ слушали, и, по признанію Гибера, „слушали очень плохо“ „Сельскаго прорицателя“, Вертумна и Помону и другія модныя пьесы. Не такъ было, однако, въ вечеръ 10 февраля: они отдались очарованію мелодіи; мы знаемъ, какое глубокое впечатлѣніе производило „божественное искусство“ на душу и чувства Жюли. Гиберъ, въ свою очередь, относился къ нему не менѣе восторженно. Опера окончена, но они остались въ сосѣднемъ салонѣ, оба какъ бы истомленные отъ очарованія проникающей въ душу музыки. Ихъ растроганные нервы и сердца трепетали въ униссонъ; голова у нихъ закружилась; ихъ губы искали другъ друга, и они осушили, какъ пишетъ Жюли, кубокъ „упоительнаго яда“.

Въ этотъ же день, въ этотъ же часъ, по трагическому совпаденію, въ Мадридѣ маркизъ де Мора былъ вдругъ охваченъ новымъ приступомъ своей обычной болѣзни, на этотъ разъ настолько сильнымъ, что съ тѣхъ поръ онъ лишь медленно угасалъ и никогда уже больше не оправился. Недаромъ годомъ позже, вся содрогаясь при мысли объ этой годовщинѣ, Жюли вдругъ почувствовала себя охваченной ужасомъ: „10 февраля 1775 г.—Бьетъ полночь, мой другъ; меня только что охватило леденящее кровь воспоминаніе. Почему судьбѣ угодно было соединить самое яркое и сладостное наслажденіе моей жизни съ самымъ ужаснымъ горемъ! Ахъ! Боже мой, годъ тому назадъ, въ этотъ самый часъ г. де Мора былъ сраженъ смертельнымъ ударомъ; а въ это же время я, будучи за триста верстъ отъ него, была болѣе жестока и болѣе виновата передъ нимъ, чѣмъ невѣжественные варвары, его убившіе! Я умираю отъ раскаянія! Прощайте, мой другъ, я не должна была васъ любить!“...

Эти страхи и угрызенія послѣдовали не сразу за паденіемъ Жюли, такъ какъ тревожная новость дошла до Парижа лишь въ мартѣ. Наоборотъ, первыя недѣли были полны экстаза, восхищенія и изліяній переполненнаго сердца. Вотъ строки, написанныя повидимому на другой день послѣ того, какъ она отдалась Гиберу:

„Какъ вы себя чувствуете? Увижу ли я васъ? Ахъ! не отымайте отъ меня ничего. Время такъ коротко и я такъ цѣню каждый моментъ, когда вижу васъ. Мой другъ, у меня нѣтъ больше опіума ни въ головѣ, ни въ крови; въ ней есть нѣчто худшее,—то, что заставляетъ благословлять небо, любить жизнь, если тотъ, кого любишь, одушевленъ тѣмъ же чувствомъ... Да, вы должны бы любить меня до безумія. Я ничего не требую, я все прощаю и ни на одинъ моментъ во мнѣ не было упрековъ. Мой другъ, я выше похвалъ, такъ какъ люблю васъ выше похвалъ“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, она пишетъ: „Я много думала о васъ, я была настолько поглощена вами, что поняла, какъ набожные люди могутъ чувствовать присутствіе Бога, не отвлекаясь ничѣмъ“. Восемнадцать мѣсяцевъ спустя, вспоминая эти дни, полные опьянѣнія, она возвращается къ этому же сравненію: „Вы говорите о Люциферѣ; онъ хотѣлъ сравняться съ Богомъ; ну, что же, я сдѣлала больше; въ моей жизни было время, когда я не хотѣла бы съ нимъ помѣняться“! Къ этому же времени относится знаменитая записка, краснорѣчиво краткая, какъ жаркій поцѣлуй: „*Отъ всѣхъ мгновеній моей жизни.*—Мой другъ, я страдаю, я васъ люблю, я васъ жду“.

Мысль объ „измѣнѣ“, объ утратѣ своей добродѣтели, все то, что ее подвергнетъ впослѣдствіи такимъ жестокимъ мученіямъ, все забыто въ эти часы опьянѣнія, все поглощено потокомъ страсти, затопившимъ все ея существо. Тотъ день, когда она отдалась душой и тѣломъ тому, кого она обожаетъ, она считаетъ новой эрой своей жизни: „Моя судьба рѣшилась 10 февраля: *любить васъ или умереть*“. И такъ сильна была перемѣна въ ея душѣ, что теперь она считаетъ себя навсегда излѣченной отъ своей обычной болѣзненной ревности и тяжелой подозрительности. Случаю было угодно, что она какъ разъ въ это время встрѣтила г-жу де Монсожъ; она была въ восхищеніи отъ ея лица и фигуры и, по ея собственнымъ словамъ, высказывала надежду, что душа госпожи де Монсожъ гармонируетъ съ ея очаровательной наружностью: „Я этому вѣрю и даже хочу этого. Что это? великодушіе или нѣтъ?!“

Такое хорошее настроеніе и спокойная увѣренность не могли продолжаться долго. При очевидной разницѣ характеровъ обоихъ любовниковъ, связь ихъ не могла оставаться мирной; Жюли, какъ мы знаемъ, доходила всегда до крайности, отдавалась цѣликомъ, и требовала того же; Гиберъ былъ, безъ сомнѣнія, влюбленъ, но вносилъ въ свою любовь эгоизмъ и легкомысліе человѣка, избалованнаго многочисленными побѣдами, къ тому же жаждущаго

разнообразія и внѣшней дѣятельности. Ихъ раздѣляетъ глубокая пропасть, и проницательный умъ г-жи де Леспинассъ очень скоро отдаетъ себѣ въ этомъ отчетъ: „Вы довольствуетесь развлеченіями, занятіями и разнообразіемъ впечатлѣній,—скажетъ она ему вскорѣ,—для меня мое счастье въ васъ и только въ васъ“. Съ каждой недѣлей разногласіе ихъ натуръ выступаетъ все яснѣй наружу. У Жюли пропала теперь любовь къ обществу, даже къ тому наслажденію, которое она испытывала раньше въ разговорѣ съ умными людьми: „Ахъ! не говорите мнѣ объ утѣшеніи, которое мнѣ даетъ общество! Оно для меня теперь не болѣе какъ невыносимое принужденіе и, если-бъ я могла побудить г. д'Аламбера не быть со мной, то моя дверь была бы закрыта для всѣхъ“. Эта новая потребность уединенія, спокойствія и молчанія доводитъ ее до несправедливости. Въ душѣ тѣхъ, общества которыхъ она раньше искала, она видитъ теперь лишь гордость, глупость и самодовольство, однимъ словомъ, какъ говоритъ она, „собраніе и ассортиментъ всего, что въ теченіе тысячи вѣковъ населяетъ адъ и сумасшедшіе дома“. „Всѣ они,—прибавляетъ она,—были вчера вечеромъ въ моей комнатѣ, и я удивляюсь, что стѣны и потолокъ не обрушились. Среди всѣхъ этихъ писакъ, педантовъ, глупцовъ и ужасныхъ людей, съ которыми я провела день, я думала лишь о васъ и о вашихъ безумствахъ, я жалѣла, что васъ нѣтъ, я васъ хотѣла“.

Вотъ еще изображеніе ея прежнихъ друзей: „Богъ мой, какъ я ихъ ненавижу и презираю, и какъ для меня было бы ужасно вновь начать жить такъ, какъ я жила въ теченіе десяти лѣтъ. Я такъ близко видѣла порокъ, такъ часто была жертвой маленькихъ и гаденькихъ страстей свѣтскихъ людей, что у меня осталось отъ всего этого непреодолимое отвращеніе и ужасъ, который заставилъ бы меня предпочесть ихъ обществу полное одиночество“.

Въ противоположность своей подругѣ, Гиберъ не можетъ обходиться безъ этой сумятицы; ему нужна публика, аплодисменты, восхищеніе себѣ подобныхъ. „Вы не созданы для интимности“,—говоритъ она ему грустно,—у васъ потребность расточать себя; вамъ необходимъ шумъ общества. Это не потребность вашего тщеславія, а вашей активности“. Пребываніе наединѣ, даже съ любимой женщиной, быстро вызываетъ у него непобѣдимую усталость; онъ замѣтно охладѣваетъ, вяло поддерживаетъ разговоръ и иногда почти засыпаетъ: „Вчерашній вечеръ, — пишетъ она однажды,—походилъ на одинъ изъ тѣхъ несносныхъ романовъ, отъ которыхъ скучаетъ и авторъ, и читатель. Остается сказать то,

что сказалъ прусскій король по поводу болѣе важнаго случая: *другой разъ мы сдѣлаемъ лучше*". И несмотря на эти униженія, ея болѣзненная потребность его видѣть доходитъ до такой степени, что она отказывается отъ своей гордости и вымаливаетъ у него нѣсколько лишнихъ мгновеній: „Знаете ли вы, почему я предпочитаю видѣть васъ вечеромъ, чѣмъ днемъ? Потому что вечеръ парализуетъ вашу подвижность: нельзя тогда итти къ *г-жѣ такой-то* или къ Глюку и дѣлать сотню безполезныхъ вещей, къ которымъ вы, по-моему, проявляете интересъ лишь для того, чтобъ покинуть меня раньше".

Такая настойчивость является тѣмъ болѣе странной, что она съ каждымъ днемъ все больше теряетъ иллюзіи насчетъ этого сердца, которое вначалѣ она уже считала принадлежащимъ ей. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ съ рокового вечера, какъ она уже поняла свою ошибку: „Какъ могла я заблуждаться и ошибаться до такой степени? Почему мой умъ не поддержалъ моей души? И какъ это дѣлается, что, осуждая васъ безпрестанно, я всегда бываю увлечена вами"? Теперь она знаетъ до потери всякихъ сомнѣній, что онъ не можетъ испытывать глубокаго чувства, что для него любовь—только „приключеніе, свойственное его возрасту", что встрѣть онъ даже созданіе, надѣленное всѣми качествами и достоинствами, онъ не смогъ бы дать счастья этому идеальному существу. Тѣмъ болѣе она не надѣется больше ни на что для себя, и это убѣжденіе въ ней настолько сильно, что въ большинствѣ случаевъ она не рѣшается раскрывать свою душу и дать выходъ ея глубочайшимъ силамъ: „Я не говорю вамъ ни о моихъ сожалѣніяхъ, ни о моихъ воспоминаніяхъ и, что еще болѣе жестоко, я вамъ показываю лишь часть наполняющаго мое сердце чувства и я подавляю въ себѣ страсть, которую вы вызываете въ моей душѣ. Я безъ конца говорю себѣ: онъ не отвѣтитъ мнѣ тѣмъ же, онъ не пойметъ меня и я умру съ горя"!

Вслѣдъ за разочарованіемъ быстро появляется недовѣріе, и уснувшая было ревность пробуждается еще сильнѣй и острѣй, чѣмъ когда-либо. Она вкладываетъ въ нее изумительную изобрѣтательность и горестную настойчивость и создаетъ себѣ тысячи разныхъ поводовъ къ мученіямъ; и надо признаться, что ей не трудно было найти поводы съ такимъ человѣкомъ, какъ Гиберъ, отъ котораго столько женщинъ сходило съ ума. Нѣкоторое время ея подозрѣнія направляются на г-жу де Буффлэ.

По своемъ возвращеніи изъ Пруссіи Гиберъ аккуратно навѣщалъ послѣднюю, и это вызвало сплетни; во всякомъ случаѣ слухъ объ этомъ дошелъ до Жюли. Можно себѣ представить, насколько она

была этимъ взволнована: „Аббатъ Мореллэ говорилъ послѣдніе дни въ своей душевной невинности, что вы очень влюблены въ графиню де Буффлэ, что вы совершенно поглощены ею и желаніемъ ей нравиться и т. д. Если это и не вполнѣ вѣрно, то во всякомъ случаѣ настолько правдоподобно, что мнѣ, кажется, не остается ничего другого, какъ жаловаться на то, что вы меня въ это не посвятили. Если вы хотите поправить дѣло со мной, я попрошу васъ только объ одномъ: скажите мнѣ *правду*. Повѣрьте, что нѣтъ ничего, чего бы я не могла выслушать. Я могу вамъ показаться настолько слабой, что вы можете убѣдить себя въ необходимости меня беречь; это неправда; никогда, наоборотъ, я не чувствовала въ себѣ больше силъ; во мнѣ есть сила страдать“. Ни опроверженія Гибера, ни его подчеркнуто презрительные отзывы о г-жѣ де Буффлэ, ничто не могло вполнѣ уничтожить недовѣрчивости Жюли, и въ ея перепискѣ постоянно встрѣчаются по этому поводу язвительные намеки и замаскированные упреки.

Это, однако, лишь легкое облачко и поверхностное горе; настоящимъ мученіемъ и вѣчно ноющей раной является ея ревность къ г-жѣ де Монсожъ. Гиберъ, безъ сомнѣнія, порвалъ съ ней любовныя отношенія—онъ это торжественно обѣщалъ,—но онъ остался другомъ своей прежней любовницы и оказывалъ ей вниманіе, а это было невыносимо для Жюли: „Я замѣчаю, что вамъ доставляетъ удовольствіе заботиться о г-жѣ де М. Вы ей даете и предлагаете все, что вамъ доставляло удовольствіе; со мной у васъ другая крайность—забвеніе, пренебреженіе, отказы. Вотъ уже три мѣсяца какъ вы мнѣ обѣщали принадлежащую вамъ книгу, и я была вынуждена попросить ее у другого. Конечно, хорошо, что такая нелюбезная манера обращенія падаетъ на меня; это только справедливо, и я жалуюсь лишь на чрезмѣрность“.

Но въ этомъ сказывается еще лишь горечь, а вотъ и отчаяніе: „Держу пари, что въ тотъ моментъ, когда вы будете читать это, вы уже получите записку, гдѣ вамъ говорятъ: я жалѣю ради себя о порывахъ своего сердца; твоему счастью всегда не будетъ оставать Монсожъ! Ахъ! Боже мой, повѣрьте этому, верните ей покой и, если возможно, будьте счастливы. Таково желаніе несчастнаго созданія, передъ глазами котораго всегда рисуется надпись на дверяхъ ада: войдя сюда, оставь надежду навсегда!“

Что же будетъ съ нею, когда въ маѣ Гиберъ уѣдетъ на нѣсколько дней, чтобы посѣтить въ ея замкѣ Бретешъ ту, кто мучитъ Жюли столько страха и ненависти!? Начиная съ зна-

менательнаго вечера 10 февраля, это была первая разлука влюб ленныхъ; Жюли была ею жестоко оскорблена. Хотя они и видѣ лись ежедневно, она обыкновенно не могла удержаться, чтоб не писать ему по всякому поводу; но теперь она воздерживаетс отъ того, чтобы написать ему за все время разлуки хоть одн слово, и въ слѣдующихъ строкахъ, полныхъ горечи, она объ ясняетъ ему въ моментъ его возвращенія причину своего мол чанія: „Не заставляйте меня говорить о томъ, почему я н могла вамъ писать туда, *гдѣ вы были.* Я сама себѣ не смѣ признаться въ причинѣ этого; это мысль и душевное движені на которыхъ я не хочу останавливаться; это мука, внушающа мнѣ ужасъ, унижающая меня и до сихъ поръ мнѣ еще неиз вѣстная!“ Свиданіе, происшедшее на слѣдующій день, вызвал первую изъ тѣхъ сценъ, которыхъ вскорѣ стало такъ мног Жюли вышла изъ себя, а Гиберъ отвѣтилъ ей на это сухосты и презрѣніемъ; такъ, повидимому, можно заключить изъ записки написанной вскорѣ послѣ ссоры: „Воскресенье, полночь. Вы, зна читъ, забыли, вы покинули эту *фурію,* сразу и сумасшедшую, злую?! Несчастное созданіе провело весь день въ преддверіи рая она ждала ангела утѣшителя, а онъ не пришелъ. Безъ сомнѣ нія, онъ былъ занятъ тѣмъ, что давалъ счастье и радость ка кому-нибудь небесному созданію; онъ и самъ былъ увлеченъ не бесными удовольствіями и при такомъ настроеніи ничто не могл ему напомнить обо мнѣ“. Одна эта мысль вновь подымаетъ е улегшійся гнѣвъ: „Если онъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ счастливъ я отъ глубины души желаю, чтобы ничто не привело его снов ко мнѣ; ибо я достаточно несправедлива, чтобы ненавидѣть ег счастье и желать, чтобы раскаяніе и угрызенія преслѣдовали ег всегда. Вотъ упованія и пожеланія души, которая его больше все го любила и у которой большая потребность навсегда заснуть!“

Мы имѣемъ полное право удивляться тому, что связь межд этими двумя столь несхожими людьми продолжалась, несмотр на постоянныя столкновенія, разочарованія и поводы къ разно гласію; не разъ Жюли въ невыразимомъ мученіи задавала себ этотъ вопросъ: „Я не могу себѣ объяснить, какое очарованіе при вязываетъ меня къ вамъ? Вы мнѣ не другъ, вы не можете им сдѣлаться. У меня нѣтъ къ вамъ никакого довѣрія. Вы мнѣ при чинили самое глубокое и острое зло, какое только можетъ омра чить и повергнуть въ отчаяніе честную душу. Въ данный мо моментъ вы меня лишаете, можетъ быть, навсегда единственнаг утѣшенія, посланнаго небомъ въ послѣдніе дни моей жизни. [1]

[1] Намекъ на проектъ ея брака съ Мора.

И вотъ, мой другъ, я думаю объ этомъ, сознаю все это, и тѣмъ не менѣе меня влечетъ къ вамъ чувство, которое я презираю, но оно имѣетъ надо мною власть проклятія и фатальности".

Черезъ нѣсколько дней она снова прерываетъ свои жалобы слѣдующимъ восклицаніемъ: „Мой другъ, въ тѣ времена, когда вѣрили въ колдовство, я объяснила бы имъ все, что вы меня заставляете испытать; я сказала бы, что вы располагали властью накликать на меня судьбу, отнявшую меня отъ самой себя".

Сущность этого „колдовства", привязывающаго ее, несмотря ни на что, къ человѣку, давшему ей любовь во всей ея полнотѣ, она понимаетъ въ глубинѣ души лучше, чѣмъ сама хочетъ въ этомъ признаться, и грустная тайна прорывается въ ея письмахъ довольно часто, хотя и въ замаскированныхъ выраженіяхъ: „Въ концѣ-концовъ я знаю, что не найду успокоенія въ вашей душѣ; въ ней нѣтъ ни нѣжности, ни чувства. Вы обладаете лишь однимъ средствомъ исцѣлять мои страданія, *опьяняя меня;* и это лѣкарство служитъ источникомъ моихъ самыхъ сильныхъ страданій!" Намъ хорошо понятны эти слова: она вкусила сладострастное опьянѣніе и ея губы изсыхали отъ жажды коварнаго яда. Униженіе, причиняемое ей этой слабостью, постоянная борьба между ея душой и тѣломъ, чувствами и разумомъ—все это составляетъ отнынѣ тайную драму ея жизни, скрытое мученіе, изнуряющее ее до того самаго момента, когда она падетъ подъ его бременемъ.

Мы только что прослѣдили первые признаки этого зла; то, что вызывало пока лишь тревогу, смѣшанную со стыдомъ, вдругъ обратится въ острое страданіе; на днѣ ея души откроется неизлѣчимая рана,—справедливое и ужасное возмездіе, какъ рѣшитъ она въ отчаяніи, за того, кому она измѣнила.

Припадокъ, бывшій съ Мора въ февралѣ, повергъ его въ состояніе полной нравственной и физической прострацiи. Недавняя смерть его матери, графини Фуэнтесъ, умершей отъ той же болѣзни, какою болѣлъ онъ самъ, удвоила его безпокойство; казалось, даже онъ самъ, такъ долго исполненный иллюзій, моментами предвидѣлъ грозный исходъ. Кровохарканье и лихорадка продолжались все время. Мадридскіе доктора, созванные толпой къ его постели, пробовали по очереди самыя сильныя средства; повторныя и сильныя дозы желѣза, хинина и особенно, слѣдуя испанской привычкѣ, частыя кровопусканія. „Нигдѣ на свѣтѣ не пускаютъ столько крови, какъ въ Мадридѣ!", воскликнулъ д'Аламберъ, узнавъ эти грустныя подробности. Справедливо напуганный такимъ лѣченіемъ, „секретарь" г-жи де Леспинассъ

въ своихъ письмахъ къ герцогу Вилла-Эрмоза высказываетъ какъ припѣвъ, всегда одну мысль: надо вырвать больного изъ невѣжественныхъ рукъ, изъ „сухого и палящаго“ мадридскаго климата, и привезти его въ Парижъ къ просвѣщеннымъ врачамъ. „Я спѣшилъ какъ только могъ,—пишетъ онъ,—чтобы принести новыя извѣстія г-жѣ де Леспинассъ, ожидавшей ихъ съ ужасомъ и тревогою, чрезвычайно меня безпокоящей. Нигдѣ на всемъ свѣтѣ не любятъ такъ сильно маркиза де Мора, какъ въ нашемъ маленькомъ уголкѣ. Вы видите, господинъ герцогъ, что ошибки испанскихъ докторовъ чуть не стоили г. де Мора жизни. Кто можетъ поручиться, что въ будущемъ они будутъ лучше понимать положеніе и умнѣй поступать? Если вы его сюда привезете, то этотъ поступокъ будетъ вполнѣ достоинъ вашей любви къ нему и вы сможете себѣ сказать, что вы не только обезпечили здоровье своего друга, но и спасли ему жизнь... Этотъ проектъ мнѣ кажется вполнѣ осуществимымъ, — настаиваетъ онъ еще разъ,—когда я думаю о вашихъ чувствахъ къ маркизу де Мора и о необходимости вырвать его поскорѣе изъ вреднаго климата и изъ рукъ отравляющихъ его докторовъ“.

Весьма вѣроятно, и никто не можетъ ее за это осудить, что эта мысль была внушена д'Аламберу не кѣмъ инымъ какъ Жюли де Леспинассъ; такъ говоритъ и Мармонтель въ одномъ отрывкѣ своихъ воспоминаній. Всѣ друзья Мора единодушно сходились на томъ мнѣніи, что пребываніе въ испанской столицѣ приведетъ очень скоро къ смертельному исходу: „Возвратъ болѣзни Мора начинаетъ приводить меня въ отчаяніе“,—пишетъ Галіани изъ Неаполя.—Воздухъ Мадрида слишкомъ рѣзокъ и его легкія не перенесутъ его“. Такое мнѣніе поддерживалось знаменитымъ Лорри, самымъ извѣстнымъ среди женщинъ и образованныхъ людей Парижа докторомъ, настолько моднымъ, по словамъ Башомона, что когда онъ страдалъ подагрой, то давалъ совѣты изъ своей кареты, къ которой больные спускались, чтобы увидѣть его. Онъ зналъ Мора, такъ какъ раньше его лѣчилъ, и посылалъ ему письмо за письмомъ, наполовину по-французски, наполовину по-латыни, уговаривая его бѣжать отъ гибельнаго климата и скорѣй довѣрить себя его опытнымъ рукамъ.

Какъ бы ни были сами по себѣ разумны эти совѣты, они, пожалуй, не заставили бы умирающаго рѣшиться на такое долгое путешествіе, если бы къ этому не присоединились другіе тайные мотивы. Инстинктомъ глубоко любящаго человѣка онъ смутно чувствовалъ какую-то перемѣну въ сердцѣ Жюли, хотя и не имѣлъ на этотъ счетъ никакихъ опредѣленныхъ указаній.

„Я помню,—признается эта послѣдняя со слезами,—что я возъимѣла гнусный проектъ, что я приняла рѣшеніе принести смерть моему другу, покинуть его, перестать его любить такъ, какъ онъ хотѣлъ и заслуживалъ быть любимымъ“. Однако она откладывала часъ жестокаго признанія, такъ какъ боялась за слабый организмъ Мора; но ея письма, прежде такія простыя и искреннія, выдавали, несмотря на всѣ ея усилія, ея душевное смущеніе, и Мора, удивленный и обезпокоенный, искалъ напрасно въ этихъ „неловкихъ строкахъ прежній огонь и увлеченіе“. „Впервые онъ познакомился съ сомнѣніями,—пишетъ Жюли;—отъ безпокойства онъ переходилъ къ страхамъ; его письма, такъ же какъ и его сердце, были полны печалью и смятеніемъ“. Однако тяжелое подозрѣніе не приводило его въ отчаяніе, а лишь укрѣпляло его твердое намѣреніе снова вернуть къ себѣ непостоянную подругу. Такова была причина, увѣряетъ г-жа де Леспинассъ, ускорившая его отъѣздъ: „Онъ рискнулъ своей жизнью, онъ оторвался отъ семьи, отъ обожавшихъ его друзей. По его собственнымъ словамъ, онъ отправился въ путь, чтобы согрѣть остывшее отъ разлуки сердце, вернуть къ жизни душу, убитую несчастьемъ“. Въ своей неугасаемой нѣжности думалъ онъ найти нужную силу, чтобы встрѣтить тяжелое испытаніе.

„Г. де Мора долженъ пуститься въ путь 4 сего мѣсяца,—сообщаетъ 8 мая Жюли Кондорсэ.—Таковъ былъ его проектъ, высказанный еще 25 числа прошлаго мѣсяца; онъ былъ простуженъ, слабъ, его слюна была окрашена кровью; при такихъ условіяхъ я не сомнѣваюсь лишь въ одномъ,—въ его волѣ и желаніи. Я повѣрю въ его возвращеніе лишь тогда, когда его увижу“. Въ то время какъ она писала эти строки, Мора уже пять дней какъ былъ въ пути, чтобы соединиться съ ней. Онъ покинулъ Мадридъ 3 мая, сопровождаемый своимъ докторомъ Наварро и двумя слугами; онъ извѣстилъ объ этомъ свою подругу однимъ лишь словомъ, наскоро набросаннымъ въ суматохѣ отъѣзда: „Мадридъ, 3 мая 1774 г. Садясь въ карету, чтобы увидѣть васъ“. Онъ ѣхалъ медленно, небольшими переѣздами, чтобы избѣжать усталости и тряски на плохихъ дорогахъ. Первые дни прошли безъ всякой помѣхи и онъ началъ надѣяться: „Во мнѣ есть силы, чтобы заставить васъ забыть все, отъ чего вы страдали“, писалъ онъ Жюли 10-го, черезъ недѣлю послѣ отъѣзда. Какъ разъ въ этотъ день кровохарканье отняло его послѣднія силы. Однако онъ желалъ продолжать путь, сдѣлавшійся для него длительной агоніей. „Изъ Бордо, 23 мая 1774 г., по прибытіи, почти мертвый“; такъ озаглавилъ онъ новую записку къ Жюли.

Мнѣ нечего описывать ужасъ и горе, какое причиняли эти извѣстія г-жѣ де Леспинассъ. Ея отчаяніе настолько сильно, что она не можетъ его скрыть даже отъ Гибера. Послѣ одного нервнаго припадка, продолжавшагося четыре часа, она пишетъ Гиберу: „Ужасъ и страхъ затуманили мой разсудокъ. Я жду среды и мнѣ кажется, что даже смерть не въ силахъ смягчить ту потерю, которой я такъ боюсь... Выше моихъ силъ думать, что, можетъ быть, тотъ, кого я люблю, кто любилъ меня, не услышитъ меня больше и не придетъ мнѣ больше на помощь". Передъ своимъ другомъ Сюаромъ она изливаетъ свое горе съ еще бо́льшей свободой: „Извѣстія завтрашняго дня, можетъ быть, освободятъ меня отъ жизни. Эта ужасная мысль не покидаетъ меня. Я вижу Мора уже только мертвымъ".

Въ другой запискѣ видна еще опредѣленнѣй мысль о самоубійствѣ, охватившая ея мозгъ: „Мнѣ кажется, что мнѣ уже нечего беречь. Вы хорошо знаете, что это значитъ, однако *вы не все знаете*. Нѣтъ, нечего мнѣ больше надѣяться ни на спокойствіе, ни на отдыхъ... Вы простите меня, что я не могу быть благоразумной и сдержанной. Если бы я хотѣла жить въ обществѣ, нужно было бы подчиниться этимъ добродѣтелямъ; но я вамъ говорю, что я не хочу больше ни минуты оставаться въ этой печальной странѣ, называемой жизнью. По этому поймите все, что я думаю и судите обо всемъ, что я сдѣлаю!"

Мрачныя предчувствія г-жи де Леспинассъ имѣли глубокое основаніе. Напрасно наслѣдникъ рода Фуэнтесъ боролся въ Бордо, въ гостиницѣ, съ дикой энергіей противъ смерти, лишавшей его утѣшенія увидѣть подругу. Три дня онъ былъ въ агоніи, сохраняя полное сознаніе. Въ этотъ послѣдній часъ къ нему вернулась, повидимому, прежняя дѣтская вѣра; во всякомъ случаѣ извѣстно, что сосѣдній приходскій священникъ пришелъ оказать ему религіозную поддержку. 27 мая, собравъ свои послѣднія силы, слабѣющей рукой онъ набросалъ для Жюли нѣсколько строкъ, полныхъ отчаянія и любви: „Я хотѣлъ васъ видѣть; надо умирать. Какая ужасная судьба! Но вы меня любили, и вы еще и сейчасъ даете мнѣ сладостное чувство. Я умираю для васъ..." Въ этотъ же день онъ испустилъ послѣдній вздохъ и его похоронили на другой день съ особой „торжественностью", какъ сказано въ актѣ о смерти, въ церкви Notre Dame-de-Puy-Paulin, теперь разрушенной. Передъ погребеніемъ слуги сняли съ его пальцевъ два кольца: въ одномъ изъ нихъ была вдѣлана тонкая прядь волосъ Жюли; другое было простымъ обручальнымъ золотымъ кольцомъ и на немъ было выгравировано: „*Все проходитъ, кромѣ любви*". Пер-

вое изъ этихъ колецъ было отправлено герцогиней Вилла-Эрмоза къ г-жѣ де Леспинассъ, которая ей его позже возвратила въ своемъ завѣщаніи. Обѣ реликвіи находятся еще и сейчасъ въ архивѣ этого благороднаго рода.

Въ четвергъ 2 іюня г-жа де Леспинассъ получила печальную вѣсть. „Я была бы очень счастлива,—говорила она при воспоминаніи объ этомъ днѣ,—если бы моя жизнь окончилась въ среду 1 іюня". Въ первыхъ вырвавшихся у нея словахъ она обвиняла себя въ томъ, что убила любившаго ее человѣка, что она „произнесла его приговоръ". Ничто уже не сможетъ освободить ея душу отъ этого ужаснаго впечатлѣнія. Къ ея тяжелому горю присоединяются еще угрызенія совѣсти. Однако она не раскаивается въ томъ, что не обнаружила своей невѣрности; по крайней мѣрѣ, Мора не узналъ ея ошибки: „Боже мой! Какъ я пала! Какъ унизилась! Но онъ не зналъ этого". И ее ужасно тяготило сознаніе, что безсознательной холодностью своихъ писемъ она поколебала спокойствіе и довѣріе этого вѣрнаго сердца: „Какая ужасная мысль! Я встревожила его послѣдніе дни. Опасаясь, что ему будетъ за что жаловаться на меня, онъ отдалъ свою жизнь за меня; и его послѣднее движеніе было полно нѣжности и страсти". Передъ отчаяніемъ, внушаемымъ ей этой мыслью, ей кажутся ничтожными всѣ ея страданія, начиная съ дѣтскаго возраста: „одинъ моментъ уничтожилъ тридцать семь лѣтъ горя!" Ея разсудокъ помутился: чтобы избѣгнуть нестерпимыхъ мученій, она видитъ только одинъ исходъ,—смерть, и ея рѣшеніе принято. Не подлежитъ сомнѣнію, что она, дѣйствительно, хотѣла отравиться; въ этомъ убѣждаетъ насъ цѣлый рядъ мѣстъ ея переписки съ Гиберомъ, который былъ свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ этой драмѣ. Неизвѣстно только, приступила ли она къ исполненію своего рѣшенія и не вернули ли заботы Гибера ей, противъ ея желанія, жизнь? Или онъ пришелъ къ ней въ тотъ моментъ, когда она хотѣла принять ядъ и успѣлъ какъ разъ во-время выхватить у ней смертельный напитокъ? Во всякомъ случаѣ, если она обязана Гиберу продолженіемъ жизни, то она была ему за это очень мало признательна; наоборотъ, не разъ впослѣдствіи она осыпала его жестокими упреками за его ненужное усердіе.

Послѣ лихорадочнаго нервнаго возбужденія наступилъ полный упадокъ силъ: „Она не въ состояніи вамъ сама объяснить, насколько ей цѣнны знаки вашего вниманія. Ея здоровье очень слабо; она находится въ такомъ изнеможеніи, которое не позволяетъ ей наслаждаться даже дружбой". Такъ выражается

д'Аламберъ, благодаря г-жу Неккеръ за сочувственное письмо посланное ею къ Жюли.

„Я жалѣю самъ,—продолжаетъ онъ,—о смерти человѣка, имѣвшаго самую чувствительную, чистую и возвышенную душу. Воспоминанія и сожалѣнія о немъ навсегда запечатлѣлись въ моей душѣ". Эти строки искренни; кажется, что никто, кромѣ Жюли не оплакивалъ такъ смерть Мора; тѣ страницы, въ которыхъ онъ описываетъ свое горе, могли бы быть подписаны г-жей де Леспинассъ: „Я былъ настолько проникнутъ скорбью, что въ первый моментъ не могъ писать. Какая потеря для меня, который до могилы сохранитъ самое дорогое и грустное воспоминаніе о самомъ совершенномъ созданіи, какое я когда-либо зналъ!... Его умъ сообщалъ моему такую силу, какой у него больше не будетъ, и я буду вѣчно вспоминать о тѣхъ дорогихъ моему сердцу минутахъ, когда эта чистая, благородная, сильная и мягкая душа охотно сливалась съ моей". Объединенные общей скорбью, Жюли и д'Аламберъ снова обрѣли на нѣкоторое время былую близость. „Г. д'Аламберъ,—говоритъ она съ растроганной благодарностью,—писалъ графу Фуэнтесъ; онъ написалъ ему по собственному побужденію; онъ плакалъ, читая это письмо, и заставилъ меня обливаться слезами".

Надо признать, что въ душѣ его подруги никогда не исчезла память о Мора. Мертвому она вѣрна больше, чѣмъ живому. Его вина не побуждаетъ ея искать прибѣжище въ забвеніи. Наоборотъ, она съ какимъ-то ожесточеніемъ постоянно вспоминаетъ о своемъ „преступленіи"; она безъ конца обвиняетъ себя въ немъ передъ человѣкомъ, который былъ въ немъ соучастникомъ. Сочувствіе друзей, приписывающихъ ея тоску сожалѣнію, а не угрызеніямъ совѣсти, подчасъ ее настолько раздражаетъ, что она едва удерживается отъ раскрытія своей тайны. Однажды, когда Сюаръ сдѣлалъ ей по случаю ея траура сочувственный визитъ, она ему сказала: „Я не достойна вашего участія". Онъ понялъ эти слова лишь тридцать лѣтъ спустя, когда прочиталъ въ первый разъ ея письма къ Гиберу. Можно сказать, что моментами она ищетъ возможности наказать себя, не пропуская ни одного случая вызвать образъ „совершеннаго и святого существа", передъ которымъ она согрѣшила. Когда нѣсколькими мѣсяцами позднѣй Гиберъ проѣзжалъ черезъ Бордо, она заставила его разспросить до мельчайшихъ подробностей всѣхъ, въ томъ числѣ и консула, о послѣднихъ часахъ де Мора. Въ слѣдующемъ году, зная, что Луи Пиньателли пріѣхалъ въ Парижъ, она хочетъ его видѣть, говорить съ нимъ о братѣ, не

смотря на ужасную боль, причиняемую ей этимъ разговоромъ: „Его присутствіе меня убиваетъ! Звукъ его голоса заставляетъ меня дрожать отъ головы до ногъ. Я поперемѣнно проникнута любовью и ужасомъ“. Но что сдѣлается съ ней въ тотъ день, когда, по трагическому стеченію обстоятельствъ, она вдругъ получитъ два письма, затерявшіяся на почтѣ, отъ того, кто уже болѣе года покоится на днѣ могилы? Эти загробныя слова звучатъ въ ея ушахъ, какъ мрачное предостереженіе, какъ зовъ умершаго, чтобы она пришла скорѣй соединиться съ нимъ.

Живя постоянно среди тяжелыхъ воспоминаній и мрачныхъ образовъ, она находится въ такой экзальтаціи, которая граничитъ подчасъ съ бредомъ. Иногда въ часы волненія—отъ горя или огорченія—она брала въ руки то перо, которымъ писала письма Мора и повѣряла то, что она испытывала, *этой преслѣдующей ее тѣни:* „Знаете ли вы,—признается она,—какова первая потребность моей души, когда она сильно взволновала страстью или горемъ? Это писать г. де Мора. Я оживляю его, я вызываю его къ жизни, мое сердце соединяется съ его сердцемъ, моя душа сливается съ его душой; жаръ и быстрота моей крови побѣждаютъ смерть, такъ какъ я вижу его, онъ живетъ, онъ дышитъ для меня, я слышу его! Моя голова затуманивается и разгорячается до такой степени, что мнѣ не нужны иллюзіи; это сама истина“.

Порой она вызываетъ его образъ и, умоляющая, изливаетъ ему смиренно свое раскаяніе: „О, мой другъ, если вы слышите меня въ жилищѣ смерти, будьте снисходительны къ моему горю и раскаянію. Я была виновата, я оскорбила васъ, но развѣ мое отчаяніе не искупило моего преступленія? Я потеряла васъ и осталась жить; да, я живу, развѣ это не достаточное наказаніе!“

Съ этихъ поръ ея письма къ Гиберу полны воспоминаній объ ея прошломъ. Между собой и любовникомъ она ставитъ безпрестанно образъ Мора, сравнивая мертваго съ живымъ, и сравненіе всегда не въ пользу послѣдняго. Надо признать, что Гиберъ выказалъ удивительное терпѣніе, вынося безропотно такую непріятную параллель. Лишь изрѣдка онъ позволяетъ себѣ робкое замѣчаніе: „Пишите мнѣ, мой другъ, даже если ваше письмо будетъ полно г. де Мора“. Чаще всего онъ принимаетъ все безъ возраженій, съ кроткой покорностью человѣка, у котораго, какъ мы увидимъ, совѣсть не вполнѣ спокойна.

Перев. **Л. Гончарова.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

* * *

Когда меня ты грозно гонишь
Отъ здѣшней милой жизни прочь
И душу трепетную клонишь
Въ твою таинственную ночь,—

Покоренъ я. Мои свѣтила
По предначертаннымъ путямъ
Текутъ,—и будетъ все, какъ было,
И здѣсь, жестокая, и тамъ.

Очей моихъ не отвращая
Отъ бездны той, куда стремлюсь,
И злобу всю твою прощая,
Я умирая улыбнусь.

Ѳедоръ Сологубъ.

НА БѢЛОЙ ЛОШАДИ.

Разсказъ.

Странно это вышло... Еще такъ недавно личная жизнь студента Баулина и ему самому представлялась какимъ-то узкимъ неразрывнымъ кольцомъ. И трудно, невыносимо было ему жить въ тискахъ разочарованія и безцѣльности... Часто онъ задумывался о самоубійствѣ и носился съ этой мыслью, какъ съ новой тяжестью души. А теперь недавнее разочарованіе словно отошло куда-то, нашлась и цѣль жизни, и новая любовь къ этой жизни.

Цѣлые дни бродитъ онъ по Петербургу и чувствуетъ себя слитымъ съ улицей. Еще недавно онъ какъ будто не любилъ людей, а теперь живетъ всей полнотой горячей любви къ людямъ.

Черезъ весь городъ носится студентъ Баулинъ пѣшкомъ или на трамваѣ и усталости не чувствуетъ. Живетъ на Васильевскомъ островѣ, а въ казармы является ежедневно на Загородный. И цѣлые дни Баулинъ проводитъ среди запасныхъ, завелъ много новыхъ и интересныхъ знакомствъ и изъ интеллигентовъ, и изъ рабочихъ, и изъ мужиковъ, которые недавно прибыли въ столицу изъ отдаленныхъ уѣздовъ губерніи.

Всѣ эти люди въ новой обстановкѣ кажутся Баулину такими же нужными, какъ и онъ самъ.

Не такъ давно Баулинъ говорилъ невѣстѣ своей, курсисткѣ Наденькѣ:

— Какъ это хорошо, Надя, ощущать себя нужнымъ и жить съ яснымъ представленіемъ о цѣли...

И послѣ паузы еще добавлялъ:

— И какое это хорошее чувство—любить свою родину... Я, кажется, только теперь и научился любить родину... Именно теперь...

За эти дни и Наденька отдала себѣ отчетъ въ своей любви къ той же матери-родинѣ. Какъ-то странно до сихъ поръ она,

какъ и ея милый Нилъ, не отдавала себѣ отчета въ любви къ родинѣ. Любила она народъ—крестьянъ, рабочихъ, мѣщанъ, кое-кто и изъ интеллигентовъ нравился ей. Но всю родину представляла она себѣ только какъ родину мужиковъ, родина для нея была это—мужики, а теперь она любитъ и купцовъ, и къ городовому относится терпимо, всѣхъ любитъ,—всѣхъ, кто живетъ въ обширной, большой Россіи. Это чувство было новое и такое волнующее.

При этомъ Нилъ думалъ еще и о той странной женщинѣ, съ которой познакомился недавно при такой исключительной обстановкѣ. Разочарованная, тоскующая о счастьѣ и ищущая цѣли жизни, Серафима Власовская такъ походила въ то время на него.

Гроза войны пугала воображеніе отдаленными зарницами, а въ Серафимѣ Власовской уже проснулся человѣкъ, который вдругъ какъ-то нашелъ свое настоящее мѣсто въ жизни и разомъ опредѣлилъ цѣль жизни.

Въ странную ночь ихъ встрѣчи весь Петербургъ узналъ изъ вечернихъ газетъ о томъ, что Австрія объявила войну Сербіи и уже начала бомбардировку Бѣлграда.

И Серафима такъ просто сказала въ отвѣтъ на вопросъ Нила:

— Теперь всему прошлому конецъ... Ѣду въ Сербію на театръ военныхъ дѣйствій. Пусть возьмутъ меня сестрой милосердія, сидѣлкой, кѣмъ угодно...

Припоминая теперь и ту странную ночь, и встрѣчу съ Власовской, и эту ея фразу, Баулинъ чувствовалъ, что теперь онъ уже какой-то иной любовью любитъ Наденьку, и мимолетное увлеченіе Власовской приняло вдругъ какой-то новый обликъ. И какъ странно, что только теперь, въ „эти“ дни, онъ сталъ говорить Наденькѣ „ты“, и та не изумилась этой перемѣнѣ и тоже стала говорить ему „ты“. Любили они другъ друга года два, если не больше, и были какъ-то далеки другъ отъ друга. А въ эти дни сблизились и стали товарищами или какъ братъ и сестра.

— Надя,—говорилъ онъ,—а ты замѣчаешь, за эти дни люди стали другими. Нѣтъ этой уличной брани и толкотни, спора изъ-за мелочей. И пьяныхъ не видно на улицѣ, а въ газетахъ пишутъ, будто теперь и участки пусты—нѣтъ преступленій...

— Да, милый, да,—шептала она, и глаза ея дѣлались влажными.

Такъ разсуждали запасный Баулинъ, бывшій студентъ, и курсистка Наденька, которая теперь ходила на курсы сестеръ милосердія и готовилась къ новой жизни. На тѣхъ же курсахъ На-

денька познакомилась и съ Власовской. Въ началѣ знакомства она приревновала Нила къ красивой женщинѣ, а теперь успокоилась, и Нилъ для нея, какъ и Власовская—братъ и сестра. И всѣ они чувствовали свое перерожденіе. Какъ будто всѣ трое выпили живительной влаги изъ какого-то одного источника и теперь переродились и ожили.

Надо же разсказать, какъ это случилось. Жили трое—студентъ Баулинъ, курсистка Наденька и дѣвушка странной профессіи по имени Серафима,—жили такъ, томились и теперь вдругъ ожили. Долго разсказывать о подробностяхъ ихъ жизни, да это, пожалуй, и не нужно. Важны только послѣдніе аккорды былой жизни, чтобы оцѣнить, какими новыми аккордами зазвучала ихъ жизнь.

Нѣсколько лѣтъ назадъ Баулинъ увлекался партійной работой, но давно уже отсталъ и сталъ прятаться отъ „своихъ". Однако и къ „чужимъ", новымъ друзьямъ своей жизни, какъ-то не могъ прицѣпиться. Измѣнилъ партійнымъ друзьямъ и сталъ заниматься науками, исправно посѣщалъ лекціи, цѣлые дни проводилъ или въ Публичной библіотекѣ, или въ университетской. Но вотъ и въ наукѣ онъ разочаровался, не успѣвъ познать ея сладкихъ плодовъ.

Часто онъ цѣлые вечера проводилъ въ маленькой комнаткѣ Наденьки или Наденька придетъ къ нему, расположится, какъ дома, и они не замѣчаютъ, какъ идетъ время. Сидятъ по вечерамъ вмѣстѣ и чувствуютъ себя счастливыми. Иногда Баулинъ обниметъ Наденьку, прильнетъ къ ней и ощущаетъ щекою мягкіе локоны ея волосъ. А то вдругъ разгориться въ немъ зябкая дрожь, и онъ до боли обниметъ невѣсту и цѣлуетъ ее.

А Наденька вдругъ встрепенется вся, горячимъ поцѣлуемъ отвѣтитъ на поцѣлуй Баулина, а потомъ проведетъ рукою по лицу, сдвинетъ со лба упавшія, растрепавшіяся пряди волосъ и отодвинется отъ Баулина.

И точно холодомъ какимъ-то обдастъ Баулина, и онъ съ глубоко скрытымъ негодованіемъ отодвинется отъ Наденьки. Задыхается въ порывахъ любви Баулинъ. Робко подходитъ къ любви странная Наденька, какъ будто не понимаетъ она, что творится съ ея другомъ, не хочетъ понять и себя. И кажется Баулину, что охладѣла къ нему Наденька только потому, что онъ не интересный мужчина. Недаромъ она называетъ его „кисляемъ".

„Кисляй! Кисляй!" Какое позорное это имя для мужчины, который хочетъ любить.

Иногда, точно наважденіе какое-то непреодолимое, одолѣва-

етъ Баулина мысль о самоубійствѣ. Въ тоскѣ, прячась отъ людей, избѣгая встрѣчъ съ Наденькой, ходитъ онъ по улицамъ или лежитъ въ своей, надоѣвшей ему, комнатѣ и думаетъ о смерти, и сильны эти страшныя мысли. Всѣ привязанности къ жизни кажутся утратившими свой смыслъ, прошлое кажется темнымъ пятномъ и будущее ничѣмъ не привлекаетъ. И хочется ему разорвать кольцо жизни и освободиться изъ его тисковъ.

Сдержанная въ любви, странная, тоскующая Наденька все же ждала отъ будущаго ласкъ и счастья.

„Вотъ кончу курсъ, выйду за Баулина, и будемъ мы любить другъ друга“.

Такъ думаетъ Наденька, и эта фраза для нея—неизмѣнная программа жизни. А. Баулину любовь Наденьки представляется чувствомъ безъ будущаго.

„Да и нѣтъ этой любви,—говоритъ онъ самъ себѣ.—Ну и пусть“...

А остается наединѣ и думаетъ:

„Если бы я умиралъ естественной смертью, лежалъ бы въ постели, лѣчился у докторовъ и вмѣстѣ съ ними боролся бы со смертью. И во мнѣ была бы настоящая любовь къ жизни и боязнь смерти... А все мое существованіе—презрѣніе къ жизни и тяготѣніе къ смерти“.

Такъ думалъ Баулинъ. И однажды воскликнулъ:

— Какая чепуха...

И эти два слова оттягивали моментъ его рѣшенія умереть.

Однажды вечеромъ Баулинъ и Наденька гуляли по набережной, остановились около Сфинксовъ и почему-то долго смотрѣли на холодныя молчаливыя глыбы, точно ожидая, что вотъ скажутъ имъ что-то эти большіе, неподвижные и мертвые глаза.

И вдругъ почему-то Баулинъ протянулъ руку къ холоднымъ изваяніямъ и съ дѣланнымъ паѳосомъ воскликнулъ:

— Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ изваяли васъ, холодные, неподвижные... Цѣлые вѣка ваши глаза были обращены въ сторону жизни, человѣческихъ радостей и горя, паденія и неудачъ, страстей, слезъ, мукъ вдохновенія, паденія и борьбы... Что же вы поняли въ этой жизни?... Разскажите мнѣ, что вы поняли?...

Сфинксы молчали.

Наденька-курсистка разсмѣялась и сказала:

— Ну-у... идемте, Нилъ Александровичъ... мнѣ холодно...

Въ ненастную ночь было холодно на набережной Невы около

академіи художествъ. Неслись по небу темныя тучи. Плескалась темная вода за гранитнымъ парапетомъ, и отъ отраженія огней въ водѣ вѣяло холодомъ.

— Вы—счастливая, Наденька,—прервалъ онъ ее:—вамъ холодно... Вы чувствуете холодъ...

— А вамъ не холодно?—съ тревогой въ голосѣ спросила она и вскинула на него глаза.

— А я,—продолжалъ Баулинъ, какъ бы не слыша ея словъ,—а я утратилъ способность чувствовать что-либо.

— Какъ, вы и меня перестали любить?—воскликнула Наденька и слегка пожала его пальцы.

— Васъ я люблю, Наденька... но...

— Ну, что... „но“?

— Но что же будетъ дальше съ нашей любовью?

Онъ помолчалъ съ секунду и, перемѣнивъ тонъ на враждебный, добавилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Вы любите меня какъ-то особенно. Какъ будто вмѣсто сердца у васъ мѣшокъ съ мозгами... Такъ любить нельзя...

— Богъ мой!—воскликнула Наденька, и по лицу ея не трудно было догадаться, что слова спутника разсердили дѣвушку.

Немного отступивъ отъ Баулина, она воскликнула:

— Но мы уже все выяснили: получимъ дипломы, уѣдемъ на родину, обвѣнчаемся...

— Ну, а дальше что?

— Вернемся въ Петербургъ.

— А дальше что?

— Объ этомъ не стоитъ и думать... Примемъ жизнь, какова она есть...

Эти слова Наденька произнесла покорнымъ тономъ, но Баулинъ возразилъ:

— А я не могу принять жизни такой, какая она, и не хочу...

— Чего же вы хотите?

— Не знаю я...

Они прошли нѣсколько шаговъ молча.

Послѣ грустнаго раздумья Баулинъ сказалъ:

— Какъ мы опустились, измельчали.... Въ былое время курсистки и студенты мечтали объ общественномъ служеніи, а мы... Мы даже и любимъ не сердцемъ, а какимъ-то мѣшкомъ съ мозгами.

Она отвернулась, нахмуривъ брови. Баулинъ, шедшій подъ руку съ Наденькой, почувствовалъ, что дѣвушка вырываетъ руку. Вотъ она высвободила руку, и они опять молча прошли нѣсколько шаговъ.

Какъ будто ни къ кому не обращаясь, Баулинъ началъ:

— Не удивительно, что человѣкъ побѣдилъ природу, такъ сказать, подчинилъ ее себѣ, и теперь слагаетъ гимнъ побѣды... А вы вотъ что скажите мнѣ: когда человѣкъ сочинитъ новый гимнъ себѣ, побѣдивъ свой внутренній міръ?

— Нилъ Александровичъ,—прервала его дѣвушка.—Ну, право же, сейчасъ мнѣ не хочется думать о такихъ высокихъ матеріяхъ... Я думала—прогуляемся мы, какъ раньше, побудемъ вдвоемъ... Такъ хорошо быть вдвоемъ...

Она заглянула въ его мрачные глаза и съ надрывомъ въ голосѣ воскликнула:

— Ну, отчего вы такой?... Отчего у васъ такія тяжелыя мысли?

— Тяжелыя мысли,—какъ эхо повторилъ онъ.—Это вы не дурно опредѣлили.

— Ну, конечно...

Они перешли улицу около академіи художествъ и направились вдоль панели по Четвертой линіи, а потомъ снова перешли улицу и направились въ узкій и полутемный Академическій переулокъ.

У подъѣзда темнаго дома Наденька остановилась.

— Зайдемте ко мнѣ,—предложила она Баулину и добавила тревожнымъ тономъ, — мнѣ не хочется отпускать васъ такимъ мрачнымъ.

Онъ улыбнулся съ ехидствомъ, но промолчалъ.

— Пойдемте же, еще не поздно,—настаивала она.

— А если бы было поздно, вы не позвали бы меня? — спросилъ онъ такимъ тономъ, отъ котораго Наденькѣ вдругъ стало не по себѣ.

— Зачѣмъ вы такой? Зачѣмъ... милый Нилъ... — воскликнула она.

Но и эти нѣжныя слова не развѣяли его мрачнаго настроенія. И онъ хмуро сказалъ:

— Поздно... спите... до завтра...

Онъ медленно разстегнулъ шинель, посмотрѣлъ на часы и добавилъ:

— Четверть второго, пора вамъ бай-бай... А завтра идемъ вмѣстѣ обѣдать.

— Ну, до свиданія,—сказала она негромко, протянула руку, вскинула глаза и непокойнымъ взглядомъ встрѣтилась съ мрачнымъ взглядомъ студента.

— До свиданія, Надежда Яковлевна,—особымъ, офиціальнымъ тономъ добавилъ онъ, и голосъ его прозвучалъ глухо.

— Ну, не будьте такимъ, милый Нилъ...

Наденька осмотрѣлась по сторонамъ, на секунду задержала взглядъ на темной фигурѣ одинокаго путника, показавшагося въ началѣ переулка, потомъ въ порывѣ нѣжности бросилась къ Баулину, обвила его шею руками и быстро поцѣловала студента въ губы.

Баулинъ какъ-то странно-холодно отозвался на ея поцѣлуй. Наденька почувствовала эту холодность и прошептала:

— Нилъ, любите... любите меня...

И голосъ ея дрогнулъ, и глаза блеснули. А Баулинъ ближе придвинулся къ двери и надавилъ бѣлѣвшую въ сумракѣ ночи кнопку электрическаго звонка у двери, какъ это дѣлалъ всегда, когда ночью провожалъ Надю.

Просторный вестибюль за стеклянной дверью озарился свѣтомъ. Сонный швейцаръ, съ сѣдыми усами, показался за дверью, загремѣлъ ключомъ.

Когда дверь распахнулась, Наденька сказала:

— До свиданія... до завтра...

И пристально посмотрѣла ему въ глаза.

— До свиданія, — отозвался онъ и не посмотрѣлъ въ глаза дѣвушки.

И они разстались, какъ обыкновенные знакомые, какъ будто Наденька никогда не сказала этихъ словъ: „Нилъ любите... любите меня...

Пройдя узкій переулокъ, Баулинъ вышелъ на шестую линію и повернулъ направо. Шелъ медленно безмолвной и безлюдной улицей, гулко стучалъ каблуками ботинокъ по камнямъ панели и прислушивался къ звукамъ своихъ шаговъ.

Глухое недовольство Наденькой отзывалось въ немъ какой-то бурной тревогой. Хотѣлось горько стучать каблуками по панели, хотѣлось выкрикнуть что-нибудь бранное, рѣзкое, обидное, и чтобы Наденька услышала это обидное. Хотѣлось ударить ногою въ окно шапочнаго магазина, помѣщающагося въ подвальномъ этажѣ высокаго дома, только бы загремѣть, зазвенѣть на всю улицу. Страсть къ Наденькѣ опаляла душу студента Баулина, а она, эта милая, странная Наденька, тушила пламя души, тревожа въ этой душѣ озлобленіе.

„Можетъ быть, такъ и нужно, можетъ быть, не знаю я...—думалъ Баулинъ, прислушиваясь къ своимъ шагамъ.—Можетъ быть, эта любовь моя къ Наденькѣ—зло. А добро—то, что она холодна ко мнѣ... Добро и истина то, чего во мнѣ нѣтъ“...

Не было у студента Баулина тѣхъ же трезвенныхъ мыслей, которыми курсистка Наденька побѣждала свою любовь къ милому Нилу.

„Нѣтъ палящей страсти въ Наденькѣ, значитъ, то и есть истина, чего въ ней нѣтъ. Нѣтъ во мнѣ сдерживающихъ центровъ, значитъ, то и есть истина, чего во мнѣ нѣтъ“...

Баулинъ неожиданно взмахнулъ рукой, повернулся и пошелъ обратно, и еще съ большей неожиданностью выкрикнулъ:

— А-а... чепуха какая... Че-пу-ха-а...

И вотъ, когда онъ просто подошелъ къ самому себѣ, и къ Наденькѣ, и ко всей жизни, потому что вся жизнь для него была теперь въ Наденькѣ и въ любви къ ней,—только послѣ того, какъ онъ назвалъ все это однимъ именемъ „че-пу-ха“, ему показалось, что и умереть не трудно, легко разорвать кольцо жизни.

Съ руками, втиснутыми въ карманы пальто, съ головой, склоненной на грудь, прищуривая глаза отъ вѣтра, шелъ онъ медленно по панели безлюдной улицы и какой-то странной тѣнью ночи рисовался въ сумракѣ. Въ душѣ его было безутѣшно, въ головѣ—пусто. Не было любви къ будущему, не было впечатлѣній отъ минувшаго...

„Но зачѣмъ я былъ неласковъ съ Наденькой?“ пришла къ нему неожиданная мысль. Мелькнула въ пустой головѣ эта мысль, и опять студентъ Баулинъ махнулъ рукою и прошепталъ:

— Че-пу-ха... Че-пу-ха...

И только теперь замѣтилъ студентъ Баулинъ, что идетъ онъ не въ сторону того дома на Шестой линіи, гдѣ жилъ, а возвращается къ набережной Невы.

Почему его привлекла эта набережная? Ужели же темныя воды Невы тянутъ его къ себѣ? И когда онъ остановился у рѣшетки Николаевскаго моста и коснулся рукою холоднаго чугуна,—только холодъ этой рѣшетки и заставилъ его очнуться.

Плескались темныя воды тамъ, внизу, за чугунной рѣшеткой, въ сумракѣ ночи. Зыблились отблески огней на волнахъ, и трепетали огни, словно плыли по темнымъ волнамъ, плыли и оставались на мѣстѣ, потухая и вновь вспыхивая. Сильный вѣтеръ съ моря обдувалъ лицо Баулина, тревожилъ пряди волосъ у висковъ, холодилъ губы, щеки... Баулинъ закрылъ глаза и въ какомъ-то странномъ оцѣпенѣніи стоялъ надъ темной водой, и какъ будто засыпалъ безъ сновидѣній или грезилъ безъ красивыхъ видѣній.

Раскрылъ глаза и посмотрѣлъ на темныя волны. Вспыхивали, плыли, потухали огни отраженные. Набѣгали на лицо волны вѣтра

охлажденный. Хотѣлось полетѣть въ волнахъ вѣтра охлажденнаго и слиться съ огнями отраженными, — слиться и плыть, потухать и снова вспыхивать... Легкимъ показалось тѣло, словно крылья выросли за спиною, и поднимала это тѣло сила какая-то. Тянуло къ водѣ и отраженнымъ огнямъ, а руки упирались въ холодный чугунъ рѣшетки, и Баулинъ силился оттолкнуть себя отъ рѣшетки, отъ темной воды, отъ отраженныхъ мертвыхъ и холодныхъ огней. А потомъ опять его тянуло къ водѣ и огнямъ, хотѣлось перевѣситься черезъ рѣшетку, закинуть сперва одну ногу, потомъ другую, послѣдній разъ придержаться за холодную рѣшетку, опустить голову... еще ниже опустить голову... ниже и ниже... и...

— Милый студентикъ... Ѣдемте со мною, — услышалъ онъ за собою нѣжный и красивый женскій голосъ.

Очнулся Баулинъ отъ страннаго сна безъ сновидѣній и оглядѣлся.

Стоялъ на мосту лихачъ на бѣлой лошади, а въ экипажѣ сидѣла молодая женщина въ широкой шляпѣ съ большимъ бѣлымъ перомъ.

Бѣлая лошадь съ бѣлой гривой, бѣлое перо на шляпѣ дамы,— только эти два пятна и замѣтилъ Баулинъ.

— Ѣдемте же... ну-у... Что за нужда бродить ночью по темнымъ улицамъ... Вы, пожалуй, еще и въ Неву надумали броситься?...

Слегка подобравъ юбки, дама съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ вышла изъ экипажа и, осторожно ступая по влажнымъ камнямъ мостовой, шла къ Баулину.

Красивая брюнетка, съ кудряшками на вискахъ, смотрѣла на Баулина широко раскрытыми веселыми глазами и говорила:

— Ѣдемте же со мною... Мнѣ хочется побыть съ человѣкомъ. Прокатимся по улицамъ. Лихачъ у меня отмѣнный...

Она на секунду обернула лицо къ толстому рыжебородому кучеру, сидѣвшему на высокихъ козлахъ, и весело добавила:

— Никифоръ, прокатимъ студента... А?...

Тотъ улыбнулся всѣмъ широкимъ лицомъ, что-то пробормоталъ въ бороду и натянулъ вожжи, словно готовый прокатить студента, какъ приказываетъ госпожа.

— Ну, ѣдемъ же... Я сыта, была пьяна, и мнѣ ничего не надо... Такъ, съ человѣкомъ хочется побыть, а у Контана все свиньи были... Уѣхала я незамѣтно, и мнѣ нельзя домой, хватятся и поскачутъ меня искать... Ну же, ѣдемъ...

Она вызывающе хлопнула бѣлой перчаткой по рукѣ студента, а потомъ подхватила его подъ руку и увлекла къ экипажу.

Словно загипнотизированный, шелъ Баулинъ за странной дамой и не сопротивлялся. Что-то простое и ласковое слышалось въ ея пріятномъ и нѣжномъ голосѣ. И смотрѣла дама на Баулина веселыми и добрыми глазами, словно они оба давно уже знакомы и встрѣтились теперь не случайно, заранѣе уговорившись повстрѣчаться на Николаевскомъ мосту.

— Прокатимся по улицамъ, а потомъ и по домамъ... Хорошо? — спрашивала она, усаживаясь въ экипажъ и предупредительно уступая мѣсто студенту рядомъ съ собою на темномъ мягкомъ сидѣньѣ.

Баулинъ только улыбался въ отвѣтъ на слова дамы. Чувствовалъ онъ — покорялась его воля этому милому голосу, а когда глаза его встрѣчались съ взглядомъ темныхъ глазъ незнакомки— и выраженіе этихъ глазъ покоряло его. Какъ будто она—укротительница, а онъ—укрощаемый, слабый и безвольный.

— Никифоръ,—вдругъ выкрикнула она, — назадъ... По набережной до Троицкаго на Каменноостровскій.

Рыжій толстый человѣкъ только ухомъ повелъ, да глянулъ въ сторону, а потомъ и головой мотнулъ и весь перегнулся на козлахъ.

Когда бѣлая лошадь повернулась, и экипажъ двинулся обратно, Баулинъ искоса осмотрѣлъ свою сосѣдку, оглядѣлъ ея изящный костюмъ, заглянулъ въ темные глаза и лицо осмотрѣлъ. А она внимательно разсматривала студента, улыбалась и говорила:

— Ну, познакомимся... меня зовутъ Серафимой...

Баулинъ назвалъ себя и пожалъ ея маленькую теплую руку.

— У меня былъ братъ Сережа, такой же студентъ... Теперь онъ важный адвокатъ и не узнаетъ меня... Ну, и Аллахъ съ нимъ...

Бѣлая лошадь съ бѣлой пушистой гривой повернула съ моста налѣво и быстро понеслась по гладкому торцу набережной. Большое бѣлое перо на шляпѣ Серафимы отклонялось отъ быстраго движенія назадъ и трепетало и билось, какъ крыло бѣлой чайки надъ фономъ темныхъ водъ.

Серафима пригладила пряди растрепавшихся волосъ, поплотнѣе укуталась въ бархатное манто и отклонилась къ спинкѣ сидѣнья, слегка прищурила глаза и не спускала взора своего съ студента.

Двинула плечомъ Серафима, какъ будто хотѣла коснуться имъ студента, и добавила:

— Ну, будетъ вамъ хмуриться... Ба...

— Баулинъ,—подсказалъ студентъ.

— Будетъ вамъ хмуриться, Баулинъ... Будемъ говорить о чемъ-нибудь такомъ, веселомъ, интересномъ... Не люблю я хмурыхъ глазъ—пугаютъ они меня, а чѣмъ—не знаю... И вы напугали меня...

— Чѣмъ я могъ васъ напугать?

— Чѣмъ?... Такъ странно ночью стоите одинъ на мосту и смотрите на воду... Развѣ можно такъ... Лѣтъ пять назадъ такъ же вотъ и я смотрѣла черезъ перила Троицкаго моста, смотрѣла на воду, и хотѣлось мнѣ броситься... Ну, тогда были особыя причины... Мнѣ трудно говорить, вспоминать не хочется... И сейчасъ я испугалась. Мнѣ показалось, что у перилъ стоите не вы, а я... какъ тогда... И мнѣ стало страшно... Ну, да, впрочемъ, не будемъ говорить объ этомъ...

Она подняла лицо и черезъ голову Баулина посмотрѣла на ярко освѣщенныя окна бельэтажа какого-то большого и шикарнаго дома на Дворцовой набережной, мимо котораго они проѣзжали. И неожиданно спросила:

— Вы юристъ?

— Нѣтъ, математикъ.

— Математикъ?... Руку, коллега,—выкрикнула Серафима, потомъ расхохоталась весело и добавила:—Вы, навѣрное, подумали, какой же я вамъ коллега? Да? Подумали?...

— Нѣтъ, отчего же, — неловко отвѣтилъ Баулинъ, который только теперь очнулся отъ быстрой ѣзды, пришелъ въ себя и какъ бы стряхнулъ съ себя гипнозъ этой странной женщины.

— Ну, все равно,—взмахнувъ рукою, сказала она.—Лѣтъ пять назадъ я могла бы быть вашимъ коллегой... Впрочемъ, тогда вы, навѣрное, были юнымъ гимназистомъ, а я была уже курсистка... Не вѣрите?...

Она ухватилась за руку Баулина и крѣпко сжала ее.

— Не вѣрите?... Ну, пусть — не вѣрите, а я буду говорить, вспоминать. На Бестужевскихъ я была и охотно занималась математикой, а потомъ вступила въ „Лигу любви". Вы слышали—была такая лига. Впрочемъ, никакой лиги и не было, а просто собирались мы то у меня, то у одной курсистки, то у князя Сашки... Вы слышали, былъ такой князь Сашка, грузинскій князь, не настоящій, и всѣ звали его Сашкой. И казалось, нѣтъ даже другого, болѣе достойнаго имени этому человѣку... И вотъ я полюбила этого князя Сашку, а потомъ и математику бросила. Уѣхали мы весною на Кавказъ къ Сашкѣ князю, а его родные не приняли меня, не признали невѣстой... Вышла скверная исторія. Одинъ изъ родственниковъ Сашки назвалъ меня въ глаза

сквернымъ именемъ, и Сашка вызвалъ его на дуэль и былъ убитъ... Навѣрное, вы читали объ этой исторіи; въ Ессентукахъ все лѣто говорили объ этой дуэли... Мой князь умеръ, и осталась я одна, а когда пріѣхала въ Питеръ, меня и родной братъ не захотѣлъ признать за сестру... Я оскорбила его, этого прекраснаго адвоката, дала ему пощечину въ его кабинетѣ при свидѣтеляхъ и ушла навсегда отъ своего прошлаго... Съ тѣхъ поръ... Впрочемъ, стоитъ ли говорить, что произошло съ тѣхъ поръ?...

Серафима провела рукою по глазамъ, посмотрѣла на примолкшаго и внимательнаго студента и опять продолжала:

— Скажу я вамъ, Баулинъ, не судите меня, а только слушайте... Можетъ быть, мы никогда больше не встрѣтимся, да и лучше, если не встрѣтимся... Слишкомъ ужъ я опустилась, перестала быть человѣкомъ, а вы—чистый... Знаете, мнѣ даже не хочется быть человѣкомъ. Слишкомъ уже тяжело быть человѣкомъ въ наше подлое время, а лучше жить такъ, какъ хочется, повинуясь слѣпому инстинкту жизни... Я понимаю, и тогда насъ осуждали и подруги, и такіе вотъ, какъ вы, чистые студенты. А сколько писали о „Лигахъ любви", сыщики и городовые даже ловили насъ, какъ бомбистовъ какихъ-нибудь или экспропріаторовъ... А что мы экспропріировали? Воровали у себя силы и здоровье, радости жизни и покой, и душили все это въ пьяномъ угарѣ и въ оргіяхъ... А почему такъ?... Почему мы тогда такъ жили?... Потому что было скучно жить... Понимаете, было скучно жить... Я гимназисткой была въ Воронежѣ и красный флагъ несла въ рукахъ, когда хоронили рабочихъ и студентовъ... А потомъ наступило отрезвленіе, а развѣ возможно для человѣка, чтобы были такіе переходы: сегодня въ высь, къ небу, а завтра—объ земь. Развѣ можно такъ?... Пріѣхала я въ Петербургъ, поступила на курсы, а здѣсь—уныніе и тоска. И дѣла нѣтъ захватывающаго. Стащила насъ жизнь съ высей поднебесныхъ и хватила объ земь... И поползли мы, какъ черви...

Бѣлая лошадь, поднявъ голову съ пышной развѣвающейся по вѣтру гривой, неслась подъ уклонъ Троицкаго моста. Немного подавшись впередъ, весь напряженный какой-то, точно вылитый изъ упругаго металла, сидѣлъ на козлахъ лихачъ Никифоръ. Вожжи натянулъ, какъ струны, и съ трудомъ сдерживаетъ рѣзвую бѣлую лошадь. Туго натянутыя вожжи еще больше горячили сильную молодую лошадь, и неслась она по Каменноостровскому проспекту, вытянувъ морду, расширивъ большіе красивые темные глаза, въ которыхъ мерцали яркія звѣзды возбужденія, удали и неудержимаго желанія нестись все впередъ и впередъ.

Слегка вздрагивалъ экипажъ на резиновыхъ шинахъ, рвался навстрѣчу скачущимъ ночной холодившій вѣтеръ, обдавалъ лицо студента Баулина, теребилъ большое бѣлое перо на шляпкѣ Серафимы. А она щурила глаза и смотрѣла впередъ туда, куда неслась бѣлая лошадь съ бѣлой гривой.

Молчаливыми казались электрическіе фонари на высокихъ столбахъ, а когда быстро несущійся экипажъ пролеталъ мимо фонарей, слышался ровный и протяжный гудъ, тревожно настраивающій душу Баулина. Жалоба встревоженной больной души слышалась въ словахъ его спутницы. И лицо ея, теперь возбужденное, и глаза, широко раскрытые, горящіе, волновали Баулина. Кто она, такая странная въ своемъ ночномъ появленіи? Кто она, такая искренняя и довѣрчивая? Какъ будто долго сдерживала она въ себѣ больныя думы и теперь раскрыла больную душу, кается въ чемъ-то, не прося прощенія, обвиняетъ кого-то, не называя имени обидчика, и говоритъ: трудно быть человѣкомъ.

Какъ это странно, такая простая и ясная мысль въ этихъ словахъ, а она никогда не приходила къ Баулину. Чувствовалъ онъ и зналъ, что трудно жить человѣку, а не могъ дать имя жизни, не могъ опредѣлить, что же такое съ нимъ вотъ уже три-четыре года? А теперь такъ ясно: трудно быть человѣкомъ.

— Трудно быть человѣкомъ?—сказалъ онъ, не то спрашивая Серафиму, не то такъ только, словно невзначай уронивъ эти слова.

— Да, трудно... трудно...—подтвердила Серафима.

Вотъ она пристально посмотрѣла въ глаза студенту и продолжала, какъ будто не прерывая своего потока словъ:

— И вотъ, ползаемъ мы по землѣ, какъ черви, и отправляемъ низшія обязанности; какъ черви—спимъ, ѣдимъ, кутимъ, плодимся и размножаемся, наполняя землю скверными существами, похожими на насъ, такихъ ненужныхъ...

Она немного помолчала и начала вновь тѣмъ же страннымъ, страстнымъ голосомъ самообличенія и покаянія:

— Красота увяла въ нашихъ рукахъ. Не умѣемъ мы жить красиво... Черви, черви, черви!... О-о-о!... какъ страшно, какъ тяжко жить, какъ трудно быть человѣкомъ, грязнымъ, сквернымъ...

И оборвала свою страстную покаянную рѣчь, и отвернула лицо въ сторону, словно боялась встрѣтиться глазами съ взглядомъ Баулина.

Оба они молчали... Неслась бѣлая лошадь по проспекту.

Молчалъ Баулинъ, и новыя тревожныя чувства волновали его душу. Чѣмъ-то властнымъ вѣяло на него отъ этой странной женщины. Говоритъ она, и словно вливаетъ въ Баулина новое

содержаніе, и жизнь и человѣкъ становятся ясными и еще больше пугающими.

Пугаетъ Баулина и эта странная женщина съ именемъ Серафима. Она такъ не похожа на Наденьку. Отчего съ Наденькой такъ скучно, прѣсно, порой неинтересно? Отчего эта Серафима такъ интересна съ своимъ признаніемъ и покаяніемъ? И казалось Баулину, какъ обновилась бы его жизнь, если бы онъ полюбилъ эту красивую и интересную женщину. Чрезъ паденіе свое она обрѣла тоску о красотѣ жизни. Чрезъ скверны свои осудила въ себѣ человѣка-червя. Чрезъ муки свои она подошла къ выводу: трудно быть человѣкомъ. А если бы полюбила Баулина эта женщина, жизнь подхватила бы его, какъ вихрь. И развѣ онъ не нашелъ бы тамъ вдали, въ будущемъ красоты, и развѣ не очистилъ бы себя, не изгналъ бы изъ себя снѣдающаго червя?

Неслась по Каменноостровскому бѣлая лошадь съ бѣлой гривой. Сидѣли въ экипажѣ студентъ Баулинъ и дама въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Билось въ сумракѣ ночи бѣлое перо, какъ крыло бѣлой морской чайки.

Долго Баулинъ смотрѣлъ на бѣлое перо и, наконецъ, спросилъ:

— Но что же дѣлать, чтобы не походить на червя?

Она промолчала, и онъ повторилъ свой вопросъ.

— Что?—переспросила она и отвѣтила:—Я знаю, знаю, что надо сдѣлать.

Разсмѣялась какъ-то нервно и добавила:

— Вы знаете, Австрія объявила войну Сербіи?...

— Да, читалъ...

— Теперь всему прошлому конецъ,—какъ бы не слыша отвѣта студента, говорила Серафима.—Ѣду въ Сербію на театръ военныхъ дѣйствій. Пусть возьмутъ меня сестрой, сидѣлкой, кѣмъ угодно, но я ѣду... ѣду...

Вначалѣ съ какимъ-то страннымъ равнодушіемъ выслушалъ Баулинъ признаніе своей спутницы. Въ вечерней газеткѣ прочелъ онъ о войнѣ съ Сербіей, подумалъ о сербахъ и вспомнилъ, что они—славяне. Вспомнилъ и о томъ, что года три назадъ его выслали изъ Петербурга на родину и взяли въ солдаты. Онъ отбывалъ воинскую повинность въ одномъ изъ провинціальныхъ кавалерійскихъ полковъ...

А Серафима Власовская продолжала говорить свое:

— Вы, можетъ быть, и въ эти мои слова не повѣрите? Пусть, такъ, можетъ быть, мнѣ и нельзя вѣрить, а я ѣду въ Сербію... Сегодня вечеромъ сидѣла одна, зашелъ какой-то мало знакомый мнѣ, такъ какой-то „сѣрый“ человѣкъ, и говоритъ: „Война“.—

Съ кѣмъ?—спрашиваю.—„Австрія объявила войну Сербіи“. Обыкновенно, гости ведутъ у меня пустые, а подчасъ и пошлые разговоры, а этотъ, „сѣрый“, заговорилъ о другомъ. И я рѣшила поѣхать въ Сербію...

Какъ будто новое открытіе сдѣлала для Баулина эта странная женщина, и тотъ человѣкъ, котораго она почему-то называла „сѣрымъ“, вдругъ принялъ новый красивый образъ. Кто онъ?—неизвѣстно, но онъ во-время пожалѣлъ сербовъ и зажегъ въ чужой душѣ новый свѣтильникъ любви къ людямъ.

И Баулинъ подумалъ:

„А развѣ не хорошо бы было, если бы и я поѣхалъ въ Сербію добровольцемъ?“

Но онъ не высказалъ спутницѣ этой своей новой мысли, какъ и она не сказала о своемъ рѣшеніи тому „сѣрому“ человѣку.

Есть у человѣка большія рѣшенія, о которыхъ онъ не говоритъ: имъ соотвѣтствуетъ только большая сила души, которая требуетъ молчаливаго исполненія и жертвъ въ молчаніи.

Какъ сонъ минувшей ночи, вспоминаетъ и теперь Баулинъ эту ночную странную встрѣчу.

Бѣлая лошадь съ бѣлой гривой. Поздній часъ ночи. Пустынныя улицы. Дама съ бѣлымъ перомъ на шляпѣ... Вихремъ неслась бѣлая лошадь, вихремъ пронеслась и эта странная ночная встрѣча.

У подъѣзда одного изъ пятиэтажныхъ домовъ на Большомъ проспектѣ Петербургской стороны бѣлая лошадь остановилась. Серафима вышла изъ экипажа и сказала:

— Всего вамъ лучшаго.

Баулинъ схватилъ дрожащими пальцами маленькую руку Серафимы въ бѣлой перчаткѣ, молча смотрѣлъ ей въ глаза и не отпускалъ этой руки. Какъ же это такъ, ея не будетъ, она уйдетъ, и не будетъ Баулинъ слышать ея милаго нѣжнаго голоса?

— Когда же мы увидимся?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ?—спросила она.—Будемъ вспоминать эту ночь, бѣлую лошадь, быструю ѣзду, разговоръ нашъ... Я, можетъ быть, еще вчера хотѣла умереть, уйти отъ этой жизни,—вдругъ шопотомъ сказала она и пристально посмотрѣла въ глаза Баулину,—а вотъ теперь у меня есть цѣль въ жизни.

Она почти насильно вырвала изъ пальцевъ юноши свою руку и добавила:

— Ну, до свиданія... Спасибо вамъ. Сегодня мнѣ хотѣлось побыть съ такимъ, какъ вы...

И ничего больше не сказала Серафима Баулину. Покорила

его своимъ голосомъ, и онъ чувствовалъ, что онъ именно такъ и сдѣлаетъ, какъ сказала она,—пожметъ ея руку и уйдетъ.

Онъ поднялся съ сидѣнія экипажа и хотѣлъ было сойти, но голосъ Серафимы предупредилъ его намѣреніе.

— Сидите, сидите,—сказала она ему властно, а кучеру, сидѣвшему на козлахъ, повелительно приказала:—Никифоръ, отвезите барина, куда онъ прикажетъ.

— Слушаюсь...

Она улыбнулась, кивнула Баулину головою и пошла къ подъѣзду. И издали крикнула Баулину:

— Если захотите попрощаться—заходите... Я здѣсь вотъ въ пятомъ номерѣ живу...

И Баулинъ видѣлъ, какъ она нажала кнопку звонка и еще разъ посмотрѣла въ его сторону. Но вожжи въ рукахъ Никифора натянулись, дрогнули ноги бѣлой лошади, рванулось красивое животное отъ подъѣзда, подняла голову съ бѣлой гривой и понеслась въ темноту ночи.

Студентъ приподнялся съ сидѣнія и все смотрѣлъ на бѣлое перо на шляпѣ Серафимы. И хотѣлось ему ухватиться за плечи Никифора, остановить бѣлую лошадь, вернуться къ подъѣзду, около котораго все еще стояла Серафима. Такъ явственно, такъ замѣтно выдѣлялось въ темнотѣ ночи бѣлое перо на ея шляпѣ.

Онъ сидѣлъ въ быстро мчавшемся экипажѣ, и какимъ-то блѣднымъ силуэтомъ рисовался передъ нимъ образъ Наденьки, которая такой не похожей на Серафиму казалась ему.

Случайна была его встрѣча съ странной женщиной, но и въ той встрѣчѣ есть велѣніе судьбы. Теперь можно жить и Баулину. Пусть, что будетъ, но онъ горитъ теперь и знаетъ онъ, что и имъ найденъ смыслъ жизни.

Какъ грозный ураганъ, понеслися событія. Петербургъ сталъ неузнаваемъ. Объявили указъ о мобилизаціи. На улицахъ города появились толпы людей, и были это какія-то новыя толпы новыхъ людей. И Баулинъ какъ-то сразу сталъ ощущать свою близость со всѣми. Онъ, какъ и многіе,—въ первыхъ рядахъ людей, онъ—герой этихъ новыхъ дней жизни. Подалъ заявленіе въ университетъ о временномъ увольненіи по случаю мобилизаціи и примкнулъ къ разнохарактерной толпѣ такихъ же, какъ и онъ, запасныхъ.

Возбужденнымъ и веселымъ влетѣлъ онъ къ Наденькѣ и крикнулъ:

— Надежда Яковлевна, я на войну... Призванъ изъ запаса.

Глаза Наденьки вдругъ стали большіе и неподвижные и тем-

ными они стали и потускнѣли, а щеки залила мгновенная блѣдность. Она не произнесла ни слова, а только подняла руку и пальцами провела по глазамъ, какъ будто хотѣла сдвинуть съ глазъ какую-то завѣсу, мѣшающую ей видѣть прежняго милаго Нила.

— Позвольте, какъ же это?—наконецъ, спросила она.

— А такъ. Видите...

И Баулинъ указалъ рукою на кокарду, прицѣпленную къ лацкану тужурки, и, поднимая то одну, то другую ногу въ большихъ сапогахъ, добавилъ:—Вотъ и сапоги купилъ, девять рублей заплатилъ...

Грустная и подавленная, но тихая въ своей грусти, сидѣла Наденька у стола и подпирала рукою голову, словно она вдругъ отяжелѣла отъ новыхъ думъ. Нилъ расхаживалъ по комнатѣ, какъ-то по-новому громко топоталъ каблуками большихъ сапогъ и говорилъ о томъ, какъ онъ пойдетъ бить нѣмцевъ.

Потомъ онъ неожиданно остановился около Наденьки, наклонился къ ней, взялъ ее за руку выше локтя и сказалъ:

— Наденька, ужели ты не рада, что твой Нилъ сталъ хорошимъ и значительнымъ?...

Она вздрогнула и подняла глаза. Такъ неожиданно зазвучалъ его голосъ новыми нотками. Такъ неожиданно назвалъ онъ ее Наденькой и сказалъ: „твой Нилъ“...

Не поднимаясь со стула, она протянула къ нему руки, а онъ еще ниже склонился къ ней.

Наденька зарыдала и тихо сказала:

— А меня оставишь... А какъ же я?...

— Надя, но неужели ты за эти дни не почувствовала, что значитъ для насъ всѣхъ родина? Я только теперь понялъ это слово...

Наденька закрыла глаза ладонями, словно застыдилась себя самой, и замолчала.

Они долго говорили въ этотъ вечеръ о новой жизни всего города. Ходили на набережную и гуляли въ темнотѣ ночи и опять говорили, и оба были какіе-то серьезные, сосредоточенные. Вся прежняя жизнь казалась имъ ушедшей куда-то и уступившей мѣсто для новыхъ переживаній.

А улицы города, несмотря на поздній часъ ночи, были шумны и многолюдны, какъ и днемъ. Не спалъ большой городъ, не спали люди, озабоченные новымъ. Казалось, что въ этотъ вечеръ и вагоны трамвая катятся быстрѣе, и извозчики куда-то спѣшатъ. Повсюду на улицахъ попадаются люди съ кокардами на шляпахъ или на картузахъ, а многіе, какъ и Баулинъ, прицѣпили кокарды или къ лацканамъ пальто и пиджаковъ, или просто на грудь.

У академіи, недалеко отъ молчаливо лежавшихъ сфинксовъ, Баулинъ и Наденька встрѣтили воинскій обозъ. Что-то громоздкое везли на большихъ телѣгахъ, и крупныя лошади важно ступали крѣпкими ногами по мостовой. А около возовъ гарцовали на своихъ юркихъ лошадяхъ казаки съ пиками, съ винтовками черезъ плечо. На Николаевскомъ мосту какіе-то люди вели лошадей, а по панелямъ моста взадъ и впередъ шли люди съ кокардами на фуражкахъ.

— Смотри, Надя, Дононъ во что превратился,—сказалъ Баулинъ, когда они проходили мимо зданія шикарнаго ресторана.— Здѣсь сборный пунктъ.

Широкія и большія окна ресторана были освѣщены, и на свѣтломъ фонѣ теперь виднѣлись силуэты головъ, плечъ какихъ-то людей. Люди ходили въ фуражкахъ и шляпахъ, и шумные потоки человѣческихъ голосовъ доносились изъ широко раскрытыхъ оконъ бывшаго помѣщенія шикарнаго ресторана.

— Видишь, Надя? Еще нѣсколько дней назадъ пресыщенные люди проводили здѣсь въ кутежахъ цѣлыя ночи, а теперь за этими окнами—люди, которые идутъ на смерть...

Долго ночью ходили они по улицамъ оживленнаго города... Шли люди толпами и пѣли гимнъ и молитвы, и несли флаги.

А когда на другой день вечеромъ Нилъ ушелъ со сборнаго пункта и попутно зашелъ къ Наденькѣ, дѣвушка встрѣтила его съ нѣжной радостью, и не успѣлъ онъ притворить за собою дверей, какъ она бросилась къ нему на грудь и быстро заговорила:

— Нилъ, и я ѣду на войну...

— И ты?... Молодецъ...

Онъ поцѣловалъ ее и ласкалъ.

— Можетъ быть, маму и испугаетъ мое рѣшеніе... вѣдь я— единственная дочь, но...

Она не договорила своей фразы и внимательно посмотрѣла въ глаза Нилу.

Прошло двѣ недѣли. Нилъ Баулинъ ходилъ теперь уже въ хаки, съ погонами, съ фляжкой черезъ плечо, и на задкахъ его сапогъ позвякивали шпоры. Жилъ онъ въ казармахъ и съ большимъ аппетитомъ ѣлъ щи и кашу изъ общей съ товарищами большой чашки. По утрамъ назначалась въ манежѣ ѣзда на лошадяхъ и производилось ученіе наскоро, чтобы запасные могли припомнить старое. Нилу досталась высокая и стройная бѣлая лошадь, напоминавшая ту, которая когда-то несла по Каменноостровскому его и Серафиму.

Серафиму тоже теперь уже не узнать въ костюмѣ сестры милосердія. А Наденька еще не успѣла сшить себѣ костюма сестры, все ждетъ изъ дома денегъ, но и она преобразилась, какъ и Серафима. Теперь уже онѣ друзья и нерѣдко видятся и говорятъ все о войнѣ и о томъ, куда кого назначатъ. Хотѣлось было имъ вмѣстѣ, но Серафима нашла какія-то связи и ее назначили въ госпиталь въ Вильно. Скоро она должна была выѣхать въ дѣйствующую армію.

А вотъ наступилъ день, когда и Нилъ двинулся въ дѣйствующую армію. Наканунѣ отъѣзда написалъ онъ письма, и много писемъ писалъ: матери и отцу, сестрамъ и братьямъ, а потомъ друзьямъ дѣтства. И въ каждомъ письмѣ спѣшилъ сообщить, что вотъ на-дняхъ ѣдетъ, но куда—неизвѣстно. Ѣдетъ туда, куда ѣдутъ и другіе, какъ и онъ.

Наденька распрощалась съ Ниломъ у воротъ казармъ, гдѣ временно помѣщался готовый къ отправкѣ эшелонъ кавалеристовъ. Когда Нилъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ ее и быстро отошелъ, она покачнулась, но удержалась на ногахъ и только закрыла глаза: не хотѣлось ей, чтобы солдаты, стоявшіе у воротъ казармъ, видѣли слезы.

А черезъ недѣлю и Наденька получила назначеніе и выѣхала на мѣсто работы, въ тылъ арміи, на границѣ восточной Пруссіи.

Въ пути до мѣста боя Нилъ все время былъ какой-то возбужденный. Томила долгая дорога, остановки на какихъ-то станціяхъ, и хотѣлось скорѣе долетѣть до того мѣста, которое теперь въ его представленіи было мѣстомъ съ именемъ *война*. По временамъ какой-то странный, новый страхъ овладѣвалъ его душою, и вдругъ ему казалось, что что-то надо пожалѣть, что чего-то онъ уже никогда не увидитъ. Вспоминалось прошлое, связанное съ его дѣтствомъ и юностью, вспоминались мать и отецъ. Особенно ясно представлялъ себѣ Нилъ мать свою плачущей. Не мало онъ видѣлъ въ разныхъ городахъ такихъ матерей, которыя со слезами на глазахъ провожали своихъ дѣтей, и ему представлялось, что и его мать именно также идетъ за какой-то толпой солдатъ и плачетъ.

Вставали живыми передъ нимъ и образы Наденьки и Серафимы, и почему-то хотѣлось думать, что съ ними онъ непремѣнно повстрѣчается гдѣ-то тамъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя носятъ одно имя—*война*.

А вотъ и первый разсвѣтъ тусклаго дня на полѣ брани. Съ вечера наканунѣ онъ, какъ и другіе въ полку, слышалъ отдаленную пушечную канонаду. Цѣлый день мимо нихъ по улицѣ

маленькаго еврейскаго мѣстечка шла пѣхота, провозили артиллерію, а навстрѣчу свѣжимъ войскамъ ѣхали санитарныя каретки и простыя телѣги везли раненыхъ. А за телѣгами медленно шли и тѣ легко раненые, которые еще могли держаться на ногахъ. Нилъ безъ боязни встрѣчалъ раненыхъ, ему было только жаль ихъ, страдающихъ и стонущихъ. А тѣ, которые молчали и неподвижно лежали въ санитарныхъ кареткахъ,—тѣ казались мертвыми, и въ душѣ Нила поднималось глухое, но упорное желаніе отомстить за нихъ.

Вотъ оно, живое, настоящее впечатлѣніе войны. Въ Петербургѣ да и въ дорогѣ война казалась тамъ гдѣ-то, далеко и еще не ощущалось ея страшныхъ голосовъ, а въ эту ночь они до разсвѣта слышали отдаленную канонаду. Свѣтила въ небѣ ясная и полная луна, и странныя тѣни лежали на землѣ. Солдаты не спали, лежа въ палаткахъ, и слышался несдержанный говоръ. Но люди эти не говорили о войнѣ, какъ будто ея и не было и какъ будто они выѣхали съ насиженныхъ мѣстъ только для маневровъ.

А вотъ и первое утро на полѣ сраженіи. Тянутся войска по ровной дорогѣ подъ прикрытіемъ лѣса. Мимо чьихъ-то неубранныхъ полей проходитъ пѣхота, легкой рысью проѣзжаетъ артиллерія, а впереди всѣхъ кавалерія, и Нилъ скачетъ на своей бѣлой лошади.

Напоминаетъ ему эта лошадь ту ночь и Серафиму, но новыя впечатлѣнія новаго дня затушевываютъ прошлое. Рядомъ съ нимъ по обѣ стороны скачутъ его товарищи по эскадрону. Перебрасываются мужички, только что оторванные отъ пашенъ, впечатлѣніями, говорятъ объ урожаѣ ржи на чьихъ-то еще не убранныхъ поляхъ. Можетъ быть, это врагъ сѣялъ и ожидалъ урожая: они такъ близко отъ границы съ Пруссіей, что не разберешь, гдѣ же граница, отдѣляющая поля двухъ враждующихъ народовъ.

А надъ полями кружатся стаи воронъ и галокъ.

Представленіе о пространствѣ утратилось, и время словно потеряло свой смыслъ. Ѣдетъ Нилъ на рослой бѣлой лошади и вотъ уже часъ или два видитъ впереди себя однихъ и тѣхъ же всадниковъ. Въ овражкѣ не видны были клубы сѣраго дыма за лѣсомъ, откуда доносилась канонада пушечной пальбы и еще какой-то гулъ. Это слышался вой пуль, носившихся надъ полемъ брани: пѣхота стрѣляла пачками, а ей вторили пулеметы.

Миновали овражекъ, миновали лѣсъ съ рѣчкой и выѣхали въ поле, надъ которымъ кружились галки и вороны...

Дальше Нилъ уже ничего не помнитъ. Быстро мчался онъ все впередъ и впередъ. И бѣлая лошадь уносила его къ неизвѣстному будущему...

В. Брусянинъ.

Стихотворенія.

I.

Аполлинійскіе дистихи.

1.

Фебъ! Не бросайся на дно—тебя вода не удержитъ:
Прежде чѣмъ тронешь ее, пламенемъ въ паръ обратишь.

2.

Дафну, подумавъ, вини. Она убѣгала отъ бога...
Солнце дерзнешь ли принять въ тѣло живое свое?

3.

Къ милымъ нейди, Аполлонъ!—Сожжешь. Удались, и на столько,
Чтобы не видѣть ихъ: станешь сіяньемъ благимъ.

4.

Въ тайну его не вводи: онъ Фебовымъ знакомъ отмѣченъ...
Тайна его не зальетъ; тайну огонь просквозитъ.

5.

Какъ хорошо по земнымъ разстояніямъ къ Солнцу стремиться.
Горе, коль горнимъ путемъ Солнце навстрѣчу пойдетъ.

II.

Страшное сердце.

Борьба съ дерзаньемъ сердца тяжела.
Когда, въ порывѣ темномъ и безумномъ,
Что птица, оба—въ вышинѣ—крыла
Сложившая, оно, съ біеньемъ шумнымъ,

Въ пучину кинется, упоено,—
Не устоять душѣ... А срокъ наступитъ,
И, жадное, лучистое, оно
Цѣной души чего захочетъ, купитъ.

III.

Борису Васильевичу Анрепу.

Мы дружбу мѣримъ ужъ годами.
Такъ почему, скажи, такъ ново
Намъ это дорогое слово
И такъ глубоко межъ словами?

И никогда для насъ не тѣ же
Всѣ наши мысли и волненья
И опьяненіе сближенья
Въ насъ непрерывно, живо, свѣже.

Разъ, помнишь, я ужъ былъ въ постели...
Ты близко сѣлъ, гость полуночный.
Помчался разговоръ непрочный...
Часы бѣжали... мы—летѣли...

Мы торопились... Только вѣхи
Кидая бѣглыми словами,
Мы промежутки мыслей сами
Возсоздавали безъ помѣхи.

Мы волновались... Сердце билось
Какъ пробужденное любовью;
Казалось, смѣло къ изголовью
Вдругъ что-то женское склонилось.

Да, чувства въ насъ необычайны!
Подъ ними бьется вдохновенье,
Въ нихъ нарастаетъ упоенье
Готовой вдругъ прорваться тайны.

Н. В. Недоброво.

1904—1910.

АМИРАНЪ.

Гурійская легенда.

I.

Жилъ въ Гуріи, недалеко отъ горы [1]) Сакорніа, бѣдный крестьянинъ, по имени Соломонъ. У него была очень злая, сварливая и притомъ любопытная, какъ и всѣ женщины, жена Кетевана. Извѣстно вѣдь, что любопытство женщины и ея вѣчное недовольство настоящимъ погубили перваго человѣка въ раю и подвергли весь родъ людской проклятію, а съ тѣхъ поръ эти созданія нисколько не перемѣнились къ лучшему.

Когда-то,—Соломону казалось, что это было очень давно,—Кетевана была красивая дѣвушка, высокая и тонкая; глаза у нея были, правда, немножко сердитые, но зато очень черные и большіе; ровные бѣлые зубки сверкали, какъ зерна граната, между розовыми губами. Когда она, съ высокимъ кувшиномъ на плечѣ, спускалась по крутой тропинкѣ къ роднику и тихо напѣвала пѣсню о голубѣ, котораго хотѣла бы поймать, ея покрывало мелькало, какъ облачко въ тѣни цвѣтущихъ деревьевъ и душистыхъ виноградныхъ лозъ, а длинныя косы вились изъ-подъ него до самыхъ колѣнъ. Тогда Соломонъ бросалъ работу, издали смотрѣлъ на нее, опершись на мотыку, которою подбивалъ кукурузу въ своемъ полѣ, и сердце его сладко билось. Недаромъ Кетевану звали въ деревнѣ „варды“ [2]).

Эхъ, правду сказать, и самъ Соломонъ былъ въ тѣ времена молодецъ, и красный башлыкъ носилъ, а кудри у него были подъ башлыкомъ темные и пышные. Поэтому Кетевана иногда

---

[1]) Сакорніа—одна изъ вершинъ Аджаро-Гурійскихъ горъ въ Озургетскомъ уѣздѣ, Кутаисской губ. По преданію, къ вершинѣ этой былъ прикованъ великанъ Амиранъ, и орелъ клевалъ его сердце. (Вѣроятно, искаженный миѳъ о Промстеѣ.)

[2]) Варды—роза.

ласково-таки поглядывала на него своими суровыми и гордыми глазами, и онъ рѣшился посвататься.

Молодые зажили въ маленькомъ деревянномъ домикѣ, окруженномъ балкономъ на столбахъ, на крошечномъ клочкѣ своей усадьбы подъ горою. Вокругъ дома росли старыя деревья квиты [1]), алычи и орѣховъ, и стояли двѣ-три плетушки изъ хвороста для храненія кукурузы. Сзади дома Соломонъ разводилъ на нѣсколькихъ грядкахъ табакъ для домашняго употребленія и сѣялъ душистыя травы, кинзу, лукъ, укропъ, которыя такъ сдабриваютъ простыя кушанія гурійцевъ. Къ осени поспѣвало на старыхъ деревьяхъ множество орѣховъ, и Кетевана обмѣнивала ихъ на соль у пріѣзжавшихъ сосѣдей-аджарцевъ; хлѣба на двоихъ хватало съ избыткомъ.

Сначала у молодыхъ все шло хорошо, и они жили въ мирѣ, согласіи и любви. Но вотъ около юбки Кетеваны стало каждый годъ появляться по черномазому крикливому „бичо“, [2]) или „гого“, [3]) которые вѣчно просили ѣсть. Скоро ихъ стало такъ много, что Соломонъ только почесывалъ свои начинавшіе рѣдѣть кудри, глядя на нихъ и удивляясь, когда это успѣло ихъ столько народиться.

Кетевана теперь стала похожа уже не на „варды“, а скорѣе на старую вѣдьму. Носъ ея сошелся съ подбородкомъ, надъ губою появились черные усики, лицо сморщилось и потемнѣло, тѣло высохло. Характеръ ея тоже измѣнился къ худшему, и Соломонъ теперь уже не думалъ о любви. Да и некогда было: надо было въ потѣ лица добывать для дѣтей хлѣбъ изъ земли, которую Кетевана не иначе называла, какъ проклятою за то, что она давала имъ такъ мало.

— Не мало она даетъ,—качая головою говорилъ Соломонъ,—а насъ ужъ очень много стало. Вотъ ты можешь своею грудью кормить одного ребенка? А если бы ту же грудь сосало пять или шесть ребятъ сразу, хватило бы развѣ тогда молока? Ва! Нѣтъ, Кетевана, не хватило бы, всѣ были бы голодные. Такъ вотъ и наша земля...—грустно вздыхалъ онъ, глядя на свой маленькій клочокъ сухой, каменистой пашни, поднимавшійся на крутую гору недалеко отъ двора.

Изо всѣхъ силъ трудился Соломонъ. Онъ окапывалъ и прилежно подбивалъ каждый стебель своей кукурузы да еще ухит-

---

[1]) Квита—айва.

[2]) Бичо—мальчикъ.

[3]) Гого—дѣвочка.

рялся сажать около этихъ стеблей по зерну фасоли, которая и росла рядомъ съ кукурузой, цѣпляясь своими усиками за высокій и крѣпкій стволъ растенія. Но ничто не помогало; пищи все-таки было мало, а потому Кетевана никогда не была довольна Соломономъ и вѣчно грызла его и ругала за то, что у нихъ ничего нѣтъ. Правда, ѣли они вѣчно одинъ кукурузный „чурекъ“ [1]) да вареное „гоми“ [2]), и то впроголодь, а въ хозяйствѣ у нихъ только и было, что три овцы, пара тощихъ воловъ да ветхая арба, на которой они должны были и хлѣба съ поля возить, и въ церковь по праздникамъ въ сосѣднюю деревню ѣздить.

Но что было дѣлать бѣдному человѣку? Некому было даже помочь ему. Кетевана очень хорошо, отлично умѣла попрекать и ругаться, а сама весь день проводила въ болтовнѣ съ сосѣдками у родника или сидѣла, поджавши ноги, безъ всякаго дѣла на порогѣ своей сакли, разспрашивая всякаго прохожаго, кто куда идетъ, зачѣмъ, что несетъ, что у кого дома дѣлается и тому подобныя вещи.

Соломонъ терпѣлъ все это молча, и ему даже въ голову не приходило разсердиться на свою жену или заставить ее работать. Онъ былъ добрый гуріецъ и никогда даже словомъ не обидѣлъ бы женщину. Онъ былъ готовъ работать еще больше, если бы это было возможно, все это было ничего—и лѣнь ея, и любопытство, и сварливость. А вотъ что очень обидно было Соломону, такъ это то, что и въ праздники Кетевана не давала ему ни отдохнуть, ни повеселиться. Если онъ собирался въ воскресенье уйти изъ дома, она вырывала у него изъ рукъ башлыкъ [3]) и кричала:

— Куда идешь? Зачѣмъ? Что будешь тамъ дѣлать? Не пущу, ты скоро совсѣмъ пьяницей будешь!

Соломонъ покорно оставался дома, садился, вздыхая, на своемъ порогѣ и цѣлый день стругалъ какую-нибудь палочку, такъ какъ грѣшно въ праздникъ работать. Съ завистью слушалъ онъ доносившіеся издали звуки зурны и веселаго пѣнія... Если бы не злая баба, и онъ сидѣлъ бы теперь тамъ, гдѣ-нибудь на зеленой травѣ подъ деревомъ, попивая жиденькое кислое вино... Въ рукѣ онъ держалъ бы „кулу“ [4]), а изъ нея такъ славно лилась бы ему прямо въ горло тоненькая, холодная розоватая струйка. А по-

---

[1]) Чурекъ—плоскій хлѣбъ, пшеничный или кукурузный.

[2]) Гоми—зерновое растеніе, похожее на просо.

[3]) Гурійцы носятъ башлыкъ вмѣсто шапки, обматывая его вокругъ головы въ видѣ чалмы.

[4]) Кула—тыква, похожая формой на бутылку.

томъ онъ бы пѣлъ „мравалъ-жаміеръ“ [1]) и вовсе не былъ бы пьянъ, а только веселѣе у него стало бы на сердцѣ, и онъ забылъ бы хоть на минуту всѣ свои горести, труды, лишенія и домашнія дрязги...

Но Кетевана зорко караулила его, и ему съ горя оставалось только растянуться посреди двора на самомъ припекѣ, укрыться съ головою своимъ грязнымъ ватнымъ одѣяломъ и заснуть до самаго вечера.

II.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ изъ трехъ овецъ Соломона пришли съ пастбища только двѣ. Самая лучшая черная овца, которою Кетевана особенно дорожила, не вернулась домой. Долго ее поджидали, но она не являлась, и Кетевана плакала отъ горя и злости, рвала свои густыя грязныя косы и ругала Соломона, по обыкновенію, на чемъ свѣтъ стоитъ.

Соломонъ утѣшалъ ее, какъ умѣлъ, но солнце уже зашло, а овцы все не было. Когда Кетевана выдоила двухъ овецъ, чтобы заварить изъ ихъ молока сыръ, и увидѣла, что сыру выйдетъ еще меньше, чѣмъ всегда, она пришла въ яростное отчаяніе.

— Чего смотришь! Ступай!—кричала она, толкая въ шею Соломона, который только что прилегъ у очага. Онъ набилъ старую трубку домодѣльнымъ табакомъ и собирался покурить въ ожиданіи ужина.—Ступай, ищи овцу, бездѣльникъ! Можетъ, пока ты тутъ валяешься, какъ князь, ее уже шакалка задрать успѣла! Ступай сейчасъ! Что намъ съ голоду сдыхать черезъ тебя, что ли!—вопила Кетевана, и снова принималась плакать, царапая себѣ лицо ногтями, чтобы выразить все свое горе и отчаяніе.

Бездѣльникъ почесалъ голову. Страхъ какъ ему не хотѣлось итти на ночь глядя искать овцу: усталъ онъ крѣпко, работалъ цѣлый день, да и ѣсть хотѣлось. Но вопли и ругательства Кетеваны хоть кого бы подняли съ мѣста.

— Ну, хорошо, я пойду, пойду,—покорно сказалъ онъ и неохотно всталъ, потягиваясь,—только не кричи ты такъ, Кетевана.—Онъ придавилъ пальцемъ огонь въ трубкѣ, завязалъ потуже ремешки на своихъ „калабанахъ“ [2]) и вышелъ на дворъ.

Свѣтила луна. Соломонъ постоялъ немного въ раздумьѣ, потомъ медленно направился въ поле, лежавшее сейчасъ же за

---

[1]) Мравалъ-жаміеръ—застольная пѣсня.

[2]) Калабаны—легкая обувь изъ сыромятной кожи, привязанная къ ногамъ тонкими ремешками.

его дворомъ, пересѣкъ его наискось и сталъ лѣниво подниматься на сосѣднюю гору. Онъ зналъ, что тамъ растетъ самая лучшая трава, и что овцы любятъ тамъ пастись, а потому разсчитывалъ скорѣе всего найти свою овцу гдѣ-нибудь на этой горѣ.

Было свѣтло, какъ днемъ; трава серебрилась отъ росы, и на ней сверкали при лунномъ свѣтѣ крошечными огоньками бриллiантовыя капельки. Мѣста были знакомыя, и Соломонъ долго бродилъ по овечьимъ тропкамъ, заглядывая за каждый большой камень, подъ каждый таинственный и влажный кустъ и принимая всякую темную тѣнь за пропавшее животное. Онъ прислушивался къ малѣйшему шороху, жутко отзывавшемуся въ ночной тишинѣ и одиночествѣ въ его сердцѣ, и подзывалъ овцу извѣстнымъ ей гортаннымъ звукомъ, но ничего не находилъ.

Вдали послышался унылый вой шакала, и Соломонъ весь встрепенулся и задрожалъ.

„Можетъ, и вправду ее шакалка унесла...—подумалъ онъ, обливаясь холоднымъ потомъ при мысли, какъ онъ явится къ Кетеванѣ безъ овцы.—Но шакалка шкуры не ѣстъ... Я хоть шкуру найду всетаки...—размышлялъ онъ, идя впередъ.—А то еще, можетъ быть, она заблудилась и сидитъ себѣ гдѣ-нибудь подъ кустомъ,—утѣшалъ онъ самъ себя, хотя надежды его уменьшались съ каждымъ шагомъ.—Пойду дальше“.

И Соломонъ поднимался все выше и выше на гору, едва передвигая ноги отъ усталости.

Ночь проходила, но нигдѣ не было и признака пропавшей овцы.

Незамѣтно выйдя изъ полосы травъ и кустарниковъ, крестьянинъ скоро очутился въ совершенно незнакомомъ ему мѣстѣ, почти на самой вершинѣ большой горы. Со всѣхъ сторонъ угрюмо поднимались крутыя, голыя скалы; глубокія черныя тѣни рѣзко ложились при яркомъ свѣтѣ мѣсяца на бѣловатую каменистую землю острыми зубцами. Сухія и сѣрыя горныя травы сильно благоухали, гдѣ-то слабо журчала невидимая струйка воды. Не видно было ни тропинки, ни слѣда человѣка или животнаго. Врядъ ли стадо забиралось когда-нибудь такъ далеко и высоко, какъ забрался Соломонъ, гонимый нуждою и страхомъ передъ Кеною.

Задыхаясь отъ усталости, онъ остановился перевести духъ.

— Это Сакорнiа!—воскликнулъ онъ въ изумленiи, осмотрѣвшись вокругъ.—Вотъ куда я залѣзъ! Никто изъ нашей деревни еще не ходилъ такъ высоко. О-о, это я ушелъ очень далеко отъ своего дома!...

И онъ въ смущеніи почесалъ за ухомъ, раздумывая, возвращаться ли домой, или опять искать овцу въ этихъ неизвѣданныхъ мѣстахъ.

Но силы почти оставили Соломона, и онъ уже едва держался на ногахъ. Онъ сѣлъ подъ одною изъ скалъ, прислонился къ ней спиною и почувствовалъ, что больше уже не въ состояніи двинуться. Отъ волненія и усталости онъ даже забылъ съѣсть тотъ кусокъ хлѣба, который лежалъ у него въ сумкѣ, висѣвшей на поясѣ, и который онъ захватилъ изъ дома потому, что не успѣлъ поужинать.

Скоро сонъ незамѣтно подкрался къ Соломону, ласково опустилъ вѣки на его глазахъ, расправилъ поудобнѣе его усталыя руки и ноги, и крестьянинъ сладко и крѣпко заснулъ, несмотря на ночной холодъ горной вершины и неуютное, жесткое каменистое ложе.

Долго спалъ Соломонъ, такъ что тѣло его закоченѣло отъ холода и неподвижности; но вотъ лучъ восходящаго солнца ударилъ ему прямо въ лицо, и онъ услышалъ сквозь сонъ какой-то странный шумъ и грохотъ. Точно камни и скалы двинулись со своихъ мѣстъ.

Соломонъ испуганно открылъ глаза и вскочилъ на ноги. Со сна ему показалось, что это Кетевана по обыкновенію своему злобно швыряетъ горшками по саклѣ, собираясь варить обѣдъ. Онъ протиралъ глаза, но не могъ сразу вспомнить, какъ и почему очутился въ такой необычной обстановкѣ. Вдругъ странное явленіе приковало къ себѣ его вниманіе: прямо передъ нимъ, въ высокой, гладкой скалѣ, которая, вся розовая и золотая, стояла въ лучахъ утренней зари, появилась темная трещина. Посыпались камни и, прыгая, какъ мячики, стали катиться съ обрыва въ глубокую тѣнистую пропасть. Грохотъ усилился, и трещина стала медленно раздвигать шире и шире свои неровные края. Скоро она обратилась уже въ цѣлую пещеру, широко зіявшую черною пастью передъ глазами Соломона. Крестьянинъ съ ужасомъ смотрѣлъ на все это, но не могъ пошевелиться отъ удивленія и страха.

Въ эту минуту все утихло, и изъ глубины пещеры, какъ вѣтеръ, донесся тяжкій вздохъ и за нимъ протяжный, мучительный стонъ. Раздался рѣзкій звонъ тяжелыхъ цѣпей и, наконецъ, громкій, но глухой голосъ:

— Кто тамъ? Не бойся, кацо [1]), я ничего дурного тебѣ не сдѣлаю.

---

[1]) Кацо—человѣкъ.

Соломонъ дрожалъ отъ испуга и стоялъ, какъ вкопанный: ноги не несли его ни впередъ, ни назадъ.

— Подойди поближе, кацо! войди въ пещеру. Я долго ждалъ тебя,—продолжалъ голосъ.

— Кто ты?—замирая отъ ужаса, едва выговарилъ крестьянинъ трепещущими губами, не сводя глазъ съ пещеры.

— Я—Амиранъ, другъ бѣдныхъ и угнетенныхъ. Я хочу тебѣ добра, а не зла,—ласково отвѣчалъ изъ глубины глухой голосъ.

Бѣдный крестьянинъ, точно отъ сильнаго холода, затрясся еще больше, зубы его начали стучать. Вѣдь онъ слыхалъ про Амирана еще въ дѣтствѣ. Въ длинные зимніе вечера, когда грозно завывала въ горахъ снѣжная буря, когда жалкая сакля вся дрожала и скрипѣла отъ вѣтра, старики, грѣясь у очага, разсказывали, будто съ горы Сакорніа и приходятъ всѣ эти вьюги, снѣга и обвалы. И будто бы на вершинѣ этой горы есть пещера, а въ ней замурованъ и прикованъ крѣпкими цѣпями Амиранъ, большой и сильный человѣкъ. Прикованъ такъ, что не можетъ двинуться съ мѣста. Съ нимъ вмѣстѣ замурованъ воронъ, злая черная птица, которая день и ночь клюетъ его сердце.

Да, Соломонъ все это слышалъ, но развѣ онъ думалъ когда-нибудь, что можетъ увидѣть Амирана собственными глазами?

— Не бойся же, кацо, не бойся: вѣдь я прикованъ и тронуть тебя не могу,—говорилъ убѣдительно голосъ.—Если же ты рѣшишься войти сюда и поможешь мнѣ немножно, то я тебя и всѣхъ твоихъ, и всѣхъ добрыхъ гурійцевъ сдѣлаю счастливыми на всю жизнь.

Въ голосѣ Амирана слышалась такая искренность и доброта, что Соломонъ, наконецъ, ободрился немного и рѣшился приблизиться къ пещерѣ. Онъ перекрестился, шепча молитву, и робко заглянулъ внутрь горы. На каменной стѣнѣ глубокой трещины висѣлъ, прикованный толстыми цѣпями къ скалѣ, совершенно обнаженный большой и красивый человѣкъ. Цѣпи крѣпко въѣлись въ его огромное и сильное мускулистое тѣло, и на измученное лицо его падали длинные черные волосы, почти закрывая безпокойные и добрые глаза. Надъ головой его сидѣлъ воронъ, сверкая злыми круглыми зрачками, и держалъ въ хищномъ, остромъ клювѣ своемъ кусокъ окровавленнаго мяса. У Соломона даже сердце сжалось, когда онъ замѣтилъ, что на лѣвой сторонѣ груди великана краснѣетъ широкая растерзанная рана.

Весь скорчившись и изогнувшись, великанъ изо всѣхъ силъ старался ослабить свои цѣпи и дотянуться руками до земли, но это ему никакъ не удавалось. Цѣпи только все глубже врѣзыва-

лись въ напряженные мускулы, причиняя Амирану новыя страданія. Недалеко, на полу пещеры, лежалъ блестящій большой мечъ; къ нему-то и тянулся Амиранъ, но достать его не могъ.

— Ты пришелъ!—радостно воскликнулъ великанъ, увидѣвъ крестьянина, и вытеръ ладонью потъ, градомъ катившійся со лба.—Если бы ты зналъ, какъ я ждалъ тебя! Вѣдь я томлюсь здѣсь несчетное число лѣтъ за то, что васъ же, людей, хотѣлъ сдѣлать счастливыми. Но вы забыли про меня, и никто, никто не приходитъ... Душа моя горитъ желаніемъ помочь вамъ, сердце мое истерзано, но тѣло мое сковано... Видишь, какъ я безсиленъ одинъ! Однажды въ годъ, съ первымъ лучомъ солнца, раскрывается моя темница, и я взываю къ вамъ и жду, жду... но все напрасно!—жалобно говорилъ Амиранъ, и слезы показались на его глазахъ, горящихъ любовью и печалью.

— Вотъ и ты... вѣдь ты забрелъ сюда случайно, вы не любите забираться такъ высоко... А тамъ, внизу, вы, смертные, вѣчно смотрите въ землю, которую копаете, и у васъ нѣтъ ни времени, ни силъ добиться вѣчнаго счастья. Меня же всѣ боятся, и никто не идетъ ко мнѣ на помощь.

— Я уже не боюсь тебя, Амиранъ, — храбро сказалъ Соломонъ, глядя на плачущаго великана, хотя голосъ его слегка дрожалъ отъ страха.

— Ну, такъ иди поближе, если не боишься. Подойди сюда.

Соломонъ все еще нерѣшительно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и приблизился къ Амирану.

Тогда тотъ протянулъ свою большую, сильную руку, вытащилъ изъ сумки крестьянина торчавшую оттуда краюху хлѣба и сталъ разсматривать ее. Онъ горько покачалъ головою и потомъ сильно сдавилъ краюху могучими пальцами. Вдругъ изъ хлѣба потекли кровь и потъ. Крестьянинъ съ удивленіемъ и любопытствомъ смотрѣлъ, какъ изъ сухого, черстваго куска кукурузнаго чурека обильно падали на каменный полъ пещеры крупныя, прозрачныя капли, смѣшанныя съ ярко-алою дымящеюся струйкой.

— Вотъ какой хлѣбъ ѣдите вы, несчастные! — съ глубокой горестью воскликнулъ Амиранъ, глядя на Соломона.—Вѣдь онъ весь пропитанъ вашею кровью и потомъ...

Да, крестьянинъ видѣлъ теперь это собственными глазами. Теперь онъ понялъ, отчего его хлѣбъ такъ тяжелъ и невкусенъ.

— А какой же еще бываетъ хлѣбъ? Какой хлѣбъ ѣшь ты?— съ живостью спросилъ онъ, совсѣмъ уже позабывъ свой страхъ. Тутъ онъ внезапно увидѣлъ, что на выступѣ камня, подъ самою рукою Амирана, лежитъ непочатый, большой и очень бѣлый пше-

ничный коровай. Огненный лучъ солнца ярко и соблазнительно золотилъ его румяную корку, но Соломонъ до сихъ поръ не замѣчалъ его, такъ какъ былъ сильно взволнованъ и, слушая Амирана, не сводилъ съ него глазъ. Теперь же онъ съ жадностью глядѣлъ на ковригу. Онъ былъ очень голоденъ, да и не видѣлъ никогда въ жизни своей такой прекрасной пищи.

Амиранъ, молча, далеко отшвырнулъ хлѣбъ Соломона и взялъ свой. Когда онъ придавилъ могучею рукою, изъ хлѣба потекли молоко и медъ. У бѣднаго крестьянина загорѣлись глаза при видѣ сладкой и чистой струи, щедро лившейся изъ мягкаго, вкуснаго куска. Онъ едва удерживался, чтобы не подставить подъ нее свой голодный раскрытый ротъ.

— Видишь, какой хлѣбъ ѣмъ я, — сказалъ Амиранъ. — И такой же будете ѣсть всѣ вы, если ты поможешь мнѣ освободиться. Я дамъ его вамъ, и никогда никто уже не будетъ ѣсть хлѣба съ потомъ и кровью, — торжественно продолжалъ онъ, кладя хлѣбъ свой на прежнее мѣсто.

Радость наполнила сердце Соломона, и онъ протянулъ руки къ великану.

— Амиранъ! О, Амиранъ! Что долженъ я сдѣлать, чтобы помочь тебѣ? Скажи скорѣе!—громко воскликнулъ онъ.

— Ты только помоги мнѣ достать тотъ мечъ, чтобы я могъ разрубить имъ свои цѣпи, — отвѣтилъ Амиранъ, указывая на мечъ, сверкавшій на полу.

— Сейчасъ, о, Амиранъ! я подамъ тебѣ твой мечъ! — восторженно вскричалъ Соломонъ и бросился къ блестѣвшему оружію. Онъ схватилъ, было, его обѣими руками и хотѣлъ поднять съ земли, но мечъ былъ такой большой и тяжелый, рукоятка его такъ скользила въ заскорузлыхъ рукахъ крестьянина, что онъ не могъ даже сдвинуть его съ мѣста. Онъ подходилъ къ нему со всѣхъ сторонъ, брался съ обоихъ концовъ, но мечъ точно приросъ къ полу. Амиранъ нетерпѣливо смотрѣлъ на него.

— Постой,—сказалъ, наконецъ, великанъ, видя эти безплодныя старанія. — Мечъ тяжелъ; тебѣ, я вижу, его не поднять. Слабъ ты для этого: слишкомъ долго питался ты хлѣбомъ съ потомъ и кровью. Сдѣлаемъ иначе: ты ложись на полъ и ухватись покрѣпче за рукоятку, а ноги протяни ко мнѣ. Я стану тянуть тебя за ноги и притяну такимъ образомъ мечъ къ себѣ".

Соломонъ сейчасъ же легъ, старательно вытянулся во всю свою длину и взялся за рукоятку меча, а Амиранъ, взявъ его за послушно поднятыя кверху ноги, сталъ тащить къ себѣ. Но какъ только израненныя, плохо обутыя ноги крестьянина

очутились въ сильныхъ, точно желѣзныхъ рукахъ великана, онъ почувствовалъ такую страшную боль, что громко закричалъ, и Амиранъ выпустилъ его.

— О, слабая тварь!—воскликнулъ великанъ съ отчаяніемъ.— Чего ты кричишь такъ громко? Нѣтъ, видно мнѣ неоткуда ждать помощи, и я вѣчно и напрасно буду страдать одинъ за всѣхъ душою и тѣломъ. Знаешь вѣдь, какое счастье ждетъ тебя, а такого пустяка, ничтожнаго страданія вынести не можешь!

Соломонъ въ смущеніи молчалъ. Ему самому было стыдно, что онъ не вытерпѣлъ и кричалъ, какъ быкъ, котораго рѣжутъ, но ужъ очень сильна была боль.

Вдругъ чело Амирана просвѣтлѣло, и онъ быстро спросилъ:

— Слушай, кацо! есть ли у тебя дома крѣпкіе ремни, какими запрягаютъ скотину?

— Есть, — отвѣчалъ Соломонъ, поднимаясь съ земли и потирая ноги,—и даже очень крѣпкіе.

— Ну, бѣги скорѣе!... Я придумалъ... Бѣги и принеси ихъ сюда. И, знай, ты долженъ быть опять здѣсь, пока свѣтитъ въ мою пещеру этотъ солнечный лучъ. Скорѣе, скорѣе! Только помни: ни по дорогѣ, ни дома ты не долженъ ни съ кѣмъ разговаривать. Если ты произнесешь хоть одно слово, — все пропало. Бѣги! Не обмани меня! Можетъ быть, воловья упряжь намъ поможетъ... О, родъ людской, который за ремень, насильно, какъ лѣниваго вола, надобно тащить къ его собственному благу!...

Но Соломонъ не слыхалъ послѣднихъ словъ Амирана. Онъ уже выскочилъ изъ пещеры и пустился бѣжать со всѣхъ ногъ, прыгая съ камня на камень, сползая напрямикъ со скользкихъ, крутыхъ спусковъ, забывъ и про овцу, и про Кетевану и помня только обѣщаніе Амирана. Земля и камни сыпались у него изъ-подъ ногъ, увлекая и его за собою, башлыкъ давно скатился съ головы, платье было изорвано въ клочки, но радость и надежда окрыляли его, и онъ ничего не замѣчалъ и не видѣлъ, кромѣ своей сакли, которая уже виднѣлась подъ горою. Никого не встрѣтивъ на пустынной горѣ, быстро очутился онъ у своего дома и влетѣлъ въ него, какъ буря.

III.

Кетевала сидѣла на земляномъ полу у очага, кормила грудью ребенка и мѣшала палочкою варившееся въ горшкѣ гоми. Куча оборванныхъ черныхъ ребятишекъ вертѣлась вокругъ, жадно заглядывая въ закипавшую кашу.

На стѣнѣ противъ двери, надъ голою деревянною тахтою, вѣсѣла на большомъ гвоздѣ крѣпкая, почти новая упряжь изъ толстой сыромятной кожи. Не говоря ни слова, Соломонъ однимъ прыжкомъ очутился на тахтѣ, схватилъ ремни, закинулъ ихъ себѣ на плечи, спрыгнулъ обратно и хотѣлъ бѣжать назадъ тѣмъ же порядкомъ.

Кетевана привстала и съ удивленіемъ смотрѣла на мужа.

— Нашелъ овцу? — сердито спросила она. Вѣроятно, когда онъ схватилъ ремни, ей пришло въ голову, что овца ея упала въ пропасть, и Соломонъ хочетъ вытащить ее оттуда, привязавъ ремнемъ.

Соломонъ, помня приказаніе Амирана, ничего не отвѣтилъ, а только, сжавъ губы, отрицательно помоталъ головою.

— Такъ гдѣ же она?

Соломонъ выразительно пожалъ плечами и, порываясь бѣжать, опять замоталъ головою. Понятно, что Кетевана должна была выйти изъ себя отъ такого нелѣпаго его поведенія.

— Чего ты, какъ дуракъ, трясешь головой? Или у тебя черти языкъ отняли?—закричала она, дѣлая шагъ къ нему.—И зачѣмъ ты упряжь берешь? На что она тебѣ?

Соломонъ уже былъ у двери и твердо хранилъ молчаніе. Но тутъ Кетевана, несомнѣнно, замѣтила безпорядокъ его одежды и восторженное выраженіе лица. Она бросила на полъ ребенка, перевернувъ нечаянно горшокъ съ гоми въ огонь, подскочила къ мужу и ухватилась за ремни, висѣвшіе у него на плечахъ.

— А-а, пьяница!—закричала она, дергая обѣими руками ремни и стараясь ихъ отнять.—Ты не овцу искалъ, ты въ духанѣ былъ. Гдѣ твой башлыкъ? Пропилъ, негодяй ты безсовѣстный! Пьянствовалъ всю ночь, а теперь и послѣднее изъ дома унести хочешь, чтобы пропить! Не пущу... Отдай сейчасъ ремни, проклятый!

Она кричала громко и трясла во всѣ стороны бѣднаго Соломона, который тоже крѣпко держался за упряжь, вырываясь отъ нея, и съ трудомъ хранилъ молчаніе. Знаками онъ показывалъ, что не можетъ говорить, поднимая глаза къ небу, призывая Бога въ свидѣтели, крестился, моталъ головой, дышалъ Кетеванѣ въ лицо, доказывая, что отъ него не пахнетъ виномъ. Все было напрасно. Она продолжала вопить и зубами готова была вырвать у него изъ рукъ свое добро.

Эхъ, какъ тутъ захотѣлось Соломону въ первый разъ въ жизни ударить хорошенько злую бабу. И обругаться хотѣлось, да говорить онъ не смѣлъ. Но онъ понималъ отлично, что его странные жесты, его торопливость и непонятное, упорное молчаніе

должны были возбуждать и гнѣвъ, и любопытство Кетеваны. Глаза ея горѣли, какъ угли. Видя, что силой тутъ не возьмешь, она принялась за другое. Переставъ теребить мужа, она стала на самомъ порогѣ и, заслонивъ собою дверь, протянула руки и вдругъ повисла на шеѣ у Соломона.

— Ахъ, Соло джанъ! [1]) Да что же съ тобою случилось? Ну, скажи, скажи, и я тебя сейчасъ же отпущу!—просила она самымъ ласковымъ голосомъ, вцѣпившись въ него обѣими руками.—Только скажи, куда идешь и зачѣмъ ремни несешь, и я не буду сердиться, и ты пойдешь, куда хочешь. Скажи мнѣ, шени-чири-ме! [2])

Кетевана была женщина сильная, ярость же и любопытство придавали ей силы вдвое, но Соломонъ былъ все же сильнѣе ея. Наконецъ, ему удалось вырваться, и онъ сильно оттолкнулъ жену, такъ что она, завизжавъ, упала на полъ. Въ своемъ возбужденіи, нетерпѣніи и гнѣвѣ онъ самъ не замѣтилъ, какъ, толкая Кетевану, нечаянно пробормоталъ сквозь зубы:

— Да отвяжись ты, чертовка!

Освободившись, онъ выскочилъ въ дверь и помчался, какъ вихрь, черезъ дворъ и сосѣднее поле на гору, обмотавъ ремни вокругъ шеи, чтобы не потерять ихъ на бѣгу. На этотъ разъ путь показался ему длиннѣе и труднѣе: приходилось карабкаться въ гору по скользкимъ травамъ и острымъ камнямъ, чтобы не потерять ни минуты времени. Уже едва дыша, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ вылѣзшими изъ орбитъ глазами и весь въ поту прибѣжалъ онъ къ знакомому утесу.

Но что же это? Ни пещеры, ни даже трещины не осталось и слѣда. Передъ нимъ стояла гладкая, высокая, непоколебимая твердыня, увѣнчанная неподвижною острою верхушкой.

У подножія каменной стѣны валялся его вчерашній кусокъ хлѣба, раздавленный могучею рукою Амирана, и только слѣды огромныхъ пальцевъ, отпечатлѣвшіеся на немъ, говорили Соломону, что все видѣнное имъ было не сонъ.

— О, Амиранъ! Гдѣ же ты?—съ отчаяніемъ вскричалъ крестьянинъ, остановившись съ разбѣгу передъ стѣною.

Отвѣта не было. Онъ сталъ кидаться во всѣ стороны и руками ощупывалъ холодныя каменныя глыбы, въ надеждѣ отыскать хоть слѣды трещины.

— Я же принесъ тебѣ свои ремни! Гдѣ ты, Амиранъ? Добрый

---

[1]) Джанъ—ласкательное обращеніе, прибавляемое къ имени.

[2]) Шени-чири-ме—въ буквальномъ переводѣ—„твоя болячка мнѣ“.

Амиранъ!—взывалъ онъ, протягивая принесенную упряжь къ безчувственному камню.

— Я здѣсь... въ скалѣ,—послышался, наконецъ, Соломону едва уловимый звукъ знакомаго голоса.

Не вѣтеръ ли гудитъ въ камняхъ? И Соломонъ сталъ прислушиваться, приложивъ ухо къ скалѣ.

— Я здѣсь... но ты уже не можешь ко мнѣ войти...—глухо стонали печальные звуки голоса Амирана.—Не могъ ты помолчать? Ты, я вижу, никакого испытанія вынести не можешь, о слабый, жалкій рабъ земли!

Тутъ Соломонъ вспомнилъ, что онъ не исполнилъ приказанія Амирана... что онъ дѣйствительно не вытерпѣлъ, и какое-то слово слетѣло съ его устъ въ пылу борьбы съ Кетеваной. Страшное горе и раскаяніе охватили его.

— О, Амиранъ, прости меня!—завопилъ онъ, простираясь на землѣ и колотясь лбомъ о каменную стѣну.—Это не я, это жена моя Кетевана виновата во всемъ. Она била меня... не пускала, разспрашивала! Вѣдь она злая и любопытная, какъ бѣсъ! Вотъ я и не удержался и обругалъ-таки ее. Пусть это слово не считается! Пусть оно не считается, а? Амиранъ!

Отвѣта не было. Соломонъ началъ снова просить.

— Прости же меня, Амиранъ! Вѣдь она меня обняла и ласкала, чтобы я ей сказалъ, зачѣмъ ремни беру, и то я ничего не сказалъ... а она меня ужъ давно не ласкала... Я такъ спѣшилъ къ тебѣ! Отвори мнѣ, добрый Амиранъ!

И Соломонъ весь прильнулъ къ скалѣ.

— Нѣтъ, не могу...—послышался печальный голосъ, точно слабый подземный гулъ.—Теперь надолго закрылась моя темница, благодаря твоему малодушію, кацо. И опять я буду томиться здѣсь, если не забредетъ на эту гору случайно въ урочное время какой-нибудь смертный, съ душою болѣе твердою, чѣмъ твоя. А до тѣхъ поръ вы опять будете ѣсть свой хлѣбъ съ потомъ и кровью.

Горячія слезы хлынули изъ глазъ Соломона, и онъ рыдалъ, лежа на землѣ и прислонивъ голову къ подножію утеса.

— А женщины!... о-о-о! если я освобожусь когда-нибудь, я жестоко отомщу имъ всѣмъ!—съ угрозою зарокоталъ голосъ.

Соломонъ поднялъ голову и сталъ прислушиваться.

— Я отомщу имъ, этимъ низкимъ созданіямъ, за то, что онѣ всегда думаютъ только о себѣ...

Соломонъ сочувственно кивнулъ головою.

— Это онѣ мѣшаютъ счастью рода людского; онѣ виснутъ у

васъ на шеѣ и тянутъ васъ, какъ запряженную въ ремни скотину, не туда, куда вы хотите итти... Изъ-за нихъ вы дѣлаете то, чего не хотѣли бы вовсе дѣлать, и говорите то, чего не слѣдовало бы говорить!... Уходи, кацо! Больше ты ничего отъ меня не дождешься.

И голосъ смолкъ.

Долго ждалъ Соломонъ, не услышитъ ли онъ еще слова. Но тяжело проползъ надъ молчаливыми и гордыми вершинами сверкающій, палящій день; тихо спустился ласковый розовый вечеръ съ легкимъ и влажнымъ вѣтеркомъ, мгновенно уступивъ мѣсто ароматной голубоватой ночи съ ея глубокими и черными тѣнями... Больше не слышно было ни звука.

Раздавался ли еще когда-нибудь для слуха смертнаго волшебный голосъ—неизвѣстно, но только бѣдные гурійцы и до сихъ поръ ѣдятъ хлѣбъ, насквозь пропитанный потомъ и кровью.

А Сакорніа стоитъ попрежнему безмолвно и неподвижно на своемъ мѣстѣ.

В. А. М—ва.

Стихотворенія.

1.

Какъ вожделѣнна страна познанія,
Какъ многозвѣздно она свѣтла,
Ея сокровищамъ нѣтъ названія,
Ея обителямъ нѣтъ числа.

Какъ безпощадна страна познанія,
Ея пути—огонь и кровь,
Ея законъ—самосжиганіе,
И дышитъ смертью въ ней любовь.

И какъ чудотворна страна познанія—
Въ ней прахъ и пепелъ встаетъ живымъ,
И улетаетъ, какъ вѣтра дыханіе,
Что звали мы жизнью и сердцемъ своимъ.

2.

Лѣсные шорохи.

Это вѣтеръ, вѣтеръ назёмный
Гонитъ блеклый листъ золотой,
Это къ зимней постели укромной
Проскользнула змѣя на покой.

Это пара стрекозъ запоздалыхъ
Надломила сухой стебелекъ
Въ былинкахъ бронзово-алыхъ,
Это хрустнулъ еловый сучекъ.

Это вздохъ души, опьяненной
Полнотою свершеній земныхъ...
И сквозь пламень листвы обагренной
Къ ея смертному ложу нисходитъ Женихъ.

3.

Все тріедино во вселенной,
Какъ тріединъ ея Господь,
Какъ Богъ, рождающій нетлѣнно,
Какъ Сынъ распятый, погребенный,
Какъ Духъ, животворящій плоть.

За чудомъ каждаго явленья
Тройное скрыто единство—
Его предвѣчное рожденье,
Его распятье, погребенье
И воскресенья торжество.

В. Малахіева-Мировичъ.

АРЕТЭ.

Разсказъ **Макса Гохдорфа.**

Изъ сборника *Max Hochdorf*: „Dunkelheiten".

I.

Христо и Аретэ.

Христо кормился тѣмъ, что въ кофейняхъ и трактирахъ пѣлъ пѣсни, подыгрывая себѣ на гитарѣ, а его пріятельница, Аретэ, усердно ему въ томъ помогала. Оба выросли безъ заботы и ухода, какъ дикіе цвѣты. Онъ игралъ и пѣлъ. Она чирикала въ тонъ и собирала въ шапку мѣдныя монеты. Она была молода; въ ней только просыпалась женщина. Онъ былъ старый, косматый и морщинистый, какъ фига изъ Каламаты.

Надъ греческой землей спустилась сіяющая звѣздами осенняя ночь, такая теплая и нѣжащая, словно дѣтскія ручки свѣяли прочь до послѣдней пылинки все, что могло бы затруднить дыханіе. Вдобавокъ, сквозь вершины деревьевъ выглядывалъ мраморно-блѣдный ликъ луны. На площади Согласія въ Аѳинахъ лунный свѣтъ, проскользнувъ межъ перистыхъ верхушекъ пальмъ, лежалъ широкой полосою на лужайкѣ. Только луна и казалась довольной въ этой сумятицѣ людей, толпившихся на площади подъ ея блѣднымъ свѣтомъ. Ея спокойствія не нарушали пронзительно вопившіе газетчики и крикливые завсегдатаи кофеенъ, которые, жестикулируя, необычайно горячо спорили о пустякахъ.

Двоихъ только не удавалось ей найти. Они укрылись отъ нея во мракѣ и сидѣли, плотно прижавшись другъ къ другу—Христо и Аретэ. Этимъ было весело и въ одиночествѣ. Имъ никого не надо было, кромѣ ихъ самихъ. Они почти не видѣли другъ друга, только чувствовали.

Она вынимала изъ кармана и одну за другой передавала

своему другу монеты, а Христо ихъ ощупывалъ и осторожно складывалъ въ красный носовой платокъ. Потомъ, когда у нея денегъ больше не осталось, завязалъ платокъ двумя крѣпкими узлами.

— Ты хорошо сегодня пѣла, Аретэ. У тебя голосъ теперь сталъ очень звонкій.

— Ты доволенъ мной, Христо? Еще бы мнѣ теперь не пѣть звончѣй и лучше прежняго. Я вѣдь нашла чудо-чудное, диво-дивное—нашла себѣ милаго.

— Что такое?... Милаго, говоришь?

Аретэ нагнулась вплотную къ старику и шепнула ему что-то на ухо. Онъ сидѣлъ растерянный и только головой качалъ. Потомъ промолвилъ не то съ упрекомъ, не то съ горечью:

— Правильно, Аретэ, такъ и надо: я на старости лѣтъ поглупѣлъ, а ты дѣвчонка красивая; на тебя всѣ заглядываются, словно на королеву какую; такъ и надо, Аретэ; теперь ты можешь выбирать, а съ Христо плохо дѣло. Состарился онъ, одряхлѣлъ. Пальцы костенѣютъ и не поспѣваютъ за тобой, когда ты заливаешься, какъ птичка.

Дѣвушку въ жаръ бросало отъ такихъ рѣчей. Она вовсе и не думала ничего такого. Развѣ нельзя имѣть милаго и оставаться съ Христо, вѣрнымъ товарищемъ и другомъ, къ которому она привыкла, какъ къ табачному дыму въ гостиницахъ и кофейняхъ? Что онъ такое выдумываетъ? Ей это и въ голову не приходило. А теперь онъ навелъ ее на всякія чудныя мысли.

— Христо,—говорила Аретэ,—студенты вѣдь добрые и веселые. Что ты такое болтаешь? И богатые — значитъ, деньги будутъ. Чего ты разворчался? Развѣ плохо имѣть милаго?

Она высвободила свою руку изъ его руки и невольно отодвинулась. Но Христо показалось, что онъ ей противенъ, и онъ опечалился.

— Что ты отъ меня отодвигаешься, Аретэ? Сиди, какъ сидѣла! Да говори же что-нибудь... что ты такъ притихла? Мнѣ боязно, когда я не слышу твоего голоса.

Каждое слово вырывалось у него, какъ вздохъ. Но у Аретэ вовсе не было охоты грустить и потому она почти не слушала его. Она не сжалилась надъ бѣднымъ Христо, когда увидѣла, что онъ дрожитъ, и не осталась съ нимъ въ угоду ему. И луна, должно быть, разсердилась на забытаго—такъ насмѣшливо и злобно засвѣтила ему прямо въ глаза, что онъ вскочилъ на ноги.

— Куда ты, Аретэ?

— Домой, къ своему милому...

— Ты останешься здѣсь!

— Ну вотъ еще! Что это за новости? Чего ты хочешь отъ меня? Я не раба твоя.

И она убѣжала. Прошмыгнула черезъ площадь и скрылась въ одномъ изъ плохо освѣщенныхъ переулковъ. Напрасно Христо кричалъ и звалъ ее. Онъ былъ одинъ.

Съ трудомъ поплелся онъ, такъ быстро, какъ только это позволяли ему его слабыя силы, и обшарилъ всѣ закоулки площади—не найдетъ ли гдѣ бѣглянки. Проходя мимо домовъ, онъ заглядывалъ въ каждую нишу, въ каждый уголокъ. Друзей и знакомыхъ видѣлъ много, но Аретэ, очевидно, проводила время въ болѣе веселомъ обществѣ. Горбатая Катерина кошачьими глазами уставилась на него изъ своей берлоги. Ему захотѣлось дать ей пинка ногой.

— Христо, не найдется ли у тебя *кулури* (кренделька)? Поѣсть охота. Плохо стало жить на свѣтѣ—ничего не подаютъ.—Она подалась впередъ, словно собираясь кинуться на добычу.—Ты одинъ, Христо? А дѣвчонка гдѣ же? Панагія Теаму! (Пресвятая Богородица) славная у тебя дѣвчонка. Пришли-ка ты ее когда-нибудь ко мнѣ, братикъ. Если она умна, у меня она можетъ кое-чему научиться.

Она совсѣмъ близко придвинулась къ Христо.

— Динь-динь, Христаки, гдѣ ты откопалъ свою царевну?

У бѣднаго Христо потемнѣло въ глазахъ. Онъ убѣжалъ, чтобы не слушать. А старуха каркала ему вслѣдъ:

— Пришли ко мнѣ свою царевну.

Христо жилъ не одинъ. Въ старомъ турецкомъ кварталѣ, гдѣ и посейчасъ стоитъ мечеть, превращенная въ товарный складъ, онъ снималъ полкомнаты у Мицо. И жили они всѣ вмѣстѣ: Христо, Аретэ, Мицо и его двѣ козы. И всѣ пятеро отлично ладили между собою. Мицо днемъ никогда не бывало дома. Со своими козами онъ бродилъ по улицамъ, торгуя лукомъ, фасолью, виноградомъ и мандаринами. Козы, позвякивая бубенчиками, съ большимъ достоинствомъ несли свою драгоцѣнную ношу; когда у хозяина бойко шла торговля, онѣ радовались и выражали свою радость довольнымъ блеяньемъ.

— Христо, ты? А дѣвчонка гдѣ же?

Дѣвчонка! дѣвчонка!

Вопросъ Мицо кольнулъ старика въ самое сердце. Слова горбуньи еще звучали у него въ ушахъ. Вотъ такъ и всѣ будутъ приставать къ нему съ разспросами, а онъ можетъ отвѣтить только:

„Нѣтъ ея—ушла къ своему милому“. Христо сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, и тихонечко усѣлся въ уголокъ.

— Вы что, поссорились? Упряма она у тебя, но зато и красива, ахъ, красива! Точно лѣсная вѣдьма.

Мицо не былъ поэтомъ, и у него нехватало фантазіи придумать лучшее сравненіе. Но, разъ ужъ онъ раскрылъ ротъ, надо же договорить до конца. И, высказавшись, онъ отплюнулся. Пусть, молъ, Христо скажетъ лучше. Но у того было другое на умѣ: онъ напряженно прислушивался. И, наконецъ, не владѣя собой отъ нетерпѣнія, всталъ. Мицо видѣлъ по лицу его, что у пріятеля какая-то напасть, и сгоралъ отъ любопытства. Но разглагольствовать онъ былъ не мастеръ и, чѣмъ самому спрашивать, предпочиталъ ждать, пока ему скажутъ. Наконецъ, Христо спросилъ:

— Ты самъ-то не видалъ дѣвчонки?

Мицо сморщилъ лобъ и высоко поднялъ брови надъ блестящими глазами. На собственномъ діалектѣ Мицо это означало: *нѣтъ*. Христо понялъ, что, значитъ, не о чемъ его и спрашивать. Онъ молился своей покровительницѣ, святой Варварѣ Дафнійской, клалъ кресты и земные поклоны. Но на этотъ разъ святая не хотѣла услышать его молитвы. И, видя, что ничто не помогаетъ, онъ заплакалъ, зарыдалъ такъ, что козы со страху заблеяли, и Мицо, задремавшій было, проснулся.

— Что съ тобою, Христо? Что тебѣ привидѣлось во снѣ? Ты воешь, какъ...—Онъ опять не могъ придумать сравненія. А Христо только и надо было выплакать кому-нибудь свое горе; онъ взвылъ еще громче, такъ что и сосѣди услыхали.

И съ любопытствомъ пришли взглянуть, въ чемъ дѣло: и Ставро, торговавшій на рыбномъ рынкѣ жареными каштанами—въ тѣ дни, когда онъ не лежалъ въ больницѣ и не харкалъ кровью,—и шарманщикъ Яни, бродившій по городу со своимъ ящикомъ, клянча милостыни, и Якомина, опытная женщина, всегда знавшая, когда дѣвушкѣ пришла пора любить. Она давно уже закинула глазокъ на Арету, и у нея сердце разрывалось, что такая красотка пропадаетъ даромъ у стараго ворчуна-гитариста Христо.

Теперь они всѣ стояли передъ рыдающимъ старикомъ—Мицо посрединѣ, выпучивъ отъ изумленія глаза. Якомина заговорила первая. Была она маленькая, худенькая, и слова слетали съ ея устъ легче пуха. Когда ей надо было человѣка расположить къ себѣ, она умѣла говорить съ нимъ вкрадчиво и нѣжно, но умѣла и ранить словомъ, какъ острымъ мраморнымъ осколкомъ. На

Христо она давно уже точила зубы, завидуя ему изъ-за красавицы Аретэ, для которой она знала занятіе получше, чѣмъ распѣвать пѣсни въ кабакахъ подъ аккомпанементъ дрожащихъ пальцевъ старика.

Теперь насталъ ея часъ—она угадывала, что̀ случилось. Она стала передъ Христо и съ издѣвкой засмѣялась ему прямо въ глаза.

— Что, братъ? Потерялъ свое сокровище? Измѣнила тебѣ твоя Аретэ? Слишкомъ ты, должно быть, холоденъ для нея и колючъ. А ты смотри за ней получше, за ручку ее держи, чтобъ не убѣгала. Ну да ничего, придетъ—соскучится по тебѣ. Ты вѣдь чистенькій, пригожій. Вернется, говорю, не плачь.

Мицо и Ставро, и Яни хохотали во все горло—вѣдь этакая выдумщица эта Якомина!—умѣетъ насмѣшить. И разумѣется, Христо думалъ, что они всѣ правы, разъ они всѣ смѣются. Вѣдь, иначе они не смѣялись бы. Онъ не смѣлъ глазъ поднять, такъ онъ былъ униженъ и убитъ. Ему одно кажется хорошо,—имъ—совсѣмъ другое. Всѣ думаютъ не такъ, какъ онъ. Неужто же онъ, глупый Христо, умнѣе всѣхъ людей? Якомина говорила такъ красиво. Только для него ея слова—отрава. Но онъ не смѣетъ ничего сказать... И онъ, глотая слезы, теръ кулаками глаза до тѣхъ поръ, пока они не распухли и не покраснѣли. Онъ видѣлъ, что Якомины ему не переговорить—она за словомъ въ карманъ не полѣзетъ—и, думая, что она знаетъ, гдѣ Аретэ, сталъ молить ее:

— Милая госпожа Якомина, не знаешь ли ты, гдѣ моя дѣвчонка? Дай Богъ тебѣ здоровья, золотце, скажи, дай Богъ тебѣ здравствовать много лѣтъ.

— Гдѣ-жъ ей быть? Ужъ навѣрное цѣлуется теперь съ какимъ-нибудь королевичемъ.

И опять Мицо, Яни и Ставро покатились со смѣху. Веселая баба эта Якомина! Ставро такъ смѣялся, что у него даже потъ выступилъ на лбу и онъ едва не задохся отъ кашля. Яни хлопалъ его ладонью по спинѣ; Мицо далъ пинка ногой козѣ, подошедшей слишкомъ близко. А Якомина радовалась, и чѣмъ боязливѣй и приниженнѣй обращался къ ней Христо, тѣмъ веселѣе становилось у нея на душѣ. Она нагнулась, заглянула ему въ плачущія очи и еще пуще развеселилась,—такъ они были печальны. И на радостяхъ пустилась плясать и скакать по комнатѣ. Подхватила Мицо и закружилась съ нимъ. Христо съ каждой минутой становился все мрачнѣе, а Ставро, Яни и госпожа Якомина совсѣмъ разошлись, взялись за руки и, какъ дѣти, закружились въ хороводѣ, дергая и толкая другъ друга.

Христо же поднялся со стула, опустился на колѣни и началъ молиться, сложивъ руки на груди и низко опустивъ голову, чтобъ не видѣть всего этого безобразія. Онъ не рѣшался проклинать дурныхъ друзей. Только раскачивался изъ стороны въ сторону, по временамъ вскидываясь всѣмъ тѣломъ и съ крикомъ моля Бога, чтобъ Онъ вернулъ ему Аретэ. Не богата словами была его молитва, но въ каждомъ словѣ выливались тысячи чувствъ и жаркихъ моленій. И въ то время какъ другіе, позабывъ все на свѣтѣ, хохотали, топали ногами, кричали и пѣли похабныя пѣсни, силясь перекричать другъ друга, Христо, врываясь диссонансомъ въ эту четверку веселыхъ голосовъ, только взывалъ „Аретэ!“ то съ безмѣрнымъ отчаяніемъ, то съ проблескомъ надежды, то съ яростью, то чуть слышно, голосомъ, полнымъ изнеможенія.

И среди всего этого шума, нежданно, словно чудо, вошла сама Аретэ. Никто не видѣлъ, какъ она вошла,—такъ каждый былъ захваченъ своимъ,—и замѣтили ее только тогда, когда она схватила за полу чахоточнаго Ставро, двигавшагося только по инерціи, какъ заведенная машина. Всѣ уставились на нее. Якомина перекрестилась—она была суевѣрна—точно такъ же Ставро, Яни и Мицо. И тутъ только дѣвушка увидала стоявшаго на колѣняхъ Христо, поглощеннаго своей молитвой.

Аретэ схватила его за плечо.

— Христо! Что ты дѣлаешь? Ты съ ума сошелъ!

Христо услыхалъ голосъ Аретэ, твердо увѣровалъ, что Богъ послалъ ему милость, и быстрѣе молніи очутился на ногахъ. Его словно подбросило отъ возбужденія. Онъ, навѣрное, въ жизнь свою никого не цѣловалъ. Едва ли и зналъ, какое счастье въ поцѣлуѣ. Но тутъ на него словно что нашло. Дѣвушка представилась ему ангеломъ Божьимъ, и онъ привлекъ ее къ себѣ на грудь, цѣлуя ея волосы, глаза, уста. Аретэ вырывалась и не могла вырваться,—такъ крѣпко онъ держалъ ее.

Изъ беззубаго старческаго рта на нее вѣяло запахомъ тлѣнія; она задыхалась въ объятіяхъ Христо. Сосѣди оторопѣли и стояли, какъ прикованные, вообразивъ, что въ Христо вселился самъ діаволъ. Якомина первая набралась храбрости и отняла у Христо дѣвушку; Аретэ, вся красная, съ плачемъ плюнула ему въ лицо. Но онъ не обратилъ вниманія на плевокъ, онъ видѣлъ только слезы въ глазахъ своей Аретэ. У него болѣло сердце за нее, и онъ нѣжнѣйшимъ голосомъ допытывался:

— Ты устала, моя пташечка? Набѣгалась? Притомила ножень-

ки? Соскучилась по Христо? Ну, ну, не надо, успокойся, душенька моя, сохрани Панагія твои глазыньки.

Аретэ вся облилась румянцемъ, слыша такія слова отъ Христо, и могла только выговорить:

— Глупый Христо!

Христо на радостяхъ и не разслышалъ слова: „Глупый". Слышалъ только, что она сказала: „Христо", а вѣдь Христо—это онъ, и она говоритъ съ нимъ и стоитъ передъ нимъ живая—та, о комъ онъ молился. Якомина отвела дѣвушку въ сторону. Христо увидалъ это и опять обезпокоился, какъ бы не вышло чего дурного. И вскинулся на злую женщину:

— Чего тебѣ надобно отъ дѣвки? Оставь ее въ покоѣ. Это моя дѣвка.

— Да она тебя терпѣть не можетъ. У нея есть милый, получше тебя, пригожій и богатый.

Она стояла передъ Христо, упершись руками въ бока, и хохотала ему въ лицо, шипя, какъ змѣя. Христо всегда боялся ея, но тутъ онъ набрался духу и гнѣвно, насколько умѣла гнѣваться его кроткая душа, крикнулъ непрошеннымъ гостямъ:

— Убирайтесь отсюда, сволочь! Аретэ хочетъ спать.

А Аретэ и не думала хотѣть. Она еще не остыла отъ радостнаго возбужденія и крикнула:

— Я пѣть хочу. Играй, Христо.

Мицо собирался что-то сказать, но раздумалъ, когда Аретэ подала Христо гитару. И Христо, бѣдный Христо, глупый Христо, сталъ настраивать гитару, такъ какъ этого хотѣла его дѣвочка. Не раздумывая долго, онъ спѣшилъ исполнить ея желаніе. Якомина крикнула: „Отравленную", и всѣ остальные послушно стали требовать „Отравленную". Всѣ усѣлись на полъ, гдѣ кто стоялъ. Пѣсню эту они не разъ уже слыхали и всегда плакали отъ умиленія. Веселая Якомина особенно любила ее и, какъ разъ, когда развеселится, настойчиво требовала этой пѣсни, чтобъ поплакать.

Христо ударилъ по струнамъ, и Аретэ запѣла. Она стояла, выпрямивъ станъ, уронивъ руки вдоль тѣла. Голову слегка закинула назадъ; очи съ недвижнымъ взглядомъ широко раскрыла. Потомъ вздохнула и запѣла, медленно и протяжно, пѣснь воспоминаній, въ которой каждый звукъ—словно отзвукъ былого, увядшаго, забытаго—пѣсню объ „Отравленной", о дѣвушкѣ, которая спѣла всѣ пѣсни и не хочетъ пѣть только одной—о блѣдной дѣвушкѣ, которая не снесла позора и людского суда и приняла ядъ. „Одинъ лишь стаканчикъ—и обрѣтешь ты покой".

„Дайте покой ей. Въ день воскресенiй выйдетъ она на божественный свѣтъ—блѣдныя, тонкiя руки подыметъ—такъ она скажетъ предъ Божьимъ судомъ: „Господи, въ душу мою загляни Ты,—въ раны души загляни и скажи,—была ли чиста отъ земнаго грѣха я,—достойна-ль предстать предъ небеснымъ судомъ“. Блѣдныя, тонкiя руки вздымая,—такъ она скажетъ на Божьемъ судѣ.—Дайте-жъ покой ей до дня воскресенiй,—дайте ей спать, не будите ея“.

Христо взялъ два заключительныхъ мрачныхъ аккорда. Аретэ такъ и осталась стоять съ раскрытымъ ртомъ, беззвучно дыша. Якомина перекрестилась; Ставро такъ долго удерживался отъ кашля, что весь побагровѣлъ и теперь залился такъ, что трясся всѣмъ тѣломъ. Теперь, когда тишина была нарушена, всѣ вдругъ забыли про пѣсню и печаль и снова стали прежними, жившими между собой, какъ голуби или какъ кошка съ собакой—какъ имъ Богъ на душу положитъ—или на желудокъ.

Аретэ зѣвнула, и Якомина сама заторопила другихъ уходить. Она потащила за руку Ставро, едва оправившагося отъ страшнаго приступа кашля, а Яни поплелся за ними, мурлыча себѣ подъ носъ:

„Дайте ей спать, не будите ея...“

— Доброй ночи, Аретэ, доброй ночи, Христо, доброй ночи, Мицо.

Всѣ трое вышли. Но черезъ минуту Якомина еще разъ распахнула дверь, крикнула:

— Приголубь хорошенько королевича, Аретэ. Куй желѣзо, пока горячо. Не давай ему остыть.

И убѣжала.

Мицо задулъ накоптѣвшую лампу, какъ всегда, не тратя словъ, но ясно показывая, что пора спать. Но Христо не находилъ покоя. Онъ все прислушивался и, когда услыхалъ храпѣнье Мицо, ощупью подползъ къ Аретэ. Она тоже спала. Христо неясно видѣлъ ея лицо. Ему показалось, что на устахъ ея играетъ улыбка, и когда онъ ближе наклонился къ ней, у него стало такъ свѣтло на сердцѣ, словно губы дѣвушки просили его поцѣлуя. И онъ больше не удерживался...

— Помогите! Онъ убьетъ меня. Онъ хочетъ меня задушить.

Аретэ громко кричала и била кулаками по лицу растерявшагося Христо. Мицо проснулся и вознегодовалъ, что у старика Христо еще бываютъ *такiя* желанiя.

— Заткни глотку, дѣвка. Свинья ты, Христо. Она лучшаго найдетъ, чѣмъ ты.

И сейчасъ же опять уснулъ. Христо не смѣлъ больше касаться дѣвушки. Онъ сѣлъ около нея на полу. И, чувствуя, что она еще не спитъ, сталъ просить, робко, смиренно, голосомъ, въ которомъ дрожали вся его любовь и преданность:

— Останься со мной, Аретэ; не уходи отъ меня. Не огорчай такъ Христо! будь добра, моя пташечка; будь милосердна, зоренька моя!

Аретэ оттолкнула его ногой и перевернулась на другой бокъ.

Христо снова остался одинъ со своимъ безутѣшнымъ горемъ. Всѣ сговорились похитить у него дѣвушку, не считаясь съ тѣмъ, что безъ нея онъ будетъ, какъ растоптанный цвѣтокъ. Всѣ его молитвы Панагіи не помогли... А сколько онъ молился!... Аретэ знать его не хочетъ и бѣгаетъ за другимъ. И мысль о томъ, что Панагіи не угодна его молитва, а сосѣди въ глаза смѣются надъ нимъ, колола его, какъ гвоздями въ открытыя раны. Онъ слышалъ спокойное дыханіе спящихъ Мицо и Аретэ. Онъ не сердился на нихъ и не завидовалъ; онъ только терзался тоской и печалью.

Въ комнатѣ было тѣсно и душно. Христо казалось, что онъ задохнется здѣсь. И онъ неслышно прокрался наружу.

За нѣсколько часовъ Христо такъ измѣнился, какъ будто прошли года. Еще больше исхудалъ и сгорбился и въ теплую осеннюю ночь щелкалъ зубами, словно отъ зимняго холода.

Онъ шелъ, понуривъ голову, безъ цѣли, черезъ большую площадь, на которой живетъ король, мимо мраморныхъ домовъ съ золотыми фризами. Еще много людей на площади слушали веселую музыку, вмѣстѣ съ сладкимъ дыханіемъ ночи волновавшую чувства. У женщинъ отъ этой музыки расширялись зрачки; мужчины глубже втыкали трости въ песокъ. Ночныя бабочки и моли летѣли на свѣтъ и умирали отъ наслажденія.

И бѣднота также силилась взять свою долю счастья. И, бродя отъ столика къ столику, прикалывала красивымъ дамамъ нарциссы къ безмятежной груди и зорко высматривала, не бросилъ ли кто мѣдной монеты. Разносчики во всю глотку выхваляли свой товаръ. А Христо среди всего этого оживленія бродилъ истерзанный и безучастный, ничего не видя и не слыша. Онъ крался мимо шумныхъ дворцовъ, мимо красивыхъ, богатыхъ домовъ. Изъ одного доносилось пѣніе. Пѣли „Отравленную“. Аретэ и барышня въ шитомъ золотомъ платьѣ — у обѣихъ одна и та же пѣсня. Одна потомъ уляжется на пуховой постели, на шелковыхъ подушкахъ, разливая около себя благоуханіе и счастье. А другая, *его* дѣвушка, прогнала его потому, что... потому что ей тоже хочется имѣть пуховую постель и шелковыя подушки.

Христо, собственно, никогда еще не слыхалъ какъ слѣдуетъ этой пѣсни. Онъ всегда аккомпанировалъ и слѣдилъ только за своей игрой. И теперь она такъ хватила его за душу, что онъ заплакалъ. „Бѣлыя, тонкія руки вздымая...“ донеслось изъ окна— и вдругъ пѣсня оборвалась... Христо сталъ на фундаментъ рѣшетки, чтобы заглянуть въ ярко освѣщенныя окна, и увидалъ за роялемъ даму. Нагнувшись надъ нею, сзади стоялъ молодой человѣкъ и цѣловалъ ее въ лобъ. *Его* прогнали за то, что онъ хотѣлъ поцѣловать свою дѣвочку, а эта вонъ—въ восторгѣ...

Бѣдный Христо! Ему хотѣлось выколоть себѣ глаза объ острые прутья рѣшетки, чтобъ не найти потомъ дороги обратно къ Аретэ и ходить слѣпому по дворамъ, прося милостыни, и въ концѣ-концовъ зайти въ такое мѣсто, гдѣ вовсе нѣтъ людей, и издохнуть гдѣ-нибудь съ голоду, совсѣмъ одному, всѣми забытому... Но въ это время луна состроила ему насмѣшливую рожу, какъ бы говоря: „Не для тебя это. Неудачникъ ты, Христо. Тебѣ ни въ чемъ не везетъ. Вотъ увидишь: тебя найдутъ и будутъ милосердны къ тебѣ, и будутъ кормить тебя“... Христо готовъ былъ стиснуть кулаки отъ злости,—такъ завидно ему было счастье тѣхъ двоихъ. Но онъ умѣлъ только любить, а ненавидѣть не умѣлъ, и потому поплелся дальше, еще болѣе унылый и удрученный.

За нарядными дворцами дорога идетъ въ гору, на вершину Ликабетто, гдѣ стоитъ церковь Панагіи, охраняющей Аѳины отъ болѣзней, когда портится вода. Дорога эта обсажена широколистыми агавами, а на поляхъ сбоку стоятъ молоденькія, тщедушныя елочки, словно хилыя дѣти.

Луна заглядывала во всѣ углы и щели и сквозь мокрыя отъ слезъ рѣсницы Христо въ его распухшіе глаза. Христо ни о чемъ не думалъ, и въ то же время въ душѣ его былъ цѣлый міръ мыслей. Если-бъ теперь ему повстрѣчался парень, крадущійся къ своей возлюбленной, онъ перекрестился бы и въ суевѣрномъ страхѣ сдѣлалъ бы огромный крюкъ, чтобъ обойти это пугало.

Бѣдный Христо! ты внушаешь только страхъ дѣвушкамъ, распаленнымъ страстью, и статнымъ паликарамъ, которые въ другое время стоятъ, задорно растопыривъ ноги и вызывающе закинувъ голову. А дѣвочка твоя теперь спитъ и грезитъ во снѣ о своемъ миломъ и милуетъ его на своей груди, а тебя оттолкнула, съ презрѣніемъ отпихнула ногой... Если-бъ она не сдѣлала этого, онъ не ушелъ бы изъ дому. Онъ надумался бы и нашелъ бы нужныя, ласковыя слова, рѣчи, которыя проникли бы ей въ сердце и заполнили его цѣликомъ, пока... Мимо, мимо!...

Онъ стоялъ у запертой церковной двери. И молился:

„Сладчайшая Панагія, Владычица, Мати Пресвятая. Ты вѣдь слышишь молитву и сквозь затворъ и желѣзо. Не отнимай у меня моей Аретэ! Я буду ее беречь и лелѣять, какъ Ты своего Сына...“

Въ мысляхъ онъ видѣлъ передъ собою Владычицу, смотрѣвшую на него изъ золоченой ризы бриллiантовыми глазами, и золотая корона на ея головѣ слегка дрожала, какъ будто она наклоняла голову. Ея серебряныя руки были сложены на груди... Но вотъ переплетенные пальцы разжались, и одну руку, сладостную, какъ бальзамъ утѣшенія, она благословляюще возложила на его голову. А луна смотрѣла на него и ужъ не ухмылялась. И ночь смотрѣла, и колокола на сосѣдней башенкѣ съ недвижными языками. Луну ужъ, должно быть, клонило ко сну. Густыя рѣсницы ея то и дѣло смыкались, и она зѣвала, такъ широко раскрывая ротъ и надувая толстыя щеки, что вся окутывалась темнымъ паромъ дыханія.

Христо смотрѣлъ, и ему мерещилось, что тамъ, на лунѣ, стоитъ Аретэ и манитъ его къ себѣ.

— Услышь меня, Владычица! Возврати мнѣ Аретэ. Она уже на небесахъ. Какъ же мнѣ прійти къ тебѣ, Аретэ? Звѣздочка моя, душенька небесная! какъ же мнѣ добраться до тебя? ты такъ высоко. Ты говоришь—полетѣть? Хорошо. Я стану на стѣну. Поддержи меня, Марія, на небесныхъ крылахъ Твоихъ... Иду, иду, Аретэ!

И, шепча это, Христо ринулся въ бездну. И, падая, думалъ, что летитъ на небо. И, когда разбился тѣломъ о камни, душою былъ на лунѣ въ обителяхъ Панагіи.

II.

Ставро, Мицо и Яни стояли у открытой могилы Христо, и на душѣ у нихъ было тяжело и печально. Они плакали такъ, что у всѣхъ трехъ пораспухали глаза, и сокрушенно указывали другъ другу на Аретэ, которая стояла на колѣняхъ у могилы, безвольно бросая туда комочки земли. Отъ этого занятія оторвала ее госпожа Якомина. Госпожа Якомина была въ глубокомъ траурѣ. На ней было надѣто черное шелковое платье съ пышными буфчатыми рукавами. При каждомъ ея движеніи слышался таинственный аристократическій шелестъ шелка, говорившій, какъ выгодно быть въ дружбѣ съ женщиной, которая можетъ покупать за наличныя такія дорогія платья.

Госпожа Якомина, перекашивая ротъ то вправо, то влѣво, на-

шептывала Аретэ, что она любитъ ее, какъ родную дочь, что она скорѣй дастъ отрубить себѣ палецъ, чѣмъ обидитъ чѣмъ-нибудь розовенькую, душистую, что персикъ, Аретэ,—но Аретэ и слушать не хотѣла.

— Аретэ,—говорила госпожа Якомина шепотомъ, чтобъ другіе не слыхали, хоть они и навострили уши, — не будь дурой, Аретэ. Пойдемъ со мной. Вытри слезы, Аретэ, умойся; натри щечки розовой водой, чтобъ онѣ были румяныя, какъ яблочко, чтобъ твоему королевичу сладко было цѣловать ихъ. Что ты все: „Христо“ да „Христо“? Вѣдь не ты же свела его въ гробъ. Самъ онъ легъ туда, подталкиваемый своимъ безуміемъ. Господь покаралъ его за то, что онъ такъ долго томилъ тебя въ нищетѣ. Да приди же ты въ разумъ, Аретэ, послушай меня. Ты у меня царицей будешь жить. Я тебѣ вдѣну въ уши жемчужныя серьги и золотыми цѣпочками увѣшаю тебя. Аретэ, Аретэ! Ты слышишь, Аретэ?

Но Аретэ не слушала. Она ненавидѣла Якомину, хитрую, льстивую, нашептывавшую ей на ухо рѣчи соблазна. Она молила Спасителя, чтобъ Онъ не далъ ей впасть въ искушеніе и забыть, какъ она обидѣла бѣднаго Христо; ей хотѣлось ногой оттолкнуть отъ себя Якомину, эту проклятую сводницу. Дѣвушка вся дрожала отъ волненія, клялась мертвому Христо въ вѣчной вѣрности и вѣчномъ раскаяніи...

Но не прошло и недѣли со времени похоронъ Христо, какъ госпожа Якомина добилась чего хотѣла.

— Что пользы печалиться?—разсуждала Аретэ,—портить себѣ глаза и румянецъ слезами? Чѣмъ имѣть синіе круги подъ глазами, лучше носить золотыя кольца на пальцахъ и жемчужныя подвѣски въ ушахъ и быть радостью очей для богатыхъ молодыхъ барчуковъ, которые ходятъ за мною слѣдомъ и молятъ моей ласки.

Госпожа Якомина берегла Аретэ, какъ зѣницу ока. Аретэ накупила ей еще много нарядныхъ шелковыхъ платьевъ—та самая Аретэ, которая когда-то собирала мѣдяки по трактирамъ. Чахоточному Ставро она купила цѣлое *око* чаю. Всѣ ее на рукахъ носили, въ глаза смотрѣли, не знали, какъ угодить—и Мицо, и Ставро, и вся компанія.

Такъ шло съ полгода, и всѣ они думали, что Аретэ сдѣлаетъ ихъ богачами, и они будутъ только роскошествовать, ничего не дѣлая. Они теперь только и мечтали, что о кованыхъ желѣзныхъ сундукахъ, гдѣ они будутъ хранить свое золото и государственныя бумаги съ такими крупными цифрами, что ихъ и не прочесть.

Но Аретэ обманула ожиданія своихъ друзей.

Ей наскучили вѣчныя забавы, непрерывное веселье. Захотѣлось отдохнуть, побыть наединѣ съ самой собой, подумать... Нерѣдко, когда ей противъ воли приходилось быть веселой, а сквозь насильно вызванное радужное настроеніе пробивалась мысль о Христо, когда надо было смѣяться, а на сердцѣ такія кошки скребли, что она готова была броситься на кровать, уткнуться головой въ подушки и рыдать безъ конца... у нея жестоко разстраивались нервы.

Она думала о томъ, что смѣшно и жалко тратить жизнь на то, чтобъ только притворяться веселой и радостной; но когда она довѣрчиво шепотомъ повѣдала свои тайныя мысли госпожѣ Якоминѣ, та высмѣяла ее и посовѣтовала ей выбить дурь изъ головы. И волей-неволей Аретэ пришлось одной вѣдаться со своею дурью.

Но этой затаенной муки она не выдержала и, когда ей стало уже совсѣмъ невмочь, она въ долгіе мучительные дни и въ безсонныя ночи стала думать, какъ бы ей спастись. И загрустила. Разогнала лучшихъ друзей своихъ, и госпожа Якомина добросовѣстно прилагала всѣ старанія, чтобъ оживить бѣдный сломанный цвѣточекъ.

Это она продѣлывала съ отчаянной настойчивостью до тѣхъ поръ, пока однажды утромъ не слегла въ постель, корчась отъ нестерпимой боли. Позванный врачъ констатировалъ отравленіе, и лишь черезъ нѣсколько недѣль поставилъ ее на ноги.

Госпожа Якомина всячески ругала и проклинала Аретэ. Ея друзья добродѣтельно негодовали и сконфуженно утѣшали ее, ибо всѣмъ имъ, такимъ добрымъ, что и паршивая собака внушала имъ состраданіе, пришлось пережить униженіе—быть свидѣтелями на судѣ, куда потащили Аретэ.

И тутъ, послѣ краткаго допроса, эта опасная дѣвица созналась, что это она приготовила ядъ и всыпала его въ супъ своей мучительницѣ, ангельски доброй Якоминѣ.

Такъ какъ она открыто созналась въ своей винѣ и не выказала никакого раскаянія, наоборотъ, высоко держала голову и гордо поглядывала сверху внизъ на Якомину, ей скоро пришлось раскаяться въ своемъ высокомѣріи. Въ качествѣ уличенной и опасной отравительницы она была посажена на пять лѣтъ въ тюрьму.

Здѣсь у нея было достаточно досуга одуматься и все припомнить. Она вся предалась воспоминаніямъ и мечтамъ о томъ счастливомъ днѣ, когда ее освободятъ и она будетъ снова пѣть наперегонки съ птичками и сможетъ смыть съ себя всю грязь,

прилипшую къ ней въ домѣ госпожи Якомины. Пять лѣтъ подрядъ она жила лишь своимъ внутреннимъ міромъ, міромъ дивныхъ откровеній.

И чѣмъ ближе придвигался день, когда она должна была переступить порогъ тюрьмы и снова безраздѣльно принадлежать самой себѣ, тѣмъ крѣпче врастало въ ея душу горячее желаніе забыть, забыть и стать совсѣмъ иною, чѣмъ она была. Но что такое человѣческое желаніе?—Оно не сильнѣе пылинки среди морскихъ валовъ.

III.

Праведная Аретэ.

Выйдя изъ воротъ женской тюрьмы въ Аѳинахъ, Аретэ плотнѣй закуталась въ теплый шерстяной платокъ, ибо воздухъ мартовскаго утра былъ холоденъ и сыръ, и солнце еще не успѣло какъ слѣдуетъ прогрѣть его. Аретэ вся дрожала—впервые послѣ долгихъ лѣтъ она была на свободѣ. Глядѣла на солнце и не могла наглядѣться, пока слезы не полились изъ глазъ. Ахъ! быть на свободѣ, быть самой себѣ госпожею, не тосковать весь день-деньской по волѣ—какое счастье! Если-бъ она только знала, что ей дѣлать со своей свободой...

На душѣ у нея было такъ свѣтло. Пѣсня сама рвалась изъ груди. И она запѣла громко, и звонкая пѣсня понеслась межъ масличныхъ деревьевъ, которыми была обсажена дорога. Потомъ побѣжала, перепрыгивая черезъ камни, канавы и цвѣты, растущіе въ изобиліи у дороги, и бѣжала, пока не запыхалась и не согрѣлась. А тогда сорвала съ себя платокъ и принялась размахивать имъ по воздуху такъ весело, что торговцы на овощномъ рынкѣ съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее, и даже лѣнивые продавцы жареныхъ каштановъ подбодрились и повеселѣли.

Только когда кто-то шутя бросилъ ей въ лицо пригоршню бобовъ, Аретэ пришла въ себя и замѣтила, что она уже не у стѣнъ Акрополя, а въ городѣ. Она сконфузилась и поскорѣй шмыгнула въ сосѣдній переулокъ, гдѣ оправила платье и кой-какъ пригладила растрепавшіеся волосы. Ибо она поклялась себѣ, что теперь она не допуститъ въ себѣ никакой распущенности и будетъ жить, какъ праведница. За пять лѣтъ сидѣнія въ тюрьмѣ она все время пламенно убѣждала себя, что ей необходимо и что она хочетъ бросить грѣховную жизнь. Теперь время искупленія и покаянія миновало, начинается праведное житіе.

Внезапно рѣшившись, Аретэ поднялась на ближайшее крыльцо и постучала въ дверь. Ей крикнули: „Войдите“. Она вошла и увидѣла молодую женщину, которая мыла въ корытѣ ребеночка.

— Съ добрымъ утромъ, госпожа. Пошли Панагія все доброе твоему мальчику.

Юная мать вытерла барахтавшагося мальчугана, завернула нѣжное тѣльце его въ простынку и положила его въ колыску, причемъ ребенокъ такъ кричалъ, что мать едва ли слышала слова привѣта. Только когда крикъ младенца перешелъ въ отрывистое всхлипываніе, и затѣмъ ребенокъ уснулъ, тогда только женщина повернулась къ Аретэ.

— Съ добрымъ утромъ. Чего тебѣ?

— Я хочу стать святою, госпожа.

Женщина торопливо осѣнила себя крестнымъ знаменіемъ, поцѣловала образокъ Богородицы, висѣвшій у нея на груди, и испуганно спросила:

— Чего ты хочешь? Стать святой?

Аретэ утвердительно кивнула головой.

— Я тебя не понимаю,—продолжала набожная мать.—Вся ты какая-то растерзанная, щеки твои пылаютъ. Откуда ты пришла?

— Не спрашивай меня, откуда я. Возьми меня къ себѣ, если можешь, и дай мнѣ пристанище.

Женщина сердито покачала головой.

— Развѣ ты не видишь, какъ бѣдно мы живемъ? У насъ еле хватаетъ на насъ самихъ; мы не въ состояніи держать прислуги.

Теперь только въ Аретэ поколебалась ея смутная увѣренность. Не отвѣтивъ ни слова, она повернулась и ушла. Очевидно, стать святой не такъ легко, какъ она представляла себѣ. Но, должно быть, она просто не туда попала. Вокругъ Псири живутъ преимущественно бѣдняки, а имъ, конечно, не подъ силу взять къ себѣ чужого человѣка, одѣвать и кормить его.

Она пойдетъ въ кварталы, гдѣ живутъ богатые, постучится въ блестящія металлическія двери. Вѣдь богатые такъ сострадательны: они ближе душою къ небесному милосердію, чѣмъ бѣдняки. Иначе они не были бы такъ богаты. Эти уже не оставятъ ея своей милостью. Аретэ шла медленно, придумывая смиренную и вкрадчивую рѣчь, съ которой она обратится къ нарядной госпожѣ. Она шла черезъ площадь Конституціи, которая была еще безлюдна. Только двое *люстри* (чистильщики сапогъ) гонялись другъ за другомъ. Но Аретэ было не до игръ.

Солнце свѣтило теперь ярко, и солнечный свѣтъ ложился свѣтящимися брилліантовыми жилками на мраморъ стѣнъ.

Аретэ была, какъ очарованная, отъ этого сказочнаго блеска. Въ тюрьмѣ всегда было темно. Кто скучалъ по свѣту, тотъ могъ только воображать его себѣ, закрывъ глаза. А здѣсь чистый небесный свѣтъ лился прямо въ жадно раскрытыя очи, проникая въ самую глубину сердца. И сердце еще сильнѣе билось, требуя чистой, благочестивой, праведной жизни.

Аретэ думала: богатые, должно быть, уже на землѣ ангелы Божьи, разъ имъ дозволено жить въ такихъ чудесныхъ мраморныхъ дворцахъ. Но тутъ же вспоминала знакомыхъ ей богачей, которые были очень дурными людьми, и не умѣла примирить этихъ противорѣчій. Все равно, она пойдетъ къ богатой и кроткой душой госпожѣ, падетъ передъ ней ницъ, уничиженная, какъ Магдалина передъ Христомъ, и скажетъ ей такъ: „Госпожа, я великая грѣшница, я предалась пороку". И закроетъ глаза, чтобы не видѣть гнѣвнаго взора своей исповѣдницы, и будетъ слушать только внутренній голосъ, изъ глубины души шепчущій ей: „Скажи ей все; разскажи и о тягчайшемъ своемъ грѣхѣ, приведшемъ тебя въ тюрьму". И, исповѣдавшись во всѣхъ своихъ грѣхахъ, она падетъ ницъ передъ госпожей и прижметъ къ губамъ край ея платья.

И, какъ Христосъ надъ мытаремъ, такъ добрая госпожа нагнется надъ ней, возьметъ ее за руку, подниметъ и велитъ служанкѣ принести ей чистыя бѣлыя одежды. И такъ, подъ вѣрною защитой начнется праведная жизнь, къ которой она стремится всѣми помыслами.

Хорошо было бы, если бы Пресвятая указала какимъ-либо знаменіемъ, гдѣ Аретэ искать своего счастія. Она возвела очи къ небу, но увидѣла только флюгеръ, весело вертѣвшійся на золоченой башенкѣ. И приняла это за желанное знаменіе.

Желѣзныя рѣшетчатыя ворота были только притворены, не заперты. На плитахъ преддверія была выложена мозаикой картина: лошадь съ человѣческою головою, центавръ, похищающій молодую женщину, которая вырывается и отчаянно бьется у него въ рукахъ. Аретэ суевѣрно отшатнулась. Языческая картина передъ домомъ, въ которомъ она хотѣла вести праведную жизнь. Неужели же она опять не туда попала? Нѣтъ, это Святая Дѣва только испытываетъ ее, чтобы провѣрить, вправду ли она, не на шутку, раскаялась. Она перекрестилась и обошла картину сторонкой. Потянула за ручку звонка и прислушалась. За дверью все было тихо. Аретэ позвонила еще и еще разъ. Наконецъ, вышелъ слуга, заспанный, полуодѣтый.

— Чего тебѣ?—сердито освѣдомился онъ.

— Мнѣ надо говорить съ твоею госпожей.

— Моя госпожа еще спитъ.

Вѣрно. Аретэ и забыла, что еще очень рано. Добрая госпожа еще спитъ, и ангелы Божьи стерегутъ ея сонъ. Застѣнчиво и тихо она попросила:

— Не можешь ли ты разбудить свою госпожу? У меня очень спѣшное дѣло. Я должна безотлагательно поговорить съ ней.

Слуга смѣрилъ глазами дѣвушку съ ногъ до головы, съ тѣмъ зоркимъ вниманіемъ къ внѣшности, которое свойственно людямъ его званія, и разсмѣялся.

— Ты хочешь говорить съ моею госпожей? Да ты взгляни на себя. Ты думаешь, у моей госпожи только и дѣла, что разговаривать съ такими шлюндрами? Вѣдь ты вся въ сажѣ и въ грязи. Гдѣ ты такъ вымазалась и что тебѣ надо отъ моей госпожи?

Аретэ совершенно растерялась. Она могла только пробормотать:

— Ступай, *Аффендаки му* (милый господинъ мой), и скажи твоей госпожѣ, что мнѣ очень нужно ее повидать. Ты только поди, ужъ она сама позоветъ меня.

— Да ты кто такая?

— Кто я такая? Аретэ, которая хочетъ стать праведной. Ты такъ и скажи госпожѣ, что ее дожидается Аретэ, которая хочетъ стать праведной.

Слуга громко расхохотался.

— Ахъ, вотъ оно что! Ты сумасшедшая. Ну, погоди же, вѣдьма, вотъ я возьму палку и проучу тебя, такъ будешь помнить, какъ изъ-за своихъ глупостей будить чужихъ людей.

Онъ грубо вытолкалъ дѣвушку и захлопнулъ за нею дверь.

Аретэ застонала, а душа ея молилась: „Зачѣмъ, о, Панагія, ты мнѣ велишь такъ долго ждать? Поди же Сама къ госпожѣ и скажи ей, чтобы она приняла меня въ домъ свой. Вѣдь мнѣ же нуженъ кровъ и пріютъ. Иначе я не могу стать Твоей. А мнѣ такъ хочется стать Твоей. Вѣдь и Ты тоже хочешь этого? Развѣ нѣтъ?“

Въ городскихъ церквахъ и часовняхъ зазвонили въ колокола къ утренѣ. „Что ты говоришь, Панагія? Еще не время? Но когда же, когда? Велишь мнѣ ждать здѣсь, пока меня позовутъ въ домъ?“

Густой, протяжный звонъ съ колокольни большого собора разносился по всѣмъ направленіямъ. Колокола поменьше звонко перезванивались въ тонъ. И Аретэ казалось, что сама Панагія

поетъ ей пѣснь утреннюю и вмѣстѣ съ нею хоры небесныхъ ангеловъ. Въ прежнее время она подняла бы шумъ, насильно ворвалась бы въ домъ. Но теперь она даже не разсердилась, а только покорно сѣла на порогѣ, дожидаясь, когда настанетъ время предстать ей передъ госпожей. Въ томъ же, что госпожа призоветъ ее къ себѣ и что за этими мраморными стѣнами ждетъ ее счастіе, Аретэ была крѣпко увѣрена. И, облокотившись головою на руку, она стала мечтать о томъ, какъ это будетъ, когда она омоется отъ всякаго грѣха и станетъ праведной.

Въ этихъ мечтахъ она уснула и проснулась только отъ грубаго толчка въ бокъ. Передъ нею стоялъ тотъ же слуга.

— Проваливай ко всѣмъ чертямъ. Чего ты тутъ торчишь? Убирайся отсюда, здѣсь намъ сумасшедшихъ не нужно.

Аретэ вскочила на ноги.

— Госпожа твоя уже проснулась, *Аффендаки му?* Поди, скажи ей, что сама Панагія посылаетъ меня къ ней.

— Ахъ ты, с....а дочка, да въ тебя и вправду бѣсъ вселился. Прочь, говорю тебѣ.

Онъ грубо схватилъ Аретэ за руку и выволокъ ее на улицу. Потомъ притворилъ рѣшетку и задвинулъ засовъ изнутри.

— Неужто же я не туда попала?—воскликнула Аретэ.

— Нѣтъ, не туда,—расхохотался слуга.—Сумасшедшій домъ вонъ тамъ, возлѣ Патиссіи.

И отошелъ отъ воротъ.

Это было горькое разочарованіе. Но вѣдь путь къ праведности всегда усѣянъ терніями,—значитъ, нечего падать духомъ, какъ бы больно ни было ногамъ отъ колючекъ.

До самаго полудня ходила Аретэ по домамъ богачей, ища себѣ пристанища. Солнце поднималось все выше и выше. Отъ жары потъ выступалъ на лбу. Пыль осѣдала на лицѣ и на волосахъ, придавая всему противный, запущенный видъ. И отовсюду ее гнали снова на полдневный зной. Никто не пожалѣлъ ея, никто не выслушалъ.

Аретэ со злобой стиснула виски кулаками и затѣмъ изо всей силы ударила ими о желѣзную рѣшетку, такъ что кровь брызнула изъ разбитыхъ пальцевъ. Это облегчило ее. Ахъ, какъ облегчило, словно отбавило накипѣвшей жизненной силы. И не такъ уже ныло и горѣло сердце. Но всетаки грудь такъ палило и жгло внутри, что Аретэ казалось, она сейчасъ умретъ. И, разумѣется, это было бы для нея самое лучшее.

Если Святая Дѣва не хочетъ знать ея, отталкиваетъ ее отъ себя, значитъ, она проклята и нѣтъ ей прощенія. Значитъ, ни-

когда уже она не можетъ стать святой и праведной. Въ такомъ случаѣ ей надо вернуться къ Якоминѣ... Нѣтъ, лучше смерть!...

Передъ университетомъ веселыми группами стояли студенты. Аретэ подкралась къ нимъ, но не нашла знакомыхъ. Впрочемъ, и то—вѣдь прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она кутила съ молодыми господами. Тогда у нея было гдѣ обогрѣться въ холодъ и гдѣ найти прохладу въ зной. А теперь... нѣтъ, нѣтъ, она не хочетъ думать объ этомъ...

Если-бъ только можно было убить воспоминанія!... Съ глубокимъ вздохомъ взмолилась она къ небу о томъ, чтобы въ ней умерла память о прошломъ. И, однако же, не могла оторвать глазъ отъ молодыхъ людей. И нарочно потерлась плечомъ объ одного,—можетъ быть, для того только, чтобы вдохнуть въ себя запахъ душистой воды, которой онъ сегодня умывался. Студентъ обернулся и бросилъ раскраснѣвшейся, запыленной дѣвушкѣ мѣдную монету. Но Аретэ не протянула руки, и монета упала на землю.

Студентъ засмѣялся.

— Ты что же, не умѣешь ловить? Надо быть попроворнѣй.

И снова подбросилъ на воздухъ монету, которая со звономъ упала на камни. Аретэ, вся горя, напряженно слѣдила за каждымъ его движеніемъ. На мигъ у нея явилось желаніе, чтобы юноша положилъ ей руку на лобъ,—ей казалось, что тогда она немного успокоится. Но тотчасъ же она вся содрогнулась и бросилась бѣжать, какъ будто за ней гнались.

„Нѣтъ, нѣтъ! я хочу стать праведной“, твердила она себѣ и бѣжала по Университетской улицѣ къ площади Согласія.

Въ горлѣ у нея пересохло отъ жары и лихорадочнаго возбужденія. Но у нея не было ни гроша даже на то, чтобы напиться, и ни единаго человѣка, который бы ей помогъ. Протянуть руку за милостыней, какъ вонъ тѣ старухи съ слезящимися, распухшими глазами, которыя клянчатъ о подачкѣ у каждой незакрытой двери?—Навѣрное, и ей кто-нибудь бросилъ бы монетку.

Она стояла теперь на одной ступени съ отвратительными калѣками, съ хромыми и слѣпыми, съ сумасшедшими и оборванцами, питающимися благотворительностью богачей. Всѣ прочіе оттолкнули ее отъ себя—оставалось только смѣшаться съ этими отщепенцами. Но при этой мысли ей стало такъ противно, что она не могла рѣшиться: лучше ужъ терпѣть голодъ и жажду, чѣмъ принять на себя такое униженіе. Она была еще не совсѣмъ сломлена.

Она еще стояла, шатаясь, какъ тростникъ подъ вѣтромъ. Но

силы сопротивленія у нея оставалось ужъ не много. Куда дѣвалась гибкость ея движеній, плавная ритмическая поступь? Устало, едва волоча ноги, плелась она впередъ. Потомъ, выбившись изъ силъ, упала на скамью въ королевскомъ саду и мгновенно уснула.

Въ часы, когда спадаетъ зной, аѳинская аристократія любитъ прогуливаться передъ стариннымъ храмомъ Зевса, въ бывшемъ паркѣ императора Адріана. Оттуда видно, какъ гаснутъ послѣдніе лучи заката на зубцахъ Парѳенона, какъ солнце, словно истекая кровью, погружается въ море, а на небѣ громоздятся одинъ на другой огненные дворцы изъ облаковъ.

Вся городская нищета подъ вечеръ также выползаетъ изъ своихъ норъ и берлогъ. Въ часы, когда спадаетъ зной и вѣетъ вечерней прохладой, сердца умягчаются и люди охотнѣе подаютъ нищимъ.

Аретэ пробудилась, вся дрожа отъ холода. Раньше она такъ разгорѣлась отъ ходьбы и волненія, что ей казалось, все тѣло ея пылаетъ. А теперь вечерній вѣтеръ леденилъ ее. Если-бъ только у нея хватило духу, какъ другіе нищіе, вопить, бросаться поперекъ дороги и хватать за платье прохожихъ, чтобъ добиться отъ нихъ подачки!... Но ей было стыдно: она не смѣла сказать, что у нея языкъ прилипъ къ гортани отъ голода и жажды. Она все надѣялась, что Дѣва Марія сотворитъ для нея чудо. Только эта надежда и поддерживала ее.

Мимо нея шла парочка—оба молодые, красивые. Не замѣчая ничего вокругъ, они смотрѣли только другъ на друга, жадно впивая въ себя слова и взгляды, какъ пчелы медъ. Аретэ не могла оторвать глазъ отъ этой парочки—столько въ ней было радости и доброты. Навѣрное, это Панагія послала ей навстрѣчу эту юную чету, чтобъ оказать ей милость. Это—нѣжные и исполненные любви гонцы Дѣвы Маріи, которые должны привести ее къ Пречистой. Робко и смиренно надлежитъ ей приблизиться къ небеснымъ посламъ и облегчить имъ исканія.

Она вышла изъ-за лавроваго куста и подошла къ влюбленнымъ. И заглянула въ глаза господину и прекрасной госпожѣ. Можетъ быть, они и безъ словъ узнаютъ ее?... Но влюбленные были слишкомъ поглощены другъ другомъ и не обратили вниманія на трепетную дѣвушку.

Тогда Аретэ тихо выговорила:

— Возьмите же меня съ собой, не заставляйте долго ждать.

Отвѣта не было. Тогда Аретэ схватила за руку молодую госпожу.

— Я больше не могу!...—промолвила она дрожащимъ голосомъ.

Молодая женщина слегка вскрикнула и выдернула руку, а спутникъ ея оттолкнулъ въ сторону навязчивую нищую.

Она простонала:

— Когда же, Панагія? когда же, наконецъ? Все еще нѣтъ?...

И еще безотраднѣй стало у нея на душѣ. Надежда умерла въ ней. Никакой опоры у нея больше не было, не было за что ухватиться; ей казалось, что все рушится вокругъ нея, рушится всякая надежда на спасеніе—она всѣми брошена, забыта, отвергнута и одинока.

Вечернія тѣни ложились на землю; улицы пустѣли. Лишь отдѣльныя влюбленныя парочки бродили при свѣтѣ всходившей луны. Душа Аретэ теперь совсѣмъ увяла. Она уже не думала о праведности; образъ Дѣвы Маріи поблекъ въ ея душѣ, вѣра въ возможность неба на землѣ угасла. Она сознавала только одно, что погибаетъ отъ голода и усталости. Если-бъ ей дали сытно поѣсть и выпить чего-нибудь укрѣпляющаго, она почувствовала бы себя, какъ въ раю.

Аретэ повалилась наземь и распростерла руки, взывая къ прохожимъ, какъ послѣдній шелудивый нищій:

— Умилосердитесь! Имѣйте жалость! Да пошлетъ вамъ Панагія, вашимъ дѣтямъ и дѣтямъ дѣтей вашихъ все свѣтлое и радостное. Лишь удѣлите мнѣ крупицу милости, бросьте подачку отъ щедротъ своихъ!

Но теперь ужъ некому было слушать ее. Улицы точно вымерли. И ея мольбы раздавались напрасно среди ночной тишины. Только двѣ мѣдныхъ монетки бросили ей. Но на нихъ нельзя было насытиться.

И тутъ, пока Аретэ валялась въ пыли и молила напрасно, такъ какъ никто не слыхалъ ея моленій, въ ней сломлено было послѣднее сопротивленіе. Теперь на нее достаточно было подуть, чтобъ опрокинуть ее. И этимъ дуновеніемъ была бѣглая мысль,—раньше эта мысль была для нея страшнѣе смерти; теперь она ее вернула къ жизни—Якомина поможетъ ей.

Не помня себя, Аретэ помчалась къ хорошо знакомому дому и постучалась. Якомина сама отворила ей. Черты ея еще больше заострились, еще больше злости свѣтилось въ глазахъ; еще ядовитѣе стали рѣчи, которыми она способна была вынуть у человѣка душу, если этотъ человѣкъ былъ ненавистенъ ей. Въ темнотѣ она не сразу узнала Аретэ. Только когда дѣвушка заговорила, она вскинулась:

— Что тебѣ надо отъ меня?

— Пріюти меня, золотце, я устала до смерти и озябла. Я с утра ничего не ѣла.

Якомина подошла къ ней ближе.

— Какая ты стала робкая, Аретэ! Слово нейдетъ съ языка Словно дитя въ пеленкахъ. А прежде, бывало, какая была гор дячка, когда...

Аретэ зарыдала.

— Не поминай этого, госпожа Якомина. Я вѣдь за это пят лѣтъ отсидѣла. Будетъ ужъ тебѣ меня попрекать. Прости. Впуст меня поскорѣе. На улицѣ такъ холодно.

— Я тебя не выгоняла. Ты сама ушла, сама того хотѣла.

— Ты права, права. Но теперь имѣй состраданіе. Я пришл сюда, чтобы вымолить у тебя прощеніе.

Якомина засмѣялась.

— Вымолить у меня прощеніе? Я тебя не звала.

Аретэ протянула руки къ безпощадной женщинѣ. И при этом нечаянно коснулась ея лица. Та яростно накинулась на дѣвушку

— Прочь руки! Не смѣй трогать меня. Ты, вѣрно, хочешь за душить меня. Пфуй! сколько на тебѣ налипло грязи.

— Чѣмъ же я виновата?—плакала Аретэ.—Я цѣлый день был на улицѣ. Прими меня къ себѣ. Ты увидишь, руки у меня опят станутъ мягки и бѣлы.

Якомина вспомнила былыя времена и нѣсколько смягчилас

— Войди во дворъ; здѣсь въ темнотѣ я не вижу тебя как слѣдуетъ.

Мгновеніе Аретэ колебалась. Какъ молнія, въ душѣ ея снов блеснуло желаніе стать праведной. Если она переступитъ порог Якомины, путь спасенія для нея закрытъ навсегда. Но путь этот все равно надо оставить, ибо по немъ она никогда не дойдет до цѣли—только обезсилѣетъ окончательно, зачахнетъ и умрет А смерти она еще боялась. Для этого кровь ея была слишком горяча, слишкомъ много желаній кипѣло въ груди.

Она стала во дворѣ, подъ фонаремъ. Якомина взоромъ зна тока оглядѣла свою бывшую любимицу. Долго соображала что то, высчитывала и прикидывала и, наконецъ, разочарованно по качала головой.

— Сколько времени ты тамъ просидѣла?

— Пять лѣтъ.

— Не можетъ быть. Навѣрно, больше.

— Нѣтъ, право же; ты сама вѣдь знаешь—всего пять лѣтъ.

— Всего пять лѣтъ! А ты такъ измѣнилась.

— Это только теперь такъ, госпожа Якомина. Ты подумай, что я вынесла. Дай срокъ, я снова...

— Нѣтъ, ты слишкомъ состарилась за эти годы.

Аретэ чувствовала, что и эта надежда ускользаетъ отъ нея. И, цѣпляясь за соломинку, пугливо и смиренно выговорила:

— Ты находишь, госпожа Якомина?

— Нѣтъ, нѣтъ, проваливай отсюда—ты мнѣ больше не годна. Чего тебѣ здѣсь надо?

— Попробуй, госпожа Якомина. Ты только накорми и напои меня, дай отдохнуть денекъ-другой. Ты увидишь, я теперь буду шелковая, буду слушаться тебя во всемъ.

Якомина вышла изъ терпѣнія.

— Некогда мнѣ тутъ съ тобой балясы точить. Не задерживай меня. Уходи. Мнѣ пора запирать ворота.

— Ты это серьезно, госпожа Якомина?

— Кой чортъ! понятно, не въ шутку. Проваливай, проваливай!

Она вытолкала дѣвушку со двора и заперла ворота.

Жизнь у Якомины была бы адомъ для Аретэ; но у нея въ домѣ она, по крайней мѣрѣ, не зябла и не голодала бы. Теперь и это убѣжище было ей недоступно.

Машинально пошла она снова бродить по улицамъ, завистливо заглядывая въ освѣщенныя окна, изъ которыхъ вѣяло уютомъ и довольствомъ. Она рада была бы спугнуть довольство этихъ мирно отдыхавшихъ людей и урвать у нихъ крупицу счастья, но какъ, какъ это сдѣлать? На минуту у нея мелькнула спасительная мысль: что если поднять камень и разбить окно?— можетъ быть, ее тогда снова посадятъ въ тюрьму? Ахъ, Боже! ее просто поколотили бы и прогнали.

Все тише и безлюднѣй становилось на улицахъ; въ домахъ гасили огни. Постепенно стихало пѣніе въ кабакахъ. Только Аретэ, не имѣвшая крова и пріюта, все еще зябла подъ усыпаннымъ звѣздами небомъ. А небо было такое недвижное, такое чистое и ясное, словно на свѣтѣ не было никакого горя, ни обездоленныхъ, ни безутѣшныхъ, ни голодающихъ, ни отчаявшихся съ исходящимъ кровью сердцемъ. Отъ времени до время блестящая звѣздочка скатывалась на землю. И гасла скорѣй, чѣмъ успѣваетъ вырваться вздохъ изъ человѣческой измученной груди. Это былъ коварный, напрасно манящій свѣтъ, угасавшій прежде, чѣмъ вы успѣвали погнаться за нимъ. Порой Аретэ казалось, что вотъ-вотъ звѣздочка скатится прямо на нее и разрастется въ факелъ, который еще укажетъ ей путь въ мирный пріютъ. Или же для

нея загорится новая звѣзда и поведетъ ее за собой, какъ звѣзда восточная вела волхвовъ къ Спасителю. И она будетъ итти за звѣздой, пока та не приведетъ ея въ лоно Дѣвы Маріи.

Неожиданно она услыхала возлѣ себя голосъ:

— Куда ты идешь, дитя мое?

Наконецъ! Наконецъ! Осанна!—Аретэ обернулась и увидала передъ собой высокаго старика съ роскошною сѣдою бородой, въ черномъ, падавшемъ складками таларѣ, какъ у священниковъ.

— Чего ты ищешь такъ поздно на улицѣ? Ступай домой.

Аретэ смотрѣла на него широко раскрытыми, безумными глазами и не отвѣчала. Священникъ понялъ, что передъ нимъ несчастная и что надо сперва завоевать ея довѣріе.

— У тебя такіе тревожные глаза. Что тебя мучитъ?

Аретэ прошептала, сама не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что она говоритъ:

— Ты архангелъ Михаилъ?

Священникъ усмѣхнулся.

— Что за странный вопросъ! Къ чему ты это?

— Къ чему?—Аретэ сразу ободрилась. Она такъ давно не слыхала ласковаго, добраго голоса и была счастлива, что съ нею опять говорятъ ласково. Это могъ быть только ангелъ.—Къ чему? Скажи, вѣдь ты посланъ ко мнѣ Панагіей? Такъ вѣдь?

Старецъ мудро отвѣчалъ:

— Да, сама Панагія послала меня къ тебѣ.

— И ты архангелъ Михаилъ? Не правда ли?

— Да, я архангелъ Михаилъ. О чемъ ты просишь Панагію?

Аретэ стала на колѣни. Старикъ ласково поднялъ ее.

— Встань. Камни холодны и сыры. Панагія спрашиваетъ тебя, чего ты хочешь отъ нея.

— Развѣ Панагія сама не знаетъ этого?

— Да, конечно, знаетъ, но всетаки ты скажи ей вслухъ.

— Я такъ долго искала ее, Панагію, потому что я хочу стать праведной.

— И что же?

— И теперь не въ состояніи больше искать. Я устала такъ, что ноги подкашиваются.

Онъ дотронулся до ея пылающаго лба и сказалъ:

— Пойдемъ, я поведу тебя къ Панагіи. Только сначала тебѣ надо отдохнуть. Пойдемъ со мной.

Аретэ пошла за нимъ, не смѣя слова вымолвить, такъ какъ архангелъ Михаилъ молчалъ. Онъ разглядывалъ дѣвушку взоромъ, умудреннымъ опытомъ и скорбью, и, должно быть, догады

вался, что съ ней произошло. Онъ видѣлъ, что она больна душой и тѣломъ. Исцѣлять такихъ больныхъ повелѣвало ему его призваніе.

Онъ былъ священникомъ церкви св. Константина, что въ концѣ Ахарнейской улицы, гдѣ городъ ужъ кончается и лишь нѣсколько одинокихъ домиковъ стоятъ особнякомъ средь поля. Прихожанами церкви были почти одни бѣдняки. Онъ десятки лѣтъ прожилъ съ ними и никакая игра судьбы не могла ужъ удивить его.

Самъ онъ жилъ въ бѣдности, почти въ нищетѣ, и порой одѣлялъ хлѣбомъ небеснымъ своихъ прихожанъ въ то время, когда у него самого въ домѣ нехватало хлѣба земного. Низшему греческому духовенству, такъ называемымъ *пападэсъ*, разрѣшено жениться. Жену онъ ужъ давно похоронилъ, дѣти разбрелись по свѣту, кто куда. И старикъ жилъ одиноко въ церковномъ домикѣ рядомъ съ церковью. Отъ времени до времени къ нему заходила та или другая набожная прихожанка и приводила въ порядокъ его скромное хозяйство. Когда оба они дошли до этого домика, о. Алеко Фотидисъ обратился къ своей сцутницѣ съ вопросомъ:

— Давно ты уже ищешь Панагію?

— Сегодня цѣлый день,—робко отвѣчала Аретэ,—и раньше тоже...

— А раньше гдѣ ты была?—осторожно продолжалъ допытываться священникъ.

Аретэ колебалась; затѣмъ шепнула:

— Развѣ Панагія этого не знаетъ?

Старецъ почувствовалъ, что коснулся незажившей раны, и оборвалъ разговоръ. Потомъ, помолчавъ, спросилъ:

— Навѣрное, ты голодна, разъ ты такъ долго искала. Хочешь, я дамъ тебѣ ѣсть и пить?

Но дѣвушка покачала головой.

— Ѣсть и пить я уже не могу. Я слишкомъ ослабѣла. А вотъ уснуть хотѣлось бы. Можно мнѣ здѣсь переночевать?

Онъ повелъ ее въ свою спальню и уложилъ на свою кровать, а самъ устроился, какъ могъ, въ сосѣдней комнатѣ. Аретэ какъ легла, такъ и уснула. А старикъ долго еще раздумывалъ о странныхъ рѣчахъ подобранной имъ на улицѣ дѣвушки и порой ему казалось, что, дѣйствительно, сама Пресвятая Дѣва послала его навстрѣчу этой бѣдняжкѣ. Онъ былъ вѣрующій человѣкъ и въ чудѣ видѣлъ только перстъ Божій. Разъ Небо предопредѣлило ему совершить необычайное, онъ готовъ исполнить волю Госпо-

дню. Онъ сразу понялъ, что передъ нимъ изстрадавшаяся душа пережившая много. Можетъ быть, ему и удастся спасти эту мя тущуюся душу... Старикъ долго еще шепталъ молитвы, но Арет не слыхала его. Она спала крѣпкимъ сномъ, безъ сновидѣній Иначе она упала бы на колѣни передъ своимъ земнымъ спаси телемъ, цѣлуя ему руки.

IV.

Аретэ сидѣла съ о. Алеко за широкимъ столомъ и пила из большой фарфоровой чашки теплое молоко. Она была чисто умы та; вмѣсто тюремнаго, на ней было теперь простенькое, но чисто платье, и только матовая блѣдность лица еще напоминала о пере житыхъ ею страданіяхъ. О. Алеко отъ времени до времени по глядывалъ съ довольнымъ видомъ на свою гостью, но оба сидѣ ли молча, занятые каждый своими мыслями. Наконецъ, Арет тихо сказала:

— И есть же люди на землѣ, милосердные, какъ ангелы не бесные! Нѣтъ, батюшка, скажите правду: вы не архангелъ Ми хаилъ?

— И люди могутъ быть добры, какъ ангелы, если только они вѣрятъ въ ангеловъ,—улыбаясь, отвѣчалъ отецъ Алеко.—Полно дочь моя, нехорошо задавать такіе вопросы.

Аретэ поцѣловала руку старику и возразила:

— Но братъ Филоѳей, навѣрное ужъ, изъ небесныхъ воинствъ Надъ его головой всегда сіяніе изъ солнечныхъ лучей, когда онъ рисуетъ Святую Дѣву.

— Ты развѣ видѣла, какъ онъ рисуетъ?

— Ну да, видѣла. Часто, почти каждый день, я, какъ только приберу все въ домѣ, прокрадываюсь въ церковь и гляжу, как онъ рисуетъ.

— И онъ знаетъ это?

Аретэ покраснѣла.

— Нѣтъ. Ему и не надо знать. Иначе отъ него отлетѣло бы молитвенное настроеніе. Я всегда стану куда-нибудь въ уголокъ гдѣ ему меня не видать. Это такъ удивительно, что изъ-под его рукъ выходитъ Святая Дѣва, какъ живая. Даже жутко смо трѣть. Развѣ можетъ простой человѣкъ написать Панагію?

– Вѣдь онъ же пишетъ?

Аретэ кивнула головой.

— Значитъ, можетъ. Но ты права, дитя мое: это чудо. Ты только не мѣшай ему. Иначе чудо можетъ...

— Такъ мнѣ нельзя больше смотрѣть?—испуганно перебила она.

— Нѣтъ, отчего же, если тебѣ это доставляетъ удовольствіе. Но только смотри, чтобъ онъ тебя не увидалъ, пока рисуетъ. Такъ будетъ лучше.—Старикъ всталъ и протянулъ на прощаніе руку своей питомицѣ.

— Я хочу пройтись немного—солнышко свѣтитъ такъ ласково. А ты что будешь дѣлать?

При послѣднихъ словахъ онъ испытующе заглянулъ въ глаза Аретэ. Она смутилась, снова покраснѣла и не сразу нашлась отвѣтить. Потомъ пролепетала:

— Я?... что буду дѣлать? Я еще не знаю. Мнѣ бы очень хотѣлось еще посмотрѣть, какъ онъ рисуетъ Панагію. Вчера онъ началъ писать золотой вѣнчикъ вокругъ Ея головы. Если это не грѣхъ...

— Если ты смотришь *только* на Панагію, это не грѣхъ,—сказалъ отецъ Алеко.

— Иной разъ у меня слезы выступаютъ на глазахъ,—такъ пристально я смотрю въ Панагію и не могу наглядѣться.

— Тогда иди къ Ней. Это можетъ только освятить тебя.

— Освятить?—Аретэ нѣсколько разъ перекрестилась.

— Я хотѣла бы стать святой, какъ...—Но старикъ священникъ махнулъ ей рукой и быстро вышелъ.

Когда сострадательная рука ея новаго друга подняла Аретэ и вывела ее на прямой путь жизни, миръ и покой снизошли въ ея душу. Глаза ея съ любопытствомъ, какъ у новорожденнаго младенца, широко раскрылись на Божій міръ, и душа воспрянула. Впервые въ жизни она увидала, какъ хорошо жить человѣку въ святости, и всей душою прилѣпилась къ кроткому, ласковому старику, доброта котораго очищала и возвышала ее. Ей не стоило никакого труда стать послушной и смиренно покоряться его волѣ.

Она была подготовлена: отъ желанія и стремленія она только перешла къ исполненію. Теперь ей казалось, что перстъ Божій съ самаго начала руководилъ ею. И она была благодарна, какъ ребенокъ. Но все же порою ей становилось грустно. Переходъ въ святости она представляла себѣ болѣе яркимъ, болѣе блестящимъ и красивымъ. И ей казалось, что это—лишь начало, первая ступень, съ которой она потомъ вознесется выше, въ золотое царство праведности, но такихъ мыслей она не смѣла высказывать вслухъ. И если порой онѣ прорывались наружу дерзкимъ словомъ, о. Алеко принимался, какъ всегда, ласково и разумно

уговаривать ее. Онъ не говорилъ: нѣтъ, не убивалъ ея надеждъ, но и не обѣщалъ, что онѣ сбудутся. Онъ всегда былъ таинственъ и, пожалуй, чуточку черезчуръ холоденъ. Аретэ сама не знала, какъ ей заполнить этотъ пробѣлъ своего существованія, но вѣрила, какъ вѣрятъ только спасенные, уже испытавшіе на себѣ благодатное дѣйствіе чуда.

Собственно, ей казалось, что она лишь задержалась немного на перепутьѣ по дорогѣ къ небу. Только для того, чтобы стать ближе къ Пресвятой, крѣпче прильнуть къ лону Ея, она приняла мѣсто служанки, предложенное ей о. Алеко. Но старикъ относился къ ней, не какъ къ служанкѣ; онъ обращался съ ней, какъ съ дочерью, былъ съ ней ласковъ и нѣжно заботился о ней. Онъ сталъ учить Аретэ, выучилъ ее читать. И когда божественное слово, простое и внятное, стало доступно ея собственнымъ очамъ, дѣвушка вся ушла въ свои мечты.

Прежде чѣмъ взять въ руки Евангеліе, она всегда благоговѣйно прикладывалась къ нему и лучшія мѣста заучивала наизусть—тѣ, гдѣ говорится о вѣчной благодати, о пылкомъ раскаяніи Магдалины, о страдальческомъ крестномъ пути Спасителя на Голгоѳу, о плачѣ Маріи надъ гробомъ ея возлюбленнаго Сына.

Однажды о. Алеко привелъ къ обѣду гостя—монаха Филоѳея съ святой Аѳонской горы. Аретэ прислуживала обоимъ и напряженно вслушивалась въ ихъ бесѣды о высокомъ, о Пречистой Дѣвѣ Маріи. Филоѳей затѣмъ и пріѣхалъ, чтобы написать Ея образъ въ церкви св. Константина.

Съ этого дня Аретэ не знала покоя,—такъ жаждала она увидать рожденіе Панагіи на полотнѣ. Украдкою она ходила въ церковь, невидимая, изъ угла, слѣдила за художникомъ и не могла оторвать глазъ. Вотъ и сегодня она поспѣшила окончить уборку и запереть домъ, чтобы пойти въ церковь св. Константина.

Братъ Филоѳей стоялъ на подмосткахъ, сооруженныхъ для того, чтобъ ему удобнѣе было писать на свѣту. Аретэ, какъ всегда, спряталась за скамью, но такъ, что зоркимъ очамъ ея былъ виденъ каждый мазокъ его кисти. Отъ времени до времени Филоѳей отходилъ немного назадъ или въ сторону, чтобы лучше разглядѣть свою работу. Тогда Аретэ видна была часть его лица, бѣлаго и благородно очерченнаго, обрамленнаго густою черной бородой. Дѣвушкѣ монахъ представлялся посланникомъ небесъ, сошедшимъ на землю лишь для того, чтобы воочію явить предъ человѣческой душой образъ Пречистой. Она не могла понять, какъ изъ-подъ рукъ простого смертнаго можетъ выйти такой небесный образъ, сотканный изъ свѣта и красокъ.

Картина была почти закончена. Святая Дѣва была облечена въ пышныя пурпурныя одежды, возсѣдала на тронѣ изъ слоновой кости, и ноги Ея прикрывали богато вышитыя ткани. Оставалось только увѣнчать сіяніемъ Ея чело. Голова Богоматери уже была окружена золотымъ вѣнчикомъ, изъ котораго теперь должны были брызнуть снопы лучей...

Филоѳей сдѣлалъ перерывъ въ работѣ, слѣзъ съ подмостковъ и присѣлъ на скамью. Теперь Аретэ отчетливо видна была вся картина, не заслоняемая фигурой художника, которому она иной разъ пыталась заглянуть въ глаза, чтобы подглядѣть въ нихъ печать благодати. И вся душа ея устремилась къ Пречистой. Она разглядывала тоненькія голубыя жилки на рукахъ Богоматери и думала о томъ, какимъ блаженствомъ было бы, если бы Марія могла съ любовью коснуться устами ея лба—умереть можно отъ такого блаженства. И постепенно она забыла все на свѣтѣ...

На время она замерла въ безмолвномъ созерцаніи. Затѣмъ поднялась, подошла къ картинѣ, стала у ея подножія, распростерла руки и запѣла громко, ликующе:—Аллилуія, сладчайшая Дѣва Марія! Аллилуія!

Одинокій голосъ гулко пронесся подъ церковными сводами, нѣсколько разъ повторившими слово: Аллилуія. Филоѳей былъ такъ пораженъ нежданнымъ видѣніемъ, что первая мысль его была о наважденіи, о волшебствѣ. Но тотчасъ же взоръ его—взоръ художника—приковался къ этой замершей въ экстазѣ красотѣ.

Солнечный свѣтъ, пробиваясь сквозь цвѣтныя стекла церковныхъ оконъ, тысячью пестрыхъ бликовъ игралъ на склоненной головѣ дѣвушки. Одухтворенныя молитвой черты ея казались преображенными въ этомъ дрожащемъ свѣтѣ. Глаза были закрыты, и лицо было лицомъ ясновидицы, уже прозрѣвающей тайны вѣчности. Послѣ нѣсколькихъ минутъ восторженнаго созерцанія Филоѳей подошелъ къ Аретэ и сказалъ:

— Останься такъ. Ты такъ прекрасна! *Такъ* слѣдовало бы написать Святую Дѣву.

Аретэ не уловила смысла его рѣчи, была только испугана словами. Она совсѣмъ растерялась отъ стыда и волненія и хотѣла бѣжать. Но художникъ удержалъ ее.

— Что съ тобою?—допытывался онъ.—Что на тебя вдругъ нашло? Ты стояла, какъ...

— Какъ что?—пролепетала Аретэ, усиливаясь говорить спокойно.

— Какъ молящаяся Панагія.

Она вздрогнула.

— Какъ такъ? Развѣ есть разныя?...

Она не замѣчала, что монахъ все пристальнѣе вглядывается въ ея лицо и что въ немъ зрѣетъ рѣшеніе, о которомъ онъ пока умалчиваетъ. Чтобъ не запугать еще больше дѣвушки, онъ продолжалъ наставительно:

— Для живописца, изображающаго Святую Дѣву, есть нѣсколько Мадоннъ: возсѣдающая на тронѣ, кормящая Младенца, молящаяся...—И вдругъ перебилъ самъ себя:—Я и хочу изобразить молящуюся, какъ я только что видѣлъ ее. Хочешь быть моей моделью? Я напишу съ тебя молящуюся Мадонну. Не уходи же. Чего ты такъ боишься?

— Чего вы хотите? Писать съ меня Панагію? Съ меня?!..

— Ты не хочешь?

Она вся дрожала.

— Я такая грѣ...—Она не въ силахъ была выговорить самоуничижающаго слова. Какъ будто кто-то властно удержалъ ее.

Застѣнчиво она спросила:

— Неужели я могу помочь вамъ въ изображеніи молящейся Панагіи?

Филоѳей обрадовался, не встрѣтивъ рѣзкаго отпора.

— Можешь, если только захочешь. Погоди минутку.

Онъ взлѣзъ на подмостки, взялъ большую кисть и замазалъ сѣрой краской всю свою картину.

— Что вы дѣлаете?—испуганно вскрикнула Аретэ.—Марія накажетъ васъ за такую дерзость. Вѣдь вы все, все испортили!

Серьезно и убѣжденно Филоѳей отвѣтилъ:

— Не безпокойся. Панагія сама будетъ довольна. Я нарисую лучшую картину. Только ты пой Ей благоговѣйно аллилуія. Она благословитъ насъ.

Словно молнія озарила вдругъ передъ Аретэ всю ея прошлую жизнь, полную грѣха. И на нее напалъ безумный страхъ, что послѣ такого возвеличенія она потомъ упадетъ еще ниже. Ей казалось, что слишкомъ скоро для нея открылась лѣстница, ведущая на небо, и она стояла, растерянная, вся дрожа. Для нея было бы великимъ счастьемъ увидать себя изображенной въ видѣ Панагіи, но самая мысль объ этомъ представлялась ей смертнымъ грѣхомъ. Ахъ, если-бъ она была незапятнанно чиста, если-бъ ей не надо было ничего искупать долгимъ покаяніемъ, тогда она съ гордо поднятою головой стала бы передъ братомъ Филоѳеемъ, чтобъ онъ возвеличилъ ее, увѣковѣчивъ ея земной обликъ въ образѣ Панагіи. Но теперь ей надлежало отказаться и не печа-

литься о томъ. И только еще усерднѣе, еще настойчивѣе творить дѣло покаянія и очищенія,—и тогда, быть можетъ, послѣ долгаго, долгаго страстнаго томленія въ этой земной юдоли...

— Отчего ты такъ безмолвна и удручена? Ты не хочешь помочь мнѣ?

— Я не могу,—сокрушенно отвѣтила Аретэ.—Вы не знаете, какъ... это грѣхъ будетъ меня изобразить въ видѣ Пресвятой Дѣвы.

Филоѳей усмѣхнулся.

— Нѣтъ, дочь моя, не бойся. Грѣха въ томъ нѣтъ, и Святая Дѣва взираетъ на это благосклонно.

„Святая Дѣва взираетъ на это благосклонно...“, повторила въ душѣ Аретэ. И дивная надежда осѣнила ея душу. А можетъ быть, Марія уже теперь забыла грѣхъ ея и даруетъ ей прощеніе. Чтобъ убѣдиться въ этомъ окончательно, она спросила:

— Вы увѣрены, что Панагія не прогнѣвается на такое мое дерзновеніе?

— Наоборотъ, — отвѣтилъ Филоѳей, — Она приметъ это, какъ благочестивый даръ и услугу съ твоей стороны.

— Въ такомъ случаѣ, пишите меня,—быстро и увѣренно выговорила Аретэ.

Аѳонскій монахъ сошелъ съ подмостковъ и, какъ бы благословляя, возложилъ руки на голову дѣвушки. И при этомъ слегка вздрогнулъ. Навѣрное, лишь потому, что онъ былъ взволнованъ мыслью обрѣсти милость у Владычицы. Ибо онъ былъ человѣкъ восторженный, поклонникъ красоты, но въ то же время аскетъ.

Ему шелъ уже тридцать пятый годъ, но онъ свято хранилъ вѣрность монашескимъ обѣтамъ. Искушенія представлялись ему на каждомъ шагу, ибо очи его были созданы для того, чтобъ упиваться красотою міра, а желанія должны были оставаться чистыми. Онъ пріучилъ себя услаждать лишь очи свои тѣмъ, въ чемъ отказывалъ прочимъ чувствамъ: онъ былъ настоящій, боговдохновенный иконописецъ, воспринимавшій все прекрасное лишь для того, чтобъ изъ него создать ореолъ божественному. Онъ говорилъ:

— Да благословитъ тебя и сохранитъ тебя Господь, да просвѣтитъ Онъ лицо твое и дастъ тебѣ...—На мигъ онъ запнулся и закончилъ молитву, умышленно измѣнивъ древній текстъ:—Да просвѣтитъ Онъ лицо твое и дастъ тебѣ красоту!

Онъ принялъ руки. Аретэ нагнулась и смиренно поцѣловала край его одежды. Не препятствуя ей, онъ сказалъ:

— Если хочешь, мы можемъ начать завтра же. А сегодня оставь меня одного. Я хочу подумать о своей работѣ.

Она склонилась передъ нимъ и молча ушла. Онъ крикнулъ ей вслѣдъ:

— До завтра.

V.

Отцу Алеко часто бывало не по себѣ, и лицо у него становилось озабоченнымъ, когда Аретэ разсказывала ему о своихъ прогулкахъ съ братомъ Филоѳеемъ. Онъ чутко прислушивался къ звуку голоса дѣвушки, чтобы по немъ узнать, чиста ли ея совѣсть, или у нея есть что-нибудь на душѣ. И только головой качалъ, когда братъ Филоѳей разсказывалъ ему объ удивительныхъ достоинствахъ своей модели. Онъ не увѣренъ былъ, что эти двое не испытываютъ сладостнаго чувства, оставаясь наединѣ, но ни разу не рѣшился даже намекнуть о своихъ страхахъ и сомнѣніяхъ.

Довѣріе было лучшимъ качествомъ его души, нерѣдко служившимъ ему въ жизни надежной опорой. Онъ боялся даже и самымъ деликатнымъ вопросомъ разжечь таившуюся искру въ пламя. И потому молчалъ.

Аретэ и Филоѳей въ вечерніе часы начинавшагося лѣта нерѣдко гуляли вмѣстѣ. Монахъ показывалъ дѣвушкѣ памятники древности. Аѳонскіе монахи обыкновенно мало знаютъ объ этой славной древности, ибо считаютъ болѣе угоднымъ Богу служить Ему въ простотѣ сердца и въ духовной нищетѣ, какъ велитъ Писаніе. Но Филоѳей зналъ удивительныя вещи о блескѣ древнихъ Аѳинъ. Безмолвная красота мраморныхъ сокровищъ Перикла оплодотворяла его творческое воображеніе. Онъ умѣлъ находить пищу для раздумья вѣрующаго христіанина въ изображеніяхъ языческихъ боговъ и памятники невѣрія одухотворялъ кровью христіанскихъ мучениковъ. Въ одиночествѣ монастырской кельи онъ научился переносить весь пылъ своего чувства на Священное Семейство, на Отца, Сына и Святаго Духа, на Марію и святыхъ, жизнью и смертью своей свидѣтельствовавшихъ о славѣ Господней. Вѣрнымъ ученикомъ отрекшагося отъ міра, стремящагося къ вѣчности своего учителя Панселиноса онъ подходилъ къ твореніямъ мастеровъ, которые всѣми фибрами своего существа жаждали земного и были привязаны къ земному. И изъ этихъ двухъ міровъ творилъ третій, свой собственный, посланникомъ котораго охотно мнилъ себя.

— Наши предки,—говорилъ Филоѳей внимательно слушавшей его спутницѣ,—брали солнечный свѣтъ изъ глубины своего сердца, къ намъ онъ нисходитъ свыше, изъ созвѣздій.

Аретэ, все понимавшая буквально, возразила:

— Развѣ не прекраснѣе всѣхъ свѣтовъ тотъ, который исходитъ изъ глубины нашего собственнаго сердца?

Филоѳей усмѣхнулся про себя и отвѣтилъ:

— Знаешь ли ты, что ты сейчасъ сдѣлала? Ты согрѣшила.

Аретэ испугалась.

— Согрѣшила?

— Наши предки были язычниками. Ихъ солнце было грѣхомъ.

Дѣвушкѣ было не по себѣ въ этомъ кругу чуждыхъ ей мыслей. Она не могла освоиться съ ними, и ей хотѣлось перевести разговоръ на другую тему. Поэтому она отбѣжала въ сторону, на краю дороги сорвала дикую розу и подала ее монаху, говоря:

— Она беретъ солнечный свѣтъ отъ созвѣздій и приноситъ его въ сердца.

Филоѳей молчалъ. Но про себя мыслилъ: „чудо Божье". И при этомъ самъ не рѣшился бы сказать, подразумѣваетъ ли онъ цвѣтокъ или дѣвушку. Помолчавъ, онъ возвратилъ Аретэ розу со словами:

— Воткни ее себѣ въ волосы — я хочу посмотрѣть, какой видъ будетъ у тебя съ этимъ цвѣткомъ.

Аретэ вся облилась румянцемъ и медлила. Потомъ спросила:

— Развѣ можно?

На мигъ этотъ вопросъ поразилъ монаха; ему показалось, что голосъ свыше предостерегалъ его отъ какой-то невѣдомой опасности. Но тотчасъ же онъ возразилъ:

— Почему же нѣтъ?

И Аретэ воткнула розу въ волосы.

Онъ шелъ съ ней рядомъ и не смѣлъ взглянуть на нее. Немного погодя онъ выговорилъ:

— Панагію слѣдовало бы писать въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ на головѣ, а не въ вѣнцѣ изъ самоцвѣтныхъ камней.

Это слово и мысль о своей работѣ вернули ему самообладаніе. Онъ попросилъ Аретэ остановиться и отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ, чтобы яснѣй представить себѣ задуманный образъ. Потомъ объявилъ:

— Я напишу Панагію съ душистыми цвѣтами въ волосахъ. Она будетъ довольна нами.

Аретэ ужъ не удивилась. Она перестала сомнѣваться и только сказала просто:

— Вы чудотворецъ.

Онъ возразилъ:

— Я только человѣкъ. Спаситель можетъ творить еще и не такія чудеса.

— Еще большія? А вы знаете что-нибудь о Его чудесахъ? Разскажите мнѣ, какія Онъ великія чудеса творилъ.

— Ангелы поютъ откровенія небесныя пребывающимъ въ любви Его.

— Кто же пребываетъ въ любви Его?

— Святые.

— Святые?—прошептала Аретэ.—И я хочу пребыть въ любви Его, вѣдь и я хочу стать святой. Разскажите, ахъ, разскажите мнѣ о чудесахъ, которыя творитъ Спаситель надъ тѣми, кого возлюбилъ Онъ.

Филоѳей сталъ разсказывать:

— Святая Адельгунда, привязанная къ сухому дереву, томилась голодомъ и жаждой. И вотъ, на изсохшемъ стволѣ выросли сочные плоды и утолили ея голодъ и жажду. Спаситель давалъ коршунамъ соловьиные голоса, чтобы воспѣвать хвалу Ему, Онъ погасилъ костеръ, разложенный вокругъ святой Агаты и се: изъ пламени выросли бѣлыя буквицы—ключи царства небеснаго.

— Ахъ!—простонала Аретэ,—надо мною Онъ не совершитъ такого чуда. Я такъ долго, такъ долго отрекалась отъ Него, не хотѣла знать Его.

Монахъ, самъ очарованный своимъ разсказомъ о судьбахъ святыхъ, продолжалъ успокоительно:

— Кто не идетъ къ Богу, къ тому Богъ Самъ приходитъ. Святому Альберту голубь принесъ просфору, когда онъ возжелалъ ее.

— Ахъ! — зарыдала Аретэ, — а я такъ долго не хотѣла причащаться, презирала святое причастіе.

— И о такихъ Онъ позаботился,—возразилъ монахъ.—Святой Афрѣ поручено ободрять даже падшихъ.

— Даже падшихъ!—повторила Аретэ. И, уже немного ободренная, спросила:—А можетъ ли Онъ простить, когда человѣкъ...

И вдругъ, усомнившись снова, оробѣла и умолкла.

— Что удручаетъ тебя?—кротко спросилъ Филоѳей.—Почему ты вдругъ такъ смутилась и оробѣла?

Аретэ снова начала:

— Я хотѣла однажды...—и вновь умолкла, не докончивъ исповѣди. И только плакала, вся дрожа отъ страха и волненія.

Филоѳей еще не понималъ причины этого волненія. Онъ только заподозрѣлъ, что у Аретэ есть тяжкій грѣхъ на совѣсти. И, взявъ ее за руку, сказалъ сострадательно и кротко:

— Говори же. Если ты хочешь покаяться и снять тяжесть съ души своей, настало время.

Аретэ снова ободрилась.

— Я хотѣла... отравить человѣка,—выговорила она почти беззвучно.

Филоѳей отшатнулся.

— Ты съ ума сошла?

— Чего ты? Развѣ это такой грѣхъ, котораго нельзя простить?—настаивала Аретэ, цѣпляясь за рясу испуганнаго монаха.

Онъ быстро овладѣлъ собой.

— Это правда? Истинная правда?

Аретэ кивнула головой.

— Ты должна искупить этотъ грѣхъ, тяжкимъ страданіемъ искупить.

— Я уже искупала,—глухо простонала Аретэ.—Пять лѣтъ, пять долгихъ лѣтъ въ неволѣ за одну минуту, когда я насытила свою месть. Тяжкимъ страданіемъ я искупала этотъ грѣхъ и не имѣла покоя ни днемъ, ни ночью, до тѣхъ поръ, пока архангелъ Михаилъ не принялъ меня подъ крыло свое.

Филоѳей слушалъ и начиналъ понимать, что передъ нимъ заблудшая душа, которая ощупью выбралась вновь на правый путь. Онъ понялъ, что было бы тяжкимъ грѣхомъ отнять у нея опору. И въ то же время его радовало раскаяніе дѣвушки, прорвавшееся такимъ искреннимъ, безудержнымъ порывомъ, какъ будто передъ нею, дѣйствительно, былъ исповѣдникъ, который можетъ вязать и разрѣшать. Да, разрѣшать и отпускать грѣхи. Онъ охотно передъ цѣлымъ свѣтомъ взялъ бы на себя ея вину и ввелъ ее въ обитель праведныхъ. Вѣдь каждую измученную человѣческую душу онъ любитъ и жалѣетъ, и радъ утишить ея боль, пролить бальзамъ на ея раны. Почему же ему не любить своей модели, съ которой онъ рисуетъ Панагію, какъ онъ любитъ другихъ людей? Кто любитъ человѣка, жаждущаго любви, тотъ вдвойнѣ заслужилъ передъ Господомъ. И въ книгѣ Небесной Хвалы имя его будетъ вписано золотыми буквами. И за Аретэ онъ, Филоѳей, также попадетъ въ эту книгу.

Тѣмъ временемъ Аретэ мучительно ждала, что Филоѳей даруетъ ей благодать прощенія. Ей казалось, что не найдетъ она полнаго облегченія, пока онъ не выскажетъ своего приговора.

И когда онъ сказалъ:

„Ты искупила свой грѣхъ, дитя, искупленіе твое угодно Богу; теперь ты смѣешь надѣяться“,—вся душа ея возликовала. Ей мнилось: сама Пречистая сходитъ съ небесъ, простираетъ къ ней

руки и привлекаетъ ее къ Себѣ на грудь съ горячей материнской любовью. И было это чувство мощное, гнетущее и въ то же время властно поднимающее.

До этого Аретэ вѣдь и не знала, что такое любовь. Въ ней жило лишь смутное представленіе о райской жизни, гдѣ каждый человѣкъ смотритъ на ближняго своего взоромъ любовнымъ и участливымъ, а не жаднымъ, жестокимъ и похотливымъ, не карающимъ и ненавидящимъ. Она заставила себя ясно и открыто посмотрѣть прямо въ очи брату Филоѳею. И даже при этомъ высоко поднять голову, такъ какъ она уже не чувствовала себя раздавленной: на душѣ у нея было свободно и легко.

Филоѳей съ улыбкой встрѣтилъ ея взглядъ и молвилъ:

— Я напишу съ тебя Панагію съ душистыми цвѣтами въ волосахъ.

Перев. **З. Журавская.**

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ВОЗВРАЩЕНІЕ ДОМОЙ [1]).

Медленно проходитъ ужасная ночь. Не засыпаетъ сознаніе, а мысли о европейской войнѣ превращаются въ фантастическіе образы, въ страшныя сонныя видѣнія.

Сѣрый разсвѣтъ глядитъ въ окно моей каморки. Дождь льетъ, какъ вчера. И такъ же раздается то барабанный бой, то военная музыка—маршируютъ по улицамъ Цюриха, въ полной боевой готовности, мирные швейцарскіе полки.

Сбѣжавъ внизъ, берусь за газеты. Переданный вчера слухъ о томъ, что и Италія присоединилась къ войнѣ, не подтверждается, слава Богу. Но какой ужасъ это подробно описываемое историческое засѣданіе германскаго рейхстага, рѣчь канцлера:—„Noth kennt kein Gebot",—и воинственные восторги всѣхъ партій въ отвѣтъ. Съ трепетомъ жду, какъ поведутъ себя нѣмецкіе соціалъ-демократы, послѣдній оплотъ мира и международной справедливости въ Германіи. И они хотятъ войны... Впервые я вижу передъ собой Германію не какъ знакомую страну съ уютными старыми городами и поэтическими легендами, съ безчисленными родниками глубокой духовной жизни, а какъ страшную, цѣльную, жестокую силу, въ какомъ-то апокалиптическомъ образѣ. Темныя силы взяли верхъ въ ней самой, и она не хочетъ больше знать ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ—все хочетъ попрать, раздавить. И впервые все мое существо загорается жаждою отпора, впервые я чувствую, что и я, со всѣмъ моимъ отвращеніемъ къ войнѣ, принимаю зловѣщій воинственный вызовъ и безсильная, одинокая вдали отъ Россіи—уже участвую въ этой борьбѣ силъ и народовъ. Скорѣе, скорѣе домой...

Но я связана по рукамъ и по ногамъ: не на что ѣхать, и друзья мои попрежнему сидятъ въ Роршахѣ: Швейцарія все еще

---

[1]) *Окончаніе.* См. *Русская Мысль,* кн. X, 1914 г.

не впускаетъ ихъ,—это такъ дико. Мнѣ удается снестись съ ними по телефону. Слышу изъ трубки знакомые голоса Качалова, Станиславскаго. Да! сидятъ еще подъ домашнимъ арестомъ, въ гостиницѣ, вмѣстѣ съ другими русскими. Хлопотать въ Бернѣ—мнѣ не стоитъ, туда уже посланы телеграммы, тамъ хлопочутъ; можетъ быть, и впустятъ. Но въ Россію такъ скоро не собраться—денегъ не хватитъ, и Качалову нужно еще съѣхаться съ семьей—изъ Италіи получена, наконецъ, телеграмма... А у меня только одна мысль: что тамъ теперь—дома, въ Россіи?... Нѣтъ отвѣтной телеграммы отъ нашихъ...

Впрочемъ, всѣ здѣшніе русскіе теперь въ такомъ же положеніи—безъ денегъ, безъ вѣстей. Отъ одной семьи, проживающей въ моей гостиницѣ, узнаю, что русская цюрихская колонія прослышала, будто русская миссія въ Бернѣ собирается предпринять что-то, зафрахтовать пароходъ для доставки русскихъ на родину—англичане, американцы уже сдѣлали это. Цюрихская колонія послала въ Бернъ учительницу-делегатку. Но, говорятъ, русская миссія дѣйствуетъ вяло. Сколько времени еще пройдетъ, пока она что-нибудь устроитъ.

Я брожу по берегу озера, по которому разбѣгаются круги отъ дождя, по улицамъ среди тревожной, торопливой толпы. Опять солдаты, пушки. Сѣрое небо давитъ. Хоть бы разступились облака, выглянулъ лучъ солнца... Суевѣрно слѣжу, жду, часы проходятъ,—и вдругъ, вижу въ вышинѣ, надъ трубами, клочокъ яснаго голубого неба. Словно обѣтованіе какое-то. И на сердцѣ сразу становится легче.

Я возвращаюсь въ свою каморку, засыпаю на нѣсколько минутъ, потомъ, вскочивъ, бѣгу, сама не зная зачѣмъ, на почту и не вѣрю своимъ глазамъ: передо мной милыя лица: мой двоюродный братъ и другъ, приватъ-доцентъ московскаго университета И. А. Ильинъ съ женою. Они выбрались заблаговременно изъ-подъ Вѣны, гдѣ Ильинъ работалъ надъ своей диссертаціей о Гегелѣ, ѣдутъ завтра въ Италію, оттуда въ Россію и зовутъ меня съ собою. Сейчасъ же, изъ почтамта, сносимся по телефону съ Роршахомъ, сообщаемъ о нашей встрѣчѣ. Ѣхать въ Италію не дождавшись освобожденія друзей, я не могу. Но сразу такъ полегчало на душѣ, такъ близки мы, внезапно встрѣтившіеся въ настроеніяхъ, въ основныхъ мысляхъ. И умъ начинаетъ энергичнѣе работать, устанавливается постепенно какая-то связь между ошеломляющими впечатлѣніями послѣднихъ дней и внутреннимъ опытомъ, идеями, представленіями всей предшествующей жизни; улавливается общій историческій смыслъ разыграв

пихся, неимовѣрныхъ въ своей огромности событій, открываются перспективы въ будущее. Душа постепенно выпрямляется, свѣтлѣетъ, и вдругъ, словно лучъ солнца пронзаетъ и обжигаетъ е до послѣднихъ глубинъ: ничто не страшно, потому что не трашна самая смерть, потому что жизнь не исчерпывается видимымъ міромъ, потому что міровой процессъ, трагически-величественный и вѣщій со всѣми его ужасами, несетъ насъ въ дали, заренныя божественнымъ свѣтомъ. Все нужно принять, испытать, перестрадать.

Мы не разговариваемъ прямо на эти темы, но отъ ощущенія уховной близости, отъ вспыхивающихъ въ разговорѣ искръ непосредственнаго взаимнаго пониманія растетъ въ душѣ бодрость подъемъ. Вечеръ мы проводимъ вмѣстѣ, въ пансіонѣ, гдѣ остановились Ильины, на горѣ. Такъ тихъ и мягокъ вечеръ, когда ы вмѣстѣ поднимается туда; такъ ярко свѣтитъ луна; рѣка шуитъ, низвергаясь водопадомъ у моста, — далеко слышенъ этотъ гумъ,—и трепетно сверкаютъ внизу, у подножія горы, безчисленые огни города. Въ пансіонѣ Ильины знакомятъ меня съ двумя усскими дамами, которыя сейчасъ же вызываются переслать мнѣ ъ Италію телеграммы и письма, которыя могли бы прійти безъ еня въ Цюрихъ: и на этомъ краткомъ знакомствѣ лежитъ отпеатокъ той особенной сердечности, которая наблюдается здѣсь ь эти дни въ сношеніяхъ людей. Потомъ мы долго разговариаемъ, затрагивая вопросы искусства, философіи, какъ будто вреенно совсѣмъ отвлекшись отъ войны, но чувствуя, что отнынѣ же все имѣетъ какое-то тайное соотношеніе съ нею, все, тѣми ли иными ходами, соединяется съ мыслью о ней... Въ полночь льинъ провожаетъ меня домой,—мы еще долго, по-русски, стомъ, разговаривая, передъ дверью гостиницы. Поднявшись, наонецъ, къ себѣ, я нѣсколько смутно вспоминаю, что въ теченіе ечера мы, какъ-то мимоходомъ, условились, что я ѣду утромъ ь Бернъ, а Ильины—вѣроятно, во Флоренцію въ ожиданіи моо пріѣзда, но въ Миланѣ они оставятъ мнѣ письма съ указаіемъ, гдѣ мнѣ найти ихъ. Чувствую, что не обстоятельно восприняла все это, думая больше о другомъ, и могу опять отерять ихъ изъ виду... Сержусь на себя, но, нагулявшись и аговорившись, начинаю уже засыпать, когда мнѣ стучатъ въ зерь и подаютъ телеграмму: слава Богу, Алексѣевы и Качаловъ вободны, ѣдутъ завтра въ Бернъ черезъ Цюрихъ.

На другой день спозаранку жду ихъ на вокзалѣ, чтобы сѣсть ъ одинъ вагонъ съ ними. Толпа пересаживающихся въ Цюрихѣ

валитъ безъ конца; солдаты, сурово поддерживающіе порядок на вокзалѣ, не позволяютъ мнѣ стоять на видномъ мѣстѣ, и уже начинаю отчего-то тревожиться, какъ вдругъ вижу: идутъ Какая радость—это свиданіе съ ними! Садимся вмѣстѣ въ вагонъ Они разсказываютъ о томъ, какъ сидѣли въ мрачномъ пакгаузѣ въ Линдау, гдѣ ими командовали два красивыхъ молодыхъ офицерика, одинъ плотный блондинъ, другой—брюнетъ, оба щеголь ски, съ иголочки, обмундированные, оба рѣчистые и съ самодовольствомъ разыгрывающіе новую для нихъ роль. Невесело было когда русскимъ предложили написать открытки домой о томъ что они остаются въ Линдау, какъ военноплѣнные, и потомъ когда присутствующихъ стали уводить въ отдѣльную комнату обыскивать, раздѣвая даже женщинъ. А тѣ, которые просидѣли въ этомъ пакгаузѣ, не вѣдая своей судьбы, съ вечера, цѣлую ночь, минутами совсѣмъ падали духомъ; одинъ изъ нихъ разсказывалъ, что дошелъ даже до галлюцинацій: „кругомъ насъ—нѣмецкіе солдаты, а я вижу—львы“... Но самодовольные командующіе офицерики были очень характерны и забавны, особенно когда одинъ изъ нихъ, послѣ того какъ пришла вѣсть объ освобожденіи плѣнныхъ, заявилъ, что теперь отправлять написанныя имъ открытки уже не стоитъ и, аккуратно сложивъ ихъ, шикарно ловко надсѣкъ всю пачку, вдоль и поперекъ, вынутымъ изъ кармана новенькимъ ножомъ. — „Жаль, что вы не были съ нами вамъ бы очень интересно было“, говоритъ Лилина. Потомъ они разсказываютъ мнѣ, какъ помогъ всѣмъ русскимъ уже знакомый мнѣ Pfarrer, какъ онъ, хитрою выдумкою о какомъ-то заказанномъ на много персонъ и не съѣденномъ обѣдѣ, задержалъ на берегу всю стражу, благодаря чему плѣнники попали не на нѣмецкій пароходъ, отправляющійся въ Романсхорнъ, а на позднѣе отходящій швейцарскій пароходъ, съ котораго Швейцарія уже не могла не принять ихъ въ Роршахѣ. Но все это, какъ и длительный домашній арестъ въ Роршахѣ, такъ утомительно было для нервовъ. И такъ необычно все, не исключая подробностей. Не странно ли, напримѣръ: какой-то русскій доставилъ въ роршахскую гостиницу бумажку, въ которой сообщалось къ свѣдѣнію арестованныхъ, что въ Цюрихѣ находятся такіе-то русскіе въ томъ числѣ Ильинъ, артистка Художественнаго театра Раевская и др. Изъ этой таинственной, неизвѣстно кѣмъ заботливо доставленной записки мои друзья узнали и о моемъ пребываніи въ Цюрихѣ. Я сообщила, со словъ Ильиныхъ, что такая же записка съ перечисленіемъ русскихъ, пріѣхавшихъ изъ Германіи, была вывѣшена въ цюрихской русской читальнѣ. У людей, взволно

ванныхъ разыгравшимися событіями, развилась трогательная заботливость другъ о другѣ, даже о незнакомыхъ.

И въ дальнѣйшемъ все время чувствуется кругомъ эта необычная теплота, эта готовность помочь чѣмъ можно, какъ со стороны русскихъ, такъ и со стороны иностранцевъ.

Въ Бернѣ знакомые уже приготовили москвичамъ комнаты въ недорогомъ пансіонѣ: денегъ у нихъ очень мало, крупныхъ бумажекъ не удалось во-время размѣнять, а теперь уже не мѣняютъ. Богъ знаетъ, когда имъ удастся попасть въ Россію. Люди разсудительные говорятъ, что пускаться въ путь, не имѣя по крайней мѣрѣ по тысячѣ франковъ на человѣка,—безуміе: можно застрять на дорогѣ—въ Италіи, въ Греціи, въ Турціи, вѣдь повсюду не сегодня-завтра можетъ разыграться война. Въ Бернъ стеклись уже буквально тысячи русскихъ; всѣ безъ денегъ, а большинство и совсѣмъ неимущихъ, изъ учащейся въ Швейцаріи молодежи. Намъ разсказываютъ, что русская миссія ничего не можетъ для нихъ сдѣлать, но бернскій муниципалитетъ уже пришелъ имъ на помощь: даетъ имъ безплатное убѣжище на ночь въ свободныхъ пока школьныхъ помѣщеніяхъ и какой-то обѣдъ за 10 сантимовъ. Среди съѣхавшихся русскихъ называютъ немало знакомыхъ именъ. Всѣ думаютъ объ отъѣздѣ въ Россію, но страшные слухи и газетныя извѣстія волнуютъ умы. Говорятъ, что если и можно найти мѣсто на пароходѣ, отходящемъ изъ Венеціи или Бриндизи, то это небезопасно: въ Адріатическомъ морѣ уже идутъ, будто бы, морскіе бои; Дарданеллы, повидимому, закрыты... Отъ нашихъ пріятелей изъ Генуи получено извѣстіе, что они собираются въ путь черезъ Венецію въ ближайшіе дни; съ ними могли бы ѣхать жена и сынъ Качалова, но, въ виду тревожнаго положенія, Качаловъ не рѣшается отпустить ихъ безъ себя, хочетъ съѣздить за ними въ Миланъ, чтобы, дождавшись денегъ въ Швейцаріи, ѣхать потомъ вмѣстѣ съ Алексѣевыми. Нужно только заручиться въ швейцарскомъ министерствѣ пропускомъ на въѣздъ въ Швейцарію изъ Италіи,—а то опять не впустятъ...

Я рѣшаюсь остаться въ Бернѣ на пару дней, побыть съ друзьями, дождаться, пока Качаловъ выхлопочетъ пропускъ и ѣхать до Милана вмѣстѣ съ нимъ. Смѣшанныя, волнующія,—и очаровательныя, и тяжкія воспоминанія остались у меня отъ этихъ дней. Благодатная, благодарная теплота заливаетъ душу, когда я вспоминаю о той чудесной заботливости, о той особенной, вызываемой общей бѣдою, родственной простотѣ отношеній, среди которой я жила эти дни. Только въ такіе моменты по настоящему

до глубины узнаешь людей и степень ихъ душевнаго благородства. Но радость этихъ впечатлѣній смѣшивалась съ острой, все возрастающей тревогой о своихъ, о Россіи. Утреннія газеты и разноцвѣтные листочки дневныхъ и вечернихъ приложеній къ нимъ приносили ужасныя извѣстія, въ которыхъ не было возможности отличить правду отъ лжи. Минутами чудилось, что и вправду нѣмецкія войска, залившія кровью Бельгію, не только быстро подвигаются къ Парижу, но уже хозяйничаютъ въ Польшѣ, не сегодня-завтра возьмутъ мятущуюся въ революціонныхъ судорогахъ Варшаву, а нѣмецкій флотъ уже обстрѣливаетъ Кронштадтъ. Потомъ сообщенія о разныхъ революціонныхъ покушеніяхъ. Потомъ извѣстіе, что въ Германіи разстрѣливаютъ всѣхъ русскихъ военныхъ и призывныхъ, не успѣвшихъ выбраться оттуда до войны. Помню, какъ я прочла это извѣстіе въ ярко-розовомъ листкѣ „вечерняго прибавленія“ къ германофильской газетѣ, и словно кто-то ударилъ меня по лицу, по головѣ: начавшаяся война вдругъ ощутилась, какъ нѣчто уже вполнѣ реальное и реалистически-ужасное, невыносимое въ своихъ частностяхъ... Все нужно принять, испытать, перестрадать, ибо таковы пути, которыми человѣчеству предназначено итти къ своему просвѣтлѣнію и обновленію, но на какой низкой ступени нравственнаго развитія стоятъ еще люди, похваляющіеся своею культурою, если они могутъ совершать этотъ мерзостный разстрѣлъ безоружныхъ. О, дай Богъ, чтобы у насъ въ Россіи не доходило до этого! Дай Богъ русскимъ людямъ на это страшное и великое время той силы духовной, которая позволяетъ быть благороднымъ съ врагомъ, независимымъ въ своемъ поведеніи отъ того, какъ поведетъ онъ себя, на что будетъ провоцировать. Если бы можно было надѣяться на это... Что это за извѣстіе промелькнуло въ газетѣ о разрушеніи германскаго посольства въ Петербургѣ?... Неужели правда? Скорѣе ѣхать туда, узнать правду...

Жду, пока Качаловъ получитъ пропускъ. Но въ министерствѣ, куда мы идемъ подъ покровительствомъ уже побывавшихъ тамъ знакомыхъ, соглашаются, въ видѣ особой милости, выдать пропускъ на въѣздъ въ Швейцарію только женѣ и сыну Качалова, а его самого уже не впустятъ больше, разъ что онъ выѣдетъ за границу... Что за путаница, что за растерянность: вѣдь послѣ мы узнали, что многихъ иностранцевъ впускали въ эти дни и со стороны Германіи, и со стороны Франціи, съ которой вновь наладилось желѣзнодорожное сообщеніе. А тутъ—отказали въ обратномъ пропускѣ, несмотря на всяческіе доводы! Мы идемъ еще зачѣмъ-то въ русскую миссію; тамъ на улицѣ передъ за-

пертой дверью торопливо ждетъ цѣлая вереница людей: дверь пріоткроется, впуститъ нѣсколько человѣкъ и опять захлопнется. А самъ посланникъ, говорятъ, просто прячется отъ людей. Пока Качаловъ съ одной изъ нашихъ спутницъ ждетъ своей очереди, чтобы пробраться въ секретаріатъ миссіи, я иду, чтобы исполнить порученіе встрѣтившейся мнѣ въ Цюрихѣ молодой учительницы, въ мѣсто сбора съѣзжающихся въ Бернъ русскихъ. Небольшой садикъ какого-то закрывшагося кафэ полонъ народа. Многіе только что пріѣхали, сидятъ вокругъ столиковъ, смотрятъ растерянными глазами и ничего не могутъ отвѣтить на мои вопросы. Другіе направляютъ меня въ помѣщеніе бывшаго кинематографа, гдѣ собираются представители недавно образовавшагося „самоуправленія" разросшейся русской колоніи. Въ полутемномъ залѣ—толкотня. На эстрадѣ, за длиннымъ столомъ сидятъ делегаты. Здѣсь производится сборъ на неимущихъ русскихъ, отсюда ведутся переговоры съ миссіей о зафрахтовкѣ для нихъ большого парохода въ Генуѣ. Атмосфера тяжелая, тревожная: плохо подвигается дѣло сношеній съ миссіей, мало надежды на то, что удастся достигнуть чего-нибудь. А народъ такъ и ѣдетъ со всѣхъ сторонъ. Скоро Швейцарія откажется помогать неимущимъ—нѣтъ больше мѣста въ школахъ для ночлега. И какія деньги нужны, чтобы всѣхъ кормить!... Жутко становится за судьбу всей этой неимущей молодежи.

Обстоятельства Качалова выяснились: съѣздить за семьей въ Италію — рѣшительно невозможно; онъ долженъ ограничиться тѣмъ, чтобы встрѣтить ихъ на границѣ, но раньше нужно еще и еще снестись телеграммами. А я не могу больше ждать и назначаю отъѣздъ на слѣдующее утро—28 іюля ст. ст. Поѣзда прямого сообщенія уже не ходятъ на Миланъ, нельзя даже узнать заранѣе, сколько времени продлится путешествіе туда съ неопредѣленнымъ количествомъ пересадокъ. Повсюду говорятъ о мобилизаціи въ Италіи, никакихъ точныхъ извѣстій о томъ, что тамъ дѣлается, нѣтъ. И странное дѣло: всю жизнь, съ юности, ѣздила я по Европѣ одна, а тутъ, при мысли о необходимости ѣхать въ одиночествѣ, чувствую какой-то гнетъ, который нужно преодолѣть. Но тревога и теплая забота, которую выказываютъ мнѣ друзья и новые знакомые, стараясь если не удержать меня, то снабдить на дорогу всѣми возможными удобствами и деньгами, которыя таютъ у нихъ самихъ съ каждымъ днемъ,—поднимаютъ духъ. Жгучее безпокойство о своихъ, о Россіи, куда я, наконецъ, ѣду, сливается съ потокомъ горячихъ, высокихъ впечатлѣній, и когда на слѣдующее утро, сѣвъ въ вагонъ, я гляжу въ окно на про-

вожающихъ меня друзей, и поѣздъ тихо трогается,—въ душѣ горитъ солнце и молитва...

Чудесный, свѣтозарный день, теплое сверкающее небо, снѣжныя горы въ отдаленіи, густо-синія воды Тунскаго озера. Тамъ, за горизонтомъ, кипитъ война, дьяволы возстали въ людяхъ. Но и ангелы съ свѣтлыми нѣжными глазами ходятъ по землѣ и умѣряютъ ея муки...

Противъ меня сидитъ молоденькая бѣлокурая швейцарка, полная ласковости и незаслуженной заботливости ко мнѣ. Она разсказываетъ мнѣ о мужѣ-офицерѣ горнаго швейцарскаго отряда, къ которому она ѣдетъ на южную границу Швейцаріи, о его смѣлости, о его исключительныхъ отношеніяхъ съ солдатами, за которыя его не любятъ другіе офицеры. „Онъ демократъ, мой мужъ, до мозга костей демократъ, какихъ и въ Швейцаріи не много. По счастью, и швейцарское правительство цѣнитъ въ немъ это, онъ быстро получаетъ повышенія. А отрядъ, которымъ онъ командуетъ, обожаетъ его. Они, какъ орлы, взбираются на самыя крутыя горныя вершины—они не допустили бы никого перейти границу Швейцаріи... Богъ дастъ, имъ не придется драться. Но странно всетаки: если бы итальянскія войска ринулись черезъ Швейцарію“...

— Итальянскія войска? Но куда?

— На Австрію, конечно. Развѣ вы не знаете: итальянцы ненавидятъ Австрію... И потомъ кто знаетъ—когда въ мірѣ начался такой адъ... Всѣ боятся всѣхъ... Нейтралитетъ ни отъ чего не гарантируетъ... Несчастная Бельгія!... О, какъ бы я пошла туда въ сестры милосердія... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я уже прошла такіе курсы, теперь думаю поступить еще разъ, повторить... Если даже я не уѣду изъ Швейцаріи,—кто знаетъ: можетъ быть, намъ придется ухаживать за ранеными здѣсь—не за своими, такъ за иностранцами... Кровь повсюду кругомъ, мирная Швейцарія должна облегчать страданія...“

За нѣсколько дней моего пребыванія въ Цюрихѣ и Бернѣ мнѣ пришлось бесѣдовать со многими швейцарцами: въ моменты общаго возбужденія легко завязываются разговоры съ чужими людьми,—и у всѣхъ я встрѣчала тѣ же настроенія, тѣ же мысли: испугъ передъ разыгравшимися событіями и особенную, приподнятую любовь къ своей маленькой миролюбивой родинѣ, чувство удовлетворенія отъ того, что она оказалась предусмотрительной, готовой къ вооруженной оборонѣ своего нейтралитета, и сознаніе, что нельзя оставаться пассивнымъ въ міровомъ бѣдствіи: если судьба позволитъ Швейцаріи сохранить миръ,—нужно по-

могать жертвамъ войны, перевязывать раны, облегчать страданія...

Но вотъ мы уже подъѣхали къ городку Бригъ,—къ подножію Симплона. Въ узкой долинѣ, по которой мчится мутно-зеленоватая горная рѣка, виднѣется пограничный лагерь швейцарскихъ войскъ. Моя ласковая спутница выходитъ здѣсь, осыпая меня самыми теплыми пожеланіями.

III. Черезъ Италію и Грецію.

Уже на послѣдней пересадкѣ передъ Бригомъ въ нашъ вагонъ набралось множество бѣдно одѣтыхъ, оборванныхъ итальянцевъ. Мы разговорились съ ними: это возвращающіеся на родину чернорабочіе, изгнанные войною изъ Германіи, Австріи, Франціи, изъ самой Швейцаріи. Множество предпріятій разорилось и закрылось въ одинъ день, десятки тысячъ непритязательныхъ рабочихъ-итальянцевъ, разсѣянныхъ по Европѣ, сразу лишились заработка; многіе не получили даже заработаннаго за послѣднее время и теперь, при участіи итальянскаго правительства, возвращаются на родину, гдѣ ждетъ ихъ, вѣроятно, безработица и страшная нужда. Нѣкоторые поражаютъ своей неразвитостью. Мой сосѣдъ, справившись, откуда и куда я ѣду, и узнавъ, что путь мой лежитъ черезъ Грецію, отзывается полнымъ невѣдѣніемъ такой страны. Я думаю въ первую минуту, что ошибаюсь въ итальянскомъ наименованіи Греціи, заглядываю въ свой словарикъ,—но нѣтъ, молодой итальянецъ понятія не имѣетъ о томъ, что такое Grecia, что такое il greco; другой, какъ будто бы даже встрѣчалъ грековъ, но не знаетъ, гдѣ они живутъ, и вообще совсѣмъ не представляетъ себѣ европейской карты. Всѣ они безпокойно оживлены, разговорчивы, но сумрачны, и пѣсня, которую они затягиваютъ хоромъ, звучитъ тоскливо.

Въ Бригѣ, мѣняя поѣздъ, я попадаю въ старый, грязный вагонъ, биткомъ набитый этими жертвами войны. Едва-едва нашлось маленькое мѣстечко для меня на краю узкой скамейки. Весь полъ заваленъ жалкимъ скарбомъ, не умѣстившимся на полочкахъ, надъ скамьями. Воздухъ ужасный. Среди этихъ голодныхъ людей—многіе нетрезвы; шутки ихъ съ единственной, кромѣ меня, женщиной въ вагонѣ—бѣдной, бойкой итальянкой—циничны, и когда поѣздъ входитъ въ безконечно длинный, душный симплонскій туннель, становится тяжко, почти жутко въ этомъ смрадномъ людномъ вагонѣ, еле освѣщенномъ мигающей стеариновой свѣ-

чой. Грубость, озлобленіе, темнота душевная чувствуются въ разговорахъ, въ позахъ и жестахъ, даже въ хохотѣ этихъ несчастныхъ людей... Ѣдкій дымъ и паръ локомотива ползетъ въ открытое окно. Нѣсколько разъ замедляется ходъ поѣзда въ туннелѣ почти до полной остановки—говорятъ, здѣсь были недавно обвалы. Наконецъ, заскользили отблески дневного свѣта по неровнымъ стѣнамъ туннеля, стало легче дышать,—поѣздъ вырвался изъ каменныхъ тисковъ на солнце...

Крѣпость Iselle — граница Италіи. Толпы итальянскихъ рабочихъ изъ нашего вагона и изъ сосѣднихъ высыпаютъ на платформу — мужчины, женщины съ грудными дѣтьми. Тискаясь и толкаясь углами своихъ облѣзлыхъ сундучковъ, которые они тащатъ кто на спинѣ, кто передъ собою, направляются всѣ къ таможнѣ. При выходѣ изъ залы досмотра, въ полутемномъ коридорѣ вокзала, итальянецъ въ желѣзнодорожной формѣ раздаетъ женщинамъ бутылочки съ молокомъ для дѣтей и хлѣбъ. Мнѣ объясняютъ, что здѣсь, на границѣ, организована помощь бѣглецамъ, есть большой ночной пріютъ, и вотъ приходится кормить хоть дѣтей. Видимо, въ этомъ есть большая нужда: не успѣла я сѣсть въ вагонъ, на этотъ разъ чистый и съ иною публикою, какъ на платформѣ поднимается тревога: я вижу въ окно блѣдную, растрепанную женщину, которая, присѣвъ на корточки, держитъ въ рукахъ крошечнаго, закатившаго глаза ребенка. Ко рту его окружающіе приставляютъ рожокъ съ молокомъ, но онъ не беретъ его и только хрипитъ. Кондукторъ объясняетъ, что ребенокъ переголодался—нѣсколько дней безъ пищи, навѣрное,—умретъ... Поѣздъ трогается, оставивъ на платформѣ мать съ умирающимъ ребенкомъ...

Сумерки подходятъ, розово-желтый отблескъ закатывающагося солнца горитъ на вершинахъ горъ, которыя уже разступаются, давая мѣсто хорошо обработаннымъ, усаженнымъ плодовыми деревьями ломбардскимъ равнинамъ. И воздухъ словно иной, болѣе теплый и мягкій, и все дышитъ миромъ. Я спохватываюсь, что на границѣ у насъ даже не посмотрѣли паспортовъ и вообще ни въ чемъ не чувствуется приготовленій Италіи къ войнѣ, мобилизаціи, о которой такъ много говорили въ Швейцаріи. Заговариваю съ сидящимъ противъ меня представительнымъ итальянцемъ—портье и переводчикомъ одного большого отеля, какъ онъ мнѣ вскорѣ рекомендуется:

— Повидимому, въ Италіи совсѣмъ не чувствуется война. Нигдѣ я не вижу здѣсь войскъ.

— О, помилуйте, сударыня! Мы готовимся, какъ и всѣ. Войска

не видно, но его очень много на швейцарской границѣ. Если бы они вздумали спуститься къ намъ со своихъ горъ, они бы увидѣли...

— Швейцарцы? Полноте! Съ какой стати?

— Но имъ предстоитъ голодъ. Подвозъ прекратился изъ-за войны, хозяйства разорены изъ-за мобилизаціи... Et quand ils finiront leurs sacs de pomme-de-terre et viendront chez nous—ого-го! Мы имъ покажемъ!... Что дѣлать! Когда такое началось во всей Европѣ, всякій долженъ бояться сосѣда.

Почему-то къ Швейцаріи у него особенно сухое отношеніе. Къ Франціи, говоритъ онъ, всѣ въ Италіи относятся сочувственно; Австрія всѣмъ ненавистна. Онъ обнаруживаетъ нѣкоторыя познанія по исторіи австро-итальянскихъ отношеній, но Германія и Англія рисуются ему, повидимому, только въ образѣ отдѣльныхъ нѣмцевъ и англичанъ, которыхъ ему пришлось немало встрѣтить на своемъ жизненномъ пути; никакихъ общихъ взглядовъ на ихъ счетъ, никакихъ политическихъ горизонтовъ. Однако при первой возможности онъ покупаетъ газету и начинаетъ съ жадностью читать все, что относится къ войнѣ. Позднѣе я убѣдилась, что всѣ итальянцы страстно слѣдятъ за войной. Сообщенія о ней воспламеняютъ ихъ кровь; возможно даже, что иные мирные буржуа, вовсе не желающіе, чтобы Италія втянулась въ міровую борьбу и не интересующіеся этой борьбой по существу, испытываютъ при чтеніи газетъ какое-то отдаленное подобіе тѣхъ чувствъ, которыя влекли ихъ отдаленныхъ предковъ въ циркъ—смотрѣть на бой гладіаторовъ...

Пока мой спутникъ читаетъ газету, я говорю съ молодой полькой, которая служитъ на желѣзной дорогѣ въ Варшавѣ и страшно тревожится тѣмъ, что ей не удастся къ сроку вернуться въ свое правленіе. Она, несомнѣнно, говоритъ по-русски, но мы обѣ еще не знаемъ о томъ, что совершилось за послѣдніе дни на почвѣ русско-польскаго вопроса—какой-то смутный слухъ объ этомъ, основанный на краткомъ газетномъ сообщеніи, долетѣлъ до меня въ Швейцаріи, но показался мнѣ маловѣроятнымъ,—и, боясь затронуть больную струну въ душѣ моей спутницы, стыдясь своихъ преимуществъ передъ нею въ Россіи и потому ёжась, я предпочитаю говорить съ нею на нейтральномъ французскомъ языкѣ и на нейтральныя темы. Теперь мы, вѣроятно, говорили бы уже иначе... Она сдержанна, какъ будто слегка недовѣрчива, но мало-по-малу становится очень любезной, и я даже рѣшаюсь предложить ей вмѣстѣ отыскать дешевую гостиницу въ Миланѣ, куда мы пріѣдемъ неизвѣстно, въ которомъ часу,—потому что поѣзда

и здѣсь ходятъ изъ-за войны безъ точнаго расписанія,—но во всякомъ случаѣ поздно вечеромъ.

Гаснетъ закатъ надъ тихими прекрасными итальянскими озерами, мимо которыхъ мы проѣзжаемъ; смутно чернѣютъ кипарисы вокругъ изящныхъ маленькихъ виллъ. Уже мерцаютъ вечерніе огни, и медленно, подолгу задерживаясь на станціяхъ, мы подъѣзжаемъ, наконецъ, къ Милану. Знакомый вокзалъ, но новыя настроенія все окрашиваютъ по-новому. Мнѣ кажется, что и на площади, и на улицахъ, по которымъ мы идемъ къ указанной намъ гостиницѣ, въ оживленіи разговаривающихъ группъ, въ выкрикахъ газетчиковъ чувствуется отраженіе войны...

Утромъ, разспрашивая привѣтливыхъ встрѣчныхъ итальянцевъ о томъ, какъ пройти на почтамтъ, лечу черезъ весь городъ туда: жду условленнаго письма отъ Ильиныхъ. Итальянскій почтарь, какъ это имъ свойственно, сейчасъ же выкладываетъ мнѣ всѣ письма, адресованныя моимъ однофамильцамъ безъ различія собственнаго имени, неохотно принимаетъ ихъ обратно и заявляетъ, что больше ничего нѣтъ. Иду на вокзалъ, въ складъ ручного багажа, гдѣ Ильинъ долженъ былъ оставить, на случай неаккуратности итальянской почты, другое письмо. Тоже—ничего. Иду справляться, можно ли получить билетъ на пароходъ, отходящій въ Константинополь изъ Венеціи; оказывается, что на двѣ недѣли впередъ все разобрано. Можетъ быть, черезъ Бриндизи можно скорѣе проѣхать, говорятъ мнѣ; но въ головѣ у меня застряло сообщеніе русской миссіи въ Бернѣ о томъ, что въ Бриндизи уже двѣ тысячи русскихъ ждутъ очереди на маленькіе греческіе пароходы, отходящіе оттуда даже не ежедневно. Ужасно тяжело дѣлается на душѣ. И такой крошечной, ничтожной чувствую я себя въ этомъ огромномъ нарядномъ и оживленномъ городѣ подъ яркимъ небомъ, съ котораго льется удушающій, разслабляющій жаръ. Только въ соборѣ, гдѣ усердно молятся въ сумракѣ нѣсколько бѣдно одѣтыхъ женщинъ, удается мнѣ вновь собрать мысли, найти себя, свое отношеніе къ міру, къ людямъ, ко всему совершающемуся... Надо всетаки предпринять что-нибудь, чтобы скорѣе выбраться отсюда. Простившись въ гостиницѣ съ моей спутницей полькой, которая съ сумрачной энергіей спѣшитъ на вокзалъ, надѣясь—вопреки всѣмъ сообщеніямъ—пробраться въ Россію черезъ Венецію, и, выслушавъ отъ засидѣвшихся въ столовой русскихъ нѣсколько путанныхъ устрашающихъ слуховъ о небезопасности пароходнаго сообщенія съ Россіей,—направляюсь въ русскую миссію. Въ длинномъ полутемномъ залѣ стараго миланскаго палаццо—толпа народа. Окруженный ею русскій кон-

сулъ, итальянецъ, говоритъ что-то на очень плохомъ французскомъ языкѣ. Не пробраться къ нему, не добраться до смысла того, что онъ говоритъ. Стоящіе подлѣ меня передаютъ, что рѣчь идетъ о пароходѣ, который долженъ быть зафрахтованъ для русскихъ при участіи живущаго въ Римѣ посла Крупенскаго. Та же исторія, что и въ Бернѣ... Вдругъ, слава Богу: вижу въ толпѣ Ильина. А я ужъ думала, что придется ѣхать одной. Оказывается, итальянцы-таки не передали мнѣ его письма, которое черезъ полчаса и было вытребовано нами.

Опять легче стало на душѣ. Я быстро перебралась въ отдаленный отъ центра пансіонъ, гдѣ остановились Ильины, и мы принялись хлопотать о билетахъ. Пока контора Кука посылала запросъ въ Бриндизи, мы ходили по Милану, заговаривая по всевозможнымъ поводамъ съ множествомъ итальянцевъ, читали газеты, визировали паспорта. Мучило нетерпѣніе, сердили соотечественники, жившіе въ нашемъ людномъ пансіонѣ и сладострастно передававшіе другъ другу волнующіе слухи о закрытіи Дарданеллъ, о боевой готовности Турціи. Миссія, куда мчались къ тремъ часамъ всѣ русскіе, путала умы разнорѣчивыми сообщеніями и указаніями. Не успѣло большинство вознадѣяться на зафрахтовку парохода Крупенскимъ, какъ вывѣшено было заявленіе, что это предположеніе разстраивается изъ-за недостатка угля въ Италіи. На слѣдующій день всѣмъ давали совѣтъ выбираться въ Россію какъ кто можетъ—за собственный счетъ и рискъ. А въ тотъ день, когда контора Кука сообщила намъ, наконецъ, радостную вѣсть, что билеты на ближайшій пароходъ, отходящій изъ Бриндизи, для насъ имѣются, прибѣжавшіе въ контору русскіе упрашивали взять заказанные ими билеты обратно, ибо въ консульствѣ только что вывѣшена телеграмма русскаго посла въ Греціи Нелидова, который проситъ консула никоимъ образомъ не допускать русскихъ ѣхать на Аѳины... Быть можетъ, въ одиночествѣ трудно было бы не поддаться заразѣ этого смятенія, отчаянію отъ всѣхъ этихъ сбивающихъ съ толку указаній. Но вмѣстѣ было легко. Мы вспоминали разсказъ сидѣвшаго подъ арестомъ въ Линдау русскаго путешественника, поддавшагося галлюцинаціямъ: „кругомъ меня—нѣмецкіе солдаты, а я вижу—львы“,—и когда начинались кругомъ мрачные фантастическіе разсказы, мы переглядывались, говорили другъ другу: „львы!“—и воображеніе протрезвлялось.

Ну, слава Богу! Кончились всѣ эти мытарства. Квитанціи отъ билетовъ у насъ въ рукахъ, мы спозаранку ѣдемъ въ Бриндизи, чтобы получить скорѣе самые билеты и обезпечить себѣ мѣста

на пароходѣ: кто его знаетъ, можетъ быть, въ Бриндизи дѣйствительно множество ожидающихъ очереди русскихъ. На вокзалѣ намъ усердно помогаетъ въ разныхъ хлопотахъ интеллигентный нѣмецъ, принявшій сначала Ильина за своего соотечественника, но не перемѣнившій тона и послѣ того, какъ выяснилось, что мы русскіе. „Неужели оттого, что народы наши вступили въ борьбу, мы, и какъ частные люди, на нейтральной почвѣ, должны испытывать враждебныя чувства другъ къ другу“, говоритъ онъ съ милой грустной улыбкой. Наконецъ, мы въ вагонѣ. Два плотныхъ смуглыхъ итальянца ведутъ съ нами бесѣду,—конечно, о войнѣ. „Что сказалъ бы объ этой войнѣ вашъ Толстой!“, со вздохомъ замѣчаетъ одинъ изъ нихъ. Другой, болѣе живой по темпераменту, возбужденно толкуетъ о томъ, что итальянскій король, какъ и приспособляющееся къ нему правительство, находится въ разногласіи съ народомъ по вопросу о войнѣ. „Но они не заставятъ насъ итти противъ Франціи и Россіи, парламентъ уже высказался по этому поводу,—говоритъ онъ.—Противъ Австріи—это другое дѣло, и когда придетъ часъ, повѣрьте, они не смогутъ намъ помѣшать: мы ихъ...“, и онъ дѣлаетъ энергичный, выразительный жестъ пальцемъ сверху внизъ.

До Бриндизи скорымъ поѣздомъ двадцать съ лишкомъ часовъ пути. Мы несемся черезъ всю Италію—мимо историческихъ городовъ и мѣстечекъ, названія которыхъ такъ много говорятъ воображенію. По одну сторону обрысовывается, то приближаясь, то удаляясь, цѣпь Апеннинъ, по другую—вплоть до Адріатики—равнина: правильные небольшіе четырехугольники полей, обсаженные деревьями, которыя соединяются между собою красивыми гирляндами хмеля и винограда. Въ тряскомъ вагонѣ—духота, угольная пыль, шумъ и трескъ. Къ вечеру уже начинаетъ томить усталость, палитъ жажда; сидящій поблизости старый рабочій ежеминутно запрокидываетъ въ ротъ большую бутылку съ краснымъ виномъ въ соломенной оправѣ и, разговаривая о войнѣ, добродушно угощаетъ этимъ же виномъ спутниковъ. Ночь трудная, безсонная, нельзя протянуть ноги: на свободныхъ лавкахъ, подлѣ устало дремлющихъ бѣдныхъ матерей разметались почти голыя смуглыя дѣти. Но зато желѣзная дорога подошла теперь къ самому морю; соленое дыханіе его проникаетъ въ окно, отраженія звѣздъ плещутся въ тихо набѣгающихъ на берегъ волнахъ, и на отдаленныхъ, подернутыхъ туманомъ, скалистыхъ мысахъ, какъ живыя, шевелятся, мерцая, огни прибрежныхъ городковъ. Въ вагонѣ какъ будто тише, и мы коротаемъ время въ разговорахъ, пока не начинаетъ свѣтать, свѣтлѣть, ро-

зовѣть въ небѣ и въ морѣ, пока не выкатывается, наконецъ, изъ-за горизонта, легко и торжественно, пылающій, ослѣпительный солнечный шаръ. Еще прекраснѣе кажется, чѣмъ всегда, еще болѣе захватываетъ и поднимаетъ душу этотъ восходъ солнца надъ моремъ при смутно волнующихъ, непрерывныхъ мысляхъ о разыгравшейся въ мірѣ великой трагедіи...

Пейзажъ кругомъ—уже совсѣмъ южный: на неровномъ желтомъ скалистомъ берегу, по обѣимъ сторонамъ дороги, растутъ только серебристыя маслины и агавы, а море синѣетъ такъ ярко и плещетъ жемчужной пѣной. Въ придорожныхъ мѣстечкахъ маленькіе дома съ плоскими кровлями и узкими оконцами кажутся совсѣмъ замученными солнцемъ. Опять удушающая жара, пыль и трескъ въ вагонѣ, и нетерпѣніе: когда же Бриндизи?..., а все остальное, какъ во снѣ. Наконецъ, пріѣхали. Думается, вотъ тутъ близко море, пляжъ, можно вздохнуть. Ничего подобнаго: раскаленный камень длинныхъ, ровныхъ улицъ, залитые солнцемъ прозаическіе каменные кубики домовъ, нигдѣ никакой тѣни, ни деревца, ни навѣса надъ дверьми. Лѣниво двигаются кое-гдѣ разомлѣвшіе обыватели, лѣниво жуютъ какія-то сѣмечки торговцы, сидя на соломенныхъ стульяхъ подлѣ своихъ лавокъ; лѣниво шагаетъ подлѣ запряженнаго ослика полуголый погонщикъ. Кажется, мы заѣхали на край свѣта, далеко-далеко отъ всего, что живетъ по-настоящему, движетъ и осмысляетъ жизнь. И до моря такъ далеко кажется итти по этой жарѣ съ мелкимъ багажомъ въ рукахъ. Мы ходимъ часъ, больше часа, выискивая дешевое и мало-мальски сносное пристанище. Наконецъ, остановились въ сомнительной греческой гостиницѣ „Европа“, вдали отъ моря. Въ столовой—все дѣловой итальянскій народъ. Русскихъ нигдѣ ни души. Говорятъ: какіе пріѣзжали къ пароходамъ, тѣ и отплыли. Намъ больше сутокъ до отплытія. Стараемся превозмочь невзгоды шутками, наблюдаемъ нашего смѣшного, расторопнаго слугу-итальянца Доме́нико, нѣчто вродѣ захолустнаго Фигаро въ толстой шерстяной фуфайкѣ на голое тѣло; разсматриваемъ бриндизійскихъ жителей, которые къ вечеру просто сидятъ себѣ на стульяхъ, разставленныхъ кучками по широкой панели, играютъ въ карты, вяло перекидываются словами или спорятъ и бранятся. Потомъ мы вовлекаемся, по-русски, въ затяжной, горячій споръ на серьезныя темы и расходимся порядочно утомленные. Въ каморкѣ моей грязь неописуемая; окна не полагается; вмѣсто него дверь со стеклышкомъ на узкій балконъ, опоясывающій крохотный свѣтовой дворикъ съ кухней въ нижнемъ этажѣ. Къ полночи въ гостиницу нагрянула

новая партія постояльцевъ, зазвучалъ повсюду громкій итальянскій говоръ и развязный смѣхъ, въ кухнѣ начали что-то жарить, и ѣдкій чадъ, пробравшись въ мою комнату, до утра не давалъ спать, а мысли плыли, плыли безъ конца, и въ такой дали оставалась Россія... Томительнѣе этой ночи ничего не было въ нашемъ путешествіи.

На слѣдующій день, послѣ полудня, перебираемся на пароходъ, отплывающій только вечеромъ. Пароходъ маленькій, скверный, грязный, жара адская, но на водѣ легче и кругомъ какъ будто какая-то жизнь: суда, лодки; небольшой австрійскій крейсеръ у берега слегка будоражитъ воображеніе; на берегу красивая южная вилла среди пальмъ. Съ вокзала, съ поѣзда, съ которымъ и мы пріѣхали изъ Милана, начинаютъ съѣзжаться пассажиры,—среди нихъ оказывается нѣсколько петербургскихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ членъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей" К. В. Аркадакскій съ женою; всѣ они въ первомъ классѣ, но видѣться и говорить можно. Нѣкоторые пріѣхали изъ Парижа, пережили тамъ дни мобилизаціи, общее волненіе, общее движеніе на защиту страны, быстрое преображеніе блистательнаго, оживленнаго города въ какой-то новый, величаво строгій... На палубѣ второго и третьяго класса знакомыхъ нѣтъ, но среди итальянцевъ и грековъ, торопящихся по дѣламъ въ Аѳины и Константинополь, румынъ, поспѣшно, въ виду войны, возвращающихся на родину, набирается порядочно русской интеллигенціи. Быстро завязываются знакомства, начинаются разговоры. „Проѣдемъ ли?"—„Открыты ли Дарданеллы?..."—„Но если они и закрыты, проѣдемъ на Дедеагачъ и Адріанополь!"—„Но, говорятъ, въ Пиреѣ или даже въ Аѳинахъ—холера, чума".—Ну, это, положимъ, „львы..." Приносятъ свѣжія газеты, впервые повѣствующія объ инцидентѣ „Гебенъ" и „Бреслау", о предъявленномъ Турціи ультиматумѣ союзниковъ. Это ужъ, повидимому, не „львы". Если Турція взбаламутится, пожалуй, и на Адріанополь не проѣдешь, надо искать еще какой-нибудь путь. Денегъ маловато у всѣхъ насъ, задержаться гдѣ-нибудь никакъ невозможно. И еще болѣе томитъ нетерпѣніе. А пароходъ все стоитъ и не разводитъ паровъ, хотя ужъ и вечеръ наступилъ, скоро пора двигаться: говорятъ, съ вечернимъ поѣздомъ пріѣдетъ еще много народу, хотя каюты наши, разсчитанныя всего человѣкъ на восемьдесятъ, давнымъ-давно переполнены, и на узкой палубѣ становится все тѣснѣе. Уже совсѣмъ темно. На австрійскомъ крейсерѣ зажглись цвѣтные огни, тамъ идетъ таинственная жизнь. Издали, съ моря, отгороженнаго отъ насъ моломъ и

мысомъ, быстро двигаются, задѣвая и берегъ, и насъ, и облака въ небѣ, гигантскіе свѣтовые щупальцы прожекторовъ... А на набережной, въ освѣщенной тавернѣ, итальянцы беззаботно поютъ и пляшутъ. Толпа снуетъ, разносчики, итальянцы и греки, проталкиваются съ товарами по нашей палубѣ. Уже шипятъ пары и валитъ дымъ изъ пароходной трубы, когда мелкорослыя бриндизійскія лошаденки со звоночками начинаютъ подвозить съ вокзала экипажи, нагруженные вещами и вновь прибывшей публикой. Греческая пароходная компанія беретъ втридорога и всѣхъ пускаетъ. Пассажиры занимаютъ всѣ скамейки вдоль палубнаго борта, всѣ имѣющіеся на пароходѣ стулья и, наконецъ, отвоевывая другъ у друга каждый клочокъ мѣста, устраиваются на полу...

Полночь. Послѣднія приготовленія, пароходъ сталъ тихо поворачиваться. Звонко раздается во мракѣ непонятная намъ перекличка капитана съ кѣмъ-то остающимся на берегу, и мы уже окружены водою. Цвѣтные фонарики въ концѣ мола прошли совсѣмъ близко подлѣ насъ, открылось тихое, ровное, черное море,— и огромная радость, радость отплытія и устремленія впередъ, сошла въ душу...

Долго еще нельзя было заснуть. Я не пошла въ каюту; тамъ жара, вентиляторовъ нѣтъ, воздухъ, какъ въ ночлежномъ домѣ. А на палубѣ дуетъ въ лицо освѣжающій вѣтерокъ, слышны сквозь мѣрный стукъ работающей машины плескъ и бульканье разсѣкаемой пароходомъ морской воды. Я устроилась у стѣнки на раскладномъ полотняномъ стулѣ, и мнѣ такъ хорошо оттого, что мы ѣдемъ, оттого, что мы въ морѣ. Я дремлю, то засыпаю, то какъ-то не сразу и не совсѣмъ просыпаюсь, гляжу на чернѣющія кругомъ меня фигуры беззаботно спящихъ въ самыхъ неудобныхъ позахъ южанъ, на усталыя, блѣдныя лица тревожно дремлющихъ русскихъ. Странно, что среди русскихъ огромное большинство женщинъ. Прямо передо мной, еле освѣщенныя издали тусклымъ фонаремъ, на узкой лавочкѣ у борта, двѣ женщины, двѣ сестры, которыхъ я сразу замѣтила на пароходѣ: обѣ уже старыя, но величаво красивыя, съ умными большими темными глазами; одна полная, съ больнымъ сердцемъ, которое она ѣздила лѣчить, другая—худощавая, строгая. Теперь больная дремлетъ, опустивъ готову на плечо своей сестры, а та сидитъ прямо и неподвижно, съ открытыми глазами и необычайно трагическимъ выраженіемъ лица. Много разъ въ теченіе ночи, просыпаясь, я смотрю на нихъ. Уже брезжитъ свѣтъ, лица ихъ кажутся сѣрыми и въ покоѣ своемъ точно каменными, а у той—все попрежнему широко открыты большіе, глубокіе, страдальчески се-

рьезные глаза... Подъ утро налетаетъ сильный, холодный вѣтеръ, я начинаю зябнуть, и, замѣтивъ это, добрые чужіе люди совѣтуютъ мнѣ перейти на другую сторону парохода, переносятъ мой стулъ, стараются устроить меня какъ можно удобнѣе. Я не помню уже, кто это былъ, но въ душѣ осталось ощущеніе теплой заботы незнакомыхъ людей на свѣжемъ морскомъ просторѣ.

Съ ранняго утра горитъ солнце надъ прозрачной, ярко-синей водной глубиной, сверкаютъ алмазныя искры въ волнахъ. Мы уже пересѣкли Адріатическое море и плывемъ къ югу, вдоль округлыхъ, голыхъ, розовато-желтыхъ скалъ, на которыхъ виднѣются лишь темныя пятна травы или чахлыхъ кустарниковъ. Неужели это берегъ Греціи?... Наконецъ, и съ другой стороны парохода начинаютъ вырисовываться сквозь туманъ очертанія скалистаго берега: это островъ Корфу... Солнце печетъ уже невыносимо, и у всѣхъ потъ градомъ катится съ лица, когда мы подплываемъ къ заливу, въ глубинѣ котораго виднѣется городокъ. Странно, что здѣсь живутъ—правда, зимою—многіе богатые европейцы: пустынныя крутыя скалы, внизу которыхъ лѣпятся одинъ надъ другимъ разноцвѣтные домики, скудная южная растительность, въ сторонѣ—не то крѣпость, не то суровая казарма. Только многочисленныя лодки подъ цвѣтными зонтиками, которыя быстро несутся къ намъ со всѣхъ сторонъ, указываютъ на то, что въ городкѣ есть своеобразная жизнь. Лѣзутъ на бортъ къ намъ разносчики съ фруктами, съ папиросами, съ четками изъ раковинъ, съ газетами, толкаются, ссорятся и даже буквально дерутся, наперебой предлагая товаръ. Газеты здѣсь уже греческія. Ильинъ при посредствѣ древне-греческаго кое-какъ разбирается въ нихъ; другіе обращаются къ помощи стараго грека, говорящаго по-французски. Инцидентъ „Гебенъ“ и „Бреслау“ въ полномъ разгарѣ, а что касается Дарданеллъ, то одна газета говоритъ такъ, другая этакъ. Скорѣе бы узнать все въ Аѳинахъ.

Долго стоимъ въ Корфу, потомъ выходимъ опять въ открытое море,—еле виденъ берегъ съ одной стороны,—и вдругъ замѣчаемъ вдали какую-то морскую эскадру съ двумя бѣлыми крейсерами и пятью темнѣющими миноносцами. Долго смотримъ на нихъ въ бинокль. Въ публикѣ волненіе. Капитанъ предупреждаетъ, чтобы мы не пугались въ случаѣ, если насъ остановятъ и будутъ осматривать пароходъ,—это англичане. Но эскадра постепенно удаляется отъ насъ, и мы ѣдемъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній.

Въ сумракѣ, на поворотѣ къ Коринѳскому проливу, насъ порядочно покачало; многимъ стало нехорошо, но у болѣе опыт-

ныхъ спутниковъ нашихъ нашелся коньякъ и другія средства противъ морской болѣзни, и дружеская услужливость, забота другъ о другѣ, общія шутки въ борьбѣ съ новой невзгодой создали у насъ, на палубѣ второго и третьяго класса, такую атмосферу, что когда качка прекратилась, всѣмъ казалось уже совсѣмъ все удобно и хорошо. Каждый тайно несъ въ душѣ какую-нибудь тревогу, мучился безъ вѣстей отъ родныхъ и близкихъ, каждому пришлось пережить въ дни объявленія войны большое волненіе и много всякихъ трудностей изъ-за внезапнаго безденежья, пройти черезъ минуты тягостныхъ колебаній передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на смутно рисующійся, связанный съ разными неожиданностями переѣздъ. Вотъ эта болѣзненная женщина съ умнымъ лицомъ, жена петербургскаго инженера, едва оправилась отъ болѣзни въ курортѣ, и чего ей стоило взять на себя отвѣтственность за такой переѣздъ съ двумя дѣвочками-гимназистками. Эта бѣлокурая, добродушно-энергичная одесситка, съ малороссійскимъ говоромъ, ѣдетъ съ двумя молодыми дѣвушками, своей дочерью и ея подругой, которыя только что подверглись серьезной операціи въ Лозаннѣ. Та престарѣлая учительница, недавно выслужившая пенсію, надѣялась было отдохнуть за всю жизнь, пожить въ Швейцаріи, и вотъ приходится спѣшить назадъ, въ Россію. Тотъ корректный и благодушный русскій нѣмецъ, инженеръ-фабрикантъ изъ Риги, съ нездоровой женой и двумя почти не говорящими по-русски юными дочками, ѣдетъ съ безпокойствомъ о томъ, какъ приметъ ихъ вторая его родина, Россія. Два русскихъ офицера въ штатскомъ платьѣ, едва успѣвшіе выбраться изъ Австріи, торопятся въ армію, въ бой, и не знаютъ, пропуститъ ли ихъ Турція. Ильинъ не можетъ не задумываться о томъ, удастся ли ему довезти до дому диссертацію о Гегелѣ, стоившую ему многихъ лѣтъ труда и еще не совсѣмъ законченную. Но надъ всѣмъ личнымъ стоитъ общая, сближающая всѣхъ большая тревога о томъ, что дѣлается въ Россіи, во Франціи, въ Бельгіи, впервые ставшей всѣмъ близкой, и горячая вѣра въ то, что безпредѣльныя муки войны разрѣшатся побѣдою болѣе гуманныхъ по своимъ стремленіямъ, болѣе благородныхъ въ средствахъ и способахъ борьбы. И по сравненію съ этимъ такъ несущественны всякія различія взглядовъ, привычекъ, индивидуальныхъ особенностей...

Вечеръ и ночь проходятъ. Утромъ мы плывемъ Коринѳскимъ проливомъ, между высокихъ, пустынныхъ, выжженныхъ солнцемъ береговъ, проходимъ черезъ узенькій, какъ тунель, едва пропускающій небольшіе пароходы Коринѳскій каналъ, и передъ нами вновь

открывается море. Въ знойномъ туманѣ плывутъ мимо скалистые острова архипелага. Въ прозрачныхъ зеленовато-синихъ волнахъ видны морскія звѣзды и медузы. Вспоминается Гомеръ, Одиссея... Въ пять часовъ дня мы будемъ въ Пиреѣ.

Вотъ онъ, наконецъ, въ глубинѣ большой округлой бухты, съ десятками пароходовъ и парусныхъ судовъ у пристани. Выше, на холмѣ, Аѳины, а надъ ними крутыя, сіяющія горы. Что это виднѣется тамъ, на вершинѣ?... Не Акрополь ли?... И всѣ глядятъ, вглядываются, волнуясь, отдаваясь игрѣ воображенія... Здѣсь, въ Аѳинахъ, мы узнаемъ, наконецъ, куда намъ держать путь, скоро ли доберемся мы до Россіи. Но Акрополь, съ которымъ столько связано въ душѣ у всѣхъ живыхъ людей—нельзя же не увидѣть его и при такихъ обстоятельствахъ.

Сталъ на якорь, вдали отъ берега, нашъ пароходъ. У борта прыгаютъ по волнамъ лодки съ крикливыми лодочниками-греками. Спускаемся, переправляемся, лавируя между полчищами отдыхающихъ у берега судовъ. На цѣлый часъ заботы о дальнѣйшемъ пути и разныхъ житейскихъ мелочахъ отрываютъ насъ отъ мыслей объ Аѳинахъ. Мужчины бѣгутъ въ русскую миссію и къ разнымъ консуламъ. Нѣкоторые, не дождавшись ихъ возвращенія, рѣшаются, по совѣту какихъ-то переводчиковъ, сѣсть на пароходъ, отплывающій немедленно. Наконецъ, послѣ надлежащихъ справокъ, выясняется, что всего скорѣе и вѣрнѣе мы проѣдемъ въ Россію, взявъ завтрашній пароходъ прямого сообщенія на Салоники, а оттуда—желѣзной дорогой на Сербію и Болгарію. Значитъ, все улаживается, и у насъ есть законныя сутки въ Аѳинахъ. Какая радость... Доберешься ли сюда когда-нибудь въ другой разъ!... И мы ѣдемъ въ гору по электрической желѣзной дорогѣ, соединяющей Пирей съ Аѳинами, вглядываясь сквозь спустившіяся сумерки въ окружающій пейзажъ, съ его холмами, плоскими домиками, южной растительностью, и думая о былой прекрасной Греціи, о былыхъ Аѳинахъ, исторія которыхъ разыгрывалась вотъ здѣсь, на этихъ самыхъ холмахъ, на этой самой изсохшей каменистой землѣ... А новыя Аѳины,—большой обычный европейскій городъ, съ множествомъ большихъ, ярко освѣщенныхъ магазиновъ, съ людными, оживленными кафэ, живутъ всею полнотою взбудораженной, по южному кипящей современной жизни. На большой, залитой электрическимъ свѣтомъ площади, съ скверомъ изъ роскошныхъ пальмъ, на всѣ голоса кричатъ мальчишки-газетчики, всовывая въ руки прохожимъ послѣднія извѣстія о войнѣ. Мы спускаемся изъ отеля, чтобы посмотрѣть эту жизнь аѳинской улицы и заходимъ въ „Бюро мор-

скихъ сообщеній". Плохо говорящій по-французски грекъ, твердо стоя на томъ, что ѣхать черезъ Дарданеллы опасно и что лучше взять указанный намъ путь на Салоники и Нишъ, хочетъ поговорить съ нами о войнѣ, но, затрудняясь въ выраженіяхъ, подзываетъ какого-то молодого человѣка съ улицы. Тотъ привѣтливо улыбается, узнавъ, что мы русскіе:

— О, не думайте, что мы не знаемъ Россію... Мы читаемъ вашихъ писателей — по-гречески и по-французски: Тургеневъ, Чеховъ...

Онъ увѣряетъ насъ, что если Турція втянется въ войну, Греція сейчасъ же выступитъ заодно съ союзниками, и мы разстаемся пріятелями. Съ кѣмъ мы ни заговаривали въ Аѳинахъ—всѣ расписывались въ симпатіяхъ къ союзникамъ: „Нашъ король держится, правда, иныхъ взглядовъ... Ну, что-жъ, это и понятно... А мы будемъ еще воевать бокъ-о-бокъ съ вами"...

До поздней ночи гудѣла говоромъ и криками площадь съ роскошными пальмами, не давая спать, а на утро всѣ вскочили рано, съ мыслью объ Акрополѣ. Но предстояло еще много неустранимыхъ житейскихъ дѣлъ, связанныхъ съ отъѣздомъ. Только послѣ полудня, въ самые знойные часы, когда въ Аѳинахъ прекращается даже торговля, побѣжала я къ трамваю, который везетъ къ Акрополю. Камни горѣли подъ ногами, туманился отъ жары мозгъ. Какъ сквозь сонъ смотрѣла я, въ ожиданіи трамвая, на колоннаду аѳинской академіи съ фресками въ глубинѣ, какъ сквозь сонъ разговаривала жестами съ общительной гречанкой-торговкой, подлѣ украшеннаго пальмовыми вѣтвями и цвѣтами ослика, нагруженнаго корзинами фруктовъ; въ полузабытьи доѣхала до Акрополя и стала подниматься въ гору. Но вдругъ словно спала жара, прояснилось зрѣніе... Такія родныя, такія знакомыя—и такія неожиданныя предстали передо мною эти полуразрушенные храмы на вершинѣ скалы, эти дали внизу, городъ на холмахъ, дороги, ведущія къ заливу, къ Фалеру и Пирею, и самый заливъ съ сверкающими на немъ парусами чуть видныхъ отплывающихъ судовъ, и мглистыя горы, полукругомъ замыкающія горизонтъ. Прекрасные героическіе образы древней Греціи, вошедшіе въ душу съ ранней юности и сохранившіеся въ ней со всей свѣжестью и интимностью перваго пріобщенія къ широкому божьему міру, ожили и затрепетали въ воображеніи съ такой силою, что все кругомъ преобразилось, стало на мигъ такимъ, какимъ когда-то было... Но вотъ я слышу—проводникъ объясняетъ и переименовываетъ все, обращаясь къ группѣ нашихъ спутниковъ, тоже взобравшихся на Акрополь. Я прислушиваюсь, вновь вижу передъ

собой дѣйствительность—развалины храмовъ, обломки колоннъ на землѣ, разбитыя, частью реставрированныя каріатиды, остатки чудесныхъ фидіевскихъ горельефовъ. „Вотъ здѣсь венеціанская бомба попала въ колоннаду—видите отъ нея остался слѣдъ въ камнѣ... А это?... Нѣтъ, это уже принадлежитъ римской эпохѣ... Это разрушено турками...“ толкуетъ проводникъ. И я не столько думаю, сколько чувствую, съ силою, доводящею до головокруженія, какъ несутся вѣка и событія міровой исторіи, какъ рушатся государства, поколѣнія и вѣрованія, сокрушаются дивные памятники искусства—не временемъ, а людьми сокрушаются, въ дикомъ ослѣпленіи, въ неистовствѣ войны, какъ теперь, тамъ, въ Европѣ, которую мы всѣ такъ любили, которая казалась единою въ своей культурѣ... Но они все же стоятъ передъ глазами—Парѳенонъ, Эрехтейонъ, Пропилеи и маленькій храмъ богини Побѣды. Матерія разрушилась, но красота, душа ихъ, жива и что-то строгое, важное, свѣтлое,—и обязывающее, и освобождающее,—льетъ намъ въ сердце. И такая тишина кругомъ, такой сіяющій просторъ! Маленькія травки колючими, цѣпкими гирляндами ползутъ по землѣ, между обломками мрамора. Хотѣлось бы сѣсть тутъ, у разбитыхъ колоннъ или на ступеняхъ Пропилей, и сидѣть такъ долго, въ полномъ одиночествѣ, глядя на городъ и на этотъ холмъ, гдѣ собиралось народное собраніе, и туда—на эту странную каменную конуру съ чернѣющимъ отверстіемъ входа—темницу Сократа. Здѣсь, вотъ именно здѣсь онъ умеръ?... Но вѣдь онъ живъ. И Платонъ живъ. Какъ ясно чувствуется въ эту минуту вся его несказанная красота, его духовная близость... Никогда не можетъ умереть воистину живое.

Надо уходить. Пора собираться, ѣхать.

Къ вечеру мы вновь на греческомъ пароходѣ—старомъ, грязномъ, неуклюжемъ, съ зловонной нижней палубой, съ шаткими мостиками между верхними палубами и крутыми, засыпанными углемъ лѣсенками. Но настроеніе у всѣхъ насъ приподнятое: путь нашъ теперь ясенъ и ничѣмъ серьезнымъ болѣе уже не грозитъ. Аркадакскій и Ильинъ достали, на всякій случай, для всей компаніи пропускныя свидѣтельства отъ посланниковъ Сербіи и Болгаріи. Къ тому же на новомъ пароходѣ у насъ есть одно преимущество: верхняя палуба низшихъ классовъ, въ видѣ широкой квадратной площадки на кровлѣ двухъярусныхъ каютъ, помѣщается на носу; дымъ пароходной трубы не осѣдаетъ здѣсь, и передъ глазами такое удивительное зрѣлище: гавань съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и снастей, съ цвѣтными фонариками, отражающимися въ волнахъ, вереницы и груды разсыпавшихся огней на берегу и

на склонахъ берега. Уже сливаются съ сумракомъ ночи очертанія горъ, и смутно рисуется горизонтъ со стороны почернѣвшаго моря, когда мы поднимаемъ якорь. Пароходъ, осторожно пробравшись между другихъ судовъ, выходитъ на просторъ и медленно плыветъ къ сѣверу, не удаляясь отъ берега. Огни Фалера провожаютъ насъ, надъ ними высокій холмъ кажется усыпаннымъ дрожащими и вспыхивающими искрами: это Аѳины... Долго не отрываются отъ нихъ глаза. Наконецъ, они скрылись изъ виду. Пассажиры начинаютъ устраиваться на ночь. У меня и моей сосѣдки—полотняныя кресла на палубѣ; кругомъ насъ, на грязномъ полу, тѣсно прижимаясь другъ къ дружкѣ и подкатываясь вплотную къ нашимъ ногамъ, уже полегли простолюдины-греки, турки, румыны; кто положилъ вмѣсто подушки свой узелокъ, кто подсунулъ подъ голову большой бѣлый хлѣбъ. Дѣвочки, дочки моей сосѣдки, долго еще бѣгаютъ вверхъ и внизъ по лѣсенкѣ, услужливо принося изъ каюты то одно, то другое, наконецъ, успокаиваются; одна подсаживается въ кресло матери и засыпаетъ подлѣ нея. Наступаетъ ночная тишина, такая широкая, глубокая и волнующая, что я не могу и думать о снѣ. Высоко надъ головой, на передней мачтѣ, горитъ сигнальный огонь; онъ прикрытъ снизу рефлекторомъ и не рѣжетъ глазъ, но снасти, веревки, спускающіяся съ вершины мачты, залиты его сіяніемъ и кажутся фантастически-свѣтящимися. Впереди, на самомъ носу судна, гдѣ смутно бѣлѣютъ въ темнотѣ какія-то поднимающіяся кверху, таинственныя изогнутыя трубки, виденъ неподвижный темный силуэтъ наблюдающаго за ходомъ корабля, и ближе—величавая фигура бородатаго турка въ чалмѣ, который дремлетъ, сидя, поджавъ подъ себя ноги по-восточному и скрестивъ руки. А кругомъ—черное, уходящее во мглу море, и небо надъ головой,—чудесное родное небо, все въ звѣздахъ, въ гирляндахъ знакомыхъ созвѣздій. Млечный путь стелется бѣлымъ дымомъ отъ одного края неба до другого. Юпитеръ ярко горитъ въ вышинѣ. Я знаю, откуда онъ виденъ въ эти часы ночи дома, у насъ въ деревнѣ, и кто, навѣрное, смотритъ на него теперь съ балкона, выходящаго въ старый липовый и яблочный садъ. Я ѣду, ѣду!... Скоро уже я буду тамъ, съ ними, въ Россіи. О, какъ хочу я скорѣе работать, присоединиться къ милліонамъ людей, участвующихъ въ этой неимовѣрно-огромной и страшной борьбѣ. Десятки и сотни тысячъ священныхъ человѣческихъ жизней будутъ принесены ей въ жертву, и страданія остающихся въ живыхъ превзойдутъ все, что когда-либо рисовало намъ воображеніе; но я вѣрю, я чувствую, изъ этихъ морей невинной человѣческой крови,

пролитой за грѣхи нравственно-слѣпыхъ и надменныхъ, изъ этого ада изступленій и страданій подымутся ростки новой жизни, забрезжитъ новый свѣтъ... Подъ этимъ звѣзднымъ небомъ, которое горитъ надо мною во всей своей славѣ и красотѣ, восторгъ, „въ которомъ срастаются вершины страданья и блаженства“, заливаетъ сердце.

IV. Черезъ Сербію.

Двѣ ночи плыли мы по Мраморному морю. На разсвѣтѣ второго дня, когда поднялся сильный предутренній вѣтеръ и пароходъ нашъ вздрагивалъ и трясся отъ ударовъ взбѣгающихъ на него валовъ, впереди засвѣтился двойной салоникскій маякъ. Въ пятомъ часу утра, еще до восхода солнца, мы пристали къ берегу. Набережная была уже полна народомъ. Къ пріятному нашему удивленію, насъ встрѣтилъ при выходѣ съ парохода драгоманъ русской миссіи—объясняющійся по-французски турокъ—и предложилъ намъ свои услуги при совершеніи разныхъ формальностей, связанныхъ съ военнымъ временемъ, и переѣздѣ на вокзалъ желѣзной дороги. Тамъ нужно будетъ взять билеты только до сербской границы, потому что Сербія перевозитъ всѣхъ русскихъ даромъ, сообщилъ онъ. Мы проѣхали въ экипажахъ по пыльнѣйшимъ дорогамъ и улицамъ невзрачнаго торговаго города съ турецкимъ и греческимъ населеніемъ, посидѣли пару часовъ за грязными столиками во дворѣ весьма наивнаго мѣстнаго кафэ, неподалеку отъ вокзала, и часовъ въ десять утра тронулись въ путь. Непривѣтливыя болотистыя равнины тянулись по сторонамъ дороги. Иногда мы встрѣчали какое-нибудь покинутое, расшибленное пушечнымъ снарядомъ каменное зданіе: недавно еще война прошла здѣсь. Кто-то разсказывалъ намъ въ Салоникахъ, будто теперь австрійцы зашли уже далеко въ глубь Сербіи, подходятъ къ Нишу. Это, навѣрное, „львы“. Но подъѣзжая къ Сербіи, испытываешь какое-то волненіе: маленькая страна во всякомъ случаѣ переживаетъ ужасные дни.

Вотъ мы и на границѣ. Нужно мѣнять поѣздъ. На небольшой станціи слышна полупонятная славянская рѣчь. И лица по типу словно знакомыя: смуглыя, но въ большинствѣ съ свѣтлыми глазами, съ русыми, часто съ бѣлокурыми волосами. И костюмы на крестьянахъ и крестьянкахъ, продающихъ пассажирамъ печеныя яйца, хлѣбъ и ключевую воду въ глиняныхъ кувшинахъ, похожи на русскій народный костюмъ южныхъ губерній. Желѣзнодорожное начальство объясняетъ намъ, что къ нашимъ услугамъ безплатно

вагоны перваго и второго класса. Отличные, комфортабельные, хотя и не новые и не очень чистые вагоны европейскаго образца. Мы разсаживаемся, при чемъ нѣкоторые наши спутники изъ перваго класса спѣшатъ занять по цѣлому купэ на двухъ человѣкъ и запираютъ изнутри двери. Мѣстъ нехватаетъ, мы тѣснимся и смущаемся; сопровождающій насъ въ пути инспекторъ сербскихъ желѣзныхъ дорогъ, извиняясь нѣсколько неожиданнымъ для него поведеніемъ нашихъ спутниковъ и отсутствіемъ дополнительныхъ вагоновъ второго класса, обѣщаетъ прицѣпить на ближайшей станціи лишній вагонъ третьяго класса. Поѣздъ трогается. Мы читаемъ купленную на станціи сербскую газету—странно, ее можно всетаки понимать—и что-то трогательное, теплое вѣетъ на насъ отъ первой же передовицы ея, написанной по случаю дня рожденія Франца-Іосифа: такое человѣчное отношеніе къ старику, императору вражеской страны, такой совсѣмъ не газетный грустный лиризмъ. И покорность судьбѣ, заставившей вступить въ эту тяжелую борьбу, и готовность биться не на жизнь, а на смерть. Мы еще находимся подъ этимъ впечатлѣніемъ, когда въ дверяхъ нашего купэ появляется человѣкъ въ формѣ и какъ бы желаетъ спросить о паспортахъ или билетахъ, но затѣмъ произноситъ только полувопросительно:

— Братья русси?

И на нашъ утвердительный отвѣтъ прикладываетъ пальцы ко лбу въ знакъ привѣта и съ полупоклономъ исчезаетъ. До боли защемило въ сердцѣ отъ умиленія при этомъ словѣ „братья“, потому ли, что есть въ немъ что-то простодушное, слишкомъ непривычное въ международномъ общеніи, или потому, что пронеслась вдругъ мысль о томъ, что всѣ народы должны были бы быть братьями, и смутная мечта о далекомъ, далекомъ времени, когда это всетаки будетъ...

Дорога проходила по той части Македоніи, которая отошла къ Сербіи послѣ сербо-болгарской войны. Все выше вздымались пустынныя, каменистыя, угрюмыя горы безъ признаковъ растительности и какой-либо обработки. Какая печальная страна! И такіе изъ-за нея раздоры между двумя родственными народами... Усталая отъ безсонной ночи, я задремала, глядя на эти горы, и наконецъ, заснула крѣпкимъ сномъ. Вдругъ меня будятъ:

— Простите... Но вы пожалѣли бы, если бы пропустили это... послушайте...

Пѣніе несется въ открытое окно. Поѣздъ стоитъ у станціи. На платформѣ—большая группа солдатъ поетъ народныя сербскія пѣсни.

— Это они насъ встрѣчаютъ пѣснями. Они уже пѣли русскій гимнъ, потомъ сербскій...

Я вслушиваюсь въ широко разливающійся, мужественный народный мотивъ, смотрю на этихъ солдатъ, въ сѣрыхъ суконныхъ шапочкахъ пирожкомъ, которые не сегодня-завтра пойдутъ въ бой,—и кажется мнѣ, что я попала въ какую-то другую, не нашу давнишнюю эпоху: какія у нихъ лица! какая въ нихъ цѣльность, крѣпость, примитивная сила! Худощавые они, блѣдные, несмотря на загаръ, нѣкоторые даже съ землистымъ оттѣнкомъ, но красивые; чувствуется смѣлость и настойчивость въ нихъ—можетъ быть, даже до упрямства, и страстность, и такая простота души. Строго и сосредоточенно глядятъ глаза у поющихъ, и беззавѣтной рѣшимостью, въ которой боевой порывъ сливается съ смиреніемъ предъ Судьбою, дышитъ вольный и скорбный, широко разливающійся народный мотивъ. Не знаю почему,—можетъ быть по сходству какихъ-нибудь музыкальныхъ переходовъ или созвучій—я вспоминаю, глядя на нихъ, одну удивительную надгробную православную пѣснь, съ словами псалма: „человѣкъ изъ земли и въ землю возвратится“...

Поѣздъ тронулся и пошелъ полнымъ ходомъ—вслѣдъ ему еще звучала пѣсня. Я уже не отходила отъ окна. Природа становилась красивѣе, величественнѣе. Попадались старые лѣса на горахъ, кукурузныя поля, виноградники, маленькіе домики съ цвѣтами въ окнахъ и передъ дверью. На станціяхъ толпился народъ и солдаты—можетъ быть, изъ какихъ-нибудь запасныхъ дружинъ—въ бѣдномъ крестьянскомъ платьѣ, только съ военными шапками того же образца—пирожкомъ, съ продольной впадиной наверху. Вечеромъ мы долго стояли на одной станціи, гдѣ намъ радушно и услужливо подавали заранѣе заказанный для насъ простой, но очень хорошо приготовленный ужинъ. Ночью въ поѣздѣ не зажигали огней: извинились тѣмъ, что заводъ ацетилена, которымъ обычно освѣщались вагоны, разрушенъ австрійскими снарядами въ Бѣлградѣ. А можетъ быть, это была просто предосторожность военнаго времени: мы слышали, что болгары—македонскіе четники—не разъ пытались взорвать эту желѣзную дорогу и что такія попытки частично даже удавались. Можетъ быть, поэтому ночью поѣздъ велъ самъ инспекторъ желѣзныхъ дорогъ, велъ осторожно, медленно, порою задерживая его ходъ почти до полной остановки,—какъ иногда осторожный кучеръ задерживаетъ лошадей, спускаясь ночью по опасному склону.

Утромъ мы пріѣхали въ Нишъ, и такъ какъ до отхода поѣзда на Софію намъ предстояло просидѣть нѣсколько часовъ, то

мывшись прямо на дворѣ свѣжею водою, которую таскали изъ колодца солдаты, мы пошли осматривать городъ. Замѣчательно простодушный городъ, если принять во вниманіе его значительность для Сербіи. Улицы, домики, лавки—какъ у насъ въ какомъ-нибудь уѣздномъ городкѣ. Скверъ—площадка въ нѣсколько квадратныхъ сажень, усаженная полевыми мальвами. Лучшій отель—по-сербски „хотел", подъ названіемъ „Русскій Царь"—одноэтажное зданіе въ пять-шесть оконъ, съ надтреснутыми стеклами. На улицахъ густая пыль. Но въ окнахъ и возлѣ домовъ — цвѣты, крылечки завиты зеленью. Населеніе—оживленное, возбужденное, и всѣ чрезвычайно внимательны къ русскимъ: глядятъ во всѣ глаза, серьезно и ласково, сейчасъ же вызываются дать подробныя указанія, проводить. Но и здѣсь, какъ и на всемъ пути черезъ Сербію, я чувствую ту же подобранность и сосредоточенность воли, напряженной въ борьбѣ, ту же измученность и рѣшимость не сдаться. На одномъ перекресткѣ насъ остановилъ дробный барабанный бой. Кругомъ барабанщика быстро собиралась и росла тихая, молчаливая толпа; сопровождающій его чинъ сталъ громко читать по написанной ремингтономъ бумажкѣ послѣднія извѣстія съ театра войны: это были дни крупныхъ сербскихъ побѣдъ. Въ толпѣ пронесся облегченный вздохъ, глаза заблестѣли, раздались громкіе, почти судорожные, привѣтственные крики. Но лица остались серьезными, безъ улыбки. Я долго смотрѣла, какъ стояла толпа, не расходясь и не разговаривая, словно молча сообща вдумываясь въ смыслъ всего происходящаго. На глазахъ одного старика я замѣтила слезы, другой подошелъ къ нему, и они пошли вмѣстѣ. А барабанная дробь раздавалась уже издали, на другомъ перекресткѣ... Возвращаясь къ вокзалу, мы замѣтили въ сторонѣ лагери, подлѣ которыхъ происходило обученіе солдатъ, а затѣмъ обратили вниманіе на огромное кирпичное зданіе, которое я приняла сначала, по отличію его архитектуры отъ всѣхъ другихъ городскихъ зданій, за дворецъ. Намъ объяснили, что это—госпиталь, и, проходя мимо него, мы видѣли въ окнахъ раненыхъ съ перевязками на головѣ и на рукахъ. И сколько еще раненыхъ встрѣчали мы потомъ на вокзалѣ: ихъ привезли въ простыхъ товарныхъ вагонахъ, нѣкоторые выходили сами, другихъ несли солдаты—не на носилкахъ, а просто на рукахъ, какъ носятъ обыкновенно маленькихъ. Нельзя было безъ боли смотрѣть на это. Недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ средствахъ помощи раненымъ бросался въ глаза. Присутствовавшій на вокзалѣ докторъ, окончившій нашу военно-медицинскую академію, подтвердилъ это въ самыхъ горестныхъ словахъ. Намъ

удалось кое-что тутъ же собрать на нужды сербскаго Краснаго Креста, но отъ этого сбора осталось чувство неловкости и грусти: у однихъ, дѣйствительно, ничего почти не оставалось для дороги, другіе отговаривались какими-то странными соображеніями. Въ компаніи ѣхавшаго съ нами въ первомъ классѣ губернатора одной изъ южныхъ губерній отозвались неудобствомъ дѣлать такіе сборы безъ разрѣшенія русскаго начальства... Наконецъ, подали поѣздъ: вагоны перваго и второго класса для насъ, простые товарные—для сербскихъ раненыхъ. Опять побрели туда искалѣченные люди, поддерживая другъ друга, опять понесли на рукахъ, какъ маленькихъ, тѣхъ, которые не могли сами итти. Поѣздъ двинулся. Мы стояли у оконъ и кланялись, кланялись остающимся съ такимъ страннымъ, взволнованнымъ чувствомъ, какъ будто мы нашли здѣсь какихъ-то несходныхъ съ нами, но трогательныхъ родныхъ, которыхъ намъ никогда болѣе не суждено увидѣть. И они такъ же кланялись намъ, долго провожая насъ глазами...

Путь шелъ въ ущельѣ между Балканскихъ горъ, величественныхъ, суровыхъ и прекрасныхъ. Какъ должны ихъ любить сербы! Потомъ пейзажъ смягчился. Начались частыя и долгія остановки на станціяхъ, гдѣ постепенно сходили ѣхавшіе съ нами раненые. Большія молчаливыя толпы народа, множество бѣдно одѣтыхъ, оборванныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, повсюду ожидали поѣзда. Нѣкоторымъ удавалось дождаться своихъ; другіе ждали напрасно и все еще продолжали стоять и ждать, когда уже не было больше надежды увидѣть тѣхъ, кого они ждали. Сумерки сгущались, огни зажигались на станціяхъ,—мы подъѣзжали уже къ границѣ Болгаріи,—но до послѣдней остановки все видѣли мы на платформахъ эти толпы крестьянъ, ожидающія своихъ близкихъ или, можетъ быть, хоть вѣстей о нихъ черезъ другихъ, эти строгіе глаза и лица безъ улыбки.

Мнѣ вспомнилось то, что я слышала о сербахъ со словъ одного лица, жившаго въ Сербіи и Болгаріи въ мирное время: „разница между этими народами та, что когда болгары соберутся гдѣ-нибудь въ кафэ, они много и горячо разговариваютъ и спорятъ о политикѣ, а сербы только поютъ и пляшутъ“. Да, въ иное, мирное время сербы, съ ихъ цѣльностью, съ ихъ непосредственностью, съ ихъ инстинктомъ красоты, который даетъ себя чувствовать въ любви къ цвѣтамъ, должны любить не только пѣніе, но и пляску. Но мнѣ пришлось видѣть Сербію иною,—и никогда не поблекнутъ во мнѣ вынесенныя оттуда впечатлѣнія.

Въ Болгаріи, уже на пограничной станціи, сразу охватила совсѣмъ иная атмосфера: словно мы вернулись въ Европу, въ

прежнюю, еще не тронутую войной Европу, въ какой-нибудь мѣщански-комфортабельный уголокъ ея, гдѣ все хорошо устроено и все можно достать, но гдѣ чувствуешь себя никому ненужнымъ, пріятнымъ лишь въ качествѣ покупателя. И внѣшній типъ болгаръ иной, даже не совсѣмъ славянскій, что соотвѣтствуетъ и ихъ расовому происхожденію. Темноволосые, коренастые, подвижные, они производятъ впечатлѣніе народа энергичнаго, предпріимчиваго и дѣловитаго, не склоннаго къ идейнымъ увлеченіямъ и не богатаго фантазіей. Въ ихъ отношеніи къ русскимъ чувствовалась какая-то сдержанность, суховатость, хотя видѣли мы и милыхъ, обязательныхъ болгаръ какъ на станціяхъ, такъ и въ Софіи, куда мы пріѣхали поздно ночью. Ильинъ, успѣвшій въ Софіи переговорить со многими простолюдинами, передавалъ мнѣ, что, по ихъ словамъ, народъ рѣзко расходится, въ своемъ отношеніи къ Россіи и къ дальнѣйшей роли Болгаріи въ европейской войнѣ, съ царемъ Фердинандомъ и правительствомъ; говорилъ, что бесѣда его на эти темы въ кругу какихъ-то мелкихъ торговцевъ окончилась даже съ ихъ стороны выраженіемъ пылкихъ чувствъ къ Россіи. Большія цвѣтныя афиши, расклеенныя на столбахъ и печатающія крупнымъ шрифтомъ извлеченія изъ газетъ, указывали на то, что руссофильское теченіе не замерло и въ печати. Одна изъ такихъ афишъ говорила въ краткихъ словахъ о своеобразной анкетѣ, произведенной по вопросу объ отношеніи къ Германіи и Россіи въ казармахъ, и о томъ, что въ пользу Германіи высказался только одинъ процентъ военныхъ. Но какая-то тяжесть давила меня все время въ Софіи. Не нравился мнѣ этотъ плоскій благоустроенный городъ, съ множествомъ банковъ и прозаической архитектурой домовъ; не нравился казенный громоздкій памятникъ Александру II; не нравился массивный, недавно отстроенный соборъ, свѣтлый, раззолоченный, цвѣтистый внутри, съ пышнымъ трономъ для царя, съ свирѣпо и надменно ощетинившимися мраморными львами, поддерживающими балдахинъ этого трона. А невозможность разобраться по болгарскимъ газетамъ въ томъ, что дѣлается въ Европѣ, и какія-то нелѣпыя свѣдѣнія въ нихъ о происшедшей въ Петербургѣ революціи,—все это дѣлало невыносимымъ каждый лишній часъ замедленія въ пути. День, проведенный въ Софіи, казался необычайно длиннымъ, и когда я узнала, что, кромѣ того утренняго поѣзда, на который достаютъ билеты большинство моихъ спутниковъ, есть и вечерній, я рванулась, простилась съ нашей милой компаніей второго класса, даже съ Ильиными, и черезъ часъ ѣхала уже на Бухарестъ.

Близокъ конецъ моего путешествія, уже недалеко Россія: всего сутки съ небольшимъ до границы. Но нетерпѣніе растетъ; все пережитое, перечувствованное за время пути сливается въ какой-то огненный кругъ. Я еще улавливаю то, что разсказываетъ мнѣ о настроеніяхъ Румыніи одна изъ нашихъ спутницъ со словъ возвращающихся на родину одновременно съ нами интеллигентныхъ, сердечныхъ и галантныхъ студентовъ-румынъ: все, что относится къ войнѣ, что можетъ увеличить или уменьшить шансы союзниковъ, легко входитъ въ мое сознаніе. Но у меня уже нѣтъ силъ по-настоящему осмотрѣть оживленный, шикарный Бухарестъ, мнѣ трудно надолго отлучиться съ вокзала, гдѣ все равно приходится сидѣть въ ожиданіи поѣзда. Еще одинъ значительный переѣздъ. Яссы. Всего часъ до границы. Я жадно смотрю въ окно, потому что эта мѣстность, эти селенія уже должны имѣть много общаго съ нашей Бессарабіей. И вотъ, наконецъ, пограничная широкая рѣка съ мутной желтоватой водою,—поѣздъ тихо идетъ по желѣзному мосту. Вотъ этотъ песчаный берегъ—это уже русская земля...

О, Господи, дай силъ духовныхъ Россіи, чтобы она была не только безстрашной, но и благородной въ этой великой борьбѣ. Дай силъ духовныхъ всѣмъ борющимся народамъ, чтобы преодолѣть все темное, звѣриное въ себѣ и въ мукахъ найти свое возрожденіе!

Любовь Гуревичъ.

Аполлонъ Григорьевъ.

(Къ пятидесятилѣтію смерти.)

I. Основатель новой критики.

> La haute critique a son point de départ dans l'enthousiasme.
>
> *Hugo.* „William Shakespeare".
>
> Si l'intelligence est accordée sur la matière et l'intuition sur la vie, il faudra les presser l'une et l'autre pour extraire d'elles la quintessence de leur objet.
>
> *Bergson.* „Evolution créatrice".

I.

При жизни своей Аполлонъ Григорьевъ пользовался печальной репутаціей комическаго недоразумѣнія въ журналистикѣ. Господствовавшая въ то время публицистическая критика относилась къ нему съ явной ироніей и нескрываемой враждой, сатирическіе листки извлекали изъ его статей неисчерпаемыя темы для своихъ юморесокъ, и даже многимъ дружески расположеннымъ къ нему редакціямъ приходилось скрывать его авторство псевдонимами, чтобъ не отпугивать читателей отъ своихъ изданій сомнительной репутаціей критика. Даже ближайшій другъ и единомышленникъ Григорьева Достоевскій, уступая общественному мнѣнію, былъ вынужденъ помѣщать въ своихъ журналахъ многія статьи своего главнаго сотрудника безъ его авторской подписи.

Но эти редакціонные маневры не могли помочь дѣлу. Ни мистическій псевдонимъ Трисмегистова, ни поистинѣ трагическая подпись— „Одинъ изъ ненужныхъ людей", ни даже совершенно анонимныя статьи „Времени" не могли скрыть имени ихъ автора. Льва узнавали по когтямъ. Пародіи сатирическихъ изданій и нападки серьезной журналистики на всѣ „парадоксы органической критики" Ап. Григорьева продолжались до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, общими усиліями его не заставили замолчать. „Я былъ уволенъ отъ критики", констатируетъ онъ въ своемъ горько ироническомъ послужномъ спискѣ за нѣсколько дней до смерти.

Такова, можетъ быть, одна изъ самыхъ грустныхъ страницъ въ исторіи русской журналистики. Таковъ исключительный случай непониманія, систематической травли и окончательнаго изгнанія изъ литературы одного изъ крупнѣйшихъ европейскихъ критиковъ новѣйшей формаціи, тонкаго литературнаго аналитика-философа, глубокаго поэта во всѣхъ своихъ раздумьяхъ и оригинальнѣйшаго новатора въ излюбленной имъ области—изученіи и толкованіи художественнаго творчества.

Въ исторіи литературной критики Аполлонъ Григорьевъ намѣчаетъ новую ступень. Его журнальныя статьи открываютъ такіе широкіе пути въ будущее, что только въ наши дни, полстолѣтія спустя по ихъ написаніи, руководящія идеи его осмѣянныхъ страницъ во многомъ совпадаютъ съ послѣднимъ словомъ умственныхъ достиженій современности.

Ученикъ Шеллинга, Ап. Григорьевъ былъ бергсоніанцемъ avant la lettre, и если бы мы хотѣли сегодня составить систематическій канонъ правилъ и задачъ литературной критики по ученію знаменитаго французскаго философа, мы бы лучше всего разрѣшили эту задачу, обратившись къ забытымъ статьямъ непризнаннаго критика „Москвитянина“.

Въ нихъ постинѣ заключенъ полный декалогъ новой критики. Интуитивное пониманіе литературныхъ явленій, при самой тщательной провѣркѣ критическихъ интуицій всѣми средствами разсудочнаго познаванія—такова постоянная схема григорьевскаго метода. Стремленіе найти безошибочныя формулы для всѣхъ своихъ художественныхъ воспріятій и высказать ихъ будящими и волнующими словами, новый методъ безпрестанно провѣряемаго импрессіонизма, новая литературная манера страстнаго и вдумчиваго комментарія, постоянная порывистость, нервность и живость критическихъ впечатлѣній, при вѣчной заботѣ о ихъ точности и правдивости, безпрерывная работа разсудка, вооруженнаго хронологіей, лингвистикой, психологіей—цѣлымъ арсеналомъ цифръ, терминовъ и именъ—съ попутными исканіями чутья, угадыванія, прозрѣнія—таковы основные пріемы его метода. Отъ опыта, отъ протокола, отъ дисциплины и анализа къ свободному угадыванію и творческому прозрѣнію, отъ памяти къ воображенію, отъ разсудка къ интуиціи—таковы пути его критики.

Всѣ эти пріемы синтетическаго изслѣдованія дѣлаютъ Ап. Григорьева однимъ изъ самыхъ современныхъ писателей. Бѣлинскій, Сентъ-Бевъ, Карлейль или Тэнъ, при всемъ ихъ огромномъ значеніи въ исторіи новыхъ пріемовъ литературнаго разбора, несравненно больше принадлежатъ прошлому и значительно сильнѣе удалены отъ всѣхъ потребностей нашего сегодняшняго сознанія, чѣмъ совершенно не имѣющій читателей Григорьевъ. Въ ряду основателей новой критики ему по праву принадлежитъ одно изъ самыхъ замѣтныхъ мѣстъ.

II.

Въ сложной техникѣ его критической работы строго разсудочные пути познаванія свелись прежде всего къ созданію цѣльной литературно-философской системы—„теоріи органической критики“, выработка которой предшествовала его практической журнальной дѣятельности.

Въ этомъ отношеніи Аполлонъ Григорьевъ являетъ рѣдкій въ исторіи журналистики примѣръ законченной литературной подготовки, предшествующей первымъ писательскимъ опытамъ.

Широко и разносторонне образованный, онъ приступилъ къ своей работѣ критика во всеоружіи общей и спеціальной эрудиціи, съ перебродившими и отстоявшимися литературными убѣжденіями, провѣривъ точно вѣсы своихъ будущихъ оцѣнокъ и всесторонне выяснивъ себѣ сущность и задачи современной литературной критики.

Убѣжденный противникъ разъятія жизни на прокрустовомъ ложѣ надуманныхъ теорій, онъ все же не признавалъ случайныхъ оцѣнокъ литературныхъ явленій внѣ общаго философскаго взгляда на сущность творчества.

Съ первыхъ же своихъ статей, еще не найдя окончательнаго термина для обозначенія своего критическаго credo, еще колеблясь между формулами исторической и эстетической критики, прежде чѣмъ найти у Шеллинга наилучшее названіе для своей *органической* теоріи, онъ уже отдаетъ себѣ полный отчетъ въ сущности своей критической доктрины и подъ различными обозначеніями говоритъ объ одномъ и томъ же законченномъ міросозерцаніи.

Органическая теорія въ томъ видѣ, въ какомъ обосновалъ ее Ап. Григорьевъ, была первой попыткой у насъ цѣльной философской системы литературной критики. Этотъ первый опытъ оказался такимъ значительнымъ, содержательнымъ и блестящимъ, что до сихъ поръ онъ является едва ли не лучшимъ критическимъ канономъ и почти безъ измѣненій можетъ служить руководящимъ началомъ для литературныхъ аналитиковъ и комментаторовъ нашихъ дней.

Въ чемъ же сущность этой теоріи органической критики, съ помощью которой Ап. Григорьевъ перебрасываетъ мостъ отъ Шеллинга къ Бергсону?

Литература—единый и цѣльный живой организмъ. Въ каждомъ отдѣльномъ ея проявленіи нужно различать отголосокъ ея общей жизни, частичное движеніе мускула въ порывѣ цѣлаго тѣла, дрожаніе отдѣльнаго нерва въ системѣ живого организма. Каждое отдѣльное созданіе—только частица этого великаго Левіаѳана, который разстилается по всѣмъ вѣкамъ и странамъ единымъ, живымъ и цѣльнымъ духовнымъ существомъ.

Въ немъ нѣтъ ничего оторваннаго, изолированнаго, безсвязнаго. Въ области духа все, лишенное огня и жизни истинной одаренности, спадаетъ съ его тѣла истлѣвающей чешуей. Все значительное, цѣнное и глубокое входитъ въ него живоноснымъ составомъ и, впитывая въ себя соки единаго великаго организма, повышаетъ своимъ присутствіемъ пульсацію и длительность его жизни.

Таковъ исходный пунктъ органической теоріи. Постоянно оперируя имъ, Ап. Григорьевъ вноситъ начало стройной системы въ кажущійся хаосъ текущихъ литературныхъ явленій. Изъ этого основного принципа о единомъ, живомъ и естественно развивающемся организмѣ мірового творчества онъ выводитъ всю свою систему точныхъ пріемовъ литературнаго толкованія.

Его критическій методъ сводится къ нѣсколькимъ простымъ положеніямъ. Ни одно поэтическое созданіе нельзя разсматривать въ изолированномъ состояніи, внѣ преемственной связи съ предыдущими и послѣдующими явленіями. Самый вѣрный способъ изученія и толкованія литературныхъ произведеній это—послѣдовательное шествіе къ истинѣ путемъ сопоставленій, сближеній и аналогій. Отъ каждой строфы, отъ каждаго афоризма, отъ каждаго новаго литературнаго образа тянутся скрытыя нити къ единому жизненному центру, и первая задача критика—зорко различить, искусно распутать и точно обозначить всѣ развѣтвленія этой нервной системы на тѣлѣ мірового творчества.

Занимаясь почти исключительно темами новѣйшей русской литературы, Ап. Григорьевъ, слѣдуя этому методу, развернулъ въ своихъ статьяхъ цѣлую энциклопедію мірового творчества, на широкомъ фонѣ которой получаютъ свою абсолютную оцѣнку главнѣйшія явленія его родной литературы.

Безъ теоретическихъ нивеллировокъ и гильотинирующихъ формулъ Ап. Григорьевъ осуществляетъ основные принципы новѣйшей критики объ изученіи творчества въ его корняхъ и источникахъ, о выясненіи его зародышей, о разысканіи первыхъ умственныхъ сѣмянъ въ пышныхъ всходахъ позднѣйшихъ литературныхъ жатвъ.

Въ его замѣчательныхъ, донынѣ не устарѣвшихъ оцѣнкахъ создателей новой русской литературы раскрывается полностью сущность этого всеобъемлющаго метода.

III.

Центральнымъ узломъ новѣйшей русской литературы Ап. Григорьевъ считаетъ Пушкина. Литературное движеніе позднѣйшихъ десятилѣтій онъ признаетъ непосредственнымъ продолженіемъ начатаго великимъ поэтомъ душевнаго процесса, постепеннымъ наполненіемъ красками „рафаэлевски правдивыхъ и изящныхъ очерковъ“ пушкинскаго творчества.

Къ Ивану Петровичу Бѣлкину, этому сѣренькому участнику блестящей плеяды пушкинскихъ героевъ, Ап. Григорьевъ возводитъ главнѣйшія созданія Аксакова, Тургенева, Писемскаго, Толстого. Въ „Станціонномъ смотрителѣ“ и „Гробовщикѣ“ онъ усматриваетъ зерно всей натуральной школы, въ пушкинской лирикѣ—непосредственный источникъ антологіи Фета и Майкова, въ прозѣ поэта—зародыши реализма Гоголя и Некрасова. Изученіемъ пушкинскаго творчества на фонѣ міровой литературы, сближеніемъ его съ Байрономъ, Шенье, французскими псевдоклассиками Ап. Григорьевъ подтверждаетъ свою основную, выведенную имъ еще въ 1859 г. формулу:

„Пушкинъ—наше все: Пушкинъ представитель всего нашего *душевнаго, особеннаго*, такого, что остается нашимъ *душевнымъ, особеннымъ* послѣ всѣхъ столкновеній съ чужимъ, съ другими мірами. Пушкинъ пока единственный полный очеркъ нашей народной личности. Не только въ мірѣ художественныхъ, но и въ мірѣ всѣхъ общественныхъ и нравственныхъ нашихъ сочувствій Пушкинъ есть первый и полный представитель нашей физіономіи“.

Этотъ отзывъ до сихъ поръ сохраняетъ все свое значеніе. Должны были пройти десятилѣтія блужданій, ошибокъ и непростительныхъ критическихъ аберрацій, Писаревъ долженъ былъ метнуть свой заносчивый памфлетъ, чтобъ communis opinio всей европейской критики окончательно санкціонировало этотъ ранній отзывъ Ап. Григорьева.

То же произошло и относительно Гоголя. И къ этому измученному безумцу, которому дано было „всѣ язвы въ себѣ износить и слѣды этихъ язвъ вѣчно въ себѣ оставить“, Григорьевъ примѣняетъ полностью всю систему своихъ точныхъ пріемовъ изученія.

Циклъ міровыхъ геніевъ—Гете, Пушкинъ, Шекспиръ—сразу вводитъ творчество Гоголя въ родной кругъ аналогичныхъ явленій, въ которомъ безошибочно обнаруживаются новыя струны духа, впервые задѣтыя его образами и раздуміями. Для характеристики гоголевскаго юмора производится смотръ великихъ комиковъ—Мольера и Стерна, Жанъ-Поля, Диккенса и Гоффмана,—опредѣляющихъ чертами сходства и различія своеобразную сущность гоголевской скорбной ироніи.

И въ конечномъ результатѣ этихъ аналогій и сравненій вырастаетъ яркое видѣніе о всемъ его творчествѣ. Одна изъ самыхъ трагическихъ страницъ русской литературы—душевный разладъ Гоголя—получаетъ въ освѣщеніи Ап. Григорьева свое лучшее истолкованіе.

Гоголь весь человѣкъ *сдѣланный*. Великій обличитель, онъ хочетъ выстроить свой новый міръ изъ обличенныхъ въ негодности гнилыхъ матеріаловъ стараго имъ же разрушеннаго міра. Съ жаромъ приступаетъ онъ къ своей подвижнической работѣ, терпѣливо возводитъ свое зданіе,—„подкрашиваетъ, сколачиваетъ и падаетъ, разбитый сознаніемъ

безжизненности въ созданіи, сожигаемый тоскою объ идеалѣ, которому формъ не находитъ".

Вся новѣйшая критическая теорія о Гоголѣ восходитъ къ этой характеристикѣ. Мережковскій, сравнившій творца „Мертвыхъ душъ" съ андерсеновскимъ Каемъ, безпомощно складывающимъ изъ льдинокъ великія слова; Розановъ, признавшій въ Гоголѣ неспособность прикасаться къ живой человѣческой душѣ; Брюсовъ, отмѣтившій склонность этого „испепеленнаго" поэта фиксировать небывалыя гиперболы; Венгеровъ, утверждающій, что авторъ „Ревизора" совершенно не зналъ изображаемой дѣйствительности,—всѣ они въ значительной степени варіируютъ изумительное критическое откровеніе Григорьева о *сдѣланномъ* творцѣ, безсильно складывающемъ дворцы и храмы новаго царства изъ гнилыхъ обломковъ своего распавшагося ветхаго міра.

Эти завершающія характеристики вѣнчаютъ работу точныхъ сравнительныхъ анкетъ. Въ области литературныхъ аналогій Ап. Григорьевъ неисчерпаемъ. До нашихъ дней критикѣ—и не только русской—придется разрабатывать въ области творческихъ источниковъ намѣченныя имъ темы. Онъ первый увидѣлъ въ Печоринѣ прямое продолженіе Рене и Обермана, [1]) первый сравнилъ Бѣлинскаго съ Лессингомъ, однимъ изъ первыхъ подробно указалъ на роль Нарѣжнаго въ творчествѣ Гоголя и на значеніе Жоржъ-Зандъ въ развитіи русской „крестьянской" литературы. Онъ сумѣлъ объяснить появленіе Загоскина вліяніемъ Вальтеръ Скотта и разсмотрѣть въ „Ледяномъ домѣ" отраженіе Notre Dame Гюго. Онъ умѣлъ возбуждать цѣлыя вереницы новыхъ замысловъ сближеніемъ отдаленныхъ, но родственныхъ явленій, сравнивая, напр., католика Кальдерона съ соціалисткой Зандъ, романтика Байрона съ анархистомъ Максомъ Штирнеромъ, или же возводя новое литературное явленіе—появившуюся въ XIX столѣтіи книгу инока Парѳенія—къ ея забытымъ древнимъ источникамъ.

Введя въ русскую критику этотъ пріемъ обслѣдованія корней и вліяній, онъ формулировалъ его, какъ одинъ изъ основныхъ законовъ литературной критики:

„У всякаго великаго писателя найдете вы въ прошедшемъ предшественниковъ въ томъ дѣлѣ, которое составляетъ его слово, найдете явленія, которыя смѣло можете назвать формаціями его идеи".

Этимъ замѣчательнымъ закономъ Ап. Григорьевъ переходитъ отъ старыхъ пріемовъ критики, разбирающей въ изолированномъ состояніи отдѣльныя неподвижныя явленія, къ совершенно новому пріему—раз-

---

[1]) Отмѣченное Ап. Григорьевымъ вліяніе Шатобріана на Лермонтова подробно разработано въ капитальной работѣ *E. Duchesne.* Mich. Lermontov, sa vie et ses oeuvres. P., 1910, 302—304.

смотрѣнію литературы въ ея вѣчной подвижности, длительности и безпрерывности. Въ его истолкованіи исторія мірового творчества разворачивается передъ нами, какъ цѣпь безпрерывныхъ перерожденій единаго живого организма, какъ послѣдовательная картина его постепеннаго совершенствованія и вѣчнаго обновленія.

Въ основу литературнаго изученія кладется еще не нашедшая себѣ въ то время выраженія литературная гипотеза трансформизма. Въ исторіи литературы Ап. Григорьевъ съ замѣчательнымъ искусствомъ выдѣляетъ ту общую канву, идущую отъ предковъ къ отдаленнымъ потомкамъ, на которой каждый изъ нихъ вышиваетъ свой новый оригинальный узоръ.

Въ этомъ первое совпаденіе Ап. Григорьева съ Бергсономъ. Авторъ творческой эволюціи призналъ въ наши дни гипотезу трансформизма наиболѣе полнымъ выраженіемъ истины.

IV.

Таковы были пути разсудочнаго познаванія, которыми прежде всего шелъ критикъ въ своей работѣ литературнаго истолкованія. Расчистить вокругъ новаго слова всѣ наслоенія прозвучавшихъ рѣчей, выдѣлить самостоятельное ядро изъ неизбѣжнаго клубка вліяній, установить точный балансъ непосредственности въ данномъ творчествѣ—таковы были терпѣливыя попытки Ап. Григорьева въ дѣлѣ установленія точной оцѣнки литературныхъ произведеній.

Но это былъ только одинъ изъ путей его критической работы. Онъ зналъ, что всѣ эти точные пріемы, историческіе обзоры, изученіе предтечъ и преемниковъ, регулируя правильное пониманіе, безсильны въ конечномъ счетѣ дать полное и адэкватное отраженіе творческой личности.

Изобразить всѣ причины даннаго явленія, очертить всѣ его схемы, стянуть его цѣликомъ въ точныя формулы еще не значитъ показать его глазамъ зрителя въ его подлинной сущности—живымъ и трепещущимъ, взволнованнымъ и многокрасочнымъ. Циркуль геометра въ извѣстной стадіи критической работы долженъ уступить мѣсто кисти художника. Критикъ, разобравъ и объяснивъ своего автора, долженъ стремиться дать на нѣсколькихъ страницахъ такой густой и крѣпкій экстрактъ его творчества, чтобы читатель, совершенно незнакомый съ даннымъ поэтомъ, узналъ бы его по одной только статьѣ критика не менѣе полно, глубоко и осязательно, чѣмъ самый прилежный изслѣдователь всѣхъ его томовъ.

Критикъ долженъ умѣть передать своему читателю не одни только результаты своихъ прилежныхъ изслѣдованій, даже не одну только кар-

тину своихъ впечатлѣній, но и то ощущеніе интимной близости, которое неизбѣжно зарождается при пристальномъ изученіи писателя.

Для этого есть одно только средство—стараться проникновеніемъ угадать въ писателѣ все неподдающееся экспериментальной хваткѣ, наитіемъ усвоить этотъ ирраціональный матеріалъ и всѣми средствами словесныхъ откровеній сообщить читателю сущность своихъ критическихъ интуицій.

Для этого недостаточно одного вниманія и терпѣливаго изученія. Наиболѣе полный критикъ совмѣщаетъ способности эрудита-комментатора съ подлиннымъ творческимъ даромъ. Экспериментаторъ-аналитикъ въ немъ уживается съ поэтомъ-прорицателемъ, филологъ-историкъ съ художникомъ-энтузіастомъ.

Лучшимъ отвѣтомъ на всѣ эти требованія является творчество Аполлона Григорьева. Не безсознательной случайностью его дарованія, но вполнѣ осознаннымъ элементомъ изслѣдованія входило творческое начало въ методъ его критической работы. Онъ любилъ говорить о преимуществѣ мысли *сердечной* передъ головною и даже категорически утверждалъ, что сознаніе можетъ разъяснять прошедшее, но только творчество кидаетъ свои ясновидящіе взгляды въ далекое будущее. Въ основу своей критики онъ клалъ „не одинъ умъ съ его логическими требованіями и порождаемыми необходимо этими требованіями теоріями, а умъ и логическія требованія плюсъ жизнь и ея органическія проявленія“...

Этотъ синтезъ позитивной анкеты съ творческимъ прозрѣніемъ ложится въ основу григорьевскаго метода. Отличительной чертой его является вѣчная потребность пополнять прилежную протокольную работу наблюденія и опыта пророческими взглядами въ будущее и попутно корректировать всѣ логическія построенія ума вѣчнымъ угадываніемъ первоначальныхъ творческихъ источниковъ, вѣчнымъ предчувствіемъ гетевскихъ uralter heiliger Wesen.

V.

Въ чемъ же сущность этой интуиціи, приходящей на помощь нашей любознательности, какъ завершительное начало, вѣнчающее кропотливую работу долгаго опытнаго изслѣдованія? Прежде всего *въ симпатіи*, отвѣчаетъ устами Бергсона современная философія. Не только любовь есть дочь познанія, обратная формула такъ же правдива. Полное, всеобъемлющее, насквозь пронзающее знаніе обусловлено любовнымъ проникновеніемъ въ объектъ нашего изученія для цѣльнаго охвата его не въ холодной и мертвой внѣшней схемѣ, но во всей полнотѣ внутренней, полнозвучной, ярко-окрашенной и вѣчно подвижной жизни.

Таковъ коренной стержень григорьевскаго метода. Симпатія, какъ основа критической интуиціи, намѣчаетъ всю его дѣятельность. У него нѣтъ ни одной критической статьи отрицательнаго характера, потому что равнодушіе или антипатія къ какому-нибудь духовному явленію сразу парализовали его перо. Литературная критика, какъ развѣнчаніе, вышучиваніе, жадное вылавливаніе ошибокъ, исканіе противорѣчій и систематическое выставленіе дурныхъ балловъ писателямъ—заклейменный Лермонтовымъ, но донынѣ неумирающій видъ литературной критики—мелкія нападки на шрифтъ, виньетки, опечатки—вызывали въ немъ рѣшительное отвращеніе. Онъ говоритъ гдѣ-то съ явными нотками гнѣва „о вѣчномъ стыдѣ русской критики—насмѣшкахъ". Скептицизмъ и иронія, какъ начала, наиболѣе понижающія въ насъ способность къ симпатической интуиціи, тщательно избѣгались имъ, и высшей формой литературной критики, наиболѣе приближающей аналитика-созерцателя къ вдохновенному интерпретатору, онъ считалъ тотъ глубокій душевный подъемъ, который возноситъ насъ отъ пониманія и симпатіи къ любви и восхищенію. Энтузіазмъ оставался для него, какъ и для любимаго имъ Гюго, высшей формой критическаго творчества. Передъ Бѣлинскимъ онъ преклоняется за его великую способность „трепетать, какъ Пиѳія, отъ всего прекраснаго", и самъ онъ въ своихъ лучшихъ статьяхъ, несмотря на всю кропотливую работу точнаго анализа, не перестаетъ вдохновляться чужими страницами для новаго литературно-философскаго творчества. Старый Платоновскій, обновленный Бергсономъ принципъ, что нужно мыслить всей душою, проникаетъ насквозь его писанія. Отсюда его опредѣленіе великой мысли, какъ чувства „вымучившагося до формулы", отсюда руководящій догматъ его писаній: „Неисчерпаемо богатство сочувствія и пониманія, дарованнаго Вѣчною Любовью душѣ человѣческой".

Это никогда не покидавшее его убѣжденіе облагородило и углубило все его творчество. Въ исторіи русской критики Аполлонъ Григорьевъ являетъ единственный примѣръ литературнаго обозрѣвателя, на совѣсти котораго нѣтъ ни одной статьи отрицательнаго характера, ни одного разноса, ни единаго покушенія на сверженіе освященныхъ кумировъ съ ихъ пьедесталовъ, ни единой попытки обезпокоить генія въ его напряженной работѣ или уязвить самодовольную бездарность ненужнымъ и легкимъ приговоромъ.

Въ исторіи міровой литературы онъ являетъ одинъ изъ самыхъ полныхъ примѣровъ критика положительнаго уклада. Равнодушный къ мертвой шелухѣ на тѣлѣ мірового творчества, онъ не соблазнялся никакими литературными ошибками, поддѣлками или претензіями для легкихъ сатирическихъ набѣговъ или критическихъ памфлетовъ. Критикъ представлялся ему не могильщикомъ, а вѣчнымъ возбудителемъ но-

вой жизни. Находить въ умственныхъ теченіяхъ залогъ будущихъ двигательныхъ истинъ, предчувствовать въ разбросанныхъ сѣменахъ пышную жатву, радоваться накипанію соковъ въ хрупкомъ стеблѣ, всюду ловить эти знаменія новой правды, новой радости, новыхъ творческихъ достиженій—не въ этомъ ли настоящая задача того, кто призванъ указывать читателю его настольныя книги?

Критикъ глубокаго сочувствія и проникновеннаго, любовнаго вниманія, Аполлонъ Григорьевъ могъ бы эпиграфически возвѣстить все свое творчество стихомъ позднѣйшаго поэта:

Il faut aimer pour découvrir avec génie.

VI.

Изъ этого основного принципа интуиціи-симпатіи, какъ основы критическаго пониманія, проистекаютъ всѣ замѣчательныя, иногда поистинѣ пророческія предзнаменованія статей Аполлона Григорьева.

Однимъ изъ первыхъ возвѣстивъ любимый лозунгъ новѣйшихъ теоретиковъ—признаніе критика творцомъ и художникомъ, Аполлонъ Григорьевъ далъ и образцы излюбленной формы новѣйшей критики—портретные очерки духовныхъ физіономій. Въ тѣхъ набросках и эскизахъ творческихъ личностей, которыми испещрены его статьи о Пушкинѣ, Гоголѣ, Островскомъ, онъ какъ бы предугадываетъ замѣчательные опыты современной критики—психологическіе этюды Зиммеля.

Но еще замѣчательнѣе его предвидѣнія всѣхъ излюбленныхъ положеній бергсонизма. Въ своемъ шеллингіанскомъ культѣ жизни Аполлонъ Григорьевъ явился предтечей новѣйшей теоріи о жизненномъ порывѣ, какъ исходномъ пунктѣ творчества.

Цѣня поэтическія созданія лишь постольку, поскольку они являются живымъ отголоскомъ существующихъ вѣрованій и убѣжденій, требуя отъ каждаго изъ нихъ непремѣннаго свойства—„быть живымъ продуктомъ жизни“, Аполлонъ Григорьевъ какъ бы предчувствуетъ значеніе бергсоновскаго „élan vital“ въ вопросахъ творческой психологіи. Въ теорію словесности можно было бы навсегда внести его опредѣленіе первостепенныхъ созданій искусства, какъ *рожденныхъ*, а не *дѣланныхъ*, т.-е. созданныхъ всей непосредственностью подлиннаго переживанія въ отличіе отъ многочисленной категоріи искусственно составленныхъ, надуманныхъ и изобрѣтенныхъ.

Такъ же замѣчательно его предвосхищеніе бергсоновскаго синтеза разума-интуиціи въ цѣляхъ полнаго знанія.

Если разумомъ изучается неподвижная матерія, а интуиціей вѣчно движущаяся жизнь, ихъ необходимо соединить для извлеченія изъ изучаемаго объекта квинтъ-эссенціи его сущности—таково одно изъ основныхъ положеній Бергсона.

Изучая средствами разума всѣ условія художественной формы, Аполлонъ Григорьевъ стремился охватить интуиціей сущность творческаго порыва. Великія вѣянія жизни нельзя останавливать для изображенія, нельзя разлагать для изученія. Ихъ нужно охватывать единымъ живымъ и цѣльнымъ пониманіемъ, угадывать, чувствовать, ощущать. Въ этой тоскѣ по творческому синтезу, въ этомъ признаніи суверенитета за творческой впечатлительностью—альфа и омега григорьевской критики.

„Ты разложилъ, напримѣръ, Бетховена,—пишетъ онъ аналитику по преимуществу, Страхову,—такъ что, на основаніи извѣстныхъ одинаково въ разныхъ мѣстахъ повторяющихся мотивовъ, угадываешь его мысль. Прекрасно; но ты идешь слишкомъ далеко. Ты хочешь музыку лишить ея самостоятельности и поэзію тоже. Вся задача музыки въ томъ vague, которое даетъ она субъективному пониманію, въ *таинственной и неопредѣленной безъязычности ощущеній*“.

Уловить и зафиксировать это музыкальное vague въ каждомъ творчествѣ, разсмотрѣть и изобразить ту звѣздную туманность, которая стелется по каждому творческому небосводу, охватить тайну неопредѣленныхъ поэтическихъ ощущеній и выразить ее въ своемъ отображающемъ словѣ—таковы были конечныя стремленія Аполлона Григорьева. Онъ не хотѣлъ примириться съ безъязычностью нѣкоторыхъ ощущеній и пытался новыми, неизвѣстными до него средствами воплотить ихъ въ словѣ.

Въ обиходъ русской критической терминологіи онъ ввелъ цѣлый рядъ новыхъ понятій и выраженій. Многія изъ нихъ, впрочемъ, остались его неотъемлемой и нераздѣленной собственностью.

Въ отвлеченную область словеснаго изображенія онъ транспонировалъ цѣлый рядъ конкретныхъ понятій изъ родственныхъ областей творчества. Онъ любилъ говорить о *цвѣтѣ* литературныхъ эпохъ, объ окраскѣ геніальности, о запахѣ, ритмахъ и мелодичности идей. Онъ утверждалъ, что только цвѣтная истина доступна человѣческому сознанію, что каждая литературная эпоха имѣетъ свою окраску и ароматъ.

Его личныя литературныя воспоминанія обильно иллюстрируются такими зрительными, слуховыми и чаще всего обонятельными ощущеніями. Онъ говоритъ о пасхальномъ благовѣстѣ московскихъ колоколовъ и ванильно-наркотическомъ ароматѣ весенняго воздуха въ періодъ своихъ первыхъ книжныхъ увлеченій, онъ вспоминаетъ шелестъ тарантуловъ въ травѣ и запахъ розъ и лимоновъ итальянской виллы, гдѣ съ новыми восторгами онъ перечитывалъ Шеллинга.

Съ этими сладкими, пряными, острыми или свѣжими дыханіями для него связывается цѣлый рой психологическихъ ассоціацій. Стремясь полностью внушить ихъ своему читателю, онъ учитываетъ всю будящую

способность неожиданной метафоры или рѣдкаго эпитета въ дѣлѣ оживленія читательскаго вниманія и подготовки его къ непривычной истинѣ. Отсюда всѣ высмѣянные тогдашней сатирической журналистикой термины его статей—его *допотопныя* литературныя образованія, *растительная* поэзія и проч.

Во всѣхъ этихъ не всегда удачныхъ обозначеніяхъ сказывается исконное желаніе критика—разодрать искусственно сотканную пряжу условныхъ обозначеній съ ея примелькавшимися узорами, устранить дымку между нашимъ сознаніемъ и нами и въ конечномъ порывѣ, разбивъ установленныя рамки языка, схватить идею въ ея первобытно свѣжемъ состояніи.

Когда за нѣсколько дней до смерти Аполлона Григорьева Страховъ въ спорѣ съ нимъ усомнился въ его правотѣ, вѣчно экзальтированный критикъ нервно перебилъ его:

— Правъ я или не правъ, этого я не знаю: я—вѣяніе!..

Это было послѣднимъ предсмертнымъ признаніемъ въ себѣ высокаго, непріобрѣтаемаго дара критическаго творчества—способности къ интуиціи.

VII.

Этотъ даръ сочувственнаго пониманія и творческой интерпретаціи въ значительной степени объясняется общимъ религіознымъ укладомъ Аполлона Григорьева. Въ область литературной критики онъ внесъ созидательныя начала всякаго вѣрующаго духа, инстинктивно устраняя изъ круга своей умственной работы всѣ сухіе ростки безплоднаго скептицизма.

Мистицизмъ Аполлона Григорьева является важнѣйшимъ элементомъ его критическаго дарованія. Общая любовь къ религіозной культурѣ такъ же сказывается на его писаніяхъ, какъ и субъективнѣйшая способность его къ молитвеннымъ созерцаніямъ и восторгамъ. Не внося какихъ-либо мистико-таинственныхъ ощущеній въ сферу необходимой ясности — въ литературную критику, онъ необыкновенно расширилъ, углубилъ и обогатилъ ее всѣми устремленіями своей религіозности.

Это свойство его духовной природы обратило его вниманіе на древнюю иконографію и церковное зодчество, раскрыло ему многія неподмѣченныя еще красоты духовныхъ стиховъ и народной поэзіи и даже помогло ему разъяснить себѣ характеръ родной народности, по той его аскетической струнѣ, которая создала „изумительныя поэтическія обращенія къ матери-пустынѣ“.

Эта тяга къ вѣрѣ направила его критическую любознательность на такія замѣчательныя литературныя созданія, какъ „Хожденія и стран-

ствія инока Парѳенія", въ которыхъ раскрывалась для него созвучность мистическихъ исканій аѳонскаго постриженника съ религіозной тоской цѣлаго круга современной интеллигенціи. Она побудила его разрѣшать литературные споры съ Страховымъ вдохновенными возгласами: „Geh und bete!" и даже подчасъ вдохновляла его на мессіанскія заключенія его чисто литературныхъ импровизацій. Когда въ началѣ 60-хъ годовъ онъ читаетъ въ Оренбургѣ публичныя лекціи о Пушкинѣ, онъ рѣшается, вопреки матеріалистическимъ вѣяніямъ эпохи и узкому кругозору провинціальной аудиторіи, закончить циклъ своихъ чтеній страстнымъ пророчествомъ о грядущей побѣдѣ Галилеянина.

И такое заключеніе литературной лекціи не явилось случайностью ораторскаго экспромпта. На-ряду съ крупнѣйшими созданіями органической теоріи, рядомъ съ Гёте, Шеллингомъ, Карлейлемъ, его настольной книгой оставалось всегда Евангеліе. Постоянно вчитываясь въ Священное Писаніе, онъ раскрылъ въ немъ не только источникъ мистической удовлетворенности и завѣты глубокой жизненной мудрости, но и безсмертные образцы литературныхъ вдохновеній и даже стилистическаго совершенства.

И, наконецъ, эта религіозность помогла ему въ дѣлѣ пониманія изучаемыхъ писателей. Вопросъ—„Како вѣруеши?"—является, конечно, однимъ изъ самыхъ важныхъ въ критической анкетѣ о литературномъ творчествѣ. Аполлонъ Григорьевъ одинъ изъ немногихъ изслѣдователей, умѣвшихъ у насъ въ 50-е гг. находить въ своихъ авторахъ полные отвѣты, подчасъ даже цѣлыя исповѣди, на эти вопросы о Богѣ. Съ рѣдкимъ искусствомъ умѣлъ онъ шевелить эти интимнѣйшія и самыя глубокія по тону струны творческаго инструмента, заставляя звенѣть ихъ полнымъ звукомъ, и даже тамъ, гдѣ онѣ, казалось, совершенно отсутствовали, онъ нерѣдко извлекалъ изъ ихъ оборванныхъ и запыленныхъ нитей отрывисто напряженную музыку трагической душевной разорванности.

Онъ и здѣсь оказался предвѣстникомъ. Отъ своихъ влеченій къ древней иконографіи и духовнымъ стихамъ до своихъ проникновеній въ сущность религіозной драмы современниковъ онъ выразилъ одинъ изъ основныхъ запросовъ критической озабоченности послѣднихъ лѣтъ.

VIII.

Какъ всякій новаторъ, Аполлонъ Григорьевъ имѣетъ предтечъ и учителей. Онъ, установившій въ своей критикѣ незыблемый принципъ о непремѣнной наличности предшественниковъ у самаго оригинальнаго мыслителя, подчиняется самъ открытому имъ закону.

Постепенная формація той органической критики, которая составила

его новое слово, даетъ себя знать у цѣлаго ряда его предшественниковъ и современниковъ. Еще до начала своей дѣятельности пройдя основательную школу критическихъ пріемовъ, онъ и въ процессѣ своей журнальной работы не переставалъ пристально всматриваться въ каждое новое явленіе родной ему области. Никогда не замыкая круга своихъ учителей, Аполлонъ Григорьевъ послѣ Гёте, Карлейля и Шеллинга продолжалъ учиться своему ремеслу по послѣднимъ критическимъ работамъ Гюго и Ренана.

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей онъ подробно останавливается на школѣ, въ которой выработалась его теорія. Пособіями органической критики онъ считаетъ книги Бокля, Льюиса, Гёте, сочиненія Бѣлинскаго (за исключеніемъ послѣдняго періода), сочиненія Надеждина и всѣхъ крупнѣйшихъ славянофиловъ.

Но главныя, уже осуществленныя созданія органической критики онъ находитъ прежде всего въ сочиненіяхъ Шеллинга („громадная руда органическихъ теорій") и затѣмъ въ книгахъ Карлейля, Эмерсона, Ренана, Гюго и Хомякова.

Въ русской литературѣ его главнымъ учителемъ былъ все же Бѣлинскій. Правда, многіе недостатки великаго критика были очевидны для его ученика и преемника. Но они не могли затмить въ глазахъ Ап. Григорьева высокихъ качествъ вдохновеннаго созерцателя „Литературныхъ мечтаній". Онъ открыто признавалъ Бѣлинскаго своимъ учителемъ и никогда, кажется, не могъ найти достаточно восторженныхъ образовъ и эпитетовъ, чтобы выказать основателю русской критики свою глубокую благодарность и благоговѣйное восхищеніе.

„Геніальный жрецъ", „великій заклинатель темныхъ силъ", „пламенный поборникъ и тончайшій цѣнитель художественной красоты", „великій борецъ", „способный трепетать, какъ Пиѳія, отъ всего прекраснаго"—вотъ цѣлый рядъ восторженныхъ характеристикъ, разбросанныхъ по различнымъ статьямъ Ап. Григорьева.

„Въ настоящую минуту,—пишетъ онъ уже на закатѣ своей дѣятельности,—великая и честная заслуга журнала было бы умѣть въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній *остановиться* на ученіи Бѣлинскаго до 1844 г., потому что оно съ нѣкоторыми видоизмѣненіями—единственно правое".

Причины вліянія Бѣлинскаго на своего преемника кроются прежде всего въ ихъ творческой родственности. Ап. Григорьевъ не могъ не различить въ Бѣлинскомъ перваго импрессіониста русской критики, поставившаго творчество во главу своего анализа и провѣряющаго правильность своихъ раздумій интенсивностью своихъ впечатлѣній. Вѣчная подвижность Бѣлинскаго, идеальная текучесть его творчества (вотъ кто заслужилъ бы у насъ высокую похвалу Сентъ-Бева за свой критическій

даръ движущихся отраженій!), вѣчный протестъ противъ деспотизма урѣзывающей догмы, легкая возбудимость отъ каждаго прикосновенія къ алтарямъ прекраснаго—всѣмъ этимъ писательская личность Бѣлинскаго отвѣчала основнымъ потребностямъ Ап. Григорьева и являлась самой желанной школой для него. При всемъ этомъ Бѣлинскій былъ и самъ если не пропитанъ, какъ его ученикъ, то, во всякомъ случаѣ, широко обвѣтренъ послѣдними вѣяніями германской философіи, и это значительно приближало къ нему страстнаго шеллингіанца Ап. Григорьева.

Шеллингъ былъ его главнымъ философскимъ вдохновителемъ. „Платонъ новаго міра“, „величайшій изъ мірскихъ мыслителей“, такимъ представляется германскій натурфилософъ русскому критику. Онъ нашелъ у Шеллинга утвержденіе, что мышленіе посредствомъ *интеллектуальной интуиціи* становится выше рефлексіи и достигаетъ полнаго знанія. Великая истина шеллингизма—„гдѣ жизнь, тамъ и поэзія“—сдѣлалась основнымъ критеріемъ его оцѣнокъ. Врагъ идеалистической доктрины въ ея крайнихъ послѣдствіяхъ, Ап. Григорьевъ признавалъ, что шеллингизмъ „разбиваетъ вдребезги кумиръ отвлеченнаго духа человѣчества“. Съ различныхъ сторонъ и разными путями теорія органической критики вбираетъ въ себя главные соки многосложной, темной и соблазнительной доктрины творца философіи откровенія.

Но Шеллингъ былъ только теоретикомъ новаго органическаго взгляда на жизнь и творчество. Опыты практическаго примѣненія его теоріи къ литературной критикѣ Ап. Григорьевъ нашелъ у Карлейля.

„Величайшій изъ англійскихъ мыслителей“, „великій мечтатель, поэтъ, философъ, историкъ, пророкъ“, „поэтически глубокомысленный и до нѣкотораго провидѣнія возвышающійся въ своихъ удивительныхъ пѣсняхъ о Данте и Шекспирѣ“—таковы впечатлѣнія Ап. Григорьева объ этомъ англійскомъ ученикѣ Гёте и Шеллинга. Въ одной статьѣ онъ признаетъ Карлейля „творцомъ совершенно новой критики“, той, которую удобнѣе всего назвать „критикой органической“.

Методы Карлейля и Ап. Григорьева аналогичны. По существу своему положительная, стремящаяся раскрывать въ художественномъ творчествѣ только абсолютныя цѣнности, критика Карлейля признаетъ своимъ исконнымъ принципомъ симпатію, какъ первоисточникъ знанія, и наитіе, какъ его завершающую ступень. Любимый карлейлевскій герой Тайфельсдрэкъ—въ значительной степени его автопортретъ—отвергаетъ школьную логику съ ея вытянутыми шеренгами идей и признаетъ только ту работу сознанія, которая дѣйствуетъ путемъ широкихъ интуицій, обнимающихъ цѣлыя группы идей (...practical reason, proceding by large intuition ower whole systematic groups and kingdoms).

Но къ этому интуитивному знанію онъ приходитъ путемъ точнаго

изученія всего фактическаго матеріала, тщательнымъ разборомъ документовъ, прилежнѣйшимъ анализомъ всѣхъ свидѣтельствъ, цифръ и памятниковъ. Только къ концу этого долгаго пути опытнаго изслѣдованія онъ прибѣгаетъ къ вдохновенію, къ парадоксу, къ страннымъ терминамъ и сумасшедшимъ метафорамъ для пополненія всѣхъ пробѣловъ своего разсудочнаго пониманія.

Въ области общелитературныхъ параллелей и аналогій система Ап. Григорьева совпала съ критическимъ методомъ Гюго. Ознакомившись уже къ концу жизни съ монографіей Гюго о Шекспирѣ, Ап. Григорьевъ увидѣлъ въ ней одно изъ самыхъ блестящихъ проявленій шеллингіанско-карлейлевской критической системы. Онъ посвятилъ цѣликомъ одно изъ своихъ открытыхъ писемъ къ Достоевскому подробному разбору книги Гюго.

Отмѣчая всѣ ея погрѣшности въ области точнаго изученіи—пропуски, неточности, ошибки, Ап. Григорьевъ признаетъ ее „хоть уродствомъ, да геніальнѣйшимъ изъ геніальныхъ". На-ряду съ крупнѣйшими ощущеніями онъ находитъ здѣсь такія прозрѣнія, такіе „проблески молній генія въ насиженныхъ сотнями филистеровъ мѣстахъ", „что двадцать пять нѣмецкихъ профессоровъ, засиживая такую область, всѣ вмѣстѣ въ 25 лѣтъ не выдумаютъ такой глубокой мысли".

Въ книгѣ Гюго Ап. Григорьевъ нашелъ наиболѣе полное примѣненіе сравнительнаго метода. Шекспиръ разсматривается французскимъ поэтомъ какъ одно изъ звеньевъ въ цѣпи міровыхъ геніевъ. Для опредѣленія его значенія и сущности Гюго производитъ обзоръ всей державной династіи духовныхъ властителей человѣчества отъ Гомера и Іова до Раблэ и Сервантеса. Критикъ какъ бы перелистываетъ „грандіозную библію человѣчества"—совокупное созданіе всѣхъ пророковъ, поэтовъ и мудрецовъ, прежде чѣмъ раскрыть великую книгу на одной изъ ея самыхъ ослѣпительныхъ страницъ, отмѣченныхъ именемъ Шекспира [1]).

Эта монографія Гюго была однимъ изъ послѣднихъ книжныхъ увлеченій Ап. Григорьева. Своей маленькой книгой о Шекспирѣ французскій поэтъ вступилъ въ кругъ учителей той академіи критическаго искусства, въ которой до конца не переставалъ совершенствоваться „уволенный отъ критики" Ап. Григорьевъ.

---

[1]) Нѣкоторыя мысли Гюго о критикѣ и творчествѣ совпали съ любимыми положеніями Ап. Григорьева. „Высшая критика имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ энтузіазмъ"... „Отрицатели не могутъ быть критиками; ненависть не есть пониманіе, брань не доказательство"... „Въ истинномъ критикѣ живетъ всегда поэтъ, хотя бы и въ дремлющемъ состояніи". „Каждый новый геній—пропасть, и все же есть между ними связь. Традиція отъ бездны къ безднѣ,—вотъ въ искусствѣ, какъ въ небосводѣ, вѣчная тайна; геніи, какъ свѣтила, сообщаются между собой изреченіями". „Богъ творитъ интуиціей, человѣкъ—вдохновеніемъ, осложненнымъ наблюденіемъ. Это Божеское дѣйствіе, осуществленное человѣкомъ, мы называемъ геніальностью". *Hugo*, „William Shakespeare", II, 2.

IX.

Нужны были десятилѣтія, чтобы и за нимъ было признано право на одно изъ центральныхъ мѣстъ въ кругу великихъ учителей этой негласной академіи.

Во многомъ повторяя пріемы Гёте и Шеллинга, Карлейля и Эмерсона, Ренана и Гюго, Ап. Григорьевъ систематизировалъ принципы ихъ изслѣдованій и, подводя итоги нарастающей тенденціи, выработалъ тотъ комплексъ критическихъ началъ, который до сихъ поръ остается незамѣнимой школой литературнаго анализа. Мы находимъ у него совмѣстное проявленіе основныхъ принциповъ новѣйшей критики—примѣненіе къ литературной оцѣнкѣ широкой общей эрудиціи, тонкое и бережное разслѣдованіе корней и разысканіе источниковъ творчества, при рѣдкой способности дать завершающій синтезъ кропотливой работѣ тщательнаго анализа и охватить исчерпывающей формулой разрозненныя явленія творческой фантазіи.

Учитывая устраненіе нѣкоторыхъ недостатковъ и дальнѣйшее развитіе многихъ только намѣченныхъ у него принциповъ, въ немъ можно признать типъ классическаго критика. Чуждый насмѣшливаго скептицизма и отрицательнаго задора, онъ былъ въ полной мѣрѣ истолкователемъ и провозвѣстникомъ. Изученіе новыхъ идей возбуждало его къ самостоятельному творчеству, въ которомъ онъ безпрерывно поднималъ озаряющія вереницы новыхъ замысловъ, находя для нихъ въ горячкѣ своихъ первыхъ впечатлѣній законченныя, литыя и блестящія формы. Нѣкоторыя критическія опредѣленія его останутся въ исторіи русской литературы ne varietur. Одно только его раздѣленіе современныхъ литературныхъ героевъ на двѣ категоріи—смирныхъ и хищныхъ—заключаетъ въ себѣ цѣлую философію славянскаго духа и русской литературы.

При этой законченности и непреложности критическихъ формулъ Ап. Григорьевъ умѣлъ сообщить носящимся въ воздухѣ отвлеченнымъ понятіямъ волнующую силу живыхъ и конкретныхъ явленій. Въ этомъ интенсивномъ оживленіи абстрактныхъ идей—одно изъ самыхъ цѣнныхъ свойствъ его критическаго дарованія.

При этихъ высокихъ качествахъ нѣкоторые недочеты второстепеннаго характера до сихъ поръ тяготѣютъ надъ литературной судьбой Ап. Григорьева. Упреки въ неясности, тяжеловѣсности, неудобочитаемости раздаются и теперь по его адресу. При нѣкоторой частичной обоснованности ихъ, въ общемъ они едва ли соотвѣтствуютъ сущности его писаній.

Правда, ученикъ темнаго Шеллинга, Ап. Григорьевъ часто считалъ излишнимъ стремиться къ наглядной ясности. Его симпатіи къ соблазнительно таинственнымъ ученіямъ, скрытымъ подъ покрывалами странныхъ

словъ, сказываются иногда и на его собственномъ стилѣ. Но при этом основныя мысли его проведены всегда съ замѣчательной четкостью главныя положенія рельефны и очевидны. Ему недоставало, может быть, только дара концентраціи, умѣнія сгустить и выдѣлить главно въ ущербъ второстепенному, сосредоточить все свое вниманіе на еди номъ ядрѣ, отбрасывая всѣ его безчисленныя оболочки.

Съ другой стороны, ему не всегда удавалось выдержать желанно равновѣсіе между разсудочнымъ изслѣдованіемъ и интуитивнымъ пони маніемъ. Болѣе склонный къ творческимъ наитіямъ, онъ не всегд исчерпывалъ всѣ средства опытнаго знанія и часто слишкомъ близк переходилъ отъ изслѣдованія къ легендѣ, отъ толкованія къ внушенію отъ оцѣнки къ видѣніямъ. Вереницы плѣнявшихъ его вдохновеній иногд слишкомъ относили его въ сторону отъ намѣченной цѣли, и манящі ореолы сіяющихъ интуицій застилали подчасъ отъ его зоркихъ взгля довъ очертанія изучаемыхъ явленій. Въ этихъ случаяхъ положеніе очевидное для критика, затуманивается для его читателя, и нужно осо бенное напряженіе вниманія, чтобы различить въ сорвавшемся вихр образовъ и впечатлѣній коренной стержень руководящей мысли.

Эти недостатки Ап. Григорьева были причиной его непопулярности А между тѣмъ статьи его имѣютъ преимущество передъ лучшими обра цами европейской критики XIX ст.

Мы находимъ у Ап. Григорьева ту философскую глубину и широку способность проникать въ сущность народнаго, религіознаго и иностран наго творчества, которою въ значительно меньшей степени обладал элегантный, тонкій, вѣчно чарующій, но неглубокій Сентъ-Бевъ. Въ рус скомъ критикѣ мы находимъ то трудное умѣніе разсматривать литера туру въ ея движеніи, порывѣ и процессѣ вѣчнаго перерожденія, кото рое до конца недоставало строгому позитивисту Тэну, умѣвшему раз биратьcя только въ неподвижномъ и отстоявшемся. Наконецъ, усвоив всѣ высокія качества критической школы Карлейля, Ап. Григорьев сумѣлъ понизить патетическій діапазонъ англійскаго критика, не при вивая своимъ статьямъ всѣхъ непріятныхъ черточекъ его національнаг юмора. На всемъ полѣ новой европейской критики имя Ап. Григорьев можетъ стать въ рядъ съ самыми громкими именами, и мы затрудняемс назвать здѣсь дѣятеля, предъ которымъ онъ долженъ былъ бы сойт на вторую ступень.

Въ русской критикѣ первенство его внѣ всякаго сомнѣнія. Не умаля громадныхъ заслугъ Бѣлинскаго, Писарева или Добролюбова въ исторі русской литературы и общественности, мы должны признать рѣшитель ное преимущество передъ ними Ап. Григорьева въ области литературной лингвистической и философской эрудиціи, въ дѣлѣ выработки цѣльно

эстетической доктрины, въ богатомъ дарѣ аналогій и тонкомъ искусствѣ критическихъ формулировокъ.

Наконецъ, въ статьяхъ этого русскаго шеллингіанца наша критика достигла впервые глубины и значительности подлиннаго философскаго этюда о творчествѣ. Не вводя въ литературную критику чуждыхъ ей областей, онъ сумѣлъ возвести ее на степень общаго всеобъемлющаго охвата человѣческаго духа. Отъ отдѣльнаго литературнаго созданія онъ переходилъ къ основной группѣ родственныхъ произведеній, отъ созвѣздій талантовъ къ центральнымъ свѣтиламъ геніевъ, отъ литературнаго творчества къ философіи и религіи, отъ совокупности умственныхъ усилій и духовныхъ порываній человѣчества къ психологіи народовъ и философіи расъ. Разбросанныя въ его статьяхъ попутныя характеристики славянства, романства и германизма, написанныя задолго до первыхъ приступовъ великой международной драмы послѣдняго сороколѣтія (1870—1914 гг.), во многомъ сохраняютъ до сихъ поръ свое значеніе.

Въ литературно-философской пряжѣ XIX столѣтія онъ завязалъ одинъ изъ главныхъ узловъ. Онъ сумѣлъ,—согласно его собственной терминологіи,—вобрать въ себя прошлое, чтобъ далеко забросить его сѣти въ будущее. Въ этой духовной напряженности, безошибочно раскрывающей въ минувшемъ и настоящемъ залоги отдаленнаго будущаго, онъ является однимъ изъ центральныхъ пунктовъ умственной жизни прошлаго столѣтія. Черезъ него перебрасываются мрежи умственныхъ исканій отъ Гёте и Шеллинга къ Бергсону и Зиммелю.

Въ этой повышенной чуткости ко всему идейно-значительному сказался весь многосторонній складъ его на рѣдкость одаренной натуры. Юристъ и педагогъ, масонъ и чиновникъ, поэтъ, музыкантъ и журналистъ, онъ совмѣщалъ всѣ свойства совершеннаго критика: разностороннюю эрудицію, тонкій и увѣренный вкусъ, философскій складъ ума и крупный поэтическій темпераментъ, при полномъ отсутствіи зависти къ болѣе сильнымъ творческимъ организаціямъ.

Леонидъ Гроссманъ.

II. Аполлонъ Григорьевъ и театръ.

Русская театральная критика—почти совершенно не изученная область. Наши историки литературы не только не выяснили путей ея развитія, но и не дали общаго очерка отдѣльныхъ ея теченій. Объ этомъ особенно приходится пожалѣть теперь, когда подъ вліяніемъ идеалистическихъ воззрѣній происходитъ переоцѣнка какъ драматической литературы, такъ и общаго стиля сценической передачи. Строгія рамки реалистической эстетики давно уже стали слишкомъ узки. Любимый нами Островскій—не тотъ каратель и обличитель, котораго видѣли въ

немъ критики школы Чернышевскаго, точно такъ же, какъ дорогой и намъ реализмъ русской сцены не тотъ грубый натурализмъ, при защитѣ котораго ополчались и на страстные порывы романтики и на безпечный смѣхъ непретенціознаго водевиля. Мы тяготѣемъ къ какимъ-то инымъ началамъ. Но этотъ порывъ—исполненіе стараго пророчества того критика, который, взявъ все лучшее отъ воззрѣній тридцатыхъ годовъ, неустанно примѣнялъ болѣе широкія начала при оцѣнкѣ литературы и сцены середины прошлаго вѣка.

Аполлонъ Григорьевъ—послѣдній изъ плеяды тѣхъ критиковъ-рецензентовъ, для которыхъ интересы сцены были неразрывно связаны съ интересами литературы. Любя театръ, онъ искалъ въ немъ отвѣта на самые мучительные запросы духа, искалъ, страстно вѣря, что сценическій художникъ при бѣдности драмы можетъ ухватиться за одни намеки и отразить самыя глубокія вѣянія своей эпохи. И театръ не разъ оправдывалъ эти надежды.

Пылкій и впечатлительный писатель, въ силу окружающихъ условій жизни, былъ подготовленъ воспринять настроеніе тридцатыхъ годовъ прежде всего со стороны бурной романтики. Онъ не принадлежалъ къ родовитому дворянству и свою генеалогію велъ отъ дѣда, человѣка умнаго и энергичнаго, пришедшаго въ Москву въ нагольномъ тулупѣ и сумѣвшаго пробить себѣ дорогу. Но онъ выросъ въ богатомъ домѣ и могъ сравнивать окружавшій его міръ съ тѣмъ міромъ, который такъ поэтично обрисовалъ Гончаровъ въ „Снѣ Обломова". „Суевѣрія и преданія" будили въ его душѣ склонность къ мистическому. И эта склонность могла лишь усилиться подъ вліяніемъ первыхъ такихъ раннихъ литературныхъ впечатлѣній. „Мнѣ сорокъ лѣтъ, и изъ этихъ сорока по крайней мѣрѣ, тридцать живу я подъ вліяніемъ литературы,—писалъ онъ въ первыхъ строкахъ своей біографіи-исповѣди, озаглавленной характернымъ названіемъ: „Мои литературныя и нравственныя скитальчества". Еще ребенкомъ онъ съ волненіемъ слушалъ разсказы своего учителя о герояхъ древняго Рима, и великія личности Брутовъ, Камилловъ и Маріевъ исполинскими призраками вставали предъ его впечатлительнымъ воображеніемъ. А на-ряду съ тѣмъ романы Анны Ратклифъ или г-жи Коттень, которые читались вслухъ взрослыми, не подозрѣвавшими, что къ ихъ чтенію до глубокой ночи прислушивается впечатлительный мальчикъ. И какъ послѣдній, всеобъединяющій аккордъ—бесѣды студентовъ, товарищей учителя, на которыхъ „съ какой-то лихорадочностью произносилось имя „Лордъ Байронъ"... изъ устъ въ уста переходили дикія и порывистыя стихотворенія Полежаева". „Когда произносилось это имя,—разсказываетъ онъ,—и очень рѣдко, конечно, нѣсколько другихъ, еще болѣе отверженныхъ именъ, какой-то ужасъ овладѣвалъ кругомъ молодыхъ людей и вмѣстѣ что-то страшно соблазняю-

щее, неодолимо-влекущее было въ этомъ ужасѣ, а если въ торжественные дни именинъ, рожденій и иныхъ разрѣшеній „вина и елея“ компанія доходила до нѣкотораго искусственно приподнятаго настройства... то неопредѣленное чувство суевѣрнаго и вмѣстѣ обаятельнаго страха смѣнялось какою-то отчаянною наивною симпатіей и къ тѣмъ рѣчамъ, которыхъ

значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно,

и къ тѣмъ людямъ, которые или „жгли жизнь“ беззавѣтно, или ставили на карту“ [1]).

Въ театрѣ эти бурныя лихорадочно-тревожныя вѣянія эпохи съ страстно-увлекательной силой отразилъ Мочаловъ. И какъ высоко стоялъ въ глазахъ Аполлона Григорьева образъ артиста, имѣвшаго огромное моральное вліяніе на все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ. Критикъ смѣло утверждалъ, что имя Мочалова нельзя миновать въ критической статьѣ о романтизмѣ, какъ нельзя миновать въ очеркѣ сороковыхъ годовъ имени Грановскаго, хотя бы и оставившаго по себѣ скудные литературные слѣды. Мочаловъ—„великій выразитель, который былъ гораздо больше почти всего имъ выражаемаго“, артистъ, творившій великое изъ самыхъ бѣдныхъ матеріаловъ, „влагая въ скудныя формы свое душевное богатство“. [2])

Въ наше время, послѣ длиннаго ряда трудовъ по театральной эстетикѣ, можно горячо защищать идею о самостоятельномъ творчествѣ художника сцены. Но въ пятидесятыхъ годахъ это былъ необычайно смѣлый взглядъ, и слова критика о чародѣѣ, который „творилъ около себя міры однимъ словомъ, однимъ дыханіемъ“,—наиболѣе пламенная защита актера въ русской литературѣ о театрѣ.

И такъ всегда!

Театръ не являлся въ глазахъ Аполлона Григорьева придаткомъ литературы. Наоборотъ, критикъ былъ глубоко убѣжденъ, что лишь на сценѣ раскрывается во всей полнотѣ замыселъ автора и къ живымъ впечатлѣніямъ театра апеллировалъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда пьеса не появлялась еще на подмосткахъ. Въ статьѣ „Послѣ „Грозы“ Островскаго“ Аполлонъ Григорьевъ бросалъ Добролюбову цѣлый рядъ упрековъ за слишкомъ одностороннее пониманіе драматурга. Указывая на то, что авторъ статьи о темномъ царствѣ отказываетъ въ сочувствіи

---

[1]) *Время*, 1862 г.

[2]) Сочиненія Аполлона Григорьева, т. I. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина.

герою комедіи „Свои люди—сочтемся“, Большову, даже въ трагическую минуту его жизни, онъ говорилъ о будущей постановкѣ запрещенной тогда пьесы и спрашивалъ: „Откажетъ ли Большову въ сожалѣніи и, стало быть, извѣстномъ сочувствіи масса? Пойметъ ли она Липочку какъ протестантку?“ И это былъ доводъ, свидѣтельствующій о самомъ глубокомъ постиженіи законовъ сцены. Когда первый исполнитель роли Большова, мало чувствовавшій Островскаго, М. С. Щепкинъ, не придалъ послѣднимъ сценамъ трогательности, это бросилось въ глаза, какъ прямая ошибка, и противоположная традиція не замедлила затѣмъ прочно утвердиться на русской сценѣ [1]).

„Островскій прежде всего драматургъ“, „онъ создаетъ свои типы для массы“, этими словами Аполлонъ Григорьевъ могъ съ полнымъ правомъ заключить свои возраженія Добролюбову, такъ какъ тутъ крылась новая идея, связывавшая съ театромъ его самыя глубокія и самыя страстныя вѣрованія.

Мы коснемся далѣе того положительнаго понятія народности, которое играло такую значительную роль въ міросозерцаніи Аполлона Григорьева; но какъ характерно, что театръ давалъ ему если не основу, то непрестанную поддержку для вѣры въ правоту непосредственнаго чувства толпы. Разсказывая о неудачѣ, постигшей на сценѣ московскаго театра драму К. С. Аксакова „Освобожденіе Москвы“, онъ во всемъ винилъ „великосвѣтскую чернь“ и „такъ называемую публику“, съ восхищеніемъ говоря о томъ, что „святое, тысячеглавое дитя, называемое массою, толпою, народомъ, инстинктивно чувствовало правду историческую“. [2]) И то же въ оцѣнкѣ сценической игры. На-ряду съ Мочаловымъ критикъ безконечно восхищался Мартыновымъ. Но этотъ артистъ долго не былъ оцѣненъ въ литературныхъ кругахъ, и это дало поводъ Аполлону Григорьеву сказать о первыхъ годахъ его сценической работы: „у Мартынова и тогда были созданія не менѣе глубокія, какъ въ краткую послѣднюю эпоху его славы:—но глубину этихъ созданій чувствовала масса, а критика о ней молчала“.

Такія противоположенія—не случайность, и Аполлонъ Григорьевъ не разъ развивалъ ту же мысль. „Я пишу не для мышиныхъ жеребчиковъ и не для посѣтителей вечеровъ Излера,—а для людей мыслящихъ и для массы, которая—правильно ли, ошибочно ли,—но *чувствуетъ* въ серьезъ, взаправду чувствуетъ что-либо во время сценическаго представленія“,—говорилъ онъ. А въ другомъ мѣстѣ мы находимъ еще болѣе подробное развитіе того же взгляда: „закоренѣлый и старый демократъ

---

[1]) Любопытна въ этомъ отношеніи рецензія А. Баженова: „Сочиненія и переводы“, т. III, стр. 76.

[2]) *Якорь*, 1869 г., № 2.

подразумѣвается въ искусствѣ), я высоко уважаю массу и чрезвычайно низко ставлю такъ называемую публику. Публика вездѣ и всегда, а въ особенности у насъ, составляется изъ такъ называемаго хорошаго общества, т.-е. по моему, обычному, циническому, но вѣрному выраженію изъ гнили и прокиси нравственнаго мѣщанства".

Эти суровыя выраженія намекаютъ уже на глубокую трагедію Аполлона Григорьева—вѣчное и неотступное сознаніе своего идейнаго одиночества. Его голосъ не находилъ отклика въ обществѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ. И это потому, что не только театральными симпатіями, но и всѣмъ складомъ своего міросозерцанія онъ принадлежалъ къ людямъ болѣе ранней идеалистической эпохи. Его духовнымъ вождемъ былъ Бѣлинскій. Но не Бѣлинскій послѣднихъ статей, дававшихъ опору для взглядовъ Чернышевскаго, а Бѣлинскій первыхъ лѣтъ съ его непоколебимою вѣрой въ идеалистическое начало. Философія Шеллинга, которой когда-то увлекался авторъ „Литературныхъ мечтаній", была для Аполлона Григорьева той системой, которой онъ неизмѣнно оставался вѣренъ. И есть что-то необычайно трогательное въ томъ, что въ годы самаго грубаго натурализма, когда общество такъ прочно усвоило реалистическую эстетику Чернышевскаго и когда уже восходила звѣзда Писарева, онъ въ первыхъ же номерахъ своего *Якоря* отвелъ мѣсто для цѣлаго ряда статей о философіи нѣмецкаго идеалиста. Аполлонъ Григорьевъ чувствовалъ, что именно этому міросозерцанію обязанъ былъ его учитель самыми глубокими прозрѣніями въ области искусства и былъ убѣжденъ, что отзвуки тѣхъ же взглядовъ одержали бы верхъ въ мятущейся, но неспособной закоснѣть въ теоріи противъ правды искусства и жизни" натурѣ Бѣлинскаго. „Дѣло въ томъ,—писалъ онъ,—что смерть застала критика въ такой именно моментъ, что этотъ послѣдній моментъ его сознанія такъ и застылъ въ школѣ, порожденной не самимъ Бѣлинскимъ, а именно этимъ моментомъ его духа,—что для адептовъ школы и для многихъ раболѣпныхъ послѣдователей всякой литературной новизны это послѣднее его слово не есть единственно-настоящее, что они того, прежняго-то Бѣлинскаго, пламеннаго поборника и тончайшаго цѣнителя художественной красоты—одни забыли, другіе знать не хотятъ, пренаивно думая, что такъ вотъ, въ этомъ-то напряженномъ и нѣсколько болѣзненномъ, хотя и совершенно поясняемомъ историческими обстоятельствами моментѣ сознанія—весь и высказался такой великій и могущественный духъ, каковъ былъ духъ Бѣлинскаго".

Но что осталось въ концѣ пятидесятыхъ годовъ отъ раннихъ взглядовъ Бѣлинскаго, отъ его увлеченій бурной романтикой восторженнаго преклоненія передъ красотой и вѣры въ единую и вѣчную тему искусства, воспроизводящаго идею всеобщей жизни? Критика той эпохи, съ

Чернышевскимъ и Добролюбовымъ во главѣ, была насквозь проникнута общественными тенденціями. Искусство, которому предписывалась цѣль объяснять жизнь, приравнивалось къ наукѣ. Оно должно было наравнѣ съ ней способствовать прогрессу, что въ концѣ-концовъ сводилось, конечно, къ требованію прямолинейныхъ фельетонно-хлесткихъ обличеній. „Наслажденіе изящнымъ должно состоять въ минутномъ забвеніи нашего я, въ живомъ сочувствіи съ общею жизнію природы". Какъ не похожи эти первыя строки Бѣлинскаго объ искусствѣ, предуказывавшія столько пламенныхъ увлеченій міромъ мечты, на сухія слова эстетическаго трактата Чернышевскаго: „реальное направленіе мыслей, развиваемыхъ здѣсь, уже достаточно свидѣтельствуетъ, что онѣ возникли на почвѣ реальности и что авторъ вообще придаетъ очень мало значенія для нашего времени фантастическимъ полетамъ даже и въ области искусства, не только въ дѣлѣ науки".

„Фантастическіе полеты"—терминъ, который подлежалъ весьма распространительному толкованію: подъ него подводилась не только фантастика, но рѣшительно все, что не сводилось на рѣзкое и безпощадное обличеніе. Теперь трудно и представить тотъ неудержимый гнѣвъ, съ которымъ обрушился Чернышевскій на поэтичную, какъ сказка, комедію Островскаго „Бѣдность не порокъ". Въ ней не было обличенія, не слышалось того ярко-отрицательнаго отношенія къ изображаемымъ типамъ, которымъ проникнута первая пьеса „Свои люди—сочтемся", и критикъ говорилъ, что только воспоминаніе о старыхъ заслугахъ автора мѣшаетъ ему наградить его за новый трудъ эпитетомъ „кичливой бездарности". Такая грубость отрицаній сама по себѣ могла заставить болѣе чуткихъ критиковъ отстаивать положительныя черты русскаго быта. Но атака Чернышевскаго была лишь сигналомъ, за которымъ послѣдовалъ общій натискъ, принявшій особую стремительность послѣ „Грозы", гдѣ авторъ нарисовалъ полный религіозной мечтательности женскій образъ. Чтобъ оправдать Катерину какъ типъ, надо было свести на нѣтъ всю привлекательность ея мистическихъ настроеній, и послѣдователи Добролюбова не остановились передъ этой задачей. „Драма „Гроза"—драма только по названію, въ сущности же это—сатира, направленная противъ двухъ страшнѣйшихъ золъ, глубоко вкоренившихся въ темномъ царствѣ—противъ семейнаго деспотизма и мистицизма",—писалъ критикъ *Московскаго Вѣстника*. Но разъ такъ, то можно было переоцѣнить и главную героиню пьесы. „Личность Катерины съ перваго раза располагаетъ къ себѣ зрителя,—но только съ перваго раза, пока въ нее не вдумаешься; она заслуживаетъ не сочувствія, а только состраданія, какъ заслуживаютъ его эпилептики, слѣпые, хромые: жалѣть ихъ можно, стараться пособить имъ—должно, но сочувствовать ихъ эпиле-

псіи, слѣпотѣ и хромотѣ—ужъ никакъ нельзя: это было бы безуміемъ“ [1]). И это былъ далеко не единичный отзывъ. „Не принимая на себя трудной задачи совѣтовать автору въ подобныхъ случаяхъ, мы думаемъ однако, что г. Островскій сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы исключилъ изъ своего новаго произведенія всю трагическую часть его и представилъ бы намъ обыкновенную смертную обитательницу уѣзднаго города, молодую и хорошенькую, не мечтающую о томъ, чтобы сдѣлаться птицей и летать по воздуху (такія мечты слишкомъ смѣшны въ устахъ совершеннолѣтней женщины), но попросту недовольную мужемъ и свекровью и умирающую естественнымъ образомъ, если ужъ ей такъ необходимо умереть!“,—снисходительно совѣтовалъ критикъ *Московскихъ Вѣдомостей* [2]).

Самъ Добролюбовъ, правда, поспѣшилъ отмежеваться отъ подобныхъ заключеній, но и его сужденія, высказанныя въ извѣстной статьѣ „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“, не отличаются достаточнымъ уваженіемъ къ глубокимъ запросамъ человѣческаго духа. Тутъ, какъ и въ болѣе ранней статьѣ „Темное царство“, авторъ все время имѣетъ въ виду общественную точку зрѣнія. Но въ одной ли окружающей обстановкѣ причина той драмы, которая происходитъ въ душѣ Катерины? Способна ли она и вообще удовлетвориться дѣйствительностью послѣ страстныхъ мечтательныхъ порывовъ? Или, можетъ быть, тутъ приподымается завѣса вѣчнаго вопроса о тоскѣ по идеалу? Какъ бы то ни было, мы сознаемъ, что психологически вопросъ болѣе сложенъ, чѣмъ это представлялось Добролюбову. „Иной разъ, бывало, рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко всходитъ,—упаду на колѣни, молюсь и плачу; такъ меня найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно“. Какъ странно читать послѣ этихъ, приводимыхъ Добролюбовымъ, строкъ его снисходительныя соображенія: „бѣдная дѣвочка, не получившая широкаго теоретическаго образованія, не знающая всего, что на свѣтѣ дѣлается, не понимающая даже хорошенько своихъ собственныхъ потребностей, не можетъ, разумѣется, дать себѣ отчетъ въ томъ, что ей нужно“. Если такъ, почему же критикъ отказывался отъ солидарности съ его болѣе рѣшительными въ своихъ заключеніяхъ послѣдователями? Вѣдь если широкое теоретическое образованіе и обиліе свѣдѣній позволятъ женщинѣ хорошо понять свои потребности, это произойдетъ явно за счетъ мечтательности и мистицизма, которые при такихъ условіяхъ вполнѣ допустимо считать если не дьявольскимъ наважденіемъ, то привычкой весьма дурного тона.

---

[1]) *Московскій Вѣстникъ*, 1859 г., № 49.

[2]) *Московскія Вѣдомости*, 1860 г., январь.

Какъ видимъ, для Добролюбова и критиковъ его школы дѣло было чрезвычайно ясно. Прогрессъ, научное развитіе, раціональное воспитаніе,—все это были новыя средства, обезпечивающія радикальное излѣченіе отъ всякихъ золъ. Но Аполлонъ Григорьевъ понималъ, что жизнь—болѣе сложное и болѣе таинственное явленіе. Не отрицая правильности многихъ соображеній автора „Темнаго царства", онъ все же полагалъ, что въ его статьѣ захвачена лишь одна сторона жизни, отражаемой произведеніями Островскаго. Самодурство самодурствомъ, и ему симпатизировать нечего. Но какъ часто пьеса Островскаго является не сатирой, а „поэтическимъ изображеніемъ цѣлаго міра съ весьма разнообразными началами и пружинами". Какъ часто у него и пассивная личность, которую по теоріи можно было бы лишь жалѣть, рисуется высокой личностью, привлекающей всѣ наши симпатіи своимъ нравственнымъ совершенствомъ.

Въ настоящее время все это такъ безусловно вошло въ наше сознаніе. Мягкость, примиренность, вѣра въ нравственное совершенство, эти начала произведеній Островскаго не укрылись отъ западной критики, гдѣ драматурга считаютъ писателемъ, настолько проникнутымъ христіанскимъ духомъ, что у него не вырывается ни одного слова гнѣва и ненависти [1]). Но въ пятидесятые годы, когда хотѣли только обличеній и порицаній, къ нимъ шли и шли, совлекая съ искусства самое интимное и обаятельное.

Аполлонъ Григорьевъ не могъ не протестовать противъ этого публицистическаго похода.

Еще въ первые годы своей литературной дѣятельности онъ не безъ оговорокъ принималъ принципъ исторической критики. Вполнѣ соглашаясь съ тѣмъ, что литературу надлежитъ разсматривать „какъ органическій продуктъ вѣка и народа въ связи съ развитіемъ государственныхъ и общественныхъ моральныхъ понятій", онъ въ то же время напоминалъ о томъ, что во всемъ временномъ есть „частица вѣчнаго и непремѣннаго", изъ чего неизбѣжно слѣдуетъ, что есть и общіе эстетическіе законы [2]). Но эту точку зрѣнія критикъ долженъ былъ защищать потомъ съ новой и новой силой, ополчаясь на самый пріемъ публицистовъ, кричать о новыхъ интересахъ минуты и неумолимо подгонять подъ нихъ произведенія искусства. Онъ понималъ, что, стирая въ старомъ все до конца, чисто общественный взглядъ на литературу не можетъ ни на мигъ принести успокоенія, такъ какъ человѣчество всегда будетъ стоять предъ новыми и новыми требованіями, и говорилъ, что историческая критика—„безотраднѣйшее изъ міросозерцаній, въ кото-

---

[1]) *Patouillet.* „Ostrovski", V стр.

[2]) *Москвитянинъ*, 1852, № 1.

ромъ всякая минута міровой жизни является переходною формою къ другой переходной же формѣ; бездонная пропасть, въ которую стремглавъ летитъ мысль безъ малѣйшей надежды за что-нибудь ухватиться, въ чемъ-либо найти точку опоры".

„Душа человѣка, всегда единая, всегда одинаково стремящаяся къ единому идеалу правды, красоты и любви, какъ будто забывается"— вотъ основной мотивъ всѣхъ воззрѣній Аполлона Григорьева. Насквозь проникаетъ онъ и понятіе народности, выставленное въ противоположность „чисто сатирическому отношенію къ бытовой жизни".

Это понятіе не является безусловно неоспоримымъ, такъ какъ полемика заставляетъ порой Аполлона Григорьева итти дальше цѣли и видѣть элементы вѣчнаго въ томъ, что минуло вмѣстѣ съ его эпохой. Касаясь, напримѣръ, вопроса о повальномъ взяточничествѣ старыхъ чиновниковъ, критикъ всѣ надежды на искорененіе зла строилъ на вѣрѣ въ проповѣдь личнаго совершенства, упуская изъ виду вліяніе такихъ реальныхъ мѣръ, какъ введеніе судебныхъ уставовъ и образовательнаго ценза. Съ другой стороны, и въ области театра вполнѣ понятныя явленія, вродѣ большого успѣха Островскаго на московской сценѣ, давали поводъ къ самымъ грандіознымъ обобщеніямъ. Простой фактъ близости актеровъ къ изображаемымъ типамъ былъ возведенъ въ нѣчто неизмѣнное, и критикъ строилъ цѣлую теорію о вѣчномъ первенствѣ московской труппы надъ петербургской. Но такъ ли важны подобныя преувеличенія, въ параллель которымъ можно было бы привести цѣлый рядъ противоположныхъ промаховъ со стороны утопистовъ? Не должны ли мы, наоборотъ, отнести все это къ неизбѣжной въ полемикѣ страстности и глядѣть лишь на общія идеи оцѣнки литературныхъ явленій?

Но тогда сразу выступаетъ глубокое превосходство Аполлона Григорьева. Понятіе народности готовъ былъ принять и Добролюбовъ. „Какъ будто мы не признавали народности у Островскаго! Да мы именно съ нея начали, ею продолжали и кончили", восклицалъ онъ въ отвѣтъ. Но едва этотъ критикъ пробовалъ вскрыть общій духъ понятія, онъ сейчасъ же переходилъ къ рѣчамъ о томъ, что въ Островскомъ, какъ комикѣ, находятъ съ отрицательной стороны свое выраженіе стремленія къ лучшему устройству общества. Между тѣмъ мы знаемъ, что высшій паѳосъ писателя не въ этомъ. Еще болѣе устарѣвшіе типы Грибоѣдова не уничтожаютъ протестующаго смысла его пьесы. „Горе отъ ума"—негодованіе противъ застоя, страстный призывъ подобно его герою итти на борьбу съ предразсудками общества. Но Островскій манитъ насъ совсѣмъ инымъ, и мы снова повторяемъ слова его пламеннаго друга, замѣняя лишь понятіе народности болѣе мягкимъ понятіемъ національной особенности. Возьмемъ самыя преступныя строки Аполлона Григорьева, на которыя съ легкой руки Добролюбова до сихъ поръ не

перестаютъ ссылаться какъ на нѣчто абсолютно непріемлемое: „У Островскаго, одного въ настоящую эпоху литературную, есть свое прочное новое и вмѣстѣ идеальное міросозерцаніе, съ особеннымъ оттѣнкомъ обусловленнымъ какъ данными эпохи, такъ, можетъ быть, и данными натуры самого поэта. Этотъ оттѣнокъ мы назовемъ, нисколько не колеблясь, кореннымъ русскимъ міросозерцаніемъ, здоровымъ и спокойнымъ, юмористическимъ безъ болѣзненности, прямымъ безъ увлеченій въ ту или другую крайность, идеальнымъ, наконецъ, въ справедливомъ смыслѣ идеализма, безъ фальшивой грандіозности или столько же фальшивой сантиментальности". Сопоставимъ это съ другимъ отрывкомъ „Доброта чувствуется въ основѣ его картинъ, даже жестокихъ или проникнутыхъ сатирическимъ духомъ. Островскій любилъ, даже бичуя, самодуровъ, опьяненныхъ властью, упрямыхъ и даже творящихъ зло,—онъ какъ бы вѣрилъ въ кредитъ въ благотворную природу человѣка. Не впадая въ слезливую сантиментальность, онъ жалѣлъ всѣхъ соціально обездоленныхъ. Онъ надѣялся, что всѣ эти отсталые, заблудившіеся, падшіе братья мало-по-малу откажутся отъ началъ, противныхъ достоинству человѣка, научатся уважать себя и другихъ, возстанутъ изъ паденія своего и оживятъ въ себѣ божественную искру. Въ этомъ смыслѣ Островскій—глубоко русскій человѣкъ и демократъ въ благороднѣйшемъ значеніи слова, но безъ декламаціи и пышнаго изложенія догмата вѣры" [1]). Не кажется ли, что оба отрывка—лишь перифразы одной и той же мысли. А между тѣмъ вторая цитата взята у современнаго французскаго изслѣдователя, вся сила котораго въ томъ, что онъ далекъ отъ нашего направленія.

Къ идеямъ Аполлона Григорьева склоняются, впрочемъ, и въ русской литературѣ. Объ истинно христіанскомъ духѣ Островскаго, объ его святой наивности и блаженной простотѣ его таланта говоритъ и А. Р. Кугель. И въ этомъ второмъ совпаденіи, быть можетъ, наиболѣе характерно то, что, далекій отъ славянофильскихъ тенденцій, театральный критикъ точно такъ же исходитъ изъ сценическихъ впечатлѣній. Неужели послѣ этого не пора, наконецъ, признать, что Аполлонъ Григорьевъ всего болѣе прозрѣвалъ то статическое начало театра Островскаго, которое такъ близко намъ теперь, послѣ Чехова и Метерлинка? И если его наталкивали на эти прозрѣнія страстныя рѣчи „молодой редакціи *Москвитянина*" съ ея спорами о народности, любовью къ старому быту, разсказами Горбунова и пѣснями Тертія Филиппова, надо болѣе безпристрастно взглянуть на тотъ кружокъ, который могъ будить такія прекрасныя догадки.

Рядомъ съ значеніемъ Аполлона Григорьева, какъ объясняется

---

[1]) *Patouillet.* „Ostrovski", стр. 456.

Островскаго, слѣдуетъ поставить его исключительныя заслуги какъ тонкаго цѣнителя сценическаго искусства.

Въ области сцены онъ также взывалъ къ Бѣлинскому. Передовымъ артистамъ, вродѣ Садовскаго, П. Васильева и Горбунова, было, по его мнѣнію, тѣмъ болѣе тяжело, что ихъ стремленія къ жизненной и художественной правдѣ не встрѣчали поддержки въ литературѣ. „Наша литература въ настоящую минуту—публицистика. Нѣтъ, да по историческимъ условіямъ минуты и не можетъ быть Бѣлинскаго, борца, котораго могучій голосъ былъ бы авторитетомъ въ дѣлѣ національнаго искусства, чье слово клеймило бы печатью смѣха рутину и ветошь“, съ горячей убѣжденностью говорилъ критикъ [1]). И онъ взялъ еще болѣе трудную задачу, чѣмъ дѣло Бѣлинскаго,—проповѣдь тѣхъ же началъ изящества и красоты въ эпоху пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ.

Такое мнѣніе не должно казаться парадоксальнымъ. Въ своихъ театральныхъ воззрѣніяхъ Бѣлинскій былъ далеко не одинокъ. Не говоря о Станкевичѣ, въ дальнѣйшемъ онъ очень часто совпадалъ съ проф. Шевыревымъ, Крюковымъ и даже, какъ бы ни казалось это страннымъ, съ рецензентами *Сѣверной Пчелы*. Такія совпаденія характерны для эпохи, когда сценическій стиль не подвергался коренной ломкѣ, а медленно эволюціонировалъ какъ въ комедіи, такъ и въ трагедіи, гдѣ переходили отъ старой манеры къ романтической школѣ. Но ко времени дѣятельности Ап. Григорьева картина рѣзко мѣняется.

Творчество актера не слагается внѣ зависимости отъ общаго эстетическаго міросозерцанія. Въ тридцатыхъ годахъ, когда искусство ставилось выше жизни, тотъ же идеалистическій духъ проникалъ въ сценическое исполненіе. Изящество въ области комедіи и широкій рисунокъ въ трагедіи были начала, одинаково признаваемыя всѣми. Но послѣ диссертаціи Чернышевскаго „объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности“ подъ правдой и жизненностью начали разумѣть нѣчто совсѣмъ иное. Когда въ противовѣсъ формулѣ Шеллинга выдвигалось положеніе: „произведенія искусства рѣшительно не могутъ выдержать сравненія съ живою дѣйствительностью“, многое изгнилось и на сценѣ. И если въ общемъ началъ праздновать побѣду реализмъ, не менѣе значительно было и прикрывающееся тѣмъ же флагомъ грубо-натуралистическое движеніе. Въ бытовой драмѣ оно породило рѣзкую подчеркнутость и завѣдомую небрежность пріемовъ, въ трагедіи—ту карикатурную вѣрность жизни, когда въ роли короля Лира стремились къ клинически вѣрной картинѣ сумасшествія, а Шейлока изображали мелкимъ факторомъ. Все это принималось за простоту и естественность, и только Ап. Григорьевъ, одинъ среди всѣхъ предста-

---

[1]) *Эпоха*, 1864 г., 1—2, стр. 459.

вителей литературной критики, всталъ на борьбу и за болѣе художественное пониманіе реализма, и за романтизмъ, превратившійся въ мишень для самыхъ безпощадныхъ насмѣшекъ.

Но главное—повторяемъ снова—не въ этомъ, главное въ томъ, что такой знатокъ сцены не могъ воспринимать драму внѣ театра. „Весь этотъ длинный анализъ, вѣренъ онъ или нѣтъ,—результатъ столько же игры артистки, сколько самой драмы“, писалъ Аполлонъ Григорьевъ въ заключеніи статьи о „Воспитанницѣ“. И это даетъ право съ полнымъ убѣжденіемъ сказать, что Аполлонъ Григорьевъ-критикъ не можетъ быть понятъ вполнѣ до тѣхъ поръ, пока мы не раскроемъ его черты, какъ театральнаго рецензента.

Мятущійся, страстный, всегда полный тоски по идеалу, онъ и въ это дѣло вкладывалъ всю свою душу. И какъ прекрасенъ бываетъ порою его образъ. Пламенный народникъ, онъ глубоко презиралъ патріотическія издѣлія Кукольника и Полевого. Но когда за тотъ же сюжетъ взялся мягкій, полный всепрощенія Островскій, критикъ замеръ отъ счастливаго ожиданія. И пусть онъ переоцѣнилъ драму, увидѣвъ въ произведеніи не только то, что тамъ есть, но и то, что таилось въ когда-то плѣнявшихъ его „высокихъ пророческихъ рѣчахъ“ его друга, какъ увлекательны все же его порывы! Уѣхавъ учителемъ въ Оренбургъ послѣ томительныхъ редакціонныхъ дрязгъ въ столицѣ, Аполлонъ Григорьевъ писалъ оттуда: „Во всякое свободное время моя тѣсная квартира набита страстно преданными мнѣ учениками, и то посвящаю я ихъ слегка въ философскіе вопросы, то читаю „Минина“,—и я плачу, и все кругомъ меня плачетъ, и до ночи вѣрится, что въ жизни есть что-нибудь повыше личнаго страданія. До ночи!...“ [1]). Это сердце умѣло чувствовать искусство. И если ночью передъ писателемъ вставали мучительные вопросы о томъ, что „поэзія уходитъ изъ міра“ и онъ попалъ не въ ту струю вѣянія, въ этой мукѣ была лишь половина правды. Грубо-реалистическимъ взглядамъ, не дошедшимъ еще до своего логическаго конца въ писаревщинѣ, было, дѣйствительно, обезпечено торжество. Но рабство художественной мысли не могло быть вѣчнымъ, и вмѣстѣ съ ея освобожденіемъ мы все съ большей и большей любовью начинаемъ вспоминать о томъ критикѣ, который являлся однимъ изъ самыхъ пламенныхъ и самыхъ смѣлыхъ борцовъ за идеализмъ.

Н. Долговъ.

---

[1]) *Эпоха*, 1864 г., № 9, стр. 39.

Европейская война и нейтральная Швеція.

Въ русской печати, незадолго до начала европейской войны, оживленно обсуждался вопросъ о Швеціи и ея положеніи въ возможномъ международномъ конфликтѣ. Для Россіи этотъ вопросъ принималъ одно время тѣмъ болѣе злободневный характеръ, что правая часть шведской прессы представляла себѣ близкую вѣроятность непосредственнаго, изолированнаго конфликта съ Россіей, при чемъ послѣдней приписывались агрессивныя намѣренія съ цѣлью захвата на сѣверѣ незамерзающей гавани. Особенно настойчиво неизбѣжность такого конфликта и необходимость захвата гавани развивалъ въ рядѣ „предостерегающихъ" брошюръ извѣстный путешественникъ и географъ Свенъ Гединъ. Извѣстно, что подъ шумъ этой агитаціи въ Швеціи прошло съ значительнымъ успѣхомъ поправѣніе риксдага, отпало министерство „соглашеній" Штаафа и, какъ всегда бываетъ въ моменты кризиса, обострилось представительство крайнихъ теченій на политической платформѣ.

Все это происходило за какихъ-нибудь два-три мѣсяца до того, какъ разразилась катастрофа европейской войны, столкнувшей самыя крупныя государства Европы. Если до этого „оборона" Швеціи была лозунгомъ въ борьбѣ соперничающихъ партій, безъ указанія опредѣленнаго времени для тревожнаго „memento", то вслѣдъ за взрывомъ европейской войны она совершенно заполнила политическій горизонтъ страны, оттѣснивъ на задній планъ всѣ другіе вопросы.—„Вы упрекали насъ въ томъ, — говорили правые своимъ противникамъ, — что „оборона" лишь козырь въ нашихъ рукахъ для того, чтобы свести счеты съ противниками,—ну, а теперь видите, вся Европа въ огнѣ, каждый день можно ждать опасности для Швеціи,—надо быть готовыми ко всему!" Къ чему именно,—не говорилось, но, конечно, подразумѣвалось опять-таки нападеніе на Швецію.

Первые дни со времени объявленія войны Германіей шведское общественное мнѣніе колебалось, но уже черезъ три-четыре дня былъ офиціально провозглашенъ нейтралитетъ Швеціи въ европейскомъ конфлик-

тѣ. Недѣли черезъ двѣ этотъ нейтралитетъ былъ сугубо подчеркнутъ, и тонкіе политики предположили, что за этотъ промежутокъ времени произошло что-то за кулисами шведской дипломатіи. Считали возможнымъ, что Германія въ той или иной формѣ попросила содѣйствія Швеціи, и на это послѣдовалъ категорическій отказъ. Какъ разъ въ это время въ шведскихъ газетахъ упорно циркулировалъ слухъ о прибытіи въ Стокгольмъ какого-то „курьера" отъ Вильгельма; слухъ этотъ опровергался, но затѣмъ всетаки послѣдовало сообщеніе въ нѣкоторыхъ газетахъ, что „курьеръ" уѣхалъ. Въ продолженіе шумихи, поднятой первыми днями войны, можно было читать въ шведскомъ *Socialdemokraten* ироническое обращеніе къ правымъ: „вы-де не успѣли еще башмаковъ износить съ того времени, какъ вопіяли о „русской опасности", а теперь вы чуть ли не готовы кричать о реваншѣ и мечтать о превращеніи Швеціи въ великую державу! стыдитесь!" Если *Socialdemokraten* и преувеличилъ что-нибудь въ полемическихъ цѣляхъ, то нельзя отрицать, однако, что въ нѣкоторой части шведскаго общества нападеніе Германіи на Россію (а о томъ, что это заранѣе обдуманное и разсчитанное на внутренніе безпорядки нападеніе, повидимому, не можетъ быть двухъ мнѣній) вызвало извѣстное злорадство. Боязнь Россіи, какъ ближайшей и опасной сосѣдки, раздуваемая агитаціей правыхъ, необходимо вызвала и недоброжелательство къ ней. Если Россія опасна для Швеціи, то ея неудачи могутъ лишь радовать, а въ началѣ войны, въ особенности еще до вмѣшательства Англіи, эти вѣроятныя неудачи усиленно размалевывались германофильской прессой. Надобно тутъ же замѣтить, что германофильская пресса въ Швеціи сама по себѣ мало значитъ: она лишь относится слишкомъ *довѣрчиво* къ сообщеніямъ нѣмецкихъ агитаторовъ, организованныхъ теперь въ нейтральныхъ государствахъ очень искусно, наподобіе торговыхъ агентовъ-рекламистовъ. Почва для этой агентуры Вильгельмъ-Круппъ и К° благопріятна по вышеуказаннымъ мотивамъ. Вотъ и все. Съ момента вмѣшательства Англіи атмосфера шведскихъ настроеній измѣнилась почти сразу. Если Германія пользуется внушительнымъ авторитетомъ въ Швеціи, какъ физическая сила, то авторитетъ моральный скорѣе—на сторонѣ Англіи: англо-саксонская гордая выправка вообще культурно ближе скандинавскимъ народамъ, чѣмъ прусское капральство. Вмѣшательство Англіи, отъ которой зависитъ торговая жизнь европейскаго сѣвера, учитывалось и практически: вѣдь теперь извѣстно, post factum, что̀ значитъ для Германіи война съ Англіей,—она означаетъ развалъ торговли, и практичные шведы это поняли сразу. Мнѣ пришлось слышать, изъ заслуживающихъ довѣрія источниковъ, что шведскій посланникъ одной изъ крупныхъ державъ „облегченно вздохнулъ", узнавъ о вмѣшательствѣ Англіи: „ну, теперь нашъ нейтралитетъ и его разумность пойметъ даже Свенъ Гединъ!"

Итакъ, мотивы моральнаго и практическаго характера смѣшались à la bonne heure, чтобы продиктовать Швеціи позицію расчетливаго, обдуманнаго нейтралитета.

Вслѣдъ за этимъ можно отмѣтить лишь поѣздку въ Германію того же Свена Гедина, какъ фактъ, привлекшій нѣкоторое недоумѣвающее вниманіе. Что это значитъ? Выпадъ шведской дипломатіи или необдуманная безтактность зарвавшагося политическаго крикуна? Общественное мнѣніе Швеціи, повидимому, склонно къ этому послѣднему рѣшенію проблемы и весьма недоброжелательно взираетъ на демонстраціи „хорошаго географа“ и „плохого политика“. Нѣсколько времени тому назадъ депутатъ Брантингъ потребовалъ отъ министерства спеціальныхъ разъясненій о дипломатической роли пресловутаго Свена, и на это послѣдовалъ отвѣтъ, что миссія Свена Гедина въ Германіи имѣетъ совершенно приватный характеръ и ни къ чему не обязываетъ правительство.

Если еще присоединить сюда энергичный протестъ шведскаго посланника во Франціи противъ обвиненій по адресу Швеціи въ закулисномъ нарушеніи ею нейтралитета, то этимъ почти исчерпываются факты, устанавливающіе роль Швеціи въ европейскомъ конфликтѣ.

Если принять во вниманіе энергичную пропаганду, которую Германія развила въ Швеціи съ начала войны, — пропаганду, не останавливающуюся ни передъ какими средствами для того, чтобы пріобщить Швецію къ своимъ союзникамъ, то упорная самостоятельность послѣдней указываетъ на твердую рѣшимость отстоять нейтралитетъ во что бы то ни стало. Сколько было въ нѣмецкой печати ухищреній, чтобы поколебать эту рѣшимость, сколько пролито крокодиловыхъ слезъ надъ возможнымъ будущимъ Швеціи, если..., и все это понапрасну! Еще въ началѣ войны въ нѣмецкихъ газетахъ писалось: „Конечно, у насъ совершенно достаточно силъ для того, чтобы вести войну съ успѣхомъ, но мы не можемъ не привѣтствовать присоединенія къ намъ шведовъ, какъ моральный факторъ подъема и солидарности германскихъ народовъ!“ Панславизмъ противопоставлялся пангерманизму, какъ будто Германія воевала только съ славянами. На „подозрительныхъ“ въ области пангерманизма, какъ, напр., на Данію, Германія смотрѣла покровительственно, пощелкивая зубами: „мы не можемъ не оцѣнить *лояльнаго* отношенія датчанъ!“

Здѣсь будетъ кстати коснуться одного эпизода германской агитаціи въ Норвегіи. Если въ Швеціи, особенно въ первыя недѣли войны, нѣмцамъ и удалось настроить печать благопріятно къ германскимъ „источникамъ“, то въ Норвегіи съ самаго начала газеты сохраняли полное безпристрастіе въ изображеніи фактовъ войны, охотно давая мѣсто англійскимъ, французскимъ и русскимъ извѣстіямъ. Объясняется это не

тѣмъ, что агенты фирмы Круппъ и К° дѣйствовали тамъ менѣе энергично,—ничуть не бывало,—а тѣмъ, что въ Норвегіи германская агитація не нашла такой благопріятной почвы, какъ въ напуганной предполагаемымъ русскимъ нашествіемъ Швеціи. Мѣсяцъ тому назадъ одинъ изъ воинствующихъ „германцевъ" не вытерпѣлъ и разразился откуда-то изъ Франкфурта негодующимъ письмомъ въ редакцію норвежской *Aftonbladet.* Несмотря на то, что письмо было написано по-нѣмецки, т.-е. на языкѣ, который понимаетъ только норвежская интеллигенція, и несмотря на его чрезвычайно грубый тонъ, письмо это было напечатано. Чтобы судить о его содержаніи и тонѣ, достаточно привести такое мѣсто: „пфуй, норвежцы! вы, которыхъ Германія освободила (!) отъ русскихъ, вы можете относиться недоброжелательно къ успѣхамъ нѣмецкаго оружія" и т. д... Редакція газеты отвѣтила на это письмо спокойнымъ заявленіемъ о безпристрастномъ редактированіи „источниковъ", а рядомъ съ этимъ письмомъ въ силу какой-то случайности былъ напечатанъ такой діалогъ-анекдотъ:

„— Нѣтъ, ты не можешь представить себѣ, какой идіотъ этотъ Карлъ! Я у него прошу взаймы всего нѣсколько кронъ, и онъ отказываетъ. Иду къ Іоганну,—то же самое. Скажи, пожалуйста, не одолжишь ли ты мнѣ 20 кронъ?

„— Нѣтъ, извини, у меня дѣла обстоятъ *такъ же!*"

Нечего и говорить, какую огромную роль въ утратѣ Германіей моральнаго авторитета въ скандинавскихъ странахъ, какъ и вездѣ, сыграло беззастѣнчивое нарушеніе бельгійскаго нейтралитета. Оно сразу наложило на ихъ способы веденія войны отпечатокъ, котораго не оправдаешь никакими логическими и стратегическими соображеніями. „Нѣтъ, зачѣмъ намъ мѣшаться въ эту грязную исторію, — говорили скандинавы, — мы никого не трогаемъ, пусть и насъ не трогаютъ!"

Швеціи, конечно, принадлежитъ рѣшающая роль на скандинавскомъ полуостровѣ, какъ наиболѣе крупному государству. Поэтому не лишне вернуться къ упомянутымъ выше тревогамъ и опасеніямъ по адресу Россіи,—тревогамъ, которыя съ нѣкотораго времени приняли затяжной характеръ, и посмотрѣть, какое значеніе онѣ могутъ имѣть въ дальнѣйшемъ.

Въ то время какъ Россія, соприкасаясь со странами всѣхъ частей свѣта, ставила себѣ задачи укрѣпленія то въ одномъ, то въ другомъ изъ этихъ направленій, Швеція, постепенно сдвинутая ходомъ исторіи къ теперешнимъ границамъ, заняла въ концѣ-концовъ чисто-оборонительную позицію, при чемъ ближайшимъ и опаснымъ сосѣдомъ, который прежде къ тому же расширялся за счетъ Швеціи, оставалась именно Россія. Историческія воспоминанія постоянно возвращаютъ шведовъ къ тому времени, которое вывело ихъ изъ положенія „великой державы", и на

порогѣ этихъ воспоминаній всегда предстоитъ Россія, съ ея рѣшающей ролью въ паденіи могущества Швеціи. Немудрено, что путемъ аналогіи перспектива прошлаго переносится и въ будущее. Шведы, народъ, особенно устойчиво хранящій свои традиціи (въ этомъ они похожи на англичанъ), думая о Россіи, не могутъ выйти изъ заколдованнаго круга своихъ историческихъ воспоминаній, и въ ихъ представленіи завоевательная программа Россіи упорно мыслится въ угрожающихъ Швеціи формахъ. Извѣстно, что память о послѣднемъ русскомъ нашествіи въ Швецію такъ крѣпко живетъ въ народѣ, что и до сихъ поръ, желая напугать расшалившагося ребенка, шведка-мать говоритъ ему: „ryssen kommer!“ (русскій идетъ!). Факторъ коллективной психологіи, укоренившихся традицій играетъ немалую роль въ пропагандѣ недовѣрія къ Россіи консервативными партіями. На этой подготовленной почвѣ заурядные факты „соглядатайства“, столь распространеннаго за послѣдніе годы во всѣхъ странахъ, принимаютъ чудовищно-угрожающіе размѣры: „смотрите, они все вывѣдываютъ, все знаютъ, готовы къ нападенію ежеминутно!“ Перехваченному письму какого-нибудь лица, стремящагося выслужиться, приписывается огромное государственное значеніе, а если къ тому же найдется „предатель“ еще изъ „своихъ“, то вотъ и готова атмосфера, въ которой, теряя здравый смыслъ, кричатъ: измѣна! спасайтесь! Въ такой атмосферѣ и проходили послѣднія избирательныя кампаніи, шествіе народа къ королю и т. под. Не слѣдуетъ, конечно, обобщать эти настроенія: такъ, соціалистическая партія все время энергично боролась противъ искусственно раздуваемой паники въ Швеціи.

Изъ болѣе серьезныхъ аргументовъ, приводимыхъ сторонниками вооруженій въ Швеціи, указывается обыкновенно историческая необходимость для Россіи пробиться на Сѣверъ къ незамерзающей гавани и постройка стратегическихъ дорогъ въ Финляндіи. Но и тутъ одна изъ возможностей превращается почему-то въ фатальную необходимость; вѣдь есть и другіе пути для того, чтобы „пробиться“, если ужъ считать это безусловно необходимымъ и отвлечься отъ того обстоятельства, что Россіей недостаточно использованы даже и тѣ гавани, которыя она имѣетъ; съ другой стороны, постройка стратегическихъ дорогъ всегда идетъ тамъ, гдѣ ихъ еще нѣтъ, — въ этомъ логика современнаго государства,—и пріурочивать ихъ только къ одной опредѣленной цѣли — значитъ игнорировать разносторонность задачъ большой державы, представлять себѣ ея отношенія, какъ изолированно-агрессивные, что при современной европейской конъюнктурѣ совершенно немыслимо.

Остается еще ссылка на реакціонный курсъ въ Россіи и на возможность неожиданности отъ такого большого государственнаго цѣлаго. Но реакціонная политика сама по себѣ не можетъ не быть явленіемъ

преходящимъ, и строить на русской реакціи свою политику, разсчитанную на „будущность нашихъ потомковъ“, какъ выражаются шведскіе консерваторы, значитъ раздѣлять грѣхи этого самаго „курса“, а что касается политики внезапностей, то теперешняя война показала воочію, что такая политика спеціально свойственна прусскому милитаризму.

Здѣсь не мѣсто, однако, обстоятельно разбирать эти сложные вопросы, тѣмъ болѣе, что ихъ напряженность и острота отодвинуты даже и для самой Швеціи зрѣлищемъ грандіозной битвы народовъ. Одно можно констатировать съ несомнѣнностью: крики „caveant consules!“, которые раздавались въ Россіи, со страницъ *Новаго Времени* и др. газетъ, по адресу Швеціи, приписываніе послѣдней какого-то макіавелистскаго плана—провести подъ флагомъ „обороны“ нападеніе на Россію, все это оказалось пустымъ вздоромъ. А то трогательное гостепріимство, которое встрѣтили въ Швеціи безчисленные русскіе бѣглецы изъ Германіи, да послужитъ залогомъ дальнѣйшаго сближенія Россіи съ „французами Сѣвера“, уже начатаго съ легкой руки президента Пуанкарэ, какъ разъ наканунѣ европейской катастрофы.

А. Мірской.

Тройственный союзъ.

XXIX глава „Мемуаровъ“ (Gedanken und Erinnerungen) князя Бисмарка [1]).

I.

Тройственный союзъ, къ созданію котораго я первоначально стремился послѣ франкфуртскаго мира, зондируя еще въ сентябрѣ 1870 г. изъ Мо почву для него въ Вѣнѣ и Петербургѣ, былъ союзомъ трехъ императоровъ съ предположительнымъ вступленіемъ въ него и монархической Италіи. Онъ направленъ былъ на борьбу, предстоящую, какъ я опасался, въ какой-нибудь формѣ между обѣими европейскими системами, которыя Наполеонъ назвалъ „республиканской“ и „казацкой“ и которыя я могъ бы по нынѣшнимъ понятіямъ охарактеризовать какъ систему порядка на монархической основѣ, съ одной стороны, и какъ соціальную республику—съ другой. Антимонархическое развитіе постепенно или скачками по большей части ведетъ къ соціальной республикѣ, пока населеніе, разочарованное создавшимся невыносимымъ положеніемъ, не становится воспріимчивымъ къ насильственному возстановленію монархическихъ учрежденій въ цезаристской формѣ. Предъ всякой жизнеспособной монархіей стоитъ задача избѣжать этого заколдованнаго круга или по возможности избавить отъ него ближайшія поколѣнія; и эту задачу я считаю болѣе важной, чѣмъ соперничество во вліяніи на обрывки народовъ (nationale Fragmente), населяющіе Балканскій полуостровъ. Если монархическія правительства утрачиваютъ пониманіе этой потребности въ единеніи, въ интересахъ государственнаго и обществен-

---

[1]) Для историческаго освѣщенія новѣйшей политики Германіи, приведшей къ войнѣ, мы уже указывали на страницахъ *Русской Мысли* на ту позицію, которую по отношенію къ Россіи занималъ князь Бисмаркъ. См. статью П. Б. Струве „Судъ исторіи“ въ VIII—X книжкахъ *Русской Мысли*. Предлагаемая въ русскомъ переводѣ глава изъ мемуаровъ Бисмарка имѣетъ основное значеніе для характеристики его взглядовъ на отношенія между Германіей и Россіей.

Ред.

наго порядка, а подчиняются шовинистическимъ настроеніямъ своихъ подданныхъ, то въ этомъ заключена опасность, что международныя соціальныя и революціонныя движенія, съ которыми предстоитъ бороться, сдѣлаются болѣе опасными, и что побѣда монархическаго порядка будетъ затруднена. Ближайшее страхованіе отъ этихъ движеній я искалъ съ 1871 года въ союзѣ трехъ императоровъ, стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы монархическое начало въ Италіи нашло себѣ прочную опору въ этомъ союзѣ. Я не лишенъ былъ надежды на длительный успѣхъ, послѣ того какъ въ сентябрѣ 1872 г. состоялось въ Берлинѣ свиданіе трехъ императоровъ, засимъ посѣщенія: въ маѣ слѣдующаго года моимъ императоромъ Петербурга, королемъ итальянскимъ Берлина, а въ октябрѣ императоромъ германскимъ—Вѣны. Первое помраченіе этой надежды въ 1875 г. было вызвано травлей князя Горчакова, который распространялъ ложь, будто мы собираемся напасть на Францію, прежде чѣмъ она залѣчитъ свои раны.

Во время люксембургскаго вопроса (1867 г.) я былъ принципіальнымъ противникомъ превентивныхъ войнъ, т.-е. наступательныхъ войнъ, которыя ведутся изъ опасенія, что впослѣдствіи пришлось бы вести ихъ съ лучше вооруженнымъ врагомъ. Согласно взглядамъ нашихъ военныхъ круговъ, было вполнѣ вѣроятно, что мы побѣдили бы Францію въ 1875 г.; но не столь вѣроятно, что остальныя государства остались бы при этомъ нейтральными. Если уже въ послѣдніе мѣсяцы до версальскихъ переговоровъ меня безпрестанно пугала опасность европейскаго вмѣшательства, то въ 1875 г. война съ Франціей имѣла бы видъ злобнаго нападенія, предпринятаго лишь для того, чтобы не дать оправиться Франціи, и это послужило бы удобнымъ предлогомъ прежде всего для англійскихъ гуманныхъ фразъ, а затѣмъ для того, чтобы Россія отъ политики, основанной на личной дружбѣ двухъ императоровъ, перешла къ холодной политикѣ государственныхъ интересовъ, каковая политика была рѣшающей въ 1814 и 1815 годахъ при отмежеваніи французской территоріи.

Вполнѣ естественно, что для русской политики существуетъ граница, за которую не можетъ итти умаленіе значенія Франціи въ Европѣ. Этотъ предѣлъ достигнутъ былъ, думается мнѣ, франкфуртскимъ миромъ, и этотъ фактъ не былъ, пожалуй, осознанъ въ Петербургѣ въ 1870 и 71 году такъ ясно, какъ 5 лѣтъ спустя. Я сомнѣваюсь, чтобы русскій кабинетъ во время нашей войны ясно предвидѣлъ, что послѣ войны онъ будетъ имѣть своей сосѣдкой столь сильную и объединенную Германію. Я предполагалъ въ 1875 г., что на берегахъ Невы господствовало уже сомнѣніе въ томъ, правильно ли было дать дѣлу зайти такъ далеко, не вмѣшиваясь въ него.

Откровенная дружба и преклоненіе Александра II передъ его дядей

затушевывали неудовольствіе, которое уже ощущалось въ правительственныхъ кругахъ. Если бы мы хотѣли тогда возобновить войну, лишь бы не дать оправиться больной Франціи, то послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ конференцій для ея предотвращенія мы въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ во Франціи, несомнѣнно, очутились бы въ положеніи, котораго я боялся въ Версали при замедленіи осады. Война окончилась бы не заключеніемъ мира съ глазу на глазъ, а на конгрессѣ, какъ въ 1814 г., съ привлеченіемъ побѣжденной Франціи и при недоброжелательствѣ, которымъ мы были бы тогда окружены, быть можетъ, подъ руководствомъ какого-нибудь новаго Талейрана.

Уже въ Версалѣ я опасался, что участіе Франціи на лондонскихъ конференціяхъ для обсужденія пунктовъ парижскаго мира, касающихся Чернаго моря, можетъ быть использовано для того, чтобы съ дерзостью, обнаруженной Талейраномъ въ Вѣнѣ, насильственно втянуть германо-французскій вопросъ въ обсужденія конференціи.

На этомъ основаніи я, вопреки противоположнымъ предложеніямъ, шедшимъ съ разныхъ сторонъ, путемъ внѣшнихъ и внутреннихъ вліяній воспрепятствовалъ участію Фавра въ этой конференціи. Является спорнымъ, оказалась ли бы Франція въ 1875 г. столь слаба въ своей оборонѣ противъ нашего нападенія, какъ это полагали наши военные круги; вспомнимъ, что по франко-англо-австрійскому договору 3 января 1815 г. побѣжденная и отчасти еще занятая Франція, истощенная двадцатилѣтними войнами, готова была выставить для коалиціи противъ Пруссіи и Россіи сразу 150 тыс. человѣкъ, а затѣмъ еще 300 тыс. полевой арміи. Вѣдь 300 тысячъ бывшихъ въ нашемъ плѣну испытанныхъ солдатъ находились снова во Франціи; къ тому же за нашей спиной стояла бы Россія, не дружественно нейтральная по отношенію къ намъ, какъ въ 1815 г., а, пожалуй, враждебная. Изъ циркулярной телеграммы Горчакова ко всѣмъ русскимъ посламъ въ маѣ 1875 г. явствовало, что русская дипломатія уже получила инструкцію противодѣйствовать нашей предполагаемой склонности нарушить миръ.

За этимъ эпизодомъ послѣдовали безпокойныя старанія русскаго государственнаго канцлера испортить наши и особенно мои личныя отношенія съ императоромъ Александромъ между прочимъ и тѣмъ, что при посредствѣ генерала Вердера онъ вынудилъ меня заявить, что мы не обѣщаемъ нейтралитета на случай русско-австрійской войны. То обстоятельство, что русскій кабинетъ затѣмъ обратился непосредственно и секретно къ вѣнскому, означало опять новую фазу въ горчаковской политикѣ, которая не благопріятствовала моему стремленію къ монархическому консервативному тройственному союзу.

II.

Графъ Шуваловъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ мнѣ, что мысль о коалиціяхъ для меня кошмарна. Мы вели побѣдоносныя войны противъ двухъ великихъ державъ Европы; необходимо было, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи одного изъ могущественныхъ противниковъ, побѣжденныхъ нами, устранить соблазнъ добиваться реванша въ союзѣ съ другими державами.

Для всякаго, знакомаго съ исторіей и съ галльскимъ характеромъ, ясно было, что рѣчь не могла здѣсь итти о Франціи; и если возможно было тайное рейхштадское соглашеніе безъ нашего согласія и вѣдома, то ничего невозможнаго не было въ старой кауницовской коалиціи Франціи, Австріи и Россіи, лишь только соотвѣтствующіе скрытые элементы въ Австріи пріобрѣли бы господство. Они могли бы найти для себя точки опоры, исходя изъ которыхъ можно было бы оживить въ качествѣ фактора австрійской политики старое соперничество, старое стремленіе къ гегемоніи надъ германскимъ міромъ. При этомъ можно было бы опереться либо на Францію, сближеніе съ которой носилось въ воздухѣ въ эпоху Бейста и зальцбургскаго свиданія съ Людовикомъ Наполеономъ въ 1867 г., либо на Россію, какъ это обнаружилось въ тайномъ рейхштадскомъ соглашеніи. На вопросъ, какую поддержку могла бы ожидать Германія въ указанномъ случаѣ со стороны Англіи, я не хочу отвѣчать категорически простой ссылкой на исторію Семилѣтней войны и вѣнскаго конгресса; но я лишь считаю вѣроятнымъ, что безъ побѣдъ Фридриха Великаго Англія тогда еще раньше перестала бы защищать интересы короля Пруссіи.

Такимъ положеніемъ вещей властно диктовалась попытка ограничить возможность антигерманской коалиціи посредствомъ договорнаго укрѣпленія отношеній, по крайней мѣрѣ, съ одной изъ великихъ державъ. Выборъ могъ быть только между Австріей и Россіей, такъ какъ англійская конституція не допускаетъ заключенія союзовъ на опредѣленный срокъ; союзъ съ одной Италіей въ противовѣсъ коалиціи трехъ остальныхъ державъ не могъ бы имѣть цѣны даже при условіи, что будущее поведеніе и судьба Италіи были бы независимы не только отъ Франціи, но и отъ Австріи. Чтобы уменьшить сферу коалиціи, оставался только указанный выше выборъ.

Матеріально болѣе сильнымъ я считалъ союзъ съ Россіей. Я и раньше считалъ этотъ союзъ надежнымъ, такъ какъ традиціонная династическая дружба, общность монархическихъ интересовъ, отсутствіе всякихъ органическихъ противорѣчій въ политикѣ,—все это казалось мнѣ болѣе надежнымъ, нежели перемѣнчивыя впечатлѣнія общественнаго мнѣнія въ венгерскомъ, славянскомъ и католическомъ населеніи габсбургской монархіи.

Абсолютно прочнымъ на продолжительное время не было ни одно изъ этихъ соглашеній, ни династическая связь съ Россіей, ни популярная въ силу нѣмецко-венгерской симпатіи связь съ Австріей. Если бы въ Венгріи возобладали разумныя политическія соображенія, то для этой смѣлой и независимой націи было бы ясно, что при своей относительной малочисленности она, какъ островъ въ огромномъ морѣ славянскихъ народностей, можетъ прочно держаться, только опираясь на нѣмецкій элементъ въ Австріи и Германіи. Но кошутскій эпизодъ, подавленіе вѣрныхъ государству нѣмецкихъ элементовъ въ Венгріи и еще другіе симптомы показали, что въ критическіе моменты самоувѣренность венгерскихъ гусаръ и адвокатовъ сильнѣе политическаго расчета и самообладанія. Вѣдь и въ мирныя времена иной мадьяръ не прочь послушать цыганскую пѣсенку о „Собакѣ-нѣмцѣ"!

Къ сомнѣніямъ о будущности австро-германскихъ отношеній присоединился недостатокъ политической зоркости, въ силу котораго нѣмецкій элементъ въ Австріи утратилъ связь съ династіей и гегемонію, выпавшую на его долю въ историческомъ развитіи. Поводъ къ заботамъ о будущности австро-германскаго союза давалъ, далѣе, вѣроисповѣдный вопросъ, воспоминаніе о вліяніи духовниковъ императорской семьи, возможность возстановленія отношеній съ Франціей на почвѣ католицизма, какъ только во Франціи наступило бы соотвѣтствующее измѣненіе въ формѣ и принципахъ государственнаго управленія. Между тѣмъ, нѣтъ никакой возможности учесть, насколько близко или отдаленно такое измѣненіе во Франціи.

Къ этому присоединилась, наконецъ, польская сторона австрійской политики. Мы не можемъ требовать отъ Австріи, чтобы она отказалась отъ оружія, которымъ она обладаетъ противъ Россіи, въ лицѣ своего покровительства польскому элементу (in der Pflege des Polenthums) въ Галиціи. Политика, приведшая въ 1846 г. къ тому, что австрійскіе чиновники назначали цѣны за головы польскихъ инсургентовъ, была возможна лишь потому, что Австрія оплачивала выгоды священнаго союза—союза трехъ восточныхъ державъ—соотвѣтствующимъ поведеніемъ въ польскомъ и восточномъ вопросахъ, которое было какъ бы ея страховымъ взносомъ въ общемъ дѣлѣ. При наличности тройственнаго союза восточныхъ державъ Австрія могла выдвинуть на первый планъ свои отношенія къ русинамъ; съ его распаденіемъ для Австріи пріобрѣтало большій интересъ снисканіе симпатій польскаго дворянства на случай войны съ Россіей. Связь Галиціи съ австрійской монархіей вообще менѣе тѣсна, чѣмъ Познани и западной Пруссіи съ прусскимъ королевствомъ. Австрійская провинція, открытая съ восточной стороны, искусственно извнѣ приклеена къ пограничной стѣнѣ Карпатъ, и Австрія могла бы отлично существовать и безъ нея, если-бъ она могла полу-

чить компенсацію въ районѣ Дунайскаго бассейна за потерю 5 или 6 милліоновъ поляковъ и русинъ. Планы такого рода—въ формѣ обмѣна провинцій, населенныхъ румынами и южными славянами, на Галицію и возстановленія Польши съ эрцгерцогомъ во главѣ—возникали не разъ въ офиціальныхъ и неофиціальныхъ кругахъ во время крымской войны и въ 1863 г. Старыя же прусскія провинціи не отдѣлены отъ Познани и западной Пруссіи никакой естественной границей, и отказъ отъ нихъ былъ бы неосуществимъ. Поэтому вопросъ о будущности Польши является особенно труднымъ въ условіяхъ германо-австрійскаго военнаго союза.

III.

Среди этихъ соображеній угрожающее письмо императора Александра (1879 г.) заставило меня принять твердое рѣшеніе въ интересахъ обороны и обезпеченія нашей независимости отъ Россіи. Союзъ съ Австріей былъ въ достаточной мѣрѣ популяренъ среди всѣхъ партій. У консерваторовъ—въ силу исторической традиціи, относительно которой позволительно сомнѣваться, можетъ ли она въ настоящее время считаться согласующейся именно съ точкой зрѣнія консервативной партіи. Во всякомъ случаѣ, большинство консерваторовъ, несомнѣнно, считаетъ, что дружба съ Австріей соотвѣтствуетъ ихъ тенденціямъ, даже если бы временно между обоими правительствами происходило нѣчто вродѣ состязанія въ либерализмѣ. Консервативный ореолъ австрійскаго имени перевѣшивалъ въ глазахъ большей части членовъ этой фракціи и впечатлѣніе частью уже преодолѣнныхъ, частью новыхъ шаговъ Австріи въ области либерализма и ея склонности при случаѣ сблизиться съ западными державами, особенно съ Франціей. Еще яснѣе были соображенія, заставлявшія католиковъ считать полезнымъ союзъ съ преимущественно католической великой державой. Что касается партіи націоналъ-либераловъ, то закрѣпленный договоромъ союзъ новой германской имперіи съ Австріей представлялся ей путемъ, на которомъ можно приблизиться къ рѣшенію квадратуры круга 1848 г., не натыкаясь при этомъ на трудности, стоявшія на пути подлиннаго объединенія не только Австріи съ Пруссіей—Германіей, но и внутри самой австро-венгерской имперіи. Такимъ образомъ, идея союза съ Австріей не встрѣчала возраженій и вызывала большое сочувствіе во всѣхъ парламентскихъ сферахъ, кромѣ одной лишь соціалъ-демократической партіи, одобренія которой вообще не можетъ снискать никакое направленіе правительственной политики.

Еще со времени Римской имперіи традиціи международнаго права нѣмецкой націи и германскаго союза теоретически требовали (waren darauf zugeschnitten) того, чтобы между всей Германіей и Габсбургской монархіей существовала государственно-правовая связь, которая

теоретически обязывала бы эти средне-европейскія страны къ взаимной поддержкѣ. Правда, практически ихъ политическая близость рѣдко проявлялась въ прежнюю историческую эпоху; но можно было бы въ отношеніи Европы и особенно Россіи съ полнымъ основаніемъ подчеркнуть, что длительный союзъ между Австріей и современной германской имперіей не представляетъ съ международно-правовой точки зрѣнія ничего новаго. Эти вопросы о популярности союза въ Германіи и о международно-правовомъ освѣщеніи стояли, однако, для меня на второмъ планѣ и принимались въ соображеніе лишь какъ вспомогательное средство на случай осуществленія союза. На первомъ планѣ стоялъ вопросъ, слѣдуетъ ли немедленно приступить къ этому осуществленію и въ какой мѣрѣ надлежитъ бороться съ вѣроятнымъ сопротивленіемъ императора Вильгельма, вытекавшимъ не столько изъ политическихъ соображеній, сколько изъ настроеній (dem Gemüthsleben angehörten). Основанія, диктовавшія намъ союзъ съ Австріей, при сложившемся политическомъ положеніи, казались мнѣ столь принудительными, что я стремился бы къ заключенію его даже и наперекоръ нашему общественному мнѣнію.

IV.

Когда императоръ Вильгельмъ отправился въ Александрово (3 сентября), я уже въ Гастейнѣ устроилъ встрѣчу съ графомъ Андраши, которая и состоялась 27 и 28 августа.

Послѣ того какъ я обрисовалъ ему положеніе вещей, онъ высказалъ свой выводъ въ слѣдующихъ словахъ: „Противъ русско-французскаго союза естественнымъ отвѣтнымъ ходомъ является австро-германскій союзъ“. Я замѣтилъ, что онъ формулировалъ этимъ вопросъ, для обсужденія котораго я и стремился къ нашему свиданію, и мы легко пришли къ предварительному соглашенію относительно чисто оборонительнаго союза противъ нападенія Россіи на одну изъ двухъ сторонъ. Напротивъ, мое предложеніе о распространеніи союза на случай и другихъ нападеній, кромѣ русскаго, не встрѣтило сочувствія у графа.

Послѣ полученія отъ его величества полномочія, доставшагося мнѣ не безъ труда, на вступленіе въ офиціальные переговоры, я съ этой цѣлью на обратномъ пути заѣхалъ въ Вѣну. Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Гастейна я отправилъ 10 сентября баварскому королю слѣдующее письмо.

„Гастейнъ, 10 сентября 1879 г.

„Вашему величеству угодно было однажды выразить мнѣ свое высочайшее удовлетвореніе по поводу проявленныхъ мною стремленій къ

обезпеченію мира для германской имперіи, равно какъ и дружбы съ обѣими великими сосѣдними державами—Россіей и Австріей. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ исполненіе этой задачи становилось все труднѣе, по мѣрѣ того, какъ русская политика все болѣе подпадала подъ вліяніе отчасти воинственныхъ, отчасти революціонныхъ тенденцій панславизма. Уже въ 1876 г. намъ неоднократно предъявлялось изъ Ливадіи требованіе, чтобы мы объявили въ связывающей насъ формѣ, останется ли германская имперія нейтральной въ случаѣ войны между Россіей и Австріей. Намъ не удалось уклониться отъ такого объявленія, и русская военная гроза предварительно перенеслась на Балканы. Достигнутые русской политикой успѣхи, благодаря этой войнѣ, оставшіеся значительными даже и послѣ конгресса, къ сожалѣнію, не охладили возбужденность русской политики въ такой мѣрѣ, какъ это представлялось бы желательнымъ для миролюбивой Европы. Стремленія Россіи продолжаютъ оставаться безпокойными и воинственными; вліяніе панславистскаго шовинизма на мнѣнія императора Александра усилилось; и вмѣстѣ съ графомъ Шуваловымъ, къ сожалѣнію, попавшимъ рѣшительно въ немилость, подверглось обсужденію со стороны императора, и дѣло его рукъ—берлинскій конгрессъ. Руководящимъ министромъ въ Россіи, поскольку таковой вообще существуетъ тамъ въ настоящее время, является военный министръ Милютинъ. По его настоянію, сейчасъ послѣ заключенія мира, когда Россіи не угрожаетъ опасность ни съ чьей стороны, предприняты колоссальныя военныя приготовленія: несмотря на вызванныя войной финансовыя жертвы, составъ русской арміи увеличивается въ мирное время на 56,000, составъ *дѣйствующей западной* арміи почти на 400,000 человѣкъ. Эти военныя приготовленія могутъ быть направлены только противъ Австріи или Германіи, и размѣщеніе войскъ въ Царствѣ Польскомъ соотвѣтствуетъ такому предназначенію. А военный министръ открыто заявилъ передъ техническими комиссіями, [1]) что Россія должна готовиться къ войнѣ „съ Европой“.

„Если несомнѣнно, что императоръ Александръ, не желая войны съ Турціей, все же подъ давленіемъ панславистскихъ вліяній рѣшился на ея веденіе и если та же партія усилила теперь свое вліяніе, такъ что агитація, которая стоитъ за ней, производитъ въ настоящее время на императора болѣе сильное и опасное впечатлѣніе, чѣмъ прежде, то можно справедливо опасаться, что ей вновь удастся добиться санкціи императора для дальнѣйшихъ военныхъ замысловъ противъ Запада. Европейскія осложненія, которыя могутъ встрѣтиться Россіи на этомъ

---

[1]) На которыя возложено было выполненіе нѣкоторыхъ постановленій берлинскаго трактата 13 іюля 1878 г.

пути, не испугаютъ такихъ министровъ, какъ Милютинъ или Маковъ, если вѣрно (чего боятся въ Россіи консерваторы), что прогрессивная партія, пытаясь вовлечь Россію въ тяжелыя войны, стремится скорѣе къ внутреннему перевороту, нежели къ внѣшнимъ побѣдамъ.

„При такихъ обстоятельствахъ я не могу отказаться отъ убѣжденія, что миру въ будущемъ, и, пожалуй, близкомъ будущемъ, угрожаетъ опасность со стороны Россіи и *только* Россіи. Имѣющіеся у насъ результаты предпринятыхъ въ послѣднее время развѣдокъ, разслѣдованій, найдетъ ли Россія въ случаѣ возникновенія войны поддержку во Франціи и Италіи, дали, правда, отрицательный результатъ. Италію слѣдуетъ считать безсильной, а Франція объявила, что она теперь не желаетъ никакой войны и въ союзѣ съ *одной* только Россіей не чувствуетъ себя въ достаточной мѣрѣ сильной для наступательной войны противъ Германіи.

„При такомъ положеніи Россія предъявила намъ въ теченіе послѣднихъ недѣль требованія, сводящіяся къ тому, что мы должны окончательно выбрать между Россіей и Австріей, предписавъ представителямъ Германіи въ восточныхъ комиссіяхъ голосовать въ спорныхъ вопросахъ совмѣстно съ Россіей. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, правильное истолкованіе постановленій конгресса исходитъ отъ большинства, образованнаго изъ представителей Австріи, Англіи и Франціи, и поэтому Германія голосовала вмѣстѣ съ послѣдними, такъ что Россія остается въ меньшинствѣ, иногда вмѣстѣ съ Италіей, а иногда и безъ нея. Несмотря на то, что эти вопросы, какъ, напримѣръ, положеніе моста у Силистріи, разрѣшенная конгрессомъ Турціи военная дорога въ Болгаріи, управленіе почтой и телеграфомъ и споръ о проведеніи границы черезъ тѣ или иныя деревни, сами по себѣ, въ сравненіи съ миромъ великихъ державъ, представляются совершенно ничтожными, русскія требованія о томъ, чтобы мы по этимъ вопросамъ голосовали впредь уже не съ Австріей, а съ Россіей, сопровождались неоднократно недвусмысленными угрозами и указаніями на послѣдствія въ отношеніяхъ между обѣими странами, какія могутъ быть вызваны нашимъ отказомъ. Этотъ поразительный фактъ, совпавъ притомъ съ отставкой гр. Андраши, [2]) могъ вызвать опасеніе, что между Россіей и Австріей состоялось тайное соглашеніе, направленное противъ Германіи. Однако это опасеніе неосновательно: Австрія испытываетъ такое же неудоволь-

---

[2]) Отставка, о которой просилъ графъ Андраши, въ принципѣ была принята императоромъ Францемъ-Іосифомъ 14 августа, но окончательное отрѣшеніе его отсрочено было до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о замѣстителѣ. Графъ согласился исполнять еще нѣкоторое время свои функціи, чтобы довести до конца заключеніе союза съ Германіей. 8 октября была оглашена его отставка и назначеніе его преемникомъ Haymerle.

ствіе отъ безпокойной русской политики, какъ и мы, и, повидимому, склонна къ соглашенію съ нами ради общей обороны противъ возможнаго нападенія со стороны Россіи на одну изъ обѣихъ державъ.

„Я считалъ бы заключеніе такого соглашенія между германской имперіей и Австріей существенной гарантіей европейскаго мира и безопасности Германіи. Это соглашеніе имѣло бы цѣлью попрежнему неукоснительно охранять миръ съ Россіей, а если, несмотря на это, на одну изъ обѣихъ державъ будетъ произведено нападеніе, то оказать другъ другу помощь. Опираясь на эту взаимную гарантію, обѣ имперіи могли бы вновь посвятить себя укрѣпленію союза трехъ императоровъ. Германская имперія въ союзѣ съ Австріей не была бы лишена поддержки со стороны Англіи, и при миролюбивой политикѣ обѣихъ великихъ имперій могла бы гарантировать миръ Европѣ, опираясь на два милліона солдатъ. Чисто оборонительный характеръ этой взаимной поддержки обѣихъ нѣмецкихъ державъ не могъ бы имѣть ничего вызывающаго для кого бы то ни было, такъ какъ такая же взаимная гарантія уже дѣйствовала въ международномъ правѣ въ теченіе 50 лѣтъ на почвѣ германскаго союза 1815 г.

„Если подобное соглашеніе не состоится, то нельзя будетъ поставить Австріи въ вину, если она, подъ давленіемъ русскихъ угрозъ и безъ увѣренности въ Германіи, будетъ искать болѣе тѣсной связи либо съ Франціей, либо съ самой Россіей. Въ случаѣ осуществленія послѣдней возможности, Германія при своихъ отношеніяхъ къ Франціи оказалась бы совершенно изолированной на континентѣ. Въ случаѣ же, если бы Австрія нашла поддержку у Франціи и Англіи, какъ въ 1854 г., Германіи оставалось опереться на одну Россію, и чтобы не остаться совершенно изолированной, она должна была бы связать себя съ ложными и опасными, какъ я боюсь, путями русской внутренней и внѣшней политики.

„Если Россія принуждаетъ насъ выбирать между нею и Австріей, то, я полагаю, Австрія означаетъ для насъ консервативное и миролюбивое, Россія же—ненадежное направленіе. Смѣю льстить себя надеждой, что ваше величество, въ согласіи съ мнѣ извѣстными политическими воззрѣніями вашего величества, раздѣляете высказанное мною убѣжденіе, и я былъ бы счастливъ, если-бъ могъ удостовѣриться въ этомъ.

„Трудности поставленной задачи и сами по себѣ велики, но онѣ еще въ значительной мѣрѣ увеличатся вслѣдствіе необходимости вести переговоры въ этомъ сложномъ и многостороннемъ дѣлѣ письменно отсюда, гдѣ я располагаю только своею собственной рабочей силой, подорванной предшествующимъ переутомленіемъ. По медицинскимъ сообщеніямъ я вынужденъ былъ продлить мое пребываніе здѣсь, но надѣюсь, что послѣ 20-го с. м. я смогу совершить обратный путь черезъ

Вѣну. Если къ тому времени не удастся достичь опредѣленности, по крайней мѣрѣ относительно, то будетъ, я боюсь, упущенъ благопріятный моментъ, а отставка Андраши не дастъ возможности предвидѣть, повторится ли когда-либо этотъ случай.

„Если я считаю своимъ долгомъ почтительнѣйше поставить ваше величество въ извѣстность относительно моихъ взглядовъ на положеніе и политику германской имперіи, то ваше величество благоволите милостиво принять во вниманіе, что графъ Андраши и я дали другъ другу взаимное обѣщаніе хранить въ тайнѣ вышеизложенный планъ и что до сихъ поръ только ихъ величества оба императора знаютъ о намѣреніяхъ своихъ руководящихъ министровъ установить взаимное соглашеніе“.

Привожу для полноты отвѣтъ короля и затѣмъ мое отвѣтное письмо на него.

„Мой дорогой князь фонъ-Бисмаркъ!

„Съ искреннимъ сожалѣніемъ узналъ я изъ вашего письма отъ 10 с. м., что успѣху вашего лѣченія въ Киссингенѣ и Гастейнѣ мѣшала напряженная и волнующая дѣловая работа. Я съ величайшимъ интересомъ прочиталъ ваше подробное изложеніе современнаго политическаго состоянія и выражаю вамъ за него свою живѣйшую благодарность. Если между германской имперіей и Россіей возникнутъ военныя осложненія, то подобное *глубоко* прискорбное измѣненіе во взаимоотношеніяхъ обѣихъ имперій *очень больно* тронуло бы меня, и я предаюсь еще надеждѣ, что удастся избѣжать такого оборота дѣла путемъ воздѣйствія въ миролюбивомъ направленіи на его величество русскаго императора. Но во всякомъ случаѣ, считаю своимъ долгомъ увѣрить васъ, что ваши стремленія установить тѣсную связь германской имперіи съ Австріей встрѣчаютъ мое полное одобреніе и мои усерднѣйшія пожеланія счастливаго успѣха.

„Съ пожеланіемъ, чтобы вы вернулись домой съ обновленными силами, соединяю охотно завѣренія о неизмѣнномъ особомъ къ вамъ уваженіи, съ которымъ остаюсь

вашъ искренній другъ *Людвигъ*“.

Бергъ, 16 сентября 1879 г.

„Съ почтительнѣйшей благодарностью получилъ я милостивое письмо вашего величества отъ 16 с. м. и, къ моей радости, узналъ изъ него о вашемъ высочайшемъ одобреніи моихъ стремленій къ взаимному сближенію съ Австро-Венгріей. Что касается отношеній нашихъ къ Россіи, позволю себѣ всеподданнѣйше замѣтить, что опасность военныхъ осложненій, которая не только политически, но и чисто лично вызывала бы во мнѣ глубочайшее сожалѣніе, не угрожаетъ намъ, по моему

почтительнѣйшему разумѣнію, въ непосредственномъ будущемъ и, на оборотъ, придвинулась бы къ намъ вплотную лишь въ томъ случаѣ если Франція была бы готова къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ Россіей Этого пока еще нѣтъ, и наша политика, въ согласіи съ намѣреніям его величества императора, попрежнему не оставляетъ заботъ об охранѣ и укрѣпленіи мира между нашей имперіей и Россіей путем воздѣйствія на его величество императора Александра. Переговоры заключеніи болѣе тѣснаго союза съ Австріей преслѣдуютъ лишь мир ныя, оборонительныя задачи и, кромѣ того, цѣли развитія сосѣдских торговыхъ отношеній.

„Предполагая покинуть завтра Гастейнъ, я надѣюсь въ воскресен быть въ Вѣнѣ.

„Съ всеподданнѣйшей благодарностью за милостивый интересъ ва шего величества къ моему здоровью, остаюсь съ глубочайшимъ почи таніемъ всеподданнѣйшій слуга вашего величества

ф.-Бисмаркъ".

V.

Предупредительное ко мнѣ отношеніе публики на станціяхъ по пут отъ Гастейна на Зальцбургъ и Линцъ укрѣпило меня въ сознані что я находился на чисто нѣмецкой территоріи и среди нѣмецкаго на селенія. Въ Линцѣ толпа была такъ велика и ея настроеніе столь во буждено, что я вынужденъ былъ изъ опасенія вызвать недоразумѣн въ вѣнскихъ сферахъ задернуть занавѣси на окнахъ моего вагона, н реагировать ни на какія доброжелательныя манифестаціи по моему адре и уѣхать, не показавшись изъ вагона. На улицахъ Вѣны меня встр тило такое же настроеніе: привѣтствія густо сомкнутыхъ массъ наро были такъ единодушны, что я, будучи въ штатскомъ платьѣ, попалъ в стѣснительную необходимость проѣхать весь путь до гостиницы поч съ непокрытой головой. И въ теченіе проведенныхъ мною въ гостини нѣсколькихъ дней я не могъ показаться у окна, чтобы не вызывать др жественныхъ демонстрацій со стороны людей, ожидавшихъ меня и проходившихъ мимо моего отеля.

Эти манифестаціи еще болѣе увеличились послѣ того, какъ импер торъ Францъ-Іосифъ оказалъ мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ. Во всѣх этихъ явленіяхъ нельзя было не усмотрѣть недвусмысленно выраже наго желанія населенія столицы и нѣмецкихъ провинцій, чрезъ которы мнѣ пришлось проѣхать, вступить въ тѣсную дружбу съ новой герма ской имперіей,—дружбу, подъ знакомъ которой стояло бы будущее об ихъ великихъ державъ. Для меня не подлежало сомнѣнію, что это кро ное родство вызывало къ себѣ такія же симпатіи и въ германской и

періи—на югѣ больше, чѣмъ на сѣверѣ, у консерваторовъ больше, чѣмъ у оппозиціи, на католическомъ западѣ больше, чѣмъ на протестантскомъ востокѣ.

Мнимо-вѣроисповѣдныя распри Тридцатилѣтней войны, просто политическіе раздоры Семилѣтней и дипломатическое соперничество со смерти Фридриха Великаго и до 1866 г. не подавили этого родственнаго чувства, несмотря на присущую нѣмцу склонность бороться при всякой возможности со своимъ соотечественникомъ съ бо́льшимъ пыломъ, чѣмъ съ иностранцемъ.

Возможно, что славянское населеніе, въ лицѣ чеховъ, врѣзавшись клиномъ и отдѣливши исконное нѣмецкое населеніе коренныхъ австрійскихъ земель отъ сѣверо-западныхъ сородичей, ослабило дѣйствіе, обычно вызываемое треніями между живущими единоплеменниками-нѣмцами, подчиненными разнымъ династіямъ. Оно укрѣпило въ австрійскихъ нѣмцахъ германскій духъ, правда, скрытый, но не убитый тѣмъ осадкомъ, который неизбѣжно оставляютъ по себѣ историческія столкновенія.

Я встрѣтилъ у императора Францъ-Іосифа весьма милостивый пріемъ и готовность заключить съ нами союзъ. Чтобы обезпечить себѣ согласіе моего всемилостивѣйшаго повелителя, я уже въ Гастейнѣ проводилъ ежедневно у письменнаго стола часть времени, предназначеннаго для лѣченія, и доказывалъ, что необходимо было бы ограничить кругъ возможныхъ коалицій, направленныхъ противъ насъ, и что цѣлесообразный путь къ этому—союзъ съ Австріей. Я имѣлъ, конечно, мало надежды на то, что мертвая буква моихъ разсужденій измѣнитъ воззрѣнія его величества, основанныя болѣе на настроеніяхъ, чѣмъ на политическихъ соображеніяхъ.

Заключеніе договора, цѣль котораго, хотя бы оборонительная, но все же военная, была бы выраженіемъ недовѣрія къ другу и племяннику, съ которымъ онъ недавно въ Александровѣ съ полной чистосердечностью, со слезами на глазахъ обмѣнялся увѣреніемъ въ давнишней дружбѣ, слишкомъ не соотвѣтствовало чувствамъ, съ которыми императоръ относился къ своему державному другу. Я, правда, не сомнѣвался, что императоръ Александръ обнаруживалъ ту же откровенность и честность чувства, но я зналъ, что онъ не обладалъ ни остротой политическаго сужденія, ни работоспособностью, которыя предохраняли бы его отъ скрытыхъ вліяній его окружающихъ; на него нельзя было также въ такой мѣрѣ полагаться въ личныхъ отношеніяхъ, какъ на моего государя. Откровенность, которую всегда обнаруживалъ (въ хорошемъ и дурномъ) императоръ Николай, не перешла всецѣло на болѣе мягкую натуру его наслѣдника; также и въ отношеніи женскихъ вліяній независимость сына была не на той высотѣ, что у отца. А между тѣмъ, единственной гарантіей прочности русской дружбы служитъ личность

царствующаго императора, и поскольку послѣдняя представляетъ собою менѣе надежную основу, нежели Александръ I, обнаружившій такую вѣрность прусскому королевскому дому, которой не всегда можно ожидать отъ этого трона, постольку не всегда можно разсчитывать, что союзъ съ Россіей въ случаѣ нужды въ немъ удовлетворитъ насъ въ полной мѣрѣ.

Уже въ прошломъ столѣтіи опасно было разсчитывать на принудительную силу договорнаго текста, когда измѣнялись условія, при которыхъ онъ былъ составленъ. А въ наше время едва ли мыслимо, чтобъ правительство великой державы предоставило силу своей страны для поддержки дружественной державы, если убѣжденіе народа не одобряетъ этого. Поэтому словесный текстъ договора, обязывающій къ веденію войны, не представляетъ теперь такихъ гарантій, какъ во времена кабинетныхъ войнъ, которыя велись съ войсками въ 30—60 тыс. человѣкъ; теперь трудно было бы осуществить династическую войну, какую велъ Фридрихъ Вильгельмъ II въ Голландіи за своего зятя, и нелегко создать условія для войны, какую Николай велъ въ Венгріи въ 1849 г. Однако въ моменты, когда нужно добиться начала войны или избѣгнуть ея, содержаніе яснаго и многозначительнаго договора не лишено вліянія на дипломатію. Обыкновенно даже у софистическихъ и насильствующихъ (gewaltthätigen) правительствъ нѣтъ готовности къ прямому нарушенію слова, и къ этому можетъ склонить лишь force majeur насущно-необходимыхъ интересовъ.

Всѣ соображенія и аргументы, которые я изъ Гастейна, изъ Вѣны и затѣмъ изъ Берлина письменно приводилъ императору, находившемуся въ Баденѣ, не имѣли желаннаго дѣйствія. Чтобы получить согласіе императора на договоръ, проектъ котораго былъ составленъ мною совмѣстно съ Андраши и условно, на случай согласія императора Вильгельма, одобренъ императоромъ Францемъ-Іосифомъ, я былъ принужденъ обратиться къ весьма тягостной для меня постановкѣ кабинетнаго вопроса, и мнѣ удалось привлечь на мою сторону моихъ коллегъ. Такъ какъ я былъ слишкомъ утомленъ отъ напряженія послѣднихъ недѣль и преждевременнаго прекращенія гастейнскаго лѣченія, чтобы самому совершить путешествіе въ Баденъ-Баденъ, то это взялъ на себя графъ Штольбергъ; ему удалось, несмотря на сильное сопротивленіе его величества, счастливо довести переговоры до конца. Императоръ не былъ убѣжденъ политическими аргументами, но высказалъ обѣщаніе ратифицировать договоръ только во избѣжаніе личныхъ перемѣнъ въ составѣ кабинета. Кронпринцъ съ самаго начала былъ оживленнымъ поборникомъ союза съ Австріей, но онъ не пользовался вліяніемъ на отца.

Императоръ считалъ своимъ рыцарскимъ долгомъ конфиденціально освѣдомить императора Россійскаго о томъ, что если онъ затронетъ

одну изъ сосѣднихъ державъ, то будетъ имѣть противъ себя оба государства, чтобъ императоръ Александръ не находился въ заблужденіи, что можно напасть на одну Австрію. Опасеніе это казалось мнѣ необоснованнымъ, такъ какъ петербургскій кабинетъ уже изъ нашего отвѣта на вопросъ, обращенный къ намъ изъ Ливадіи, долженъ былъ знать, что мы не допустили бы паденія Австріи; такимъ образомъ, договоръ съ Австріей не создавалъ новой ситуаціи, а лишь легализовалъ существующую.

VI.

Возобновленіе кауницовской коалиціи было бы для Германіи, поскольку она оставалась бы единой и умѣло вела войны, хотя и не безнадежной, но все же очень серьезной комбинаціей. По возможности предостеречь себя отъ нея не должно быть задачей нашей внѣшней политики. Если бы объединенная австро-германская сила по прочности своей связи и по единству своей политики была бы такъ надежна, какъ сила Россіи и Франціи, каждая въ отдѣльности, то я бы не считалъ жизненно-опаснымъ для насъ одновременное нападеніе обоихъ нашихъ сосѣдовъ, даже если оставить въ сторонѣ третьяго союзника—Италію. Но когда въ Австріи сильнѣе, чѣмъ прежде, даютъ себя знать антинѣмецкія теченія на національной или религіозной почвѣ, когда къ тому присоединяются русскіе соблазны и предложенія въ области восточной политики, какъ во времена Екатерины и Іосифа II, когда итальянскія вожделѣнія угрожаютъ владѣніямъ Австріи на Адріатическомъ морѣ и требуютъ готовности ея вооруженныхъ силъ, подобно тому, какъ это было при Радецкомъ,—при всѣхъ этихъ условіяхъ борьба, возможность которой мнѣ представляется, стала бы уже неравной. Нѣтъ надобности говорить, насколько болѣе опаснымъ явилось бы положеніе Германіи, если представить себѣ Австрію, по возстановленіи монархіи и Франціи, вмѣстѣ съ послѣдней и въ согласіи обѣихъ съ римской куріей — въ лагерѣ нашихъ противниковъ съ намѣреніемъ устранить результаты 1866 года.

Это пессимистическое представленіе, отнюдь однако не фантастическое и не лишенное основанія въ прошломъ, заставило меня поставить вопросъ, не является ли желательнымъ органическій союзъ между германской имперіей и Австро-Венгріей, который не могъ бы быть расторгнутъ (kündbar), какъ обыкновенные договоры, а былъ бы инкорпорированъ въ законодательство обоихъ государствъ и могъ бы быть отмѣненъ лишь посредствомъ новаго законодательнаго акта одного изъ государствъ.

Такая гарантія заключаетъ въ себѣ что-то успокоительное для мысли; будетъ ли она столь же надежной въ вихрѣ событій, въ этомъ

позволительно сомнѣваться, если вспомнить, что теоретически гораздо болѣе крѣпкая организація священной римской имперіи не могла никогда обезпечить единства нѣмецкой націи, и что мы были бы не въ состояніи найти для нашего отношенія къ Австріи договорный модусъ, заключающій въ себѣ болѣе прочную связующую силу, нежели прежніе договоры союза, согласно которымъ сраженіе подъ Кениггрецомъ было теоретически невозможно.

Прочность всѣхъ договоровъ между великими державами оказывается условной, какъ только она подвергается испытанію „въ борьбѣ за существованіе".

Ни одна великая нація не станетъ жертвовать своимъ существованіемъ во имя договорной вѣрности, если она силою вещей поставлена предъ такой альтернативой. Нельзя никакимъ пунктомъ договора лишать силы высшій принципъ: ultra posse nemo obligatur; и столь же мало можно посредствомъ договора обезпечить себѣ мѣру серьезности и энергіи, съ которой послѣдуетъ его осуществленіе, поскольку собственный интересъ исполняющей стороны уже не соотвѣтствуетъ подписанному тексту и его прежнему толкованію. Поэтому, если въ европейской политикѣ произойдутъ измѣненія, благодаря которымъ антинѣмецкая политика покажется государственнымъ спасеніемъ для Австро-Венгріи, то такъ же мало можно будетъ ждать отъ нея самопожертвованія ради вѣрности союзу, какъ мало можно было во время крымской кампаніи ждать выполненія долга благодарности, который былъ, пожалуй, важнѣе, нежели пергаментъ государственнаго договора.

Законодательно закрѣпленный союзъ былъ бы осуществленіемъ конституціонныхъ идей, которыя предносились въ церкви Павла [1]) умѣреннымъ членамъ, защитникомъ болѣе узкаго имперско-германскаго (Reichsdeutschen) и болѣе широкаго австрійско-германскаго союза; но именно договорное обезпеченіе такихъ взаимныхъ обязательствъ является угрозой ихъ прочности. Примѣръ Австріи временъ съ 1850 до 1866 г. служилъ мнѣ предостереженіемъ, что политическіе векселя, которыя бываетъ соблазнъ подписывать въ расчетѣ на такія отношенія, выходятъ за предѣлы кредита, который могутъ оказывать другъ другу въ своихъ политическихъ операціяхъ независимыя государства. Я полагаю поэтому, что измѣнчивый элементъ политическаго интереса и его опасностей есть необходимая подкладка для писанныхъ договоровъ, чтобы они могли быть прочными. Для спокойной же и консервативной австрійской политики союзъ съ Германіей есть самое полезное.

Опасности для нашего единенія съ Австріей, которыя кроются въ

---

[1]) Церковь св. Павла—мѣсто засѣданія франкфуртскаго парламента 1848 г.
Прим. ред.

попыткахъ русско-австрійскихъ соглашеній въ духѣ времени Іосифа II и Екатерины, или секретныхъ рейхштадскихъ соглашеній, можно парализовать, если мы, оставаясь вѣрными Австріи, оставимъ вмѣстѣ съ тѣмъ открытымъ путь изъ Берлина въ Петербургъ. Наша задача—удержать въ мирѣ обѣ сосѣднія намъ имперіи. Будущность четвертой великой династіи — итальянской—мы сможемъ обезпечить въ той мѣрѣ, въ какой намъ удастся держать въ единеніи всѣ три имперіи, и либо обуздать честолюбіе нашихъ обоихъ восточныхъ сосѣдей, либо удовлетворить ихъ обоюднымъ соглашеніемъ. Не только въ вопросѣ европейскаго равновѣсія для насъ необходимъ каждый изъ нихъ (мы бы не могли лишиться одного изъ нихъ, не подвергая себя опасности), но сохраненіе элемента монархическаго порядка въ Вѣнѣ и Петербургѣ—и на основѣ обоихъ также и въ Римѣ—есть для насъ въ Германіи задача, которая совпадаетъ съ сохраненіемъ нашего собственнаго государственнаго порядка.

VII.

Договоръ, который мы заключили съ Австріей для общей обороны отъ русскаго нападенія, есть договоръ publici juris. Аналогичный оборонительный договоръ между обѣими державами противъ Франціи неизвѣстенъ. Германо-австрійскій союзъ не заключаетъ въ себѣ такого же прикрытія противъ французскаго наступленія, которое угрожаетъ прежде всего Германіи, какъ противъ наступленія Россіи, болѣе вѣроятнаго противъ Австріи, нежели противъ Германіи. Между Германіей и Россіей не существуетъ никакой розни интересовъ, при которой были бы неизбѣжны зародыши конфликтовъ и разрыва. Съ другой стороны, согласныя потребности въ польскомъ вопросѣ и дѣйствіе традиціонной династической солидарности въ противовѣсъ революціоннымъ стремленіямъ создаютъ почву для общей политики обоихъ кабинетовъ.

Эта опора ослаблена была десятилѣтней фальсификаціей общественнаго мнѣнія со стороны русской прессы, которая въ читающей части населенія создала и питала искусственную ненависть противъ всего нѣмецкаго. Съ этимъ настроеніемъ династія должна считаться даже и тогда, когда императоръ хочетъ поддерживать нѣмецкую дружбу.

Однако враждебное отношеніе русскихъ къ германизму врядъ ли острѣе, чѣмъ такая же вражда чеховъ въ Богеміи и Моравіи, словенцевъ въ бывшей области германскаго союза и поляковъ въ Галиціи. Коротко говоря, если я въ выборѣ между русскимъ и австрійскимъ союзомъ предпочитаю послѣдній, то я отнюдь не закрываю глазъ на трудности, связанныя съ этимъ выборомъ. Я попрежнему считалъ необходимымъ поддерживать сосѣдскія отношенія съ Россіей на-ряду съ нашимъ

оборонительнымъ союзомъ съ Австріей; ибо у Германіи нѣтъ прочной гарантіи противъ крушенія избранной комбинаціи, но есть возможность сдерживать противогерманскія поползновенія Австро-Венгріи до тѣхъ поръ, пока нѣмецкая политика не разрушитъ мостъ, ведущій къ Петербургу и не создастъ непроходимой пропасти между ними и Россіей. Пока нѣтъ такого непоправимаго разрыва, для Вѣны остается возможнымъ держать въ уздѣ враждебные и чуждые нѣмецкому союзу элементы. Но когда разрывъ или даже только отчужденіе между нами и Россіей окажется непоправимымъ, въ Вѣнѣ возрастутъ притязанія къ нѣмецкому союзнику: во-первыхъ, въ смыслѣ расширенія casus foederis, который пока по опубликованному тексту распространяется лишь на защиту Австріи отъ нападенія Россіи, и, во-вторыхъ, въ смыслѣ требованія замѣнить указанный casus foederis представительствомъ австрійскихъ интересовъ на Балканахъ и на Востокѣ, что уже съ успѣхомъ пыталась дѣлать даже наша пресса. Естественно, что у обитателей Дунайскаго бассейна есть потребности и планы, которые выходятъ за нынѣшніе предѣлы Австро-Венгерской монархіи; и германское имперское устройство указываетъ на путь, какимъ Австрія можетъ достигнуть примиренія политическихъ и матеріальныхъ интересовъ, существующихъ между восточной границей румынскаго племени и бухтою Катарро. Но въ задачу германской имперіи не входитъ жертвовать достояніемъ и кровью своихъ подданныхъ для осуществленія сосѣдскихъ желаній. Сохраненіе Австро-Венгерской монархіи, какъ независимой, сильной великой державы, является для Германіи потребностью европейскаго равновѣсія, ради которой при необходимости можетъ быть съ спокойной совѣстью нарушенъ миръ страны. Однако въ Вѣнѣ должны были бы воздержаться отъ попытокъ основывать на союзѣ, помимо этого страхованія, еще иныя притязанія, для которыхъ союзъ не созданъ.

Прямая угроза миру между Германіей и Россіей возможна лишь на почвѣ искусственнаго науськиванія или честолюбія русскихъ или германскихъ военныхъ вродѣ Скобелева, которые хотятъ войны, пока они еще не стары, чтобы въ ней отличиться. Требуется необычайная степень невѣжества и лживости въ общественномъ мнѣніи и въ прессѣ Россіи, чтобы думать и утверждать, что германская политика руководится агрессивными намѣреніями, заключая австрійскій, а затѣмъ итальянскій оборонительный союзъ. Лживость эта — скорѣе польско-французскаго, а невѣжество—болѣе русскаго происхожденія. Польско-французская ловкость на почвѣ русскаго легковѣрія и невѣжества одержала побѣду надъ недостаткомъ такого рода ловкости, въ которомъ, смотря по обстоятельствамъ, заключается сила или слабость германской политики. Въ большинствѣ случаевъ открытая и честная политика плодотворнѣе, чѣмъ политическія хитросплетенія старыхъ временъ, но для

того, чтобы она удалась, требуется извѣстная степень личнаго довѣрія, которое легче потерять, чѣмъ пріобрѣсти.

Никто не можетъ опредѣлить будущность самой Австріи съ увѣренностью, требуемою для длительныхъ и органическихъ соглашеній.

Факторы ея развитія столь же разнообразны, какъ и смѣшанныя въ ней народности, и къ разъѣдающему, иногда взрывчатому дѣйствію этихъ факторовъ присоединяется неопредѣлимое воздѣйствіе, которое, въ зависимости отъ повышенія или пониженія римскихъ вліяній, могутъ оказать клерикальные элементы на руководящихъ политиковъ Австріи. Не только панславизмъ и Болгарія, или Боснія, но и сербскій, румынскій, польскій, чешскій вопросы и даже теперь еще итальянскій въ Тріестѣ, Тріентѣ и на Далматинскомъ побережьѣ могутъ стать кристаллизаціоннымъ пунктомъ не только для австрійскаго, но и для общеевропейскаго кризиса, который затрогиваетъ замѣтнымъ образомъ германскіе интересы, лишь поскольку Германія вступитъ съ Австріей въ отношенія солидарной отвѣтственности. Въ Богеміи распри между нѣмцами и чехами мѣстами уже такъ глубоко проникли въ армію, что въ нѣкоторыхъ полкахъ офицеры не общаются между собой и ѣдятъ отдѣльно. Непосредственно для Германіи существуетъ опасность быть вовлеченной въ тяжелую и опасную борьбу скорѣе на ея западной границѣ, вслѣдствіе поступательныхъ и завоевательныхъ склонностей французскаго народа, взращенныхъ монархами со временъ Карла V въ интересахъ ихъ властолюбія.

Для насъ легче получить помощь Австріи противъ Россіи, чѣмъ противъ Франціи съ тѣхъ поръ, какъ между этими державами уже не существуетъ прежнихъ треній въ борьбѣ за Италію. Для монархической и католически настроенной Франціи, если бы таковая опять возродилась, не была бы потеряна надежда достичь такихъ отношеній къ Австріи, какія существовали во время Семилѣтней войны и на вѣнскомъ конгрессѣ, передъ возвращеніемъ Наполеона съ Эльбы, какія угрожали въ польскомъ вопросѣ 1863 г. и какія имѣли шансы на осуществленіе въ Зальцбургѣ и Вѣнѣ во время крымской войны и при графѣ Бейстѣ съ 1866 г. по 1870 г. При возможномъ возстановленіи монархіи во Франціи взаимное, не ослабленное болѣе итальянскимъ соперничествомъ, притяженіе двухъ католическихъ великихъ державъ могло бы побудить предпріимчивыхъ политиковъ къ попыткамъ возобновленія этихъ отношеній.

Въ сужденіи объ Австріи еще и теперь заблужденіе—считать невозможной враждебную въ отношеніи насъ политику, какая велась при Тугутѣ, Шварценбергѣ, Буолѣ, Бахѣ и Бейстѣ. Развѣ политика неблагодарности, вмѣненной въ обязанность, какою хвастался Шварценбергъ по отношенію къ Россіи, не можетъ повториться въ другомъ направле-

ніи? Политика, которая въ 1792 — 1795 г., когда мы были на полѣ битвы вмѣстѣ съ Австріей, подготовляла намъ замѣшательство и покинула насъ, чтобы сохранить силу противъ насъ въ польскихъ интригахъ, которыя уже почти съ успѣхомъ пытались навязать намъ войну съ Россіей, въ то время какъ мы, номинальные союзники, боролись противъ Франціи за германскую имперію,—политика, которая на вѣнскомъ конгрессѣ почти довела до войны между Россіей и Пруссіей? Поползновенія итти такимъ путемъ подавляются теперь, благодаря личной порядочности и вѣрности императора Франца-Іосифа, и этотъ монархъ не такъ ужъ молодъ и неопытенъ, какъ въ то время, когда онъ, подчиняясь личной мести графа Буоля противъ императора Николая, оказалъ политическое давленіе на Россію, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Виллагоша [1]); но эта чисто личная гарантія отпадаетъ съ перемѣною лица, и элементы, бывшіе въ разныя эпохи носителями политическаго соперничества, могутъ добиться новаго вліянія. Расположеніе галиційскихъ поляковъ и ультрамонтанскаго духовенства къ германскому государству носитъ такой же преходящій и оппортунистическій характеръ, какъ и сознаніе чистокровнаго мадьяра о выгодѣ нѣмецкой опоры, побѣждающее его прирожденное презрѣніе къ швабамъ. Въ Венгріи, въ Польшѣ до сихъ поръ живы французскія симпатіи, и католическо-монархическая реставрація во Франціи могла бы воскресить въ духовенствѣ габсбургской монархіи отношенія, которыя получили свое выраженіе въ 1863 г. и въ 1866—70 гг. въ общей дипломатіи и въ болѣе или менѣе зрѣлыхъ соглашеніяхъ. Порука противъ этихъ возможностей, лежащая въ личности императора Австріи и короля Венгріи, какъ указано, опирается только на одну личность; но предусмотрительная политика должна имѣть въ виду всѣ комбинаціи, лежащія въ предѣлахъ возможнаго. Возможность соревнованія между Вѣной и Берлиномъ за русскую дружбу можетъ такъ же легко возобновиться, какъ это было во время Ольмюца и какъ это сказывалось во время рейхштадскаго соглашенія при очень расположенномъ къ намъ графѣ Андраши.

Принимая во вниманіе эту возможность, для насъ выгодно, что у Австріи и Россіи на Балканахъ противоположные интересы, и что между Россіей и Прусской Германіей нѣтъ такой противоположности интересовъ, которая могла бы дать поводъ къ разрыву и войнѣ. Но это преимущество при современномъ государственномъ строѣ Россіи можетъ быть и теперь столь же легко уничтожено личными неудовольствіями и неумѣлой политикой, какъ легко остроты и злыя слова Фридриха Вели-

---

[1]) Виллагошъ — мѣсто, въ которомъ во время венгерскаго возстанія венгерскій главнокомандующій Гергей съ своей арміей 13 августа 1849 г. сдался русскимъ.

Прим. ред.

каго побудили императрицу Елизавету вступить въ франко-австрійскій союзъ противъ насъ. Въ наушничествѣ, въ обычномъ подстрекательствѣ Россіи, въ выдумкахъ и болтливости нынче также не будетъ недостатка при обоихъ дворахъ, но мы можемъ сохранить независимость и достоинство по отношенію къ Россіи, не провоцируя русскую обидчивость и не вредя интересамъ Россіи. Неудовольствіе и раздраженіе, вызванныя безъ нужды, нынѣ столь же мало останутся безъ вліянія на историческія событія, какъ и во времена русской императрицы Елизаветы и англійской королевы Анны. Но дѣйствіе вызванныхъ этимъ событій на благосостояніе и будущность народовъ теперь гораздо могущественнѣе, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Коалиція противъ Пруссіи, какъ въ Семилѣтнюю войну, Россіи, Австріи и Франціи, быть можетъ, еще въ связи съ другими династическими неудовольствіями, столь же опасна для нашего существованія, а для нашего благосостоянія, если она побѣдитъ, еще тяжелѣе, чѣмъ тогдашняя коалиція. Безразсудно и преступно разрушать изъ личнаго недоброжелательства мостъ, сближающій насъ съ Россіей.

Мы должны и можемъ честно хранить союзъ съ Австро-Венгерской монархіей; это соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ, историческимъ традиціямъ Германіи и общественному мнѣнію страны. Но впечатлѣнія и силы, подъ вліяніемъ которыхъ будетъ слагаться будущая вѣнская политика, сложнѣе, чѣмъ у насъ, благодаря разнообразію національностей, расхожденію ихъ стремленій, клерикальнымъ вліяніямъ и соблазнамъ, заключеннымъ для дунайскихъ странъ въ Балканахъ и Черномъ морѣ. Мы не должны покидать Австріи, но мы не должны также упускать изъ виду возможность, что вѣнская политика вольно или невольно покинетъ насъ. Германская политика, если она хочетъ исполнить свой долгъ, должна уяснить себѣ и постоянно имѣть въ виду возможности, которыя въ такихъ случаяхъ остаются для насъ открытыми, прежде чѣмъ онѣ наступятъ; оцѣнка этихъ возможностей не должна зависѣть отъ пристрастія или дурного настроенія, а только отъ объективнаго взвѣшиванія національныхъ интересовъ.

VIII.

Я всегда ставилъ своей задачей заботиться не только объ огражденіи Германіи отъ нападенія Россіи, но и объ успокоеніи настроенія Россіи и о внушеніи вѣры въ неагрессивный характеръ нашей политики. До моей отставки мнѣ всегда удавалось, благодаря личному довѣрію императора Александра III, обезвредить недовѣріе, которое въ немъ постоянно возбуждалось чужеземными и русскими инсинуаціями, а иногда питалось и здѣшними теченіями въ военной средѣ. На Данцигскомъ рейдѣ, гдѣ

я его впервые увидѣлъ какъ императора, и при всѣхъ позднѣйших встрѣчахъ, онъ мнѣ выказывалъ свою благожелательность, несмотр на роспространенную ложь о берлинскомъ конгрессѣ и знаніе об австрійскомъ соглашеніи. Его расположеніе получило въ Скерневицах и въ Берлинѣ автентичное выраженіе и покоилось на его довѣріи к мнѣ. Даже весьма убѣдительная по своей беззастѣнчивой дерзости ин трига съ фальшивыми письмами, подсунутыми ему въ Копенгагенѣ, был тотчасъ обезврежена моимъ простымъ завѣреніемъ. Также удалось мн при встрѣчѣ въ октябрѣ 1889 г. разсѣять его сомнѣнія, съ которым онъ прибылъ изъ Копенгагена, за исключеніемъ лишь одного — остаюс ли я министромъ. Онъ былъ, очевидно, болѣе освѣдомленъ, чѣмъ я когда обратился ко мнѣ съ вопросомъ, увѣренъ ли я вполнѣ въ моем положеніи при юномъ императорѣ. Я отвѣтилъ то, что тогда думал именно, что убѣжденъ въ довѣріи ко мнѣ императора Вильгельма I что я не предполагаю возможности отставки противъ своей воли, иб его величество имѣетъ въ моемъ лицѣ трудно замѣнимаго слугу, бла годаря моей долголѣтней опытности и довѣрію, которое я завоевалъ в Германіи и при иностранныхъ дворахъ. Императоръ выразилъ свое уд влетвореніе по поводу моей увѣренности, хотя, казалось, не раздѣлял ея безусловно.

Международная политика есть текучая стихія, которая становитс при извѣстныхъ условіяхъ устойчивой, но, при перемѣнахъ атмосферы возвращается въ свое первоначальное аггрегатное состояніе. Оговорк о rebus sic stantibus молчаливо подразумѣвается при государствен ныхъ договорахъ, обусловливающихъ извѣстныя дѣйствія. Тройственны союзъ есть стратегическая позиція, которая была умѣстна передъ ли цомъ грозившихъ во время его заключенія опасностей и осуществим при наличныхъ обстоятельствахъ. Этотъ союзъ возобновлялся время от времени, и, можетъ быть, удастся его продолжить и далѣе; но вѣчно существованіе не можетъ быть обезпечено ни одному договору межд великими державами, и было бы неблагоразумно разсматривать его какъ основу для всѣхъ возможностей, которыми въ будущемъ могли бы быть измѣнены условія, потребности и настроенія, вызвавшія его воз никновеніе. Онъ означаетъ занятіе извѣстной стратегической позиціи в европейской политикѣ сообразно положенію вещей во время его заклю ченія, но онъ такъ же мало представляетъ собой вѣчный и прочны при всѣхъ перемѣнахъ фундаментъ, какъ многіе прежніе тройственны и четверные союзы послѣдняго столѣтія и въ особенности священны и германскій союзы. Онъ не избавляетъ отъ необходимости быть всегд на стражѣ. Toujours en vedette!

Пер. **Я. Букшпанъ.**

Италія и европейская война.

Поведеніе Италіи продолжаетъ вызывать въ европейской печати без-
онечныя обсужденія. Какимъ образомъ объяснить ея уклоненіе отъ
частія въ современномъ конфликтѣ? Какъ примирить ея тридцатилѣт-
ее пребываніе въ тройственномъ союзѣ съ теперешней двойственной
олитикой? Долго ли продолжится ея нейтралитетъ и на чью сторону
танетъ она, если въ свою очередь возьмется за оружіе? Вотъ вопросы,
а которыхъ теперь часто останавливается общее вниманіе. Со всѣхъ
торонъ даются ей различные совѣты. Одни обѣщаютъ ей за участіе
авойю, Ниццу, Тунисъ, другіе предлагаютъ захватить Трентъ и Тріестъ;
дни указываютъ на огромное значеніе для нея Средиземнаго моря,
ругіе—на значеніе Адріатическаго. Не такъ давно было время, когда
емедленному выступленію Италіи придавали рѣшающее значеніе, те-
ерь, повидимому, склоняются къ другому взгляду на этотъ вопросъ,
о достаточно будетъ измѣниться соотношенію силъ на театрѣ воен-
ыхъ дѣйствій, и прежнее мнѣніе восторжествуетъ.

Не менѣе горячо, понятно, дебатируются всѣ эти вопросы и въ
альянской печати. Въ первый моментъ общественное мнѣніе страны
казалось совершенно не подготовленнымъ къ разразившимся событіямъ.
екстъ трактата тройственнаго союза былъ неизвѣстенъ. Парламентъ
ылъ закрытъ. У партій не было опредѣленныхъ директивъ. Особое
еографическое положеніе Италіи, ея предыдущая политика, не всегда
едшая заодно съ ея симпатіями и антипатіями, финансовыя затрудне-
я усложняли и безъ того трудный вопросъ и требовали времени для
о всесторонняго обсужденія. Приходилось довѣриться рѣшеніямъ пра-
ительства, но во главѣ Италіи въ такой отвѣтственный моментъ ока-
лся новый, не успѣвшій заслужить безусловнаго довѣрія кабинетъ,
асчитывавшій только четыре мѣсяца своей политической жизни. Ему
алось очутиться у власти только благодаря тому, что Джіолитти въ
ду внутреннихъ осложненій счелъ для себя болѣе удобнымъ отойти
ъ управленія страной, несмотря на значительное большинство въ

парламентѣ, а его прямые наслѣдники нашли невыгоднымъ пока принять его наслѣдство. Какъ всегда бываетъ въ періоды „парламентскихъ междуцарствій“, создался сѣрый, не выдающійся по своему составу кабинетъ съ тусклой умѣренно-либеральной программой. Глава его бывшій профессоръ административнаго права въ римскомъ университетѣ, Саландра, человѣкъ умный, безусловно честный, не лишенный энергіи и предпріимчивости, не является все же личностью, которой страна могла бы довѣрить управленіе въ такое время. Дѣйствительно, въ печати даже стали появляться статьи съ предложеніемъ послѣдовать примѣру Франціи и создать родъ „комитета народнаго спасенія“ изъ видныхъ представителей всѣхъ партій. Однако, первый шагъ, сдѣланный Саландрой послѣ начала европейской войны,—объявленіе нейтралитета Италіи,—былъ встрѣченъ всеобщимъ сочувствіемъ. Даже сторонники войны нашли эту мѣру вполнѣ разумной и соотвѣтствующей обстоятельствамъ. Странѣ давалась возможность подготовиться въ военномъ и политическомъ отношеніи, „выработать опредѣленное общественное мнѣніе“ и принять рядъ неотложныхъ финансовыхъ мѣропріятій. Вообще не блестящія финансовыя дѣла Италіи за послѣднее время значительно ухудшились, благодаря африканской войнѣ, послѣдовавшему за событіями на Балканахъ кризису и быстро увеличивающимся расходамъ на внутреннія нужды государства. Еще въ тронной рѣчи 27 ноября прошлаго года признавалась неизбѣжность бо́льшаго „самопожертвованія со стороны зажиточныхъ классовъ“. Въ министерской же деклараціи отъ 3 апрѣля было указано безъ прежнихъ отговорокъ, что „несмотря на значительныя суммы, полученныя отъ выпущенныхъ въ широкихъ размѣрахъ... банковыхъ билетовъ, государственная касса остается истощенной, благодаря тратамъ, понесеннымъ въ теченіе войны; въ то же время все возрастаютъ обременительные текущіе расходы на общественныя работы и, главнымъ образомъ, на желѣзнодорожныя предпріятія“. Министръ финансовъ Рубини долженъ былъ констатировать дефицитъ въ крупныхъ размѣрахъ, а Саландра—признаться, что „новыя поступленія недостаточны для покрытія этого дефицита“. Послѣднее заявленіе было сдѣлано 27 іюня н. ст., т.-е. за мѣсяцъ до объявленія Австріей войны Сербіи. Дальнѣйшія событія отразились на состояніи государственной кассы самымъ тяжелымъ образомъ. Потребовались крупныя экстренныя траты на войско, разразился кризисъ, и правительство принуждено было прибѣгнуть къ ряду мѣръ, къ которымъ обратились даже не всѣ изъ воюющихъ государствъ. Былъ объявленъ мораторіумъ, изданы постановленія о вывозѣ, размѣнѣ, страховкѣ, ввозѣ продуктовъ первой необходимости и т. д.

Чрезвычайная важность для Италіи этого вопроса отлично оцѣнивается даже простымъ обывателемъ. Ему приходится нести слиш

комъ большіе налоги, чуть не на каждомъ шагу натыкаться на печальные результаты пустой государственной кассы, принимать личное участіе въ почти не прекращающихся экономическихъ забастовкахъ или, по крайней мѣрѣ, постоянно слышать о нихъ. Онъ знаетъ, что по недостатку средствъ у Италіи нехватаетъ судей, офицеровъ, чиновниковъ, зданій для нуждъ государства, что не предпринимается рядъ необходимѣйшихъ для страны работъ, вродѣ, напримѣръ, осушки болотъ, проведенія воды, что откладываются совершенно назрѣвшія реформы и т. д. Онъ знаетъ, наконецъ, во что обходится даже такая незначительная война, какъ ихъ война съ Турціей, оставившая опустошенной государственную кассу и наложившая на него новые налоги, несмотря на то, что тогдашнее финансовое положеніе Италіи было блестящимъ по сравненію съ теперешнимъ. Но всѣ эти соображенія отступаютъ на второй планъ передъ болѣе важными и болѣе насущными вопросами.

Тройственный союзъ спасалъ до сихъ поръ Италію отъ того изолированнаго положенія въ Европѣ, все неудобство котораго пришлось испытать ей въ эпоху заключенія Франціей договора съ тунисскимъ беемъ, т.-е. въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Онъ давалъ Италіи увѣренность, что интересамъ ея на Средиземномъ морѣ впредь не будетъ нанесено ущерба, гарантировалъ ее отъ нападеній со стороны Франціи и Австріи, которыхъ она въ равной степени могла опасаться, обезпечивалъ отъ консервативныхъ и феодальныхъ возстаній въ самомъ Римѣ, позволялъ ей надѣяться на сохраненіе status quo на Балканахъ или хотя бы на компенсацію, если бы произошли какія-нибудь измѣненія въ пользу Австріи. Кромѣ того, есть основанія предполагать, что этотъ союзъ облегчилъ ей заключеніе договоровъ съ нѣкоторыми другими государствами. Извѣстно, напримѣръ, что Бисмаркъ по ряду соображеній старался помочь ей заключить договоръ съ Англіей, касающійся охраны взаимныхъ интересовъ. Повидимому, старанія его не остались безъ результата. „Традиціонная дружба съ Англіей,—заявилъ Ди Рудини въ 1897 г. въ палатѣ,—пополняетъ нашу союзную систему“; а Депретисъ немногимъ раньше утверждалъ, что Италія теперь—въ безопасности и на сушѣ, и на морѣ [1]). Тройственный союзъ, обезпечивъ Италіи въ теченіе тридцати лѣтъ внѣшній миръ, позволилъ ей всѣ свои силы направить на внутреннее развитіе и устройство. Многимъ изъ того, чего удалось Италіи достигнуть въ столь короткій срокъ, она обязана тѣмъ выгодамъ и преимуществамъ, которыя далъ ей этотъ союзъ.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что, какъ только вспыхнула европейская война и особенно до того момента, пока не выяснилась для всѣхъ роль Англіи въ конфликтѣ, стали раздаваться голоса за со-

---

[1]) *Crispi.* „Politica estera“. Milano, 1914.

вмѣстное выступленіе съ союзниками противъ Франціи. И даже въ настоящее время находится не мало лицъ, считающихъ войну съ Австріей гнуснымъ предательствомъ. „Народы и индивидуумы не живутъ только хлѣбомъ насущнымъ. Необходимы также законность и достоинство. Италія была бы предательницей, если бы напала сзади на своихъ вчерашнихъ и сегодняшнихъ союзниковъ, преслѣдуя исключительно свои выгоды“ („Тройственный союзъ“. Замѣтки, наброски и воспоминанія стараго депутата. Римъ, 1914 г.). „Я полагаю,—говоритъ по поводу войны съ Австріей депутатъ Нунціанте,—что даже въ политикѣ какой-какой минимумъ порядочности все же обязателенъ“. По тому же поводу депутатъ Альбертъ Кальда заявляетъ слѣдующее: „Да вѣдь за объявленіе войны при этихъ условіяхъ нашимъ союзникамъ, уже переносящимъ удары трехъ, четырехъ, пяти державъ, мы заслужимъ такой позоръ, такое безчестіе, что насъ разъ навсегда вычеркнутъ изъ списка европейскихъ государствъ“ (*Avanti,* 4 окт. 1914 г.). „Кто согласится впослѣдствіи заключить съ нами хоть какой-нибудь договоръ,—замѣчаютъ другіе,—если мы всѣмъ докажемъ, что предаемъ нашихъ союзниковъ въ трудную минуту“ (*Rassegna Contemporanea,* 1914 г., XVIII).

Характерно то обстоятельство, что сторонники тройственнаго союза и противники войны съ центральными государствами принуждены прибѣгать къ доводамъ преимущественно моральнаго свойства, не имѣющимъ, какъ извѣстно, рѣшающаго значенія въ современной политикѣ. Конечно, прогнозъ въ данное время—дѣло чрезвычайно трудное, и они въ правѣ отказаться отъ обсужденія грядущихъ ситуацій и отъ оцѣнки значенія для Италіи этого союза въ будущемъ, но въ ихъ рѣчахъ обычно бываетъ замѣтна и недостаточная увѣренность въ неоспоримости той пользы, которую онъ принесъ даже въ прошломъ. Онъ былъ полезенъ Италіи, но это былъ все же вынужденный союзъ, союзъ съ явнымъ врагомъ. „Мы заключили союзъ съ Австріей, не имѣя возможности объявить ей войну“—мѣтко охарактеризовалъ эти отношенія депутатъ Арчео Сперанца. Этому союзу было принесено не мало жертвъ, изъ-за него претерпѣли не мало оскорбленій и униженій. Не говоря уже о томъ, что нужно было забыть многое изъ тяжелаго прошлаго подъ игомъ Австріи, отказаться отъ отнятыхъ Трента и Тріеста, переносить постоянное преслѣдованіе итальянцевъ въ этихъ мѣстахъ, но приходилось вычеркнуть изъ памяти совсѣмъ недавнее, грубое „veto“, которое остановило итальянскій флотъ передъ Превезой, декреты Гогенлоэ, увольненіе въ самой Италіи неугодныхъ Австріи чиновниковъ и даже министровъ. (Министръ финансовъ былъ однажды удаленъ за присутствіе на банкетѣ ирредентистовъ.) Чѣмъ болѣе внутренно укрѣплялась Италія, чѣмъ болѣе развивались на сѣверѣ ея промышленность и торговля, тѣмъ сильнѣе обнаруживался антагонизмъ ея интересовъ съ

австрійскими. Росло соперничаніе за преобладаніе на Адріатическомъ морѣ и на Балканахъ. „Адріатико-балканская проблема,—пишетъ *Corriere della Sera* въ № 274,—является въ настоящее время первой въ серіи тѣхъ проблемъ, которыя Италія не по своей волѣ, а въ силу обстоятельствъ вынуждена разрѣшить, по крайней мѣрѣ, въ касающейся ея части... Она поставлена на очередь борьбой между Австріей и Сербіей. Если бы Австрія побѣдила, то морское значеніе Италіи на Адріатикѣ сильно уменьшилось бы, благодаря престижу австрійскихъ побѣдъ и росту австрійскаго вліянія. Сверхъ того, она могла бы сдѣлать изъ Каттаро новую болѣе грозную морскую базу противъ насъ“.

Договоръ, обезпечивающій status quo, не могъ уже удовлетворять, такъ какъ было ясно, что одна изъ державъ рано или поздно его нарушитъ подъ вліяніемъ своихъ насущныхъ потребностей. Взаимныя компенсаціи не могли уже помочь, да и не могли быть даны въ такой мѣрѣ, чтобы удовлетворить кого-нибудь изъ нихъ. Это стало особенно яснымъ во время первой и второй балканской войны, но, конечно, обнаруживалось и раньше, напримѣръ, когда Австрія чуть-чуть не напала на Италію послѣ бомбардировки послѣдней—Превезы. Соперничаніе за преобладаніе въ Албаніи, попытки захватить съ одной стороны Ловченъ, съ другой—Валлону, протестъ по поводу бомбардировки Антивари были лишь отдѣльными иллюстраціями того положенія, что тройственный союзъ за послѣднее время сталъ для Италіи только тяжелой военной необходимостью и потерялъ свою raison d'être съ объявленіемъ войны. Если Германія и Австрія побѣдятъ,—думаютъ теперь въ Италіи,—то ихъ гегемонія на континентѣ сдѣлается столь сильной и желѣзной, что Италія превратится въ ихъ простой дипломатическій придатокъ. Ея интернаціональный удѣльный вѣсъ будетъ несравненно меньше современнаго. Чтобы что-нибудь предпринять, она будетъ должна сообразоваться съ предначертаніями изъ Берлина“ (*Corriere della Sera*, № 274).

Даже тогда, когда въ силу тунисской политики Франціи Италія должна была отыскать себѣ болѣе сильнаго союзника, она обратилась не къ Австріи, а къ Германіи, надѣясь въ ней найти помощь одновременно какъ противъ той, такъ и противъ другой. Но Бисмаркъ отвѣтилъ, что „дорога въ Берлинъ идетъ черезъ Вѣну“. „Надѣюсь,—говорилъ онъ еще въ 1877 году Криспи,—что ваши отношенія съ Вѣной сдѣлаются дружескими, а современемъ даже сердечными. Во всякомъ случаѣ, если бы вы выступили противъ Австріи, то для меня это было бы прискорбно, но воевать изъ-за этого я не сталъ бы“. Не имѣя возможности отказаться отъ союза съ Германіей, Италія принуждена была пойти по дорогѣ, указанной желѣзнымъ канцлеромъ. Послѣ цѣлаго ряда колебаній и оттягиваній Италія присоединилась съ нѣкоторыми спеціальными добавленіями къ союзному договору, уже существовавшему съ 1879 года между Германіей и Австріей.

Прямымъ слѣдствіемъ сближенія съ центральными государства было продолженіе тѣхъ натянутыхъ отношеній съ Франціей, которы возникли послѣ захвата ею Туниса. Тогда всеобщее возмущеніе проти „латинской сестры“ вылилось въ рядѣ враждебныхъ манифестацій, и парламентскихъ запросахъ, рѣзкихъ газетныхъ статьяхъ. Къ общем голосу присоединился и такой испытанный другъ Республики, какъ Г рибальди. „Трактатъ Франціи съ тунисскимъ беемъ,—писалъ онъ в 1881 года Ахиллу Фадзари,—уничтожилъ у меня то хорошее мнѣні которое я имѣлъ о Франціи. Если ея несправедливыя притязанія в Африкѣ будутъ еще продолжаться, то мы будемъ принуждены вспомнит что Кареагенъ и Ницца такіе же французскіе города, какъ я татаринъ Въ дальнѣйшемъ послѣдовалъ отказъ Франціи возобновить съ Италі торговый договоръ, и началась та тарифная война, которая нанес такой огромный ущербъ Италіи, парализовавъ надолго ея торговлю промышленность. По этому поводу французскій комиссаръ, сенатор Тейссеренкъ де Борнъ, заявилъ ведшимъ съ нимъ переговоры италья скимъ представителямъ: „До тѣхъ поръ, пока вы будете въ тройстве номъ союзѣ, между нами невозможны торговыя сношенія“. Прочні добрыя отношенія съ Франціей такъ и не возстановились. Достаточ вспомнить инциденты по поводу налоговъ на Массау, итальянскихъ шко въ Тунисѣ и т. д., вплоть до одного изъ послѣднихъ столкновеній, в званнаго задержаніемъ во время итало-турецкой войны двухъ францу скихъ пароходовъ „Мануба“ и „Кареагенъ“, чтобы понять, какъ мно горечи и недовольства накопилось въ сердцахъ итальянцевъ по отн шенію къ сосѣдней республикѣ.

„Среди нашихъ друзей,—пишетъ въ *Passegna Nazionale* депута Содерини,—мы не можемъ считать ни Франціи, ни Германіи, ни Австрі намъ не приходится уплачивать долговъ признательности ни одной и воюющихъ державъ“. *Курьеръ Италіи* предупреждаетъ своихъ соотеч ственниковъ отъ увлеченія франкофильствомъ, для котораго „не имѣет никакихъ данныхъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ. Не надо заб вать, что Италія для этихъ любезныхъ латинскихъ братьевъ была н вымъ препятствіемъ на пути ихъ колоніальнаго развитія и торгова проникновенія. Достаточно было намъ высадиться въ Либіи, какъ т часъ началась поставка всего необходимаго нашему врагу черезъ тун скую границу. Начало укрѣпляться наше положеніе въ колоніи, и т часъ послѣдовала пощечина съ протестомъ по поводу „Кареагена Подобныя рѣчи раздаются не только въ лагерѣ клерикаловъ. Депутат соціалистъ Кальда находитъ, напримѣръ, что „Франція оказывала на услуги, но и причиняла зло. У насъ еще не изгладилось воспомина о нанесенныхъ намъ ею оскорбленіяхъ“. „Мы не можемъ забыть,—п шетъ Вико Мантегацца въ своей книгѣ „Средиземное море и его рав

вѣсіе“ (Миланъ, Тревесъ, 1914 г.),—что повсюду принуждены были наталкиваться на Францію, причинявшую намъ затрудненія. Во время нашей абиссинской войны... главными совѣтниками Менелика были французы, французское было золото, на которое онъ доставалъ оружіе и амуницію, французы же были у него офицерами. Пятнадцать лѣтъ спустя они чинятъ намъ препятствія во время войны съ Турціей. И, наконецъ, когда, какъ слѣдствіе балканской войны, поднялся столь жизненный для насъ албанскій вопросъ, вновь Франція, только одна единственная Франція, рѣшительно возстала противъ насъ“.

Отсутствіе довѣрія и прочной, широко распространенной въ итальянскомъ обществѣ симпатіи къ Франціи, сознаніе противоположности интересовъ на Средиземномъ морѣ служитъ залогомъ того, что въ грядущемъ выступленіи Италіи, если таковое будетъ, главную роль, несомнѣнно, будутъ играть не вопросы побѣды „латинской расы“ или стремленіе защитить республику „отъ несправедливаго нападенія“, не идейные факторы, а исключительно соображенія выгоды и интереса. „Въ интернаціональной политикѣ,—заявилъ въ одной изъ своихъ послѣднихъ рѣчей Саландра,—намъ необходимы ясное сознаніе дѣйствительныхъ интересовъ страны... свобода отъ всякихъ предвзятыхъ мнѣній, предразсудковъ и чувствъ, за исключеніемъ чувства безконечной преданности родинѣ, чувства святого эгоизма во имя Италіи“. Слова эти гораздо правильнѣе характеризуютъ дѣйствительное настроеніе итальянскаго общества, чѣмъ тѣ франкофильскія статьи, которыя подъ вліяніемъ ненависти къ Австріи стали за послѣднее время появляться въ итальянской печати. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ Италіи еще меньшую симпатію вызываютъ къ себѣ славяне. Мысль о нашей гегемоніи на Балканахъ или о нашемъ появленіи на Средиземномъ морѣ не внушаетъ имъ ни малѣйшаго энтузіазма. „Славянская опасность — вотъ тотъ жупелъ, который нарушаетъ ихъ мечтанія о Трентѣ и Тріестѣ... Истріи и Далмаціи.—Только славяне—наши конкуренты на австрійское наслѣдство, только славяне могли бы предъявить кое-какія права и кое-какія притязанія на территорію Истріи. Но если вполнѣ вѣрно, что славяне австрійской монархіи, даже въ случаѣ распаденія государства, имѣютъ право жить и не быть запертыми и замурованными между горъ въ родныхъ долинахъ, то не менѣе справедливо, что, оставивши побѣдителямъ въ настоящей войнѣ чрезвычайно важную полосу берега отъ Зары до Каттаро, нельзя было бы нарушить хоть какой-нибудь изъ существеннѣйшихъ интересовъ славянъ“ (Ромулъ Каджезе: *Il Sekolo,* № 17426). Итальянцамъ постоянно приходится вспоминать, что даже когда Мадзини писалъ (а писалъ онъ, когда еще Далмація была болѣе итальянской, чѣмъ теперь): „мы должны итти на Трентъ и Тріестъ“, то прибавлялъ при этомъ: „но Фіуме и Зара должны быть оставлены славянамъ, которыхъ тамъ по сравненію съ остатками

итальянцевъ большинство". Имъ приходится вспоминать, что если городъ Тріестъ остается попрежнему итальянскимъ, то окрестности его заселены сплошь славянами, а это будетъ плохимъ обезпеченіемъ въ будущемъ для мира, особенно если поблизости пройдетъ сербская граница. Какъ бы то ни было, а „славянская опасность" внушаетъ теперь серьезныя опасенія многимъ итальянцамъ и является однимъ изъ главныхъ и наиболѣе убѣдительныхъ аргументовъ за нарушеніе нейтралитета и вмѣшательство въ „борьбу на защиту латинской расы". [1]) Боязнь, что сербы могутъ захватить земли, которыя итальянцы считаютъ своими, дѣйствуетъ болѣе сильно, чѣмъ всѣ сообщенія о разрушеніи реймсскаго собора и о попраніи правъ бельгійскаго народа. „Если Австрія не можетъ отстоять отъ славянъ захваченныя у насъ земли, то она не можетъ протестовать, если мы ихъ займемъ"—вотъ фраза, которая все чаще слышится въ Италіи и которая имѣетъ всѣ данныя превратиться въ будущемъ въ программу дѣйствій.

На совѣщаніи перваго августа итальянскій совѣтъ министровъ пришелъ къ соглашенію по слѣдующимъ пунктамъ:

I. Австрійская нота Сербіи была сообщена итальянскому правительству *послѣ того*, какъ была сообщена правительству сербскому. Такимъ образомъ Вѣна не предупредила римскій кабинетъ и не вела съ нимъ переговоровъ о своемъ столь важномъ и получившемъ немедленно общеевропейское значеніе рѣшеніи.

II. Одно изъ основныхъ положеній трактата о тройственномъ союзѣ заключается въ томъ, что ни одинъ изъ союзниковъ не можетъ предпринять никакихъ дѣйствій на Балканахъ, не придя раньше къ соглашенію съ другими союзниками. Такого предварительнаго соглашенія между Италіей и Австріей не было.

III. Тройственный союзъ имѣетъ оборонительный, а не наступательный характеръ и не можетъ обязать союзниковъ слѣдовать за тѣмъ изъ нихъ, кто начнетъ по своему почину и безъ предварительнаго предупрежденія другихъ агрессивныя дѣйствія.

IV. Главнѣйшій интересъ Италіи заключается въ томъ, чтобы адріатико-балканское равновѣсіе, установившееся послѣ недавнихъ войнъ на европейскомъ востокѣ, не было нарушено и чтобы продолжалъ превалировать принципъ: „Балканы—балканскимъ народамъ". Между тѣмъ военныя дѣйствія Австріи противъ Сербіи, хотя вѣнское правительство и заявляетъ о неимѣніи у него территоріальныхъ цѣлей, таковы, что могутъ вызвать измѣненіе вышеупомянутаго равновѣсія.

V. Италія, не будучи предупреждена о томъ, что̀ намѣрена пред-

---

[1]) Въ кампаніи, предпринятой значительною частью итальянской прессы противъ нейтралитета, этому аргументу удѣлялось главное мѣсто.

принять Австрія, была лишена возможности принять хотя бы тѣ нѣкоторыя мѣры предосторожности, которыя были необходимы для охраны ея наиболѣе существенныхъ интересовъ въ виду легко предвидимыхъ европейскихъ осложненій.

При чтеніи этихъ пунктовъ, послужившихъ затѣмъ матеріаломъ для безконечныхъ статей въ итальянской печати, невольно обращаетъ особое вниманіе совершенно необъяснимое на первый взглядъ отношеніе центральныхъ государствъ къ своей союзницѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что они отлично знали о противорѣчивости австрійскихъ и итальянскихъ интересовъ, о враждебномъ къ Австріи общественномъ мнѣніи, о томъ, что Италія всѣми силами будетъ противиться ихъ плану, но не могли же они считать для себя столь неустранимыми эти препятствія, чтобы отказаться отъ всякой попытки. Это тѣмъ болѣе странно, что они легко могли использовать столкновеніе итальянскихъ интересовъ съ французскими и безъ особыхъ пожертвованій со своей стороны создать въ итальянскомъ обществѣ благопріятное для себя теченіе. Сторонники тройственнаго союза разсчитывали на это даже послѣ объявленія войны. По словамъ одной, обычно хорошо освѣдомленной газеты, даже министръ иностранныхъ дѣлъ Санъ Джуліано надѣялся, что Италіи будетъ предложенъ немедленно Трентино и такимъ образомъ погашенъ одинъ изъ старыхъ счетовъ. Но, конечно, ничего подобнаго не было сдѣлано. Центральныя государства „позволяли себѣ третировать“ свою союзницу потому, что прекрасно знали цѣлый рядъ обстоятельствъ, не дозволявшихъ Италіи прійти къ нимъ на помощь и выйти изъ нейтралитета.

Дѣйствительно, если Италія, вопреки своимъ интересамъ, пожелала бы остаться вѣрной трактату, потерявшему для нея всякое значеніе, то выступленіе Англіи лишило ее возможности вредить Франціи, такъ какъ берега ея были открыты для нападенія, а флотъ даже въ соединеніи съ австрійскимъ недостаточенъ для сопротивленія англо-французской средиземной эскадрѣ. Кромѣ того, она рисковала потерять съ такимъ трудомъ и жертвами доставшіяся ей колоніи и быть отрѣзанной отъ войскъ, до сихъ поръ еще завоевывающихъ Триполитанію.

Обречь на разрушеніе свое побережье, свои цвѣтущіе острова, подвергнуть бомбардировкѣ Геную, Ливорно, Неаполь, Палермо, Мессину было немыслимо для Италіи. Никакія компенсаціи не могли вознаградить ее за такія потери.

Огромное вліяніе на поведеніе Италіи участія въ конфликтѣ Англіи учитывалось давно. Еще въ мартѣ 1913 года полковникъ Репингтонъ писалъ въ *Таймсѣ:* „Предоставленіе нашего флота въ пользу Франціи позволяетъ нашимъ друзьямъ не безпокоиться о защитѣ ихъ береговъ, удерживаетъ Италію, особенно послѣ того, какъ она устремилась въ Африку, позволяетъ Франціи воспользоваться въ другомъ мѣстѣ своимъ

прекраснымъ альпійскимъ войскомъ и спокойно перевести въ метрополі свои африканскія и колоніальныя силы". Приняли въ соображеніе эт обстоятельство, конечно, и центральныя государства. „Въ Берлинѣ Вѣнѣ, понятно, не могли не знать,—вполнѣ справедливо указывает профессоръ Ферстеръ въ *Tag*'ѣ,—что въ случаѣ войны Англія всегд могла принудить Италію къ нейтралитету".

Эту простую истину, къ сожалѣнію, очень часто за послѣднее врем забываютъ итальянскіе патріоты и политики.

Бывшій товарищъ военнаго министра генералъ Фортунато Марацц пишетъ, напримѣръ, восхваляя вооруженный нейтралитетъ: „По моем мнѣнію, Италія могла бы считаться въ настоящее время вершител ницею судебъ Европы, потому что вѣсы военной фортуны склонятся в ту сторону, на которую она броситъ свою шпагу" („Италія въ евр пейскомъ конфликтѣ". Слово парламента при... закрытомъ парламент Римъ, 1914 г.). Депутатъ Нунціанте полагаетъ, что „не будетъ преув личеніемъ сказать, что отъ нашего поведенія зависитъ окончательны исходъ войны". (ibidem).

„Для Франціи,—утверждаетъ въ *Національной Идеѣ* Франческо Ко пола,—нашъ нейтралитетъ казался и былъ спасеніемъ, принимая во вн маніе тѣ семь или восемь итальянскихъ корпусовъ, которые маршир вали бы съ юга въ то время, какъ двадцать нѣмецкихъ корпусовъ н ступали бы съ сѣвера". Другіе, выражаясь менѣе рѣшительно, тѣм не менѣе высказываютъ мысль, что „за сохраненіе столь выгоднаго дл тройственнаго соглашенія нейтралитета (нѣкоторые въ то же самое врем спѣшатъ указать на его выгоды и для германскихъ государствъ) Итал должна будетъ получить по окончаніи войны, по крайней мѣрѣ, во можность полностью возстановить свои прежнія границы".

Подобныя рѣчи отчасти объясняются вліяніемъ остальной европей ской печати, усиленно приглашавшей Италію присоединиться каждая к своей сторонѣ и щедро обѣщавшей награды за чужой счетъ. Повинн въ этомъ и австро-нѣмецкія газеты и органы тройственнаго соглашені Но если подъ вліяніемъ газетныхъ статей можно допустить забвен роли Англіи и увлечься идеей „Италіи, вершительницы судебъ Европы то имѣлись вѣдь еще и другія обстоятельства, отнимавшія у итальян скаго правительства свободу выбора между воюющими сторонами, в крайней мѣрѣ, по минованіи перваго момента. И эти обстоятельства н могли ускользнуть отъ вниманія итальянскихъ политиковъ.

„Война за Германію и совмѣстно съ Германіей не была бы встрѣ чена съ отвращеніемъ,—говоритъ бывшій министръ народнаго просвѣ щенія Леонардо Бьянки,—но совершенно иное дѣло по отношенію к Австріи... не много найдется итальянцевъ, которые симпатизировали б нашей сосѣдкѣ". Въ Италіи ни для кого не составляетъ секрета, что

объявивъ войну за Австрію, правительству пришлось бы при данныхъ условіяхъ подавить до начала военныхъ дѣйствій серьезное возстаніе внутри страны. Пришлось бы разрушать баррикады въ Миланѣ, Туринѣ, Генуѣ, предотвратить всеобщую желѣзнодорожную забастовку, пережить вновь, но только въ неизмѣримо большихъ размѣрахъ, въ неизмѣримо большей степени недавніе „кровавые дни". Подавляющее большинство страны было бы на сторонѣ возставшихъ, и само возстаніе на этотъ разъ было бы и подготовлено и сорганизовано заранѣе. Конечно, вступивъ въ борьбу, правительство въ концѣ-концовъ побѣдило бы, но на такой шагъ не могло отважиться никакое правительство Италіи, а тѣмъ болѣе „комитетъ безвременья", не пользующійся ни особымъ престижемъ, ни особымъ вліяніемъ. Руководители крайнихъ партій въ данномъ случаѣ прекрасно учитывали свои силы. Въ этомъ отношеніи характерно заявленіе одного изъ лидеровъ итальянскаго соціализма Муссолини: „представители національныхъ экономическихъ организацій, рѣшивъ присоединиться къ забастовкѣ при однихъ обстоятельствахъ (при войнѣ противъ тройственнаго соглашенія), не соглашались взять на себя столь ужасное обязательство при другихъ условіяхъ... вотъ почему... итальянская соціалистическая партія не будетъ пытаться осуществить на практикѣ активный протестъ въ случаѣ войны съ Австріей и ограничится протестомъ идейнымъ".

Если выступленіе Англіи и рѣшительное поведеніе крайнихъ партій, на сторонѣ которыхъ было подавляющее большинство населенія, лишало правительство свободы выбора, то имѣлась еще другая причина первостепенной важности, принуждавшая Италію къ нейтралитету и лишавшая этотъ нейтралитетъ того значенія и той цѣнности, которыя ему пытались придать итальянскіе писатели и дипломаты.

„Въ августѣ мы не были готовы",—говоритъ депутатъ Иваноэ Бономи.

„Къ несчастію,—признается неоднократно бывшій товарищемъ министра Джероламо Дель Бальца,—я долженъ согласиться съ тѣмъ, что за послѣдніе годы страну обманывали какъ относительно ея финансоваго положенія, такъ и относительно боеспособности и подготовки ея войска". Факты и событія какъ недавняго прошлаго, такъ и послѣднихъ дней всецѣло подтверждаютъ ихъ слова.

Полгода тому назадъ, когда Саландра объявлялъ о составѣ своего кабинета, портфель военнаго министра не былъ еще никому врученъ. Предполагалось, что на этомъ посту останется прежній министръ, генералъ Спингарелли, но болѣзнь помѣшала ему принять приглашеніе. Тогда Саландра обратился къ командующему одной изъ миланскихъ дивизій, Порро, но и на этотъ разъ переговоры не увѣнчались успѣхомъ. Генералъ Порро высказалъ твердое убѣжденіе, что „войско, благодаря африкан-

ской кампаніи, совершенно разстроено и нуждается въ немедленной и полной реорганизаціи. Послѣ увеличеній и реформъ, произведенныхъ за послѣднее время въ другихъ европейскихъ арміяхъ, оно совершенно не въ состояніи удовлетворить своему назначенію. Недостаточенъ его мирный составъ, недостаточна артиллерія, военные магазины лишены самаго необходимаго: нѣтъ обуви, обмундировки, нѣтъ нужнаго количества припасовъ и матеріаловъ. Италія бѣдна военными дорогами, ея пограничныя крѣпости и береговыя укрѣпленія далеко не на должной высотѣ. Необходимо увеличить унтеръ-офицерскій и улучшить офицерскій составъ и т. д.". Порро упорно настаивалъ на неизбѣжности немедленнаго увеличенія мирнаго состава съ 275 тысячъ до 325, что повело бы къ росту ежегоднаго расхода на пятьдесятъ милліоновъ, и на необходимости затраты шестисотъ милліоновъ на реорганизацію арміи.

Для итальянскаго общества, привыкшаго за періодъ турецкой войны къ восхваленію національной арміи, ея силы и мощи, къ гимнамъ совершенству итальянской техники и итальянскаго оружія, мнѣніе генерала Порро было неожиданнымъ и тяжкимъ ударомъ. Въ печати поднялась цѣлая буря. Офиціальные органы пытались успокоить общественное мнѣніе, смягчивъ смыслъ утвержденій черезчуръ откровеннаго генерала, но не нашлось ни одного авторитетнаго критика, который рѣшился бы опровергнуть его заявленіе. Наоборотъ, на его сторону стали, расходясь съ нимъ лишь въ деталяхъ, виднѣйшіе военные писатели Италіи.

Редакторъ военной газеты *La Preparazione*, профессоръ Генрихъ Бароне, подтвердивъ основныя положенія Порро, заявилъ, что при современныхъ условіяхъ необходимо отпустить въ распоряженіе военной администраціи около полумилліарда, не считая уже вотированныхъ кредитовъ. Половина этихъ денегъ должна пойти на укрѣпленія и казармы, другая—на артиллерію крупнаго калибра и на различный мобилизаціонный матеріалъ. „Иначе наше войско не будетъ стоять на уровнѣ современныхъ требованій и открытій" (*La Tribuna*, 29 марта). Парламентскій докладчикъ по военной смѣтѣ, депутатъ Паисъ-Серра, тоже указалъ на то, что Италія, если не хочетъ остаться безоружной въ рѣшительную минуту, должна не терять времени. Ея войску нехватаетъ лошадей, санитарныхъ отрядовъ, осадныхъ парковъ, автомобилей. Ея воздушный флотъ нуждается въ значительномъ пополненіи.

Новое министерство, считаясь съ состояніемъ государственной кассы и съ настроеніемъ парламентскаго большинства, не согласилось на представленныя генераломъ Порро категорическія требованія и обратилось къ генералу Гранди, предложившему, по словамъ *La Tribuna* отъ 10 октября, болѣе скромныя условія, т.-е. ассигновку въ размѣрѣ двухсотъ милліоновъ. Предполагалось, что эта сумма должна хватить

на всѣ необходимые расходы, тѣмъ болѣе, что военные магазины, по крайней мѣрѣ, въ министерской декларацiи, оказались снабженными всѣмъ необходимымъ. Общественное мнѣнiе успокоилось послѣ этихъ утвержденiй, особенно послѣ того, какъ товарищемъ министра былъ назначенъ извѣстный по своей энергiи и предпрiимчивости генералъ Гассонни, проявившiй себя съ самой лучшей стороны въ Киренаикѣ. Однако, когда вспыхнула война, то обнаружилось, что за протекшее время были приняты далеко не всѣ требовавшiяся мѣры и что далеко не всѣ пробѣлы и недостачи были пополнены. Поставка новаго артиллерiйскаго матерiала задерживалась. Попрежнему недоставало обмундировки, особенно зимней. Заказанныя орудiя крупнаго калибра не прибыли. Лошадей тоже не было. Командиры отдѣльныхъ корпусовъ по долгу службы перiодически посылали рапорты о всемъ недостававшемъ въ магазинахъ отдѣльныхъ районовъ и просили о соотвѣтствующихъ распоряженiяхъ, а министерство спокойно регистрировало и распредѣляло по каталогамъ эти настойчивые рапорты, оставляя ихъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствiй. Черезчуръ же ревностные командиры получали отъ министерства указанiя на отсутствiе необходимости упорствовать въ сообщенiи фактовъ, и безъ того хорошо извѣстныхъ министерству (*Il Giornale d'Italia*, 7 октября).

За послѣднее время военное министерство постаралось проявить всю возможную энергiю и поспѣшность. Но лихорадочная торопливость и нервность не могли не отразиться на дѣлѣ. Было сдѣлано не мало промаховъ, ошибокъ, упущенiй.

Посыпались королевскiе декреты объ отпускахъ нужныхъ суммъ. 16 августа было ассигновано шесть съ половиной миллiоновъ на покупку зерна для войска, 21 августа присоединяется къ суммѣ обычныхъ военныхъ расходовъ 21.212,000 лиръ на содержанiе увеличеннаго состава и выдается 79.800,000 лиръ на экипировку и другiе расходы. 5 сентября разрѣшается военной администрацiи покупка зерна, кофе, сахара на тридцать три миллiона и, сверхъ того, отпускается шесть миллiоновъ на казармы и два—на медикаменты. 9 октября слѣдуетъ новое ассигнованiе въ размѣрѣ 160 миллiоновъ на нужды войска и 17 миллiоновъ на нужды флота. Въ общей суммѣ это составляетъ около 341 миллiона лиръ, потраченныхъ на нужды войска отъ начала европейской войны. Всѣ эти мѣры теперь, конечно, безсильны поставить армiю на нужный уровень и дать ей необходимую боеспособность. Нельзя внезапно создать орудiя, возвести крѣпости, обучить людей. Кромѣ денегъ, для этого необходимо и время. По мнѣнiю спецiалистовъ, Италiи, чтобы быть готовой къ выступленiю, придется долго собираться съ силами. До новаго года, а можетъ быть, даже до весны ей надо будетъ избѣгать рѣшительныхъ дѣйствiй.

„О чемъ же думали раньше наши министры? Какъ могли они довести страну до такого позора?—спрашиваютъ теперь со всѣхъ сторонъ.—Какъ можно надѣяться на правительство и вѣрить ему, когда оно въ теченіе долгихъ лѣтъ не могло поставить войска на должную высоту, когда оно оказалось виновнымъ въ преступной небрежности въ дѣлѣ подготовки народной обороны, когда оно не воспользовалось временемъ процвѣтанія нашихъ финансовъ и благопріятнымъ политическимъ моментомъ... Страна и парламентъ никогда не отказывали въ просимыхъ у нихъ суммахъ на армію и флотъ. Кто же, кромѣ правительства, виновенъ теперь въ тѣхъ пробѣлахъ, которые обнаружены въ настоящее время въ нашей боевой подготовкѣ“. Такъ пишетъ консервативный *Corriere della Sera*.

Отвѣтственность правительства, поставившаго страну въ безвыходное положеніе, конечно, велика. Его ошибка могла послужить причиной величайшихъ бѣдствій для страны, и, быть можетъ, еще не миновала до сихъ поръ эта опасность, но причины, побудившія правительство поступить именно такъ, вполнѣ ясны и понятны.

По заключеніи въ Лозаннѣ мира тогдашнее министерство очутилось передъ трудной дилеммой: война истощила кассу и дезорганизовала войска; исцѣлить оба зла было невозможно, нужно было выбрать и либо привести въ порядокъ совершенно разстроенные финансы страны, не думая о войскѣ, либо поставить во главу угла военную реформу, отказавшись надолго отъ финансоваго оздоровленія Италіи. Стремленіе поднять благосостояніе страны взяло верхъ, и армія должна была ограничиться смѣтой, немногимъ превышающей нормальную. Такая линія поведенія диктовалась прежде всего тѣмъ соображеніемъ, что послѣ балканскаго кризиса общеевропейское положеніе считалось не внушавшимъ никакихъ опасеній. Господствовало убѣжденіе, что въ Европѣ не можетъ быть войны между двумя великими державами, которая не повела бы неизбѣжно къ европейскому или даже міровому конфликту. Возможность же такого конфликта совершенно не допускалась. Во-вторыхъ, устранивъ въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ финансовыя затрудненія, можно было безъ особаго труда получить необходимыя на траты суммы, давъ, кромѣ того, войску вооруженіе по послѣднимъ моделямъ и поставивъ его такимъ образомъ сразу наравнѣ съ наиболѣе передовыми арміями. Такова была программа предыдущаго кабинета, послушнымъ исполнителемъ воли котораго былъ генералъ Спингарелли. Такой же программы намѣревался придерживаться и Саландра, обратившійся сначала съ предложеніемъ сотрудничать къ Спингарелли. Генералъ Порро своими заявленіями, надѣлавшими слишкомъ много шуму, заставилъ измѣнить первоначальный планъ, но только отчасти. Чтобы успокоить общественное мнѣніе страны, были сдѣланы

:рупныя ассигновки, было обѣщано „принять самыя энергичныя мѣры“, ;ыли сдѣланы даже не соотвѣтствовавшія дѣйствительности заявленія, ;родѣ, напримѣръ, утвержденія, что военные магазины снабжены всѣмъ ;еобходимымъ, но по существу въ военномъ министерствѣ все шло по-тарому до самаго послѣдняго времени.

Боевая неподготовленность Италіи въ значительной степени обезцѣ-ивaетъ ея нейтралитетъ и заставляетъ его охарактеризовать не какъ ,бдительный и вооруженный“ или продиктованный какими-либо высшими ;асовыми либо идеологическими соображеніями, а какъ нейтралитетъ ынужденный, нейтралитетъ безсилія. Это—національная трагедія, но въ о же время это логическое неизбѣжное слѣдствіе всей предыдущей олитики Италіи, ея африканской войны, ея разстроенныхъ финансовъ. Іри свѣтѣ этого факта становится, пожалуй, понятнымъ отношеніе къ Італіи центральныхъ государствъ. Для нихъ она представляла, можетъ ыть, „quantité négligeable“ и какъ союзница и какъ возможный врагъ.)ни предвидѣли, что при ея подготовкѣ и при состояніи ея государ-твенной кассы она будетъ надолго отстранена отъ конфликта, и не очли нужнымъ посвящать ее въ свои планы и намѣренія. Такое по-еденіе съ ихъ стороны было тѣмъ болѣе цѣлесообразно, что они рѣши-ельно не могли ожидать, какъ это было указано выше, выступленія Італіи въ свою пользу, благодаря слабости ея флота и незащищенности я береговъ. Кромѣ того, такому выступленію оказало бы энергичное ротиводѣйствіе общественное мнѣніе страны, враждебное Австріи. Два ослѣднихъ фактора могутъ еще сыграть опредѣленную роль для вы-гупленія Италіи, когда она соберется съ силами и средствами. Стимуломъ ля лихорадочной подготовки и для послѣдующаго возможнаго отказа гъ нейтралитета можетъ служить при указанныхъ выше обстоятель-гвахъ „славянская опасность“, стремленіе предохранить отъ новаго за-вата земли, считаемыя Италіей своими. Во всякомъ случаѣ врядъ ли въ лижайшемъ будущемъ дѣйствія Италіи будутъ направляться благоже-ательными чувствами къ Франціи, ея соперницѣ на Средиземномъ морѣ, ли сообразоваться съ существованіемъ трактата тройственнаго союза, гмѣненнаго de facto съ обѣихъ сторонъ съ объявленіемъ войны и не редставляющаго для Италіи въ настоящее время никакой цѣнности.

В. Н. Рихтеръ.

Друзья и гости Ясной Поляны.

Шведъ Абраамъ фонъ-Бунде.

Онъ пріѣхалъ въ Ясную Поляну ранней весной голоднаго 1892 года. Въ то время въ Ясной никого не было. Мать съ младшими дѣтьми жила въ Москвѣ, а отецъ съ нами, двумя старшими дочерьми, жилъ въ Бѣгичевкѣ, имѣніи Раевскихъ въ Рязанской губерніи, устраивая столовыя для голодающихъ крестьянъ.

Не найдя никого въ Ясной, шведъ оттуда направилъ свой путь въ Бѣгичевку. Пріѣхавъ туда, онъ тамъ поселился, какъ будто это мѣсто было мѣстомъ его назначенія на всю жизнь.

30 апрѣля 1892 года отецъ пишетъ матери въ Москву: „Нынче пріѣхалъ оригинальный старикъ шведъ изъ Индіи...“ А 2 мая онъ пишетъ о немъ подробнѣе: „Еще три дня тому назадъ явился къ намъ старикъ, 70-тилѣтній шведъ, жившій 30 лѣтъ въ Америкѣ, побывавшій въ Китаѣ, въ Индіи, въ Японіи. Длинные волосы, желто-сѣдые, такая же борода, маленькій ростомъ, огромная шляпа, оборванный, немного на меня похожъ; проповѣдникъ жизни по закону природы. Прекрасно говоритъ по-англійски, очень уменъ, оригиналенъ и интересенъ. Хочетъ жить гдѣ-нибудь (онъ былъ въ Ясной), научить людей, какъ можно прокормить 10 человѣкъ одному съ 400 саженъ земли безъ рабочаго скота, одной лопатой. Я писалъ Черткову о немъ и хочу направить его къ нему. А пока онъ тутъ копаетъ подъ картофель и проповѣдуетъ намъ. Онъ вегетаріанецъ безъ молока и яицъ, предпочитаетъ все сырое. Ходитъ босой, спитъ на полу, подкладываетъ подъ голову бутылку и т. п.“.

Черезъ нѣсколько дней отецъ опять въ своемъ письмѣ поминаетъ о немъ: „Теперь 9 часовъ вечера, суббота. За столомъ, на которомъ стоитъ самоваръ, который шведъ называетъ „идоломъ“, сидятъ: (идетъ перечень лицъ, сидящихъ за столомъ) и шведъ, съѣвшій яблоко и больше ничего не желающій. Про него говорятъ, что онъ самый антихристъ; онъ обѣщаетъ прокормить 20 человѣкъ на осьминникѣ, и копаетъ уже, но съ уговоромъ, чтобы ему душу продать“.

Отецъ не писалъ матери въ Москву, боясь ее встревожить, о томъ, что онъ увлекся теоріей сырого питанія, проповѣдуемой шведомъ, и что онъ вмѣстѣ съ нимъ ѣлъ его первобытную пищу. Кромѣ сырыхъ яблокъ, шведъ готовилъ какія-то лепешки, которыя онъ ѣлъ тоже сырыми, и пилъ болтушку изъ овсяной муки съ водой. Тяжелыя, какъ камень, лепешки, конечно, совершенно разстроили здоровье отца, который всю жизнь страдалъ болями желудка, и онъ сильно поплатился за свое увлеченіе. Онъ пишетъ матери уже послѣ припадка, что у него „2-го мая были довольно сильныя боли въ животѣ, похожія на тѣ, которыя бывали у меня при камняхъ“.

Но мать была уже освѣдомлена о случившемся еще раньше и, до прихода письма отца въ Москву, летѣла уже въ Бѣгичевку. Дѣло въ томъ, что хозяйка имѣнія, въ которомъ мы жили съ отцомъ, Е. П. Раевская, испугавшись болѣзни отца, послала матери письмо или телеграмму, предупреждая ее въ томъ, что въ Бѣгичевкѣ поселился какой-то сумасшедшій старый шведъ, кормящій Льва Николаевича сырой болтушкой, отъ которой Левъ Николаевичъ сильно заболѣлъ желудкомъ, и что шведа надо укротить, иначе за здоровье Льва Николаевича нельзя ручаться.

Въ то время я была въ Москвѣ, такъ какъ, заболѣвъ на голодѣ, я пріѣхала на нѣсколько дней къ матери отдохнуть и поправиться. Мать оставила на меня младшихъ дѣтей и сама поѣхала въ Бѣгичевку „наводить порядки“.

Когда она туда пріѣхала, отецъ уже совсѣмъ поправился.

„Я застала папа здоровымъ, — пишетъ мнѣ мать изъ Бѣгичевки 6-го мая 1892 года,—за столомъ съ огромной компаніей всѣхъ сотрудниковъ, двѣ Философовы и шведъ, спящій на полу...“ Дальше она пишетъ, почему-то называя шведа норвежцемъ: „Норвежецъ уѣдетъ, и совершенно дружелюбно; этого особенно хочетъ и Елена Павловна (Раевская, хозяйка Бѣгичевки)“.

На другой день она пишетъ мнѣ: „Старикъ изъ Норвегіи босой и грязный—человѣкъ убѣжденій крайнихъ, но мнѣ не симпатичный. Идеалъ его—health, и во имя здоровья — вся теорія. Нравственныхъ идеаловъ, духовныхъ—никакихъ. Былъ богатъ—скучалъ, болѣлъ. Понялъ, что простота, первобытность жизни даютъ здоровье и спокойствіе, и достигъ ихъ. Лежитъ, какъ корова, на травѣ, копаетъ землю, пополощется въ Дону, ѣстъ очень много, лежитъ въ кухнѣ—и только. Мы ему очень деликатно сказали, что Елена Павловна пріѣдетъ и что ему надо уѣзжать, и онъ обѣщалъ уѣхать“.

Мать пробыла въ Бѣгичевкѣ дня два-три, наладила питаніе отца и опять уѣхала въ Москву къ своимъ младшимъ дѣтямъ.

Шведъ, вѣроятно, почувствовалъ, что онъ не пришелся по сердцу

моей матери, такъ какъ послѣ ея отъѣзда, въ первомъ же своемъ письмѣ къ ней, отецъ пишетъ: „Шведъ грустенъ, сидитъ въ уголкѣ и зябнетъ, но говоритъ все также радикально и умно“. „Шведъ все также похожъ на пророка Іеремію, и интересенъ“, пишетъ отецъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ матери изъ Бѣгичевки, 16 мая 1892 года.

Вскорѣ послѣ этого мы всѣ на время съѣхались въ Ясной Полянѣ, чтобы хоть нѣсколько недѣль пожить вмѣстѣ.

Мать со мной и младшими дѣтьми пріѣхала изъ Москвы, а отецъ съ сестрой Машей, поручивъ временно дѣло столовыхъ нашимъ сотрудникамъ, пріѣхалъ изъ Бѣгичевки.

Шведа отецъ съ собой не взялъ, прося его пріѣхать на слѣдующій день послѣ него и обѣщая прислать за нимъ экипажъ въ Тулу на сызрано-вяземскій вокзалъ.

— Когда я ѣзжу одинъ по желѣзнымъ дорогамъ, то меня стѣсняетъ то, что на меня обращаютъ вниманіе. А везти съ собой своего двойника, да еще полуголаго — на это у меня не хватило мужества!—сказалъ онъ намъ, пріѣхавъ въ Ясную.

На другой день я пошла по дорогѣ въ Тулу, чтобы встрѣтить шведа. Онъ меня очень интересовалъ, и мнѣ хотѣлось поскорѣе съ нимъ познакомиться, а кромѣ того, я чувствовала, что мнѣ придется защищать его отъ антипатіи къ нему матери, которую она, не скрывая, выражала.

Помимо этого, меня тревожила мысль о молодой лошади, которую я послала въ Тулу за шведомъ, такъ какъ она была не смирна и пуглива.

Не дойдя до шоссе, я увидала спускающуюся съ горы плетушку. Когда она поровнялась со мной, кучеръ остановилъ лошадь, и я увидала сидящее въ телѣжкѣ очень странное существо. Туловище его было закутано въ малиновое байковое одѣяло; изжелта-бѣлая борода высовывалась изъ-за одѣяла. Внимательные и, какъ мнѣ показалось, недобрые глаза выглядывали изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей. На головѣ была большая, потерявшая всякую форму, фетровая шляпа. Ноги до колѣнъ были голыя.

— Я никогда въ жизни больше не поѣду на лошади, — сталъ онъ говорить мнѣ по-англійски, не поздоровавшись и не спросивъ, съ кѣмъ онъ говоритъ.

— Почему?—спросила я.

— Потому что это жестоко и опасно,—отвѣтилъ онъ.

„Охъ, натворила что-нибудь моя Кандауриха,—подумала я,—не даромъ я за нее боялась“.

Кучеръ разсказалъ мнѣ, что въ то время, какъ они ѣхали въ Тулѣ по Кіевской улицѣ, Кандауриха чего-то испугалась и подхватила, и,

какъ на грѣхъ, изъ телѣжки выскочилъ шкворень, и шведъ съ кузовомъ и задними колесами остался одинъ посреди улицы, а лошадь съ передками убѣжала. Къ счастью, кучеръ не выпустилъ изъ рукъ вожжей, такъ что ему скоро удалось остановить лошадь и все привести въ порядокъ.

Я сѣла къ шведу въ телѣжку и доѣхала съ нимъ до дома. По дорогѣ мы съ нимъ разговорились, и глаза у него уже перестали быть сердитыми, а смотрѣли на меня дружелюбно.

Шведа въ Ясной приняли холодно. Отецъ давно не былъ дома, и давно не пользовался досугомъ для своихъ литературныхъ работъ. Кромѣ того, въ то время онъ былъ озабоченъ происходившимъ въ нашей семьѣ романомъ, и ему было не до шведа. А мать, какъ сначала его не взлюбила, такъ и осталась вѣрна своей антипатіи до конца. Въ Ясной она чувствовала себя въ силахъ противодѣйствовать проповѣдуемымъ шведомъ сырымъ лепешкамъ и овсяной болтушкѣ, поэтому она не протестовала противъ того, чтобы онъ оставался у насъ, но ни интереса, ни симпатіи она къ нему не испытывала. Я же скоро съ нимъ подружилась.

Онъ разсказалъ мнѣ свою исторію.

Сколько въ этой исторіи правды и сколько въ ней преувеличеннаго и выдуманнаго, я не берусь судить, а разскажу ее такъ, какъ онъ ее разсказывалъ.

Исторія начинается съ того мѣста, когда онъ, будучи богатымъ домовладѣльцемъ въ Нью-Іоркѣ, разъ услыхалъ, какъ бѣдная женщина, нанимавшая въ одномъ изъ его домовъ подвальный этажъ, жаловалась на свою судьбу и проклинала его, богатаго кровопійцу, за то, что онъ, давая имъ сырое подземелье, за это отнимаетъ у нея послѣдніе ея гроши.

— Я почувствовалъ правду ея словъ, и мое душевное спокойствіе нарушилось. Я пересталъ быть счастливымъ. Такъ какъ наше назначеніе на землѣ—счастье, то я и спросилъ себя: зачѣмъ мнѣ мои богатства, если они приносятъ мнѣ страданія? И я подумалъ: какъ сдѣлать, чтобы опять быть счастливымъ? И я рѣшилъ попробовать отдать всѣ квартиры своего дома даромъ. Женщина, упрекавшая меня, стала упрекать меня еще сильнѣе. „А кто заплатитъ мнѣ за тѣ года горя и лишенія,—кричала она,—которые мы терпѣли, когда, угрожая намъ выселеніемъ изъ сырого подвала на улицу, этотъ кровопійца вымогалъ у насъ наши пòтомъ и кровью добытыя деньги?“ Вмѣсто счастья начался адъ. Тогда я бѣжалъ. Я уѣхалъ въ Индію и жилъ тамъ своимъ трудомъ. Тамъ я услыхалъ о Толстомъ. That's the man for me! Вотъ это человѣкъ для меня!—подумалъ я.—Я буду жить у него и учить его дѣтей физіологіи, для того, чтобы они узнали законы природы и научились жить согласно

имъ и быть счастливыми. Буду у него работать на землѣ... Вотъ что я подумалъ и отправился къ нему. И вотъ я здѣсь...“

Учить насъ физіологіи бѣдному Абрааму не удалось, а на землѣ работать онъ и самъ не пытался. Я думаю, что, начавши въ Бѣгичевкѣ лопатой копать землю подъ картофель, онъ почувствовалъ, что это свыше его 70-лѣтнихъ силъ и отказался отъ этой работы навсегда.

Онъ жилъ въ Ясной, изо дня въ день чувствуя, что онъ не ко двору и что хозяйкѣ дома онъ не по душѣ.

Его уроки физіологіи сводились къ тому, что онъ тыкалъ всякую женщину въ бокъ, чтобы ощупать, носитъ ли она корсетъ, и если таковой оказывался, то онъ проповѣдовалъ о вредѣ его, а если его не было, то онъ за это хвалилъ. Вообще онъ находилъ, что надо носить всегда какъ можно меньше одежды. Спалъ онъ подъ малиновымъ байковымъ одѣяломъ, которое, какъ потомъ оказалось, онъ безъ всякаго спроса увезъ отъ Раевскихъ, носилъ только открытую до пояса рубаху и короткія панталоны, которыя онъ то и дѣло подтягивалъ выше колѣнъ. Обуви онъ не носилъ и даже вовсе не имѣлъ.

Кромѣ малиноваго одѣяла, у него былъ еще длинный оборванный старый халатъ, который онъ надѣвалъ, когда ему бывало холодно.

Спалъ онъ на балконѣ прямо на полу, безъ всякой постели. Подъ голову онъ клалъ пустую бутылку, находя, что подушка, грѣя голову и затыкая ухо, вредна для здоровья.

Ѣлъ онъ свою болтушку и изрѣдка какіе-нибудь овощи, подаваемые у насъ къ обѣду.

Разъ я предложила ему молока.

— Моя мать давно уже умерла,—отвѣтилъ онъ, мрачно посмотрѣвъ на меня.

Такъ какъ я не поняла связи между моимъ предложеніемъ и его отвѣтомъ, то я вытаращила на него глаза.

— Это единственное молоко, на которое я имѣлъ право,—объяснилъ мнѣ шведъ,—а коровье молоко принадлежитъ теленку.

Ясно-полянскіе служащіе съ большимъ презрѣніемъ и возмущеніемъ смотрѣли на шведа, и нашъ слуга иногда предупреждалъ меня и сестру о томъ, чтобы мы не ходили на террасу, такъ какъ шведъ тамъ лежалъ въ слишкомъ большомъ „безбѣльѣ“.

Я разъ попросила Абраама попозировать мнѣ, чтобы сдѣлать съ него набросокъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—только подождите минутку, я раздѣнусь донага. Нѣтъ ничего прекраснѣе человѣческаго тѣла и его надо изображать нагимъ.

Но я предпочла все же нарисовать его одѣтымъ, хотя онъ для такого наброска не такъ охотно позировалъ.

Какъ-то разъ, идя по парку, моя мать около пруда наткнулась на прогуливающуюся по травѣ голую фигуру. Всматривается—шведъ!

Абраамъ, увидавши ее, нисколько этимъ не смутился, не поторопился спрятаться, а продолжалъ спокойно прохаживаться взадъ и впередъ по солнцу.

На травѣ лежало его бѣлье, которое онъ только что выстиралъ въ пруду. Такъ какъ у него не было перемѣны, то ему приходилось раздѣтымъ дожидаться, пока его единственная смѣна высыхала на солнцѣ.

Мать была возмущена.

Атмосфера недоброжелательства къ шведу въ Ясной все сгущалась, пока не дошло до изгнанія бѣднаго Абраама изъ нашего дома.

Дѣло было такъ. Въ Ясную Поляну пріѣхалъ молодой нарядный французъ M-r Huret, rédacteur au *Figaro*. Онъ пріѣхалъ къ отцу, чтобы разспросить его о голодѣ и написать по этому поводу статью.

Была середина лѣта, было жарко, и мы пили чай подъ деревьями передъ ясно-полянскимъ домомъ. Huret попросилъ у дамъ позволенія закурить и, получивши его, вынулъ сигару и зажегъ ее. Шведъ, сидѣвшій тутъ же, съ нескрываемымъ отвращеніемъ смотрѣлъ на француза и, когда тотъ закурилъ, обратился ко мнѣ, какъ всегда, по-англійски, прося меня перевести французу слѣдующее:

— Спросите у этого человѣка,—сказалъ онъ,—хочетъ ли онъ, чтобы я ему плюнулъ въ лицо?

Я видѣла, какъ моя мать со страхомъ взглянула на меня, надѣясь, что я не исполню просьбы шведа. Но я была молода, во мнѣ было много озорства, и я собиралась позабавиться предстоящимъ поединкомъ. Я быстро взглянула на отца и, замѣтивъ, что онъ съ нѣкоторымъ веселымъ лукавствомъ смотрѣлъ на меня, смѣло и громко сказала:

— M-r Huret, ce monsieur vous demande, si vous voulez qu'il vous crache à la figure?

Huret всего передернуло, и онъ не то съ смущеніемъ, не то съ достоинствомъ спросилъ:

— Mais... pourquoi?

Я передала шведу, что французъ спрашиваетъ: „почему?“

— Скажите ему,—сказалъ шведъ,—что мнѣ тошно отъ запаха дыма, который онъ пускаетъ.

Я перевела.

— А вы ему скажите,—кипятясь, сказалъ французъ,—что дамы мнѣ позволили курить, и что я на него не обращаю вниманія, тѣмъ болѣе, что если бы я это сдѣлалъ, то мнѣ было бы тошно отъ вида его грязныхъ ногъ.

— Онъ лжетъ,—спокойно отвѣтилъ шведъ, когда я перевела ему то, что сказалъ французъ.—Скажите ему, что онъ лжетъ, такъ какъ

отъ вида грязи тошно не можетъ быть, а отъ смраднаго дыма не можетъ не быть тошно, непріятно и вредно.

Мать бросала въ мою сторону взгляды ужаса, но я уже не хотѣла остановиться, тѣмъ болѣе, что меня поощрялъ къ этому веселый огонекъ, который я замѣчала въ глазахъ отца.

Наконецъ, французъ совсѣмъ разгорячился и сталъ говорить, что если бы не „ces dames“, то онъ надавалъ бы „des giffles“ старому нахалу.

Тутъ чувство гостепріимства моей матери взяло верхъ, и она сочла нужнымъ вступиться за своего гостя француза. Волнуясь и сердясь, она по-англійски сказала шведу, что если онъ хочетъ быть невѣжливымъ съ ея гостями, то можетъ отправляться изъ Ясной Поляны куда угодно.

Съ той же невозмутимостью и съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ которыми онъ говорилъ съ французомъ, шведъ обратился къ моей матери:

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ ей,—что у меня на земномъ шарѣ есть пять акровъ земли...

— Такъ и отправляйтесь на нихъ,—перебила его моя мать.

— Я сдѣлалъ расчетъ,—продолжалъ шведъ,—что всякій человѣкъ имѣетъ право на пять акровъ земли на нашей планетѣ. Я, какъ всякій другой, имѣю право на свои пять акровъ. Я желаю взять эти пять акровъ здѣсь.

— Но я этого не желаю!—опять перебила его моя мать.—Берите ваши пять акровъ гдѣ хотите, но не въ Ясной Полянѣ!

— Хорошо,—покорно сказалъ старый шведъ,—если вы такъ этому противитесь, я могу ихъ здѣсь не брать. Но вы не можете мнѣ отказать въ такомъ количествѣ земли, которое занимаютъ мои двѣ ступни. Вотъ столько,—сказалъ онъ, кладя свои двѣ ладони на столъ, чтобы показать, сколько земли онъ хочетъ занять.

Мать не пожелала дать ему и столько.

И рѣшено было шведа выселить изъ Ясной Поляны.

Тогда я предложила ему переѣхать въ мое имѣніе Овсянниково, отстоящее отъ Ясной въ 7 верстахъ, въ которомъ стоялъ незанятый небольшой деревянный домъ.

Такъ какъ въ домѣ не было никакой мебели, то я спросила шведа, что ему туда привезти.

— Одну пустую бутылку,—сказалъ онъ.

Я не стала настаивать, и съ этой незатѣйливой меблировкой шведъ переселился въ Овсянниково.

Въ овсянниковской усадьбѣ жили—въ одной избѣ наша пріятельница М. А. Шмидтъ, а въ другой—сторожъ. Ни Марья Александровна, ни, тѣмъ паче, сторожъ не говорили по-англійски, а шведъ не говорилъ по-русски, такъ что онъ былъ обреченъ съ ними на молчаніе.

Иногда мой отецъ ѣзжалъ къ нему верхомъ, часто и я верхомъ или пѣшкомъ бывала въ Овсянниковѣ, и тогда шведъ отводилъ душу разговорами и проповѣдями о простой жизни. Часто я важивала туда своихъ гостей, а иногда шведа навѣщала семья тогдашняго тульскаго губернатора Зиновьева, жившая на дачѣ въ сосѣдствѣ отъ Овсянникова. Съ нею пріѣзжалъ туда и тогдашній вице-губернаторъ И. М. Леонтьевъ, прекрасно говорившій по-англійски.

Врядъ ли Абраамъ убѣдилъ кого-либо въ необходимости естественной жизни, но его слушали съ интересомъ, такъ какъ онъ прекрасно говорилъ—горячо, искренно и убѣдительно. А его старческая фигура, напоминавшая пророка Іеремію на фрескахъ Микель-Анджело, и красивые широкіе жесты были очень живописны.

Когда онъ оставался одинъ въ Овсянниковѣ, то, сидя на полу въ пустомъ домѣ, онъ писалъ свои записки. Онъ давалъ мнѣ ихъ читать: онѣ были написаны по-англійски какой-то странной орѳографіей его собственнаго изобрѣтенія. Онъ говорилъ, что онъ упростилъ сложную и нелѣпую англійскую орѳографію, но мнѣ, привыкшей къ ходячей орѳографіи, трудно было разбирать написанное имъ. Кромѣ того, мнѣ казалось, что то, что онъ говорилъ, было гораздо лучше того, что онъ писалъ.

Ночью Абраамъ ложился спать въ своей пустой комнатѣ прямо на деревянный полъ, подложивъ пустую бутытку подъ шею.

Моему женскому сердцу казалось, что старику иногда должно было бывать грустно и одиноко въ этой глухой, заросшей усадебкѣ, въ которой жили калѣка сторожъ и старая, слабая, всегда занятая старушка, съ которыми онъ не могъ имѣть никакого общенія. Но онъ не жаловался. Онъ жилъ весь въ своихъ мысляхъ.

Среди лѣта мы съ отцомъ должны были уѣхать опять въ Бѣгичевку по дѣламъ столовыхъ. Но отецъ захворалъ, и меня отправили туда одну. Всѣ обѣщали мнѣ писать, и, дѣйствительно, съ первой же почтой я получила письма отъ обоихъ родителей, сестры Маши и другихъ. Отецъ писалъ мнѣ нѣсколько порученій и нѣсколько нѣжныхъ, поощрительныхъ словъ. Мать писала мнѣ обо всемъ, что дѣлалось въ Ясной Полянѣ, и, между прочимъ, о шведѣ: „Былъ шведъ, обѣдалъ, внушалъ Зандеру [1]) что-то о медицинѣ, и голосъ его заглушалъ всѣхъ, что было очень скучно“.

Осенью, когда вся наша семья собралась уѣзжать изъ Ясной Поляны, собрался и Абраамъ. Онъ самъ опредѣленно не зналъ, куда онъ поѣдетъ. Денегъ у него было всего 200 рублей, которые онъ, пріѣхавъ

---

[1]) Жившій въ Ясной Полянѣ въ качествѣ репетитора моихъ братьевъ студентъ медикъ.

въ Бѣгичевку, хотѣлъ отдать отцу для голодающихъ, но которые отецъ отъ него не принялъ, не желая оставлять Абраама совсѣмъ безъ денегъ.

Уѣхавъ, Абраамъ забылъ въ Ясной Полянѣ свои часы съ цѣпочкой, къ которой были еще прикрѣплены компасъ и какіе-то инструменты. Мы отослали ему эти вещи въ Швецію, по тому адресу, который онъ намъ оставилъ. Черезъ нѣсколько недѣль мы получили посылку обратно за ненахожденіемъ адресата.

Куда онъ уѣхалъ? Гдѣ онъ скитался? Долго ли еще прожилъ? Гдѣ сложилъ онъ свои старыя кости?—все это вопросы, на которые намъ никогда не пришлось получить отвѣта.

Т. Сухотина-Толстая.

Къ исторіи русско-германскихъ отношеній въ новѣйшее время.

I. Безъ маски [1]).

Когда редакторъ *Русской Мысли* потребовалъ отъ меня очерка исторіи русско-германскихъ отношеній, мнѣ показалось *прежде всего* интереснымъ коснуться не того, что писали германскіе дипломаты и какъ поступали германскіе государи, но того, о чемъ они думали и *мечтали*, когда имѣли дѣло съ Россіею. Судьбѣ угодно было до послѣдней степени облегчить разрѣшеніе этой задачи: историку незачѣмъ въ данномъ случаѣ заниматься чтеніемъ въ мысляхъ и сердцахъ. Ему достаточно внимательно изучить одну у насъ почти забытую, но въ Германіи отнюдь не забытую, напротивъ, весьма популярную книжку. Эта книжка, съ восторгомъ встрѣченная вліятельнѣйшею консервативною нѣмецкою печатью, есть основная догма руссовѣдѣнія въ тѣхъ сферахъ германской имперіи, которыя единственно и являются тамъ отвѣтственными за внѣшнюю (да, въ сущности, и за внутреннюю) политику государства. Всякій сколько-нибудь постоянный читатель *Kreuzzeitung, Tägliche Rundschau, Münchener Neueste Nachrichten*—я нарочно назвалъ довольно несхожіе въ оттѣнкахъ органы—прочтя предлагаемую замѣтку, признаетъ, что идеи Гена о Россіи—съ прямою ссылкою на его книгу или безъ ссылки—широчайшимъ образомъ распространены и постоянно попадаются въ консервативной, имперіалистической, патріотической прессѣ Германіи. Но только тамъ онѣ все же болѣе или менѣе замаскированы (хотя и тамъ иногда являются почти безъ маски). Генъ говоритъ полнымъ голосомъ то, о чемъ Теодоръ Шиманъ и *Kreuzzeitung* говорятъ вполголоса и о чемъ Вильгельмъ съ Бетманомъ-Гольвегомъ принуждены были только шептать (по крайней мѣрѣ, до 19 іюля 1914 года, когда стало возможнымъ выбрать любой діапазонъ).

---

[1]) См. ниже замѣчанія въ статьѣ П. Б. Струве.

Ред.

Болѣе поучительнаго психологическаго документа, нежели книжка Гена, не выдумать. Могу, по крайней мѣрѣ, признаться въ слѣдующемъ: зная,—смѣю думать,—довольно полно всю достаточно поучительную дипломатическую и военную исторію взаимоотношеній германскаго правительства и Россіи, я всетаки *только* послѣ прочтенія книжки Гена вполнѣ отчетливо понялъ, въ сосѣдствѣ съ какимъ смертельнымъ врагомъ живетъ Россія. Генъ договорилъ то, отъ чего стремятся отвлечь вниманіе ласковыя дипломатическія депеши и чего не досказываютъ самыя рѣзкія газетныя статьи.

И всякому разсказу о *словахъ* и *поступкахъ* германскихъ правящихъ сферъ должно быть предпослано, повторяю, хотя бы краткое повѣствованіе объ ихъ *мысляхъ* и *чувствахъ*. Послѣ Гена для насъ въ этой области *все* будетъ ясно, какъ на ладони,—все, отъ громаднаго Бисмарка до крошечнаго кронпринца. Рѣдко историку попадается въ руки такая крѣпкая и надежная Аріаднина нить, какъ въ данномъ случаѣ.

Викторъ Генъ (1813—1890 гг.) самъ по себѣ—цѣлый психологическій романъ на тему о русско-нѣмецкихъ отношеніяхъ,—романъ, авторомъ котораго была сама жизнь. Прибалтійскій уроженецъ, сначала лекторъ дерптскаго (юрьевскаго) университета, потомъ библіотекарь Императорской публичной библіотеки, выслужившій пенсію, получившій на службѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и потомственное дворянское достоинство и сейчасъ же перебравшійся доживать свой долгій вѣкъ въ Берлинъ, Генъ,—такъ представляется читателю его книги,—всѣ семьдесятъ семь лѣтъ своей жизни проклокоталъ какою-то изступленною злобою и ненавистью къ странѣ, которая его кормила, давала ему чины и награды, отъ которой онъ получилъ то, что едва ли caeteris paribus ему дала бы Германія. Мнѣ вспоминается тяжелое недоумѣніе, вызванное появленіемъ его книжки „De moribus ruthenorum“ (Stuttgart, 1892) въ покойномъ Н. К. Михайловскомъ, который какъ-то выразился (въ печати), что именно подобныя произведенія вполнѣ могутъ пробудить въ обществѣ дремлющій инстинктъ національнаго озлобленія, породить отвѣтный взрывъ.

Интересный ученый, авторъ замѣчательнаго и выдержавшаго много изданій изслѣдованія о миграціи животныхъ и растеній („Kulturpflanzen und Hausthiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Europa“), Генъ былъ, вообще говоря, человѣкомъ умнымъ и начитаннымъ. По убѣжденіямъ своимъ онъ, особенно къ концу жизни, окончательно застылъ въ упорномъ и раздраженномъ консерватизмѣ, въ „культѣ“ внѣшней и внутренней политики Бисмарка (что нѣмецкіе біографы Гена отмѣчаютъ съ видимымъ восхищеніемъ). Его книжка, единственно тутъ насъ интересующая, составилась изъ дневниковъ и замѣтокъ, найденныхъ,

собранныхъ и изданныхъ уже послѣ его смерти весьма родственнымъ ему по духу историкомъ (и передовикомъ изъ *Kreuzzeitung*) Теодоромъ Шиманомъ, однимъ изъ его близкихъ друзей.

Эта книжка—поэма ненависти и злобнаго презрѣнія къ русскому народу. Нечего и говорить, что Генъ органически *не понимаетъ* ни русской натуры, ни русской исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искреннѣйше считаетъ себя глубокимъ, проникновеннымъ знатокомъ русской души, русскаго человѣка. Нечего и говорить также, что критики по существу, опроверженій и протестовъ афоризмы Гена не заслуживаютъ: это значило бы оказывать имъ слишкомъ много чести. Русскій народъ и Викторъ Генъ—величины слишкомъ несравнимыя; и книжка Гена есть, прежде всего, явленіе своеобразно-патологическое, интересное съ точки зрѣнія характеристики автора (буде подобная тема кого-либо привлекла бы). Если съ его произведеніемъ все же слѣдуетъ ознакомиться (отнюдь не унижаясь при этомъ до критики), то, повторяю, исключительно потому, что эта книжка имѣла въ Германіи немалый кругъ читателей, что профессоръ и публицистъ, личный пріятель Вильгельма II Шиманъ и его послѣдователи вполнѣ съ Геномъ согласны, что, словомъ, бѣшеная злоба Виктора Гена говоритъ о многомъ такомъ, о чемъ другіе либо не имѣли случая высказаться, либо высказывались съ меньшимъ темпераментомъ. Безъ Гена мы не поймемъ вполнѣ точно, каково истинное отношеніе къ русскому народу той юнкерской клики, которая устами своихъ призванныхъ представителей объявила теперь Россіи войну.

Такъ какъ книжка состоитъ изъ замѣтокъ и записей, расположенныхъ въ формѣ дневника, въ хронологическомъ порядкѣ, то и мы не будемъ особенно мѣнять этотъ порядокъ; тѣмъ болѣе, что немногихъ выдержекъ намъ вполнѣ хватитъ для характеристики этого посмертнаго пасквиля русскаго благонамѣреннаго чиновника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и нѣмецкаго патріота.

Дневникъ начинается 8 февраля 1857 г., а кончается 11 августа 1873 г. и *ничего,* кромѣ многообразной ругани и хулы на Россію и русскихъ, онъ не содержитъ въ себѣ. Для большей точности я буду приводить нѣкоторыя мѣста также въ подлинникѣ.

„Въ Россіи нѣтъ ничего идеальнаго... Изъ Россіи не начнется новой эры, развѣ только это будетъ эра огрубленія, разрушенія (von Russland wird keine Aera ausgehen, als eine der Brutalisirung, der Zerstörung, стр. 41). Даже русскіе черепа, лица, глаза кажутся нашему автору непріятными, пошлыми. (NB. Курьезно отмѣтить, что самъ Генъ, судя по портретамъ, былъ въ высшей степени безобразенъ.) Честь и чувство долга у русскихъ неизвѣстны, господствующій характеръ—склонность къ мошенничеству (Ehre und Pflicht sind unbekannt, übertünchte Schufterei ist vorherrschend, стр. 41). Въ глазахъ у русскихъ никогда нельзя

подмѣтить мечтательности, одна только хитрость во взорѣ; и, вообще, глаза у нихъ стеклянные (das russische Auge ist ein merkwürdig gläsernes, schwärmerische Verzückung spricht nimmer aus diesem Blick, bloss Pfiffigkeit). И не только глаза у русскихъ стеклянные, но и голосовъ у нихъ нѣтъ: лучшіе пѣвцы—нѣмцы, а въ русской оперѣ нѣтъ ни у кого голоса, и *нигдѣ* въ Россіи нѣтъ ни одного голоса (nicht eine Stimme! Ein Königreich für eine Stimme! Es findet sich Keine und giebt nirgends eine. Die Besseren darunter sind Deutsche, стр. 67). И не только голосовъ у нихъ нѣтъ, но и совѣсти (Die Russen haben kein Gewissen, стр. 52). И не только совѣсти, но и вкуса и т. д., и т. д. Если русскіе ненавидятъ Германію, то это потому, что они не имѣютъ понятія объ организованномъ обществѣ (sie haben keinen Begriff von organisirter Gesellschaft, darum hassen sie Deutschland, стр. 189). Въ Россіи все *„антиидеально“*, грубо, пошло. *Все* лучшее идетъ въ Россію отъ нѣмцевъ; и Генъ самымъ *серьезнымъ*, нѣмецко-педантскимъ образомъ указываетъ на то, что даже „знаменитѣйшія“ („die berühmtesten“) „лоретки“ (какъ онъ выражается) въ Россіи „всегда только нѣмки, большею частью изъ остзейскихъ провинцій“, ибо русскимъ женщинамъ для этого занятія *„недостаетъ внутренняго благородства“*. Эти отзывающія карикатурою, но *серьезныя* строки находятся на стр. 24 (es fehlt der innere Adel, die Menschlichkeit). И лучшія „лоретки“, и лучшіе чиновники—всегда изъ нѣмцевъ, по словамъ Гена, и тоже „meist aus den Ostseeprovinzen“. Онъ ненавидитъ русскихъ не только въ ихъ настоящемъ, но и въ ихъ будущемъ, во всѣхъ ихъ стремленіяхъ. Ему не нравится, что Чернышевскій многаго ждетъ отъ общины, ибо русскіе не способны все равно ни къ чему. Народъ „безъ творческой силы“, „забывающійся въ водкѣ“, „чувствующій себя въ повиновеніи приказу, какъ въ природной стихіи, народъ, съ которымъ посредствомъ приказаній и розогъ можно все сдѣлать... безличная масса для повелителей, варяговъ, нѣмецкихъ экзерцирмейстеровъ“ (стр. 40). Генъ съ раздраженіемъ отрицаетъ за русскими всякую способность къ самоуправленію; онъ злобно осмѣиваетъ реформы 60-хъ гг. и возмущенъ, что въ Россіи отмѣнены тѣлесныя наказанія; онъ только *надѣется*, что законъ этотъ не будетъ исполняться: *„къ счастью* въ этомъ случаѣ законы безсильны,—жизнь вноситъ въ нихъ поправки (das Leben corrigiert sie). Вотъ „и въ школахъ были примѣнены кротость и вѣжливость. Что же вышло?“ Ничего хорошаго, по мнѣнію Гена. (Онъ для пущей ядовитости пишетъ русское слово: „auch in den Schulen wurde *Krotost* und Höflichkeit angewandt“, стр. 96.) Онъ пресерьезно увѣряетъ, что любовь къ тѣлеснымъ наказаніямъ исходитъ изъ самой глубины русской народной души (aus dem Innersten der Seele dieses Volkes entnommen), и въ доказательство приводитъ глупый анекдотъ о какомъ-то рабочемъ, который будто бы желалъ, чтобы его высѣкли

(стр. 214). Вотъ почему Гену не нравится и министръ Милютинъ со своими гуманными затѣями, особенно изъ-за уничтоженія сѣченья въ арміи (стр. 201). Вообще, онъ съ особымъ азартомъ стремится облить грязью именно всѣ попытки Россіи выйти на широкій путь европейской культуры. Судъ присяжныхъ вызываетъ въ немъ лишь желаніе разсказать какую-то сплетню объ оправданіи мошенника, похитившаго 30,000 у одного знатнаго лица; оправданіе послѣдовало только, молъ, потому, что Шуваловъ, начальникъ 3-го отдѣленія, и министръ юстиціи Паленъ интересовались этимъ дѣломъ и требовали справедливости и наказанія виновнаго (а присяжные имъ въ пику виновнаго оправдали). И еще такія же обывательско-злобненькія соображенія (стр. 161—162), и выводъ предоставляется читателю сдѣлать самому: не ясно ли, что русскій народъ не способенъ имѣть судъ присяжныхъ? Къ суду присяжныхъ онъ возвращается нѣсколько разъ, всегда со злобною ироніею.

Есть нѣчто почти столь же изумительное по размѣрамъ, какъ злоба Гена: это его непроходимое *невѣжество* относительно всего, что касается русской жизни, русской культуры и особенно русской психики, и Теодоръ Шиманъ, восторгающійся его глубокимъ знаніемъ Россіи, выдаетъ этимъ лишь аттестатъ самому себѣ. Въ *1868 году* Генъ пишетъ о русскихъ: „Тридцать лѣтъ тому назадъ они говорили только по-французски, и сочиняли стихи и писали свои книги на этомъ языкѣ...“ „...теперь они, къ сожалѣнію, грамотные“... (jetzt sind sie leider *gramotnije* geworden, стр. 163). Итакъ, значитъ, въ 1838 году русскіе писали *только* на французскомъ языкѣ, спустя годъ послѣ смерти Пушкина, въ расцвѣтѣ дѣятельности Гоголя и Лермонтова! Развѣ найдется въ Россіи историкъ или публицистъ, который унизится до полемики съ Геномъ, до опроверженія Гена? Съ нимъ нужно не полемизировать, но разсматривать и изучать его какъ любопытное этно-патологическое явленіе. Послѣдуемъ дальше. О существованіи русскихъ писателей, тѣхъ же Пушкина, Гоголя онъ всетаки знаетъ (интересно лишь было бы выяснить, къ какой эпохѣ онъ ихъ относитъ?). Но, конечно, вся русская литература не Богъ вѣсть что: „я читаю теперь Пушкина и до сихъ поръ не натолкнулся ни на что особенное“... Зато Генъ добрался до того, въ чемъ именно порокъ Пушкина и чѣмъ Пушкинъ націоналенъ: мало въ немъ нравственности и души (...wo eigentlich der Schaden des Dichters und die Nationalität steckt: Mangel an Sittlichkeit und Seele, стр. 156). Это еще наиболѣе приличное съ внѣшней стороны мѣсто, которое относится въ книгѣ Гена къ русскому реалистическому искусству; есть и другое, настолько гнусное не по смыслу лишь, но и по употребленнымъ выраженіямъ, что читатель разрѣшитъ мнѣ его не приводить. Гоголь—не лучше Пушкина: у него полное отсутствіе какой-либо цѣли, возвышеннаго взгляда, идеальной точки зрѣнія въ его писаніяхъ (Abwesenheit irgend

eines Zweckes bei diesen Darstellungen, irgend einer höheren Auffassung, irgend eines idealen Gesichtspunktes). Вообще нѣтъ у Гоголя „истиннаго юмора и благородства души“ (стр. 177); кромѣ того, Гоголь въ „положительномъ поэтическомъ“ творчествѣ—„очень ограниченная голова“. Не просто ограниченная, но *очень* (sehr beschränktes Kopf, стр. 210). Въ области музыки Глинка, Сѣровъ и т. д.—ничтожны, даже прямо отвратительны (abstossend, trivial, gemein, roh, стр. 221), и вообще русскіе совсѣмъ неспособны понимать и создавать настоящее искусство, истинную музыку, оригинальную живопись. Да и къ чему они способны? Что они любятъ? Впрочемъ, вотъ что они любятъ, по мнѣнію Гена: повиноваться нѣмцамъ; и *чѣмъ грубѣе и своевольнѣе нѣмецъ, тѣмъ меньше ему сопротивляются* (je gröber der Deutsche ist, je starrer und eigenwilliger, destoweniger wird er angefochten, стр. 173). Русскій народъ нужно презирать, погрубѣе съ нимъ обращаться, а главное—бить, бить и бить его. И Генъ въ постоянномъ отчаяніи, что Александръ II уничтожилъ тѣлесныя наказанія: къ этой ранѣ своего сердца нашъ авторъ снова и снова возвращается. „Быть можетъ, наихудшею изъ всѣхъ введенныхъ въ послѣднее время реформъ была отмѣна тѣлесныхъ наказаній. На русскихъ ничто, совсѣмъ ничто не дѣйствуетъ, кромѣ тѣлеснаго наказанія, но оно дѣйствуетъ волшебно (auf den Russen wirkt sonst nichts, gar nichts, aber gerade dieses zauberisch, стр. 171). Есть у Гена одно горькое нападеніе на правительственный деспотизмъ въ Россіи; горестнымъ послѣдствіемъ проявленія деспотической власти явилась отмѣна крѣпостного права: „что дворянство потерпѣло при этомъ неслыханныя потери, это не было принято во вниманіе въ деспотическомъ государствѣ, въ націи, которая привыкла къ несчастью, ниспосылаемому свыше“ (стр. 86), скорбно иронизируетъ Генъ.

Я прошу читателя повѣрить мнѣ, что я выбралъ отнюдь не *самыя* наглыя по формѣ и не *самыя* гнусныя по содержанію страницы Гена. Есть много хуже. Повторяю: бо̀льшей злобы и презрѣнія къ Россіи и русскимъ *нельзя* себѣ представить; авторъ отрицаетъ за русскимъ народомъ хоть какое-либо *одно*, самое скромное моральное качество; при этомъ Генъ алчетъ лишь того, чтобы русскій народъ на вѣки вѣковъ оставался въ томъ безотрадномъ, унизительномъ, рабскомъ, забитомъ, нищенскомъ положеніи, которое онъ съ упоеніемъ расписываетъ, безмѣрно преувеличивая, выдумывая, болтая зря, со злорадствомъ изображая вмѣсто Россіи эпохи реформъ Александра II какую-то Дагомею и съ жаромъ одобряя именно пережитки николаевщины, остатки крѣпостничества. Я настаиваю также на томъ *невѣжествѣ*, которое implicite постоянно проявляетъ авторъ, на поразительной поверхностности во всемъ, что касается русской жизни, на курьезнѣйшей самоувѣренности ослѣпленнаго ненавистника, полагающаго, что онъ проникъ въ самыя глубины русской народной души.

Теперь обратимся къ тому, что даетъ этой книжкѣ Гена не только историческій, но и злободневный интересъ. Мы не имѣемъ никакого права сказать: таковы *были* воззрѣнія одного злобнаго нѣмецкаго реакціонера въ срединѣ XIX столѣтія; мы не можемъ даже ограничиться признаніемъ, что таковы были идеи и пожеланія касательно Россіи, распространенныя вообще среди нѣмецкихъ реакціонеровъ и крѣпостниковъ *того* времени. Подобное благодушно-успокоительное утвержденіе было бы чрезвычайно неосновательнымъ. Г. Теодоръ Шиманъ, нынѣ здравствующій ученый другъ императора Вильгельма II, былъ бы въ правѣ обидѣться на такое игнорированіе его особы.

Дѣло въ томъ, что при жизни Викторъ Генъ не издалъ своей книжки „De moribus ruthenorum“: очевидно, боялся, какъ бы не отняли пенсіи, ибо трудно въ данномъ случаѣ предположить именно съ его стороны иной мотивъ. Но его другъ и апологетъ, Теодоръ Шиманъ, издалъ это произведеніе вскорѣ послѣ смерти Гена, въ 1892 году. Онъ предпослалъ этому изданію небольшое предисловіе, въ которомъ торжественно объявляетъ Гена *первоклассныьмъ знатокомъ* русскаго народа, русскаго народнаго естества (...dass hier ein Kenner ersten Ranges sein Urtheil über das russische Volksthum niedergelegt hat; l. c., предисловіе, 12); по мнѣнію Шимана, Генъ „основательно“ изучилъ „русскую литературу, журналистику и русскую науку“. Мало того. За послѣднія семнадцать лѣтъ жизни Гена, т.-е. именно за тѣ годы, которые Генъ провелъ въ Берлинѣ, Шиманъ съ нимъ бесѣдовалъ устно о „тѣхъ же предметахъ“, т.-е. о Россіи и русскихъ; Генъ не измѣнилъ своего сужденія, констатируетъ его собесѣдникъ, и прибавляетъ, что „ничего не могло быть болѣе поучительнымъ“, нежели эти разговоры. Замѣтимъ хорошо эти отзывы Шимана и перейдемъ къ другой книжкѣ, къ особой монографіи Шимана о Викторѣ Генѣ, появившейся въ 1894 году („Viktor Hehn. Ein Lebensbild“. Stuttgart, 1894). Это уже не коротенькое предисловіе,—и здѣсь Шиманъ даетъ просторъ своему восторгу и преклоненію предъ личностью, умомъ, познаніями, талантами и заслугами своего героя; не думаю, чтобы съ бо́льшею теплотою и любовью, съ бо́льшимъ восхищеніемъ и взволнованнымъ признаніемъ можно было бы писать о Гарибальди или Бѣлинскомъ. И въ этомъ житіи мы читаемъ (на стр. 180) внушеніе Шимана читателямъ „De moribus ruthenorum“, чтобы они отнюдь не принимали сужденій Гена о Россіи *только* за „выраженіе національной антипатіи“: нѣтъ, Генъ „глубоко“ и полно понялъ „славянскую натуру“. Вообще же, по мнѣнію Шимана, какъ бы „жестка“ ни была „формулировка“ оцѣнки русскаго народа, сдѣланная Геномъ, все же „*въ существенномъ Генъ, безъ сомнѣнія, правъ*“ (стр. 179). Генъ, по сообщенію Шимана, не переставалъ мечтать о конечной побѣдѣ Германіи надъ Россіею: „онъ видѣлъ, какъ приближается Неме-

зида. Въ противоположность распространенной въ Германіи переоцѣнкѣ мощи русскаго колосса онъ указывалъ на глиняныя ноги великана; mores ruthenorum, казалось ему, опровергаютъ мнѣніе, будто эта раса обладаетъ внутреннимъ содержаніемъ, чтобы совладать съ культурою, вырабатывавшейся вѣками. Русскій формальный реализмъ казался ему безсильнымъ противъ идеальныхъ силъ Запада, и если у него чѣмъ дальше, тѣмъ больше пропадала надежда пережить великое рѣшеніе (борьбы) между Востокомъ и Западомъ... у него оставалась увѣренность, что рѣшеніе должно послѣдовать, а каковъ будетъ исходъ, объ этомъ ему говорило его знаніе *mores ruthenorum*" („De mor. ruth.", предисловіе, стр. 14).

Очень жаль, что Шиманъ позабылъ прибавить тутъ, что въ одномъ мѣстѣ своей книги Генъ вполнѣ точно говоритъ, на чемъ основываются его надежды на побѣду Германіи („De moribus ruth.", 125): „И всетаки опасность велика для Европы. Масса славянъ—огромна, они уже теперь охватываютъ Европу двумя сильными руками. Казаки явятся на своихъ лошадяхъ, со своими нагайками и пиками и все снесутъ прочь. Потребностей у нихъ нѣтъ, въ разрушеніи они мастера, сердца у нихъ нѣтъ, они безчувственны. И если перебить сотни тысячъ ихъ, то явятся другія сотни тысячъ, какъ саранча. И опять можетъ дойти дѣло до шалонской битвы, относительно которой никто не можетъ сказать, каковъ будетъ ея исходъ... *До поры, до времени ихъ еще уничтожаетъ водка, которая, при такихъ обстоятельствахъ, еще можетъ оказаться благодѣтельницею человѣчества*". Смерть, унесшая Гена за 24 года до воспрещенія продажи спиртныхъ напитковъ въ Россіи, избавила его, такимъ образомъ, отъ слишкомъ тяжкаго безпокойства за судьбу „человѣчества". И, судя по показаніямъ Шимана, въ послѣдніе годы своей жизни Генъ уже не боялся войны Германіи съ Россіею, а какъ бы жалѣлъ только, что не дождется столкновенія.

Эта грусть дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гена, что ему не удастся дожить до войны Германіи съ Россіею,—грусть, смягчаемая свѣтлою надеждою на побѣду Германіи (и даже *увѣренностью* въ такой побѣдѣ), кажется Шиману въ высшей степени трогательною въ человѣкѣ, который всю жизнь ѣлъ русскій хлѣбъ (и продолжалъ его ѣсть также въ Берлинѣ, грустя и надѣясь). Тутъ особая психологія, съ которой ничего не подѣлаешь,—психологія не только Гена, но и Шимана (она, впрочемъ, и вся у нихъ обоихъ общая). Ибо Шиманъ тоже совершенно не понимаетъ, какія чувства можетъ въ сколько-нибудь безпристрастномъ и брезгливомъ человѣкѣ возбуждать его герой, всю жизнь получающій деньги отъ Россіи и плюющій въ ту же Россію бѣшеною слюною, призывающій на нее „Немезиду", желающій русскому народу всякой гибели (я подчеркиваю: *народу,* потому что самое нена-

вистное для Гена въ Россіи—не русское правительство, не тѣ или иныя черты русскаго строя, но весь русскій народъ, какъ цѣлое, и особенно демократическіе слои народа).

И Шиманъ тоже, конечно, вполнѣ убѣжденъ, какъ и Генъ, что Пушкинъ и его почитатели—грубые, чувственные, безнравственные низменные реалисты, а Бисмаркъ и его почитатели суть „идеальныя силы Запада", съ которыми эти низменные ашантіи, открытые Геномъ, конечно, не справятся. *Ни одной* оговорки, *ни одного* смягченія, *ни одной* поправки къ Гену Шиманъ не дѣлаетъ. При этомъ Моисеѣ онъ Ааронъ, при этомъ Лютерѣ онъ Меланхтонъ; его роль—роль почтительнаго и любящаго глоссатора, а вовсе не критика. Шиманъ—серьезный историкъ (и даже много работавшій въ области именно русской исторіи). Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Россіи, обязательное, азбучное для историка правило—считаться съ эволюціей, подмѣчать перемѣны—совсѣмъ теряетъ для него свою силу. Допустимъ, что весь злобный вздоръ, написанный Геномъ о Россіи, правдивъ отъ первой буквы до послѣдней; допустимъ, по крайней мѣрѣ, что Шиманъ въ этомъ увѣренъ. Почему же онъ *и въ этомъ случаѣ* принимаетъ безусловно выводы и характеристики Гена *вообще,* признаетъ ихъ правдивость *на вѣки вѣчные?* Вѣдь отъ 1857 г., когда начинаются записи Гена, до 1894 года, когда Шиманъ написалъ восторженный гимнъ въ формѣ біографіи Гена, могло же что-нибудь въ Россіи и русскомъ народѣ измѣниться? Съ этимъ соображеніемъ Шиманъ совсѣмъ не сталкивается. Все то, что Дюмонъ-Дюрвиль разсказывалъ о дикаряхъ въ началѣ XIX столѣтія или Миклуха-Маклай въ концѣ XIX столѣтія, рисуетъ картины, мало отличающіяся отъ воспоминаній моряковъ и путешественниковъ XVI—XVII вв.: у „не-историческихъ" народовъ эволюція неуслѣдима. Что русскій народъ—историческій, этого при всей суровости его нѣмецкихъ бытописателей они отрицать не могутъ; но признать возможность *эволюціи* въ его жизни они всетаки никакъ не хотятъ. Генъ въ 1860-хъ годахъ прямо пишетъ, что характеристика, сдѣланная Олеаріемъ (посѣтившимъ Россію при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ), примѣнима и къ срединѣ XIX вѣка; а Шиманъ въ срединѣ 90-хъ годовъ XIX вѣка признаетъ безъ оговорокъ то, что Генъ говоритъ о 50-хъ и 60-хъ годахъ. Можетъ ли нѣмецкаго Миклуху-Маклая остановить то соображеніе, что у живописуемыхъ имъ полинезійцевъ оказались въ наличности Пушкинъ (хотя бы грубый и низменный), Гоголь (хотя бы лишенный „истиннаго юмора") и другія подробности, встрѣчаемыя все же не у всѣхъ дикихъ племенъ? Всетаки на то, чтобы признать за Россіею возможность эволюціи, ни Генъ, ни Шиманъ не пошли.

Психологія Гена *теперь* для насъ тѣмъ и интересна, что она есть въ то же время всецѣло и психологія Шимана, какъ явствуетъ вполнѣ

точно изъ вышеприведеннаго. А Шиманъ—это дѣятель 1914 года, сегодняшній и завтрашній, другъ и конфидентъ Вильгельма II; онъ разъѣзжаетъ съ Вильгельмомъ II на яхтѣ „Гогенцоллернъ", онъ пишетъ внушенныя правящими сферами передовицы въ *Kreuzzeitung,* онъ—перо консервативной партіи рейхстага и особенно прусскаго ландтага, словомъ, онъ одинъ несравненно ближе къ *реальному* вліянію на текущія государственныя дѣла, нежели, напримѣръ, вся многомилліонная соціалъ-демократическая партія со всѣми ея Зюдекумами, сколько бы они ни демонстрировали свой патріотизмъ.

Выводъ ясенъ: прусскіе реакціонеры, „восточно-эльбскіе" юнкеры, наиболѣе тѣсно сплоченный вокругъ Вильгельма II кружокъ его друзей,—словомъ, всѣ тѣ люди, знамя которыхъ высоко держитъ Шиманъ и которые въ іюлѣ 1914 г. болѣе всего жаждали открытія военныхъ дѣйствій противъ Россіи, ведутъ нынѣшнюю войну не затѣмъ только, чтобы урѣзать въ свою пользу часть русской территоріи, даже не затѣмъ только, чтобы экономически поработить Россію, навязавши ей разорительный для нея торговый договоръ, но и затѣмъ, чтобы, если дѣла пойдутъ ужъ очень хорошо, по возможности посодѣйствовать прочному превращенію русскаго народа въ подъяремныхъ, нищихъ, пьяныхъ, забитыхъ рабовъ. Это—идеалъ, мечта, быть можетъ, далекая, несбыточная, но искренняя и горячая мечта. „Наихудшая (die schlimmste) изъ всѣхъ русскихъ реформъ—это отмѣна тѣлесныхъ наказаній!" говоритъ изъ гроба покойный Генъ. „Въ высшей степени плодотворныя мысли, höchst fruchtbare Gedanken!" съ восторгомъ отзывается съ борта яхты „Гогенцоллернъ" благополучно здравствующій Теодоръ Шиманъ, живое звено между Геномъ и Вильгельмомъ, личный другъ того и другого.

Мы всѣ знаемъ, что, кромѣ Гена (и въ томъ же XIX вѣкѣ), въ Россіи жили и увѣковѣчены художественною литературою и другіе нѣмцы: и тургеневскій Леммъ, и докторъ Герценштубе изъ „Братьевъ Карамазовыхъ", и докторъ Веймаръ, до послѣдняго издыханія облегчавшій бѣды и врачевавшій болѣзни страдальцевъ и страдалицъ въ далекой Сибири, и докторъ Гаазъ, одной жизни котораго хватило бы на нѣсколько канонизацій, и несчастный, благородный мечтатель Кюхельбекеръ; и только тѣ, кто сами внутренно похожи на Гена, могутъ отождествить съ Геномъ *всѣхъ* людей его національности или даже большинство ихъ. Мы знаемъ также, что въ самой Германіи ни соціалъ-демократы, ни свободомыслящіе, ни люди близкихъ къ нимъ направленій не повторятъ о Россіи того, что о ней говоритъ Генъ; мы знаемъ, что было бы въ высшей степени легкомысленно и прямо предосудительно изображать дѣло такъ, будто Генъ является выразителемъ мнѣній хотя бы средней интеллигенціи Германіи, большихъ массъ герман-

скаго общества. Личное мое мнѣніе, что *численно* поклонники взглядовъ Гена *въ ихъ интегральной цѣлостности* составляютъ въ Германіи весьма и весьма скромную по размѣрамъ группу людей.

Но вѣдь была же достаточно сильна эта группа, чтобы вопреки возмущенію милліонныхъ народныхъ массъ удержать въ Пруссіи такое издѣвательство надъ здравымъ смысломъ, справедливостью, народнымъ достоинствомъ, какъ трехклассовую избирательную систему; остается же она достаточно сильною, чтобы сохранить въ своихъ рукахъ всю полноту исполнительной власти и *фактически* всегда почти проводить свою волю и въ законодательствѣ; оказалась же она настолько могущественной, чтобы совсѣмъ ужъ безконтрольно распоряжаться внѣшнею политикою имперіи. Отъ Гена и его братьевъ по духу немало страдала и еще настрадается германская демократія, но пока именно съ нимъ и съ его умонастроеніемъ сосѣдямъ Германіи приходится считаться больше всего.

Кончаю тѣмъ, съ чего началъ: безъ пониманія Гена мы не поймемъ и кронпринца; безъ пониманія Шимана не поймемъ и Вильгельма II, главное, не поймемъ въ точности *истиннаго* ихъ отношенія къ Россіи и русскому народу, не разберемся въ прочномъ, несокрушимомъ воззрѣніи на Россію, царящемъ въ потсдамско-берлинскихъ верхнихъ слояхъ, потеряемся въ часто противорѣчивыхъ съ внѣшней стороны, хотя и *всегда* однотонныхъ по существу поступкахъ и изъявленіяхъ берлинскаго двора и правящихъ сферъ касательно Россіи. Генъ водилъ рукою Вильгельма I, когда тотъ благожелательно предостерегалъ въ письмѣ русскаго императора отъ введенія въ Россіи народнаго представительства; Генъ произнесъ, забравшись въ канцлера Бюлова, гнусно-игривую рѣчь о развращенности русскихъ курсистокъ; Генъ похвалялся въ іюлѣ 1914 года отбросить Россію въ Азію; Генъ безчинствовалъ въ Калишѣ, и отъ Гена, будемъ надѣяться, избавитъ теперь Европу тотъ самый русскій народъ, который такъ многообразно и долго отъ него терпѣлъ. А за Европою, несомнѣнно, избавится отъ Гена и сама Германія. Жаль только, что такою дорогою цѣною приходится за это общее избавленіе платить.

Евг. Тарле.

Матеріалы по исторіи русской литературы и культуры.

Ниже печатаемыя письма представляютъ интересный матеріалъ для характеристики душевнаго состоянія многострадальнаго Н. Г. Чернышевскаго въ послѣдніе годы его жизни. Эти письма любопытно сопоставить съ письмами Чернышевскаго къ В. А. Гольцеву, напечатанными въ сборникѣ „Памяти В. А. Гольцева".

Ред.

I. Письма Н. Г. Чернышевскаго къ В. М. Лаврову.

19 Августа 1888.

Добрый другъ
Вуколъ Михайловичъ,

Я очень благодаренъ—Вы ждете: Вамъ?—извините, Вы ошиблись: не Вамъ а—Виктору Александровичу за знакомство мое съ Вами.

Людей, такихъ хорошихъ, какъ Вы, я знаю нѣсколько. Но между литераторами, которыхъ я знаю, такихъ мало.

Благодарю Васъ и Виктора Александровича [1]) за то, что Вы рѣшились напечатать мою статью. Я понимаю резонность Вашего раздумья, можно ли помѣстить ее въ Вашемъ журналѣ. И согласился бы назвать Васъ правыми, если бы Ваше раздумье кончилось рѣшеніемъ, что противорѣчіе ея статьямъ, печатавшимся въ Вашемъ журналѣ, дѣлаетъ ее неудобной для помѣщенія въ немъ. Но Вы рѣшили иначе, тѣмъ болѣе долженъ я имѣть признательности къ Вамъ.

Это относится къ Вамъ и Виктору Александровичу вмѣстѣ.

А лично Вамъ я благодаренъ за Ваше доброе расположеніе ко мнѣ.

Сколько найдется у меня досуга, онъ въ Вашемъ распоряженіи. Статья, которую печатаете Вы, только имѣетъ видъ особой статьи. На самомъ дѣлѣ она—вступленіе къ ряду статей объ условіяхъ прогресса. Я посмотрю, не принесетъ ли она журналу вреда во мнѣніи публики. Если не принесетъ, буду присылать Вамъ продолженіе, отдѣлы котораго тоже будутъ, вѣроятно, имѣть видъ особыхъ статей. А увижу, что публика порицаетъ журналъ за нее, то постараюсь выбрать какую нибудь другую тему, которая не шокировала бы публику.

Прошу Васъ вѣрить искренности моего уваженія и лично къ Вамъ и къ Вашей журнальной дѣятельности.

Вашъ *Н. Чернышевскій.*

---

[1]) Викторъ Александровичъ здѣсь и дальше—В. А. Гольцевъ.

Ред.

29 Дек. 1888.

Глубокоуважаемый добрый другъ
Вуколъ Михайловичъ,

Надоѣлъ я Вамъ моими длинными письмами; нужды нѣтъ, вотъ еще длинное, о содержанію сходное съ прежними, по характеру содержанія существенно азличное отъ нихъ.

Тѣ письма носятъ на себѣ сильный отпечатокъ другихъ длинныхъ писемъ, оторыя писалъ въ одно время съ ними. То были письма рѣзкихъ нападеній, отъ астроенія мыслей, высказавшагося въ нихъ, переходилъ тонъ досады и въ исьма къ Вамъ.

Надобно дать Вамъ нѣкоторое понятіе тѣхъ писемъ къ другимъ лицамъ, изъ оторыхъ переходила досада и въ письма къ Вамъ.

Впродолженіи лѣтъ тридцати однимъ изъ людей, близкихъ мнѣ, былъ Але-зандръ Васильевичъ Захарьинъ. Въ Октябрѣ, кажется, или въ послѣдніе дни ктября и первые дни Ноября онъ пріѣзжалъ ко мнѣ, прожилъ у меня дня этыре. Онъ хандрилъ, говоря, что ему прійдется прожить нѣсколько дней въ осквѣ, прибавлялъ, что ему нужно тамъ развлеченіе отъ хандры и что поэтому ъ просилъ меня познакомить его съ Вами. Я охотно согласился.—„Но чтобы знакомить меня съ Лавровымъ, нуженъ Вамъ какой нибудь предлогъ; дайте нѣ какое нибудь порученіе къ нему“.—„Никакого порученія у меня къ нему ѣтъ, о чемъ бываетъ надобно, я пишу ему; на словахъ не имѣю ничего пере-ть ему“.—„Когда такъ то найдите жь хоть выдуманный предлогъ мнѣ позна-миться съ нимъ“—„никакого предлога не могу выдумать“.—„Такъ что жь я ажу ему?“—„Вы скажете, что я живъ, здоровъ, уважаю и люблю его; больше чего не имѣю передать ему на словахъ“.—„Такъ напишите хоть это“—„извольте, пишу, что я просилъ Васъ передать ему мое уваженіе“.—„и прибавьте, что осите его вѣрить моимъ словамъ, какъ Вашимъ собственнымъ“—„извольте, на-шу“—И я далъ ему рекомендательное письмо къ Вамъ въ этомъ смыслѣ. Я осилъ Васъ вѣрить тому, что онъ будетъ говорить Вамъ отъ моего имени;—а чемъ онъ долженъ былъ говорить Вамъ?—О моемъ уваженіи къ Вамъ, о моей бви къ Вамъ.—А кромѣ этого о чемъ?—Ни о чемъ.

Былъ ли онъ у Васъ? Если былъ, то о чемъ говорилъ Вамъ отъ моего имени?—речитывая вспомнилъ: Вы писали, что онъ былъ у Васъ. О чемъ онъ говорилъ Вами, Вы не упомянули; для меня и не интересно знать теперь. Теперь, это равно для меня и будетъ все равно для Васъ, когда Вы прочтете до конца й разсказъ о путаницѣ, которую произвелъ онъ въ моихъ дѣлахъ своимъ раз-зоромъ съ нѣкоторыми другими лицами, живущими въ Москвѣ.

Изъ этихъ лицъ я назову Кузьму Терентьевича Солдатенкова. Знакомы Вы нимъ? Если да, не заговаривайте съ нимъ о дѣлѣ, главныя черты котораго представлю Вамъ въ видѣ, преднамѣренно туманномъ. Оно было одинаково ріятно и Кузьмѣ Терентьевичу и мнѣ. Сущность его состояла въ томъ, что нѣкоторое время считалъ Кузьму Терентьевича прекратившимъ всякія сношенія мною, какъ съ человѣкомъ, заплатившимъ ему (за) доброе расположеніе и денеж-о помощь самою черной неблагодарностью. Кузьма Терентьевичъ былъ такъ никодушенъ, что выразилъ мнѣ согласіе остаться въ прежнихъ отношеніяхъ мною.

Онъ, дѣйствительно, человѣкъ великодушный. Въ тѣ дни, когда я полагалъ, онъ нашелъ справедливымъ разорвать всякія сношенія со мною, какъ съ не-яемъ, я писалъ тѣ длинныя письма къ Вамъ. Не скажу, что я былъ злымъ въ

эти дни; злиться мнѣ было не на что. Кузьма Терентьевичъ былъ бы совершенно правъ, если бы разорвалъ всякія сношенія со мной. Я не могъ бы имѣть ни малѣйшей претензіи на него за это. Думаю, что и было съ его стороны то, чему слѣдовало быть по моему предположенію,—что онъ разорвалъ всякія сношенія со мной, я находилъ его совершенно правымъ. Я не досадовалъ ни на него, ни на бѣднаго Захарьина. Но я былъ печаленъ. Не о потерѣ дохода, который получалъ отъ Кузьмы Терентьевича за переводъ Вебера; я разсчитывалъ, что денежнаго убытка не будетъ мнѣ отъ этого, что я могу получать столько же отъ Васъ за мое сотрудничество. Причина моей печали была не денежная.

Этого довольно. Если хотите знать больше, то спросите у завѣдующаго матеріальной частью издательской дѣятельности Кузьмы Терентьевича, Ивана Ильича Барышева. А если свѣдѣнія, которыя сообщитъ онъ Вамъ, найдете Вы не вполнѣ объясняющими дѣло, и захотите дополнительныхъ свѣдѣній, то я могу сообщить ихъ Вамъ.

Вамъ, вѣроятно, кажется достаточнымъ объясненіемъ отсутствія досады у меня на Кузьму Терентьевича, то мое выраженіе, что онъ былъ бы, по моему правъ, прекративъ сношенія со мною, какъ съ негодяемъ; но какимъ же образомъ возможно было, что я не имѣлъ досады на Захарьина, устроившаго такую путаницу, изъ которой выходило, что Кузьма Терентьевичъ долженъ былъ считать меня негодяемъ?—вѣроятно спрашиваете Вы: объясненіе—обстоятельство очень грустное: Захарьинъ не просто хандрилъ, бывши у меня, а находился въ угнетенномъ состояніи души между двумя припадками помѣшательства. Онъ сказалъ мнѣ о своихъ припадкахъ помѣшательства лишь въ минуту прощанья съ мною. Потомъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ подробно описывалъ мнѣ характеръ припадковъ сумашествія, овладѣвающихъ имъ по временамъ.

Жаль бѣдняка. Но путанница, которую надѣлалъ онъ въ припадкѣ помѣшательства и которую онъ изложилъ мнѣ съ похвальбой своему подвигу въ другомъ письмѣ, написанномъ въ новомъ припадкѣ помѣшательства, имѣла такой характеръ, что я прекратилъ всякія сношенія съ нимъ. И такъ, я не былъ золъ ни на кого въ тѣ дни, когда писалъ Вамъ длинныя письма, но я былъ печаленъ потому въ нихъ много горькаго.

Не скажу, что я былъ неправъ, говоря Вамъ горькія вещи; я былъ правъ, но я не сталъ бы говорить ихъ, если бы не было горько у меня на душѣ.

Въ чемъ же состояла моя печаль? Въ тѣ дни, я не имѣлъ права высказывать ее. Теперь, она перестала быть секретомъ. Если захотите, я напишу. Но мнѣ недосугъ писать то, въ чемъ нѣтъ необходимости. Полагая, что Вы услышите о причинѣ моей печали отъ Ивана Ильича, я не буду распространяться о ней здѣсь. А чтобы Вы могли судить, извѣстна ль теперь истинная причина моей печали Ивану Ильичу (я не знаю, а только полагаю, что она теперь извѣстна ему) я скажу Вамъ, что если онъ будетъ объяснять дѣло моимъ раздраженіемъ отъ мысли, будто я выставленъ былъ Кузьмѣ Терентьевичу человѣкомъ корыстолюбивымъ или нечестнымъ въ денежномъ отношеніи,—то это лишь была моя выдумка, прикрывавшая собою правду, которой я не имѣлъ права высказать тогда и которая ни мало не похожа на гнѣвъ отъ опасенія прослыть мошенникомъ подобныхъ обвиненій я не слишкомъ-то опасаюсь; да и вообще, я не имѣю охоты обижаться какими бы то ни было дурными слухами обо мнѣ. Надъ всякими обвиненіями меня я издавна привыкъ смѣяться отъ искренней души. Я далеко не агнецъ и не ангелъ; но—на то, хорошъ ли я въ чемъ, дуренъ ли въ чемъ, давно махнулъ рукою,—махнулъ рукой съ самаго начала моей литературной дѣятельности. Безъ того, я не могъ бы писать такъ, какъ писалъ въ моей мо

дости. А старику и подавно не приходится интересоваться тѣмъ, красивъ ли онъ; тѣмъ болѣе не приходится, что физіологія учитъ: старость не краситъ.

Вступленіе къ поэмѣ кончено. Поэма, я надѣюсь, будетъ короче вступленія; надежда эта, можетъ быть, окажется ошибочной, но несомнѣнно то, что поэма будетъ написана не поэтическимъ слогомъ, какъ вступленье, а прозаическимъ.

Благодарю Васъ, Вуколъ Михайловичъ, за письмо отъ 20 Декабря. Изъ неупоминанія о томъ, что Вы разсчитываете помѣстить начало безконечнаго ряда моихъ повѣстей въ Январской книжкѣ, я заключаю, что у Васъ не заведенъ тотъ порядокъ, котораго держался Некрасовъ въ *Современникѣ* и который я описывалъ Вамъ съ украшеніемъ рѣчи любезностями самому себѣ: „чортъ бы меня побралъ“ и „чортъ бы меня подралъ!“ (мимоходомъ: это два разныя украшенія, хоть и одного (чисто русскаго) стиля; не думайте, что „побралъ“ встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, описка вмѣсто „подралъ“ наоборотъ.) Какой заведенъ у Васъ порядокъ, это не мое дѣло, а Ваше. Слѣдовательно, мнѣ тутъ не за что быть въ претензіи.

Я говорилъ, что если бъ я предвидѣлъ, что моя повѣсть (то есть, начало романа со вставкой самостоятельной повѣсти) не попадетъ въ Январскую книжку, то продержалъ бы у себя рукопись недѣлей больше, и значительно улучшилъ бы ее. Правда. Но существенно важныя поправки можно сдѣлать въ немногихъ словахъ, и я прилагаю эти улучшенія на отдѣльныхъ листкахъ, которыхъ счетомъ четыре. Прошу, вставьте ихъ гдѣ приходятся онѣ.

Всѣ другія улучшенія были бы важны, если бы были сдѣланы; а не сдѣланы, то и не нужны. Посланная мною Вамъ часть сборника разсказовъ охваченныхъ рамкою романа, хороша и безъ нихъ. Она хороша. Плохаго ничего я не намѣренъ печатать, потому что не имѣю надобности въ томъ. Деньги, какія буду я получать отъ Васъ, важны для меня; очень важны; но—вѣдь все равно, писалъ бы я переводъ Вебера и заработывалъ бы во столько же дней приблизительно столько же денегъ; то съ какой стати писалъ бы что нибудь для Васъ, если бы не имѣлъ написать что нибудь хорошее?

А вкусъ у меня—построже, чѣмъ у многихъ; напримѣръ: изъ всѣхъ писавшихъ прозой по-русски послѣ Лермонтова и Гоголя, я вижу очень сильный талантъ только у одного драматурга—Островскаго—и у одного романиста—кого?—что пока мой секретъ (понятно я говорю не о себѣ).

А къ себѣ я строже, чѣмъ къ другимъ.

Увѣдомьте, помѣщаете ли первый отдѣлъ „Вечеровъ у княгини Старобѣльской“ въ Февральской книжкѣ. Нѣтъ, такъ нѣтъ; мнѣ все равно; если и не понравилось Вамъ это мое произведеніе, и Вы вовсе не хотите печатать его, тоже все равно для меня; напишите безъ церемоніи. А если думаете напечатать, то напишу для Васъ продолженіе, такъ чтобъ оно успѣло попасть въ слѣдующую книжку.

Видите ли, что: люди если не согласны были вначалѣ между собою, должны поспорить, поспорить, да и бросить споръ. Я нахожу, что поспорилъ съ Вами достаточно и если не убѣдилъ Васъ до сихъ поръ, то ужь и не долженъ имѣть надежды убѣдить.

Вы съ Викторомъ Александровичемъ поступили относительно меня такъ, какъ я не ожидалъ: Вамъ показалось, что я такой сотрудникъ, какъ другіе, которые представляютъ свои произведенія на оцѣнку редакціи. Вы взялись судить, слѣдуетъ или не слѣдуетъ напечатать статью присланную мною.

Этого я допустить не могу.

Никакого и ничьего, кромѣ цензорскаго, посредничества между мной и типографіей я не допускаю.

Первую Вашу съ Викторомъ Александровичемъ ошибку я рѣшилъ не ставить въ счетъ. Это была ошибка незнанія, въ которую самъ же я ввелъ Вас деликатностями въ письмахъ къ Вамъ и дурацкими своими оговорками противр себя въ тѣхъ же письмахъ. Но если Вы не считаете возможнымъ отправлять не читая сами (Вы или Викторъ Ал—вичъ) въ типографію присылаемое мною то мое сотрудничество невозможно.

Да, или нѣтъ—я прошу Васъ сказать просто, „да“ или „нѣтъ“;

Никакихъ оговорокъ я не допускаю.

„Да“, то я буду писать для Васъ много; такъ много, что при всемъ моемъ нежеланіи имѣть какое нибудь вліяніе на характеръ *Русской Мысли*, она до нѣкоторой степени или повысится или понизится во мнѣніи публики отъ моихъ статей и повѣстей; это будетъ листовъ 50 въ годъ, вѣроятно больше; подумайте сами: рамка романа создана и цѣлая довольно большая повѣсть написана—въ три недѣли. Я работаю быстро. И, какъ романистъ или беллетристъ, я долженъ сказать о себѣ, что фантазія у меня очень богата. Затрудненіе, съ моей точки зрѣнія, вотъ въ чемъ: торговаться съ Вами я не намѣренъ, потому что это не нужно; и безъ всякаго торга, Вы будете давать мнѣ высокую плату; это прекрасно для меня; но для кассы журнала?—Есть пропорція между дорогими и дешевыми листами; очень много дорогихъ листовъ не можетъ быть въ книжкѣ не выдержала бы касса. Въ *Современникѣ* было такъ:

Статьи мои и Добролюбова не идутъ въ счетъ, (какъ и то, что помѣститъ Некрасовъ, участіе котораго по числу страницъ ничтожно, потому не заслуживаетъ вниманія по счету кассы); много ли, мало ли мы помѣстимъ въ данной книжкѣ, все равно: мы возьмемъ всякую сумму денегъ, какая намъ нужна; въ кассѣ нѣтъ ихъ?—Тѣмъ хуже для Некрасова; деньги приходится намъ брать изъ его кармана; у него нѣтъ?—„Эхъ, нѣтъ денегъ, Н. Г.“—Это обыкновенно бывалъ я, Добролюбовъ очень рѣдко.—

— „Приходится Вамъ подождать до завтра; поѣду вечеромъ займу у N N.“—Слѣдовательно, чѣмъ больше листовъ написали мы, тѣмъ легче для кассы: меньше остается листовъ, по которымъ она должна произвести уплату.

Изъ этихъ другихъ листовъ (до 200 въ годъ) только 50 могутъ быть дорогими; большаго числа дорогихъ листовъ не выдержитъ касса. *Русская Мысль* и такъ бѣдна деньгами, какъ былъ *Совр.*; но и у нея должна быть и безъ сомнѣнія есть граница количеству дорогихъ листовъ; невозможно иначе, не выдержала бы касса.

Само собою разумѣется, что съ сотрудникомъ, понимающимъ условія возможности журнальнаго дѣла, каковъ я, разсужденія объ этомъ очень просты не могутъ вести ни къ чему, кромѣ простаго отвѣта: „Вы совершенно правы Вуколъ Михайловичъ“; Я предполагалъ бы что дѣло всего удобнѣе опредѣлится такъ:

дадимъ пройти тремъ, четыремъ мѣсяцамъ, чтобы намъ обоимъ было видно можетъ ли мое сотрудничество въ полномъ своемъ размѣрѣ стать по числу листовъ обременительнымъ для кассы; въ четыре мѣсяца, касса не лопнетъ отъ моего напора, это первое; а второе—мнѣ вовсе и не нужно немедленнаго расчета, если сумма платы очень велика; мнѣ нужно только такое количество денегъ, какого требуютъ мои расходы; они велики, это правда; но—не 10.000 въ годъ, гораздо меньше; то есть, не 800 р. въ мѣсяцъ—далеко нѣтъ.

Это къ чему?—Опытъ трехъ, четырехъ мѣсяцевъ не представляетъ по моему

ничего опаснаго для кассы. Я полагалъ бы сдѣлать этотъ опытъ, и потомъ—предполагая, что полный размѣръ моего сотрудничества оказался бы тяжелъ, Вы написали бы мнѣ: „вотъ какое количество Вашихъ листовъ“ или „вотъ какую величину ежемѣсячной платы Вамъ впредь до разсчета“—можетъ выносить касса.

И я написалъ бы Вамъ: „Пусть такъ и будетъ, какъ это возможно по Вашему соображенію“. Не хотите этого опыта, то и не нужно его. Вы прямо, не дожидаясь ни трехъ ни двухъ мѣсяцевъ, напишете мнѣ: „могу посылать Вамъ въ мѣсяцъ вотъ столько“—предположимъ, 200 р.;—

мнѣ и того довольно.

при этомъ Вы и я, мы подразумѣваемъ: „плата будетъ высылаться не авансомъ, а только въ счетъ того, что приходится заплатить за присланное“—и, при взаимномъ довѣріи, разумѣется: за готовое къ отправленію на почту.

А я могу писать больше, чѣмъ, напримѣръ, на 200 р.?

— О, разумѣется.—Что жь излишекъ написаннаго? пойдетъ въ другой журналъ?—Я не полагаю. Лучше, чѣмъ писать въ двухъ журналахъ, я буду меньше времени употреблять на журнальную работу, оставлять больше времени для работы по счету съ Солдатенковымъ. Конечно, у Васъ, можетъ выйти такой случай, что Вы въ интересахъ *Р. Мысли*, найдете надобность сдѣлать удовольствіе другому журналу,—положимъ, *Сѣверному Вѣстнику*, изъ любезности къ Короленко; тогда вы пишите мнѣ: „сдѣлайте для меня удовольствіе, дайте что нибудь для Короленко“.—Почему жъ нѣтъ, если это нужно журналу, интересы котораго я долженъ считать до нѣкоторой степени своими?—

По Вашей надобности, могу сдѣлать любезность *Сѣв. В—у*. Но только, для Васъ, по Вашей просьбѣ. Самъ я склонности гоняться за двумя журналами не имѣю.

Словомъ, денежная сторона нашихъ отношеній не можетъ стать предметомъ длинныхъ разсужденій между нами: Вы увидите, какими разсчетами можно опредѣлить ее, и дѣло въ шляпѣ.

Но повторяю и повторяю:

Мое сотрудничество возможно лишь подъ условіемъ, что все, посылаемое мною, идетъ въ типографію не читанное никѣмъ кромѣ меня.

Повредитъ это журналу?—Я буду смотрѣть; могу не разобрать самъ; если не разберу самъ, спрошу у Васъ мѣсяца черезъ три, четыре; Вы напишете: „да, публикѣ не нравится“;—Не нравится, то что жь съ ней дѣлать?—Не пичкать же ее тѣмъ, что не нравится ей; брошу писать для нея; и только; переводы ученыхъ книгъ беретъ Солдатенковъ всякіе, какіе буду дѣлать для него.

„Да вѣрно ли, что Вы не захотите пичкать публику тѣмъ, что не нравится ей?“

Въ моей прежней дѣятельности были примѣры тому; увижу что начатое мною скучно для публики, то и брошу продолжать. А вотъ Вамъ новый примѣръ: я не умѣю разобрать, повредила или нѣтъ *Р. Мысли* моя статья о борьбѣ за жизнь [1]); потому я не продолжаю ее; увижу: не повредила, пришлю продолженіе; пройдетъ полгода и все еще не будетъ видно мнѣ, что слѣдуетъ продолжать, то и окончательно отброшу мысль о продолженіи.

Поэма вышла длиннѣе вступленія. Одна надежда не исполнилась, то не слѣдуетъ исполняться и другой; я былъ увѣренъ, что поэма будетъ написана прозой;—а вижу, подъ конецъ разыгрывается творческая фантазія; а творческой фантазіи приличнѣе стихотворная одежда, и такъ:

---

[1]) Имѣется въ виду статья „Происхожденіе теоріи благотворности борьбы за жизнь“ (*Русская Мысль*, 1888 г., IX), направленная противъ дарвинизма и вызвавшая цѣлую полемику. *Ред.*

Видѣнье Вистара.

Видѣнье Вистара
Въ девятое лѣто
Правленья Джемшара,
На праздникъ весны,
Въ столицѣ Ирана
Ширазѣ прекрасномъ,
Въ саду Дайріаны
Джемшара жены.

Весна наступаетъ; Иранъ, веселися:
Послѣдней твоей этотъ праздникъ весны;
Сплошной отъ Байкала до Инда ордою
На западъ несутся пустыни сыны.

Отъ скудости странъ ихъ, тѣла ихъ скелеты,
И сквозь ихъ лохмотья ихъ ребра видать;
Широки ихъ лица, и плоски черты ихъ;
На плоскихъ чертахъ ихъ бездушья печать.

Какъ гривы ихъ коней, жестки волоса ихъ,
И взглядъ ихъ прижмуренъ, добычи искать;
Какъ крючья ихъ руки, какъ когти ихъ пальцы,
И цѣпки и крѣпки хищенье хватать;

Шумитъ ихъ дыханье порывами бури,
И вѣтръ отъ той бури тлетворной чумы:
Траву изсушаетъ, и звѣря онъ бѣситъ,
И ужасомъ въ людяхъ мертвитъ онъ умы.

Отъ вопля томленья ихъ жажды до крови
И топота коней, и грома литавръ,
Волнуются рѣки, и море бушуетъ
Дрожатъ Гималаи, колеблется Тавръ.

Весна наступаетъ; Иранъ веселися:
Послѣдней твоей это праздникъ весны;
Сплошной отъ Байкала до Инда ордою
На западъ несутся пустыни сыны.

Хорошіе стихи, Вуколъ Михайловичъ. Жаль только, что мнѣ очень тяжело писать стихи. Потому, у меня лишь въ нѣсколькихъ мѣстахъ, всего только въ вступленіи и, кромѣ приведеннаго, только еще въ двухъ, трехъ маленькихъ эпизодахъ, введена „прямая передача“ поэмы, по выраженію Вязовскаго; [1]) все остальное, то есть, всю поэму, кромѣ этихъ нѣсколькихъ десятковъ стиховъ, Вязовскій пересказываетъ „по памяти“, „своими словами“, прозой. А поэма эта:

Эль-Шемсъ-эль-Леила-Наме́
книга Солнца Ночи.

Вязовскій не скоро доберется до того, чтобы разсказать ее; по сказочной

---

[1]) Дѣйствующее лицо въ произведеніи Чернышевскаго. *Ред.*

формѣ рамки, причиной задержки исполненію его обѣщанія разсказать эту поэму служитъ длинное сцѣпленіе обстоятельствъ, приводящее княгиню Старобѣльскую къ согласію объявить, что она вступаетъ въ бракъ съ княземъ Серпуховскимъ Художественная причина отложить поэму до конца первой части безконечнаго романа та, что европейскіе разсказы блѣднѣютъ передъ этой поэмой, авторомъ которой Вязовскій называетъ Гюльзадé, царевну прежней персидской династіи, тайно живущую въ Англіи и замышляющую освободить Иранъ отъ рабства каджарамъ—каджары это туркмены, это туранцы, это вѣковѣчные враги Ирана, истребители просвѣщенія—Иранцевъ.

Начинаетъ писать мой молодой другъ (настоящій плохой и будущій хорошій артистъ труппы Гавріила Мироновича Коврова (Константинъ Михайловичъ Ѳедоровъ).

Я получилъ вчера книжку Виктора Александровича „Воспитаніе“ и пр. Благодарю его за доброе расположеніе.

Хочу написать рецензію этой книжки для *Русскихъ Вѣдомостей*. Если раньше, чѣмъ пришлю ее, будетъ помѣщена въ нихъ другая рецензія, это ничему не помѣшаетъ, потому что моя рецензія будетъ, разумѣется, своеобразная не повторяющая ничего, что можетъ быть сказано о книжкѣ другимъ рецензентомъ и не могущая противорѣчить ничему, сказанному имъ о ней. Вотъ видите, Вуколъ Михайловичъ, какъ умудряетъ Богъ младенцевъ (къ которымъ безъ сомнѣнія и Вы, подобно Константину Михайловичу, причисляете меня, принимая въ соображеніе фазисъ умственной эволюціи, нѣтъ Вы не слишкомъ-то считайте меня старикомъ, отставшимъ отъ вѣка: употребляю, какъ видите дурацкія новыя слова, въ доказательство моей вѣрности за успѣхами просвѣщенія; терпѣть не могу слова „эволюція“ съ которымъ новомодная наука носится какъ дурень съ писанной торбой, по выраженію Гоголя, до котораго я дожилъ): открылось по божественному вдохновенію мнѣ, куда я могу сбывать черезъ Васъ и Виктора Александровича тотъ избытокъ моихъ журнальныхъ работъ, который оказался бы лишнимъ для *Русской Мысли* по соображенію, о которомъ писалъ я выше, эти статьи будутъ находить себѣ мѣсто въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*. Кстати поблагодарите редакцію ихъ за ту любезность, что она присылаетъ мнѣ (свою дѣйствительно честную, безукоризненно честную) газету.

Жму руку Виктору Александровичу. Буду писать ему на дняхъ; то есть вѣроятно—не слишкомъ-то скоро. Не знаю, когда выбирать свободный—хоть получасъ, если не часъ.

Жму Вашу руку, добрый другъ Вуколъ Михайловичъ

Вашъ *Н. Чернышевскій.*

---

10 Янв. 1889.

Добрый и глубокоуважаемый другъ

Вуколъ Михайловичъ,

Вамъ не понравилась моя повѣсть, не понравилась, не понравилась. Какъ могъ бы я сердиться на Васъ за это? Развѣ Вы виноваты въ томъ, что она не понравилась Вамъ? Развѣ Вамъ хотѣлось чтобъ она не понравилась Вамъ? Виновата она. Стану я досадовать изъ-за этого!—Пустое вышло дѣло, и забудемъ его. Когда у меня найдется досугъ продолжать романъ, начало котораго имѣетъ названіе „Вечеровъ у княгини Старобѣльской“, я попрошу Васъ переслать обратно мнѣ находящуюся у Васъ рукопись; но когда это будетъ, не знаю; вѣроятно, не

скоро. А до той поры, пусть валяется рукопись у Васъ; все равно, валялась бы она и у меня, ненужная пока мнѣ.—Если найду досугъ кончить романъ, то издамъ его отдѣльной книгой. Но—работы у меня столько, что не умѣю опредѣлить, когда найдется мѣсяцъ досуга для труда, болѣе правящагося мнѣ, чѣмъ работа, которой живу.

Добрый другъ, благодарю Васъ за Ваше расположеніе ко мнѣ. И прошу, вѣрьте прочности моего расположенія и—искренно говорю—моего уваженія къ Вамъ.

Жму Вашу руку.

Вашъ *Н. Чернышевскій.*

---

20 Дек. вторникъ.

Глубокоуважаемый

Вуколъ Михайловичъ,

Неисправенъ я передъ Вами. Но къ лучшему для *Русской Мысли*, въ томъ случаѣ, если Вы захотите помѣстить въ ней мои „Вечера у Княгини Старобѣльской“.

Посылая Вамъ начало перваго вечера, главную часть котораго составляетъ разсказъ „Мое оправданіе“, образующій совершенно самостоятельное цѣлое, и предназначая этотъ вечеръ для Январской книжки *„Русской Мысли“*, я телеграфировалъ Вамъ, что пошлю окончаніе черезъ два дня, то есть, въ субботу, 17 числа, и что оно лишь третья доля вечера по объему, то есть непосланная доля вдвое меньше посланной.

Вмѣсто 17-таго я послалъ ужь только 18-таго въ воскресенье,—и то лишь большую часть остававшагося не посланнымъ въ посылкѣ 15-го дек., а не все. И однако же послалъ телеграмму Вамъ и объяснилъ въ одновременно отправленномъ письмѣ, что послѣдніе листы, вложенные въ заказное письмо, дойдутъ до Васъ одновременно съ листами второй посылки. Мнѣ сказали, что заказныя письма, отданныя въ понедѣльникъ, отправляются въ тотъ же день; а посылки, отданныя въ воскресенье, отправляются, это я зналъ, тоже въ понедѣльникъ. На дѣлѣ вышло, что мнѣ соврали: заказныя письма, принятыя въ понедѣльникъ, отправляются вмѣстѣ съ посылками въ среду. Потому, отдать письма въ понедѣльникъ было бы безполезно. Такимъ образомъ, вышло еще два дня просрочки въ полученіи Вами (отправленія мною Вамъ) окончанія перваго отдѣла моего ряда разсказовъ.

Я просрочилъ, въ суммѣ, пятью днями противъ обѣщаннаго Вамъ (отдаю на почту 20 числа, во вторникъ, вмѣсто обѣщаннаго 15 числа, четверга, то есть дѣлаю такъ, что Вамъ будетъ посланъ этотъ конецъ 21 числа, въ среду, вмѣсто 17 числа, пятницы). Отъ этой просрочки въ отправленіи Вы получите конецъ не 20 или 22,—какъ я желалъ и обѣщалъ, и ждали по первой моей телеграммѣ Вы, а 27 или 28 дек. Отправится конецъ посылкой, а не заказнымъ письмомъ, потому что оно не даетъ выигрыша времени.

Моя склонность влечетъ меня смѣяться надъ собой за это и ругать себя. Но считаю болѣе полезнымъ говорить серьезно.

Когда кончается наборъ книжки *Русской Мысли*? Какъ идетъ формированіе состава книжки?—Я этого не знаю. У насъ въ *Современникѣ* дѣлалось, по порядку, заведенному раньше моего сотрудничества Некрасовымъ такъ:

Заранѣе опредѣлялся составъ книжки; иногда на три, на четыре мѣсяца впередъ; но когда начиналось печатаніе, онъ непрерывно могъ быть измѣняемъ со-

образно поступленія новыхъ матеріаловъ; эта свобода измѣненія длилась до послѣдняго дня возможности измѣнять составъ книжки. Объясню примѣромъ, въ которомъ подвергающійся перемѣнѣ отдѣлъ журнала—беллетристика (съ которой и бывало это особенно часто).

Она печаталась крупнымъ шрифтомъ, Цицеро. У насъ типографія была бѣдна шрифтами, такъ что каждый мѣсяцъ часть каждаго изъ двухъ главныхъ шрифтовъ (Цицеро и Боргеса) шла въ дѣло два раза, даже три.

Положимъ, въ книжкѣ должно было быть 15 листовъ Цицеро. А у насъ всего этаго шрифта было только на 12 листовъ.—И даже при такой скудости шрифта, набранныя повѣсти были отлагаемы,—въ наборѣ, готовомъ, прошедшемъ черезъ двѣ корректуры—на мѣсяцъ, на два, на три, если являлся матеріалъ болѣе важный. Напримѣръ, такъ: наборъ книжки начатъ 29 числа; первый готовый оригиналъ—посредственная повѣсть, 4 листа. Прошло 4 дня, она набрана. Дальше, въ 4 листа и въ 7 листовъ есть повѣсти получше; изъ нихъ идетъ въ наборъ та, которая въ 7 листовъ; около 8 числа присылается хорошая повѣсть въ 5 листовъ; Некрасовъ говоритъ: вторая, ужъ набираемая и третья, еще не набираемая, повѣсти останутся въ книжкѣ, а первая наименѣе полезная журналу, ужь набранная, отлагается до той поры, когда не будетъ лучшаго матеріала; наборъ ея пусть стоитъ и ждетъ.—Осталось только 7 листовъ шрифта; а надобно его на 15 листовъ; ну, вертись типографія, какъ знаешь.—Вторая повѣсть въ 4 листа, бывшая первой, набрана, но еще не вышла изъ цензуры; набрано 3 листа второй, недостаетъ шрифта на 3 листа; Некрасовъ говоритъ: разобрать 3 листа набора отложенной повѣсти.—Первая вышла изъ цензуры, стало свободно 11 листовъ набора; хватитъ на 2-ю повѣсть (6 листовъ) и, на третью, въ 5 листовъ, новую, не предвидѣнную при составленіи плана книжки, и вытѣснившую изъ нея прежнюю первую. А если третья повѣсть имѣла 6 листовъ?—недостаетъ одного листа шрифта; Некрасовъ велитъ разобрать и единственный остававшійся листъ набора отложенной повѣсти. Если она не останется выброшенной за бортъ, попадетъ въ одну изъ слѣдующихъ книжекъ, это будетъ ужь новый наборъ.

Это (по тогдашней цѣнѣ) было 44 или 48 рублей убытку. Карлъ Ивановичъ Вульфъ, честнѣйшій человѣкъ, всей душой преданный Некрасову и *Современнику*, факторъ *Совр-ника*, впослѣдствіи хозяинъ типографіи, гдѣ печатался этотъ журналъ) горюетъ, жалуется Некрасову на его распоряженіе: „Николай Алексѣевичъ, Вы дѣлаете 48 рублей убытка журналу“—„Нужды нѣтъ, Карлъ Ивановичъ; такъ будетъ выгоднѣе для журнала“.

Такой ли порядокъ у Васъ? Я думаю, такой; для Васъ онъ тѣмъ легче, я думаю, что предполагаю: Ваша типографія не бѣдна шрифтомъ. Если такъ, то моя повѣсть съ своей долей рамки попадетъ въ Январскую книжку.

Если же нѣтъ, то я буду не для забавы своему дурачеству, а серьезно ругать себя за то, что отослалъ ее Вамъ для Январской книжки, а не продержалъ у себя еще недѣлю, чтобъ улучшить. Я много улучшилъ бы ее въ недѣлю. Давъ себѣ просрочку въ пять дней вмѣсто двухъ, я пріобрѣлъ время сдѣлать великолѣпное улучшеніе во второй половинѣ ея, надъ которой работалъ эти пять дней.—Депеши, получаемыя Семтембрини изъ Марсели, были въ первой редакціи, для краткости, пересказываемы самимъ Семтембрини. Это былъ слогъ Семтембрини, человѣка умнаго, но не блестящаго. Въ переработанной редакціи, я возстановилъ прямую форму депешъ, и получились страницы блистательныя. Въ той редакціи не было даже имени Джеррольда, было только упоминаемо въ разсказѣ Семтембрини, что эти извѣстія доставлялъ ему „корреспондентъ“ — посланный Бриггсомъ, то же коммерческій человѣкъ, подобный Бриггсу, очень проница-

тельный, но неизмѣнно докторальный. А теперь это новое лицо, Джеррольдъ—самое лучшее изъ всѣхъ съ точки зрѣнія вкусовъ публики. Будь у меня недѣля, я имѣлъ бы время написать десятокъ страницъ объ лицѣ M-me Дюбелле, другіе два десятка о миссисъ Бриггсъ, я изобразилъ бы домашній бытъ Гастона Форкалькье, обрисовалъ бы фигуры его, жены его, Ремона, Леоніи; я отказывался отъ всего этого, чтобъ ограничиться числомъ страницъ, какое возможно успѣть написать для Январской книжки. Не все, разумѣется, въ улучшеніи было бы расширеніемъ; я упростилъ бы обстоятельства; повѣсть выиграла бы въ сжатости и силѣ также и отъ другихъ пріемовъ; напримѣръ, я успѣлъ примѣнить форму тостовъ къ оцѣнкѣ дѣйствующихъ лицъ; это вышло великолѣпно; и стали ненужны разсужденія о томъ, что́ хорошо, что́ дурно въ повѣсти; а безъ оцѣнки тостами было необходимостью, чтобы слушатели и слушательницы разсуждали о повѣсти, спорили между собой и нападали на Вязовскаго, который отмалчивался бы и подъ конецъ разъяснилъ бы: „Эхъ, Вы! потому то я и не хотѣлъ разговаривать съ Вами въ библіотекѣ, что Вы говорили пустяки",—и растолковалъ бы, въ чемъ дѣло. Теперь, послѣ тостовъ, нападенія на него невозможны, и гости немедленно разъѣзжаются; но—знаетъ или не знаетъ Вязовскій безъ чужихъ указаній, что́ хорошо, что дурно въ его повѣсти, что́ ясно, что не ясно?—Знаетъ; потому что—очевидно,—да и прямо сказано въ предисловіи—Вязовскій, это самъ Полянскій, преувеличивающій для лучшаго комизма свои забавныя странности и неуклюжести. (А Полянскій—это я, Н. Чернышевскій?—Разумѣется.—И по поводу этого, вотъ штука, которая очень досадна мнѣ, но устранить которую было нельзя) держась стѣсненнаго объема по желанію послать повѣсть во время для Янв. книжки: Вязовскій получаетъ теперь очень мало дохода, и притомъ новаго дохода, а прежній доходъ его исчезъ; какъ исчезъ?—Коротко, это было можно сдѣлать однимъ способомъ: онъ подарилъ его; будь у меня время, я оставилъ бы кляузу совладѣтеля сада, и Вязовскій вышелъ бы не человѣкомъ, сдѣлавшимъ добро нуждающемуся родному семейству, а просто любителемъ спокойствія, бросающимъ собакѣ свой кусокъ, чтобъ она отстала отъ него. Это было бы лучше; но требовало бы нѣсколькихъ страницъ. А у меня не было времени для нихъ. И такъ, Вязовскій знаетъ все, что можно сказать противъ его первой повѣсти, и отвѣчаетъ на эти неслышанныя имъ замѣчанія второю повѣстью (на второмъ вечерѣ).

И если я безъ пользы для Январской книжки отказалъ себѣ въ исполненіи того, что́ было нужно для улучшенія „перваго вечера", то я буду сердиться на себя за ошибку. Но—я говорю, что „Первый Вечеръ" могъ бы быть сдѣланъ лучше, чѣмъ онъ теперь. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что въ нынѣшнемъ своемъ видѣ онъ плохъ?

— Слѣдуетъ ли, или нѣтъ, пусть это будетъ рѣшено Вами и Вашими литературными товарищами по чтенію „Перваго Вечера" въ книжкѣ *Русской Мысли*. Настойчиво говорю Вамъ: не читайте въ рукописи и не давайте никому читать того, что присылаю я Вамъ для *Русской Мысли*. Никакихъ иныхъ отношеній ко мнѣ я не могу допустить. Хотите имѣть меня своимъ сотрудникомъ то посылайте въ типографію, не читая сами и не давая читать никому, то, что получаете отъ меня.

Пожалуй, кто нибудь изъ близкихъ Вамъ или Виктору Александровичу скажетъ:

„Да какъ же это возможно?"—Кто скажетъ Вамъ или ему это, тому Вы или онъ должны сказать: „молчи, милый; ты прекрасный человѣкъ, но ты глупъ". По инымъ правиламъ невозможно вести хорошимъ образомъ никакой работы,

превышающей физическія силы одного человѣка.—Будь Вы способенъ писать 24 часа въ день, выходило бы 24 страницы формата *Русской Мысли* въ сутки; Вы и успѣвали бы собирать въ голову матеріалъ для того, что писали бы; тогда Вы могли бы вести журналъ безъ довѣрія къ труду другихъ.—Три четверти листовъ *Русской Мысли* попадаютъ въ нее лишь по формѣ подъ контролемъ Вашимъ или Виктора Алекс—вича, а на самомъ дѣлѣ безъ контроля: „чортъ ихъ разберетъ",—это въ сущности мнѣніе каждаго изъ насъ по всѣмъ вопросамъ, кромѣ немногихъ, и мы принимаемъ то или другое рѣшеніе не рѣшенныхъ лично нами вопросовъ по довѣрію къ другимъ,—такъ и о повѣстяхъ, и о статьяхъ журнала, всякаго порядочнаго: выбирай сотрудниковъ, и выбравъ, не мѣшай. Такъ было въ *Современникѣ*. Не говорю о себѣ и Добролюбовѣ,—но читалъ ли кто статьи Григ. Зах. Елисѣева? Никто. Отвѣтственность за нихъ лежала на мнѣ. Я никогда не читалъ ихъ (кромѣ первыхъ, по которымъ увидѣлъ, что можно довѣрять Елисѣеву). А Некрасовъ тѣмъ меньше читалъ ихъ.—Досадую я на Васъ и Виктора Александровича, что Вы своимъ поступкомъ съ моей статьею о Дарвинѣ заставили меня писать Вамъ длинныя письма. Чортъ-бы подралъ длинныя письма мои! И мало того, что принуждаете меня писать длинныя письма—принуждаете меня самого хвалить Вамъ себя!—меня! Хвалить себя! Чортъ бы побралъ и меня съ моими похвалами себѣ! Недостало мѣста для рукопожатія Вамъ и Викт. Алексѣевичу въ концѣ 2-го (втораго!) листа почтовой бумаги и Вы съ Викт. Ал—чемъ принудили меня тратить время на такія письма! Золъ я на Васъ, золъ. Ну, такъ и быть, жму руки Вамъ и ему.

Вашъ *Н. Ч.*

II. Мысли о войнѣ и смерти сто лѣтъ тому назадъ.

Волею судебъ Россія въ началѣ XX столѣтія переживаетъ испытаніе, напоминающее то, что было въ началѣ прошлаго вѣка. Теперь, когда тысячи съ личной точки зрѣнія непонятныхъ и непріемлемыхъ нашимъ сознаніемъ смертей обрушились на насъ, намъ цѣнно и дорого знать, какъ за сто лѣтъ до нашего времени относились люди къ такимъ же нахлынувшимъ на нихъ смертямъ и страданіямъ.

Печать особенно остраго интереса лежитъ поэтому на всѣхъ документахъ, раскрывающихъ передъ нами душевную жизнь этихъ людей.

Сохранилась любопытная рѣчь, произнесенная въ одной изъ тогдашнихъ масонскихъ ложъ „въ послѣдній вечеръ 1812 года" [1]). Заключительная часть этой рѣчи относится къ великой войнѣ, которой жила тогда Россія. Эта часть рѣчи и приводится ниже.

Г. Вернадскій.

Нынѣ и все наше любезное отечество предлежитъ намъ очевиднымъ позорищемъ [2]) чудесъ Господнихъ, кои Онъ сотворилъ для спасенія и помилованія

---

[1]) Рукописный IV томъ „Магазина Свободно-каменщическаго", Публ. Библ., О. III 39[3], стр. 231—237. Благодаря любезности Б. Л. Модзалевскаго я имѣлъ возможность ознакомиться съ автографами архива Лабзина и установить, что почеркъ, которымъ написанъ этотъ томъ „Маг. Св.-кам.", принадлежитъ В. В. Романовскому (о немъ см. статью Б. Л. Модзалевскаго въ имѣющемъ появиться томѣ „Русскаго Біограф. Словаря"). Разумѣется, вопросъ объ авторѣ рѣчи этимъ не предрѣшается.

[2]) Позорище—зрѣлище. *Ред.*

нашего и коими прославилъ имя Свое Святое въ насъ недостойныхъ. Приведемъ себѣ на мысль л. брр. [1]) ужасы военные, коими мы смущались, устрашались, отъ коихъ унывали. Гдѣ страхъ сей? Гдѣ врагъ нашъ? „Мимо идохъ и се не бѣ!—возведемъ очи наша въ горы, отнюдуже пріиде помощь наша! Помощь наша отъ Господа, создавшаго небо и землю“.

Самыя бѣдствія, въ семъ году насъ постигшія, были не бѣдственны, понеже послужили къ обращенію невѣрующихъ къ утвержденію маловѣровъ, къ пріумноженію вѣры и къ радостнымъ ожиданіямъ вѣрныхъ.—Издревле, мои л. брр. нечестіе и беззаконіе омывались съ земли кровію—„кровію вся очищаются по закону, и безъ кровопролитія не бываетъ оставленіе (грѣховъ)“ говоритъ апостолъ Павелъ, Евр. IX, 22. Отсюду учрежденія жертвъ, заколенія и всесозженія повсюду. Въ Іудейской Церкви самъ Первосвященникъ, имѣвшій только единожды въ годъ входъ во святая святыхъ, не могъ входить туда безъ крови (тамъ же, стр. 25). Издревле, кромѣ очистительныхъ жертвъ, установлены были жертвы умилостивительныя—отсюда различіе жертвоприношенія крови *козлей* [2]) и крови *агнчей* [2]) и тому подобн.—И самъ родъ человѣческой, за преумноженіе беззаконій, долженствовалъ иногда давать сіи жертвы — изъ среди себя; приносить въ жертву кровь невинныхъ человѣковъ, для умилостивленія—какъ тогда говорили—адскихъ фурій, или какъ мы нынѣ скажемъ—ярости гнѣва Божія. Но что я говорю? Самая святая наша вѣра не на кровавой ли жертвѣ Праведника, умершаго за грѣшники, основана?—Родъ человѣческій, не престающей отъ беззаконій своихъ, не престаетъ платить кровію своею правосудію Божію: ибо когда найдемъ мы то время, чтобы кровь человѣковъ не проливалась гдѣ нибудь войнами, мятежами, частными ссорами и тайными убійствами?

При чрезвычайномъ искаженіи нравовъ и жертвы требовались чрезвычайныя. Тогда постигали человѣковъ трусы, потопы, язвы и пагубы; воставали нашествія варваровъ, прехожденія цѣлыхъ народовъ; рождались Аттилы, Тамерланы, Батыи, Чингисханы, Магометы, и являлись такія обстоятельства, отъ коихъ кровь человѣческая струилась рѣками, каковы суть народныя мятежи и междоусобныя брани, гоненія и войны за вѣру и за политическія мнѣнія, каковыя суть крестовыя походы, сициліанскія вечерни, варѳоломеевскія ночи, покореніе Америки, французская революція, обагрившая кровію весь извѣстный міръ. Признаемся, л. брр., что и Россія имѣла часть свою во всеобщемъ нечестіи и развратѣ, почему и должна была дать свою долю жертвъ правосудію Господню; и ангелъ-истребитель взялъ съ нея ея долю. Мы трепетали о предстоящей намъ гибели; но какъ скоро гнѣвъ праведнаго Бога преложился къ намъ на милость, паче всѣхъ прочихъ языковъ и племенъ! Теперь умилосердился Господь надъ нами; жертвы престали, и благословенія Его полились на насъ, и теперь мы можемъ ожидать пріумноженія всякихъ благъ.

Дѣйствительно мы можемъ совѣстію торжествовать л. брр. какъ о спасеніи нашемъ, такъ и о спасителяхъ нашихъ, жертвахъ за насъ, которыя, омывъ кровію своею землю нашу, отверзли намъ небеса. Ибо между множествомъ пострадавшихъ братіи нашей, Россіянъ, отъ раззореній и огня и всякой пагубы и падшихъ за насъ отъ меча смертоноснаго ангела, безъ сомнѣнія находятся и такіе крестоносцы, которые все то претерпѣли не въ наказаніе за собственныя ихъ преступленія, но за беззаконія своихъ братій. Ихъ-то язвою мы исцѣлѣхомъ; они то Истинные Герои, поразившіе врага нашего и обратившіе злобу его на главу

---

[1]) Любезные братья.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

его; они то истинные побѣдоносцы и спасители, а можетъ быть и покровители отечества нашего! Они жертвоприношеніемъ своимъ преклонили къ намъ небеса, и какъ громовые отводы, перенимая на себя удары громовъ небесныхъ къ намъ, низводятъ токмо электрическую искру благодати. Они не требуютъ нашего жалѣнія, но подражанія л. брр.; ибо, по примѣру высокаго путевождя своего, они не сѣтуютъ о претерпѣнномъ ими за братію, но радуются о семъ и торжествуютъ, измѣнясь въ естествѣ своемъ и испытавъ „что недостойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ нихъ“;—чувствія ихъ не суть уже чувствія наши; и похищенныя у нихъ благи не суть ихъ благи. Они торжествуютъ и даютъ возможность торжествовать намъ, какъ о спасеніи нашемъ, такъ и о пріобрѣтеніи таковыхъ предстателей за насъ у умилостивленнаго Бога. О какъ измѣнился видъ лица помилованной Россіи въ концѣ сего истекающаго года! И въ какомъ торжествѣ встрѣчаемъ мы ново-настающій годъ!—Принесемъ убо благоговѣйныя благодаренія Богу, благодѣтелю нашему; и во умиленіи и сокрушеніи сердца, мы, ничтожные, преклоним и главы, и сердца, и колѣна, воздадимъ хвалу Пресвятому имени Его.

Балканскія настроенія. [1])

1.

У насъ, въ Россіи, принято въ послѣднее время жестоко упрекат Болгарію. Мы упрекаемъ Болгарію за то, что нападеніемъ на сербов 16 іюня 1913 г. она разрушила балканскій союзъ и сыграла въ рук дипломатамъ Берлина и Вѣны. Мы упрекаемъ Болгарію за то, что с 23 іюня 1913 г. и до начала европейской войны она вела опредѣлее ную австро-германскую политику. Мы упрекаемъ Болгарію за то, чт когда началась европейская война, Болгарія отказалась помочь Сербі и нѣсколько разъ опредѣленно и недвусмысленно помогала ея и на шимъ врагамъ.

Наблюдая жизнь на Балканахъ вотъ уже шестой годъ, всматриваяс внимательно и пристально во всѣ детали балканской политики и дипл матіи въ самые критическіе моменты жизни балканцевъ, я, по совѣст до сихъ поръ не могу согласиться съ тѣми, кто всю отвѣтственнос за крушеніе балканскаго союза переноситъ на Болгарію и на болгар Исторія балканскихъ войнъ 1912—13 гг. въ самомъ непродолжител номъ времени точно установитъ долю отвѣтственности каждаго изъ ба канскихъ государствъ въ тяжелой балканской катастрофѣ. Но моя п мять подсказываетъ мнѣ, что уже въ декабрѣ 1912 года, когда посл подписанія чаталджанскаго перемирія я объѣзжалъ оккупированну греками и сербами Македонію, я чувствовалъ, что этотъ оккупаціо ный режимъ неумолимо ведетъ къ междусоюзнической войнѣ. Въ ц ломъ рядѣ „македонскихъ писемъ", опубликованныхъ въ декабрѣ 191 и въ январѣ 1913 гг. въ *Рѣчи*, я былъ—увы!—пророкомъ. А вѣдь в ту пору вся болгарская армія мерзла на Чаталджѣ и Булаирѣ, н только не думая о нападеніи на своихъ союзниковъ, но, наоборот

---

[1]) Предлагаемая статья, написанная до вступленія Турціи въ европейскую войн невольно вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія, которыя читатель найдетъ ниже въ пр пискѣ П. Б. Струве. *Ред.*

собственной грудью отстаивая своихъ союзниковъ отъ новой, свѣжей, только что сконцентрировавшейся и еще не участвовавшей въ бояхъ турецкой арміи.

Когда въ концѣ 1912 г. я вернулся изъ своей поѣздки по Македоніи въ Софію, мнѣ пришлось бесѣдовать съ тогдашнимъ болгарскимъ министромъ-президентомъ г. Ив. Гешовымъ. Я помню ясно, что я былъ тогда настроенъ чрезвычайно пессимистически, и, несмотря на то, что г. Гешовъ казался мнѣ склоннымъ на всевозможныя уступки, я былъ убѣжденъ, что междусоюзническая война—вопросъ если не недѣль, то мѣсяцевъ.

Въ началѣ іюня 1913 года новый болгарскій министръ-президентъ г. д-ръ Даневъ обратился ко мнѣ съ просьбой выполнить одну работу, стоявшую въ непосредственной связи съ предполагавшимся въ Петроградѣ арбитражемъ. Какъ по смыслу самой работы, такъ и изъ моихъ разговоровъ съ д-ромъ Даневымъ я убѣдился, что болгарское правительство пойдетъ на всевозможныя уступки. Но по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я получалъ тогда изъ Бѣлграда и Бухареста, я видѣлъ, что уступчивость болгарскаго правительства не приведетъ ни къ чему и что въ Бѣлградѣ и Аѳинахъ желаютъ не арбитража, а войны. Заявленіе Румыніи о томъ, что она ни въ коемъ случаѣ не останется нейтральной, было рѣшительнымъ. Сербія и Греція, колебавшіяся и сомнѣвавшіяся въ успѣхѣ, заручившись обѣщаніями Румыніи, перестали колебаться и сомнѣваться. Уже въ началѣ іюня 1913 г. въ Бѣлградѣ, Аѳинахъ и Бухарестѣ была рѣшена война противъ Болгаріи, и я знаю положительно, что, если бы 16 іюня болгаре не напали на сербовъ, черезъ нѣсколько дней сербы и греки напали бы на болгаръ. Даже въ томъ случаѣ, если бы делегаты Болгаріи и Сербіи успѣли выѣхать въ Петроградъ на конференцію по арбитражу.

Въ іюлѣ 1913 г., за день до открытія бухарестской конференціи, я имѣлъ продолжительную бесѣду съ румынскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, г. Таке Іонеску. Онъ задалъ мнѣ тогда нѣсколько вопросовъ, первымъ изъ которыхъ былъ слѣдующій:

— Кто виноватъ въ началѣ междусоюзнической войны?

На этотъ вопросъ я тогда же прямо и безъ обиняковъ отвѣтилъ г. Таке Іонеску, что, по моему глубокому убѣжденію, вся вина падаетъ на Румынію, такъ какъ ея вмѣшательство въ балканскія событія опрокинуло существовавшее до сихъ поръ соотношеніе силъ и подвело фундаментъ подъ непримиримость грековъ и сербовъ. Я видѣлъ, что мой отвѣтъ поразилъ г. Іонеску. Онъ откинулся назадъ въ своемъ креслѣ, посмотрѣлъ на меня широко раскрытыми глазами и, не то удивляясь, не то искренно сожалѣя, воскликнулъ:

— Но мы стремились именно къ обратному!...

Тогда я не хотѣлъ и теперь не имѣю въ виду сказать, что 16 іюн не сыграло никакой роли въ событіяхъ и что на Болгарію не падает ея доля отвѣтственности за крушеніе балканскаго союза. Но и тогд я думалъ, и теперь я убѣжденъ въ томъ, что причины этого крушені были весьма глубоки и чрезвычайно разносторонни. И я радъ, что тот же г. Таке Іонеску, находящійся теперь въ оппозиціи, мѣсяцъ том назадъ опубликовалъ въ своемъ органѣ *La Roumanie* статью, въ кото рой приходитъ къ тѣмъ же выводамъ.

Относительно „поворота курса" и оріентировки болгарской политик въ сторону Берлина и Вѣны и въ болгарской, и въ русской печал написано такъ много, что вопросъ этотъ можно считать совершенн исчерпаннымъ. Правительство гг. Радославова, Геннадіева и Тончев (а впослѣдствіи только гг. Радославова и Тончева) было призвано к власти въ совершенно исключительный моментъ и для совершенно искле чительныхъ цѣлей: въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Софіи разъѣзжал румынскіе кавалеристы, угрожая столицѣ Болгаріи если не войной, скандальнымъ погромомъ. Болгарская армія, отрѣзанная отъ свое тыла, геройски выполняла третій по счету планъ своей главной ква тиры, но ея борьба походила уже не на войну, а на любительскій бо на кулачки. Свѣжая, прекрасно вооруженная и обмундированная туре кая армія наступала на Адріанополь съ опредѣленной цѣлью—вступи на болгарскую территорію у Филипополя (Пловдива). Министръ-предс датель д-ръ Даневъ со слезами на глазахъ заявилъ въ коронномъ с вѣтѣ, что вся его политика обанкротилась. Вожди остальныхъ полит ческихъ партій боялись той громадной отвѣтственности, которая н избѣжно должна была пасть на всякое новое правительство. При т комъ положеніи дѣлъ всякій выходъ былъ хорошъ, и то, что сдѣла Геннадіевъ въ іюлѣ 1913 г., было единственнымъ, что можно бы сдѣлать для Болгаріи въ эти ужасные для нея дни. Теперь, post fa tum, можно критиковать и анализировать, но я отчетливо, въ мельча шихъ деталяхъ помню начало іюля 1913 г. въ Софіи и въ полно сознаніи отвѣтственности, которую принимаю на себя, утверждаю, ч ничего иного сдѣлать было нельзя.

Правительство гг. Радославова, Геннадіева и Тончева дебютирова (еще до принятія власти) письмомъ къ царю Фердинанду, въ котор излагало свое политическое credo:

„Нужно прямо и откровенно итти съ Германіей и Австріей!"

Таковъ былъ лейтъ-мотивъ этого письма.

У меня есть основанія утверждать, что 23 іюня, когда гг. Радосл вовъ, Геннадіевъ и Тончевъ подписали это письмо, содержаніе его бы только фразой. У меня есть основанія утверждать, что и въ іюлѣ, въ августѣ 1913 г. письмо шефовъ такъ называемой либеральной ко

центраціи оставалось только письмомъ и ни въ какой мѣрѣ не претворялось въ активную политику. Не потому, чтобы этого не хотѣли шефы ставшихъ у власти партій. А потому, что Берлинъ и Вѣна, запутавшись въ противорѣчіяхъ бухарестскаго договора и новаго балканскаго равновѣсія, не могли ничего сдѣлать для Болгаріи.

Еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1913 г., т.-е. тогда, когда правительство г. Радославова успѣло уже прочно обосноваться и начать подготовку выборовъ, лицо, играющее крупную роль во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи, говорило мнѣ въ Вѣнѣ:

— Мы здѣсь, въ Вѣнѣ, категорически не можемъ сдѣлать ничего для этихъ бѣдныхъ болгаръ. Они должны итти съ вами, и мы въ этомъ отношеніи, конечно, окольными путями, дали имъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ.

Въ сентябрѣ и даже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1913 г. г. Радославовъ не былъ еще ни съ Вѣной, ни съ Берлиномъ. Но уже самый фактъ существованія письма, адресованнаго къ царю, дѣлалъ свое дѣло. Какъ всегда бываетъ въ политикѣ и въ дипломатіи, лозунги волновали больше, чѣмъ дѣла. Предвыборная кампанія въ XVI народное собраніе была критикой не столько дѣлъ г. Радославова, сколько его намѣреній, выраженныхъ въ этомъ письмѣ. Началась борьба за власть,—борьба, въ которой съ рѣдкимъ единодушіемъ болгарская оппозиція первый разъ за все время существованія Болгаріи побѣдила болгарское правительство. Правительству отъ словъ пришлось перейти къ дѣйствіямъ. Необходимо было или уйти въ отставку, или полностью осуществить программу, изложенную въ письмѣ отъ 23 іюня. Г. Радославовъ предпочелъ послѣднее. Вмѣсто того, чтобы вспомнить торжественную декларацію, сдѣланную имъ и г. Геннадіевымъ въ началѣ іюля 1913 г. („мы становимся у власти только для ликвидаціи положенія, но отнюдь не для управленія страной"), уже въ ноябрѣ того же года было ясно, что г. Радославовъ хочетъ управлять страной „во что бы то ни стало", даже при отсутствіи большинства въ народномъ собраніи.

Создалось съ ноября 1913 г. такое положеніе: съ одной стороны, правительство, ищущее связей съ Берлиномъ и Вѣной, и, съ другой стороны, оппозиціонное большинство, протестующее противъ этихъ связей и желающее возвращенія къ Россіи. Это именно положеніе, незначительно колеблясь то въ одну, то въ другую сторону, привело Болгарію къ ея теперешнему состоянію. Правительству г. Радославова, несомнѣнно, удалось отыскать связи съ Берлиномъ и съ Вѣной. Но настроеніе страны, но поведеніе объединенной оппозиціи парализовали и парализуютъ его прямую, не знающую зигзаговъ, волю. Пришлось и приходится прибѣгать къ игрѣ „благосклонностью" болгарскаго нейтралитета и, такимъ образомъ, лавировать между Сциллой австро-германскихъ вожделѣній и Харибдой желаній болгарскаго народа.

2.

Въ борьбѣ, которую ведетъ болгарская оппозиція противъ правительства г. Радославова, трудно стать на сторону послѣдняго. Но, къ счастью, мы, посторонніе и объективные наблюдатели балканской жизни, можемъ отвлечься отъ самаго процесса борьбы—этого внутренняго, домашняго дѣла Болгаріи—и учитывать только ея результаты. А результаты эти таковы, что въ данный моментъ, когда Берлинъ и Вѣна особенно нуждаются въ помощи Софіи [1]), письмо, написанное 23 іюня 1913 г. гг. Радославовымъ, Геннадіевымъ и Тончевымъ къ царю Фердинанду, все еще продолжаетъ оставаться письмомъ, а не документомъ. Въ этомъ—заслуга сплоченнаго болгарскаго народа, представленнаго „объединенной парламентской оппозиціей", въ этомъ—заслуга здраваго смысла болгарской интеллигенціи; въ этомъ, наконецъ, та предѣльная уступка, которую министръ-президентъ г. Радославовъ дѣлаетъ доброму, любящему свое отечество, болгарину—д-ру Радославову.

Я считаю необходимымъ подчеркнуть это обстоятельство, потому что оно является лучшимъ коррективомъ къ тѣмъ огульнымъ обвиненіямъ, которыя все чаще и чаще раздаются въ нашей прессѣ. Мы не имѣемъ права ни на минуту упускать изъ виду всего того, что предшествовало началу войны; мы не имѣемъ права ни на минуту упускать изъ виду того, что въ Болгаріи два теченія съ 23 іюня 1913 г. борются другъ съ другомъ и что цѣной громадныхъ моральныхъ усилій побѣждаетъ и морально торжествуетъ то, которое за насъ, которое съ нами, которое противъ нашихъ враговъ. Уже этого одного обстоятельства достаточно, чтобы теперь, когда Великая Россія поставила на очередь рѣшеніе цѣлаго ряда національныхъ вопросовъ, мы не забыли о странѣ и народѣ, борющемся за насъ если не на передовыхъ позиціяхъ и не въ окопахъ, то въ стѣнахъ своего народнаго собранія, въ своей прессѣ, во всей своей общественной и политической жизни. Мы должны перестать упрекать этотъ народъ, выдержавшій столько испытаній и доказавшій, что онъ умѣетъ бороться. Мы должны внимательно прислушаться къ нуждамъ этого народа, потому что, какъ бы ни кончилось то большое дѣло, которое дѣлаетъ Великая Россія, намъ всегда будетъ нужно, чтобы Болгарія была съ нами.

---

[1]) Не такъ давно германское правительство пригласило четырехъ болгаръ объѣхать германскіе театры военныхъ дѣйствій и убѣдиться въ томъ, что германскія войска не дѣлали никакихъ звѣрствъ. Вся эта поѣздка носила какой-то нелѣпый характеръ пикника съ переодѣваніями, и единственнымъ поучительнымъ моментомъ ея была встрѣча болгарскихъ экскурсантовъ съ гр. Тиссой въ Будапештѣ. На вопросъ болгаръ о томъ, какъ дѣла въ Сербіи, гр. Тисса отвѣтилъ: „Мы нажимаемъ сверху и если бы г. Радославовъ помогъ намъ и нажалъ снизу, то все было бы кончено".

Въ ряду отдѣльныхъ вопросовъ, изъ которыхъ составляется весь сложный комплексъ такъ называемаго балканскаго вопроса, вопросъ о болгарскихъ національныхъ претензіяхъ наиболѣе простъ и наиболѣе ясенъ.

Можно, конечно, сознательно запутывать его, можно вводить въ игру политическія, дипломатическія и всякія другія соображенія, но достаточно немножко объективности и безпристрастія, достаточно немного здраваго смысла, чтобы убѣдиться, что центръ Балканскаго полуострова—Македонія, западная Ѳракія и царство Болгарія—населенъ преимущественно болгарами, что нигдѣ, кромѣ этой сплошной территоріи, болгаре не живутъ сплошной массой и что, слѣдовательно, не было бы теоретически ничего проще, чѣмъ рѣшить болгарскій національный вопросъ.

Авторы болгаро-сербскаго союзнаго договора 1912 г., творцы и основатели такъ называемаго балканскаго союза, сами до нѣкоторой степени виноваты въ той путаницѣ понятій, которая была вызвана отчасти текстомъ союзнаго договора, отчасти политикой отдѣльныхъ балканскихъ государствъ. Уже терминологія договора, устанавливавшаго „спорную“ и „безспорную“ зоны, вносила въ договоръ элементъ неопредѣленности, спорности, и именно въ вопросъ, о которомъ не могло быть съ болгарской точки зрѣнія никакого спора.

Ни одинъ болгаринъ не могъ согласиться съ тѣмъ, что въ Македоніи есть „спорная“ зона. Если по политическимъ или дипломатическимъ соображеніямъ необходимо было пойти на уступки сербамъ и отдать имъ въ видѣ вознагражденія за услуги часть болгарской Македоніи, нужно было сдѣлать это открыто и прямо, нужно было точно опредѣлить въ договорѣ эту уступку, нужно было сказать, что она дѣлается во имя интересовъ балканскаго союза, и на этомъ покончить. Авторы договора, къ сожалѣнію, стали на иной путь. Зная, что уступку сдѣлать придется, они рѣшили весь odium этой уступки перенести на будущаго арбитра и до послѣдняго момента сохранить иллюзію спорности по отношенію къ уступаемой территоріи. Это было хитростью провинціальныхъ адвокатовъ, до послѣдняго дня скрывающихъ слабыя стороны процесса. Хитрость не удалась. Не успокаивая болгаръ, терминъ спорности дразнилъ аппетиты сербовъ, такъ какъ, по совѣсти, нѣтъ никакой разницы между городами Скопье, Велесомъ и Прилѣпомъ, и если Скопье объявленъ спорнымъ, то теряются всякія основанія безспорности Велеса и Прилѣпа.

Порочность договора, желавшаго споромъ и арбитражемъ затушевать необходимыя уступки, въ значительной мѣрѣ опорочила все дѣло союза. Вмѣсто того чтобы цѣной уступокъ и жертвъ купить объединеніе большей части болгарскаго племени (а такова была, конечно, цѣль болгар-

скихъ авторовъ договора), союзъ уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1912 года выродился въ завоеваніе территорій и въ споръ о территоріяхъ. Оставался вопросъ только о способахъ рѣшенія этого спора. Договоръ предусматривалъ арбитражъ, а печальная балканская дѣйствительность подсказала войну. Это, пожалуй, былъ еще лучшій выходъ. Я глубоко убѣжденъ, что если бы событія опоздали на нѣсколько дней, мы были бы свидѣтелями, въ іюнѣ 1913 г., и арбитража, и войны [1]).

Я вернулся къ этой печальной эпохѣ для того, чтобы подчеркнуть, что съ момента заключенія балканскаго союза въ 1912 г. и до подписанія бухарестскаго договора въ іюлѣ 1913 г. все время рѣшеніе балканскаго вопроса вообще и болгарскаго національнаго вопроса въ частности было поставлено на зыбкую почву фальшивыхъ, искусственныхъ отношеній. Или правительство гг. Гешова и Данева, подобно предшествовавшему имъ правительству г. Малинова, не должно было соглашаться ни на какой раздѣлъ Македоніи, или, рѣшившись на эту печальную операцію, нужно было назвать ее по имени и сдѣлать ее быстро и энергично.

Европейская война, поставившая на очередь переоцѣнку многихъ международныхъ цѣнностей, ставитъ на очередь пересмотръ бухарестскаго договора. Европейскій ареопагъ долженъ будетъ заняться этимъ не потому, что нужно будетъ вознаградить или компенсировать за что нибудь Болгарію. Европейская конференція должна будетъ наново пересмотрѣть болгарскій національный вопросъ, какъ таковой, совершенно независимо отъ того, какую политику будетъ вести правительство г. Радославова. Обновленная въ нынѣшнихъ страданіяхъ Европа не допуститъ, чтобы племя, населяющее центръ Балканскаго полуострова, оставалось на Балканахъ ферментомъ вѣчнаго недовольства и броженія. Этого потребуютъ интересы не только балканскаго, но и европейскаго равновѣсія.

Поэтому и Европа, и Болгарія уже теперь должны составить себѣ хотя бы приблизительное мнѣніе о томъ, въ какихъ размѣрахъ можетъ быть рѣшенъ Европой болгарскій національный вопросъ.

Я не стану говорить о претензіяхъ непримиримой части болгарскаго народа и объ обѣщаніяхъ, которыя уже теперь такъ легко даются болгарамъ въ вѣнской и берлинской печати. Я хочу отмѣтить, что громадное большинство болгаръ, понявъ ошибки прошлыхъ лѣтъ, чрезвычайно благоразумно смотритъ на положеніе дѣлъ въ настоящемъ.

— Уступка намъ такъ называемой „безспорной“ зоны, конечно могла бы теперь удовлетворить болгарскій народъ.

---

[1]) Совершенно такъ же, какъ это было въ іюнѣ того же года съ болгаро-румынскимъ споромъ: петербургская конференція о Силистріи предшествовала походу румынъ на Болгарію.

Такъ формулируетъ свой взглядъ на положеніе вещей большинство серьезныхъ политическихъ дѣятелей. При этомъ нужно имѣть въ виду, что, такъ формулируя свои требованія, болгаре отказываются отъ какихъ бы то ни было спорныхъ зонъ и, слѣдовательно, соглашаются на то, что уступкой имъ бывшей безспорной зоны рѣшается вопросъ.

Есть всѣ основанія полагать, что правительства силъ тройственнаго согласія, и, въ частности, русское правительство, вполнѣ согласны удовлетворить требованія болгаръ въ такомъ ихъ видѣ.

Остается открытымъ вопросъ о томъ, когда должны быть удовлетворены требованія болгаръ.

У насъ въ Россіи склонны отвѣтить на это:

— Какъ можно позже!... Какъ можно ближе къ концу войны!...

Въ Болгаріи, наоборотъ, настойчиво просятъ:

— Какъ можно скорѣе!...

Отвѣтъ, который даютъ въ Петроградѣ, аргументируется, обыкновенно такъ:

— Мы не знаемъ еще, какъ и чѣмъ кончится война; мы не знаемъ, насколько увеличится Сербія. Только когда выяснятся контуры нашихъ успѣховъ вообще и сербскихъ въ частности, только тогда мы сможемъ говорить объ уступкахъ Болгаріи.

Мнѣ кажется, что этотъ аргументъ несостоятеленъ. Если мы рѣшили исправить признанную нами ошибку, то медлить нельзя. Если Сербія побѣдоносно справится съ нашими общими врагами,—уступка Македоніи пройдетъ для нея незамѣченной. Но если, паче чаянія, Сербіи не удастся раздвинуть свои границы на сѣверъ, то изъ нынѣшнихъ испытаній она выйдетъ такой ослабленной, такой обезсиленной, что благосклонность Болгаріи ей будетъ болѣе необходима, чѣмъ македонская территорія. Эту благосклонность необходимо подготовить на всякій случай теперь же. Ее должны подготовить мы, потому что мы первые заговорили объ ошибкахъ и объ ихъ исправленіи. Эту благосклонность должны подготовить мы еще потому, что нельзя оставлять нашимъ врагамъ даже призрачной, даже иллюзорной возможности исправлять наши ошибки.

Анализируя возможное рѣшеніе болгарскаго національнаго вопроса, я не могу не отмѣтить, что, помимо болгарскихъ претензій на такъ называемую „безспорную“ зону Македоніи, болгаре предъявляютъ претензіи на возвращеніе имъ той части Добруджи, которая въ прошломъ году была отнята у нихъ румынами. Если принять во вниманіе, что и въ этомъ требованіи благоразумная часть болгарскаго общества проявляетъ умѣренность и соглашается признать рѣшеніе петроградской конференціи по вопросу о Силистріи, т.-е. согласиться, въ концѣ-кон-

цовъ, на оставленіе города Силистріи въ румынскихъ рукахъ,—врядъ ли можно найти хоть какое-нибудь соображеніе противъ справедливыхъ требованій болгарскаго народа. Румыны уже сами поняли свою ошибку, они сами видятъ ясно, что Добруджа не дала имъ ничего, кромѣ постоянныхъ тревогъ и опасеній. Конечно, чисто-государственныя соображенія мѣшаютъ имъ поставить этотъ вопросъ прямо, но можно надѣяться, что давленіе съ нашей стороны могло бы дать вполнѣ опредѣленные результаты.

Остается еще одинъ вопросъ, о которомъ въ Болгаріи почти не говорятъ, но который, тѣмъ не менѣе, нельзя упускать изъ виду. Я говорю объ исправленіи болгаро-турецкой границы и о возстановленіи линіи Мидія Еносъ, съ возвращеніемъ Болгаріи земель, лежащихъ между этой линіей и нынѣшней болгаро-турецкой границей.

Правительство г. Радославова, имѣющее спеціальныя основанія поддерживать добрыя отношенія съ Царьградомъ, не подымаетъ вопроса о линіи Мидія-Еносъ. Но болгарскій народъ не можетъ забыть тѣхъ жертвъ, которыя онъ принесъ у Адріанополя. Западная Ѳракія необходима Болгаріи не только потому, что она, по теченію рѣки Марицы, даетъ центральной части Болгаріи (Филиппопольскій и прилегающіе къ нему округа) лучшій, естественный выходъ къ эгейскому побережью. Западная Фракія необходима Болгаріи главнымъ образомъ какъ опорная линія противъ оттоманской государственности, которая если только не будетъ окончательно сломлена нынѣшними событіями рано или поздно станетъ передъ Болгаріей гораздо большей опасностью, чѣмъ всѣ остальныя балканскія государственности, взятыя вмѣстѣ.

Такимъ образомъ, молчаливо уступая или, вѣрнѣе, соглашаясь не подымать вопроса о такъ называемой „спорной зонѣ", о Салоникахъ съ ихъ периферіей и о городѣ Силистріи, Болгарія будетъ считать себя удовлетворенной, если ея новыя границы пройдутъ по старой болгаро-румынской границѣ (безъ Силистріи) на западѣ до границы съ Сербіей, отсюда на югъ по нынѣшней сербо-болгарской границѣ до пункта Егри—Паланка, включатъ этотъ пунктъ въ болгарскую территорію, отсюда повернутъ опять на юго-западъ по прямой линіи до Охридскаго озера, обогнутъ озеро и повернутъ на востокъ, включая Костуръ (Касторія) и Леринъ, обогнутъ Салоники съ периферіей, остающіеся въ греческихъ рукахъ, включатъ въ свою территорію Кавалу, пройдутъ къ эгейскому побережью до Еноса и отсюда пройдутъ на сѣверо-востокъ до Мидіи.

Вотъ тѣ требованія, удовлетвореніе которыхъ можетъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, окончательно ликвидировать болгарскій національный вопросъ [1]).

---

[1]) Опредѣляя приблизительно будущія границы царства Болгаріи, я знаю, что оставляю за этими границами еще часть территоріи, населенную преимущественн

3.

Геройская, титаническая борьба, которую сербскій народъ вотъ уже четвертый мѣсяцъ ведетъ противъ нашихъ общихъ враговъ, создаетъ въ нашемъ общественномъ мнѣніи опредѣленное настроеніе. Какъ всегда бываетъ съ вѣрными союзниками и товарищами по оружію, мы готовы, въ спорѣ между болгарами и сербами, стать всецѣло на сербскую точку зрѣнія и признать всѣ сербскіе аргументы непогрѣшимыми. Все чаще и чаще въ нашей прессѣ раздаются восклицанія о томъ, что нужно наказать коварныхъ болгаръ и вознаградить вѣрныхъ сербовъ.

Если бы, дѣйствительно, существовало какое-нибудь непреодолимое противорѣчіе между интересами сербскаго и болгарскаго народовъ, наше положеніе было бы безвыходнымъ. Въ спорѣ между этими двумя славянскими племенами мы должны были бы стать исключительно на сторону одного изъ нихъ. Но, къ счастью, положеніе не такъ трагично. Противорѣчіе существуетъ между политикой сербскаго и болгарскаго правительствъ, но нѣтъ абсолютно никакихъ противорѣчій между жизненными интересами сербскаго и болгарскаго народа. Та часть нашей прессы, которая пытается доказать обратное, оказываетъ скверную услугу не только болгарскому, но еще больше сербскому народу.

Необходимо помнить, что жизненные интересы сербской націи весьма слабо, я бы сказалъ даже эпизодически, связаны съ Балканскимъ полуостровомъ и съ балканскимъ вопросомъ.

Въ то время какъ для болгаръ рѣшеніе балканскаго вопроса есть въ то же время рѣшеніе болгарскаго національнаго вопроса, такъ какъ нигдѣ, кромѣ полуострова, болгарское племя не живетъ сплошной массой, совершенно иначе обстоитъ дѣло съ сербо-хорватскимъ народомъ. Какъ бы ни былъ рѣшенъ балканскій вопросъ,—національный вопросъ великаго, десятимилліоннаго сербо-хорватскаго племени только затрогивается, но не рѣшается рѣшеніемъ балканскаго вопроса. Это потому, что сербо-хорватскій народъ никогда не былъ и не будетъ и

болгарами. Я знаю, что въ самой Болгаріи довольно сильно такъ называемое „непримиримое“ теченіе, то самое, которое восторжествовало въ политикѣ Болгаріи наканунѣ 29 іюня 1913 года. Но я знаю также и то, что, наученный горькимъ опытомъ прошлаго года, болгарскій народъ въ общемъ гораздо трезвѣе смотритъ на вещи, и разговоры съ наиболѣе видными и серьезными представителями болгарскаго общественнаго мнѣнія убѣждаютъ меня въ томъ, что приблизительно намѣченныя мною границы дѣйствительно соотвѣтствуютъ желаніямъ болгарскаго народа. Необходимо только, чтобы болгаре отказались отъ своей непримиримой фразеологіи, которая—увы!—такъ часто возстановляла противъ нихъ общественное мнѣніе всей Европы. Несчастіе болгаръ въ томъ, что даже тогда, когда они готовы итти на уступки, они не хотятъ громко сознаться въ этомъ и въ своей прессѣ доказываютъ, что никакихъ уступокъ никому они не дѣлаютъ. Болгаре должны понять, что ошибки должны исправляться обѣими сторонами.

не долженъ быть балканскимъ народомъ. Этимъ утвержденіемъ я не хочу лишить сербовъ какой-нибудь особой чести или какихъ-нибудь особыхъ привилегій. Я хочу подчеркнуть только, что изъ десяти милліоновъ сербо-хорватскаго народа только два съ половиной милліона живетъ на Балканскомъ полуостровѣ, что только четверть территоріи, населенной сербо-хорватами, расположена на полуостровѣ. Но еще больше хочу я подчеркнуть тотъ фактъ, что вся сербо-хорватская культура совершенно *небалканскаго* происхожденія. Не надо быть особеннымъ знатокомъ исторіи сербо-хорватскаго народа, чтобы знать, откуда и какъ зарождалась и распространялась его національная культура. Дубровникъ (Рагуза) былъ ея колыбелью, Загребъ и Любляна—ея школой, Новый Садъ и Бѣлградъ—только политическимъ ея представительствомъ. Національная культура сербо-хорватскаго племени, зарождаясь на Адріатическомъ побережьѣ (родина громаднаго большинства сербо-хорватскихъ художниковъ: скульптора Мештровича, поэта Іована Дучича, драматурга графа Иво Войновича, историка и дипломата графа Луйо Войновича и многихъ другихъ), развиваясь и достигая своего полнаго расцвѣта въ центральной Европѣ (Загребская академія и новое зданіе библіотеки, на плафонѣ которой весь блескъ истинной сербо-хорватской культуры), только *проникала* на юго-востокъ, только отражалась въ свободномъ королевствѣ Сербіи, только укрывалась здѣсь отъ далматскихъ губернаторовъ, отъ хорватскихъ бановъ, отъ императорскихъ и королевскихъ цензоровъ и прокуроровъ.

Это обстоятельство уже давно, почти съ самаго начала существованія независимаго королевства Сербіи, породило трагическій расколъ между политикой сербской государственности и политикой сербо-хорватской культуры. Въ то время какъ сербская государственность стремилась по линіи наименьшаго сопротивленія на югъ, въ оттоманскую Македонію, съ исключительной цѣлью расширить свою территорію, мечты и надежды сербо-хорватскаго народа всегда устремлялись на сѣверо-западъ—къ колыбели своей цивилизаціи.

Стремленіе сербовъ на югъ было стремленіемъ близорукихъ политиковъ [1]), а стремленіе ихъ на сѣверо-западъ было большимъ культурнымъ дѣломъ, суверереннымъ народнымъ и національнымъ идеаломъ.

---

[1]) Пять лѣтъ тому назадъ, въ разгаръ такъ называемаго аннексіоннаго кризиса одинъ видный сербскій дипломатъ и политическій дѣятель, ближе всѣхъ стоявшій къ покойному сербскому министру иностранныхъ дѣлъ д-ру Миловановичу, говорилъ мнѣ что Македонія когда-нибудь будетъ гробомъ сербской національной идеи, и что всѣ усилія сербской націи должны сосредоточиться на томъ, чтобы присоединить къ королевству Сербіи Боснію и Герцеговину. Тогда же проф. Цвіичъ опубликовалъ свою брошюру, въ которой доказывалъ, что Боснія—душа сербскихъ земель. Это не помѣшало и уважаемому дипломату и проф. Цвіичу въ 1913 г. настаивать на присоединеніи къ Сербіи бо́льшей части Македоніи.

Ясно, что этотъ народный и національный идеалъ сербо-хорватскаго племени не только не находился въ какомъ-нибудь противорѣчіи съ народнымъ и національнымъ идеаломъ болгаръ, но, наоборотъ, пребывалъ въ полной съ нимъ гармоніи. Светозаръ Марковичъ у сербовъ, Ботевъ и Любенъ Каравеловъ у болгаръ понимали это и всю свою жизнь посвятили борьбѣ за осуществленіе правильно понятыхъ сербскихъ и болгарскихъ идеаловъ.

Къ сожалѣнію, не понимали и, кажется, не понимаютъ этого сербскіе политики и тѣ ихъ друзья въ Россіи, для которыхъ Сербія и сербо-хорватскій народъ съ древней и богатой сербо-хорватской культурой начинаются и кончаются въ Бѣлградѣ.

Для прогрессивнаго русскаго общественнаго мнѣнія, знающаго цѣну національнымъ стремленіямъ и идеаламъ, незачѣмъ было выбирать между болгарскими и сербскими національными идеалами. Въ самой Сербіи нужно было провести демаркаціонную линію между стремленіями близорукихъ политиковъ и идеалами народа, и тогда рѣшеніе балканскаго вопроса не представляло бы той путаницы и тѣхъ неловкихъ лавировокъ, какія наблюдаются въ нашемъ общественномъ мнѣніи до сегодняшняго дня.

Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что даже близорукіе сербскіе политики не считали для себя возможнымъ закрывать глаза на національные идеалы сербо-хорватскаго народа. Зная, что завладѣніе Македоніей не приближаетъ, а удаляетъ сербскій народъ отъ осуществленія его идеала, сербскіе дипломаты въ іюлѣ 1913 г. выдумали теорію, по которой присоединеніе Македоніи къ королевству Сербіи называлось ими въ частныхъ разговорахъ и даже въ офиціальной перепискѣ (собственноручное письмо г. Пашича къ нашему посланнику въ Бѣлградѣ, покойному Н. Г. Гартвигу) дѣломъ временнымъ, „залогомъ“, который будетъ возвращенъ болгарамъ, какъ только сербамъ удастся осуществить свой національный идеалъ.

Конечно, уже самъ по себѣ пріемъ взятія въ „залогъ“ чужихъ территорій и населенія вызываетъ неустранимыя недоумѣнія.

Но, разъ ужъ онъ былъ осуществленъ, сербское правительство должно было по крайней мѣрѣ озаботиться о томъ, чтобы во „временно присоединенныхъ“ земляхъ ввести хоть какой-нибудь порядокъ, хоть признаки гражданственности и государственности. Однако въ дѣйствительности не было сдѣлано ничего подобнаго. Сербы не только не ввели въ оккупированной ими части Македоніи никакого порядка, но, наоборотъ, они разорили даже тотъ примитивный укладъ македонской жизни, который въ доброе старое „турецкое“ время все же оставлялъ македонскимъ болгарамъ кое-какія надежды на лучшее будущее. Я не говорю уже о школахъ, я не говорю объ участіи мѣстнаго населенія въ обще-

ственныхъ организаціяхъ. Я не говорю о свободѣ печати и собраній. Болгаре, живущіе въ сербской Македоніи, просто объявлены „внѣ закона“, и нѣтъ тѣхъ суровыхъ мѣръ, которыя не примѣнялись бы къ этимъ паріямъ, къ этимъ настоящимъ „заложникамъ“ сербскаго государства.

Агенты сербской власти совершенно разорили Македонію въ экономическомъ отношеніи, они весьма произвольно обложили податями и налогами болгарское населеніе, въ новыхъ сербскихъ земляхъ господствуетъ моральный и физическій гнетъ. Собранный мною по этому вопросу матеріалъ чрезвычайно богатъ и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сербы не хотѣли или не могли ввести даже тѣни гражданственности и государственности въ своихъ новыхъ землях. Я долженъ здѣсь же отмѣтить, что не только сербская соціалистическая печать, но даже и греческая буржуазная пресса (открытыя письма г. Спиро Меласа къ греческому министру-предсѣдателю г. Венизелосу, опубликованныя въ аѳинской газетѣ *Неа Имера*) обратили свое вниманіе на ненормальное положеніе вещей въ греческой и сербской Македоніи. Къ сожалѣнію, голоса благоразумныхъ грековъ и сербовъ остались въ буквальномъ смыслѣ слова гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

И когда, 4 октября этого года, болгарскій полномочный министръ при сербскомъ дворѣ предложилъ сербскому правительству поручить смѣшанной анкетной комиссіи слѣдствіе по этому и цѣлому ряду подобныхъ дѣлъ, сербское правительство категорически отказалось отъ анкеты.

Сербскій народъ, который вотъ уже ровно два года стоитъ подъ ружьемъ, напрягая свои послѣднія силы въ неравной борьбѣ, окончательно созналъ свою физическую и моральную мощь, свою боевую готовность къ осуществленію тѣхъ великихъ завѣтовъ и идеаловъ, которые въ красивомъ старомъ сербскомъ эпосѣ разрываютъ границы, раздѣляющія сербское племя, и сливаютъ все сербство въ единую народную и національную организацію. Разбиваются цѣпи Босніи, спадаютъ оковы съ Кроаціи и Славоніи, освобождаются Банатъ и Сремъ, сливается со всѣмъ сербствомъ каменистая Черная Гора, и окрашенныя сербской кровью Дрина, Сава и Дунай становятся сербскими рѣками. Это ясно для сербскаго народа, это даетъ сербскому народу силы бороться еще, бороться до конца. Теперь ли, сейчасъ ли будетъ побѣда, или она будетъ потомъ, позже, кто знаетъ?... Но она будетъ,—въ этомъ нѣтъ уже никакого сомнѣнія.

То, что дѣлаютъ агенты сербскаго правительства въ сербской Македоніи, не находится ни въ какой связи съ тѣмъ, что дѣлаетъ сербскій народъ для достиженія своихъ національныхъ идеаловъ. Наоборотъ, это

находится въ полномъ противорѣчіи съ надеждами и стремленіями сербскаго народа. Ибо никогда сербскій народъ не нуждался такъ въ дружбѣ болгарскаго народа, какъ теперь. Ибо никогда не былъ такъ близокъ часъ національнаго освобожденія и торжества національной идеи, какъ теперь.

Въ прошломъ году, когда рѣчь шла о дѣлежѣ оттоманскаго наслѣдства, сербскій народъ могъ заблуждаться и, руководимый сербскими политическими дѣятелями, могъ увлекаться Прилѣпомъ и Битолью. Но теперь, когда рѣчь идетъ объ осуществленіи національнаго идеала сербо-хорватскаго народа, объ освобожденіи Сараева и, можетъ быть, Загреба, сербскій народъ долженъ уступить болгарскому народу болгарскія земли въ Македоніи.

Правда, какъ я говорилъ уже выше, сербскіе политики и ихъ русскіе друзья возражаютъ на это:

— Да, но даже приблизительные контуры будущей Сербіи еще не обрисовались. Мы не знаемъ еще, получимъ ли мы что-нибудь, и что именно мы получимъ!...

И я не могу не повторить еще разъ того, что я уже сказалъ нѣсколькими страницами выше. Если даже предвидѣть самый печальный для Сербіи исходъ войны, нужно теперь уже обезпечить сербскому народу дружбу и искреннее пріятельство болгарскаго народа въ будущемъ. Потому что рано или поздно сербо-хорватскій народъ долженъ будетъ рѣшить свою національную проблему. Настоящая война поставила эту проблему ясно и опредѣленно. Рѣшитъ ли она ее, пока неизвѣстно. Но можно считать окончательно выясненнымъ то, что въ будущемъ не мыслимы никакія колебанія сербо-хорватской общественной мысли, и что впредь она пойдетъ по тому единственному прямому пути, который ведетъ ее къ единственному вѣрному рѣшенію.

4.

Гораздо сложнѣе вопросъ о томъ, согласится ли Греція сдѣлать необходимыя уступки Болгаріи. Дѣло въ томъ, что греческій національный вопросъ такъ же исключительно и неразрывно связанъ съ балканскимъ вопросомъ, какъ и болгарскій національный вопросъ. Кромѣ того, въ Македоніи немыслимо провести демаркаціонную линію между областями, населенными преимущественно болгарами, и областями, населенными преимущественно греками. Въ предѣлахъ тѣхъ границъ будущей Болгаріи, которыя я намѣтилъ приблизительно нѣсколькими страницами выше (въ концѣ гл. 2-й), есть мѣстности, въ которыхъ преобладаетъ греческій элементъ, и, слѣдовательно, греки должны проявить уже не только политическую и государственную, но и національную уступчивость.

Объ этомъ было бы трудно мечтать, если бы не одно обстоятельство, которое до нѣкоторой степени облегчаетъ задачу.

Дѣло въ томъ, что греческая національная задача рѣшается не только въ Македоніи, но еще и въ Эпирѣ и на островахъ Эгейскаго архипелага.

Что касается Эпира, то здѣсь интересы греческаго народа сталкиваются съ интересами Албаніи и, въ еще большей степени, будущей наслѣдницы южной Албаніи — Италіи. Установить границу между Эпиромъ и собственно Албаніей до сихъ поръ не удалось ни европейской комиссіи, занимавшейся этимъ вопросомъ на мѣстѣ, ни лондонской конференціи посланниковъ, имѣвшей въ своемъ распоряженіи массу матеріаловъ и документовъ. Греки отодвигаютъ эту границу до самой Валоны, тогда какъ албанцы и европейская комиссія проводили ее гораздо южнѣе, такъ что Корча (Корица) оставалась въ албанской территоріи. Въ самое послѣднее время Англія интересовалась этимъ вопросомъ и желала во что бы то ни стало примирить интересы грековъ и итальянцевъ въ Эпирѣ. Но, насколько мнѣ извѣстно, всѣ усилія англійскаго правительства остались безъ результатовъ, и греки до сихъ поръ продолжаютъ мечтать о Валонѣ.

Какъ рѣшитъ будущая европейская конференція этотъ вопросъ, я не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, Греція получитъ значительный кусокъ территоріи въ этомъ углу полуострова,—кусокъ, выгодный не только вслѣдствіе совершенно исключительной производительности почвы, но еще и по своему стратегическому положенію.

Значительно проще обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ островахъ Эгейскаго архипелага. Споръ о нихъ ведется между Греціей и Турціей. Но нельзя ни на минуту сомнѣваться въ томъ, что Греція обладаетъ всѣми правами на эти острова, и что соображенія, приводимыя оттоманскими политическими дѣятелями, не будутъ приняты въ расчетъ будущей европейской конференціей. Острова Архипелага до такой степени неотъемлемая часть Эллады, что никакія стратегическія и политическія соображенія не могутъ оторвать ихъ отъ матери-Греціи.

Достаточно уже того, что европейской конференціи придется особо обсуждать вопросъ о такъ называемой Додеканезіи—о двѣнадцати островахъ Архипелага, лежащихъ къ югу отъ острова Самоса и оккупированныхъ итальянскими войсками. Додеканезія по своему національному составу—исключительно греческая область. И если политическая конъюнктура заставитъ европейскую конференцію совершить большую національную несправедливость и уступить всю Додеканезію или часть ея Италіи или какому бы то ни было другому государству, то тѣмъ болѣе необходимо будетъ вознаградить Грецію остальными островами Эгейскаго архипелага.

Пріобрѣтенія, которыя получитъ Греція въ Архипелагѣ и въ Эпирѣ, должны будутъ продиктовать ей уступчивость по отношенію къ Болгаріи. Та часть, которую Греція должна была бы уступить Болгаріи, не очень велика. На востокѣ—южнѣе линіи Битоль—Воденъ—Сересъ—рѣчь идетъ о территоріи, не представляющей особаго значенія ни въ экономическомъ, ни въ стратегическомъ отношеніи. На западѣ—южнѣе линіи Сересъ—Кавала—вопросъ идетъ о чрезвычайно плодородномъ и удобномъ во всѣхъ отношеніяхъ морскомъ побережьѣ. И на востокѣ, и на западѣ населеніе смѣшанное: въ городахъ—почти исключительно греки, въ селахъ и деревняхъ—почти исключительно болгаре и отчасти турки. Но, не вполнѣ соотвѣтствуя чистой національной границѣ (таковой въ южной Македоніи вообще нѣтъ), только эта граничная линія могла бы упрочить юго-западную окраину Болгаріи. А прочность юго-западной окраины Болгаріи, несомнѣнно, прекрасно отразилась бы не только на греческомъ портѣ Салоникахъ, находящемся теперь въ совершенномъ упадкѣ, но и подняла бы сразу греческое торговое мореплаваніе и вообще греческую торговлю. Опытъ послѣдняго года долженъ былъ дать грекамъ достаточно доказательствъ на тотъ счетъ, что дѣло не въ обладаніи портами, а въ равновѣсіи между побережьемъ и Hinterland'омъ. Узкая береговая полоса, которой они теперь обладаютъ на Эгейскомъ побережьѣ, несмотря на свои природныя богатства, не можетъ и никогда не сможетъ быть ими использована цѣликомъ. Но та же береговая полоса въ рукахъ болгаръ, обладающихъ ея Hinterland'омъ, будетъ безцѣннымъ кладомъ не только для болгаръ, но и для греческой морской торговли.

Зная настроенія въ Турціи и наблюдая странныя колебанія настроеній въ Румыніи, я все больше и больше убѣждаюсь въ томъ, что нейтралитетъ Болгаріи и Греціи выгоднѣе для насъ ихъ возможнаго участія въ войнѣ.

Судя по всему, что я вижу и знаю, въ Петроградѣ даютъ себѣ ясный отчетъ во всемъ этомъ, и если русское общественное мнѣніе упрекаетъ Болгарію въ ея черной неблагодарности, то это нисколько не мѣшаетъ нашей дипломатіи учитывать болгарскій и греческій нейтралитетъ какъ явленіе для насъ благопріятное.

Но нельзя упускать изъ виду того, что иниціативу могутъ взять на себя наши враги, и Турція, являющаяся офиціальной представительницей двойственнаго союза на Балканахъ, можетъ начать военныя дѣйствія раньше, чѣмъ мы это предполагаемъ.

Несомнѣнно, что въ такомъ случаѣ Болгарія и Греція должны намъ помочь. Эта помощь должна быть оказана намъ не по какимъ-либо сантиментальнымъ соображеніямъ, а по самому прозаическому расчету. Греція должна помочь намъ, потому что только въ союзѣ съ нами она

можетъ получить окончательное право на острова Эгейскаго архипелага. Болгарія должна помочь намъ, потому что только въ союзѣ съ нами она можетъ получить новую границу съ Турціей—линію Мидія-Еносъ. Кромѣ того, Болгарія должна имѣть въ виду, что, только получивъ отъ Турціи острова, Греція сможетъ согласиться на тѣ уступки, которыхъ требуетъ отъ нея Болгарія.

Я долженъ констатировать, что и въ Аѳинахъ, и въ Софіи понимаютъ это и молчаливо соглашаются съ этимъ. Конечно, для болгаръ, почти покончившихъ свои счеты съ Турціей, эта война не была бы такъ популярна, какъ война, которую два года тому назадъ они вели за освобожденіе Македоніи. Но если, еще до начала этой возможной войны, болгаре получатъ полную увѣренность въ томъ, что мы дѣйствительно собираемся удовлетворить ихъ справедливыя требованія, несомнѣнно, что у нихъ появятся и былой энтузіазмъ, и былая беззавѣтность.

Слѣдуетъ, впрочемъ, предвидѣть и другую возможность. Та странная политика, которую ведетъ вотъ уже два мѣсяца Румынія, можетъ привести эту страну къ совершенно неожиданнымъ рѣшеніямъ. Для всѣхъ, кто вблизи наблюдалъ ея странныя политическія колебанія и ея причудливыя дипломатическія диверсіи, не можетъ показаться сюрпризомъ, если въ одинъ прекрасный день она окажется въ ряду нашихъ враговъ. Мѣсяцъ тому назадъ я самъ считалъ это невозможнымъ, но теперь, пристальнѣе всматриваясь въ ея хитрую игру и въ ея сложныя комбинаціи, я вынужденъ взять свои слова назадъ и считаться съ этой возможностью.

Конечно, если Румынія пошла бы противъ насъ, Болгаріи суждено было бы сыграть громадную роль, такъ какъ нѣтъ сейчасъ въ Болгаріи лозунга, болѣе популярнаго, чѣмъ лозунгъ возвращенія новой Добруджи. Въ войнѣ болгаръ противъ Румыніи проявился бы самъ по себѣ тотъ болгарскій энтузіазмъ, свидѣтелемъ котораго мы были два года тому назадъ.

Все, что подъ заглавіемъ „Балканскихъ настроеній“ я сгруппировалъ въ такихъ общихъ и схематическихъ чертахъ въ настоящей статьѣ, мнѣ кажется, отражаетъ только одну сферу, только одну часть разностороннихъ и сложныхъ балканскихъ настроеній, а именно настроенія той части балканцевъ, которые трезво смотрятъ въ будущее и искренно хотѣли бы видѣть балканскій вопросъ справедливо и окончательно разрѣшеннымъ. Хотя я почти все время говорилъ въ первомъ лицѣ, но я старался какъ можно точнѣе передать мысли и настроенія тѣхъ моихъ балканскихъ друзей, которые, отказавшись отъ специфически-балканскихъ утопій и увлеченій, искренно ищутъ общихъ путей, по которымъ они могли бы пойти всѣ вмѣстѣ и съ нами. И теперь, под-

водя итоги этимъ настроеніямъ, я не могу не подчеркнуть еще разъ того отраднаго факта, что великія событія послѣднихъ дней если не внесли уже окончательно, то въ самомъ непродолжительномъ времени внесутъ освѣжающую струю въ жизнь полуострова.

То, что казалось невозможнымъ до 1912 года, то, что казалось фактомъ въ 1912 году, и то, что было погребено въ Бухарестѣ въ 1913 году—балканскій союзъ на здоровыхъ, прочныхъ основаніяхъ—кажется моимъ балканскимъ друзьямъ близкимъ къ осуществленію. Нужно сдѣлать еще одинъ только шагъ, нужно убѣдить сербскихъ политическихъ дѣятелей и ихъ русскихъ друзей въ необходимости ликвидировать сербо-болгарскій споръ теперь же, нужно употребить на это все моральное вліяніе,—и новый балканскій союзъ облегчитъ намъ нашу дальнѣйшую борьбу и раздѣлитъ съ нами нашу дальнѣйшую участь. Въ случаѣ нашихъ побѣдъ онъ еще до европейской конференціи подготовитъ окончательное рѣшеніе балканскаго вопроса. И во всякомъ случаѣ онъ будетъ стоять передъ нашими врагами какъ наше созданіе, какъ сторожевой постъ, который до послѣднихъ возможностей будетъ отстаивать наши общіе идеи и идеалы.

И тогда всѣ тѣ „непримиримые", всѣ тѣ, чьихъ настроеній я не хочу касаться въ этой статьѣ, всѣ тѣ, кто не можетъ и не хочетъ отказаться отъ балканскаго лозунга „все или ничего", должны будутъ добровольно сойти со сцены, уступить мѣсто новому творческому началу, должны будутъ примириться съ новой, обновленной жизнью на Балканахъ.

Это было бы большимъ торжествомъ не только для балканцевъ, но и для насъ.

Влад. Викторовъ-Топоровъ.

Софія, октябрь 1914 г.

Къ статьѣ „Балканскія настроенія".

Весьма любопытная статья, написанная по просьбѣ редакціи *Русской Мысли* г. Викторовымъ-Топоровымъ, ярко отражаетъ настроенія болгарскія. Намъ кажется, что авторъ невольно всетаки судитъ обо всемъ съ болгарской точки зрѣнія. Съ такой оговоркой его статья можетъ быть разсматриваема какъ цѣнная попытка—разобраться въ сложномъ переплетѣ балканскихъ національно-государственныхъ соотношеній.

Мнѣ приходилось не разъ указывать въ печати, что Россія можетъ и должна стоять внѣ сербско-болгарскаго спора. У насъ есть свои интересы, и, наконецъ, Россія старше и безконечно сильнѣе обоихъ враждующихъ пока между собою славянскихъ государствъ. Ея роль—быть арбитромъ, судьей въ этомъ спорѣ...

Неправильнымъ принципіально и фактически я считаю въ разсужденіи г. Викторова-Топорова его попытку снять съ Болгаріи или даже только смягчить ея вину какъ зачинщицы междусоюзнической войны. Авторъ разсуждаетъ такъ: если бы войну не начала Болгарія, ее, навѣрное, начала бы Сербія. Но въ психологической обстановкѣ войны,— а обстановка эта имѣетъ громадное политическое значеніе,—вопросъ о томъ, кто дѣйствительно началъ войну, былъ вопросомъ первостепенной важности. Если бы эту войну начала Сербія, вся обстановка войны, начиная съ отношенія русскаго общественнаго мнѣнія къ войнѣ и ея участникамъ, была бы совсѣмъ иная. При этихъ условіяхъ создалась бы и другая международная позиція для балканскихъ государствъ, ибо исходной точкой активнаго выступленія Болгаріи противъ Сербіи былъ расчетъ нѣкоторыхъ болгарскихъ правящихъ круговъ на благосклонность австро-германской группы ко всякому направленному противъ Сербіи акту. Россія не имѣетъ по существу никакого основанія отдавать предпочтеніе Сербіи передъ Болгаріей или наоборотъ. Для Австро-Венгріи же Сербія была врагомъ. Въ расчетѣ на австро-сербскую вражду и была предпринята Болгаріей болгаро-сербская война. Болгаро-сербская война была прямо направлена противъ Сербіи, а косвенно она была направлена противъ Россіи и означала начало „австрійской оріентаціи“ болгарской политики. Сербіи ударить противъ Болгаріи вопреки волѣ и интересамъ Россіи, было трудно и прямо невозможно, ибо такая политика означала бы изолированіе Сербіи. Вотъ почему я считаю всю гипотетическую постройку г. Викторова-Топорова несостоятельной,—и въ этомъ со мной сходятся, какъ я могъ убѣдиться изъ неоднократныхъ бесѣдъ, наши практическіе знатоки балканской политики.

Кромѣ того, никакого нападенія нельзя оправдывать предполагаемымъ или даже неизбѣжнымъ нападеніемъ противника. Такое „превентивное“ нападеніе и безнравственно, и безразсудно. На этотъ именно пагубный путь встала Германія своимъ нарушеніемъ бельгійскаго нейтралитета.

Петръ Струве.

Финансовая мобилизація.

Какія средства нужны на войну и во что она уже обошлась? Вотъ вопросы, разрѣшить которые почти невозможно, и тѣмъ не менѣе мысль человѣческая упорно останавливается на нихъ.

Опредѣленіе стоимости войнъ—дѣло въ достаточной мѣрѣ условное. Поэтому расчеты, приводимые различными авторами для одной и той же войны, сильно отклоняются одинъ отъ другого.

Такъ, для франко-прусской войны 1870—71 гг. расходы Германіи вычисляютъ:

Ad. Wagner . . . . . въ 1.551 мил. мар.
W. von Blume . . . . „ 1.750 „ „

Есть расчеты въ 2.200 мил. мар.; расходы на 1 солдата въ день опредѣлялись въ 3,75—5,3—5,7 марокъ, а для будущей (нынѣ современной) войны—въ 6,5—8 марокъ [1]).

---

[1]) Для Франціи расходы (включая контрибуцію и другія расходы, связанные съ войною 1870—71 гг.) опредѣляются отъ 9.287 мил. фр. (Magne) до 9.820 мил. фр. (Mathieu Bodet), а издержки веденія войны въ тѣсномъ смыслѣ слова всего 1.912,6 мил. фр. Издержки Англіи по войнѣ въ Южной Африкѣ (1899—1902 гг.) составили 211,3 мил. ф. стерл. Расходы русско-японской войны по расчету Helfferich'а составили для Россіи 2.873 мил. мар., для Японіи 2.424 мил. мар. По другому расчету, источникъ котораго намъ неизвѣстенъ (см. статью Ф. Менькова въ журналѣ *Новый Экономистъ*, 1914 г. № 30), аналогичныя цифры составляютъ 2.283 мил. руб. (=4.931 мил. мар.) и 1.982 мил. іспъ (=4.146 мил. мар.). Балканская война 1912—13 гг. обошлась

Греціи . . . . . 349 мил. фр.
Болгаріи . . . . . 776 „ „
Сербіи . . . . . 575 „ „
Черногоріи . . . . . 100 „ „

Итого (кромѣ Турціи) 1.800 мил. фр. (Enquête dans les Balcans. Rapport, présenté à la dotation Carnegie.)

Справки о стоимости различныхъ войнъ можно найти въ упомянутой статьѣ Ф. Менькова, а также въ статьяхъ М. И. Боголѣпова „Война, финансы и народное хозяйство“, печатавшихся въ *Вѣстникѣ Финансовъ* и только что вышедшихъ отдѣльной книжкой.

Годовые расходы войны германскіе авторы, особенно дѣятельно обсуждавшіе финансовую подготовку къ будущей войнѣ, опредѣляли для Германіи въ $6^1/_2$—7—8—12 и даже 22 милліарда марокъ въ зависимости отъ количества вооруженныхъ силъ, разсчитываемаго отъ 3 до 10,2 милліоновъ человѣкъ (т.-е. для всего населенія Германіи конца 1912 г. отъ 18 до 45 лѣтъ, могущаго быть поставленнымъ подъ ружье).

По въ высшей степени проблематическому расчету Шарля Рише (1912 г.), *ежедневный* расходъ войны государствъ тройственнаго союза по *минимальному* расчету долженъ опредѣлиться въ 274 мил. франковъ. Иными словами, если исходить изъ его цифръ—годъ войны обошелся бы ровно въ 100 милліардовъ франковъ или въ $37^1/_2$ милліардовъ рублей, изъ которыхъ третья часть, т.-е. около 12 милліардовъ или по 1 милліарду въ мѣсяцъ, пришлась бы на долю Россіи. По газетнымъ свѣдѣніямъ P. Leroy Beaulieu опредѣляетъ полугодовую стоимость войны даже въ еще болѣе значительной цифрѣ—88 милліардовъ франковъ.

Эти расчеты можно считать сильно преувеличенными, по крайней мѣрѣ для Россіи.

По болѣе скромнымъ расчетамъ мѣсячную цифру нашихъ военныхъ расходовъ можно (хотя, конечно, глазомѣрно) считать въ 400—500 мил. руб. [1])

Въ настоящее время начинаютъ появляться въ печати нѣкоторыя указанія на расходы воюющихъ державъ за первые мѣсяцы войны.

Такъ, для Англіи согласно опубликованному офиціальному сообщенію о расходахъ казначейства перваго мѣсяца войны они опредѣлились въ 45 мил. ф. ст., т.-е. 427,5 мил. руб. [2]). По заявленію британскаго премьеръ-министра въ его рѣчи только что открывшейся новой сессіи парламента военные расходы составляютъ 1 мил. ф. стерл. въ день и испрашиваемый имъ, только что единогласно принятый палатою общинъ воен-

---

[1]) Если принять, согласно подсчету Economiste Européen (См. *Новый Экономистъ*, № 30, стр. 14), численность русскихъ войскъ въ военное время въ 3.615 тыс. человѣкъ, а ежедневный расходъ въ расчетѣ на одного солдата отъ 3 до 4 руб. (см. *Правительственный Вѣстникъ*, № 201 статья г. Экономиста), то за четыре истекшихъ мѣсяца войны расходы, *не считая первоначальныхъ расходовъ на мобилизацію, на снабженіе поставщиковъ казны денежными знаками и на ликвидацію паники*, можно было бы считать отъ 1.440 до 1.780 мил. руб. Для Германіи I. Riesser въ своей извѣстной книгѣ „Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung“, изд. 2-е, 1913 г. эти три послѣднія группы связанныхъ съ войною расходовъ предположительно опредѣляетъ въ 1200 + 1000 + 250, всего въ 2.450 мил. марокъ.

[2]) См. статью Ф. Менькова (*Новый Экономистъ*, № 39). Англійскій журналъ *The Nation* (19 сентября 1914 г.) осторожно подсчитываетъ вѣроятные расходы за годъ войны въ 300 мил. фунт. стерл. т.-е. около 3 милліардовъ руб. (*Торгово-Промышленная Газета*, 20 сентября, № 215).

ный кредитъ въ 225 мил. ф. ст. долженъ покрыть расходы до апрѣля 1915 года. Согласно же телеграфнымъ свѣдѣніямъ о новомъ военномъ бюджетѣ, только что внесенномъ въ палату британскимъ министромъ финансовъ, первый годъ войны долженъ обойтись въ 450 мил. ф. стерл. Для Франціи *Echo de Paris* подводитъ итогъ *получившихъ утвержденіе* обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ военнаго министерства. Общая сумма ихъ опредѣляется: въ 4.464 мил. фр. [1]), т.-е. въ 1.674 мил. руб., въ томъ числѣ:

для августа	въ 2.686	м. фр.
„ сентября	„ 887	„ „
„ октября	„ 891	„ „

Что касается Германіи, то по расчету газеты *Deutsche Zeitung* минимальный ежемѣсячный расходъ ея опредѣляется въ 843.750 тыс. франковъ (марокъ?), причемъ газета указываетъ, что съ ростомъ цѣнъ на припасы эти расходы должны возрастать [2]). И въ самомъ дѣлѣ, цѣны жизненныхъ припасовъ въ Германіи возрастаютъ столь сильно, что недавно опубликованнымъ постановленіемъ Союзнаго Совѣта уже произведено ихъ принудительное нормированіе. Въ самомъ дѣлѣ, по сообщеніямъ *Торгово-Промышленной Газеты* (отъ 23 октября, № 241) цѣна пшеницы въ Берлинѣ поднялась съ начала войны по 21 октября съ 200 до 271 мар. за тонну, цѣна ржи—со 180 до 237 мар. цѣна ячменя—со 150 (къ началу октября н. ст.) до 240 мар.

Въ дальнѣйшемъ мы приведемъ тѣ указанія на размѣръ военныхъ расходовъ и денежныхъ пертурбацій, созданныхъ войною, какія даются важнѣйшимъ ихъ показателемъ для перваго періода войны—балансами центральныхъ банковъ. Во всякомъ случаѣ приведенныя только что цифры дѣйствительныхъ расходовъ свидѣтельствуютъ о нѣкоторой превеличенности тѣхъ теоретическихъ расчетовъ, какіе составлялись до войны и отмѣчены были нами выше. И тѣмъ не менѣе расходы нынѣшней войны колоссальны и во много разъ превышаютъ издержки всѣхъ крупнѣйшихъ войнъ, какія только бывали раньше.

Какіе же рессурсы имѣются у Россіи для покрытія этихъ неслыханныхъ расходовъ? Какія мѣропріятія необходимы для ихъ обезпеченія? Что сдѣлано уже, что дѣлается и что необходимо дѣлать дальше? Событія не ждутъ, событія страшныя по своей исключительности, дѣ-

---

[1]) Сюда входитъ 249 мил. фр. ассигнованныхъ на помощь семьямъ призванныхъ. Сверхъ того войною вызвано увеличеніе расходовъ по другимъ министерствамъ на сумму около 200 мил. фр., въ томъ числѣ и по морскому министерству (*Торгово-Промышленная Газета*, 7 октября, № 228).

[2]) *Торгово-Промышленная Газета*, 5 октября, № 227. Какъ извѣстно, въ началѣ войны рейхстагомъ разрѣшенъ былъ общій военный кредитъ въ 5 милліардовъ марокъ.

лающія шаткою всякую опору на опытъ другихъ странъ или на аналогіи въ прошломъ. Ибо нѣтъ странъ, испытавшихъ то, что испытываетъ человѣчество нынѣ, и нѣтъ аналогій въ прошломъ.

Война будетъ *до конца*—это чувствуется всѣми. Неясно только, положитъ ли ей конецъ военное или же экономическое и финансовое истощеніе одной изъ борющихся сторонъ. И чтобы получить правильную основную предпосылку для постановки практическихъ финансовыхъ задачъ, надо ясно представить себѣ всю громадность той экономической трагедіи, которою уже захвачены нынѣ народы Европы и которая, въ отличіе отъ чисто военныхъ операцій, неизбѣжно распространяетъ и распространитъ свое вліяніе гораздо шире—на всѣ безчисленными нитями переплетенныя между собою составныя части мірового рынка. Необходимо ясно сознать, что война потребуетъ отъ государствъ и отъ народовъ, захваченныхъ ею, *всѣхъ* рессурсовъ, притомъ потребуетъ въ наиболѣе неблагопріятныхъ условіяхъ при потрясенномъ до глубинъ народномъ хозяйствѣ, при нарушенныхъ международныхъ связяхъ, при въ значительной мѣрѣ парализованномъ и государственномъ кредитѣ и частномъ кредитномъ оборотѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что иныя страны будутъ поражены войною болѣе тяжко, иныя легче, иныя могутъ получить даже извѣстныя выгоды отъ коренного измѣненія экономическихъ соотношеній, выгоды, врядъ ли однако компенсирующія общую придавленность международнаго торговаго оборота. То же, что можно сказать о цѣлыхъ странахъ, можно сказать и объ отдѣльныхъ экономическихъ группахъ внутри каждой страны: иныя даже расцвѣтаютъ, питаясь войною, другимъ, гораздо болѣе многочисленнымъ, война грозитъ тяжкой и продолжительной депрессіей и даже полнымъ разореніемъ, не говоря уже о населеніи мѣстностей, непосредственно опустошаемыхъ военными дѣйствіями, иногда даже по нѣсколько разъ переходящихъ изъ рукъ въ руки со всѣми безпощадными послѣдствіями этой бѣдственной судьбы.

Обще-европейской картины экономическихъ вліяній современной войны дать въ настоящее время, конечно, совершенно невозможно,—тѣмъ болѣе, что одною изъ ея характернѣйшихъ чертъ—является почти полное нарушеніе экономическихъ и культурныхъ сношеній, лишающее насъ почти всякой международной освѣдомленности. И въ предѣлахъ одной Россіи, какъ это ни важно для постановки практическихъ финансовыхъ задачъ, выяснить эту картину невозможно, какъ по отсутствію матеріаловъ, такъ и потому, что война еще только начинается. Общихъ же соображеній о выгодности нашего положенія въ смыслѣ обезпеченности пищевыми рессурсами и меньшей интенсивности нашей экономической жизни, о мнимой независимости нашей промышленности отъ международныхъ сношеній—для опредѣленнаго сужденія о цѣлесообразности

тѣхъ или иныхъ проектируемыхъ финансовыхъ мѣропріятій, для сужденія о ихъ возможномъ вліяніи, конечно, слишкомъ недостаточно.

Мы не ошибемся поэтому, вѣроятно, если скажемъ, что у многихъ изъ авторовъ нынѣшнихъ многочисленныхъ финансовыхъ проектовъ нѣтъ и не можетъ быть увѣренности въ очень многомъ изъ того, что̀ ими предлагается.

Финансовыя мѣропріятія для покрытія военныхъ расходовъ рѣзко расчленяются на двѣ группы: кредитныя операціи, куда прежде всего долженъ быть отнесенъ и выпускъ бумажныхъ денегъ, и мѣропріятія налоговой политики. Силою вещей и по времени, и по ихъ размѣрамъ первое мѣсто, конечно, принадлежитъ кредитнымъ операціямъ. Посмотримъ—насколько для этого есть данныя—что̀ далъ намъ здѣсь опытъ первыхъ мѣсяцевъ войны.

Рессурсы, какими обладала Россія къ моменту начала войны, складывались, по заявленію министра финансовъ въ засѣданіи Государственной Думы 26 іюля, приблизительно изъ 500 мил. свободной наличности [1]) и изъ возможныхъ сбереженій по бюджету текущаго года—до 250 мил. руб. Эта послѣдняя сумма должна быть значительно увеличена. Въ концѣ августа въ совѣтъ министровъ уже внесенъ былъ проектъ сокращенія кредитовъ по росписи на 327,7 мил. руб., причемъ къ концу года, по выясненіи состоянія кредитовъ на мѣстахъ, предвидятся дальнѣйшія сокращенія. Въ недавнее время предпринятъ также пересмотръ спеціальныхъ средствъ и капиталовъ вѣдомствъ, что можетъ дать еще извѣстные рессурсы. Въ первое полугодіе государственные доходы поступали также съ обычнымъ превышеніемъ и противъ предположеній росписи и противъ прошлаго года. За 5 мѣсяцевъ по обыкновеннымъ доходамъ такое превышеніе составляло 131 мил. руб. Но съ момента начала войны это поступленіе доходовъ должно было, конечно, испытать величайшія потрясенія. И эти потрясенія особенно чувствительно должны были сказаться какъ разъ въ трехъ самыхъ крупныхъ отрасляхъ нашихъ доходовъ. Таможенный доходъ, связанный съ нашимъ импортомъ, долженъ былъ почти атрофироваться. Въ самомъ дѣлѣ, привозъ товаровъ по европейской границѣ съ 16 іюля по 9 сентября составлялъ въ среднемъ всего по 8,4 мил. руб. въ недѣлю, тогда какъ въ эти же мѣсяцы 1913 г.—по 23,5, а въ первое полугодіе 1914 г. даже по 26,9 мил. руб. въ недѣлю, т.-е. въ 3 слишкомъ раза больше. Сильно долженъ былъ пасть также тѣсно связанный съ нашей внѣшней торговлей лѣсной доходъ казны. У насъ нѣтъ данныхъ о паденіи товарнаго движенія по

---

[1]) По расчетамъ бюджетной комиссіи Государственной Думы, свободная наличность к 1 января 1914 г. опредѣлялась въ 623,5 милл. руб., а за вычетомъ сверхсмѣтныхъ расходовъ—въ 515,5 милл. руб. (см. *Новый Экономистъ*, № 13, стр. 3).

жел. дорогамъ, но при запрещеніи вывоза цѣлаго ряда важнѣйшихъ предметовъ нашего экспорта и прежде всего хлѣбовъ, при небывалыхъ размѣрахъ нарушенія всякой правильности движенія и при заполненіи его воинскими перевозками, несомнѣнно сильнѣйшее уменьшеніе доходовъ казны отъ жел.-дорожныхъ перевозокъ.

Сюда какъ извѣстно присоединилось еще запрещеніе потребленія спиртныхъ напитковъ. Такихъ колоссальныхъ потрясеній нашъ государственный бюджетъ не испытывалъ никогда, хотя учесть ихъ размѣры въ настоящій моментъ еще совершенно невозможно.

Компенсировать эти потрясенія въ бюджетѣ будущихъ лѣтъ, а въ небольшихъ размѣрахъ и въ бюджетѣ текущаго года, въ связи съ платежами по военнымъ займамъ возможно только героическими усиліями налоговой политики, которыя могутъ дать результаты все же не сразу. Но военные расходы немыслимо, конечно, вести за счетъ налоговъ. Поэтому на первый планъ и для веденія войны и для временной компенсаціи недобора въ бюджетѣ неизбѣжно должны были выдвинуться мѣропріятія политики кредитной и прежде всего выпускъ кредитныхъ билетовъ. Въ моментъ пріостановки размѣна ихъ на золото (Выс. утв. пост. совѣта министровъ 23 іюля) гос. банкъ обладалъ золотою наличностью въ 1.718 мил. руб., причемъ въ обращеніи билетовъ было на 1.859,8 мил. руб. Эмиссіонное право банка такимъ образомъ составляло $1.718 + 300 - 1859,8 = 158,2$ мил. руб. Въ первые же дни войны, между 16 и 23 іюля выпущено было въ обращеніе новыхъ кредитныхъ билетовъ на 226,5 мил. руб. Ждать нельзя было. И тѣмъ же актомъ 23 іюля эмиссіонное право государственнаго банка было расширено на 1.200 мил. руб., причемъ за счетъ этихъ выпусковъ государственному казначейству разрѣшено было учитывать въ банкѣ свои краткосрочныя обязательства безъ ограниченія суммы—„въ размѣрахъ, вызываемыхъ потребностями военнаго времени“ [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первымъ и единственнымъ крупнымъ источникомъ покрытія экстренныхъ расходовъ могъ быть кромѣ свободной наличности только выпускъ бумажныхъ денегъ, причемъ размѣнъ ихъ—столь же неизбѣжно—былъ пріостановленъ не только у насъ, а и вездѣ, кромѣ Англіи.

Еженедѣльные балансы государственнаго банка даютъ намъ точную картину сдѣланныхъ понынѣ выпусковъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, но они даютъ лишь косвенныя указанія на то, въ какой мѣрѣ эти вы-

---

[1]) До этого размѣры выпуска краткосрочныхъ обязательствъ регулировались Высочайшимъ повелѣніемъ 9 декабря 1905 г., согласно которому общая сумма ихъ въ обращеніи не должна была превышать 400 милл. руб., причемъ „по реализаціи каждаго выпуска“ министръ финансовъ долженъ былъ доносить Сенату для распубликованія. Уст. кред. разд. 2 ст., 174 прим. (Св. зак. т. XI, ч. II, прод. 1912 г.). Намъ неизвѣстно, чтобы это послѣднее обязательство было отмѣнено.

пуски были предназначены для учета обязательствъ казначейства и, стало быть, для военныхъ цѣлей. Цифры эти очень характерны для оцѣнки пертурбацій, вызванныхъ войною. Онѣ тѣмъ интереснѣе, что мы можемъ сопоставить ихъ съ еще несравненно болѣе рѣзкими и характерными измѣненіями, произведенными войною за тотъ же періодъ въ положеніи германскаго имперскаго банка, а также французскаго и англійскаго банковъ.

Вотъ таблица движенія золотой наличности русскаго государственнаго банка и выпусковъ кредитныхъ билетовъ съ 16 іюля по 1 ноября (въ мил. руб.).

Золото.				Кредитные билеты.		
Въ банкѣ.	За границей.	Итого.	Дата баланса.	Въ банкѣ.	Въ обращеніи.	Увеличеніе (+).
1.	2.	3.		4.	5.	6.
1.603,7	140,7	1.744,4	16 іюля	66,6	1.633,3	
						+ 226,5
1.602,0	116,0	1.718,0	23 „	90,2	1.859,8	
						+ 461,3
1.604,4	116,8	1.721,7	1 августа	78,9	2.321,1	
						+ 89,8
1.606,3	116,4	1.723,2	8 „	114,1	2.410,9	
						+ 20,5
1.607,5	116,8	1.724,3	16 „	193,6	2.431,4	
						+ 86,0
1.610,2	116,9	1.727,1	23 „	82,6	2.517,4	
						+ 36,2
1.611,6	177,9	1.789,5	1 сентября . . .	71,4	2.533,6	
						+ 37,1
1.612,6	216,6	1.829,2	8 „ . . .	109,3	2.590,7	
						+ 22,6
1.613,5	216,7	1.830,2	16 „ . . .	86,7	2.613,3	
						+ 29,3
1.615,7	216,4	1.832,1	23 „ . . .	82,4	2.642,6	
						+ 54,9
1.617,0	215,8	1.832,8	1 октября	102,5	2.697,5	
						+ 1,8
1.621,5	215,5	1.837,0	8 „	100,7	2.699,3	
						+ 7,0
1.622,9	215,5	1.838,4	16 „	93,7	2.706,3	
						+ 74,8
1.548,3	215,5	1.763,8	23 „	93,9	2.781,1	
						+ 9,9
1.549,3	215,5	1,764,8	1 ноября	109,0	2.791,0	

Золотой запасъ банка, благодаря прекращенію размѣна, конечно, находится въ безопасности вплоть до наступленія самой послѣдней крайности, которую трудно даже представить. Увеличеніе его складывается изъ небольшого притока металла изъ обращенія и двухъ противоположныхъ измѣненій въ заграничныхъ запасахъ. Внутри страны изъ обращенія поступаютъ и задерживаются въ банкѣ незначительныя суммы, увеличивая немного его золотой фондъ. Лишь въ послѣднюю недѣлю этотъ фондъ уменьшился на 75 мил. руб., которые были отпра-

влены въ Англію для оплаты военныхъ заказовъ [1]). Что касается золота за границей, то за первую недѣлю войны мы видимъ уменьшеніе (на 23,3 милл. руб.), а между 23 августа и 8 сентября увеличеніе почти ровно на 100 милл. руб. Что касается первой цифры, то, быть можетъ, были произведены какія-нибудь выплаты; быть можетъ, она цѣликомъ или часть ея составляетъ тотъ остатокъ, который, по заявленію министра финансовъ Государственной Думѣ, оставленъ былъ въ Германіи для выплатъ по аккредитивамъ и тамъ могъ быть конфискованъ нѣмцами. По офиціозному заявленію въ *Вѣстникѣ Финансовъ* (№ 30), передъ войною наши заграничныя суммы состояли изъ 100 милл. руб., принадлежащихъ государственному банку, и 400 милл., принадлежащихъ государственному казначейству. Какая часть изъ нихъ находилась въ Германіи? По заявленію министра финансовъ въ засѣданіи Государственной Думы 26 іюля, около 100 милл. руб. [2]). 11 іюля, тотчасъ по полученіи свѣдѣній объ австрійскомъ ультиматумѣ Сербіи, чиновники министерства финансовъ выѣхали въ Берлинъ, взяли отъ берлинскихъ корреспондентовъ кредитной канцеляріи находившіяся тамъ процентныя бумаги (около 20 милл. руб.) и привезли ихъ въ Петербургъ, а находившіяся тамъ суммы, принадлежавшія государственному казначейству и государственному банку, перевели въ Россію, Францію и Англію, „за исключеніемъ небольшого остатка государственнаго банка, необходимаго для платежей по текущимъ аккредитивамъ“. Пишущему эти строки пришлось около этого времени за границей читать въ германскихъ газетахъ заявленіе о конфискаціи русскихъ вкладовъ, но въ немъ предусмотрительно умалчивалось о цифрѣ, на какую эти вклады простирались. Это было бы непонятной скромностью, если бы эта сумма была сколько-нибудь значительна. Въ самомъ дѣлѣ, въ парижскомъ журналѣ *Le Rentier*, издаваемомъ извѣстнымъ финансистомъ-статистикомъ Альфр. Неймаркомъ, въ номерѣ отъ 21/25 іюля (ст. ст.) мы находимъ замѣтку, помѣченную 17 іюля (31 іюля н. ст.), гдѣ говорится, между прочимъ, что „за послѣдніе дни германскіе банки за счетъ русскаго правительства перевели въ Англію и Францію суммы, исчисляемыя приблизительно въ 700 милл. фр.“ (т.-е. въ 262,5 милл. руб. по нормальному курсу). Въ дальнѣйшемъ, какъ извѣстно, Германія офиціально воспретила своимъ подданнымъ, а, стало быть, и своимъ банкамъ выполнять обязательства передъ англійскими банками. Была ли эта мѣра связана съ переводомъ русскихъ суммъ и успѣли ли англійскіе банки получить отъ своихъ германскихъ корреспондентовъ—отдѣ-

---

[1]) См. офиціальное сообщеніе въ *Торг.-Пром. Газетѣ* отъ 28 октября, № 245.

[2]) По даннымъ кредитной канцеляріи на 1 января 1914 г.—103 мил. руб., принадлежавшихъ государственному казначейству, не считая суммъ государственнаго банка. См. статью. А. Захарова, *Русск. Вѣдом.*, 18 іюля, № 164.

леній германскихъ банковъ, работающихъ въ Англіи—переведенныя суммы, остается неизвѣстнымъ. Вѣроятно, да, ибо тогда между Германіей и Англіей еще не было войны. Во всякомъ случаѣ, дѣло идетъ, конечно, не о вывозѣ суммъ изъ Германіи золотомъ, а о простыхъ бухгалтерскихъ переводахъ суммъ.

Второе измѣненіе въ нашихъ заграничныхъ суммахъ—это увеличеніе ихъ между 23 августа и 8 сентября въ два пріема почти ровно на 100 милл. руб. Вѣрнѣе всего, что здѣсь просто соотвѣтственная сумма со счетовъ государственнаго казначейства за границей была поставлена на счетъ государственнаго банка.

Этимъ незначительнымъ измѣненіямъ въ состояніи нашего золотого фонда соотвѣтствуетъ колоссальный выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ. За первыя двѣ недѣли войны ихъ выпущено было на 700 м. р. (изъ которыхъ въ обращеніе вошло 687,8 милл. руб.). Въ послѣдующіе мѣсяцы увеличеніе денежнаго обращенія достигаетъ: за августъ +212,5, за сентябрь +163,9 милл. руб. и къ 23 октября общее его увеличеніе далеко превысило уже милліардъ (+1.147,8 м. р.). Эмиссіонное право государственнаго банка, составлявшее къ 23 іюля, какъ сказано выше, всего 158 милл. руб. и увеличенное затѣмъ на 1,200 м. р., къ настоящему времени составляетъ 1.764,8 + 300 + 1200 — 2.791,0 = 473,8 милл. руб. Надо признать, что сумма эта невелика и потребуетъ, вѣроятно, уже въ недалекомъ будущемъ какихъ-либо мѣропріятій для своего поддержанія. Увеличеніе денежнаго обращенія на милліардъ не внушаетъ, конечно, пока опасеній, тѣмъ болѣе, что нѣсколько сотъ милліоновъ рублей золотой монеты, а отчасти, повидимому, и серебра скрылись изъ него и лежатъ въ какихъ-то тайникахъ. А при нынѣшнихъ обстоятельствахъ имъ трудно уйти за границу. Кромѣ того, неурегулированное, повидимому, еще денежное обращеніе въ Галиціи должно поглотить также извѣстныя суммы, что облегчитъ обращеніе внутри страны. Особенность нынѣшней войны—затрудненность военныхъ заграничныхъ заказовъ, поглощавшая сотни милліоновъ въ предыдущія наши войны, а также почти полное прекращеніе расходовъ нашихъ туристовъ за границей съ точки зрѣнія прочности денежнаго обращенія также является плюсомъ. Наконецъ, въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и прекращеніе платежей по обязательствамъ съ Германіей. Но, съ другой стороны, прекращеніе торговли съ Германіей, дававшее ежегодный перевѣсъ платежей въ нашу пользу на сотни милліоновъ рублей, является въ настоящемъ вопросѣ существеннымъ минусомъ. Общій балансъ этихъ противоположныхъ вліяній, безъ сомнѣнія, невозможно въ настоящее время учесть, но, конечно, Россія пока еще не дошла до предѣловъ, за которыми увеличеніе бумажныхъ денегъ становится признакомъ финансоваго безсилія, создаетъ рѣзкое повышеніе цѣнъ това-

ровъ и грозитъ возможности возстановленія размѣна. Во всякомъ случаѣ, однако, масштабъ нынѣшнихъ выпусковъ совершенно несоизмѣримъ съ тѣмъ, что было, напр., въ японскую войну. За все время ея (21 мѣсяцъ—съ января 1904 г. по 1 октября 1905 г.) выпущено было новыхъ кредитныхъ билетовъ всего на 516,9 милл. руб., а за первые два мѣсяца, съ 23 января по 23 марта 1904 г., кредитное обращеніе возросло съ 549 всего до 649 милл., т.-е. всего лишь на 100 милл. руб. Таковъ относительный масштабъ событій тогда и теперь!

На какія же надобности ушелъ выпущенный милліардъ кредитокъ? Косвенный отвѣтъ на это намъ даютъ цифры тѣхъ же балансовъ государственнаго банка, изображающія ходъ его коммерческихъ операцій.

Мы приведемъ измѣненія лишь нѣсколькихъ главныхъ счетовъ актива и пассива банка, на которыхъ наиболѣе рѣзко отразились военныя событія.

Активъ.						Пассивъ.	
1.		2.		3.		4.	5.
Учетъ векселей и друг. срочн. обязательствъ.	Увеличеніе +, уменьшеніе —.	Ссуды подъ процентныя бумаги.	Увеличеніе +, уменьшеніе —.	Остатки по междуконторнымъ расчетамъ.	Дата баланса.	Текущій счетъ деп. гос. казначейства.	Вклады и тек счета разн. лицъ и учрежд
407,6		129,1		74,2			286,9
	+ 151,3		+ 88,3		+ 47,5		
558,9		217,4		121,7	16 іюля 514,4	+ 36,4	302,8
	+ 152,8		+ 34,7		+ 310,2		
711,7		252,1		431,9	23 „ 550,8	— 32,9	372,7
	+ 8,9		+ 11,3		— 71,2		
720,6		243,4		360,7	1 августа 517,9	— 185,9	383,1
	+ 7,4		— 2,7		— 84,1		
728,0		240,7		276,6	8 „ 332,0	+ 0,2	406,3
	+ 146,9		— 15,0		— 48,4		
874,9		225,7		228,2	16 „ 332,2	— 103,1	408,2
	+ 33,9		— 3,3		— 50,4		
908,8		212,4		177,8	23 „ 229,1	+ 1,8	400,8
	— 23,0		— 3,2		+ 11,9		
885,8		209,2		189,7	1 сентября . . . 230,9	— 7,8	386,0
	+ 28,5		— 4,6		+ 2,6		
914,3		204,6		192,3	8 „ . . . 223,1	— 12,2	389,5
	— 18,9		+ 8,3		+ 22,9		
895,4		212,9		215,2	16 „ . . . 210,9	— 7,8	391,5
	+ 53,4		— 3,4		+ 6,2		
948,8		209,5		221,4	23 „ . . . 203,1	+ 5,3	383,8
977,2		214,4		198,0	1 октября 208,4		413,0
	+ 68,0		+ 1,4		— 27,2		
1.045,2		215,8		170,8	8 „ 207,7	+ 17,0	412,9
	+ 54,6		+ 2,7		+ 70,9		
1.099,8		218,5		241,7	16 „ . . . 224,7	— 10,1	409,2
	— 19,4		— 0		+ 86,8		
1.080,4[1])		218,5		328,5	23 „ . . . 214,6	— 4,0	443,0
					1 ноября 210,6		+ 33,8

[1]) Въ томъ числѣ впервые отдѣльно показаны краткосрочныя обязательства гос. казначейства на 434,3 мил. руб.

Въ этой нѣсколько сложной таблицѣ мы читаемъ и панику первыхъ недѣль, и послѣдующее успокоеніе, и разновременныя выдачи банка казнѣ подъ учетъ ея краткосрочныхъ обязательствъ, и непосредственное уменьшеніе средствъ казны, лежавшихъ въ банкѣ, для покрытія военныхъ расходовъ. Но вплоть до послѣдняго баланса все, что касается операцій банка съ казною, здѣсь можно было замѣтить лишь въ видѣ косвенныхъ указаній, о значеніи которыхъ можно было только догадываться.

Первыя недѣли войны вызвали, конечно, огромный натискъ на кассы нашихъ частныхъ банковыхъ учрежденій. Государственный банкъ широко пришелъ имъ на помощь, переучитывая принятые ими векселя и выдавая ссуды подъ ихъ процентныя бумаги. Согласно общему распоряженію, такая поддержка для каждаго отдѣльнаго банка могла достигать 75% цѣнности его портфеля. Въ самомъ дѣлѣ, рубрика „учета векселей“ указываетъ въ періодъ времени отъ 16 іюля по 1 августа огромное увеличеніе въ 300 съ лишнимъ милл. рублей. Надо обратить вниманіе, что эта рубрика въ балансахъ банка включаетъ въ себя учетъ не только векселей, но также и „другихъ срочныхъ обязательствъ“. Такимъ образомъ, доля отмѣченныхъ 300 милл. руб. могла относиться и къ учету обязательствъ государственнаго казначейства. Однако, скорѣе надо допустить, что именно въ эти двѣ первыя недѣли войны львиная доля въ этой рубрикѣ должна быть отнесена на счетъ паники и вызванной ею энергичной поддержки государственнымъ банкомъ частныхъ кредитныхъ учрежденій. По даннымъ, приводимымъ въ статьѣ г. В. М—ва, съ 16 іюля по 1 августа задолженность частныхъ банковъ государственному (конечно, не только по учету векселей, а и по ссудамъ подъ процентныя бумаги) увеличилась съ 179 до 564 милл. руб., т.-е. на крупную цифру 385 милл. руб. [1]). Въ слѣдующія недѣли, съ прекращеніемъ паники, операція учета рѣзко понизилась, но между 16 и 23 августа она вновь дѣлаетъ непонятный скачокъ на сумму около 150 милл. руб. Здѣсь съ большимъ вѣроятіемъ надо предположить уже учетъ не векселей, а именно „другихъ срочныхъ обязательствъ“—обязательствъ казначейскихъ. То же относится и къ недѣлямъ съ 23 сентября по 23 октября.

Благодаря смѣшенію двухъ указанныхъ совершенно разнородныхъ счетовъ въ одной и той же рубрикѣ, по балансамъ государственнаго банка въ то время было невозможно, такимъ образомъ, опредѣлить, во что обошлась государственному банку поддержка частныхъ банковъ и вообще кредитнаго оборота во время паники и что было выдано казнѣ. Въ болѣе простомъ видѣ эту поддержку можно прослѣдить только на второй руб-

---

[1]) *В. М—въ.* „Война и русскій денежный рынокъ“ (*Вѣстн. Фин.*, 1914 г., № 40).

рикѣ—ссудъ подъ процентныя бумаги. Здѣсь первыя двѣ недѣли обо-
шлись банку въ 123 милл. руб. Дальше напоръ на банкъ падаетъ до
11,3 милл. руб., а съ 8 августа начинается уже погашеніе частными
банками ссудъ, взятыхъ у государственнаго банка. И какъ разъ въ
то же время мы наблюдаемъ другой характерный процессъ: въ тѣ же
недѣли рѣзко увеличиваются вклады и текущіе счета разныхъ лицъ и
учрежденій въ государственномъ банкѣ (см. столбецъ 5): очевидно
деньги вынимались изъ частныхъ банковъ и вкладывались въ государ-
ственный, какъ болѣе надежный. И это, конечно, сильно облегчало го-
сударственному банку задачу борьбы съ паникой. Вся ирраціональность
стаднаго психологическаго процесса паники проявляется въ этихъ циф-
рахъ: деньги выбирались изъ частныхъ банковъ, вносились въ государ-
ственный, а этотъ послѣдній вновь передавалъ деньги въ частные банк
подъ обезпеченіе ихъ портфеля, чтобы тѣ вновь могли выдавать их
вкладчикамъ, которые вновь несли ихъ въ государственный банкъ, и т. д
Съ прекращеніемъ паники количество частныхъ вкладовъ въ государ-
ственномъ банкѣ естественно уменьшается. Незначительныя видоизмѣ-
ненія этого процесса, какъ и ссудъ подъ бумаги въ теченіе послѣд-
нихъ недѣль, не имѣютъ существеннаго значенія.

Непосредственно связанъ съ военными расходами счетъ депозит
государственнаго казначейства (см. столбецъ 4). Съ максимальной цифр
550,8 милл. руб. на 23 іюля за 3 мѣсяца онъ спустился до 214,6 м. р
т.-е. свыше чѣмъ на 335 милл. руб.

Этотъ процессъ шелъ скачками, изъ которыхъ одинъ, въ 103 м. р
падаетъ какъ разъ на тотъ же промежутокъ времени—между 16
23 августа, когда нами отмѣченъ былъ и скачокъ вверхъ учета „др
гихъ срочныхъ обязательствъ“ на 146,9 милл. руб. Видимо, оба изм
ненія вызваны общей причиной—усиленными военными расходами казн

Необходимо отмѣтить еще одну существенную рубрику: междуко
торныхъ расчетовъ (см. столбецъ 3). Въ активной сторонѣ баланса о
обозначаетъ усиленныя выдачи центральной конторы банка мѣстны
учрежденіямъ какъ банковымъ, такъ и *казначействамъ*. Огромный ск
чокъ въ 300 съ лишкомъ милліоновъ рублей между 23 іюля и 1 авгус
не могъ быть передачей денегъ въ мѣстныя учрежденія *банка*, и
тогда въ рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, находящихся *въ кассахъ бан*
была бы показана соотвѣтственная сумма. Между тѣмъ, въ этотъ м
ментъ наличность кассъ банка въ кредитныхъ билетахъ (включая
центральную контору его) опредѣлилась всего въ 78,9 руб. [1]). Отск
напрашивается выводъ, что этотъ перевѣсъ выдачъ надъ полученія
обозначаетъ передачу крупныхъ суммъ изъ банка въ казначейства д

---

[1]) См. нашу *первую* таблицу, столбецъ 4.

ихъ подкрѣпленія, хотя опять-таки нѣтъ данныхъ, чтобы сказать, что именно вся сумма 310 милл. руб. носитъ такой характеръ. Въ дальнѣйшемъ этотъ счетъ пріобрѣтаетъ обратный характеръ перевѣса выдачъ центральной конторы банка за счетъ мѣстныхъ учрежденій. Но опредѣлить значеніе этихъ цифръ мы не беремся.

Только 9 октября мы получаемъ нѣкоторыя прямыя свѣдѣнія о произведенныхъ въ началѣ войны выпускахъ краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, очевидно, учтенныхъ государственнымъ банкомъ и включенныхъ, такимъ образомъ, въ разсмотрѣнныя нами цифры его балансовъ. Изъ опубликованнаго 9 октября Высочайшаго указа 6 октября мы узнаемъ, что 23 іюля былъ Высочайше утвержденъ журналъ комитета финансовъ, въ силу котораго разрѣшено было и въ дѣйствительности выпущено на 400 милл. руб. 5%-ныхъ обязательствъ (въ русской валютѣ срокомъ на полгода, начиная съ 15 августа). И только въ послѣднемъ балансѣ на 1 ноября, наконецъ, отдѣльно отъ учета векселей показаны учтенныя краткосрочныя обязательства Гос. Казначейства, всего на сумму 434,2 мил. руб.

Чрезвычайно любопытно сопоставить хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ съ состояніемъ нашего государственнаго банка тѣ пертурбаціи, какія испыталъ за тотъ же приблизительно періодъ времени германскій имперскій банкъ. Къ счастію, несмотря на отрывочность свѣдѣній, доходящихъ до насъ изъ Германіи, мы имѣемъ сводъ его еженедѣльныхъ балансовъ съ 23 іюля по 23 сентября (н. ст.) и далѣе цифры на 31 октября (н. ст.) [1]).

Не вдаваясь въ подробности, сопоставимъ начальный и конечный моментъ для наиболѣе важныхъ счетовъ (въ милл. марокъ):

	23 іюля.	1 октября.	Болѣе + менѣе —	31 октября.	Болѣе + менѣе —
Активъ.					
Металлич. наличность	1.691	1.737	+ 46	1.890	+ 153
въ томъ числѣ золота	1.357	1.717	+ 360	1.858	+ 141
Свидѣтельства имперской кассы и военныхъ ссудныхъ кассъ .	—	336	+ 336	870	+ 534
Векселя, чеки и обязательства госуд. казначейства	751	4.756	+ 4.005	2.774	— 1.982
Пассивъ.					
Банкноты въ обращеніи	1.891	4.491	+ 2.600	4.171	— 320
Вклады и текущіе счета	944	2.350	+ 1.406	1.305	— 1.045

Мы видимъ, что золотой запасъ въ германскомъ банкѣ увеличился, что объясняется передачей ему военнаго фонда, усиленнаго по закону 3 іюля 1913 г. и доведеннаго къ моменту войны, по газетнымъ

---

[1]) См. *Торг.-Промышл. Газ.*, 24 сентября, № 218 (по обзору, заимствованному изъ *Vossische Zeitung* отъ 26 сентября н. ст.), а также № 246, отъ 29 октября.

свѣдѣніямъ, до суммы 205 милл. мар. Дальнѣйшее увеличеніе его есть, видимо, результатъ энергическихъ усилій стянуть все золото въ странѣ въ банкъ, хотя, какъ мы видимъ, результаты этихъ усилій не слишкомъ велики [1]).

Увеличеніе вексельнаго портфеля банка огромно: оно достигло къ кульминаціонному пункту 1 октября свыше 4 милліардовъ марокъ! При этомъ надо прибавить, что $^3/_4$ этого увеличенія относятся на періодъ до 7 августа, т.-е. на недѣлю, *предшествовавшую* объявленію войны, и на первую недѣлю войны (+1.330 мил. мар. въ періодъ 10—18 іюля (стараго стиля) и +1.656 мил. мар. 19—25 іюля). Паника въ Германіи на берлинской биржѣ началась 12 іюля — тотчасъ послѣ австрійскаго ультиматума, и размѣры вызваннаго ею напора на имперскій банкъ, конечно, несоизмѣримы съ тѣмъ, что имѣло мѣсто у насъ.

Но, помимо учета частныхъ векселей, въ этой же рубрикѣ заключены и учтенныя обязательства имперскаго казначейства. Послѣ 1 октября рѣзкое уменьшеніе рубрики учета объясняется погашеніемъ именно этихъ обязательствъ, на которыя тѣмъ временемъ была открыта публичная подписка, достигшая 1.260 мил. мар. [2]).

Количество вновь выпущенныхъ имперскимъ банкомъ банкнотъ весьма велико—2,6 милліардовъ марокъ или 1.104 мил. руб., т.-е. приблизительно столько же, какъ и у насъ. Но съ октября начинается погашеніе ихъ, сдѣлавшееся возможнымъ благодаря взносамъ по новому, долгосрочному военному 5% займу. Въ огромныхъ размѣрахъ увеличилось количество вкладовъ въ банкъ. Кульминаціоннымъ пунктомъ здѣсь было 23 сентября (+1.765 мил. мар. = 817 мил. руб.). Объясняется ли этотъ приливъ вкладовъ только отливомъ ихъ изъ частныхъ банковъ, аналогичнымъ по своимъ мотивамъ тому же процессу, какой мы наблюдали и въ нашемъ государственномъ банкѣ,—мы сказать не рѣшаемся. Съ октября и здѣсь, въ связи, конечно, съ подпиской на новый заемъ, начинается отливъ, составившій за мѣсяцъ 1.045 мил. марокъ. Не останавливаясь на дальнѣйшихъ деталяхъ, скажемъ лишь, что отношеніе золотого фонда къ выпущеннымъ въ обра-

---

[1]) Основнымъ мѣропріятіемъ здѣсь является выпускъ Reichsbank'омъ банкнотъ мелкихъ купюръ (еще до войны), легко осѣдающихъ въ обращеніи и позволяющихъ изъять изъ него значительныя количества золота. По свѣдѣніямъ *Vossische Zeitung*, на 23 сентября сумма мелкихъ банкнотъ въ обращеніи въ Германіи достигала 1,562 милл. мар. (см. *Вѣстн. Фин.*, № 39, стр. 406). На 31 октября она достигла уже 1.830 мил. мар. (*Торг. Пр. Газ.* № 246).

[2]) По разсчетамъ *Frankfurter Zeitung* (отъ 1 октября 1914 г.), къ 15 августа въ вексельномъ портфелѣ Reichsbank'а заключалось обязательствъ казначейства (Reichswechsel) на 1,446 милл. мар.; къ 26 сентября эта цифра возросла до 2,348 милл. мар., но къ 7 октября (н. ст.), благодаря взносамъ по новымъ военнымъ займамъ, погашено было на 1,456 милл. мар. (см. *Торг.-Пром. Газ.*, №№ отъ 28 сентября и отъ 11 окт.).

щеніе неразмѣннымъ кредитнымъ билетамъ у насъ нынѣ равняется около 70%, тогда какъ въ Германіи всего 44,6%, а 7 сентября прошлаго года оно составляло тамъ 82,25%. Однако по германскому банковому законодательству металлическое обезпеченіе банкнотъ можетъ не превышать 33,3% ихъ выпуска, что для Германіи въ настоящій моментъ даетъ возможность выпуска еще свыше 1 милліарда марокъ. Эта сумма не такъ велика, но благодаря тому, что покрытіемъ могутъ служить также свидѣтельства имперской кассы (Reichs-Kassenscheine и свидѣтельства особыхъ военныхъ ссудныхъ кассъ (Kriegsdarlehnkassen), эмиссіонное право германскаго имперскаго банка еще значительно расширяется [1]). Надо сказать, что уже въ настоящее время увеличеніе бумажно-денежнаго обращенія въ Германіи вызываетъ, повидимому, опасенія, и дѣлаются попытки къ его сокращенію.

Небезынтересно сравнить съ этими данными положеніе дѣлъ у нашихъ союзниковъ.

Французскій банкъ съ момента войны прекратилъ печатаніе своихъ еженедѣльныхъ балансовъ — мѣра, объясняемая лишь паникой и страхомъ тевтонскаго нашествія, но, какъ выясняется теперь, повидимому, не вызываемая тревогами за положеніе центральнаго банка Франціи.

Вотъ сравнительныя цифры за 30 іюля и 1 октября (въ мил. франковъ [2]).

	30 іюля.	1 октября.	Болѣе + менѣе —
Активъ:			
Золото	4.141	4.092	—49
Серебро	625	319	—306
Векселя	2.434	4.476	+2.042
Пассивъ:			
Банкноты	6.683	9.299	+2.616
Вклады	?	2.177	?

Незначительное уменьшеніе огромнаго металлическаго запаса здѣсь не можетъ, конечно, вызывать опасеній. Что касается выпуска бумажныхъ денегъ, то палата депутатовъ вотировала при объявленіи войны прекращеніе размѣна и расширеніе эмиссіоннаго права банка до 12 милліардовъ франковъ. Право это, какъ мы видимъ, не использовано еще на 2.700 мил. фр., и надо прибавить, что за послѣднюю недѣлю (съ 23 сентября) бумажное обращеніе уже стало сокращаться (на 187 мил.

---

[1]) Мы не имѣемъ въ виду останавливаться здѣсь на этихъ поучительныхъ мѣропріятіяхъ Германіи, связанныхъ съ облегченіемъ положенія имперскаго банка. О нихъ см. *Торг.-Пром. Газ.*, 11 сентября, № 207.

[2]) Цифры баланса на 1 октября опубликованы въ *Temps* лишь со спеціальнаго разрѣшенія министра финансовъ А. Рибо (см. *Торг.-Пром. Газ.*, 7 октября, № 228).

франковъ). По отношенію къ выпущеннымъ банкнотамъ металлическій фондъ французскаго банка составлялъ 47,4%—нѣсколько больше, чѣмъ въ Германіи.

Паника въ Парижѣ была огромная. Учетъ за одну недѣлю (23—30 іюля н. ст.) поднялся съ 1,532 до 2,433, т.-е. почти на милліардъ франковъ, и за ту же недѣлю, еще до объявленія войны пришлось выпустить банкнотъ на 771 мил. франковъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшіе балансы уже не опубликовывались, и мы не имѣемъ данныхъ, чтобы судить о размѣрахъ паники въ первыя недѣли по объявленіи войны. Любопытно для сравненія масштаба событій привести цифры учета векселей и выпуска банкнотъ французскаго банка въ первыя недѣли франко-прусской войны 1870 года. За *четыре* недѣли со дня объявленія войны (21 іюля—18 августа 1870 г.) цифры (въ мил. фр.) измѣнились тогда въ такихъ размѣрахъ [1]).

	21 іюля.	18 августа.	Болѣе + менѣе —
Вексельный портфель . .	828,2	1.350,0	+521,8
Банкноты	1.470,2	1.667,6	+197,6

Цифры, совершенно несоизмѣримыя съ размахомъ современныхъ намъ событій.

Относительно французскаго банка необходимо прибавить еще, что, по заявленію французскаго министра финансовъ, еще до войны между банкомъ и правительствомъ было заключено соглашеніе о весьма значительной ссудѣ правительству со стороны банка въ случаѣ надобности. Какъ констатируетъ г. Рибо, на 1 октября эта ссуда достигла 2.100 мил. франковъ, но условленная сумма еще не исчерпана.

Что касается Англіи, то англійскій банкъ былъ единственнымъ, не прекратившимъ размѣна. Однако натискъ на его кассы оказался очень сильнымъ. Золотой резервъ его банковаго департамента съ 25,4 мил. ф. ст. на 17 іюля опустился за одну недѣлю (къ 25 іюля) всего до 9,97 мил. ф. ст. и составилъ всего 14,8% его обязательствъ. Это неблагопріятное соотношеніе напоминаетъ самыя худшія времена въ исторіи англійскаго банка. Однако банкъ выдержалъ, и по послѣднему балансу (на 30 октября н. ст.) резервъ его поднялся уже до 52,21 мил. ф. ст., что составляетъ уже 33,3% его обязательствъ. Характернѣйшей чертою здѣсь является огромный притокъ въ банкъ частныхъ вкладовъ: съ 56,7 мил. ф. ст. (25 іюля) они поднялись за 2 мѣсяца (25 сентября) до огромной суммы 146,6 мил. ф. ст., т.-е. увеличились почти на 900 мил. руб. Изъ частныхъ банковъ англичане несли свои деньги

---

[1]) *B. Serrigny.* „Les conséquences économiques de la prochaine guerre". Paris, 1909, стр. 88.

въ свой національный банкъ, оправдавшій и теперь свою репутацію, выражаемую извѣстнымъ афоризмомъ: „safe as the Bank“ [1]).

Ссуды банка правительству поднялись съ 25 іюля по 2 октября съ 11,0 до 26,6 мил. ф. ст.; относительно золотого запаса эмиссіоннаго отдѣленія были приняты весьма энергичныя мѣры, и онъ поднялся съ 26,0 до 68,7 мил. ф. ст. Учетная операція, выросшая къ 25 сентября съ 65,3, до 113,9 мил. ф. ст., несмотря на то, что банкъ поднялъ учетный процентъ въ первые дни войны, правда, на самое короткое время до 10% (!), за послѣднюю недѣлю уже стала сокращаться (30 октября 105,1 мил. ф. ст.).

Своеобразныя измѣненія счетовъ англійскаго банка и его положеніе на денежномъ рынкѣ сильно отличаютъ его отъ его континентальныхъ собратьевъ, и мы видимъ, что здѣсь, несмотря на свободу размѣна, колебанія оказались менѣе значительными, и банкъ быстро овладѣлъ положеніемъ, которое для Англіи, конечно, и въ будущемъ не будетъ возбуждать никакихъ тревогъ, чего нельзя сказать съ увѣренностью относительно центральныхъ банковъ другихъ воюющихъ державъ.

Благодаря экономической депрессіи, имѣвшей мѣсто до войны, на англійскомъ рынкѣ ощущается избытокъ свободныхъ капиталовъ, и это даетъ, конечно, Англіи возможность не только со сравнительной легкостью выносить военные расходы, но въ дальнѣйшемъ еще и помогать кредитомъ союзникамъ, и прежде всего—Россіи.

Этотъ фактъ имѣетъ крупнѣйшее значеніе для нашего государственнаго кредита. Хотя выпуски новыхъ кредитныхъ билетовъ у насъ и не могутъ еще внушать опасеній, но дальнѣйшее расширеніе эмиссіоннаго права центральныхъ банковъ въ концѣ-концовъ безсильно будетъ, какъ у нашихъ противниковъ, такъ и у насъ и у нашихъ союзниковъ, дать средства на покрытіе многомилліардныхъ военныхъ расходовъ. Еще полгода военнаго напряженія—и неосторожный переходъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ за предѣлы, диктуемые благоразуміемъ, можетъ на долгіе годы подорвать наше денежное обращеніе и отбросить Россію снова въ рядъ державъ „второго сорта“. Однако экономическій организмъ Россіи представляется намъ столь мощнымъ, а „европейская“ точка зрѣнія на вопросы денежнаго обращенія со временъ денежной реформы 90-хъ годовъ—столь достаточно усвоенной руководителями нашей финансовой политики, что мы склонны думать, что до наступленія въ самомъ дѣлѣ исключительныхъ и крайнихъ обстоятельствъ будутъ употреблены серьезныя усилія удержаться отъ чрезмѣрныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ.

Но, съ другой стороны, *объективно* обстоятельства также слишкомъ

---

[1]) „Вѣрно, какъ англійскій банкъ“.

серьезны, чтобы въ этомъ отношеніи можно было оставаться вполнѣ спокойнымъ. Исключительныя условія этой войны сильно стѣсняютъ полученіе нами средствъ изъ самаго основного для насъ источника—займовъ на внѣшнихъ рынкахъ. Условія этихъ рынковъ пока еще недостаточно ясны, но, повидимому, Франція тяжело потрясена, и мы не знаемъ еще, что ждетъ ее въ дальнѣйшемъ.

Только Англія можетъ явиться солидной подмогой нашему государственному кредиту. Сто лѣтъ тому назадъ для борьбы съ Наполеономъ Англія выдавала намъ просто субсидіи. Теперь Россія слишкомъ выросла, чтобы пользоваться подачками. Но безъ поддержки англійскаго кредитнаго капитала намъ врядъ ли обойтись. Однако о возможности ея и объ условіяхъ ея реализаціи пока говорить еще преждевременно [1]).

На очереди пока стоитъ лишь учетъ на англійскихъ рынкахъ нашихъ краткосрочныхъ обязательствъ. Вслѣдъ за первымъ 400-милліоннымъ выпускомъ краткосрочныхъ обязательствъ нашего казначейства, цѣликомъ учтенныхъ въ государственномъ банкѣ и такимъ образомъ увеличившихъ на 400 мил. руб. выпускъ кредитныхъ билетовъ, Выс. указомъ 6 октября предоставлено министру финансовъ право сдѣлать дальнѣйшій выпускъ такихъ же обязательствъ. Въ отличіе отъ перваго онъ разсчитанъ не только на русскій, но и на иностранные рынки. Именно — на 400 мил. руб. постановлено выпустить обязательствъ не только въ русской, а „въ случаѣ надобности“ и въ иностранной валютѣ. Сверхъ указанныхъ 400 мил. руб., выпущено еще на 12 мил. ф. ст. (113,5 мил. руб. по нарицательной цѣнѣ) на англійскомъ рынкѣ. Новыя обязательства выпускаются, какъ и первыя, изъ 50% на краткій срокъ— всего въ $^1/_2$ года. Цѣлью ихъ выпуска является не только прямая оплата военныхъ расходовъ, но и нѣкоторое упорядоченіе пришедшаго въ серьезное разстройство механизма нашихъ заграничныхъ платежей, вытекающихъ изъ потребностей частныхъ международныхъ торговыхъ и кредитныхъ отношеній.

Но въ значительной своей части новыя обязательства, конечно, также будутъ учтены въ государственномъ банкѣ и повлекутъ за собою новые выпуски кредитныхъ билетовъ, пріостановившіеся за послѣднюю недѣлю, по 8 октября.

Къ такому же увеличенію денежныхъ знаковъ, въ сущности, ведетъ и выпускъ „билетовъ государственнаго казначейства“ (серій) на сумму 300 мил. руб., наполовину (по газетнымъ свѣдѣніямъ) взятый частными банками, наполовину размѣщенный въ публикѣ. Серіи выпущены изъ

---

[1]) Въ только что опубликованной рѣчи Асквита при открытіи новой сессіи палаты общинъ имѣется указаніе, что вновь испрашиваемый военный кредитъ въ 225 мил. ф. стерл. предназначенъ, кромѣ прямыхъ военныхъ расходовъ, также и на займы союзникамъ (43 мил. ф. ст. для Бельгіи, Сербіи и нѣкоторыхъ британскихъ колоній).

4% на обычный 4-лѣтній срокъ. Онѣ, какъ извѣстно, представляютъ собою нѣчто среднее между краткосрочнымъ займомъ и бумажными деньгами, ибо принимаются въ уплату налоговъ и въ казенные платежи. Въ японскую войну ихъ было выпущено на 150 мил. руб. Они имѣютъ спросъ на рынкѣ, въ особенности, повидимому въ Москвѣ, и нѣкоторыя сомнительныя стороны этихъ „московскихъ денегъ" дѣлаютъ значительные выпуски ихъ нежелательными. Однако при нынѣшнихъ обстоятельствахъ выпускъ ихъ на 300 мил. руб. не можетъ возбуждать особыхъ возраженій, лишь бы только не злоупотреблять ими въ дальнѣйшемъ.

Таковы кредитныя операціи, въ первую очередь давшія средства на веденіе войны и связанныхъ съ нею расходовъ. Не только у насъ, но и у нашихъ союзниковъ и противниковъ въ общемъ онѣ имѣли однородный характеръ. Помимо крупныхъ выпусковъ банкнотъ, вездѣ начинали съ краткосрочныхъ обязательствъ.

Мы видѣли выше, что Германія учла въ имперскомъ банкѣ на огромную сумму такихъ обязательствъ, а въ послѣднее время погасила ихъ почти на $1^1/_2$ милліарда марокъ.

Если вѣрить германскимъ свѣдѣніямъ, то это оказалось возможнымъ благодаря тому, что публичная подписка на эти обязательства дала 1.260 мил. марокъ, что, совмѣстно съ поступленіями отъ новаго долгосрочнаго военнаго займа, и позволило германскому правительству освободить свой центральный банкъ отъ огромной тягости, развязавъ ему руки для новыхъ кредитныхъ операцій. Необходимо еще добавить, что, по газетнымъ свѣдѣніямъ, отдѣльно отъ имперіи еще и Пруссія выпустила краткосрочныхъ обязательствъ на $1^1/_2$ милліарда марокъ, изъ которыхъ 400 мил. должны пойти на помощь пострадавшему населенію Восточной Пруссіи [1]).

Менѣе благопріятно складываются, повидимому, отношенія во Франціи. Одною изъ статей декрета 2 сентября министру финансовъ предоставлено было выпустить краткосрочныхъ обязательствъ (боновъ) казначейства на 940 мил. фр. Однако къ половинѣ сентября среди публики размѣщено было всего лишь 350 мил. фр. [2]). Остальные же пришлось нести во французскомъ банкѣ. Новымъ декретомъ отъ 13 сентября постановлено было выпустить на льготныхъ условіяхъ новыя обязательства на 3—6—12 мѣсяцевъ съ нѣкоторымъ обращеніемъ къ патріотизму населенія, что видно уже изъ самаго названія этихъ обязательствъ—„Bons de la défence nationale". Надо при этомъ замѣтить, что Франція выпустила почти наканунѣ войны долгосрочный $3^1/_2$% за-

---

[1]) См. *Торг.-Пром. Газ.*, 25 октября, № 243.

[2]) См. *Торг.-Пром. Газ.*, 16 сентября, № 211.

емъ, но война помѣшала реализовать его и пришлось „прибѣгнуть къ такой экстраординарной мѣрѣ, какъ пріемъ его облигацій по эмиссіонной цѣнѣ (91 за 100) въ уплату за новые боны казначейства, другими словами, допущена конверсія долгосрочнаго займа въ краткосрочный, притомъ $3^1/_2$% въ 5%“ [1]).

Эти факты указываютъ на сильное, быть можетъ, временное потрясеніе французскаго государственнаго кредита, и только одна Англія безъ всякаго затрудненія по низкому курсу $3^3/_4$—$3^{11}/_{16}$% реализовала уже краткосрочныхъ боновъ казначейства на 60 мил. ф. ст. [2]).

Въ первое время войны при общемъ смятеніи, при закрытіи биржъ, отливѣ вкладовъ изъ банковъ, неустойчивости, а въ настоящую войну даже полной неизвѣстности расцѣнки публикою курсовъ цѣнныхъ бумагъ, краткосрочныя обязательства вынужденно являются наиболѣе подходящей и даже единственною формой реализаціи средствъ правительствами воюющихъ странъ. Въ настоящее время этотъ предварительный періодъ финансовой мобилизаціи принялъ особенно грандіозные размѣры. И только спустя почти 3 мѣсяца войны, начинается вторая стадія финансовыхъ операцій—заключеніе долгосрочныхъ займовъ. Пока заемъ реализованъ на крупную сумму только въ Германіи. Подписка на него объявлена была, правда, еще 10 сентября н. ст. и дала огромную сумму въ 2.940 мил. марокъ, но условія самаго займа возбуждаютъ большія сомнѣнія.

Патріотическія воззванія о подпискѣ на заемъ доходили до того, что въ газетахъ „печатались имена тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя подписывались на заемъ на крупныя суммы, съ обозначеніемъ размѣровъ подписки; въ нѣкоторыхъ же случаяхъ газеты не стѣснялись, на оборотъ, указывать на учрежденія, которыя, по ихъ мнѣнію, подписались на меньшую сумму, чѣмъ можно было ожидать по ихъ средствамъ“ [3]). Но самое главное,—что оплачивать взносы по новому займу предоставлено было не деньгами, а свидѣтельствами упомянутыхъ выше „военныхъ ссудныхъ кассъ“, гдѣ публика на весьма льготныхъ усло

---

[1]) Проф. *П. Мигулинъ. Нов. Эк.*, № 37, стр. 3.

[2]) См. *Торг.-Пром. Газ.*, 17 сентября, № 212, *Нов. Эк.*, № 39, стр. 8, и *Торг. Пром. Газ.*, 28 сентября, № 222, и 11 октября, № 232.

[3]) *Торг.-Пром. Газ.*, 28 сентября, № 222. Та же газета опубликовываетъ чрезвычайно характерную выдержку изъ одной швейцарской газеты, гласящую буквально слѣдующее:

„Къ своему великому удивленію, нѣкоторые фабриканты нашего города получили въ послѣдніе дни отъ своихъ покупателей изъ Германіи сообщеніе такого рода:

„Подтверждая ваше сообщеніе отъ... числа, настоящимъ увѣдомляемъ васъ, что, въ виду весьма высокой расцѣнки швейцарской валюты, мы не имѣемъ возможности отослать вамъ покрытіе по полученнымъ намъ фактурамъ. Такъ какъ, далѣе, посылка денегъ за границу во время войны не въ интересахъ Германской имперіи и будучи уб

віяхъ могла закладывать цѣнности и, мало того, по оплатѣ облигацій займа—закладывать и ихъ въ тѣхъ же ссудныхъ кассахъ. Вклады и капиталы сберегательныхъ кассъ (а общая сумма ихъ превышаетъ 16 милліардовъ марокъ) также усиленно направлялись для содѣйствія новому займу, отчасти при помощи залога цѣнностей въ тѣхъ же военныхъ кассахъ. Въ результатѣ это создало, по крайней мѣрѣ, частичную фиктивность полученныхъ по новому займу суммъ или во всякомъ случаѣ продолжительную отсрочку для дѣйствительной оплаты подписокъ на него и, кромѣ того, сводило суммы, полученныя при посредствѣ упомянутыхъ операцій съ военными ссудными кассами, къ простому увеличенію бумажныхъ денежныхъ знаковъ [1]).

Франція въ соотвѣтствіи съ упомянутыми выше фактами не приступала еще къ выпуску долгосрочнаго займа. Англія, согласно только что опубликованнымъ телеграфнымъ свѣдѣніямъ о новомъ бюджетѣ Ллойда-Джорджа, выпускаетъ огромный $3^1/_2$%-ный военный заемъ по курсу 95 за 100 всего на сумму 350 мил. фунт. стерл.

Только что опубликованы также свѣдѣнія, что и Австрія и Венгрія, о финансовыхъ мѣропріятіяхъ которыхъ пока не было никакихъ свѣдѣній, выпускаютъ военныя займы—$5^1/_2$-ный по курсу $97^1/_2$, Венгрія—6%-ную ренту по такому же курсу.

Что касается Россіи, то въ нашей прессѣ возникалъ рядъ проектовъ займовъ самаго разнообразнаго типа,—„выигрышныхъ“ съ процентами и безъ процентовъ, „патріотическихъ“, „народныхъ“, „трезвыхъ“ и т. п.

Однако въ настоящее время осуществляется въ принципѣ рѣшенный комитетомъ финансовъ еще въ концѣ августа 5%-ный долгосрочный внутренній заемъ на 500 мил. руб. обычнаго типа.

Открытая 24 октября подписка, повидимому, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Курсъ займа опредѣленъ для публики въ 94 за сто, причемъ посредничество банковъ, повидимому, оплачивается въ 2%. Заемъ погашается въ 49 лѣтъ, онъ свободенъ отъ купоннаго налога, на 10 лѣтъ правительство отказывается отъ конверсіи или досрочнаго выкупа займа. Въ виду возможнаго ухудшенія условій государственнаго кредита т.-е. возможной большей выгодности для подписчиковъ дальнѣйшихъ займовъ

ждены въ томъ, что вы отъ всего сердца желаете успѣха Германіи въ настоящей войнѣ, мы полагаемъ, что вы согласны помѣстить ваши средства въ 5% военный заемъ.

„Въ виду этого, мы пріобрѣли сего числа за вашъ счетъ обязательства 5% военнаго займа; проценты по этому займу мы будемъ заносить въ кредитъ вашего счета.

„Увѣдомляемъ васъ, что мы рѣшили послѣ войны продолжать дѣловыя сношенія только съ тѣми фабрикантами, которые выразятъ согласіе съ принятой нами вышеуказанной мѣрой“.

[1]) См. статью *К. М.* „Финансово-экономическія мѣропріятія Германіи во время войны“. *Торг.-Пром. Газ.*, 28 сентября, № 222.

по примѣру Франціи и Англіи подписывающимся на нынѣшній заемъ предоставляется преимущественное право подписки и на дальнѣйшіе займы. Такого рода условія надо признать не выходящими изъ предѣловъ нормальнаго, и паденіе нашего государственнаго кредита, вызванное войною, является пока довольно умѣреннымъ. Непосредственно передъ войною наши 5%-ные займы 1905 и 1906 гг. стояли на уровнѣ 101½ — 103. Другими словами, дѣйствительный размѣръ процента съ 4,85—4,93 въ 1905 и 1906 гг. поднялся теперь до 5,32% или 5,44%.

Выпускной курсъ новаго германскаго военнаго 5% займа составляетъ 97,50, тогда какъ послѣдній германскій 4% заемъ (май 1913 г.) выпущенъ былъ по курсу 97,90. Это во всякомъ случаѣ означаетъ болѣе сильное ухудшеніе условій германскаго государственнаго кредита, чѣмъ то, о какомъ можно дѣлать заключеніе для нашего новаго займа.

Со времени японской войны нашъ государственный кредитъ замѣтно улучшился. Для нашихъ 5%-ныхъ внутреннихъ займовъ, выпущенныхъ въ мартѣ и августѣ 1905 г., по расчетамъ Helfferich'a [1]), дѣйствительный платежъ составлялъ 5,85 и 5,70 %. При этомъ надо принять еще во вниманіе, что сумма каждаго изъ этихъ займовъ составляла всего 200 мил. руб.

Годы 1909—1913 были для Россіи годами образованія и укрѣпленія внутренняго денежнаго рынка. Процессъ накопленія капитала за эти годы сталъ представлять довольно солидную величину, такъ что съ нынѣшней емкостью внутренняго рынка для займовъ не можетъ итти въ сравненіе эпоха японской войны. Вотъ цифры роста капиталовъ, образующихся въ странѣ для двухъ періодовъ 1903—1904 и 1912—1913 гг.

Вклады и текущіе счета (въ мил. руб.):

Къ концу года.	Гос. банкъ.	Коммерч. банки.	О-ва вз. кредита.	Городск. банки.	Учр. мел. кредита.	Сберег. кассы.	Итого.	+ или —.
1903	231	722	216	107	—	860	2.136	
								+ 130
1904	255	776	215	109	—	911	2.266	
1912	266	2.330	545	183	396	1.594	5.314	
1913	240	2.536	595	?	?	1.685	?	

Мы не имѣемъ данныхъ о приростѣ вкладовъ за 1913 г. въ городскихъ банкахъ и учрежденіяхъ мелкаго кредита. Если принять его въ размѣрахъ предыдущаго года (+ 17 и + 120 мил. руб.), то общій приростъ сбереженій въ нашихъ кредитныхъ учрежденіяхъ составитъ за этотъ годъ 458 мил. р. [2]).

---

[1]) *K. Helfferich.* „Das Geld im Russisch-Japanischen Kriege". Berl., 1906.

[2]) Для 1903—1904 и 1912 гг. см. статью В. Мукосѣева „Русскій денежный рынокъ" въ сборникѣ „Русскія биржевыя цѣнности", для 1913 г.—балансы соотвѣтствен-

Въ среднемъ за 4-хлѣтіе 1909—1912 гг. онъ составлялъ 508 мил. р., а въ 1912 г. даже 772 мил. руб. Этому накопленію соотвѣтствуютъ и размѣры эмиссіи нашихъ цѣнныхъ бумагъ. За десятилѣтіе 1904—1913 гг. ихъ было выпущено на крупную сумму 9.938 мил. руб., причемъ заграницей всего лишь на 3.236 мил. руб., остальныя же двѣ трети выпущены были на внутреннемъ рынкѣ. Характерно, что въ первую половину этого періода было выпущено государственныхъ бумагъ на 2.145 м. р. и другихъ бумагъ ровно на такую же сумму (въ текущемъ году промышленныхъ всего на 596 м. р.). Наоборотъ, въ годы 1909—1913 государственныхъ фондовъ за прекращеніемъ дефицитовъ въ нашихъ бюджетахъ выпущено было всего на 176 мил. руб., прочихъ—въ связи съ полосою промышленнаго подъема—на огромную сумму 5.383 мил. руб. [1]).

Эти данныя указываютъ, что нашъ внутренній денежный рынокъ обладаетъ въ настоящее время достаточной емкостью для размѣщенія на немъ внутреннихъ займовъ на значительныя суммы. Всѣ эти милліарды вкладовъ, конечно, нельзя считать свободными средствами. Они вложены въ различнаго рода активныя операціи, и рѣзкій отливъ ихъ для покупки вкладчиками бумагъ новыхъ займовъ могъ бы поставить наши кредитныя учрежденія въ затруднительное положеніе. Вотъ причина, почему наши банки до послѣдняго времени противодѣйствовали выпуску внутренняго займа, и правительству приходилось съ ними считаться: банкамъ заемъ былъ невыгоденъ—отливъ вкладовъ изъ банковъ дѣлалъ реализацію займа при ихъ посредствѣ затруднительной, а очевидно въ такомъ случаѣ, что реализація займа если и могла бы быть совершена, то лишь на невыгодныхъ условіяхъ [2]). Въ настоящій моментъ положеніе уже измѣнилось: вклады возвращаются въ банки, и при несомнѣнномъ замедленіи торговаго и промышленнаго оборота свободныя средства для государственныхъ фондовъ могутъ найтись. По даннымъ, охватывающимъ очень значительную часть нашихъ частныхъ кредитныхъ учрежденій, В. М—въ (*Вѣстн. Фин.*, № 40, стр. 5), даетъ такую таблицу движенія вкладовъ и текущихъ счетовъ въ нихъ до послѣдняго мѣсяца:

ныхъ учрежденій въ *Вѣстникѣ Финансовъ*. Вклады коммерческихъ банковъ на 1 іюля 1914 г. достигли уже 2,808 милл. руб., а вклады сберегательныхъ кассъ на 1 ноября—1.717,5 милл. руб.

[1]) *М. Боголѣповъ*. „Война и займы“ (*Торг.-Пром. Газ.*, 8 октября, № 229).

[2]) Мы не согласны поэтому съ мнѣніемъ проф. П. П. Мигулина, съ первыхъ же недѣль войны настаивавшаго въ своемъ журналѣ (*Нов. Экономистъ*, №№ 31 и 37) на немедленномъ выпускѣ внутренняго долгосрочнаго займа.

На 1-е число.	Мил. руб.	
Января 1914 г. . . .	3.218	+ или —
Апрѣля „ „ . . .	3.530	+ 312
Іюня „ „ . . .	3.619	+ 89
Іюля „ „ . . .	3.607	— 12
Августа „ „ . . .	3.255	— 352
Сентября „ „ . . .	3.342	+ 87

Огромный отливъ вкладовъ перваго мѣсяца войны, какъ мы видимъ, смѣнился уже обратнымъ процессомъ. Правда, учетный процентъ, стоявшій въ частныхъ банкахъ до войны для первоклассныхъ векселей на уровнѣ $5^5/_8$%, сохраняетъ донынѣ свою высокую ставку $7^1/_4$% и болѣе. Но во всякомъ случаѣ съ деньгами стало уже свободнѣе, и высота учетной ставки скорѣе объясняется не недостаткомъ свободныхъ средствъ, а потрясеніемъ торговаго оборота въ связи съ мораторіемъ и развившимися на этой почвѣ отрицательными явленіями, характерными для нашихъ примитивныхъ коммерческихъ нравовъ.

Психологическія предпосылки успѣха займа—благопріятныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣлъ—также указываютъ на своевременность заключенія его безъ особыхъ потерь.

Относительно будущихъ кредитныхъ операцій надо сдѣлать только одно общее замѣчаніе. При крупныхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ и создаваемой ими угрозѣ для денежнаго обращенія консолидація ихъ въ формѣ долгосрочныхъ процентныхъ займовъ безусловно необходима и желательна, ибо она снимаетъ съ рынка осѣдающіе на немъ излишніе денежные знаки, предотвращая опасность паденія ихъ цѣны (съ соотвѣтственнымъ повышеніемъ цѣнъ товаровъ) и облегчая безвредную возможность ихъ дальнѣйшихъ выпусковъ. Эта сторона вопроса особенно важна при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, и приходится зорко слѣдить за состояніемъ денежнаго обращенія, чтобы предотвращать во-время грозящее ему разстройство. Единственный правильный путь для этого—своевременная реализація внутреннихъ процентныхъ займовъ.

Необходимо также имѣть въ виду, что, пока есть возможность, слѣдуетъ воздерживаться отъ худшей формы займовъ—выигрышныхъ. Быть можетъ, они могутъ быть выгодны для государства, но они невыгодны для тѣхъ группъ населенія, которыя являются обычными пріобрѣтателями такихъ займовъ. Положеніе серьезно; быть можетъ, дойдетъ очередь и до такихъ займовъ, если другія формы будутъ исчерпаны или окажутся слишкомъ невыгодными. Но пока есть время, слѣдуетъ держаться обычныхъ формъ процентныхъ займовъ [1]).

---

[1]) Мы не можемъ по этимъ соображеніямъ согласиться съ доводами проф. Мигулина въ защиту выигрышныхъ займовъ (см. *Новый Экономистъ*, № 39).

Резюмируя вышеуказанныя свѣдѣнія о нашихъ военныхъ расходахъ, мы должны отказаться отъ ихъ положительнаго опредѣленія. Можно говорить лишь о военныхъ рессурсахъ. Пока они складываются, согласно сказанному выше, изъ такихъ элементовъ:

Свободная наличность къ началу войны . .	500	мил. руб.
Краткосрочныя обязательства Гос. Казн. .	913,5	„ „
4%-ные билеты Гос. Казнач. (серіи) . .	300	„ „
5%-ный долгосрочный заемъ	500	„ „
	2.113,5	„ „

Сюда надо присоединить не поддающуюся учету цифру сбереженій по бюджету 1914 г. вмѣстѣ съ возможнымъ превышеніемъ нѣкоторыхъ поступленій противъ смѣтныхъ расчетовъ. Но компенсируетъ ли она убыль въ нашемъ бюджетѣ, вызванную военными потрясеніями и отмѣной питейныхъ доходовъ—свѣдѣній никакихъ не имѣется. Надо, наконецъ, къ новымъ рессурсамъ отнести еще извѣстную сумму поступленій отъ новыхъ налоговъ, частично проведенныхъ уже по 87 статьѣ. Каковъ общій результатъ—опредѣлить невозможно; сколько изъ этихъ рессурсовъ уже истрачено и каковы свободные запасы въ настоящее время—сказать также, конечно, невозможно.

Мы исчерпали въ предыдущихъ цифровыхъ данныхъ и соображеніяхъ, поскольку это было возможно, характеристику „финансовой мобилизаціи“, вызванной потребностями европейской войны, въ той ея части, которая связана съ кредитными операціями и выпускомъ бумажныхъ денегъ. Но этимъ „финансовая мобилизація“ и финансовая сторона веденія войны не исчерпывается. Остается вторая существенная часть вопроса—налоговая политика во время войны. Она въ сильной степени осложняется у насъ отмѣною винной монополіи. Изысканіе средствъ и для закрытія этой бюджетной бреши, и для оплаты процентовъ по военнымъ займамъ, и для компенсаціи ряда государственныхъ доходовъ, отпавшихъ или уменьшившихся благодаря нарушенію внутренней экономической жизни и международныхъ торговыхъ сношеній,—все это ставитъ на очередь рядъ сложныхъ вопросовъ практической финансовой политики.

Сыплются, какъ изъ рога изобиліи, десятки финансовыхъ проектовъ—и „обывательскихъ“, и „чиновничьихъ“, и „профессорскихъ“, и радикальныхъ, имѣющихъ въ виду реформировать всю нашу налоговую систему, и консервативныхъ, ограничивающихся лишь длиннымъ рядомъ пристроекъ и надстроекъ къ существующимъ налогамъ. Соотношеніе этихъ налоговыхъ преобразованій и проектовъ и съ охарактеризованными выше мѣропріятіями кредитной политики, и съ потребностями военныхъ расходовъ, и съ нашей нынѣшней налоговой системой, и съ

признанной необходимостью ея реформы, и съ неотложной необходимостью покрыть неминуемый дефицитъ; сложныя вліянія каждаго отдѣльнаго новаго налога и всей ихъ совокупности на народное хозяйство въ его нынѣшнихъ ненормальныхъ условіяхъ,—таковы вопросы, которые возникаютъ при обдумываніи этой второй существенной части „финансовой мобилизаціи“ Россіи.

Многаго здѣсь разрѣшить вообще нельзя, для многаго нѣтъ данныхъ. И въ то же время по этимъ вопросамъ руководителямъ нашей финансовой политики приходится принимать рѣшенія, проводить ихъ въ жизнь и принимать на себя моральную отвѣтственность за ихъ цѣлесообразность съ точки зрѣнія полученія государствомъ средствъ и съ точки зрѣнія тягости новыхъ налоговъ для различныхъ группъ населенія. Вокругъ этихъ „шкурныхъ вопросовъ“ уже разгорается борьба интересовъ вліятельныхъ группъ, сдерживаемая однако серьезностью положенія и несомнѣннымъ, связаннымъ съ нею подъемомъ чувства моральной отвѣтственности за судьбы отечества.

Посильной характеристикѣ всѣхъ этихъ сложныхъ вопросовъ должна быть посвящена нами особая статья.

Л. Яснопольскій.

Россія и Ближній Востокъ.

Великій историческій день приходитъ, по евангельскому слову, какъ тать въ нощи. Еще такъ недавно, во время балканскихъ войнъ, сдѣлалось очевиднымъ, что не въ очень далекомъ будущемъ станетъ вопросъ о существованіи Турціи, о судьбѣ Константинополя и проливовъ. Не прошло и двухъ лѣтъ, и исторія насъ подводитъ вплотную къ этому основному вопросу русской внѣшней политики.

И даже болѣе, чѣмъ внѣшней политики. Ближній Востокъ связанъ съ глубокими основами русской культуры. Онъ связанъ съ тѣмъ пониманіемъ православія, которое выводитъ его изъ рамокъ національнаго вѣроисповѣданія и сообщаетъ ему вселенскій характеръ. Въ нашемъ прошломъ борьба съ „греческимъ" духомъ въ церковной жизни представляла изъ себя скрытое выраженіе церковнаго національизма. Правда, именно на Ближнемъ Востокѣ связь религіозно-церковной съ національной солидарностью крайне тѣсная. Въ 1822 г. собраніе въ Трезенѣ заявило, что всѣ обитатели турецкой имперіи, которые вѣруютъ въ Іисуса Христа, включаются въ новую греческую націю. Съ другой стороны, созданіе автокефальной болгарской церкви и экзархата въ 1870 г. подготовляло образованіе самостоятельнаго болгарскаго государства. Національные антагонизмы и ненависти не останавливались у порога церкви. И всетаки оставалось чувство, что есть какой-то высшій порядокъ религіознаго единомыслія, обнимающій весь православный міръ, и что этотъ порядокъ есть одинъ изъ вѣчныхъ аспектовъ цѣлостнаго христіанскаго идеала.

Пусть тяготѣніе къ Ближнему Востоку не восходитъ къ XV столѣтію, и нѣкогда московскіе книжные люди считали судьбу Византіи—второго Рима—оконченной. Пусть сомнѣнія царя Алексѣя Михайловича, не взыщетъ ли съ него Богъ на страшномъ судѣ за то, что подъ турецкимъ игомъ живутъ православные народы, — остаются только проявленіемъ благочестивой и впечатлительной натуры. Пусть въ XVIII в., до эпохи Потемкина и греческихъ проектовъ, развивается панинская система „сѣвернаго аккорда". Все же мы имѣемъ здѣсь традицію многовѣковую, хотя и прерывающуюся. Наши отказы отъ Ближняго Востока, наши разочарованія и рѣшенія оріентировать политику въ другую сторону, всегда оказывались временными. Мечтая утвер-

диться на берегахъ Тихаго океана, мы хотѣли „подморозить“ балканскія дѣла. Сила вещей возвратила насъ сюда. Замѣчательно, что чѣмъ живѣе чувствовались роковыя послѣдствія дальневосточныхъ иллюзій, тѣмъ крѣпче слагалось убѣжденіе, что надо вернуться на нашу историческую дорогу къ Константинополю.

На этой дорогѣ матеріальные интересы были связаны съ моральными. Знаменательно, что кучукъ-кайнарджійскій миръ, съ одной стороны, сдѣлалъ свободнымъ для русскихъ торговыхъ судовъ Черное море и проливы, а съ другой стороны, призналъ за Россіей въ извѣстной формѣ покровительство надъ православной церковью въ Константинополѣ и православнымъ населеніемъ дунайскихъ княжествъ. Екатерина стремилась разрѣшать восточный вопросъ лишь между Россіей и Турціей, но это даже въ ея эпоху оказалось неосуществимымъ; между ними стали другія европейскія державы, и постепенно сложилось представленіе, что рѣшающій голосъ здѣсь принадлежитъ европейскому концерту. Тѣмъ не менѣе оба мотива—стремленіе найти обезпеченный отъ случайностей выходъ изъ Чернаго моря въ Средиземное и дать самостоятельность христіанскимъ народностямъ Турціи—остаются неизмѣнными.

Мы имѣемъ періодъ послѣ ункіаръ-скелесскаго договора 1833 г., когда проливы находились фактически въ рукахъ Россіи, когда по ея требованію Турція должна была запирать Дарданеллы для военныхъ судовъ иностранныхъ державъ. Это привилегированное положеніе Россіи не удержалось, и уже въ 1841 г. лондонская конференція возстановила правила, запрещавшія входъ въ проливы военнымъ судамъ всѣхъ государствъ, кромѣ Турціи. Съ другой стороны, не могъ удержаться и порядокъ нейтрализаціи Чернаго моря, явившійся результатомъ крымской войны. Въ общемъ оставалось положеніе, формулированное въ англо-турецкомъ договорѣ 1809 г., подтвержденное на лондонскихъ конференціяхъ 1841 и 1871 гг., принятое и берлинскимъ трактатомъ. Вопросъ могъ итти только о томъ, представляетъ ли этотъ запретъ доступа въ проливы военныхъ судовъ обязательство передъ Турціей, отъ котораго послѣдняя могла освободить договаривающееся съ ней государство, или онъ является нормой международнаго права, соблюденіе коей есть обязательство передъ всѣми великими державами? Извѣстно, что Англія и Россія въ 1878 и 1898 гг. въ толкованіи этого пункта помѣнялись ролями.

Не разъ указывались преимущества наличнаго порядка для Россіи при слабости нашего военнаго черноморскаго флота. Но эта слабость не могла почитаться нормальнымъ и постояннымъ состояніемъ. Постройка линейнаго черноморскаго флота справедливо была признана насущной задачей государственной обороны. Главный мотивъ однако лежалъ не въ этомъ, а въ растущемъ торговомъ значеніи Чернаго моря. Послѣд-

нее неразрывно связано съ экономическимъ подъемомъ нашего юга,— подъемомъ, который далеко опережаетъ другія области Россіи. Быстро распахиваются эти необъятныя черноземныя степи, и ихъ травяной покровъ смѣняется волнующимся золотомъ пшеничныхъ посѣвовъ. Быстро поднимаются на свѣтъ Божій пласты донецкаго угля. И если вообще приростъ населенія Россіи вызываетъ у западныхъ изслѣдователей изумленіе своимъ темпомъ, это особенно относится къ югу. Нечего напоминать и о ростѣ городовъ въ этихъ губерніяхъ, о густой сѣти желѣзныхъ дорогъ (достаточно бросить взглядъ на карту Екатерининской ж. д.), о развитіи здѣсь дѣятельности мѣстнаго самоуправленія. Земская выставка, бывшая лѣтомъ 1909 г., показала, какіе крупные результаты въ экономической жизни края здѣсь достигнуты. Но чѣмъ интенсивнѣе подымаются производительныя силы и культура нашего юга, тѣмъ болѣе онъ связывается съ Чернымъ моремъ. Впрочемъ, и вообще черноморскій экспортъ занимаетъ все большее мѣсто въ торговыхъ оборотахъ Россіи, несмотря на слабость у насъ торговаго мореплаванія и большое количество грузовъ, отправляемыхъ на греческихъ судахъ. Уже во время итальянско-турецкой войны было видно, какимъ бѣдствіемъ является закрытіе проливовъ, хотя бы на нѣсколько дней. Для Россіи необходима дѣйствительная гарантія того, что они не могутъ быть каждую минуту закрыты.

Въ чемъ можетъ быть найдена подобная гарантія? Въ томъ, что на проливахъ не появится сила, могущая быть враждебной Россіи. Можно, напримѣръ, защищать нейтрализацію проливовъ наподобіе того, какъ нейтрализованъ Суэцкій каналъ. Но важно, чтобы за этой юридической нейтрализаціей не создалось фактическое господство. Вѣдь и съ Турціей, ослабленной балканскими войнами, можно было бы мириться, если бы самая эта слабость не ускоряла превращенія ея въ форпостъ германизма. Роковымъ образомъ Турція или, лучше сказать, ея политиканствующіе авантюристы настолько связались съ дѣломъ германизма, что нельзя сокрушить его на Босфорѣ, не нанося окончательнаго удара оттоманской державѣ. Ясно, что долженъ быть пріобрѣтенъ свободный выходъ въ Эгейское море для нашихъ судовъ, торговыхъ и военныхъ, и что если для этого необходимо овладѣніе проливами, мы должны ими овладѣть. Едва ли здѣсь есть какая-нибудь опасность разногласій между союзниками. Для насъ проливы имѣютъ несравненно большее значеніе, чѣмъ для какой-нибудь другой европейской державы. Вѣдь самый Константинополь въ міровой торговлѣ постепенно теряетъ свое значеніе, уступая его уже давно Салоникамъ. Границей русскихъ владѣній могла бы служить та линія Эносъ-Мидія, которая на Лондонской конференціи 1913 г. предполагалась въ качествѣ турецко-болгарской границы.

Самый вопросъ о Константинополѣ, говорящій много воображенію и чувству, не можетъ быть однако разрѣшенъ лишь голосомъ этого чувства. Опять-таки мы не могли бы допустить утвержденія здѣсь другой державы, хотя бы формально Константинополь былъ признанъ вольнымъ городомъ. Соображенія, высказанныя нѣкогда императоромъ Николаемъ I, почему для Россіи Константинополь былъ бы опаснымъ даромъ судьбы, сейчасъ интересны болѣе исторически, хотя указанныя имъ трудности остаются и теперь. Для насъ важнѣе владѣніе берегами Босфора, чѣмъ Золотого Рога, и мы вполнѣ могли бы примириться съ Константинополемъ, который сталъ бы дѣйствительно вольнымъ городомъ, никому не угрожающимъ, подъ протекторатомъ Россіи. Само собой разумѣется, организація городского строя при такой разноплеменности, при отсутствіи органической связи между частями (что общаго у Стамбула, Галаты, Перы) представляетъ огромныя проблемы. Протекторатъ Россіи необходимъ здѣсь уже ради того, чтобы обезпеченъ былъ общій миръ. Религіозная же сторона не должна быть смѣшиваемая съ политической, какъ это часто дѣлается. Крестъ на Св. Софіи можетъ сіять и надъ Константинополемъ, превращеннымъ въ такой вольный городъ. Легче было бы сохранить и въ немъ положеніе константинопольскаго патріархата. Для насъ смыслъ борьбы—въ достиженіи свободнаго моря и въ сокрушеніи германизма на Босфорѣ. То и другое диктуется не только потребностями государственной обороны, но и всего экономическаго развитія Россіи. Въ общемъ же то и другое приводитъ къ завершенію историческихъ задачъ на проливахъ.

Остается другая сторона—завершеніе освободительнаго дѣла Россіи. Многострадальный армянскій народъ, испытавшій въ концѣ XIX вѣка такія неслыханныя злодѣянія отъ турецкихъ властей, дѣйствующихъ непосредственно или черезъ курдовъ, призывается къ новой жизни. „Нынѣ отпущаеши!“ Менѣе года тому назадъ вопросъ о реформахъ въ Арменіи оставался весьма неопредѣленнымъ. Проектъ, который поддерживало русское министерство иностранныхъ дѣлъ, основанъ былъ на допущеніи въ извѣстныхъ предѣлахъ европейскаго контроля,—контроля дѣйствительнаго („les puissances assureront de l'exécution de toutes les dispositions arrêtées“), а не мнимаго, къ которому свелась, напримѣръ, роль по мюрцштегскому соглашенію гражданскихъ агентовъ при Хильми-пашѣ. Но правительство Энвера-паши, поощряемое, вѣроятно, появленіемъ Сандерса на берегахъ Босфора и упоенное успѣхомъ адріанопольской авантюры, оказывало обычное противодѣйствіе, несмотря на рядъ уступокъ по сравненію съ первоначальнымъ проектомъ, особенно же отвергало всякій дѣйствительный контроль. Въ настоящее время этотъ гордіевъ узелъ развязывается самъ собой, и побѣдоносное шествіе нашихъ кавказскихъ войскъ приноситъ армянскому населенію

благую вѣсть. Понятенъ тотъ энтузіазмъ, съ которымъ армянское населеніе Россіи откликнулось на извѣстіе о войнѣ. Нельзя не указать здѣсь и на благія послѣдствія того духа мудрой терпимости и благожелательства, который такъ проникалъ дѣятельность намѣстника на Кавказѣ по отношенію и къ армянамъ, и ко всѣмъ другимъ разнообразнымъ національностямъ и который въ настоящія минуты такъ облегчаетъ наши военныя задачи. Эта солидарность народовъ Кавказа есть цѣнный залогъ и внутренняго мира и грядущей плодотворной дѣятельности Россіи на азіатскомъ Ближнемъ, а можетъ быть, и Среднемъ Востокѣ. Въ частности, армянское населеніе, сохраняя всю свою національно-культурную самобытность, подъ сѣнью и защитой Россіи, несомнѣнно, приметъ самое широкое участіе въ этой дѣятельности.

Часто указывалось, что эта освободительная миссія Россіи есть своеобразное политическое донкихотство, забвеніе того здороваго эгоизма, который долженъ быть основой внѣшней политики каждаго государства. Въ этомъ настроеніи есть дѣйствительно нѣкоторое здоровое ядро, поскольку оно является сдерживающимъ мотивомъ передъ рѣшеніями, влекущими за собой великую отвѣтственность. Во время балканской войны намъ предлагали изъ судьбы Дураццо и образованія Албаніи сдѣлать casus belli—къ счастью, наше министерство иностранныхъ дѣлъ дало энергичный отпоръ этимъ безотвѣтственнымъ призывамъ, и въ этомъ—одна изъ несомнѣнныхъ заслугъ С. Д. Сазонова. Но создается великое извращеніе исторической перспективы, когда видятъ лишь пагубную растрату народныхъ средствъ и силъ въ русско-турецкой войнѣ 1877—8 гг. Можно ли такъ оцѣнивать подлинный народный энтузіазмъ, который въ ней проявился? Какая искусственная агитація могла бы его вызвать? И въ еще несравненно большей степени относится это къ войнѣ современной, гдѣ освободительныя задачи для Россіи, какъ и для ея союзниковъ, не суть дополненія къ образовавшейся политической конъюнктурѣ, а прямыя изъ нея слѣдствія,—изъ политической конъюнктуры, которую создали не мы, а наши враги. Поэтому и на Балканскомъ полуостровѣ открытіе въ полномъ объемѣ восточнаго вопроса должно привести къ существенному исправленію тѣхъ нарушеній національной справедливости, которыя были допущены въ бухарестскомъ договорѣ.

На порогѣ новаго историческаго періода стоимъ мы, и передъ нами встаютъ уходящія въ глубь вѣковъ воспоминанія, и въ то же время уже чувствуемъ мы дыханіе новой жизни, гдѣ раскроется полнота матеріальныхъ и духовныхъ силъ русскаго народа и гдѣ эти силы послужатъ не только его національному самоутвержденію, но и осуществленію общечеловѣческихъ, вселенскихъ началъ.

С. Котляревскій.

Судъ исторіи. [1])

IX.

Въ настоящій моментъ общественное мнѣніе глубоко волнуетъ вопросъ о русско-нѣмецкихъ отношеніяхъ. Россія воюетъ съ Германіей, но этимъ милитарнымъ и политическимъ фактомъ вовсе не исчерпываются сила и значеніе происходящаго столкновенія.

Въ октябрьской книжкѣ *Русской Мысли* читатель найдетъ мнѣніе Дельбрюка, высказанное задолго до европейской войны, что міровую войну въ наше время можетъ вызвать только взрывъ народныхъ страстей, разжигаемыхъ прессой. Великая война опровергла это предсказаніе, но не вполнѣ. Война не была вовсе вызвана взрывомъ народныхъ страстей, она была устроена германскимъ правительствомъ, и даже общественное мнѣніе Германіи было войною, какъ совершившимся фактомъ, захвачено врасплохъ. Но германское правительство сумѣло послѣ начала войны, въ интересахъ ея, вполнѣ овладѣть общественнымъ мнѣніемъ страны, разжечь идеей войны народныя страсти и убить въ германскомъ народѣ всякое критическое отношеніе къ роли правительства въ этой войнѣ. Но и въ другихъ странахъ, которымъ пришлось обороняться отъ германскаго нападенія, народное сознаніе признало войну своей. Это придаетъ войнѣ 1914 г. ту остроту и силу, которой были лишены многія милитарныя столкновенія прежнихъ временъ.

Въ частности, вопросъ о корняхъ настоящей войны въ народной душѣ, въ общественномъ сознаніи съ особенной силой возникаетъ по отношенію къ Германіи. Нѣмецкій народъ Германіи не самъ потребовалъ этой войны, но онъ всецѣло принимаетъ и оправдываетъ ее,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Выше мы печатаемъ статью Е. В. Тарле, въ которой германская враждебность къ Россіи характеризуется какъ настроеніе, особливо присущее реакціоннымъ элементамъ Германіи. Однако, было бы ошибочно

---

[1]) *Продолженіе*. См. *Русская Мысль* 1914 г., кн. VIII—IX и X.

думать, что идея германизма, какъ воинствующей и завоевательной стихіи, есть идея исключительно реакціонныхъ, консервативныхъ или, по крайней мѣрѣ, націоналистическихъ круговъ Германіи. Я не могу присоединиться къ мысли [1]), что вражда къ Россіи и русской стихіи есть явленіе, характерное лишь для такихъ „правыхъ“ элементовъ Германіи, какъ прусское юнкерство, для консервативной публицистики Германіи въ лицѣ Гена (посмертный памфлетъ котораго „De moribus Ruthenorum“ есть, быть можетъ, самое яркое выраженіе этого антируссизма), въ лицѣ извѣстнаго публициста *Kreuzzeitung* историка Шимана и т. п. „отсталыхъ“ идеологовъ отживающей Германіи.

Исторически и фактически это невѣрно.

Всякій, знакомый въ цѣломъ съ дѣятельностью Маркса, знаетъ, что агрессивное германское расширеніе противъ славянства не только въ прошломъ, но и въ современной Марксу дѣйствительности встрѣчало съ его стороны сочувствіе и одобреніе. Маленькія славянскія національности (до чеховъ включительно!) Марксъ сознательно обрекалъ на съѣденіе германизму.

„Исторія цѣлаго тысячелѣтія,—писалъ Марксъ въ 1852 г. на страницахъ нью-іоркской *Трибуны*,—должна была показать имъ (этимъ умирающимъ національностямъ, т.-е. австрійскимъ славянамъ)... что если вся область на востокъ отъ Эльбы и Заале нѣкогда была населена рядомъ родственныхъ между собой славянскихъ народовъ, то этотъ фактъ служитъ лишь показателемъ исторической тенденціи, физической и интеллектуальной силы германской націи и ея способности покорить, всосать и ассимилировать этихъ восточныхъ сосѣдей; что эта поглотительная тенденція нѣмцевъ всегда составляла и составляетъ до сихъ поръ одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ распространенія западной цивилизаціи на востокѣ нашего континента; что эта тенденція лишь тогда прекратитъ свое дѣйствіе, когда процессъ германизаціи дойдетъ до границъ большихъ, цѣльныхъ, несломленныхъ націй, которыя способны вести самостоятельную національную жизнь, каковы венгерцы и въ нѣкоторой степени (sic!) поляки, и что, такимъ образомъ, естественной и неизбѣжной судьбой этихъ умирающихъ націй является — дать свершиться процессу разложенія и поглощенія болѣе сильными сосѣдями. Это, правда, весьма нелестная перспектива для національнаго самолюбія мечтателей панславизма, которымъ удалось привести въ движеніе часть чеховъ и южныхъ славянъ. Но развѣ они могутъ ожидать, что исторія двинется назадъ на сто лѣтъ, въ угоду нѣсколькимъ чахоточ-

---

[1]) Кое-что изъ приводимаго ниже матеріала было мною уже использовано въ статьѣ „Карлъ Марксъ и восточный вопросъ“, напечатанной въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* отъ 9 ноября.

нымъ обществамъ, состоящимъ изъ людей, которые во всякой части населяемой ими страны видятъ рядомъ съ собой и кругомъ себя нѣмцевъ, людей, которые съ почти незапамятныхъ временъ для всѣхъ цѣлей цивилизаціи не имѣютъ другого языка, кромѣ нѣмецкаго, и которымъ недостаетъ первыхъ условій національной жизни: и большой численности и замкнутой территоріи" [1]).

Марксъ въ 1848—1849 гг. желалъ и требовалъ войны съ Россіей; эту войну, какъ онъ разсчитывалъ, революціонная Германія будетъ вести въ союзѣ съ революціонной Польшей. [2])

Нельзя сказать, чтобы Марксъ въ историческомъ славянскомъ призваніи Россіи и въ вѣковой борьбѣ ея съ Турціей видѣлъ только

---

[1]) Эта статья относится къ серіи статей о революціи и контръ-революціи въ Германіи, изданныхъ дочерью Маркса и на нѣмецкій языкъ переведенныхъ Каутскимъ. Ср. *Karl Marx:* „Revolution und Kontrerevolution in Deutschland. Stuttgart, 1896, Ss. 98—99.

[2]) Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что въ 1848—1849 гг. Марксъ желалъ европейской войны потому, что онъ ждалъ отъ нея соціальной революціи, совершенно такъ же, какъ того же ожидалъ отъ англо-русской войны Жюль Гэдъ въ 1885 г., навстрѣчу которой онъ кричалъ: Vive la guerre! (ср. мою замѣтку „Жанъ Жоресъ—великій ораторъ-пасифистъ" въ октябрьской книжкѣ *Русской Мысли*). Въ обзорѣ революціоннаго движенія за 1848 г., помѣщенномъ въ новогоднемъ номерѣ *Neue Rheinische Zeitung*, Марксъ писалъ: „Страна, которая превращаетъ цѣлыя націи въ своихъ пролетаріевъ, которая своими исполинскими руками охватываетъ весь міръ, которая своими деньгами уже однажды покрывала издержки европейской реставраціи, въ нѣдрахъ которой классовыя противорѣчія развернулись въ самой ярко выраженной, самой безстыжей формѣ—Англія кажется скалой, о которую разбиваются волны революціи; Англія еще въ утробѣ матери моритъ голодной смертью новое общество. Переворотъ экономическихъ отношеній въ каждой странѣ европейскаго континента и на всемъ европейскомъ континентѣ безъ Англіи есть буря въ стаканѣ воды. Условія промышленности и торговли внутри каждой націи опредѣляются ихъ отношеніями съ другими націями, обусловливаются положеніемъ данной страны на міровомъ рынкѣ. Англія же господствуетъ надъ міровымъ рынкомъ, а буржуазія управляетъ Англіей... Старая Англія будетъ ниспровергнута только міровой войной, только міровая война можетъ дать партіи чартистовъ, организованной англійской рабочей партіи, условія успѣшнаго возстанія противъ ихъ исполинскихъ угнетателей. Когда чартисты станутъ во главѣ англійскаго правительства, только въ этотъ моментъ соціальная революція изъ царства утопіи перейдетъ въ царство дѣйствительности. Всякая же европейская война, въ которую вовлекается Англія, есть война міровая. Она ведется какъ въ Канадѣ, такъ и въ Италіи, какъ въ Остъ-Индіи, такъ и въ Пруссіи, какъ въ Африкѣ, такъ и на Дунаѣ. И европейская война будетъ первымъ слѣдствіемъ побѣдоносной рабочей революціи во Франціи. Англія, какъ во времена Наполеона, будетъ стоять во главѣ контръ-революціонныхъ армій, но самая война заставитъ ее стать во главѣ революціоннаго движенія и загладить свою вину противъ революціи восемнадцатаго вѣка.

„Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, міровая война—таково содержаніе 1849 года" (цитирую по *N. Rjasanoff.* Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa. Kritische Untersuchungen. Stuttgart, 1909, Ss. 2—3).

Принципіальный пасифизмъ былъ всегда чуждъ соціалъ-демократіи, поскольку она

происки реакціоннаго русскаго правительства или фантазіи литературнаго панславизма. Въ его статьяхъ встрѣчается, наоборотъ, признаніе народнаго характера за русской ближневосточной политикой [1]).

Но Марксъ считалъ русскую стихію врагомъ Запада и цивилизаціи и всей душой отвергалъ эту стихію. Изъ ненависти къ Россіи Марксъ и Энгельсъ въ историческихъ конфликтахъ нашего отечества съ Турціей въ 1853—1854 и въ 1877—1878 гг. всегда были на сторонѣ Турціи, въ союзѣ съ самыми ярыми англійскими туркофилами.

Для Маркса лордъ Пальмерстонъ не былъ достаточно яркимъ руссофобомъ, и онъ вслѣдъ за мономаномъ англійскаго туркофильства Д. Уркартомъ обвинялъ Пальмерстона въ предательствѣ англійскихъ и турецкихъ интересовъ въ пользу Россіи [2]).

Мечтая о всеевропейской революціи, Марксъ въ 1853 г. видѣлъ въ турецкомъ султанѣ союзника этой революціи. Въ статьѣ его, напечатанной въ *New-York Tribune* отъ 12-го августа 1853 г., есть такая поистинѣ классическая фраза: „The Sultan holds Constantinople only in trust for the Revolution",—„Султанъ владѣетъ и управляетъ Константинополемъ исключительно по довѣрію и въ интересахъ революціи". Революція должна и призвана сломить „демоническія" вліянія Восточнаго Рима" (т.-е. Россіи). [3])

опиралась на ортодоксальный марксизмъ. Въ его расчеты всегда входила европейская война какъ сигналъ къ соціальной революціи. Однако несостоятельность такихъ расчетовъ на войну, быть можетъ, никогда не чувствовалась такъ ясно, какъ именно теперь, когда мы дожили до величайшей міровой войны, площадь которой все расширяется.

[1]) „Такъ въ ученыхъ кабинетахъ нѣкоторыхъ славянскихъ диллетантовъ (sic!) въ исторической наукѣ родилось то смѣхотворное анти-историческое движеніе, которое стремилось ни болѣе, ни менѣе какъ къ подчиненію цивилизованнаго запада варварскому востоку, города—деревнѣ, торговли, промышленности, науки—первобытному земледѣлію славянскихъ крѣпостныхъ. Но позади смѣхотворной теоріи стояла ужасная дѣйствительность русской имперіи, той имперіи, которая каждымъ своимъ движеніемъ заявляетъ притязаніе—разсматривать всю Европу какъ владѣніе славянской расы и въ особенности единственной крѣпкой отрасли этой расы—русскихъ. Русская имперія, несмотря на наличность двухъ такихъ столицъ, какъ С.-Петербургъ и Москва, еще не обрѣла своего центра тяжести, такъ какъ городъ Царя (Константинополь по-русски Царьградъ), который каждымъ русскимъ крестьяниномъ разсматривается какъ истинное средоточіе религіи и націи, еще не сталъ резиденціей императора..." Revolution und Kontrerevolution in Deutschland, S. 63.

[2]) Ср. цит. выше брошюру г. Рязанова и объясненіе самого Маркса въ его пресловутомъ, убійственно скучномъ памфлетѣ „Herr Vogt", London, 1860, Ss. 58—59. Статьи Маркса противъ Пальмерстона были переизданы въ Лондонѣ въ концѣ прошлаго вѣка. Ихъ у меня, къ сожалѣнію, нѣтъ подъ руками. „Мономаномъ" Уркарта называетъ самъ Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Энгельсу.

[3]) Статьи и корреспонденціи Маркса по восточному вопросу, писанныя Марксомъ для *New-Jork Tribune,* были переизданы большимъ томомъ почти въ 700 стр.: *Karl*

Классическихъ англійскихъ либераловъ своего времени: Кобдена, Брайта, Гладстона, Марксъ не выносилъ, между прочимъ, и за ихъ доброжелательное отношеніе къ Россіи. „Кобденъ и Россія“ — озаглавлена ѣдкая англійская статья, въ которой отъ Маркса одинаково достается какъ Кобдену, такъ и Россіи [1]). Интересно отмѣтить, что Кобденъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ англичанъ, которые всегда понимали, что между Англіей и Россіей нѣтъ реальнаго антагонизма. Реальную опасность для Англіи Кобденъ видѣлъ въ американской торговой и промышленной конкуренціи, а не въ воинственной политикѣ Россіи. Психологически забавно, что проповѣдникъ идеи классовой борьбы Марксъ въ одномъ изъ своихъ интереснѣйшихъ писемъ къ Энгельсу, недавно опубликованныхъ Бернштейномъ, почти съ негодованіемъ говоритъ о томъ, что „квакеръ Брайтъ интересуется только внутренней войной“ (письмо отъ 24-го января 1854 г.) [2]).

Въ 1877—1878 гг. Марксъ и Энгельсъ стояли безусловно на сторонѣ Турціи. Послѣ русско-турецкой войны они ожидали русско-германской войны и со своей точки зрѣнія германскихъ соціалъ-демократовъ ея весьма опасались. Весьма характерно въ этомъ смыслѣ слѣдующее мѣсто изъ письма Энгельса къ Марксу отъ 9-го сентября 1879 г.: „Въ тотъ самый моментъ, когда нигилисты и панслависты (совершенно такъ же, какъ самые заскорузлые нѣмецкіе консерваторы, духовные вожди германской соціалъ-демократіи сближали и отождествляли въ этомъ пунктѣ „нигилизмъ“ и „панславизмъ“. *П. С.*) такъ основательно разрушаютъ русско-германскій союзъ, что онъ лишь на короткое время, для видимости, можетъ быть заштопанъ,—въ этотъ самый моментъ ихъ афганскіе агенты бросаютъ Англію, въ случаѣ войны Россіи съ Германіей, въ объятія Бисмарка. Я увѣренъ, что Бисмаркъ руками и ногами работаетъ надъ тѣмъ, чтобы довести дѣло до войны съ Россіей. Въ союзѣ съ Австріей и Англіей онъ можетъ дерзнуть и на это, Англія обезпечитъ ему нейтралитетъ Даніи, вѣроятно, Италіи, можетъ быть, даже самой Франціи.

Marx. The eastern question. A reprint of letters written 1853—1856 dealing with the events of the Crimean War. Edited by Eleanor Marx Aveling und Edward Aveling. London, 1897. Цитированное мѣсто находится на стр. 81.

[1]) L. c. pp. 232—235.

[2]) „Cobden, the „Umble“ and „homely Man“ hat sich bedeutend blamiert mit seiner letzten Rede. Er zeigt, dass er und die „Umble Men“, die ihm Beifall klatschten, nicht dazu berufen sind England zu becherrschen. Quäker Bright will bloss vom inneren Krieg wissen. Cobdens Entdeckung, dass die soziale Konstruktion Englands und Russlands analog, weil es dort Demidoffs und hier Derbys giebt, ist eines Pfälzer-Neustädter Revolutionsphilisters würdig“. Der Briefwechsel zwischen Friedrich *Engels* und Karl *Marx* 1844 bis 1883. Herausgegeben von A. *Bebel* u. Ed. *Bernstein*. Zweiter Band, Stuttgart, 1913, S. 6.

„Было бы лучше, если бы дѣла въ Россіи быстрѣе пошли къ кризису и устранили перспективу войны внутреннимъ переворотомъ. Положеніе становится слишкомъ благопріятнымъ для Бисмарка.

„Одновременная война съ Россіей и Франціей явилась бы (для Германіи) борьбой за національное существованіе, и въ возгорѣвшемся изъ этой борьбы шовинизмѣ наше движеніе (соціалъ-демократическое) на цѣлые годы погибло бы. И шансы при этомъ, въ случаѣ присоединенія Англіи, были бы для Бисмарка весьма благопріятными—долгая и трудная борьба, но 3 шанса противъ 2 за окончательную побѣду, вродѣ исхода Семилѣтней войны“ [1]).

Къ этой картинѣ европейской войны, которой Энгельсъ боялся только потому, что ее удачно повелъ бы Бисмаркъ, а не всеевропейская революція, Марксъ въ отвѣтномъ письмѣ отъ 10-го сентября того же года замѣчаетъ:

„Для нашего движенія и для Европы вообще не могло бы произойти ничего болѣе вреднаго, чѣмъ осуществленіе плана Бисмарка“ [2])

Какъ извѣстно, у Бисмарка вовсе не было плана войны съ Россіей. Выше читатель найдетъ переводъ классической XXIX главы „Мыслей и воспоминаній“ Бисмарка, въ которой разсказывается исторія возникновенія австро-германскаго союза. Этотъ аутентическій комментарій къ союзному акту 1879 г. въ настоящее время читается съ огромнымъ интересомъ. Между прочимъ, онъ показываетъ, въ какой мѣрѣ Бисмаркъ могъ въ своей внѣшней политикѣ всетаки руководиться соображеніями внутренней политики. Это подчиненіе внѣшней политики мотивамъ, почерпнутымъ во внутренней политикѣ, представится намъ еще болѣе значительнымъ, если мы вспомнимъ, что союзъ съ Австріей диктовался Бисмарку полной непріемлемостью для него идеи соединенія нѣмецкихъ земель Австріи съ Германіей, ибо такое соединеніе означало бы усиленіе католическаго элемента и ослабленіе прусскаго начала въ Германской имперіи. Какъ бы то ни было, внутренно-политическія соображенія Бисмарка сами по себѣ уже исключали для него агрессивныя намѣренія противъ Россіи. Но кромѣ того, какъ я уже указывалъ въ своихъ

---

[1]) L. c. Vierter Band. S. 423. Марксъ полагалъ, что „внутреннее движеніе“ въ Россіи послѣ вступленія на престолъ Александра II означаетъ крушеніе русской внѣшней политики, послѣднимъ тріумфомъ которой онъ считалъ парижскій миръ 1856 г. „Das Geheimniss der Erfolge der russischen Diplomatie abroad war die Grabesstille of Russia at home“ (l. c., S. 424). Переживаемыя нами событія доказываютъ какъ разъ обратное. Русская внѣшняя политика, при прочихъ равныхъ условіяхъ, никогда не стояла такъ высоко и не достигала такихъ успѣховъ, какъ въ наше время, когда „внутреннее движеніе“ привело къ созданію народнаго представительства и именно въ вопросахъ внѣшней политики—къ широкой свободѣ печати.

[2]) L. c. S. 424.

статьяхъ, Бисмаркъ рѣшительно отклонялъ мысль о томъ, что Германія должна до конца солидаризироваться съ Австро-Венгріей въ ея ближневосточной политикѣ, „представительствовать“ балканскіе интересы Габсбургской монархіи. А самостоятельныхъ интересовъ Германіи на Ближнемъ Востокѣ Бисмаркъ не признавалъ.

Вотъ почему того плана войны съ Россіей, который Марксъ и Энгельсъ приписывали Бисмарку, у него не было и не могло вовсе быть. Мнимый планъ Бисмарка на самомъ дѣлѣ и по существу былъ давнишней мечтой самихъ Маркса и Энгельса.

Не только не имѣя ничего противъ разгрома Россіи, но, наоборотъ, мечтая о немъ, Марксъ и Энгельсъ не хотѣли, однако, чтобы планъ грандіозной противорусской коалиціи осуществилъ ихъ политическій противникъ, уже успѣвшій за это время обрушиться на германскій соціализмъ исключительнымъ закономъ. Но менѣе осторожный и хитроумный ученикъ Маркса и Энгельса, Вильгельмъ Либкнехтъ, за годъ передъ этимъ въ 1878 г., въ германскомъ рейхстагѣ прямо противопоставлялъ дѣйствительной, лавирующей между Россіей и Австріей политикѣ Бисмарка программу рѣшительной борьбы съ Россіей въ союзѣ съ Турціей.

Какую политику рекомендовалъ Германіи тогда Либкнехтъ-отецъ?

Политику тѣснѣйшей связи съ Австро-Венгріей, во-первыхъ, поддержанія Турціи и рѣшительной борьбы съ Россіей, во-вторыхъ.

По первому пункту Либкнехтъ 19-го февраля (н. ст.) 1878 г., въ историческихъ дебатахъ рейхстага о восточномъ вопросѣ, происходившихъ передъ санъ-стефанскимъ договоромъ, сказалъ буквально слѣдующее:

„Пока опасность угрожаетъ только Австріи, но Австрія есть лишь кусокъ Германіи (ein Stück von Deutschland), и поскольку она не является прямо германской, она есть форпостъ Германіи (ein Vorland Deutschlands)“.

„Сегодня дѣло идетъ о Турціи; послѣ Турціи—очередь за Австріей. Миръ, какой еще теперь въ лучшемъ случаѣ возможенъ, если Россія въ послѣдній моментъ не будетъ данъ отпоръ, — такой миръ бросаетъ сѣмена уничтоженія въ австрійское государство. Принципъ національностей, который съ такимъ успѣхомъ былъ использованъ Россіей противъ Турціи, будетъ точно такимъ же образомъ использованъ противъ Австріи“.

Извращая истинный ходъ событій, Либкнехтъ въ заключеніе своей рѣчи такъ характеризовалъ отношенія между Россіей и Германіей:

„Скоро наступитъ время, когда ставшая лишь благодаря германской помощи (sic!) могущественной Россія направитъ свои когти и противъ Германіи... Германская культура, Германская имперія испытаютъ пагубное вліяніе созданнаго германскимъ нейтралитетомъ преобладанія Россіи. До сихъ поръ мы поддерживали миръ и, быть можетъ, намъ удастся

еще нѣсколько лѣтъ его поддерживать, но потомъ наступитъ моментъ, когда миръ уже станетъ невозможенъ, когда могущество Россіи обнаружится такъ ясно, что необходимо будетъ поднять мечъ. Тогда, быть можетъ, нѣкоторые изъ васъ вспомнятъ о томъ, что то были соціалъ-демократы, которые заявили въ рейхстагѣ слѣдующее: то, что въ 1877 г. могло бы быть достигнуто для Германіи, для всего свѣта истинно-національной политикой и честнымъ нейтралитетомъ Германіи, это когда-нибудь германской націи придется завоевывать съ несказанными жертвами, ужаснымъ кровопролитіемъ" [1]).

X.

Программа Вильгельма Либкнехта, которая по основной своей идеѣ—борьбѣ съ Россіей и славянствомъ—была программой Маркса и Энгельса, въ совершенно новыхъ политическихъ условіяхъ осуществляется Вильгельмомъ Гогенцоллерномъ въ 1914 г.

Такимъ образомъ, Вильгельмъ Либкнехтъ, въ весьма существенныхъ пунктахъ оказался замѣчательнымъ пророкомъ, но — тѣмъ хуже для Вильгельма II. Ибо въ 1877—78 гг. та открыто противорусская политика, которой требовалъ въ рейхстагѣ Либкнехтъ-отецъ, могла быть осуществлена Германіей въ союзѣ съ Англіей, при нейтралитетѣ Франціи. Теперь, въ 1914 году, императоръ Вильгельмъ, презрѣвшій совѣты князя Бисмарка, осуществляетъ политическую программу Либкнехта въ условіяхъ, когда противъ Германіи стоитъ не только Россія, но и Англія съ радикальнымъ министерствомъ во главѣ, и Франція, въ которой для борьбы съ Германіей республиканецъ-консерваторъ Рибо объединился съ марксистомъ Гэдомъ, личнымъ другомъ Либкнехта.

И еще одно отличіе 1914 г. отъ 1878: въ 1878 году о растерзанной Польшѣ вспомнилъ германскій рейхстагъ устами польскаго депутата Коперовскаго и того же Либкнехта, которые оба требовали возстановленія Польши; въ 1914 году о ней вспомнила и ее призвала къ новой жизни Россія въ достопамятномъ и мудромъ воззваніи Верховнаго Главнокомандующаго.

Вся мудрость этого акта особенно ярко выступаетъ при свѣтѣ тѣхъ мыслей о русско-германскихъ отношеніяхъ, которыя читатель найдетъ въ печатаемыхъ выше соображеніяхъ Бисмарка. Русско-польскій споръ

---

[1]) Ср. ставшія теперь большой рѣдкостью брошюры Либкнехта, вышедшія въ 1878 г.: „Die Orientdebatte im deutschen Reichstag" и „Zur orientalischen Frage oder soll Europa kosackisch werden?" Этими брошюрами я уже воспользовался въ статьѣ „Вильгельмъ Либкнехтъ и Вильгельмъ Гогенцоллернъ", напечатанной въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* отъ 27 августа.

былъ всегда желаннымъ орудіемъ подчиненія Россіи интересамъ и цѣлямъ Германіи [1]).

Какъ бы то ни было, историческій матеріалъ, нами привлеченный неопровержимо доказываетъ, что антирусская политика и даже, еще общѣе, вражда къ славянству, свободное объединеніе котораго рисуется въ видѣ какого-то чудовищнаго „панславизма", является исторической традиціей германской соціалъ-демократіи. Я глубоко убѣжденъ, что наличность и сила этой традиціи въ значительной мѣрѣ объясняютъ поведеніе германской соціалъ-демократіи въ настоящее время и вообще отношеніе всего рабочаго класса Германіи къ великой европейской войнѣ.

Не только русское государство, но и русская стихія традиціонно разсматривается всѣмъ германскимъ радикализмомъ, съ соціалъ-демократіей во главѣ, какъ сила, враждебная культурѣ и прогрессу.

Въ этомъ отношеніи въ Германіи мало что измѣнилось со временъ восточной войны 1853 — 1855 гг. и русско-турецкой кампаніи 1877—1878 гг.

Правящая и консервативная Германія лишь въ послѣднее время пришла въ прямой конфликтъ съ историческими задачами Россіи на Ближнемъ Востокѣ. Германія радикальная и народная традиціонно воспитана во враждѣ къ Россіи и къ ея славянскому призванію.

Но вопросъ о соотношеніи между настоящей войной и различными германскими идеологіями долженъ быть поставленъ и шире и глубже. Та германская „гордыня", которую мы ощущаемъ, какъ главный источникъ происхожденія этой войны, есть явленіе новой и даже новѣйшей Германіи. Въ ней поражаетъ полное отсутствіе всякой религіозной подкладки, она по питающему ее духу—позитивна и позитивистична. Официальная Германія на словахъ поминаетъ Бога, но вся политика ея, поддержанная и поддерживаемая Германіей неофиціальной, есть реальная политика, исходящая исключительно изъ учета „реальныхъ" силъ, технической мощи, фактора времени и быстроты и т. п. Въ этой политикѣ — и въ этомъ ея глубочайшее метафизическое отличіе даже отъ политики Бисмарка и идеологіи Трейчке—совершенно отсутствуетъ ощущеніе и сознаніе сверхчеловѣческихъ силъ, дѣйствующихъ въ исторіи, словомъ, отсутствуетъ религіозное начало. Въ міровоззрѣніи и въ политикѣ Бисмарка, какъ бы ни оцѣнивать ея отдѣльные пріемы и дѣйствія, присутствовало ощущеніе и сознаніе сверхчеловѣческихъ силъ, руководящихъ людьми въ исторіи. Именно этого нѣтъ у дѣятелей современной

---

[1]) Пользуюсь случаемъ, чтобы указать на чрезвычайно поучительную статью *М. Драгоманова* „Восточная политика Германіи и обрусеніе", напечатанную въ 1872 г., перепечатанную въ т. I „Политическихъ сочиненій" (Москва, 1908 г.), стр. 1—216.

Германіи. Внѣшняя политическая обстановка войны 1914 года (заранѣе обдуманное, основанное на учетѣ силъ нападеніе, дипломатически подготовленное возбужденіемъ сербскаго вопроса) есть лишь выраженіе нѣкой духовной сущности, лежащей въ основѣ этой войны. Катастрофа 1914 г. есть крушеніе того овладѣвшаго Германіей позитивизма, который всего полнѣе захватилъ въ ней именно городскія народныя массы, находящіяся въ духовномъ подданствѣ у соціалъ-демократовъ [1]). Гордыня Германіи есть гордыня матеріалистической вѣры въ хозяйственную и техническую кутьтуру, успѣхи которой въ Германіи за послѣднія десятилѣтія были дѣйствительно безпримѣрны. Въ этомъ отношеніи между Германіями офиціальной и неофиціальной, буржуазной и пролетарской, сѣверной и южной, прусской и не-прусской нельзя и не должно проводить никакого различія. Германія въ этой войнѣ духовно едина, въ дурномъ и въ хорошемъ. Но, устанавливая это, съ тѣмъ большей силой необходимо подчеркнуть, что духъ этой войны родился именно въ нѣдрахъ новой, послѣбисмарковской Германіи, Германіи безрелигіозной и позитивистической [2]), не то что забывшей своихъ великихъ мыслителей, но органически изжившей ту духовную стихію, которой были порождены Лессингъ, Гёте, Шиллеръ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ. Я останавливаюсь передъ именемъ Ницше. Онъ двойственненъ, ему не чужда духовная культура старой Германіи, но въ то же время онъ, можетъ быть, вопреки своему лучшему я—духовный творецъ новой Германіи. И потому недаромъ и неслучайно на той книгѣ генерала Бернгарди, которая является пророческой программой превентивной войны 1914 г., въ качествѣ эпиграфа стоитъ афоризмъ изъ Ницше: „Война и мужество свершили больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему“.

Но чѣмъ болѣе я настаиваю на томъ, что ни старая Германія философовъ и поэтовъ, ни даже Германія Вильгельма I и Бисмарка не являются творцами войны 1914 г., тѣмъ важнѣе съ моей точки зрѣнія указать, что необходимо ясно и точно отдѣлять и отличать духъ, который родилъ эту войну, отъ духа, вызваннаго войной, послѣ того какъ она стала неотвратимымъ фактомъ. Сами нѣмцы, и въ томъ числѣ тѣ видные ученые, которые подписались подъ извѣстнымъ манифестомъ германской интеллигенціи, такъ же смѣшиваютъ эти два глубоко отличныхъ одно отъ другого явленія, какъ и многіе не-нѣмцы, судящіе и пишущіе о современной Германіи. Этимъ отождествленіемъ двухъ явленій сами нѣмцы не возвеличиваютъ, а принижаютъ свое отечество.

---

[1]) О безрелигіозности народныхъ массъ въ Германіи я говорилъ въ статьѣ „Почему застоялась наша духовная жизнь?“ (*Русская Мысль*, мартъ, 1914 г., стр. 104—118).

[2]) Яркимъ представителемъ и выразителемъ этой Германіи является извѣстный натурфилософъ Оствальдъ, считающій, что Германія призвана „организовать“ міръ.

Патріотизмъ, связанный съ личнымъ самопожертвованіемъ, несомнѣнно послѣ войны охватилъ и объединилъ Германію, и такой патріотизмъ всегда остается великой идеалистической силой. Но война, какъ политическій фактъ, не имѣетъ ничего общаго съ этимъ рождаемымъ ею идеализмомъ, и не имѣетъ его именно со стороны Германіи. Со стороны Германіи эта война не родилась изъ геройскаго идеалистическаго порыва, а была актомъ весьма плохого, но въ то же время холоднаго политическаго расчета и учета, совершенно позитивный, свободный отъ идеализма характеръ котораго нисколько не колеблется тѣмъ, что этотъ расчетъ былъ ошибочнымъ до безумія. Въ самыхъ этихъ ошибкахъ учета, наоборотъ, обнаружилось отсутствіе вниманія къ духовнымъ и сверхчеловѣческимъ факторамъ міровой исторіи, сказалось то, что можно назвать безбожіемъ въ политикѣ.

Петръ Струве.

Со времени выхода въ свѣтъ послѣдней книжки нашего журнала скончались А. А. Тихоновъ-Луговой и И. И. Янжулъ, оба бывшіе въ разное время сотрудниками *Русской Мысли*. Характеристики Лугового и Янжула будутъ нами даны въ декабрьской книжкѣ. *Ред.*

Книжныя новости.

(Вышедшія по 16-е октября 1914 года.)

I. Литература.

§ 1. Беллетристика: а) русская; б) переводная. § 2. Языковѣдѣніе. § 3. Теорія словесности. § 4. Исторія всеобщей литературы. § 5. Исторія русской литературы. § 6. Критика; библіографія.

§ 1а. **Аверченко, А.** О нѣмцахъ и о проіемъ такомъ. Петроградъ, 1914. Изд. „Но-ый Сатириковъ". 58 стр. Ц. 10 к.

Арцыбашевъ, М., Сологубъ, Ѳ., Куприпъ, А., ірюсовъ, В., Толстой. Ал. Н., Немировичъ-Данченко, В., Архиповъ, Ник., Городецкій, С., Маяковскій, Вл. и др. Война. Литературно-художественный альманахъ. М., 1914. Изд. издат-ва „Мечъ". 171+5 нен. стр. Съ 3 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣломоръ, А. Морскіе разсказы. М., 1914. 16 стр. Ц. 2 р.

А. В. Въ нѣметчину! Сборникъ избранныхъ стихотвореній и пѣсенъ на нынѣшнюю войну. М., 1914. 32 стр. Ц. 10 к.

Васильевъ, П. А. „Молодыя убѣжденія". Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ. Бердичевъ, 1914. 44 стр.

Волобуевъ, Е. Г. Стихотворенія. 1886—1914 гг. Кисловодскъ, 1914. 172 стр. Ц. 50 к.

Гаринъ-Михайловскій, Н. Полное собраніе сочиненій. Т. I. Дѣтство Тёмы. Изъ семейной хроники. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Ѳ. Батюшкова. Спб., 1914. Изд. 9-е, „Освобожденіе". XII+219 стр. Съ 1 порт. Т. IX. Ц. 1 р. 25 к.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ ред. П. В. Смирновскаго. Съ составленнымъ имъ же біографическимъ очеркомъ Гоголя. М., 1915. Изд. А. С. Панафидиной, 7-е. VI+799 стр. Съ рис. и портр. Ц. 1 р. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. В. В. Кудрявцева. Екатеринославъ, 1914. Изд. Л. М. Ротенберга. XXVII+9+VI стр. Съ 128 рис. Ц. 3 р.

Горный, С. Почти безъ улыбки. Параксы и силуэты. Екатеринославъ, 1914. 6 стр. Ц. 1 р. 10 к.

Жуковскій, В. А. Полное собраніе сочиненій въ одномъ томѣ. Подъ ред. П. В. Смирновскаго. Съ біографіей, составл. А. фонъ-Дитмаръ и одобренной сыномъ поэта. М., 1915. Изд. А. С. Панафидиной. XV+821+178 стр. Съ рис. и портр. Ц. 1 р. 50 к.

Загоскинъ, М. Н. Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Съ биограф. очеркомъ, сост. А. Н. Сальниковымъ. Т. I. Петроградъ, 1914. Изд. В. И. Губинскаго. 1472 столбц. Ц. 3 р. 50 к. за 2 тома.

Зайцевъ, Б. Дальній край. Романъ. М.-Ярославль, 1915. Изд. кн-ва К. Ф. Некрасова. 320+4 нен. стр. Ц. 1 р. 50 к.

Каменскій, А. Звѣринецъ. Разсказы. (Добрый принцъ. Случайность. Жизнь во снѣ. Хорошій знакомый.) Б-ка универсальная № 972. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 79+1 нен. стр. Ц. 10 к.

— Княжва Дуду. Спб., 1914. Изд. „Освобожденіе". 94 стр. Ц. 10 к.

— Петербургскій человѣкъ. Разсказъ о зайцѣ. Ящичекъ. Унив. б-ка № 976. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 75+5 нен. стр. Ц. 10 к.

Колмыковъ, П, И. Грудью за славянъ! Стихотворенія. Петроградъ, 1914. 14 стр. Ц. 10 к.

Кондратьевъ, Л, Сборникъ стихотвореній. Эривань, 1914. 136+4 нен. стр. Ц. 75 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Екатеринославъ, 1914. Изд. Л. М. Ротенберга. XLII+600+VII стр. Съ 30 рис. Ц. 3 р.

Липатова, М. Бѣлыя розы. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Саратовъ, 1914. 50 стр. Ц. 75 к.

Мееровичъ. I. Стихи. Пѣсни о солнцѣ. Кіевъ, 1914. Издат. Сампо. 54 + 2 нен. стр. Ц. 45 к.

Мѣшковъ, Н. Стихотворенія. М., 1914. Изд. Книгоизд. писателей въ Москвѣ. 165 стр. Ц. 1 р.

Нагродская, Е. У бронзовой двери. Спб., 1914. 228 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. И. Собраніе сочиненій. Т. XVI. Профили и зигзаги. Спб., 1914. Изд. книгоизд. т-ва „Просвѣщенія". 359 .стр. Ц. 1 р. 50 к.

Никитинъ, И. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. А. Я. Кракова. Екатеринославъ, 1914. Изд. Л. М. Ротенберга. XXXV+528+VII стр. Съ 32 рис. Ц. 3 р.

Оренбургскій (Яковлевъ). Грани. (Сборникъ.) Оренбургъ, 1914. 98 стр. Ц. 50 к.

Петровъ, А. Ѳ. Николай Очаринъ. Романъ въ стихахъ. Петроградъ, 1914. Изд. автора. 16 стр. Ц. 30 к.

Прессъ, А. Собраніе сочиненій. Заколдованный кругъ. Разсказы. Т. I. Спб., 1914. Изд. 3-е. 159 стр. Ц. 80 к.

Пушкинъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. преподавателей среднихъ учебн. заведеній. Екатеринославъ, 1913. Изд. Л. М. Ротенберга. XXI+847+VIII стр. Съ 46 рис. Ц. 3 р.

К. Р. „Въ строю". Стихотворенія. Петроградъ, 1914. Изд. Н. Сергіевскаго. 76 стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Рышковъ, В. Начало карьеры. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Петроградъ, 1914. Изд. „Театръ и Искусство". 55 стр.

Свирскій, А. И, Лагерь смерти. Петроградъ, 1914. Изд. „Освобожденіе". 93 стр. Ц. 10 к.

Семеновъ, М. И. Тернистый Путь. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Камышинъ, 1914. 63 стр. Ц. 1 р.

Скальдовъ, М. и Борецкій, Мих. На богатырскомъ распутьи. Драма въ 5-ти дѣйств. Новочеркасскъ, 1914. 44 стр. Ц. 60 к.

Соловьева, П. (Allegro). Вечеръ. Стихи. Петроградъ, 1914. Изд. „Тропинки". 60 стр. Ц. 50 к.

Соловьевъ, С. Италія. Поэма. М., 1914. 36 стр. Ц. 50 к.

Сосунцовъ, Е. Ѳ. Почки и листья. Стихотворенія. Казань, 1914. Изд. автора. 32 стр. Ц. 25 к.

Тегмайоръ, К. Война славянъ. Повѣсть. М., 1914. Изд. издат. „Мечъ". 78+1 нен. стр. Ц. 40 к.

Тургеневъ, И. С. Полное собраніе сочиненій. Т. I — V. Спб., 1914. Изд. 7-е. LVI+446+XVI+423+397+493+479 стр.

Хаустовичъ, К. Стихотвор. Бобруйскъ, 1914. 39 стр. Ц. 30 к.

Черный-Битомскій, Н. В. Стихотворенія XX вѣкъ. Камышинъ, 1914. 20 стр. Ц. 15 к.

Чучуевъ, М. И. Стихотворенія. Вып. I. Новая Ладога. 120 стр. Ц. 75 к.

Чураевъ, В. Душегубка. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Иркутскъ, 1914. Изд. автора. 32 стр. Ц. 60 к.

Щепкина-Куперникъ, Т. Л. Драматическія сочиненія. Т. III. Ирэнъ. Вѣчность въ мгновеніи. На станціи. Въ дѣтской. Лѣтняя картинка. М., 1914. Изд. С. Разсохина. 123+1 нен. стр. Ц. 1 р.

Ѳедоровъ, А. М. Весенній вѣтеръ. Т. I. Спб., 1914. Изд. 2-е, „Жизнь и Знаніе". 309 стр.

§ 16. **Бересфордъ, Дж.** Только женщины. Романъ. Перев. съ англ. З. Н. Журавской. Петроградъ, 1914. Изд. „Прометей". 215 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Горацій. Избранныя стихотворенія. Вып. I. Оды и эподы. Объяснилъ проф. О. А. Шеборъ. Ч. I. Текстъ. Ч. II. Комментарій. Спб., 1914. Изд. 8-е. 48 + 160 стр. Съ 17 рис. Ц. 1 р.

Зола, Эмиль. Собр. соч. Подъ ред. и со вступительными статьями Е. В. Аничкова и Ѳ. Д. Батюшкова. Т. XIX. Разгромъ. Ч. III. Мечта. Романъ. Спб., 1914. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". 514 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Конопницкая, М, Прометей и Сизифъ. Перев. Е. и П. Леонтьевыхъ. Спб., 1914. Изд. „Жизнь и Знаніе", 2-е. 62+16 стр. Ц. 20 к.

Quo vadis (куда идешь) Австрія? Романъ отчаянія. Авторъ — австрійскій офицеръ. Перев. съ нѣм. Петроградъ, 1914. Изд. 2-е, испр. В. Березовскаго. 270 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лессингъ, Г. Эмилія Галотти. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Перев. съ нѣм. А. Николаевой. М., 1914. Изд. „Польза". 101+2 нен. стр. Ц. 10 к.

Новалисъ. Фрагменты въ перев. Г. Петникова. I. Харьковъ, 1914. Изд. „Лирень". 31+2 нен. стр. Ц. 70 к.

Тагоръ, Рабиндранатъ. Gitanjalé. Пѣсни, приносимыя въ даръ. Перев. С. Татариновой. Петроградъ, 1914. Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи". 47 стр. Ц. 50 к.

Уайльдъ, О. Идеальный мужъ. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Авторизъ. перев. съ англ. М. Ликіардопуло. М., 1914. Изд. „Польза". 128+4 нен. стр. Ц. 10 к.

Фарреръ, К. Въ чаду опіума. Перев. съ франц. Л. Кустаревской. Съ предисловіемъ И. Луиса. Унив. б-ка № 980 — 982. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 231 + 1 нен. стр. Ц. 30 к.

Шоу, Б. Пигмаліонъ. Комедія въ пяти актахъ. Перевели Г. А. Баклановъ и Л. Е. Рахатъ. Пред. А. Дейчъ, Кіевъ, 1915. 72 стр. Ц. 75 к.

§ 2. Извѣстія Восточнаго Института. 15 годъ изданія. 1913 — 1914 академическій годъ. Т. LI, вып. I, 1914 г. № 2. Содержаніе. П. П. Шмидтъ, проф. Опытъ

мандаринской грамматики съ текстами для упражненій. Пособіе къ изученію разговорнаго китайскаго языка пекинскаго нарѣчія. I. Лингвистическое введеніе въ изученіе китайскаго языка. Владивостокъ, 1914. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. VIII+128 стр.

Котляревскій, Н. Міровая скорбь въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Ея основные этическіе и соціальные мотивы и ихъ отраженіе въ художественномъ творчествѣ. Спб., 1914. Изд. 3-е, испр. XXIV+404 стр.

Сазавскій, М. Славянская письменность и литургія въ IX—XI вѣкѣ на Западѣ. (Введеніе въ исторію чешскаго языка.) Н.-Новгородъ, 1914. 28 стр.

Стоян, П. Е, Языкознаніе и Эсперанто. Психологич. очеркъ. Саратовъ, 1914. Изд. Эсперант. б-ки. 12 стр.

— Эсперанто передъ судомъ профессора. Саратовъ, 1914. Изд. Эсперант. б-ки. 12 стр.

§ 3. **Буало.** Поэтическое искусство. (L'art poétique.) Редакція и вступ. статья П. С. Когана. Спб., 1914. Изд. „Огни". 60 стр. Ц. 40 к.

§ 4. Исторія западной литерат. (1800—1910). Подъ ред. Ѳ. Д. Батюшкова. Кн. 8-я. М., 1914. Изд. т-ва „Міръ". 160 стр. Съ рис.

Ла-Бартъ, Ф. де, гр., д-ръ. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. Ч. I. Средніе вѣка и возрожденіе. Пособіе къ лекціямъ. М., 1914. Изд. 2-е, переработ. и доп. 349 стр. Ц. 2 р.

Мелиховъ, В. А. Культъ императоровъ въ римской поэзіи золотого вѣка. Харьковъ, 1915. 52 стр. Ц. 40 к.

§ 5. **Айхенвальдъ, Ю.** Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М., 1914. Изд. т-ва „Міръ", 4-е. 278 стр.+15 портр. Ц. 2 р.

Бороздинъ, А. К., проф. М. Ю. Лермонтовъ. Спб., 1914. Изд. „Прометей", Н. Н. Михайлова. 139 стр Съ портр. Ц. 90 к.

Венгеровъ, С. А., проф. Источники Словаря русскихъ писателей. Т. III. Карамышевъ - Ломоносовъ. Петроградъ, 1914. 524 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Головко, Л. В. Русскій поэтъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ (1814—1841). Къ столѣтію со дня рожденія поэта. Бѣльцы, 1914. Изд. автора. 42 стр. Ц. 15 к.

Заринъ, А. Е. Поэтъ изъ народа. Жизнь А. В. Кольцова. Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельности. М., 1914. Изд. Д. П. Ефимова. 32 стр. Съ портр. Ц. 8 к.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. 1914 г. Т. XIX. Книжка 1-я. Содержаніе. Погодинъ, А. Л. Вышгородъ. Розановъ, С. П. Житіе пр. Антонія. Якубъ, А. Пѣсевники. Плотниковъ, В. К. Вліяніе Эразма Роттердамскаго. Миллеръ, В. Ѳ. Хипова. Соболевскій, А. И. Востокъ. Бугославскій, С. А. Пр. Несторъ. Перетцъ, В. Н. Старушичъ. Нейманъ, Б. В. Отраженіе поэзіи Козлова. Пархоменко, В. А. Олегъ. Его же, Житіе Антонія Печерскаго. Веселовскій, А. А. Кантемиръ. Шляпкинъ, И. А. Хожденіе Арсенія Селувскаго. Бугославскій, С. А. Житіе Александра Невскаго. Перфецкій, Е. Ю. Угро-русская исторіографія. Дружининъ, В. Г. Авторъ Великой Науки. Рожнецкій, С. Отвѣтъ. Спб., 1914. 369 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Кругловъ, А. В. Друзья-поэты. Я. П. Полонскій. Біографія и характеристика. М., 1914. Изд. А. С. Панафидиной. 47+1 нен. стр. Съ портр.

— Друзья-поэты. А. А. Фетъ. Біографія и характеристика. М., 1914. Изд. А. С. Панафидиной. 30 стр. Съ портр.

Нейманъ, Б. В. Вліяніе Пушкина въ творчествѣ Лермонтова. 1814—3 октября—1914. Кіевъ, 1914. II+136 стр.+1 табл. Ц. 75 к.

Пѣтуховъ, Е., проф. М. Ю. Лермонтовъ. Очеркъ его жизни и поэтической дѣятельности. Рига, 1914. Изд. кн-ва Ф. И. Трескиной. 39+1 нен. стр.

Русская литература XX в. 1890—1910. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. Кн. II. М., 1914. Изд. т-ва „Міръ". 129—256 стр.+7 лист. портр.

Саводникъ, В. Краткій курсъ исторіи русской словесности съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка. М., 1914. Изд. 2-е. IV+484 стр. Съ рис.+3 листа рис. Ц. 1 р. 50 к.

Словарь литературныхъ типовъ. Гончаровъ. Редакція Н. Д. Носкова, при сотрудничествѣ С. И. Поварнина и Н. А. Саввина. Вып. IX и X. Спб., 1914. 367 стр. Ц. 2 р.

Ѳедоровскій, П. А. М. Ю. Лермонтовъ. (Изъ области забытыхъ литературныхъ вопросовъ.) Кіевъ, 1914. Изд. кн. маг. Н. Я. Оглоблина. 46 стр. Ц. 25 к.

§ 6. **Закржевскій, А.** Лермонтовъ и современность. Кіевъ, 1915. Изд. издат. И. И. Симаненко. VII+153 стр. Ц. 1 р.

Зелинскій, В. Критическіе коментаріи къ сочиненіямъ А. Н. Островскаго. Хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей. Ч. IV. М., 1914. Изд. 3-е. 239 стр. Ц. 1 р.

II. Философія.

§ 1. Гносеологія, онтологія, этика, философія религіи. § 2. Исторія философіи. § 3. Логика. § 4. Психологія. § 5. Педагогика.

§ 1. **Безантъ, А.** Строеніе Космоса. Переводъ С. Татариновой. Спб., 1914. Изд. ж-ла „Вѣстникъ Теософіи". 79 стр. Ц. 60 к.

Бергсонъ, А. Собраніе сочиненій. Т. IV. Вопросы философіи и психологіи. Перев. В. Флеровой. Приложеніе: Жуссэнъ. Бергсонизмъ и романизмъ. Пер. Б. Бычковскаго. Спб., 1914. М. И. Семенова. 231 стр. Ц. 2 р.

— Творческая эволюція. Авториз. пер. съ франц. В. А. Флеровой. М., 1914. Изд. кн-ва „Русская Мысль". 332 стр. съ портр. Ц. 1 р. 75 к.

Декартъ. Сочиненія. Перев. Н. Н. Срѣтенскаго, съ предисловіемъ проф. Ив. Ив. Ягодинскаго. Т. I. Казань, 1914. XIV+244 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Джинараджадаза, С. Во имя Его. Перев. Ю. Львовой. Петроградъ, 1914. Изд. журн. „Вѣстникъ Теософіи". 85 стр. Ц. 45 к.

Митрофанъ, монахъ. Какъ живутъ наши умершіе и какъ будемъ жить и мы по смерти. По ученію естественной религіи, по представленію общечеловѣческаго духа и выводамъ науки. Т. II. Въ трехъ частяхъ. Петроградъ, 1915. Изд. 3-е, И. Л. Тузова. V+520 стр. Ц. 2 р.

Моя мысль во Христѣ. О дѣятельности (энергіи) Божества. Петроградъ, 1914. Изд. „Исповѣдникъ". 244 стр. Ц. 1 р.

Свѣтловъ, П. Я., прот. Религія и наука. Петроградъ, 1914. Изд. П. П. Сойкина. 173 стр. Ц. 50 к.

Смайльсъ, С. Долгъ. (Нравственныя обязанности человѣка.) Пер. съ англійск. С. Майковой. Петроградъ, 1914. Изд. 4-е, В. И. Губинскаго. 332+IV стр.

§ 2. **Маковельскій, А.** Досократики. Первые греческіе мыслители въ ихъ твореніяхъ, въ свидѣтельствахъ древности и въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій. Ч. I. Доэлеатовскій періодъ. Казань, 1914. Изд. кн. магазина Голубева. XL+211 стр. Ц. 2 р.

Никольскій, Н. И. Воззрѣніе В. С. Соловьева на католичество. Харьковъ, 1914. IV+145 стр.

Сиповскій, В. Д. Сократъ и его время. Историческій очеркъ. Петроградъ, 1914. Изд. Я. Башмакова, 3-е. 110 стр. Ц. 40 к.

§ 3. **Бозанкетъ, Б.** Основанія логики. Популярныя лекціи. Переводъ Подъ ред. Г. Шпета. М., 1914. Изд. кн-ва „Гермесъ". 179+IV стр. Ц. 1 р. 10 к.

§ 4. **Челпановъ, Г.** Учебникъ психологіи (для гимназій и самообразованія). Элементарный курсъ философіи. Ч. I. Психологія. М., 1915. Изд. т-ва В. В. Думнова, 12-е. 224 стр. Ц. 1 р.

§ 5. **Аугсбургъ, Ж.,** проф. Новая школа рисованія. Кн. I. Съ англійскаго перев. Н. И. Живаго. Рисованіе для дѣтей младшаго и средняго возраста. Б-ка воваго воспитанія. М., 1914. Изд. 4-е. 160 стр. Ц. 70 к.

Багатурова, Н. Монтессори и новый способъ обученія грамотѣ. М., 1915. Изд. „Наука". 64 стр.

Балталонъ, Ц. и В. Воспитательное чтеніе. Бесѣды по методикѣ начальнаго обученія. М., 1914. Изд. 4-е. XVI+315 стр. Ц. 20 к.

Бобровниковъ, Н. А. Что такое хорошій урокъ. Изъ бесѣдъ съ учителями. Казань, 1914. Изд. кн. маг. Маркелова и Шаронова, 6-е. 135 стр. Ц. 50 к.

Григоревскій, М. С. Лекціи по педагогической психологіи, читанныя народнымъ учителямъ. Н.-Новгородъ, 1914. Изд. Губ. земства. 265 стр. Ц. 1 р. 20 к.

Демковъ, М. И. Учебникъ педагогики для учительскихъ семинарій, женскихъ гимназій и для народныхъ учителей. Ч. I. Введеніе въ педагогику. Физическое воспитаніе. Основы психологіи и логики. М., 1914. Изд. 2-е, испр. 216 стр. Ц. 75 к.

Ельницкій, К. Курсъ дидактики. Пособіе для учебныхъ заведеній, въ которыхъ преподается педагогика. Петроградъ, 1914. Изд. 2-е, М. Гутзаца. 178 стр. Ц. 75 к.

Кершенштейнеръ, Г., д-р. Избранныя сочиненія. (Гражданское воспитаніе юношества. Трудовая школа. Характеръ и его воспитаніе.) Разрѣшенный авт. пер. съ нѣм. подъ ред. и съ пред. М. М. Рубинштейна. Педагогическая б-ка. М., 1915. Изд. книг-ства К. И. Тихомирова. X+322 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Кульманъ, Н., проф. Методика русскаго языка. Для педагогическихъ и учительскихъ институтовъ и семинарій, для педагогическихъ классовъ и для учителей низшей и средней школы. Петроградъ, 1914. Изд. 4-е Я. Башмаковыхъ, и К°. VI+288 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 35 к.

Николаевскій, Ив. Руководство къ изученію главныхъ основаній педагогики въ учительскихъ семинаріяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Ч. I. Дидактическая пропедевтика. Курсъ II класса. М., 1914. Изд. 8-е, кн. маг. М. Д. Наумова. IV+79+1 вен. стр. Ц. 50 к.

Павловъ, Н. А. Самодѣятельность и твор-

чество дѣтей въ школьномъ возрастѣ. Тифлисъ, 1914. 15 стр. Ц. 15 к.

Современное воспитаніе дѣтей. Педагогическая хрестоматія для родителей и воспитателей. Составлена кружкомъ столичныхъ педагоговъ подъ ред. Л. А. Романченко. Спб., 1914. 159 стр.

Солонина, П. Н. Записки по методикѣ русскаго языка, составленныя для учительскихъ семинарій и учительскихъ институтовъ и для учителей народныхъ школъ. Отдѣлъ III. Методика начальной грамматики. Петроградъ, 1914. Изд. Е. Полубояриновой, 21-е. 104 стр. Ц. 50 к.

III. Исторія.

§ 1. Археологія, антропологія, первобытная культура. § 2. Всеобщая исторія. § 3. Русская исторія. § 4. Исторія славянъ. § 5. Современная исторія (записки, очерки). § 6. Исторія религіи и исторія церкви. § 7. Философія исторіи. § 8. Методологія и методика исторіи.

§ 1. **Вейлэ К.**, д-ръ. Элементы человѣческой культуры. Начатки и первичныя формы матеріальной культуры. Перев. А. Мейеръ. Подъ ред. Б. Адлера. Б-ка знанія. Петроградъ, 1914. Изд. П. П. Сойкина. 120 стр. Съ 40 рис. Ц. 50 к.

Гёрнесъ, М., проф. Культура доисторическаго прошлаго. Ч. II. Бронзовый вѣкъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Н. Дьякова. М., 1914. Изд. издат. „Фаросъ". 134 стр. 1 табл. съ рис. Ц. 80 к. Ч. III. Желѣзный вѣкъ. 100 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Первобытная культура. Ч. II. Бронзовый вѣкъ. (Древнѣйшія времена употребленія металловъ. Мѣдный и бронзовый вѣкъ въ Европѣ на Востокѣ и въ Америкѣ.) Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологіи Россіи Ѳ. К. Волкова. Авторизованный перев., съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Н. Н. Лебедева (Русское изданіе „Sammlung Söschen". Рига, 1914. Изд. „Наука и Жизнь". 159 стр. Съ рис.

— Первобытная культура. Ч. III. Желѣзный вѣкъ (Галльштаттскій и Латенскій періоды въ Европѣ). Первое появленіе желѣза въ другихъ частяхъ свѣта. Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологіи Россіи Ѳ. К. Волкова. Авториз. перев. съ послѣдняго нѣм. изданія Н. Н. Лебедева (Русское изданіе „Sammlung Göschen"). Рига, 1914. Изд. „Наука и Жизнь". 3 нен.+148 стр. Съ рис.

Ильинъ, А. М. Придонскія древности. Значеніе ихъ для исторіи мѣстнаго края. Краткія свѣдѣнія о Ростовскомъ на-Дону Городскомъ музеѣ и собранныхъ имъ коллекціяхъ. Ростовъ на/Д., 1914. Изд. Городского музея. 12 стр.

§ 2. **Вульфіусъ, А. Г.**, проф. Учебникъ новой исторіи для средней школы. Петроградъ, 1914. Изд. Я. Башмакова, 2-е испр. 261 стр. Ц. 1 р.

— Учебникъ средней исторіи. Петроградъ, 1914. Изд. Я. Башмакова, 5-е. X+126 стр. Ц. 80 к.

Карѣевъ, Н. Учебная книга древней исторіи. Петроградъ, 1914. VI+309 стр. Съ карт. Ц. 1 р. 25 к.

— Учебная книга Новой исторіи. Съ историческими картами. Спб., 1914. Изд. 14-е. VIII+351 стр. Съ карт. Ц. 1 р. 45 к.

Лебедевъ, Д., свящ. Къ исторіи времясчисленія у евреевъ, грековъ и римлянъ. Петроградъ, 1914. 142+VI стр.

Мендринъ, В. М. Исторія Сіогуната въ Японіи. Нихонъ Гайси. Сочиненіе Рай Дзіô Сисей. Въ XXII книгахъ. Перев. съ японскаго съ примѣчаніями и комментаріями. Книга IV Ходзіо. Владивостокъ, 1914. XIII+189 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Митропольскій, Ив. Въ отчинѣ и дѣдинѣ. Русскія войска во Львовѣ и Галичѣ. Историческое прошлое Галиціи и современное положеніе. Значеніе города Львова. М., 1914. 23+1 нен. стр. Ц. 15 к.

Михайловъ, Д. Красный крестъ и сестры милосердія въ Россіи и за границей. Съ пред. и дополн. главой д-ра В. К. Крамаренко. Кіевъ, 1914. Изд. книгоизд. „Сотрудникъ". IV+91 стр. Съ 5 портр. Ц. 40 к.

Сарсе. Ф. Осада Парижа (1870—1871 гг.) впечатлѣнія и воспоминанія. Перев. съ франц. М., 1914. Изд. книгоизд. К. Ф. Некрасова. 351+4 нен. стр. Ц. 1 р.

Сегаль, Б. Л. Исторія еврейскаго народа (по-библейскій періодъ). Ч. II. Одесса, 1914. Изд. 3-е, исправл. и дополненное. IV+187 стр. Ц. 75 к.

Толстой, И. И., графъ. Византійскія монеты. Вып. VIII. Монеты Юстиніана II, Тиверія Ансимара, Филеника Вардана, Артемія Анастасія, Ѳеодосія Адрамитянина, Льва Исаврянина и Константина Копронима. Петроградъ, 1914. 833—968 стр. съ рис.+7 табл. Ц. 4 р.

Франція. Ея исторія въ прошломъ и настоящемъ, бытовая и политическая жизнь, міровое значеніе, вооруженіе и мощь ея. Подъ ред. Б. И. Имшенецкаго. Великая всемірная война. Вып. III. Петроградъ, 1914. 31 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Фуксъ, Э. Иллюстрированная исторія

нрановъ. Т. II. Галантный вѣкъ. Перев. съ нѣм. В. М. Фриче. М., 1914. Изд. „Современ. проблемы", 2-е. 426 стр. Съ рис. Ц. 6 р.

Хогартъ, Г. Д. Шесть лекцій, прочитанныхъ въ Лондонскомъ университетѣ. Іонія и Востокъ. Перев. съ англ. П. В. Латышева. Подъ ред. и пред. Б. В. Фармаковскаго. Извѣстія Имп. Археологической комиссіи. Петроградъ, 1914. 112 стр.

Эллинистическо-римская культура въ изложеніи Ф. Баумгартена, Ф. Поланда, Р. Вагнера. Перев. Э. Ѳ. Маллеръ. Подъ ред. проф. М. И. Ростовцева. Спб., 1914. Изд. Брокгаузъ-Ефронъ XVII+777 стр. съ 440 рис., 6 таб., 4 карт. и 5 хромол.

Ястребовъ, Н. В., проф. Краткій очеркъ исторіи польскаго народа (до паденія Рѣчи Посполитой). Петроградъ, 1914. Изд. Студенч. издат. комитета при истор. филолог. фак. петроградск. университ. 97 стр.

§ 3. Авалiани, С. Л. Зависимыя сословія на Сѣверномъ Кавказѣ. Одесса, 1914. 36 стр.

Авчинниковъ, А. Г. Великій князь Сергѣй Александровичъ. Иллюстрированный библіографическій очеркъ. Екатеринославъ, 1914. 79+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к.

— Пятидесятилѣтіе земства 1864—1914 г. Екатеринославъ, 1914. 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Апушкинъ, В. А. Скобелевъ о нѣмцахъ. Его завѣты славянству. Петроградъ, 1914. Изд. И. Д. Сытина. 100 стр. Ц. 50 к.

Висковатовъ, П. Какъ Сибирь стала русской землей. Очерки покоренія Сибири. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 196 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Камскій, М. И. Какъ русскіе цари въ старину жили. Очерки домашней жизни царей въ XVI—XVII в. Библіотечка Ступина. М., 1915. Изд. А. Д. Ступина. 48 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Критскій, П. Когда и за что воевали русскіе съ нѣмцами. Б-ка войны № 3. Ярославль, 1914. Изд. кн. склада К. Ф. Некрасова. 15 стр. Ц. 5 к.

Крыльцовъ, И. И. Очерки изъ исторіи верхняго Поволжья отъ Ярославля до Н.-Новгорода въ древнемъ и Московскомъ періодахъ. Казань, 1913. 100 стр.

Исторія московскаго купеческаго общества. 1863—1913. Тома пятаго, выпуска второго. Учрежденія недвижимости и капиталы московскаго купеческаго общества. Подъ ред. В. И. Сторожева. М., 1914. 2 нен.+319+806+145—250 стр. Съ рис.+33 листа рис. и порт.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочиненій. Т. IX. Исторія русской интеллигенціи. Ч. III. Спб., 1914. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской. 212 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію императорскою археографическою комиссіею. Т. XXII. Русскій хронографъ. Часть вторая. Хронографъ западно-русск. редакціи. Петроградъ, 1914. IX+289+II стр. Ц. 2 р.

Русскій бытъ по воспоминаніямъ современниковъ. XVIII вѣкъ. Ч. I. Отъ Петра до Екатерины II (1698—1761 гг.) Сборникъ отрывковъ изъ записокъ, воспоминаній и писемъ, составленный П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковымъ и Н. П. Сидоровымъ. М., 1914. Изд. книгоизд. „Задруга". 431+VI+1 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

А. С. Польша и Зарубежная Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 15 стр. Ц. 5 к.

Списокъ русскихъ подданныхъ, застигнутыхъ войною за границей. Вып. I (съ 6 іюля по 19 августа 1914 года). Австро-Венгрія. Англія. Бельгія. Германія. Греція. Данія. Италія. Испанія. Нидерланды. Норвегія. Португалія. Сербія. Турція. Франція. Швейцарія. Швеція. Вып. II (съ 20 августа по 4 сентября). 101+157+104 стр. Вып. III (съ 3 по 16 сентября 1914). Петроградъ, Изд. Мин. иностр. дѣлъ. 58 стр.

Фуксъ, К. Исторія города Казани. Изъ русскихъ и татарскихъ лѣтописей. Казань, 1914. Изд. 5-е. VII+23 стр.

Щербина, Ф. А. Исторія Полтавскаго Земства. Дореформенный періодъ и введеніе земскихъ учрежденій. Вып. I. Полтава, 1914. III+1 нен.+238+2 нен. стр.

Эсадзе, С. Покореніе Западнаго Кавказа и окончаніе кавказской войны. Историческій очеркъ кавказско-горской войны въ Закубанскомъ краѣ и Черноморскомъ побережьѣ. 1864 г. 21 мая 1914 г. Тифлисъ, 1914. Изд. Военно-историческаго отдѣла. 182 стр. съ рис. и 1 карта. Ц. 50 к.

§ 4. Аристовъ, Ѳ. Ѳ. Россія и чешскій вопросъ. М., 1914. Изд. А. С. Дзюбенко. 8 стр. Ц. 10 к.

Богдановичъ, М. Братья-Чехи. Б-ка войны, № 28. Ярославль, 1914. Изд. К. Ф. Некрасова. 16 стр. Ц. 5 к.

— Червонная Русь (Австрійскіе украинцы). Б-ка войны, № 8—9. Ярославль, 1914. 31 стр. Ц. 10 к.

Бѣлавенецъ, П. И. Великая побѣда славянъ надъ нѣмцами (тевтонами) при Грюнвальдѣ, 15 іюля 1410 г. Спб., 1914. Изд. П. Сойкина. 32 стр. Съ рис.

Вороновъ, А. А. У славянъ въ Австріи. Впечатлѣнія и замѣтки. Петроградъ, 1914. 88 стр. Ц. 60 к.

Гротъ, К. Я. Австро-Венгрія или Карпато-Дунайскія земли въ судьбахъ славянства и въ русскихъ историческихъ изученіяхъ. Петроградъ, 1914. VI+118 стр. Ц. 60 к.

Державинъ, Н. С. Болгарско-сербскія взаимоотношенія и македонскій вопросъ. Петроградъ, 1914. 132 стр.

Новиковъ, М. Д. Роль славянъ въ третьемъ крестовомъ походѣ. Мглинъ, 1914. 12 стр. Ц. 10 к.

Ульяновъ, А. Наши братья славяне. М., 1914. 32 стр.

Шеманскій. Битва славянъ съ нѣмцами 15 іюля 1410 г. на Грюнвальдъ Таненбергско-Зеленомъ полѣ у Дубравны. Петроградъ, 1914. Изд. Перваго военно-издательскаго т-ва. 26 стр. Ц. 20 к.

§ 5. **Беркутъ, И. С.** Европейская война. М., 1914. 15 стр. Ц. 5 к.

Библіотека великой войны. № 1. Бельгійская жертва. М., 1914. Изд. Московское печатное производство. Вл. Венгерова. 16 стр. Ц. 5 к.

Бѣлая книга. Европейскій кризисъ. Дипломатическая переписка Англіи, предшествовавшая войнѣ. Августъ 1914 г. Представлена обѣимъ Палатамъ Парламента по повелѣнію Его Велич. Короля Георга V. Съ приложеніемъ: Рѣчи сэра Эдуарда Грея въ Палатѣ Общинъ 3 августа 1914 г. и Извлеч. изъ парламентскихъ дебатовъ въ историческихъ засѣданіяхъ Палаты Общинъ. Петроградъ, 1914. Изд. „Освобожденіе". 191 стр. Ц. 75 к.

Великая всемірная война. Вып. II. Бельгія, ея исторія въ прошломъ и настоящемъ, бытовая экономическая и политическая жизнь, міровое значеніе, вооруженіе и нарушеніе ея нейтралитета. Подъ ред. Б. И. Имшенецкаго. Петроградъ, 1914. 33 стр. Съ рис. и карт. Ц 20 к.

Въ огнѣ. Боевыя впечатлѣнія участниковъ войны. Петроградъ, 1914. 79 стр. Ц. 60 к.

Гротъ, К. Великая война и Карпато-Дунайская монархія. Петроградъ, 1914. 10 стр.

Діонео. Мѣняющаяся Англія. М., 1914. Изд. „Кн-на писателей" въ Москвѣ. 9 ген.+233 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Европейская война 1914 года. Кіевъ, 1914. Изд. И. Т. Губанова. 48 стр. Съ портр. Ц. 15 к.

А. З. Современные варвары. Библіотека войны, № 6—7. Ярославль, 1914. 32 стр. Ц. 10 к.

Занятіе Галиціи и полный разгромъ австрійской арміи. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ портр.

Зарѣчный, С. Черная книга о жестокости нѣмецкой. Петроградъ, 1914. 96 стр. Ц. 50 к.

Иринъ, О. Вильгельмъ II. „Б-ка войны". Вып. I. М., 1914. 31 стр. Ц. 10 к.

Исторія нашего времени. (Современная культура и ея проблемы.) Подъ ред. профессоровъ М. Ковалевскаго и К. Тимирязева. Вып. XV. Спб., 1914. Изд. бр. А. и И. Гранатъ и К°". 65—144 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 40 к.

Ф. К. Изъ-за чего началась Европейская война. Историческій обзоръ. Народная б-ка о войнѣ 1914 года. Вып. I. М., 1914. Изд. А. Д. Демкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 6 к.

Кайзеръ Вильгельмъ. Его личность и нравственный обликъ. Петроградъ, 1914. Изд. „Благо" 16 стр. Ц. 5 к.

Касаткинъ, И. Нѣмецкіе пабѣги. Калишскіе ужасы по разсказамъ очевидцевъ. М., 1914. 32 стр.

Кашкаровъ, В. На порогѣ великихъ событій. (Замыслы Германіи и задачи Россіи.) 1. Германія и Россія. 2. Австрія и и славяне. 3. Россія и славяне. М., 1914. 73 стр. Ц. 25 к.

Климъ Залетный (Гр. Устиновъ). Великая война (1914 года). Ярославль, 1914. Изд. „Печатное дѣло". 16 стр. Ц. 10 к.

Критскій, П. Взятіе Львова. Б-ка войны, № 13. Ярославль, 1914. Изд. К. Ф. Некрасова. 16 стр. Ц. 5 к.

— Изъ-за чего началась война? Б-ка войны, № 1. Ярославль, 1914. Изд. кн. скл. К. Ф. Некрасова. 16 стр. Ц. 5 к.

Кузминъ, С. Война народовъ. (Психологическій очеркъ.) Петроградъ, 1914. 148 стр. Ц. 1 р.

Майстрахъ, Вл. Нѣмецкій задоръ, близорукость, одичаніе, какъ причины міровой войны. Кн. II. М., 1914. 36 стр. Ц. 10 к.

— Причины міровой войны. Двуличіе нѣмцевъ. Кн. I. М., 1914. 26 стр. Съ портр. Ц. 10 к.

Міровая война. Поводъ къ войнѣ и ходъ дипломатическихъ переговоровъ, приведшихъ къ разрыву. Историческое засѣданіе законодательныхъ палатъ 26 іюля 1914 г. Петроградъ, 1914. Изд. ред. Морского сборника. 110 стр.

Мужественная борьба Бельгіи съ вѣроломствомъ Германіи. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр. Съ рис.

На передовыхъ позиціяхъ. Изъ разсказовъ и писемъ участниковъ сраженій. М., 1914. 32 стр.

Нѣмецкія звѣрства. М., 1914. 32 стр.

Резановъ, А. С. Нѣмецкія звѣрства. Книга составлена по разсказамъ потерпѣвшихъ и очевидцевъ, а также по офиціальнымъ документамъ. Петроградъ, 1914. Изд. тов. А. С. Суворина. XXIV+220 стр. Ц. 1 р.

Рейснеръ, М. А. (Реусъ), проф. Вильгельмъ II и желѣзная имперія. Петроградъ, 1914. 217 стр. Ц. 1 р.

Ривкинъ, С. Л. Ужасы міровой войны. Нероиъ XX вѣка. Петроградъ, 1914. 16 стр. Ц. 5 к.

А. С. Польша и Зарубежная Русь въ борьбѣ съ нѣмцами. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 15 стр. Ц. 5 к.

Сѣверянинъ, Иванъ. Памятка о нѣмецкихъ звѣрствахъ съ отвѣтомъ на нихъ русскаго народа. Серія популярныхъ брошюръ. М., 1914. 16 стр. Ц. 20 к.

С—чъ, А. Въ Берлинѣ во время войны 1914 г. Петроградъ, 1914. 83 стр.

Травинъ, П. А. Русскія пѣсни войны 1914 года. М., 1914. 16 стр. Ц. 3 к.

Ульяновъ, А. Бронированный кулакъ—Вильгельмъ II. М., 1914. 32 стр.

— Остатки прежняго величія. Историческій очеркъ Турецкой имперіи. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 32 стр.

Цвѣтаевъ, Д. В., проф. Историческій смыслъ настоящей войны. Докладъ, произнесенный на засѣданіи 16 августа 1914 года московскаго отдѣла Императорскаго русскаго военно-историческаго о-ва. М., 1914. 6+1 нен. стр.

Штабсъ-капитанъ П. Н. Нестеровъ. Герой-авіаторъ. † 26 августа 1914 г. Б-ка великой войны, № 2. М., 1914. Изд. Москов. печатн. пр-во В. Венгерова. 15 стр. Ц. 5 к.

§ 6. **Александровъ, Н.,** прот. Исторія христіанской церкви. Вып. II. (Общая исторія церкви съ V вѣка и въ связи съ нею исторія русской церкви. Петроградъ, 1914. Изд. Главнаго управл. военно-учебн. завед. IV+173 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Виноградовъ, Н., свящ. Книга пророка Аггея. Историко-экзегетическое изслѣдованіе. Сергіевъ-Посадъ, 1914. II+256+I стр. Ц. 1 р. 75 к.

Исторія восточной и западной церквей послѣ ихъ раздѣленія. М., 1915. Изд. Моск. старообрядч. института. 68 стр. Ц. 50 к.

Исторія Христіанской Церкви. Отъ временъ апостольскихъ до раздѣленія церкви на восточную и западную. М., 1915. Изд. Моск. старообрядч. института. 208 стр. Ц. 1 р. 30 к.

Кладо, Н. Л. Очерки міровой войны. Очеркъ I. Петроградъ, 1914. Изд. „Морского сборника". 93 стр. Съ картой.

Кругловъ, Ѳ. Исправленіе книгъ въ XVII столѣтіи при бывшемъ патріархѣ Никонѣ. Спб., 1914. Изд. В. М. Сковорцова. 29 стр.

Сворцовъ, Н. А., прот. Архивъ московск. Св. Синода конторы. Матеріалы по Москвѣ и московск. епархіи за XVIII вѣкъ. Вып. II. М., 1914. VIII+811 стр. Ц. 3 р.

Христіанскій вопросъ. Серія, посвященная изученію христіанской культуры народовъ Азіи и Африки. Т. III. Вып. I. Петроградъ, 1914. Изд. Имп. Акад. наук. 117 стр.+11 табл. рис. Ц. 1 р. 35 к.

IV. Политическая экономія и финансы.

§ 1. Политическая экономія; экономія сельскаго хозяйства; промышленность; торговля; кредитное дѣло; исторія политической экономіи. § 2. Статистика. § 3. Финансы и финансовое право. § 4. Городское и земское хозяйство.

§ 1. **Воейковъ, А.** Экономическое использованіе Сѣвера Европейской Россіи и Сибири. М., 1914. 45 стр.

Жидъ, Ш., проф. Исторія экономическихъ ученій. Перев. В. Сережникова. Подъ ред. В. Ѳ. Тотоміанца. М., 1914. Изд. „Трудъ". X+1 нен.+496+4 нен. стр. Ц. 3 р.

Лексисъ, В., проф. Торговля. I. Товарная торговля и товарная биржа. Подъ ред. и съ дополненіями относительно Россіи М. И. Боголѣпова. Автор. перев. съ послѣдняго нѣм. изданія А. Эльяшева. (Русское изданіе „Sammlung Göschen".) Рига, 1914. Изд. „Наука и Жизнь". 176 стр.

Мануиловъ, А. А. Политическая экономія. Курсъ лекцій. Вып. I. М., 1914. 243 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Хвостовъ, М. Очерки организаціи промышленности и торговли въ греко-римскомъ Египтѣ. I. Текстильная промышленность въ греко-римскомъ Египтѣ. Казань, 1914. 264 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Шахтъ, А. А. Трудъ, собственность и капиталъ подъ охраной страхованія. Народно-хозяйственный очеркъ. Спб., 1914. Изд. А. Э. Винеге. 87 стр. Ц. 1 р.

Ѳедоровъ, В. Н. Зологовыя и посредническія операціи въ учрежденіяхъ мелкаго кредита. Каково ихъ значеніе для населенія и какъ ихъ организовать. Рязань, 1914. IV+108 стр.

§ 2. Донесенія императорскихъ россійскихъ консульскихъ представителей за границей по торгово-промышленнымъ вопросамъ. № 43. Японія, Хакодате, Кобе, Чожинъ. Петроградъ, 1914. М. Т. и П. 120 стр. Ц. 20 к.

Матеріалы къ пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. XI, Данія. Вывозъ и привозъ главнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ за 1884—1910 г. Спб., 1914. 45 стр.

Обзоръ вывоза горнозаводскихъ грузовъ изъ горнозаводскаго района Юга Россіи за іюнь и первые 6 мѣсяцевъ 1914 и 1913 гг. № 537. 14 августа 1914 г. Составленъ харьковскимъ комитетомъ по перевозкѣ горнозаводскихъ грузовъ. Харьковъ, 1914. Изд. Сов. съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. 20 стр.

Обзоръ вывоза горнозаводскихъ грузовъ изъ горнозаводскаго района Юга Россіи

за іюль и первые 7 мѣсяцевъ 1914 и 1913 гг. № 538. 6-го сентября 1914 г. Составленъ харьковскимъ комитетомъ по перевозкѣ горнозаводскихъ грузовъ. Харьковъ, 1914. Изд. Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи. 20 стр.

Обзоръ Эриванской губерніи за 1913 г. Эривань, 1914. Изд. Губернск. статистич. комитета. 77 стр.

Румянцевъ, П. П. Обзоръ сельско-хозяйственной жизни заселяемыхъ районовъ Азіатской Россіи за 1913 г. по даннымъ переселенческой текущей статистики. Годъ первый. Спб., 1914. 485 стр.+1 карта.

Сборникъ свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ. Подъ ред. Г. Н. Прозрителева. Т. VIII. Ставропольскій губернскій статистическій комитетъ. Ставрополь, 1913. 7+II+VI+141+1 нен.+20+112+21+II+108 стр.+13 табл.

Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзодѣлательной промышлен. Вып. III. Мартъ 1914 г. Спб., 1914. XXII+43 стр.

Сводъ статистическихъ данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности, издаваемый на средства промышленниковъ, подъ руководствомъ особаго совѣщательнаго комитета изъ представителей министерства финансовъ, министерства торговли и промышленности и представителей горнозаводской промышленности. Вып. IV. Апрѣль 1914 г. Петроградъ, 1914. Редакціи період. изд. мин. финансовъ. XXVII стр.

Свѣдѣнія о внѣшней торговли по Европейской границѣ за іюль и за всѣ 7 мѣсяцевъ 1914 г. Вып. 347 (7). Петроградъ, 1914. X+60 стр.

Сельско-хозяйственный обзоръ Акмолинской области за лѣто и осень 1913 г. Омскъ, 1914. 157 стр.+97 табл.+1 карта.

Статистич. ежегодникъ Россіи 1913 г. (Годъ десятый.) Спб., 1914. Изд. Центральнаго статистическаго комитета М. В. Д. XVI+122+59+15+11+19+16+111+7+23+46+98+112 стр.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1912 г. Составленъ Статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской уѣздной земской управѣ. Херсонъ, 1914. IV+267+190 стр.

Фоминъ, П. И. Очерки экономическаго описанія Россіи. Харьковъ, 1914. VI+161 стр. Ц. 1 р. 25 к.

§ 3. **Боголѣповъ, М. И.** Война, финансы и народное хозяйство. Петроградъ, 1614. 58 стр. Ц. 65 к.

Ильинъ, А. И. Къ вопросу о мобилизаціи государственныхъ и общественныхъ финансовъ для нуждъ военнаго времени. Екатеринославъ, 1914. Изд. автора. VI+79+IV стр.

Левинъ, И. И. Докладъ. Проблема финансовой боевой готовности и финансовая боевая готовность Россіи 18 февраля 1914 г. Извѣстія общества финансовыхъ реформъ. № 9. Спб., 1914. 59 стр. Ц. 50 к.

Таможенные тарифы по Европейской и Азіатской торговлѣ. Изданіе неофиціальное, съ относящимися къ тарифу правилами, списками и табелью для вычета на тару. Подъ ред. С. С. Антонова. Спб., 1914. 424 стр. Ц. 2 р. 50 к.

V. Соціологія и соціальная политика.

1. Ученіе объ обществѣ. § 2. Соціализмъ и соціалъ-демократія; синдикализмъ; анархизмъ и пр. § 3. Рабочій вопросъ; фабричное законодательство; страхованіе рабочихъ; профессіональные союзы; коопераціи. § 4. Крестьянскій и аграрный вопросы.

§ 3. **Глыбовскій, В. А.** Что говорится въ новыхъ страховыхъ законахъ 23 іюня 1912 г. о помощи больнымъ и увѣчнымъ рабочимъ. Екатеринославъ, 1914. 16 стр. Ц. 15 к.

Евдокимовъ, А. Село и городъ въ Россійской коопераціи. Общедоступныя чтенія по коопераціи. М., 1914. Изд. Кооперативн. жизни. 31 стр. Ц. 10 к.

Масловъ, Сем. Кооперативная аренда земли. (О томъ, какъ сообща арендуютъ землю и улучшаютъ хозяйство) общими силами. М., 1915. 36 стр. Ц. 10 к.

Миртовъ, А. В. и **Хейсинъ, М. Л.** Какъ организовать и вести потребительное общество. Текстъ, законы, уставы, инструкціи и пр. Спб., 1914. Изд. Отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберег. и промышл. товарахъ. 318+II стр. Ц. 2 р.

Тотоміанцъ, В. Ѳ. Апостолы коопераціи: Г. Шульце-Деличъ и Ф. Райфэйзенъ. Универсальная б-ка, № 700. М., 1914. Изд. кн-ва „Польза". 48+4 нен. стр.+2 портр. Ц. 10 к.

Хейсинъ, М. Л. Что можетъ дать коопераціи рабочихъ. Екатеринбургъ, 1914. Изд. журнала „Уральскій Кооператоръ". 20 стр. Ц. 10 к.

Холмогорскій, Ѳ. Какъ выгоднѣе вести молочное хозяйство. Маслодѣльныя артели. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 59+1 нен. стр. Ц. 12 к.

— Товарищества по закупкѣ сельскохозяйственныхъ машинъ и пользованію

ими. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 50+1 нен. стр. Ц. 12 к.

§ 4. **Аваліани, С. Л.** Крестьянскій вопросъ въ Закавказьѣ. Т. III. Поселянская реформа и реформа сословно-поземельныхъ отношеній въ мусульманскихъ провинціяхъ. Одесса, 1914. 111+180 стр.

VI. Правовѣдѣніе.

§ 1. Философія права; общая теорія права. § 2. Исторія права и исторія политических ученій. § 3. Государственное, административное и международное право. § 4. Уголовное, гражданское, торговое право и судопроизводства. § 5. Церковное право. § 6. Тексты законовъ, матеріалы и справочныя изданія.

§ 1. **Вальденбергъ, В.** Законовѣдѣніе. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, педагогическихъ классовъ и профессіональныхъ курсовъ. Спб., 1914. Изд. 3-е, испр. и доп., кн. маг. Н. Я. Оглобина. IV+184 стр. Ц. 1 р.

§ 2. **Бенешевичъ, В. Н.** Сборникъ памятниковъ по исторіи церковнаго права, преимущественно русскаго, кончая временемъ Петра Великаго. Вып. I и II. Петроградъ, 1915. Изд. т-ва „Культура и Знаніе. VI+120+250 стр.+3 табл. Ц. 3 р.

Михайловъ, П. Е. Юридическая природа землепользованія по Псковской Судной Грамотѣ. Спб., 1914. 172 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Поливановъ, В. Н. и Красовскій, В. Э. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа Казанскаго дворца. Т. III. Собраніе актовъ XVII и начала XVIII вв. В. П. Мещеринова, П. В. Анненкова, А. В. Толстого, Л. А. Прушакевича, П. Я. Дашкова и др. Симбирскъ, 1912. Изд. Губернской ученой архивной комиссіи. V+107+VII стр.

Радинъ, И. М. Учебникъ исторіи русскаго права. Періоды: древній, московскій и императорскій. Петроградъ, 1915. Изд. 2-е, перераб. и дополн. XI+492 стр. Ц. 3 р.

§ 3. **Лоцосъ, К.** Прогоны и путевыя пособія по вѣдомству Св. Синода. Указатель узаконеній, распоряженій и разъясненій по расходованію и контролированію казенныхъ суммъ. Петроградъ, 1914. 21 стр.

— Содержаніе духовенства. Указатель узаконеній, распоряженій по расходованію и контролированію суммъ, ассигнуемыхъ изъ казны по смѣтѣ Св. Синода на содержаніе православнаго духовенства. Петроградъ, 1914. 42 стр.

Потчевъ, А. П. Руководство по призрѣнію нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ и о порядкѣ назначенія имъ пенсіи. Петроградъ, 1915. Изд. В. Анисимова. 108 стр. Ц. 50 к.

§ 4. **Вальденбергъ, В.** Краткій учебникъ торговаго права и судопроизводства. Спб., 1915. Изд. Н. Я. Оглобина 6-е, испр. 95 стр. Ц. 75 к.

Громовъ, Н. А. Цензура и шпіонство по законамъ военнаго времени. Петроград 1914. 206 стр. Ц. 50 к.

Ельяшевичъ, В. Б., проф. Война и гр жданскій оборотъ. (Къ вопросу о морат ріяхъ). Петроградъ, 1914. 29 стр.

Жижиленко, А. А., проф. Наказаніе. Е понятіе и отличіе отъ другихъ правоохр нительныхъ средствъ. Петроградъ, 191 VII+676 стр. Ц. 4 р. 50 к.

Исаченко, В. Л., сен. и **В. В. Исачен** Обязательство по договорамъ. Опы практическаго комментарія русскихъ гр жданскихъ законовъ. Комментарій на книгу, I ч., X т. Св. Зак. Т. II. Час особенная. Вып. I. Поручительство, устойка, залогъ недвижимыхъ имѣній, кладъ движимости, запродажа, наемъ им щества, подрядъ и поставка, заемъ, ссу и поклажа. Петроградъ, 1914. 823 с Ц. 5 р.

Кони, А. Ѳ. Отцы и дѣти судебной формы. (Къ пятидесятилѣтію судебн уставовъ.) 1864 г. 20 ноября 1914 г. 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. IV 295+22+1 нен. стр.+27 лист. портр.

Кочергинъ, П. Краткій курсъ русск Гражданскаго процесса. Кіевъ, 1915. кн. маг. К. К. Семинскаго. 143 стр. Ц. 50 к.

Криличевскій, С. А. Судейское усмот ніе въ искахъ о доходахъ и убыткахъ кассаціонное обжалованіе. Петрогра 1914. 56 стр. Ц. 40 к.

Островскій, А. А. Реформа вотчинн оборота и кредитныя учрежденія. Пет градъ, 1914. 24 стр. Ц. 30 к.

Пиленко, Ал., проф. Очерки по систе тикѣ частнаго международнаго пр Петроградъ, 1915. Изд. 2-е. X+416 Ц. 3 р. 50 к.

Плохотенко, А. К. Курсъ нотаріата образцами, формами и законоположе ми. М., 1914. Изд. 2-е, испр. и доп И. К. Голубева. 904 стр. Ц. 5 р.

Рязановскій, В. А. Выморочное пр Н.-Новгородъ, 1914. Изд. кн-ва Серг и Чашихина. 52 стр. Ц. 50 к.

— О посмертномъ преемствѣ су говъ по русскому праву. Историко-до тическій очеркъ. Н.-Новгородъ, 1

Изд. кн-ва Сечѣева и Чешихина. 218 стр. Ц. 1 р. 75 к.

§ 6. **Алфеевскій, С.** Законы о торговыхъ администраціяхъ съ разъясненіями Прав. Сената и приложеніемъ всѣхъ образцовъ и формъ бумагъ. М., 1914. Изд. кн-ва „Юристъ". 198+XXV стр. Ц. 2 р. 50 к.

Арефа, Н. И. Инструкція полицейскимъ урядникамъ, съ приведеніемъ разъясняющихъ ее узаконеній, распоряженій, а также извлеченій изъ сенатскихъ рѣшеній и министерскихъ циркуляровъ и съ приложеніемъ вопросовъ, которые могутъ быть предложены при испытаніи кандидатовъ на должности полицейскихъ урядниковъ. Спб., 1914. Изд. В. Березовскаго, 7-е, изд. и дополн. XIV+258 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Буковскій, В. Сводъ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ, съ продолженіемъ 1912—1914 гг. и съ разъясненіями въ 2 томахъ. Т. I. Содержащій Введеніе, Право семейственное, Право вещное и Право наслѣдованія. Рига, 1914. 1095 стр.

Громовъ, Н. А. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Съ извлеченіями изъ законовъ о мѣстномъ судѣ, позднѣйшими узаконеніями, разными прил. и алфав. предм. указат., съ судопроизводственными правилами для городскихъ судей, земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ членовъ окружныхъ судовъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ еще дѣйствуетъ Положеніе о земскихъ начальникахъ и пока не введенъ еще законъ 15 іюня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда, а также съ правилами о передачѣ уголовныхъ дѣлъ на разсмотрѣніе военнаго суда и администраціи по положенію объ охранѣ и въ мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи. М., 1914. Изд. Юрид. кн. маг. „Правовѣдѣніе" И. К. Голубева. 768 стр. Ц. 2 р.

Дѣйствующіе законы: а) о мѣстностяхъ, состоящихъ на военномъ положеніи (съ разъясненіями); б) о порядкѣ производства реквизиціи во время войны и въ періодъ мобилизаціи; в) о правахъ коменданта крѣпости по отношенію къ гражданскимъ властямъ и мѣстному населенію; г) объ усиленной и чрезвычайной охранахъ (съ разъясненіями); д) о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ и е) объ употребленіяхъ полицейскими и жандармскими чинами въ дѣло оружія. М., 1914. Изд. кн-ва „Законъ и Право". 112 стр. Ц. 60 к.

Законы гражданскіе Свод. Зак. т. X., ч. I., изд. 1900 г. по Прод. 1906 и 1908 г. съ приложеніемъ Дополненія, составленнаго по Сводному продолженію 1912 г. и позднѣйшимъ узаконеніямъ В. К. Веберъ и алфавитнаго предметнаго указателя. М., 1915. Изд. 2-е, О. К. Космоса. 68 стр. Ц. 1 р.

Зуйковъ, В. Г. Законы и распоряженія по обстоятельствамъ военнаго времени. I. О правахъ призванныхъ изъ запаса на дѣйствительную военную службу. II. О вывозѣ по военнымъ обстоятельствамъ казеннаго имущества, о содержаніи, суточныхъ и пособіяхъ служащихъ эвакуированныхъ учебныхъ заведеній и учрежденій. III. О пріемѣ учащихся. IV. О служащихъ германскихъ и австрійскихъ подданныхъ. V. Разныя распоряженія. Кіевъ, 1914. Изд. Кіевск. учебно-окружного управленія. 40 стр. Ц. 25 к.

Колычевъ, А. А. Съ кого и какъ взимаются земскіе сборы? Справочникъ земскаго плательщика. Содержаніе: Статьи Устава о земскихъ повинностяхъ, Устава о прямыхъ налогахъ, Общаго положенія о крестьянахъ, Инструкція 24 сент. 1905 г. объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ, разъясненія Прав. Сената и министерствъ Финансовъ и Внутреннихъ дѣлъ. Ставрополь, 1914. Изд. автора. 224 стр. Ц. 1 р. 10 к.

Миклашевскій, А. И. I. Законъ 22 іюня 1909 г. объ условномъ досрочномъ освобожденіи, съ рѣшеніями Угол. Касс. Деп. Прав. Сената и циркулярами Мин. Юстиціи. II. Законъ 24 декабря 1912 г. о государственной помощи обществамъ Патроната и нормальный уставъ этихъ обществъ, съ приложеніемъ нѣкоторыхъ циркуляровъ Министерства Юстиціи по Главному Тюремному Управленію относящихся къ дѣятельности обществъ Патроната. Спб., 1914. 122 стр. Ц. 80 к.

Петровъ, Ф. В. Законы о поземельномъ устройствѣ казачьихъ станицъ. Сборникъ дѣйствующихъ по 1 іюля 1914 г. узаконеній о поземельномъ устройствѣ казачьихъ станицъ и проживающихъ въ казачьихъ поселеніяхъ лицъ невойскового сословія съ разъясненіями текста закона Прав. Сенатомъ и Военнымъ Совѣтомъ. Вильна, 1914. Изд. 3-е, испр. и дополн. 199 стр.

Рождественскій, Ф. Н. Руководитель волостныхъ старшинъ, волостныхъ писарей и сельскихъ старостъ при ходатайствахъ о пожизненномъ изъ казны пособіи или пенсіи нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семьямъ по закону и положенію 25 іюня 1912 года. Николаевскъ, 1914. 40 стр.

Ротенбергъ, Л. М. Полный сводъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената, съ подробнымъ предметнымъ алфавитнымъ и постатейнымъ указателями. За 1911 г. №№ 1—101. Екатеринославъ, 1914. 303+XXXII стр.

— Предметный алфавитный указатель

къ полному своду рѣшеній Угол. Касс. Деп. Правит. Сената (за 1866—1910 г.). Ч. III. Полутомъ 43. 577—800 стр. Ч. IV. Полутомъ 44. 801—1024 стр. Ч. V. Полутомъ 45. Екатеринославъ, 1914. 1025—1207 XXXVII стр.

Сборникъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правит. Сената съ 1866 по 1914 г. въ сокращенной обработкѣ для практики, подъ ред. Е. В. Васьковскаго. Вып. XVII и XVIII. Одесса, 1914. Изд. кн. скл. „Просвѣтитель". 65+111+105+94+72 стр.

VII. Современная общественная жизнь.

§ 1. Публицистика. § 2. Народное образованіе. § 3. Церковь и сектантство. § 4. Національный и инородческій вопросы. § 5. Женскій вопросъ. § 6. Половой вопросъ. § 7. Армія и флотъ.

§ 1. **Араповъ, А. В.** Сборникъ статей по вопросамъ внутренней политики и общественнаго самоуправленія. Симбирскъ, 1914. 93 стр.

Барановъ, Евг. Наша вѣрная союзница Франція. М., 1914. 32 стр.

Бергъ, Э. Жизнь въ глуши. Фельетоны земскаго начальника. Мозырь, 1914. 112 стр.

Бодрилларъ. Берегитесь спиртныхъ напитковъ. Двадцать бесѣдъ для самостоятельнаго чтенія юношества и для преподаванія основныхъ свѣдѣній о вредѣ алкоголизма. Съ франц. („Борьба съ пьянствомъ" (алкоголизмъ). Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. X.). М., 1914. Изд. 2-е. 40 стр. Ц. 10 к.

Быковъ, П. В. О чемъ говорятъ намъ событія жизни. М., 1914. Изд. книгоизд. „На стражѣ правосл.". 36 стр.

Бѣлорусовъ, А. Парижъ. М., 1914. Изд. Книгоизд. писателей въ Москвѣ. 248+4 нен. стр. Ц. 1 р. 25 к.

Бѣлый цвѣтокъ. Сборникъ литературный и научно-популярный. Всероссійская лига борьбы съ туберкулезомъ. Курскій отдѣлъ. Курскъ, 1914. 62 стр. Ц. 10 к.

Великая всемірная война. Вып. I. Толковый словарь военныхъ словъ. Подъ ред. Б. И. Имшенецкаго. Петроградъ, 1914. 50 столб. Ц. 20 к.

Великая война. Что долженъ знать о ней каждый русскій? Петроградъ, 1914. Изд. Н. Г. Кузнецова. 64 стр. Ц. 40 к.

Витте, Е. де. Культура XIX и XX вѣковъ. Популярный очеркъ. Шамордино, Калужской губ., 1914. 110 стр. Ц. 40 к.

Георгіевскій, П. Имѣетъ ли эсперанто будущность. Саратовъ, 1914. Изд. Эсперант. б-ки. 16 стр.

Ждановъ, Л. Великій сибирскій путь. Петроградъ, 1914. Изд. Пост. ком. народ. чтеній, 2-е. 34 стр. Съ картой. Ц. 8 к.

Земичъ, А. Раздѣлъ Австріи. Ч. I. Паутина австрійскаго рабства. Кіевъ, 1914. Изд. Э. Н. Дзенковича. 15 стр. Ц. 10 к.

Корево, Н. Финляндія и общественное законодательство. Докладъ X съѣзду уполномоченныхъ дворянскихъ обществъ 39 губерній. Спб., 1914. 38 стр.

Крепелинъ, Э., проф. Къ молодежи! (Наша молодежь и спиртные напитки.) Рѣчь профессора психіатріи Эмиля Крепелина къ гимназистамъ старшихъ классовъ. Съ нѣм. („Борьба съ пьянствомъ" (алкоголизмомъ). Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. V. М., 1914. Изд. 2-е. 31 стр. Ц. 6 к.

Кто добивался войны? Библіотека великой войны, № 4. М., 1914. Изд. Московск. печ. производ. 16 стр. Ц. 5 к.

Линдеманъ, К. Ѳ. Отчетъ центральнаго комитета союза 17-го октября и его дѣятельности. Съ 1 октября 1913 года по 1 сентября 1914 года. М., 1914. 180+II+2 нен. стр.

Г. М. Багдадская желѣзная дорога и границы балканскихъ государствъ по Бухарестскому миру (съ 2-мя схемами). Псковъ, 1914. 20 стр. Съ картой.

Майстрахъ, Вл. Какъ мы дошли до войны съ нѣмцами? Кн. I. М., 1914. 48 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Никитинъ, Т. Р. Идеалы „Сокола" и задачи сокольскихъ организацій. Астрахань, 1914. Изд. Гимнаст. общ. „Соколъ", 2-е. 20 стр. Ц. 25 к.

Новаковскій, С. Г. Выставки въ Америкѣ въ 1915 г. Труды юго-западнаго отдѣленія россійской экспортной палаты. Вып. XIX. Всемірная панамо-тихоокеанская. Панамо-калифорнійская. Кубо-панамская. Кіевъ, 1914. Изд. Экспортной палаты. 46 стр. 28 рис. и карта Америки. Ц. 80 к.

Пассажиръ. Вып. II. Война за право. Статьи, очерки и разсказы изъ боевой жизни. Подъ ред. Ив. Митропольскаго. М., 1914. 124 стр.+1 нен. стр. Съ рис. и портр. Ц. 50 к.

Платонова, А. Ѳ. Великіе дни. (Подъ первыми впечатлѣніями войны.) Сборникъ статей. Петроградъ, 1914. Изд. Училищнаго совѣта при свят. Синодѣ. 115 стр. Съ портр. Ц. 25 к.

Псиовитиновъ, Е. Искусство и война. Что дѣлать современному художнику? Петроградъ, 1914. 15 стр. Ц. 20 к.

А. Р. Вильгельмъ II и угроза гуманности и цивилизаціи. Кіевъ, 1914. Изд. издат. б-ка европейской войны. 31 стр. Ц. 15 к

А. С. Нѣмецкій натискъ на Россію М., 1914. 16 стр. Ц. 5 к.

Самсоновъ, В. Заграничныя экскурсіи. (Берлинъ, Парижъ, Лондонъ.) Гуляй-Поле, 1914. II+75 стр. Ц. 60 к.

Святополкъ-Мирскій, Д. Н., кн. Къ настоящему политическому моменту. I. Что должна намъ дать война? II. Польскій вопросъ. Петроградъ, 1914. 40 стр.

Сиверсъ, Е. Е. Сборникъ статей, докладовъ, переводовъ, рецензій и пр. Вып. I и II. 1880 годъ. Спб., 1914. Изд. А. Э. Винеке. 89+133 стр. Ц. по 80 к.

Смирновъ, В. Н., инж. Національно-хозяйственное значеніе и нужды курортовъ вообще и курорта Теберды (Русскаго Давоса) въ частности. Ростовъ н/Д., 1914. 16 стр.

Стоянъ, П. Славянство и эсперанто. Саратовъ, 1914. Изд. Эсперант. б-ки. 12 стр.

Тейтель, А. Что такое земство и какъ оно помогаетъ земледѣльцу. Самара, 1914. Изд. 6-е. 32 стр. Ц. 10 к.

Фробеніусъ, Г. Роковой часъ Германской имперіи. Перев. съ нѣмецк М. Папина. Петроградъ, 1914. Изд. М. В. Попова. 95 стр. Ц. 75 к.

Фробеніусъ, Г. Рѣшающій моментъ судьбы Германской имперіи. Петроградъ, 1914. 70 стр. Ц. 60 к.

Эзьеръ, И. Эсперанто и учителя. Перев. съ франц. П. Георгіевскій. Саратовъ, 1914. Изд. Эсперант. б-ки. 16 стр.

Эймонье, К. Какую пользу принесетъ введеніе языка эсперанто въ школы. Перев. съ эсперанто М. Мультановскій. Саратовъ, 1914. Изд. Эсперант. б-ки. 8 стр.

Энгельгардтъ, В, Германскія колоніи и чѣмъ грозитъ Германіи ихъ утрата. (Б-ка войны, № 14—15.) М.-Ярославль, 1914. Изд. К. Ф. Некрасова. 32 стр. Ц. 5 к.

§ 2. **Дѣевъ-Хомяковскій, Г.** О созданіи крестьянскихъ университетовъ въ Россіи. Статьи: больной вопросъ и неотложное дѣло. М., 1915. Изд. Суриковскаго литер.-музыкальн. кружка. 29 стр.

Никитинъ, В. И. Замѣтки о начальной школѣ, ея содержаніи и ея порядкахъ. Белебей, 1914. 34 стр.

§ 3. **Гурляндъ, Д.** Д-ръ Германъ Когенъ и его философское обоснованіе еврейства. Критическій очеркъ. Петроградъ, 1915. XXIV+109 стр. Ц. 85 к.

Изъ дебатовъ германскаго рейхстага по вопросу о еврейскомъ способѣ убоя скота въ 1887, 1889 и 1911 годахъ. По стенографическимъ отчетамъ. Перев. съ нѣм. Спб., 1914. Изд. „Разумъ". 94 стр.

Колтыпинъ, А. „Лукавство баптистовъ и ихъ хитрое искусство обольщенія". Екатеринославъ, 1914. 18 стр.

Кондратьевъ, Ф. Н. Антихристъ и его защитники старообрядцы-поповцы. Полемическій очеркъ. Саратовъ, 1914. 32 стр. Ц. 25 к.

Леоновъ, Е. Н. О погрѣшностяхъ въ богословіи и ересяхъ бѣлокриницкаго устава. Догматическое изслѣдованіе. Саратовъ, 1914. Изд. ред. журн. „Щитъ Вѣры". 90 стр. Ц. 50 к.

Лютостанскій, И. Талмудъ и евреи. Кн I. Спб., 1914. Изд. 4-е, испр. и доп. XV+358 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Тулуповъ, Т. Объ австрійской или бѣлокриницкой іерархіи. Б-ка „Щитъ Вѣры". Саратовъ, 1914. 66 стр. Ц. 20 к.

§ 4. **Шуръ, Г. А.** Соціально-педагогическія основы еврейскаго народа. Луганскъ, 1914. Изд. Г. Шуръ. 66 стр.

§ 5. **Арапова А. П.** Кто же? Первобытная феминистка. Спб., 1914. 362 стр. Ц. 2 р.

Шеварднадзе, Гито Ст. З. Уроки суфражисткамъ. Тифлисъ, 1914. 16 стр. Ц. 10 к.

§ 7. Австро-Венгрія. (Изъ военной энциклопедіи.) М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 26 стр.+4 листа рис.+1 карта. Ц. 75 к.

Б—ко, С. Германская армія. Устройство вооруженныхъ силъ арміи и флота. Составилъ по послѣднимъ источникамъ. Одесса, 1914. 26 стр.

Военная энциклопедія. Подъ ред. К. И. Величко, Б. Ѳ. Новицкаго, А. В. фонъ Шварца, В. А. Апушкина и Г. К. фонъ Шульца. Вып. XXXIII. (Нитроглицеринъ—Орловы: А. Ф., гр. и кн.) 160 стр. Съ рис., чертеж., план. и портр.+21 листъ рис., чертеж., план. и портр. XXXIV. Орловы: А. Ф., гр. и кн., В. П.—Патронъ, Петроградъ, 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 161—320 стр. Съ рис., портр., чертеж. и план.+26 лист. рис., портр., план., картъ и чертеж.

Германія. (Изъ военной энциклопедіи.) М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 25 стр.+6 лист. рис. и портр.+1 карта. Ц. 75 к.

Жерве, Б. Б. Германія и ея морская сила. Петроградъ, 1914. Изд. Морского министерства. 123 стр. Съ карт.

Малышевъ, Н. Карманный военно-морской словарь. М., 1914. Изд. т-ва „Образованіе". 128 стр.

Ульянинъ. Современный военный флотъ. Петроградъ, 1914. Изд. М. Семенова. 20 стр. Ц. 10 к.

Энгельгардтъ, В., бар. Германскій флотъ. Б-ка войны, № 30. М., 1914. Изд. К. Ф. Некрасова въ Ярославлѣ. 16 стр. Ц. 5 к.

VIII. Искусство.

§ 1. Общія сочиненія; эстетика. § 2. Исторія изобразительнаго искусства; біографіи, переписка. § 3. Исторія русскаго изобразительнаго искусства; біографіи, переписка; § 4. Техника; обученіе искусству. § 5. Музыка. § 6. Драматическое искусство; хореографія. § 7. Прикладное искусство.

§ 2. **Байэ, К. (C. Bayet).** Исторія искусствъ. Архитектура. Скульптура. Живопись. Пер. съ прим. и допол. В. Никольскаго. Спб., 1914. 96 стр. Съ рис.

Бенуа, А. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Ч. I. Пейзажная живопись. Вып. XIV. Петроградъ, 1914. Изд. „Шиповникъ". 273—320 стр. Съ рис.

Гаузенштейнъ, В., д-ръ. Нагота въ искусствѣ. Перев. А. Ф. Гретманъ. М., 1914. Изд. кн-ва „Современныя проблемы". 224 стр. Съ рис. Ц. 2 р.

Мутеръ, Р. Исторія живописи. Т. II. Вып. III и IV. М., 1914. 163—316 стр.+23 рис.

Султановъ, Н. Теорія архитектурныхъ формъ. Каменныя формы. М., 1914. Изд. 3-е. IX+448 стр. Съ рисунк. и чертеж. Ц. 4 р. 50 к.

— Теорія архитектурныхъ формъ. Каменныя формы. Атласъ съ 338-ю чертежами на 23 таблицахъ. М., 1914. Изд. 3-е. 46 стр.+23 листа чертеж.

§ 3. **Вершинскій, А. Н.** Микуливскій соборъ, какъ памятникъ древне-русскаго зодчества. Историко-архитектурн. очеркъ. Тверь, 1914. Изд. Тверск. ученой архивн. комиссіи. II+33 стр.+VI табл. рис.

Лукомскій, Г. К. Вологда въ ея старинѣ. Описаніе памятниковъ художественной и архитектурной старины, составленное и изданное при участіи членовъ Сѣвернаго Кружка любителей изящныхъ искусствъ. Спб., 1914. 363 стр. Съ рис. Ц. 3 р. 75 к.

§ 5. **Заринъ, А. Е.** Творецъ русской музыки. (Біографія М. И. Глинки.) Замѣчательные люди всего міра. Описаніе ихъ жизни и дѣятельности. М., 1914. Изд. Д. П. Ефимова. 48 стр. Съ портр. Ц. 12 к.

§ 6. **Худековъ, С. Н.** Исторія танцевъ. Ч. II. Спб. IX+370 стр. Съ 299 рис. Ц. 7 р.

IX. Математика и естествовѣдѣніе.

§ 1. Математика; механика. § 2. Астрономія, міровѣдѣніе, космографія. § 3. Физика, химія, кристаллографія. § 4. Геологія, минералогія, физическая географія (метеорологія, климатологія). § 5. Біологія, ботаника, зоологія, сравнительная анатомія, палеонтологія, біологическая географія. § 6. Физіологія, анатомія человѣка; гигіена. § 7. Географія, этнографія, путешествія. § 8. Исторія математическихъ и естественныхъ наукъ; біографіи; общія сочиненія по философіи естествознанія. § 9. Методика естественныхъ и математическихъ наукъ.

§ 1. **Гюнтеръ, Н. М.**, проф. Высшая математика. Отд. I и II. Петроградъ, 1914. Изд. Студенческой б-ки. 454 стр. Съ черт.

Ляминъ, А. А. Математическіе досуги. Книга для любит. математ. М., 1914—15. Изд. А. С. Папафидиной, 2-е, 134 стр. Ц. 60 к.

Михалевскій, И. Е. Начертательная геометрія. Лекціи, читанныя въ Техническомъ училищѣ въ 1913—14 акад. году. М., 1914. Изд. В. М. 182 стр. Ц. 2 р. 75 к.

Новицкій, А. Ф. Краткій курсъ элементарной механики. Петроградъ, 1914. Изд. К. Л. Риккера. IV+119 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к.

§ 2. **Болсуновъ, Г. М.** Космографія. (Начала астрономіи.) Петроградъ, 1914. 296 стр. Съ рис. и карт. Ц. 1 р. 50 к.

Ковальскій, Я. И. Бесѣды изъ области міровѣдѣнія. Ч. I. Петроградъ, 1914. Изд. 3-е, доп. 187 стр. Ц. 80 к.

Орловъ, А. Я., проф. О затменіи солнца 8-го августа 1914 года для г. Одессы. Одесса, 1914. 8 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

§ 3. **Бурдаковъ, В. Я.** Записки по аналитической химіи. Качественный анализъ 1914 г. Екатеринославъ, 1914. Изд. 3-е. 272 стр.

Кемпбеллъ, Норманъ. Электричество. Пер. съ англ. Ѳ. Соколова. Библіотека знанія. Спб., 1914. Изд. П. Сойкина. 70 стр. Ц. 50 к.

Кистяковскій, В. А., проф. Электрохимія. Ч. II. Вып. I. Петроградъ, 1914. 102 стр. Ц. 75 к.

Коксъ, Дж. За предѣлами атома. Перев. съ англ. Подъ ред. проф. Н. А. Шилова. (Bios. Подъ ред. В. С. Елпатьевскаго.) Изд. к-ва „Наука". 146+3 нен. стр. Съ чертеж. Ц. 1 р.

Словцовъ, Б. И., проф. Учебникъ физіологической химіи. Для студентовъ, врачей и естественниковъ. Петроградъ, 1914. Изд. К. Л. Риккера. III+386 стр. Съ 47 рис. Ц. 3 р.

Смирновъ, И. и Степановъ, А. Аналитическая химія. Качественный анализъ. М., 1915. Изд. 2-е, авторовъ. 92 стр. Ц. 90 к.

Тимошенко, С. П. Курсъ теоріи упругости. Ч. I. Спб., 1914. Изд. Инст. инж. путей сообщенія. X+239 стр. Съ рис.

Фроловъ, Р. Н., инж. Курсъ электротехники. Ч. I. Динамо-машины и электродвигатели постояннаго и перемѣннаго тока. Руководство для слушателей миннаго офицерскаго класса. Кронштадтъ, 1913. Изд. 2-е., 538+VI стр. Съ рис.

§ 4. **Арберъ, Е. А. Н.** Естественная исторія угля. Разрѣшенный авторомъ. Перев. съ англ. Подъ ред. М. Д. Залѣсскаго. (Bios. Подъ ред. В. С. Елпатьевскаго.) М., 1914. Изд. кн-ва „Наука". X+154 стр. Съ рис.+1 портр. Ц. 1 р.

Нечаевъ. А. В., проф. Минералогія и геологія для среднихъ учебныхъ заведеній. Кіевъ, 1914. Изд. Пироговскаго т-ва, 6-е, исправлен. X+219+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 90 к.

§ 5. **Вагнеръ, Ю. Н.** Начальный курсъ природовѣдѣнія. Ч. III. Человѣкъ и животныя. Кіевъ, 1914. Изд. Пироговскаго т-ва, 7-е, безъ перем. VI+136 стр. Съ 122 рис. Ц. 50 к.

Іостъ, Л., проф., д-ръ. Физіологія растеній. Лекціи, читанныя въ Страсбургскомъ университетѣ. Перев. съ нѣм. А. А. Рихтеръ. Спб., 1914. Изд. А. Ф. Девріена. Съ 194 рис. и 2 табл. Ц. 6 р. 50 к.

Лепешкинъ, В. В., проф. Курсъ физіологіи растеній. Вып. II. Казань, 1914. 135—444+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Федченко, Б. А. Флора Азіатской Россіи. Вып. IV. Мухи. Andreaeales; Bryales. Ч. I. Обработалъ В. Ф. Бротерусъ. 78 стр. Съ рис. Вып. V. Сапандовыя. Обработалъ А. Н. Криштофовичъ. 71 стр. Съ рис.+1 табл. Петроградъ, 1914.

§ 6. **Зерновъ, Д.,** проф. Руководство описательной анатоміи человѣка. Ч. II. Вып. I. Анатомія внутренностей. М., 1914. Изд. 10-е. 399—626 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

Матеріалы по изученію грудного возраста. Подъ ред. Г. Н. Сперанскаго. Вып. II. М., 1914. 4 нен.+88+39+6 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Рамачарака, Іогъ. Хатха-Іога. Ученіе іоговъ о физическомъ здоровьи съ многочисленными упражненіями. Петроградъ, 1914. Изд. 2-е. 215 стр. Ц. 1 р.

§ 7. **Васильевъ, В. А.** По Швеціи и Даніи. Екатеринославъ, 1914. 48 стр.

— По Шлезвигъ-Голштиніи. (Вильстермаршу.) Екатеринославъ, 1914. 71 стр. Съ 5 рис. Ц. 1 р.

Васильковскій, П. Е. Сѣверныя полярныя страны. Царство „Арктиды". Вып. I. Спб., 1914. 80 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Джайльсъ, Г. Л., проф. Китай и его жизнь. Перев. съ англ. И. Г. Гуменюка. Подъ ред. А. И. Иванова. Б-ка знанія. Петроградъ, 1914. Изд. П. П. Сойкина. 199 стр. Ц. 75 к.

Зеленинъ, Д. К. Описаніе рукописей ученаго архива Императорскаго русскаго географическаго о-ва. Вып. I. Петроградъ, 1914. Изд. Имп. русскаго географическаго о-ва. X+483 стр.

Карповъ, С. Эльзасъ-Лотарингія. Б-ка войны. № 2. Ярославль, 1914. Изд. К. Ф. Некрасова. 16 стр. Ц. 5 к.

Матеріалы по этнографіи Россіи. Подъ ред. Ѳ. К. Волкова. Т. I. Спб., 1914. Изд. Этнографич. отдѣла русскаго музея Имп. Алекс. III. VII+195+3 стр. Съ рис.

Карская, В. Швейцарія и швейцарцы. Петроградъ, 1914. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 144 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Николаевъ, А. Палестина. (Географическій очеркъ. М., 1914. Изд. 3-е, кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Ольденбургъ, С. Ѳ. Русская туркестанская экспедиція 1909—1910 гг., наряженная по Высочайшему повелѣнію состоящимъ подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ русскимъ комитетомъ для изученія Средней и Восточной Азіи. Краткій предварительный отчетъ. Спб., 1914. Изд. Имп. Акад. Наукъ. VIII+88 стр.+33 табл., 1 план. и 73 рис. Ц. 18 р.

Оссовскій, П. Новыя владѣнія Россіи въ Западной Европѣ. Описаніе Галиціи. Кіевъ, 1914. 48 стр. Съ рис. и картой. Ц. 20 к.

Падалка, Л. В. Прошлое Полтавской территоріи и ея заселеніе. Изслѣдованія и матеріалы. Полтава, 1914. Изд. Полтавск. учен. архивной комиссіи. X+237+1 нен. стр. съ картой. Ц. 1 р. 20 к.

Сборникъ свѣдѣній о Сѣверномъ Кавказѣ. Подъ ред. Г. Н. Прозрителева. Т. IX. Ставрополь, 1914. Изд. Губернск. статистич. комитета. 419 стр. Съ 13 рис.

§ 8. **Котсъ, А. В.** Этюды по теоріи эволюціи. Вып. II. Рулье и Дарвинъ. Двѣ характеристики. М., 1914. 20 стр. Съ портр. Ц. 25 к.

Поповъ, В. И. Записки химика. Основные вопросы философіи и химіи. Вып. I. Элементы. Основныя постоянныя. Витебскъ, 1914. Изд. И. Д. Абморшева. 114 стр.

Умовъ, Н. А., проф. Эволюція физическихъ наукъ и ея идейное значеніе. Рѣчь, произнесенная на общемъ собраніи 1-го съѣзда преподавателей физики, химіи и космографіи 29 декабря 1913 г. Одесса, 1914. Изд. „Матезисъ". 43+8 нен. стр. Ц. 45 к.

§ 9. **Эрнъ, Ѳ. А.** Очерки по методикѣ ариѳметики. Рига, 1914. Изд. кн-ва Ф. И. Трескиной. VIII+188 стр.

X. Книги для дѣтей.

Авенаріусъ, В. П. Во львиной пасти. Историческая повѣсть для юношества изъ эпохи основанія Петербурга. Спб., 1914. Изд. 4-е книжн. маг. П. В. Луковникова. 329 стр. Съ 19 рис. Ц. 1 р. 50 к.

— На Москву! Историческая повѣсть изъ временъ Перваго Самозванца. Петроградъ, 1914 г. Изд. 3-е книжн. маг. П. В. Луковникова. 331 стр. Съ 2 портр. и 16 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Аверьянова, Е. Иринкино счастье. Повѣсть для дѣтей средняго и старшаго возраста. Спб., 1914. Изд. 2-е. 305 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Алексѣевъ, П. На зарѣ (Галя). Историческій разсказъ. М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 48 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Амичисъ, Э. де. Мать. Разсказъ. Перев. А. Рѣпиной. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 4-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Андерсенъ. Сказки. Вып. V. Дикіе лебеди. Цвѣты маленькой Иды. Стойкій оловянный солдатикъ. Счастливое семейство. Капля воды. Для дѣтей средняго возраста. Перев. П. Вейнберга. Б-ка сказокъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 5-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Избранныя сказки. Шестой сборникъ. Содержаніе: Идочкины цвѣты. Мотылекъ. Подснѣжникъ. Гречиха. Ленъ. Доля репейника. Прекраснѣйшая роза міра. Улитка и розовый кустъ. И въ щепкѣ порою скрывается счастье. Еврейка. На могилѣ ребенка. Сонъ. Сидень. М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 72 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

— Сказки. Вып. III. Дорожный товарищъ. Огниво. Дѣвочка съ сѣрными спичками. Пастушка и трубочистъ. Для дѣтей средняго возраста. Перев. П. Вейнберга. Б-ка сказокъ. 47+1 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вып. II. Дюймовочка. Безобразный утенокъ. Журавли. Маргаритка. Гречиха. Б-ка сказокъ. Изд. 5-е. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вып. IV. Соловей. Сундукъ-самолетъ. Штопальная игла. Маленькій Тукъ. Старый домъ. Для средняго возраста. Изд. 6-е. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вып. VI. Маленькая русалка. Ленъ. Новое платье короля. Изд. 5-е. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Андреевъ, П. У пристани. Разсказъ для дѣтей. М., 1914. Изд. М. Клюкина. 95 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Антоновъ, П. Въ подземномъ царствѣ. Разсказъ. № 19. „Въ школѣ и дома". М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис.

Арабскія сказки. Аладдинъ и волшебная лампа. Абу-Магометъ, лѣнтяй. Б-ка сказокъ. М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 64 стр. Ц. 15 к.

Ардовъ, Е. И. Волшебное стеклышко. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Петроградъ, 1915. 192 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Берлинъ, Я. А. Дѣла и думы людскія. Очеркъ I. Быль въ сказкѣ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 3 к.

— Дѣла и думы людскія. Очеркъ II. Московская старина въ живой народной рѣчи. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. жур. „Юная Россія". 32 стр. Съ рис. Ц. 6 к.

— Дѣла и думы людскія. Очеркъ III. „Мѣсяцъ-батюшка". Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Дѣла и думы людскія. Очеркъ IV. Первые часы. Дешевая б-ка для семьи и школы. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 28+4 нен. стр. Съ рис. Ц. 6 к.

— Дѣла и думы людскія. Очеркъ V. Исторія почты и писемъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 47+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 10 к.

— Дѣла и думы людскія. Очеркъ VI. Дорожная старина. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. жур. „Юная Россія". 61+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Б-ка сказокъ, собранная бр. Гриммъ. Перев. подъ редак. А. А. Терешкевича. Книжка III. Средній возрастъ (для дѣтей 8—10 лѣтъ). М., 1914. Изд. 5-е, кн. скл. М. В. Клюкина. 96 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Библійскіе разсказы для еврейскихъ дѣтей. Сокращенное изложеніе Библіи. Ч. II. Перев. Ер. Гальпернъ. Одесса, 1914. Изд. Морія. 133 стр. Ц. 50 к.

Богдановъ, П. М. Бесѣды о жизни растеній. Петроградъ, 1914. Изд. А. Ф. Девріена, 3-е пер. и доп. VI+144 стр. Съ 107 рис. Ц. 60 к.

Богомазова, З. А. Наши поэты о природѣ. Б-ка по дѣтскому чтенію. № 1. М., 1914. Изд. кн-ва „Новое Сотрудничество". 36 стр. Ц. 10 к.

Брянцева, М. „Зорьки". Разсказы для маленькихъ дѣтей. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 4-е. 62+2 нен. стр. Съ рис.+4 листа рис. Ц. 50 к.

— Мишины разсказы. Сборникъ раз-

сказовъ для маленьк. дѣтей. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 5-е. 77+3 нен. стр. Съ рис.+5 лист. рис. Ц. 50 к.

— „Плутовка". Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. М., 1914. Изд. 5-е, т-ва И. Д. Сытина. 70 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Булгаковъ, П. Огоньки. Разсказы для дѣтей. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 72 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Бульверъ, Э. Послѣдніе дни Помпеи. Историческая повѣсть. Обработано для дѣтей М. В. Тиличеевой. Ч. IV. Б-ка семьи и школы. Книжка четвертая. М., 1914. 129—160 стр. Съ рис.

Бѣлосиѣжка. Сказка для дѣтей средняго возраста. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 20 стр. Съ рис.

Бѣльскій, Л. П. Сказка о царевнѣ-лягушкѣ. (Въ стихахъ.) Общедоступная б-ка Ступина. М., 1915. Изд. А. Д. Ступина, 3-е. 51+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Валуевъ, П. Костя. Разсказъ. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 24 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

Валько-Отшельникъ. Крапина. Изъ дѣтскихъ воспоминаній. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Вернъ, Ж. Дѣти капитана Гранта. Путешествіе вокругъ свѣта. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Пер. Евг. Желѣзновой. Общедоступная б-ка. Спб., 1914. Изд. „Дѣятель". 724 стр.

Висковатовъ, П. За становымъ хребтомъ. Разсказъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

— На Камчаткѣ. Разсказъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 35 стр. Съ рис. Ц. 12 к.

Волшебный міръ. (Сказки бр. Гриммъ, Перро, Гофманъ и друг.) Подъ редакц. Н. Жбанковой. М., 1914. Изд. I. Киебель. 137+1 нен. стр. Съ рис.

Гауффъ, В. Волшебный корабль. Сказка. Б-ка сказокъ. М., 1915. Изд. книж. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Калифъ-Аистъ. Сказка. Б-ка сказокъ. М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 16 стр. Съ рис. Ц. 5 к.

— Спасеніе Фатьмы. Сказка. Б-ка сказокъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 24 стр. Съ рис. Ц. 8 к.

Голова, Е. Петина просьба. Разсказъ для дѣтей. (Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа.) М., 1914. Изд. книж. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 16 стр. Ц. 5 к.

Гранстремъ, Э. Жанна д'Аркъ. Историческій разсказъ. Составлено по М. Твэну, Лескюру, Сеппэ и др. Петроградъ, 1914. Изд. 2-е. 312 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 75 к.

Дикіе звѣри. Разсказы для дѣтей изъ естественной исторіи. М., 1914. Изд. 3-е, Е. Коноваловой и К°. 24 стр. Съ рис.

Диккенсъ, Ч. Оливеръ Твистъ. Романъ. Переводъ съ сокращеніями для дѣтей средняго возраста. М., 1914. Изд. М. В. Клюкина. 158 стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Для дѣтей. Вып. 1-й стихотвореній и сочиненій дѣтей. Сборникъ разсказовъ подъ ред. В. З. Яксанова. Дѣтская старообрядческая библ-ка. Саратовъ, 1914. Изд. журн. „Щитъ Вѣры". 10 стр. Ц. 10 к.

Дудоровъ, П. Въ озерахъ. Разсказъ. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина. 72 стр. Съ рис.

Дѣтская старообрядческая библіотека. Для дѣтей. Вып. II. Сборникъ разсказовъ, стихотвореній и сочиненій для дѣтей подъ редакц. В. З. Яксанова. Саратовъ, 1914. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Засодимскій, П. Въ метель и вьюгу. Святочный разсказъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 8-е. 39 стр. Ц. 15 к.

Засодимская, А. Н. Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 5-е. 98+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 45 к.

Засодимскій, П. Тайфа. Разсказъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 40 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Изергинъ, В. Двѣ сестры. Сказка. М., 1915. Изд. А. С. Панафидиной, 4-е. 22+2 нен. стр. Ц. 3 к.

Каррикъ, В. Сказки-картинки. № 16. Проголоднаго волка. Журавль и цапля. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к. Сказки-картинки. Снѣгурочка. Козья смерть. М., 1914. Изд. кн-ва „Задруга", 2-е. 16 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Куликова, В. Шарикъ. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. М., 1915. Изд. А. Д. Ступина 8-е. 38+2 нен. стр. Съ рис. Ц. 50 к.

Лермонтовъ, М. Ю. Избранныя сочиненія для дѣтей школьнаго возраста. Сборникъ, сост. В. Ленинымъ. Съ біограф. разсказомъ А. Ульянова, со многими рисун. и снимками съ портретовъ и картинъ. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 244 стр. Ц. 50 к.

Лермонтовскій сборникъ для дѣтей. Собраніе сочиненій Михаила Юрьевича Лермонтова. Подъ ред. М. Д. Корфъ. Петроградъ, 1914. Изд. „Народная Польза". 107 стр. Ц. 10 к.

Лермонтовскій сборникъ для юношества. Собраніе сочиненій Михаила Юрьевича Лермовтова. Подъ ред. бар. М. Д. Корфъ, Петроградъ, 1914. Изд. „Народная Польза". 209 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Лукашевичъ, К. Изъ жизни. Сборникъ повѣстей и разсказовъ. 1) Получка. 2) Соня Малыхъ. 3) Дорогое наслѣдство. 4) Честное слово. 5) Тяжелая разлука. 6) Курскій астрономъ-самоучка Семеновъ. 7) Древній мудрецъ (легенда). 8) Игна-

шинскій барчукъ. 9) Важное открытіе. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 357+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

— Календарь для малютокъ отъ 4 до 8 лѣтъ на 1915 годъ. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 365+365 лист. Съ рис.

— Макаръ. Разсказъ для дѣтей. М., 1915. Изд. А. Д. Ступина, 6-е. 38 + 2 нен. стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Свѣтлый лучъ. Хрестоматія для семьи и школы. Для дѣтей младшаго возраста. М., 1915. Изд. 8-е. Т-ва И. Д. Сытина. 318+IV стр. Съ рис. Ц. 50 к.

— Сказки родной Украйны для дѣтей. Съ рисунками И. Николаевскаго. Обложка Е. Бемъ. Передано и обработано изъ сборниковъ: Чубинскаго, Аѳанасьева, Рудченко, Данилевскаго и др. М., 1915. 141+1 нен. стр. Съ рис.+6 лист. рис. Ц. 1 р.

Любичъ-Кошуровъ, І. А. Безъ пристанища. Разсказъ. Съ рис. П. Е. Литвиненко. М., 1914. Изд. Д. П. Ефимова. 61+3 нен. стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Любченко, Д. Е. Родныя картинки. Вып. II. Для дѣтей средняго возраста. Письменныя работы по картинкамъ. Статьи для орѳографіи. Контурныя картинки для рисованія. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 150 стр. Съ рис.+6 лист. рис. Ц. 40 к.

Майстрахъ, Вл. Садко. Народная былина для дѣтей. М., 1914. Изд. Е. Коновалова и К°, 2-е. 24 стр. Съ рис.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. Бука. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 12 стр. Ц. 5 к.

— Послѣдняя треба. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. 8-е, журн. „Юная Россія". 32 стр. Съ рис. Ц. 6 к.

Митропольскій, И. Король камышей. Повѣсть для дѣтей. М., 1914. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 63+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 35 к.

— Муравьи-спасители и другіе разсказы для дѣтей. М., 1914. Изд. 2-е, М. В. Клюкина. 47 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Мольденгауэръ, В. Въ лиственномъ лѣсу. Разсказъ молодого экскурсанта. Петроградъ, 1914. Изд. „Жизнь и Знаніе". 177 стр. Съ рис. Ц. 75 к.

Нейманъ, Б. В. Жизнь и поэзія Лермонтова. Къ столѣтію со дня рожденія. Для семьи и школы. Кіевъ, 1914. Изд. кн-ва И. И. Самоненко. 32 стр. Ц. 10 к.

Немировичъ - Данченко, Вас. Ив. Гнѣвъ Аллаха. Разсказъ. Дешевая библ-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 16 стр. Ц. 5 к.

— Змѣиный дѣдъ. Повѣсть. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 28+4 нен. стр. Ц. 10 к.

— Нищій-Правитель. Разсказъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 30 + 2 нен. стр. Ц. 10 к.

Нечаевъ, А. П. По морю и сушѣ. Географическая хрестоматія для чтенія въ школѣ и дома. Разсказы о землѣ и людяхъ, на ней живущихъ. М., 1915. Изд. 3-е. IV+648 стр. Съ 483 рис. и 2 карт. Ц. 1 р. 70 к.

Нѣмецкія сказки. Перев. съ нѣмецк. Л. Дроздовой. Первая книжка. Книжка для чтенія на первомъ году обученія. Б-ка новой школы. Подъ ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 29. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 3-е. 24 стр. Съ рис.

Оржешко, Э. Въ зимній вечеръ. Повѣсть. Добрыя души. Чтеніе для дѣтей и для народа. М., 1914. Изд. 3-е, кн. скл. М. В. Клюкина. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Очочинъ, Е. Н. Изъ давнихъ лѣтъ. Историческіе разсказы. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія", 3-е. 45 стр. Ц. 20 к.

Острогорскій, В. Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Для чтенія юношества. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина, 17-е. VII+175 стр. Съ портр. Ц. 50 к.

Пастухъ и зайцы. № 47. Дѣтская библіотека. Одесса, 1914. Изд. М. О. Медвинскаго. 31 стр.

Песочинскій, К. Л. Краткія свѣдѣнія по римскимъ древностямъ и краткія историко-литературныя свѣдѣнія по читаннымъ римскимъ авторамъ. Спб., 1914. Изд. Н. Ф. Розанова. VII+135 стр. Съ рис. Ц. 1 р.

Покровскій, С. Въ лугахъ. Дешевая б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 68 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Рогова, О. И. Русскія сказки для маленькихъ дѣтей. Составлены по сборникамъ: Аѳанасьева, Даля, Сахарова, Пыпина, Эрленвейна и др. Рисунокъ В. Спасскаго и Р. Шнейдера. М., 1914. Изд. А. Д. Ступина. VII+285+11 нен. стр. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

Ростовцевъ, М. И., проф. Изъ прошлаго Греціи и Рима. Для старшаго возраста. Б-ка „Тропинки". Подъ ред. П. Соловьевой и Н. Манасеиной. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 89 + 2 нен. стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Русскіе писатели для дѣтей и юношества. Дѣтство и юность М. Ю. Лермонтова и сборникъ его стихотвореній. Для дѣтей средняго возраста. Подъ ред. Н. В. Тулупова. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 112 стр. Съ рис. Ц. 40 к.

Саундерсъ, М. Красавецъ Джой. Исторія

собаки, разсказанная ею самою. Съ англійскаго Е. Б. Б-ка Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества. № 21. М., 1914. Изд. И. Горбунова. 190 стр. Съ рис. Ц. 60 к.

Сетонъ-Томпсонъ, Э. Тито. Исторія луговой волчицы. Перев. съ англійск. А. Н. Рождественской. Б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. 2-е, журн. „Юная Россія". 63+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 25 к.

Сиповскій, В. Д. Исторія древней Греціи въ разсказахъ и картинахъ. Спб., 1914. Изд. 6-е, Я. Башмакова и К°. 188 стр. Съ 50 рис. Ц. 1 р.

Слѣпцова, М. Обезьяны. Петроградъ, 1914. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Охранители лѣса. Петроградъ, 1914. Изд. М. Н. Слѣпцовой. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Сысоевъ, В. На разныхъ берегахъ. Разсказы для дѣтей. Содержаніе: Приключенія брызгуна. Въ лѣсу. Приключенія плотички-хохлатки. М., 1915. Изд. кн. скл. М. В. Клюкина, 2-е. 48 стр. Съ рис. Ц. 30 к.

Топеліусъ, З. Избранныя сказки. Книжка вторая. Перев. М. Благовѣщенской. Б-ка нашихъ дѣтей. Спб., 1913. Изд. О. Поповой. 101 стр. Съ рис. Ц. 20 к.

Тулуповъ, Н. В. Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для дѣтей по разнымъ источникамъ. Вып. II. М., 1915. Изд. 11-е. 46 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для дѣтей по разнымъ источникамъ. Вып. X. М., 1915. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

— Родныя сказки. Сборникъ русскихъ сказокъ для дѣтей. По разнымъ источникамъ. Вып. VII. М., 1915. 46 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вып. VIII. 47 стр. Съ рис. Ц. 15 к. Вып. IX. М., 1914. Изд. т-ва И. Д. Сытина. 48 стр. Съ рис. Ц. 15 к.

Трояновскій, И. И. Природа и ея явленія. Неорганическій міръ. Растенія. Человѣкъ и животныя. Свѣдѣнія изъ физики. М., 1914. Изд. 2-е, т-ва И. Д. Сытина. 272 стр. Съ рис. Ц. 80 к.

Черскій, Л. Приключенія Джами. Разсказъ изъ жизни одного феллаха. М., 1914. Изд. Д. П. Ефимова, 2-е. 64 стр. Ц. 30 к.

Шведеръ, Е. Изъ воспоминаній. Дѣтская б-ка для семьи и школы. М., 1914. Изд. ред. журн. „Юная Россія". 67+1 нен. стр. Съ рис. Ц. 25 к.

— Наши весенніе цвѣты. „Родная Природа". Популярная б-ка естествознанія. Вып. IV. Рига, 1914. Изд. К. Г. Зихмана. 32 стр. Съ рис. Ц. 10 к.

Шмейль, О. Человѣкъ, животныя и растенія. Начальное природовѣдѣніе. Изложенное съ біологической точки зрѣнія. Перев. съ нѣм. С. Порѣцкаго. Вып. II. Растенія. Б-ка И. Горбунова-Посадова. № 71. М., 1914. Изд. И. Горбунова-Посадова, 7-е. 215 + 1 нен. стр. Съ рис.+ 8 табл. рис. Ц. 85 к.

XI. Справочныя изданія общія.

§ 1. Энциклопедіи. § 2. Словари. § 3. Библіографическіе справочники.

Вилліамъ, Г. и И. Яценко. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, содержащій болѣе 30.000 словъ, изъ которыхъ многія лишь въ самое послѣднее время проникли въ русскую рѣчь вмѣстѣ съ нововведеніями научными и общественными. Петрогр., 1915. 495 стр. Ц. 2 р.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. Подъ ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Кн. XXXI. М., 1914. Изд. т-ва „Міръ". 272 стр. Съ рис.+4 портр.

Энциклопедическій словарь т-ва „Бр. А. и И. Гранатъ и К°". Подъ ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Желѣзнова, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. С. А. Муромцева (†) и проф. К. А. Тимирязева. Т. XXV Конде - Кровоизліяніе. М., 1914. 639+63+11 стр. Съ рис.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 15 октября по 15 ноября 1914 г.

Амфитеатровъ, А. В. Викторія Павловна. Петроградъ. Кн-во „Просвѣщеніе". Ц. 1 р. 50 к.

Архангельская, В. И., врачъ. Курсъ популярной гигіены. Изд. Панафидиной. Петроградъ, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бемъ, Д. А., Волковъ, А. А., Струве, Р. Э. Сборникъ упражненій и задачъ по элементарному курсу алгебры. Ч. II. Кн-во Сытина. М., 1915 г.

Библіотека Императорскаго Томскаго университета. 1888—1913 гг. Томскъ, 1914 г.

Брусянинъ, В. В. Дѣти и писатели. М., 1915 г. Ц. 80 к.

Быковъ, Алексѣй. Чертополохъ. Послѣдняя книга.

Волны вѣчности въ русской художественной литературѣ. Изд. кіевск. религ. фил. о-ва. Кіевъ, 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.

Всероссійскій земскій союзъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. Извѣстія главнаго комитета. № 2. М., 1914 г.

Громека о Л. Н. Толстомъ. Изд. „Посредника". Ц. 80 к.

Гурляндъ, А., д-ръ. Германъ Когенъ и его философское обоснованіе еврейства. Петроградъ, 1915 г. Ц. 85 к.

Декартъ. Сочиненія. Т. I. Казань, 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дришъ, Гансъ, проф. Витализмъ. Его исторія и система. Кн-во „Наука". М., 1915 г. Ц. 1 р. 20 к.

Дымшицъ, Е. О. О вегетаріанствѣ. Изд. „Посредника". Ц. 4 к.

Записка о мѣрахъ къ ограниченію дробленія мелкой земельной собственности. Постатейныя объясненія къ проекту закона.

Зелинскій, В. Подробный орѳографическій словарь. М., 1914 г. Ц. 2 р.

Землеустройство. Сборникъ законовъ и распоряженій. Вып. I—VII. Изд. Департ. Государств. Земельн. Имущ. Петроградъ, 1914 г.

Землякъ, А. Бесѣды по сельскому хозяйству. Вып. 3, 5, 6, 9 и 11. Изд. „Деревенское хозяйство и крестьянская жизнь". М., 1913 г.

Зола, Эмиль. Римъ. Докторъ Паскаль. Изд. „Просвѣщеніе". Петроградъ. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Зѣньковскій, В. В. Проблема психической причинности. Кіевъ, 1914 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ивановъ, И. Е. Возрожденіе сербскаго государства и интриги Австріи. М., 1914 г. Ц. 20 к.

Ивановъ, И., полковникъ. Впечатлѣніе раненаго въ русско-японскую войну. Изд. Маевскаго. М., 1914 г. Ц. 60 к.

Игнатьевъ, Е. И. и Цингеръ, А. В. Начальный задачникъ по ариѳметикѣ. Ч. I, II и III. Цѣна каждаго вып. 20 к.

Изаръ, Г. Современная Бельгія. Петроградъ. Кн-во Карбасникова. Ц. 1 р. 25 к.

Извѣстія Всероссійскаго Союза Городовъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. № 1. Москва.

Карке, О. Путь къ оздоровленію человѣка и общества. Изд. „Посредника". Ц. 25 к.

Каррутерсъ. Невѣдомая Монголія. Т. I. Петроградъ, 1914 г.

Каталогъ русскаго отдѣла Международной выставки печатнаго дѣла и графики въ Лейпцигѣ 1914 г.

Кащенко, Н. Ѳ., проф. Смерть и долголѣтіе съ біологической точки зрѣнія. Кн-во „Наука". Москва. Ц. 45 к.

Климентовъ, В. Будда. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Ейскъ, 1914 г. Ц. 40 к.

Коганъ, П. Очерки по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Т. I. Петроградъ. Кн-во „Просвѣщеніе". Ц. 1 р. 50 к.

Козьминыхъ - Ланинъ, И. М. Семейный составъ фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. М., 1914 г. Ц. 1 р.

Коксъ, Дж. За предѣлами атома. Кн-во „Наука". Москва. Ц. 1 р.

Кони, А. Ѳ. Отцы и дѣти судебной реформы. Изд. Сытина. М., 1914 г.

Кочеткова, А. П. Вымираніе мужского пола въ мірѣ растеній, животныхъ и людей. М., 1915 г. Ц. 85 к.

Красильниковъ, М. П. Хутора Уфимской губерніи. Изд. Уфимск. губ. земск. упр. Уфа, 1914 г.

Де-Ла-Бартъ, Ф., гр. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. Ч. I. Изд.

Спиридонова и Михайлова. М., 1914 г. Ц. 2 р.

Лависсъ, Э. и Рамбо, А. Эпоха крестовыхъ походовъ. Ч. I и II. Изд. Сабашниковыхъ. М., 1914 г. Цѣна за обѣ части. Ц. 4 р.

Левинсонъ, Андрей. Мастера балета. Изд. Соловьева. Петроградъ, 1914 г.

Лермонтовъ, М. Ю. Собраніе произведеній. Изд. Сытина. Ц. 1 р. 25 к.

Лермонтовъ, М. Ю. въ русской поэзіи. Подъ ред. В. В. Каллаша. Изд. Сытина. Москва. Ц. 40 к.

Лодыженскій, М. В. Мистическая трилогія. Т. III. Темная сила. Петроградъ, 1914 г. Ц. 2 р.

Матеріалы по киргизскому землепользованію. Изд. пересол. орг. Тургайско-Уральскаго района. Оренбургъ, 1914 г.

Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XXIII. Изд. Департамента окладныхъ сборовъ. Петроградъ, 1914 г.

Мироновъ, И. Въ школу. Изд. т-ва Сытина. Ц. 60 к.

Немировичъ-Данченко, В. И. Профили и зигзаги. Кн-во „Просвѣщеніе". Петроградъ. Ц. 1 р. 50 к.

Оболенскій, В. В. Морскіе хлѣбные фрахты. Изд. обл. ком. по пересмотру русско-герм. торговаго договора. Харьковъ, 1914.

Огановскій, Н. П. Отчего загорѣлась великая европейская война. Т-во „Задруга". Ц. 8 к.

Огаркова, В. В. Къ свѣту. Изд. Сытина. Ц. 1 р. 50 к.

Отчетъ московскаго город. народн. университета имени А. Л. Шанявскаго за 1913—1914 гг.

Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи врачебной помощи въ Россіи за 1912 годъ. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ о дѣятельности общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины за 1913 г. Петроградъ, 1914 г.

Отчетъ о дѣятельности центральнаго комитета еврейскаго колонизаціоннаго ов-а въ 1912 и 1913 гг. Петроградъ, 1914 г.

Петровскій, А. У костра.

Писаревъ-Иванчинъ, А. И. Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ". Петроградъ, 1914 г. Ц. 1 р.

Родниковъ, В. Дѣтская литература. Кн-во Самоненко. Кіевъ, 1915 годъ. Ц. 1 р. 20 к.

Розенштейнъ, М. А. Гужевая перевозка продуктовъ полеводства.

Сажинъ, И. В. Умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ или полное воздержаніе отъ нихъ? Вып. 37. Ц. 10 к.

— Чахотка и алкоголизмъ. Вып. 38. Ц. 15 к.

— Наиболѣе распространенныя причины алкоголизма и необходимость борьбы съ ними. Вып. 36. Ц. 8 к.

— О вліяніи спиртныхъ напитковъ на растущій организмъ. Вып. 35. Ц. 8 к.

Саломатинъ, П. Не пей и не кури! „Борьба съ пьянствомъ". Подъ ред. Горбунова-Посадова. Вып. 39. Ц. 10 к.

Сборникъ Нижегор. Губ. Ученой Архивной Комиссіи. Т. XVII. Вып. II, III, IV, V. Н.-Новгородъ, 1914.

Сельско-хозяйственный обзоръ за 1912—1913 гг. и сводъ данныхъ текущей статистики за 1909—1913 гг. Изд. Пензенскаго губ. земства.

Сельско-хозяйственный обзоръ заселенныхъ мѣстностей Тургайской и Уральской областей за 1913 г. Изд. Пересол. упр. Оренбургъ, 1914 г.

Сорокинъ, Питиримъ. Л. Н. Толстой, какъ философъ. Изд. „Посредника". Ц. 15 к.

Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ 1912 г. Ч. I и II. Изд. Главнаго упр. неокл. собр. и казенной продажи питей.

Статистическій Вѣстникъ. Кн. 1-я и 2-я М., 1914 г.

Сѣрая книга. Бельгійская дипломатическая переписка, относящаяся до войны 1914 г. Ц. 50 к.

Телешова, Н. Золотая осень. Кн-во писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Де-Хартъ, Александръ. Журналъ Дѣлового Человѣка. М., 1914 г. Ц. 1 р.

Чешихинъ, Всеволодъ. Патріотическія стихотворенія. Изд. „Кружка бывш. учениць рижск. гимн.". Ц. 10 к.

Шмелевъ, Ив. Волчій перекатъ. Кн-во Писателей въ Москвѣ. Ц. 1 р. 25 к.

Щепкина, Е. Н. Изъ исторіи женской личности въ Россіи. Петроградъ, 1914 г. Ц. 1 р. 35 к.

Ясиновскій, А. А., д-ръ мед. Долой животные бѣлки! Изд. „Посредника". Ц. 25 к.

III международный медицинскій конгрессъ по несчастнымъ случаямъ. Изд. Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. Харьковъ, 1912 г.

Редакторъ-издатель П. Б. Струве.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Главная контора: Петроградъ, Нюстадская, 6. Телеф. 206-32.

Московское отдѣленіе конторы: Сивцевъ Вражекъ, д. 20, кв. 3 (С. В. Лысцовой).

Цѣна объявленій:

Передъ текстомъ:		Позади текста:	
1 страница	65 руб.	1 страница	45 руб.
1/2 страницы	35 „	1/2 страницы	25 „
1/4 „	20 „	1/4 „	14 „
1/8 „	10 „	1/8 „	7 „

На обложкѣ:

4-я (наружная) стр.	100 руб.	3-я стр. обложки и 1-я передъ титуломъ	80 руб
1/2 стр.	60 „	1/2 стр.	45 „
		1/4 „	25 „

Построчно: 1 строка нонпарели въ 1 столбецъ (въ страницѣ 2 столбца):

На обложкѣ	1 руб
Передъ текстомъ	70 коп
Послѣ текста	40 „

За каждую тысячу вкладныхъ приложеній:

До 1 лота	9 руб
„ 2 лотъ	12 „
„ 3 „	16 „
„ 4 „	20 „

Пріемъ объявленій: въ МОСКВѢ у М. Д. Турубинера: 4-ая Тверская-Ямская, д. 29, кв. 45. Тел. 112-25.

Въ ПЕТРОГРАДѢ у Д. И. Марковскаго: Ивановская ул., д. 3 Тел. 89-65.

XXXI г. изд. О ПОДПИСКѢ въ 1915 г. **XXXI г. изд.**

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній

ВОКРУГЪ СВѢТА

Кромѣ 50 №№ журнала подписчики получатъ:

по I абонементу:

36 книгъ полнаго собранія романовъ, повѣстей, драмъ, избранныхъ историческихъ сочиненій и стихотвореній

ВИКТОРА ГЮГО

съ критико-біографическимъ очеркомъ.

Въ 1915 году исполняется XXX-лѣтіе со дня смерти этого геніальнаго писателя и поэта, въ произведеніяхъ котораго отразилась вся жизнь Франціи, ея исторія и національный духъ французскаго народа.

Содержаніе 36 книгъ:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ:

Соборъ Парижской Богоматери. — Отверженные.—Труженики моря.—Человѣкъ, который смѣется. — Девяносто третій годъ.—Ганъ Исландецъ.—Бюгъ Жаргаль.—Послѣдній день приговореннаго.—Клодъ Гё.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

Эми Робсартъ.—Кромвель.—Торквемада.—Маріонъ де-Лормъ.—Король забавляется. — Лукреція Борджія. — Марія Тюдоръ. — Рюи Блазъ. — Бургграфы. — Эрнани. — Анджело. — Эсмеральда. — Близнецы.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ:

Исторія одного преступленія (Наполеонъ III и франко-прусская война 1870 г.).—Изъ видѣннаго.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ СБОРНИКОВЪ:

Оды и баллады.—Восточные мотивы.—Осенніе листья. — Легенды вѣковъ.—Внутренніе голоса.—Свѣтъ и тѣни.—Пѣсни сумерекъ. — Возмездія. — Пѣсни улицъ и лѣсовъ. — Созерцанія. — Настроенія.—Роковые годы.—Грозная година.—Искусство быть дѣдомъ.—Моя лира.

по II абонементу:

12 книгъ собранія сочиненій американскаго писателя

БРЭТЪ-ГАРТА

Разсказы Брэтъ-Гарта посвящены природѣ американскаго дальняго запада, разбойничьимъ и охотничьимъ ПРИКЛЮЧЕНІЯМЪ и калифорнійскимъ золотоискателямъ.

12 роскошно иллюстр. сборниковъ

„Міровая война

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ и ИЛЛЮСТРАЦІЯХЪ“.

Военные разсказы. — Дневники участниковъ и очевидцевъ.—Описанія выдающихся эпизодовъ и сраженій на сушѣ, битвъ въ воздухѣ, на водѣ и подъ водой и подвиговъ ея героевъ.

12 КНИГЪ сочиненія французскаго географа ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ

„Народы и страны Западной Европы“,

въ новомъ переводѣ и съ дополненіями члена географическаго института имени Э. Реклю, въ Брюсселѣ, Н. К. Лебедева.

Богато иллюстрированное изданіе.

Содержаніе 12 книгъ:

I: Франція.—II. Великобританія.—III Бельгія.—IV. Германія.—V. Австро-Венгрія.—VI. Италія.—VII. Швейцарія.—VIII. Испанія и Португалія.—IX. Греція, Европ. Турція и Болгарія.—X. Румынія.—Сербія.—Черногорія и Албанія.—XI. Голландія и Данія.—XII. Швеція и Норвегія.

по III абонементу:

Кромѣ **50** №№ журнала, всѣ приложенія къ I и II абонем., а именно: **36** книгъ полнаго собр. соч. **ВИКТОРА ГЮГО, 12** книгъ собр. соч. **БРЭТЪ-ГАРТА, 12** сборник. **„Міровая Война“** и **12** книгъ соч. **ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ „Народы и страны Западной Европы“.**

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ: I и II абонем. по **7 р.**; III абонем. — **12 р.**

Допускается разсрочка подписной платы: для I и II абон.—3 р. при подп., 2 р. къ 1 апр. и 2 р. къ 1 іюля, для III абонем. — 5 р. при подп., 4 р. къ 1 апр. и 3 р. къ 1 іюля.

Подписчики I абон., заявившіе при подпискѣ о желаніи получать, кромѣ 36 книгъ сочин. Виктора Гюго, любое изъ трехъ приложеній II абонем. (по своему выбору) уплачиваютъ **10 р.** Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р., къ 1 апр. 3 р., къ 1 іюля 3 р.

Контора журнала „Вокругъ Свѣта“. Москва, Тверская, домъ № 48.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина. *Редакторъ Вл. А. Поповъ.*

4 р. въ годъ за 24 книги.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ и ЖИЗНИ.

Двухнедѣльный журналъ НОВАГО ТИПА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1914—15 г. (6-й г. изд.)

Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ, книжками въ 5—6 печат. л. большого формата. За годъ выйдетъ 24 кн. (болѣе 2000 страницъ). ● „Бюллетени" идутъ навстрѣчу потребностямъ той массы интел. читателей, которая лишена возможности близко и широко знакомиться съ текущей печатью какъ періодич., такъ и неперiод., какъ русской, такъ и иностранной. ● Главная задача журн.—всесторонне отражать картину идейной духовной жизни современности. ● „Бюллетени"—это коллективная литер. памятка наиболѣе выдающихся явленій и фактовъ, равно какъ вопросовъ и задачъ современности. Поэтому они могутъ служить настольною книгою для каждаго, серьезно интересующагося внутренней жизнью человѣческаго коллектива. ● За истекшій годъ въ „Бюлл." напеч. 226 ст. по самымъ разнообраз. вопр. Кромѣ того, даны: 1) сводъ отзывовъ о 500 книгахъ, 2) перечень около 3000 нов. кн., 3) содерж. болѣе 75 журн. за годъ и 4) библіографія по ряду отдѣльныхъ вопросовъ. ● Библіографія въ „Бюлл." ведется такъ полно, какъ ни въ одномъ изъ существ. журн. Въ такомъ видѣ она необходима для самаго широкаго круга читателей.

Трагическимъ событіямъ современной войны „Бюл." удѣляютъ особенное вниманіе, стремясь отразить на своихъ стр. все, что уясняетъ глубину и серьезность переживаемаго момента.

ОТЗЫВЫ ПЕЧАТИ: **Утро Россіи:** „Журналъ заслуживаетъ особаго вниманія". **Русскія Вѣдомости:** „Бюллетени" „знакомятъ болѣе или менѣе обстоятельно съ выдающимися явленіями современной жизни. **Русская Школа:** „Бюллетени" „дѣлаютъ свое дѣло умѣло и живо. Они любопытны дажо и для легкаго чтенія. Какъ справочникъ же „Бюллетени" оказываютъ огромную услугу". **Сгни:** „Трудно представить себѣ человѣка съ извѣстными культурными запросами, который не нашелъ бы для себя чего-либо интереснаго въ журналѣ". **Русское Слово:** „Въ журналѣ запечатлѣна вся литературная жизнь года". **Современное Слово:** „Задача журнала имѣетъ, несомнѣнно, культурно-популяризаторское значеніе". **Голосъ:** „Въ журналѣ сосредоточено все новое, что позволяетъ постоянно быть въ курсѣ настроеній и исканій, какъ отечественной, такъ и міровой мысли". **Иллюстрированное Обозрѣніе Голоса М.:** „Бюллетени" „безпристрастно и вполнѣ объективно даютъ картину духовной, нравственной, внутренней русской жизни за цѣлый годъ". **Новая Жизнь для Всѣхъ:** „Бюллетени" „незамѣнимы, особенно въ провинціи". **Рязанскій Вѣстникъ:** „Бюллетени" „умѣло и умно рисуютъ на своихъ страницахъ картину русской жизни". **Сѣв. У.:** „Журналъ въ дѣльныхъ обстоятельныхъ статьяхъ даетъ квинтъ-эссенцію всего заслуживающаго вниманія въ литературѣ. Служитъ гармоническимъ объединителемъ всего прочитаннаго и обдуманнаго". **Русская Молва:** „Все то важное, что терялось въ гущѣ журналовъ и пестромъ содержаніи газетъ, извлечено заботливой рукой и въ хорошемъ, культурномъ видѣ преподнесено читателю. Много цѣннаго и важнаго найдутъ для себя въ этомъ матеріалѣ самые широкіе круги читателей". **Кіевская Мысль:** „Бюллетени" „могутъ просматривать съ интересомъ даже люди имѣющіе возможность слѣдить за литературой по „первоисточникамъ", а для провинціальнаго читателя, руководителей библіотекъ и т. д. журналъ представляетъ интересъ сугубый". **Раннее Утро:** Самые широкіе круги читающей публики не могутъ не заинтересоваться „Бюллетенями". **Вѣстникъ Воспитанія:** „Изданіе, заслуживающее вниманія широкихъ круговъ читателей... Мы... относимся съ сочувствіемъ къ этому полезному и интересному изданію". **Жатва:** „Хорошую культурную работу выполняютъ „Бюллетени". **Нижегородскій Листокъ:** „Изданіе, очень интересное по своему характеру... избавляетъ отъ перечитыванія всѣхъ журналовъ". **Курская Газета:** „Вотъ журналъ, которому по праву будетъ принадлежать будущее и самое изданіе котораго—отраднѣйшее литературное явленіе современности". **Извѣстія Одесскаго Библіографическаго О-ва:** „Для библіографовъ въ этомъ изданіи представляетъ большой интересъ отдѣлъ „отзывы о книгахъ". **Сибирь:** „Типъ „Бюллетеней"... очень удачный. Подборъ статей дѣлается умѣло и, дѣйствительно, даетъ отраженіе „идейной, духовной жизни современности".

Проспектъ журнала высылается безплатно. **Подписная цѣна:** на годъ 4 р., 6 м.—2 р. 50 к., 3 м.—1 р. 25 к. За границу на годъ—5 р. Для сельск. учит. при непосредственномъ обращеніи въ контору на годъ—3 р. 50 к. Подписка принимается во всѣхъ книжн. магаз. и въ почт. учрежден. Имѣются полные комплекты „Бюлл.". Цѣна компл. за 1911—12 и 1912—13 гг. по 3 р. безъ перепл. и по 4 р. въ перепл.; за 1913—14 г.—4 р. безъ перепл. и 5 р. въ перепл. Пересылка по вѣсу и разстоянію. Подписной годъ начинается съ 1 сентября. Можно подписываться съ 1 числа кажд. мѣс.

Контора и редакція: Москва, Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 5-02-06.

Издатели: В. Крандіевскій и В. Носенковъ. **Редакторъ: В. Крандіевскій.**

XXVI г. изданія. ОТКРЫТА ПОДПИСКА 1915 г.

на журналъ

ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ.

Журналъ ставитъ своею **задачею** выясненіе вопросовъ образованія и воспитанія на основахъ научной педагогики, въ духѣ общественности, демократизма и свободнаго развитія личности. Съ этою цѣлью журналъ слѣдитъ за развитіемъ педагогическихъ идей, за современнымъ состояніемъ образованія и воспитанія въ Россіи и за границей и даетъ отзывы о новыхъ книгахъ по педагогикѣ, естествознанію, общественнымъ наукамъ, о дѣтскихъ книгахъ и друг. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по различнымъ отраслямъ знанія и искусства, литературно-педагогическіе очерки, разсказы, воспоминанія и проч.

Въ журналѣ принимали участіе: д-ръ философіи В. Анри (Victor Henri), Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, д-ръ Д. Д. Бекарюковъ, акад. В. М. Бехтеревъ, прив.-доц. А. А. Борзовъ, Ю. А. Бунинъ, акад. И. А. Бунинъ, В. П. Вахтеровъ, акад. В. И. Вернадскій, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Випперъ, С. Г. Григорьевъ, А. Е. Грузинскій, Е. А. Звягинцевъ, д-ръ В. Е. Игнатьевъ, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. А. Каблуковъ, членъ Гос. Думы И. С. Клюжевъ, проф. М. М. Ковалевскій, П. С. Коганъ, проф. Н. М. Кулагинъ, Е. І. Лозинскій, А. И. Лотоцкій, прив.-доц. П. И. Люблинскій, С. П. Мельгуновъ, проф. И. И. Мечниковъ, Н. Ф. Михайловъ, проф. А. П. Нечаевъ, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, Г. Роковъ, прив.-доц. М. М. Рубинштейнъ, С. Ф. Русова, проф. П. Н. Сакулинъ, прив.-доц. Е. Д. Синицкій, Л. Д. Синицкій, С. Г. Смирновъ, И. М. Соловьевъ, Н. В. Сперанскій, Б. И. Сыромятниковъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, Л. Б. Хавкина-Гамбургеръ, В. И. Чарнолускій, Н. В. Чеховъ, кн. Д. И. Шаховской, проф. И. Д. Шишмановъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, д-ръ Вл. И. Яковенко, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ и многіе другіе.

Журналъ выходитъ **9 разъ** въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала болѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки—**5** р., съ доставкой и пересылкой—**6** р., въ полгода—**3** р., съ пересылкой за границу—**7** р. **50** к.; для недостаточныхъ людей цѣна въ годъ съ доставкой и безъ доставки—**5** р.

Земствамъ, городскимъ самоуправленіямъ, просвѣтительнымъ и учительскимъ обществамъ при подпискѣ не менѣе чѣмъ на 5 экземпляровъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 5% подписной цѣны, при подпискѣ болѣе чѣмъ на 10 экземпляровъ—въ размѣрѣ 10% и при подпискѣ болѣе чѣмъ на 100 экземпляровъ—15%. Уступки эти дѣлаются при непремѣнномъ условіи высылки денегъ *непосредственно въ редакцію.*

Плата за объявленія въ журналѣ: 30 руб. за страницу и **15** руб. за полстраницы.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., домъ № 32), во всѣхъ почтовыхъ и почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ **Н. Ф. Михайловъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1915 годъ

на религіозно-философско-научный журналъ

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Программа журнала:

1) Статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософіи, по сравнительному изученію религій, оккультизму, изслѣдованію психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологіи и др. отраслямъ знанія.

2) Свѣдѣнія о теософическомъ движеніи въ Россіи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движеніяхъ.

3) Біографіи выдающихся представителей теософическаго міросозерцанія и общественныхъ дѣятелей.

4) Художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженіе въ искусствѣ теософическаго міросозерцанія.

5) Отзывы о книгахъ, поступающихъ въ редакцію журнала, по вопросамъ теософіи, психологіи и др.

6) Справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7 числа каждаго мѣсяца книжками въ форматѣ in 8°, не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакціей А. А. Каменской и Ц. Л. Гельмбольдтъ.

Въ теченіе года предполагается помѣстить нижеслѣдующія статьи: „Эволюція символизма" Е. П. Блаватской (извлеченіе изъ „Тайной Доктрины"), „Нѣсколько Упанишадъ", „Обрѣтеніе міра", „Эволюція жизни и формы" А. Безантъ, „Изъ оккультнаго міра" Ч. Ледбитера, „Цвѣты и сады" С. Джинараджадаза, „Наука эмоцій" Бхагаванъ-Даса, „Аполлонъ Тіанскій" Дж. Мида, „Методы концентраціи" Е. Вуда, „Святилища Востока" (извлеченія) Э. Шюре, „Письма о музыкѣ" А. Унковской, „Письма къ читателю" „Друга читателя". Кромѣ того пойдетъ рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ редакціи по вопросамъ сравнительнаго изученія религій, педагогики, философіи, искусства и друг. отдѣламъ. Въ зависимости отъ притока текущаго матеріала будетъ дана „Махабхарата" (великая война) въ изложеніи А. Безантъ.

Въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль) журналъ не выходитъ.

ЦѢНА 6 р. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россійской Имперіи. Допускается разсрочка: за $^1/_2$—3 р. 50 к., за 3 мѣсяца—2 р. 20 к. Отдѣльный № 75 к. За перемѣну адреса городского на городской—20 коп., городского на иногородній и обратно иногородняго на городской—50 к.

Подписка за границу принимается только годовая; цѣна 10 р.

Подписка для иногородныхъ только черезъ контору редакціи.

Городская подписка принимается въ конторѣ редакціи (Петроградъ, Ивановская, 22, кв. 24) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 2—4 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенія цѣны допускается только до 1 января 1915 г.

По дѣламъ редакціи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 час. дня.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи", подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

„Вѣстникъ Теософіи" за 1909, 1910, 1911, 1912 и 1913 года имѣются для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Цѣна съ пересылкой по 7 рублей за каждый годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ.

РОДНИКЪ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

Годъ изданія XXXIV.

Рекомендованъ, одобренъ и допущенъ для всѣхъ учебныхъ заведеній Учен. и Учебн. Комитетами: Св. Синода, Канцеляріи по учрежд. Императрицы Маріи, Управл. военно-учебн. заведеній, Мин. Нар. Просв. и Мин. Финансовъ.

Удостоенъ: 1) Почетнаго диплома на Педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ въ 1888 году, 2) Похвальнаго отзыва на первой Всероссійской выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году, 3) Диплома на Всероссійской выставкѣ въ 1896 году въ Нижнемъ-Новгородѣ по отдѣлу народнаго образованія, 4) Золотой медали на Международной выставкѣ „Дѣтскій Міръ" въ 1904 году и 5) Серебряной медали на Всемірной выставкѣ въ Льежѣ въ 1905 году.

Въ 1915 году подписчики получатъ:

12 книгъ разнообразнаго содержанія, богато иллюстрированныхъ. Повѣсти, разсказы, путешествія, очерки. Статьи и картины изъ жизни народовъ, принимающихъ участіе въ войнѣ. „КЛУБЪ РОДНИКА", въ которомъ участвуютъ сами читатели.

10 автотипій съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ, на мѣловой бумагѣ.

2 картины въ краскахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **5 руб.** въ годъ съ пересылкой. Допускается разсрочка: 1-е полуг.—**3 руб.,** 2-е полуг.—**2 руб.** Пробный № высылается за 6 семикопеечн. марокъ.

СОЛНЫШКО.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛЪ и МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Годъ изданія XI.

Допущенъ Уч. Комит. Мин. Нар. Просв., Учил. Сов. при Св. Синодѣ и Учебн. Ком. Вѣдом. Учр. Императрицы Маріи къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ низшія и среднія учебныя заведенія, въ народныя и ученическія библіотеки, въ церковно-приходскія школы и пріюты.

Въ 1915 году подписчики получатъ:

12 №№ журнала, заключающихъ въ себѣ: разсказы, сказки, стихи, естественно-историческіе очерки, пьесы, ноты для хорового пѣнія, загадки, задачи, карикатуры, отдѣльныя картинки среди текста, множество иллюстрацій. Статьи въ каждомъ № закончены.

БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. 8 книженъ „ЗВѢЗДОЧКИ", разнообразнаго содержанія, со многими иллюстраціями.
II. 8 большихъ картинъ съ объяснительнымъ текстомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА **1 руб.** въ годъ съ пересылой. Пробный № высылается за 2 семикопеечныхъ марки.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

XXXIX годъ изданія. ОРГАНЪ СЕМЕЙНАГО ВОСПИТАНІЯ.

12 №№ въ годъ. Статьи по физическому, умственному, нравственному воспитанію и обученію дѣтей. Біологическое и психологическое изученіе ребенка. Наблюденія въ семьѣ. Занятія съ дѣтьми въ семьѣ. Общественное воспитаніе. Педагогическая хроника. Рефераты книгъ по вопросамъ новѣйшей педагогики. Библіографія.

ЦѢНА **1 руб.** въ годъ съ пересылкой. Подробныя программы безплатно.

Контора всѣхъ трехъ журналовъ: Петроградъ, Таврическая, 37.

Издательница Е. Альмедингенъ. Редакторы Н. и Т. Альмедингенъ.

СЕРДЕЧНЫЯ ЗАБОЛѢВАНІЯ, ожирѣніе, склерозъ сердца, сердцебіенія и одышки, неврастенія и нервныя заболѣванія, половое безсиліе, старческая дряхлость, истощеніе и худосочіе съ успѣхомъ лечатъ Сперминомъ-Пеля, о чемъ свидѣтельствуютъ имѣющіяся въ литературѣ многочисленныя наблюденія извѣстнѣйшихъ врачей всего міра.

Сперминъ-Пеля единственный настоящій, всесторонне испытанный Сперминъ; поэтому слѣдуетъ обращать вниманіе на названіе **„СПЕРМИНЪ-ПЕЛЯ“** и отказываться отъ поддѣлокъ, жидкостей и вытяжекъ изъ сѣменныхъ железъ, какъ никуда негодныхъ подражаній, ни по составу, ни по дѣйствію ничего общаго со Сперминомъ-Пеля не имѣющихъ и часто содержащихъ вредныя для здоровья вещества.

Желающимъ высылается безвозмездно книга „Цѣлебное дѣйствіе Спермина“; интересующимся же всей органотерапіей, высылается за четыре 7-копѣечныхъ марки только что вышедшая книга „Цѣлительныя силы организма“.

Сперминъ-Пеля имѣется всюду.

ПРОФЕССОРЪ Д-РЪ ПЕЛЬ и С-ВЬЯ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Поставщики Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на большой ежемѣсячный журналъ литературы, общественной жизни, науки и искусства

5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

СОВРЕМЕННИКЪ,

издаваемый при сотрудничествѣ: Н. Авксентьева, А. Авраамова, М. Андерсена, Л. Андреева, Сем. Астрова, В. Базарова, С. Боброва, Ал. Блока, А. Богданова, В. Богучарскаго, Н. Быховскаго, В. Венгерова, З. Венгеровой, Ю. Верхоустинскаго, В. Водовозова, В. Войтинскаго, В. Вольскаго, Б. Воронова, В. В., Н. Гарви, Н. Гиммера, М. Горькаго, Г. Гребенщикова, С. Далина, Ф. Дана, В. Дмитріевой, Л. Добронравова, Е. Елачича, Евг. Замятина, Д. Иванцова, И. Игнатовича, Каратыгина, В. Керженцева, В. Левицкаго, Евг. Лундберга, А. Луначарскаго, Евг Ляцкаго, Вен. Маркова, Л. Мартова, П. Маслова, М. Моравской, А. Неручева, С. Нечетнаго, Л. Никифорова, Г. Новоторжскаго, Н. Огановскаго, Ортодоксъ, А. Орлова, Мих. Павловича, М. Петрова, Г. Плеханова, А. Потресова, М. Пришвина, Н. Ракитникова, В. Ртищева, И. Рубановича, А. Рябинина, В. Станкевича, Ю. Стеклова, Р. Стрѣльцова, П. Сурожскаго, Н. Суханова, Н. Троцкаго, В. Трутовскаго, И. Флеровскаго, О. Форшъ, Г. Христіана, П. Цвѣтаевой, Н. Череванина, Б. Черненкова, А. Шебунина и др.

Въ каждой книжкѣ „Современника" будутъ печататься: стихотворенія, произведенія художественной прозы (оригинальной и переводной) и статьи по общимъ вопросамъ культуры, исторіи, науки, искусства и общественности,—кромѣ того, журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

I. **Внутренняя жизнь.** 1. Политика (политическіе обзоры и замѣтки). 2. Экономика и финансы (хроника народно-хозяйственной жизни, аграрный вопросъ, кооперація, промышленность и торговля, финансы). 3. Самоуправленіе (хроника городского и земскаго хозяйствъ). 4. На окраинахъ (жизнь Сибири, Кавказа, Сѣвера, Польши и т. д.). Въ отдѣлѣ принимаютъ участіе: *Л. Мартовъ, Е. Маевскій, А. Никитскій, Н. Череваннъ, Н. Огановскій, М. Петровъ, В. Трутовскій, Н. Гарви, П. Масловъ, Б. Вороновъ, И. Майновъ, Ледеръ* и др.

II. **Иностранная жизнь.** 1. Обзоры за мѣсяцъ. *Р. Стрѣльцова.* 2. Корреспонденціи: *С. Далина* (Швеція), *В. Керженцева* (Англія), *Мих. Павловича* и *И. Рубановича* (Франція), *Г. Христіана* (Италія), *В. Калинина* (Швейцарія) и др.

III. **Мысли и дѣла.** Вопросы общественности. *Ник. Суханова.*

IV. **Въ глубинѣ Россіи.** Очерки провинціальной жизни.

V. **Литература и искусство.** Литературный дневникъ. *Е. Лундберга.* Хроника искусствъ и критика. *М. Андерсенъ, Каратыгинъ. Ст. Яремичъ, Ш. Эддинъ, С. Бобровъ, Арс. Авраамовъ* и др.

VI. **Новыя книги.** Библіографическій обзоръ и рецензіи.

Переживаемыя чрезвычайныя событія, связанныя съ міровой войной, будутъ всесторонне освѣщаться въ каждой книгѣ журнала.

Подписная цѣна: на годъ—**8 р.,** на полгода—**5 р.,** допускается разсрочка платежа: при подпискѣ—**4 р.,** къ 1-му апрѣля—**2 р.** и къ 1-му іюля—**2 р.**

Подписка принимается въ конторѣ журнала: Петроградъ, Басковъ пер., 19. Телефонъ 555-94.

Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ новая книга

„СОВРЕМЕННОЕ ЗЕМСТВО".

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Б. Б. Веселовскаго.

Цѣна 90 коп.

Обращаться—Петроградъ, контора „Современника", Басковъ, 19.

Вышелъ первый томъ новаго изданія т-ва „Міръ".

Г. В. Плехановъ.

Исторія русской общественной мысли.

Содержаніе перваго тома. Предисловіе. Часть I. Введеніе: очеркъ развитія русскихъ общественныхъ отношеній. Часть II. Движеніе общественной мысли въ Допетровской Руси. Движеніе общественной мысли подъ вліяніемъ борьбы духовной власти со свѣтской, дворянства съ боярствомъ и съ духовенствомъ, царя съ боярствомъ. Движеніе общественной мысли въ эпоху Смуты. Общественный бытъ и общественное настроеніе Московской Руси послѣ Смутнаго времени. Поворотъ къ Западу. Первые западники и просвѣтители. — 6 портретовъ: Павла Сильванскаго, Ключевскаго, С. М. Соловьева, патріарха Никона, Ивана IV и Ордина-Нащокина.

Изданіе составитъ около 5 томовъ, приблизительно по 18 листовъ въ каждомъ, и будетъ иллюстрировано портретами историковъ, общественныхъ дѣятелей и публицистовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачиваются 2 руб. и при полученіи каждаго тома въ переплетѣ (включая пересылку)—2 руб. 80 коп. и, сверхъ того, за переводъ платежа 10 коп.

Вышла вторая книга изданія т-ва „Міръ".

Русская литература XX в.

(1890—1910 г.).

Подъ редакціей проф. **С. А. Венгерова.**

Содержаніе первой и второй книги: Программа изданія. Проф. *С. А. Венгерова.*—Этапы нео-романтическаго движенія. Проф. *С. А. Венгерова.* Дѣятели періода переоцѣнки всѣхъ цѣнностей. К. Д. Бальмонтъ. *Автобіографическіе матеріалы для біографіи Бальмонта.*—К. Д. Бальмонтъ. *Проф. Е. В. Аничкова.*—Валерій Брюсовъ. *Автобіографія.*—В. Я. Брюсовъ. *Ѳ. Д. Батюшкова.*—З. Венгерова. *Автобіографическая справка.*—В. Вересаевъ. *Автобіографическая справка.*—В. Вересаевъ. *В. Л. Львова-Рогачевскаго.*—З. Гиппіусъ. *Автобіографическая замѣтка.*—З. Н. Гиппіусъ *Валерія Брюсова.*—М. Горкій. *Редакціи.*—Максимъ Горкій. *В. Л. Львова-Рогачевскаго.*—Л. Гуревичъ. (Исторія „Сѣвернаго Вѣстника").—12 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ.

„Русская литература XX вѣка" составитъ около 85 листовъ, то-есть около 1,400 страницъ большого формата, и будетъ богато иллюстрирована портретами писателей, воспроизведенными меццотинто-гравюрой и въ краскахъ. Изданіе выходитъ книгами по 7—8 листовъ каждая, всего книгъ будетъ около 12-ти.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 руб. и при полученіи каждой книги по 1 руб. 60 коп. и, сверхъ того, по 10 коп. за переводъ платежа.

Продолжается подписка на другія изданія т-ва „Міръ".

Итоги науки. Подъ редакціей проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича.

Русская Исторія съ древнѣйшихъ временъ М. Н. Покровскаго.

Исторія русской литературы. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго, акад. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго и П. Н. Сакулина.

Исторія западной литературы. Подъ ред. Ѳ. Д. Батюшкова.

Силуэты русскихъ писателей. Ю. И. Айхенвальда.

Современная скульптура. 40 меццотинто-гравюръ съ текстомъ Сергѣя Маковскаго.

Допускается разсрочка платежа. Проспекты безплатно.

Главная контора т-ва „Міръ". Москва, Знаменка. 9. Телефонъ 137-31.

Санаторій „СОКОЛЬНИКИ“

Д-ра Н. В. СОЛОВЬЕВА.

Москва, Сокольники, Поперечный проѣзъ. Телефонъ № 3-84.

Оборудованъ новѣйшими физическими методами для лѣченія болѣзней **нервныхъ, внутреннихъ, обмѣна** и т. п. По роскошнымъ удобствамъ и научной постановкѣ не уступаетъ лучшимъ заграничнымъ. Проспекты по требованію.

Справки на мѣстѣ или у владѣльца: Мыльниковъ пер., собств. домъ. Телефонъ № 102-77.

Книгоиздательство В. П. РЯБУШИНСКАГО.

Москва, Кудринская Садовая, д. 6.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга:

Выпускъ третій **Изслѣдованій и работъ по политической экономіи и общественнымъ знаніямъ**, издаваемыхъ подъ редакц. П. Б. Струве.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе. Отдѣлъ I. Хозяйство и общество. Отдѣлъ II. Цѣна-цѣнность. Стр. XXXV + 358. Ц. 3 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ХОЗЯЙСТВО и ЦѢНА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Критика нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи.

Глава I. Проблема производства и проблема вмѣненія. Глава II. Проблема т. н. „распредѣленія“. Глава III. Политическая экономія и бухгалтерія. Глава IV. Цѣна и доходы. Глава V. Доходъ и капиталъ. Глава VI. Заключеніе. Экскурсы и указатели къ обѣимъ частямъ.

Петръ Струве.

КРѢПОСТНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Изслѣдованія по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв.

Содержаніе: I. Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в. II. Попытки артельной организаціи крѣпостныхъ крестьянъ. III. Крѣпостная статистика. IV. Изъ исторіи идеи крестьянскаго землеустройства. V. Первая попытка возбужденія крестьянскаго вопроса въ царствованіе Александра II. VI. Маклеръ слугъ и рабочихъ людей. VII. Два отзыва (о книгѣ В. Г. Бажаева и И. И. Игнатовичъ). Стр. 340 съ тремя таблицами и діаграммой. **Цѣна 2 руб.**

Изданіе М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ. Москва, Тверской бульваръ, 6.

Книгоиздательство „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Только что вышла новая книга:

А. Бергсонъ.

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦІЯ.

Единственный авторизованный переводъ съ французскаго В. А. Флеровой. Съ портретомъ автора. Стр. IX + 332.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

Частныя лица, выписывающія книги изъ книгоиздательства (Петроградъ, Нюстадская, 6) непосредственно, за пересылку не платятъ. Для книгопродавцевъ складъ изданій—при типографіи т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Москва, Пименовская ул., соб. д.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продается книга (изданіе Д. Е. Жуковскаго):

Петръ Струве.

PATRIOTICA.

Политика, культура, религія, соціализмъ.

Сборникъ статей за пять лѣтъ (1905—1910 гг.). Стр. 619.

Въ этомъ сборникѣ помѣщена статья **„Великая Россія“**, а также рядъ другихъ статей, посвященныхъ вопросамъ внѣшней политики. Въ сборникъ „Patriotica“ кромѣ того вошли статьи: „Къ характеристикѣ нашего философскаго развитія“, „Интеллигенція и революція“, „Интеллигенція и національное лицо“, „Герценъ“, „Левъ Толстой“ и „17 октября 1909 г.“ (сравнительная характеристика П. А. Столыпина и А. И. Гучкова).

Цѣна 3 руб.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Москва. 1914 г.

BINDING SECT. NOV 11 1975

AP
50
R8
g.35
kn.11

Russkaia mysl'

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 17 14 12 009 1